

Иса Капаев

БЕССМЕРТНАЯ СМЕРТЬ

ABSTRACTION IN NAGALA

**Светлой памяти
моего отца, писателя Суюна Капаева,
супруги, поэтессы Кельдихан Кумратовой,
моих друзей:
редактора этой книги Евгения Панаско
и учёного Арсена Кубаиова.**

Иса Капаев

БЕССМЕРТНАЯ СМЕРТЬ

Историческое эссе

Ставрополь
Шат-Гора 2004

ББК 63.5(2)
К 20

Автор благодарит З.Биарсланова, С.Арсланова и редакционно-издательскую группу «Шат-Гора» при АО «45-я параллель» за оказание содействия в осуществлении настоящего издания.

Редактор Евгений Панаско
Технический редактор Юрий Панаско
Корректор Айсе Капаева

Капаев И.С.

К20 Бессмертная смерть: Историческое эссе. — Черкесск. —
2004 г. — 520 с.

Историческое исследование, предпринятое известным писателем, посвящено истории иогайского народа. В течение многих веков она тесно переплетена с историей других народов России. Автор делает смелую попытку преодолеть толщу веков и огромные пространства, дабы вернуться к истокам. Его исследование заинтересует всех, кому небезразлична история народов, населяющих великую многонациональную Россию.

В соответствии с законом об охране авторских прав перепечатка отдельных глав и всего произведения запрещена. Всякое использование произведения возможно лишь с ведома автора.

ISBN 5-88197-001-2

© Иса Капаев, 2004

Я давно намеревался написать эту книгу. Древний мир всегда увлекал меня и пробуждал какие-то трепетные, сокровенные чувства. В шестом классе я испытал немалый восторг, когда увидел в учебнике по истории СССР карту с обозначением Больших и Малых Ногаев. Мы, представители национального меньшинства, в то время начинали чувствовать, что негоже афишировать своё происхождение. А тут, смотри, обозначение имени моего народа в школьном пособии!..

Однако позже эти карты в учебниках перестали печатать. Их исчезновение я не мог объяснить себе вплоть до зрелого возраста. Конечно, я подозревал, что в стране совершается какое-то идеологическое преступление, но не хотел верить в то, что можно обманывать большое количество людей... Тогда, в шестом классе, эта школьная карта с обозначением моего народа и последовавшее за этим таинственное исчезновение его названия заронили в сознание зерно сомнения в справедливости по отношению к моему народу и постепенно привело меня в ряды тех, кто был твердо убеждён в существовании у ногайцев тайной истории. Многие из моих соплеменников говорили о специальных закрытых архивах. Создавались легенды и небывлицы об уничтожении исторического материала, связанного с ногайским народом... (Должен заметить, подобные люди имелись не только среди моих соплеменников... Сейчас мы хорошо знаем, как советские идеологи коверкали историю всех народов, населяющих нашу страну, и каждому кажется, что степень их вины по отношению к их народу больше, чем к другому, хотя такое утверждение было бы неправомочно. Но чувство вполне естественное и объяснимое).

Я помню, как ходили слухи об изъятии органами госбезопасности книг современных авторов, таких, как «Аз и Я» О. Сулейменова и «Тюркский героический эпос» В. Жирмунского, выпущенных якобы по недосмотру цензуры. В том, что слухи эти имеют

основание, я лично убедился в 1976 году, когда купил двадцать экземпляров книги В. Жирмунского и подарил своим друзьям. Через некоторое время я посетил их дома. Книг не было ни у кого, даже у тех, кто собирал личную библиотеку. Я стал допытываться, куда они пропали. Все сетовали на то, что у них попросили почитать соседи, приятели и не вернули. Тогда я прошёлся по указанным ими адресам, но и там книг не оказалось. Одни говорили, что вернули книги хозяевам, другие, в свою очередь, ссылались на то, что и у них кто-то взял почитать, третьи и вовсе не знали, как могла исчезнуть книга. Все мои поиски были тщетны. Подобное случилось и с книгой Олжаса Сулейменова «Аз и Я», которая даже была выкрадена из моего дома. Я тоже стал подозревать всё те же вездесущие органы.

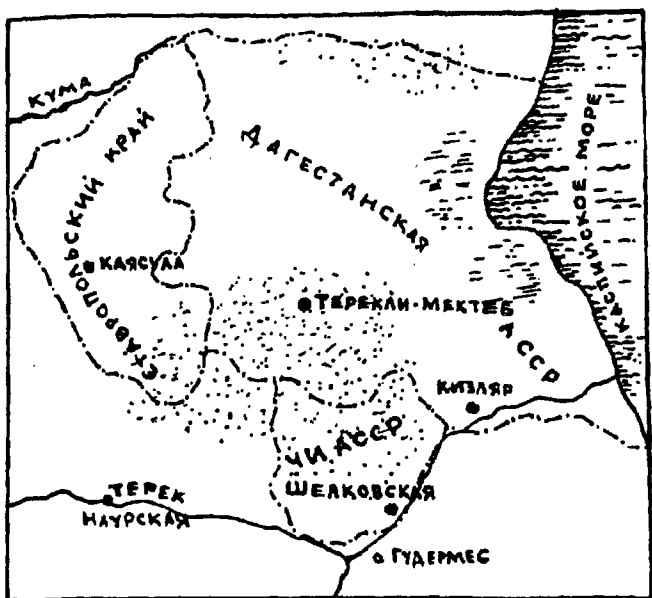
Ногайцами власти занимались во всех регионах их проживания. Они работали с нашим народом в своё удовольствие. Ведь управлять разобщённым, запуганным человеком легко. Что говорить о силовой структуре, если любой директор совхоза за короткий срок для упрочения власти набирал тайную агентуру из подчинённых.

В 1957 году вышел указ, в соответствии с которым Ногайская степь была разделена между Дагестанской АССР, Чечено-Ингушской АССР и Ставропольским краем. Власти, предчувствуя возмущение со стороны ногайской интеллигенции, днём и ночью вели превентивную работу. Многие лейтенанты стали майорами и переехали из районных в республиканские и краевые центры и даже в Москву. Долгое время мы наивно полагали, а многие и сейчас полагают, что Ногайскую степь, место компактного проживания ногайцев, разделили для того, чтобы компенсировать утраченное чеченцами после выселения (их земля была передана Дагестанской АССР). Нет! Конечно же, нет! У Хрущёва в послесталинском Советском Союзе и власти, и сил было достаточно, чтобы вернуть землю чеченцам-аккинцам, даже если она была бы заселена дагестанцами. В то время он одним распоряжением мог отдать бывший чеченский район Чечено-Ингушетии, вернувшимся этого хватило бы, всё равно они не поселились на новых землях, а вернулись в родные места в Дагестане. Дело было в другом: надо было ускорить процесс ассимиляции ногайцев!

Хрущёв не скрывал того, что намеревался быстро искоренить «инородцев», особенно в России. Закрывание национальных школ за пределами автономных республик и областей стало подтверждением и первым шагом позорного акта. Только открытое выступление грузинских партийцев остановило вандализм режима.

Но над ногайцами ЦК КПСС решил продолжить эксперимент. Не случайны совпадения, когда в 1957 году 9 января был издан указ о реформировании Кизлярского округа (в Ногайской степи)

на три административно-территориальных подчинения, а спустя всего неделю, 15 января, в Карачаево-Черкесии произошло переименование Икон-Халкского района (ногайское название) в Адыгге-Хабльский (черкесское название). В том же году в большинстве ногайских школ было прекращено изучение родного языка, затем многие ногайские аулы якобы для укрупнения стали сливать с населёнными пунктами, где преобладало иноязычное население, одновременно лишая ногайские аулы своих администраций. Чуть позднее повсеместно у ногайцев были ликвидированы колхозы и организованы совхозы (это проделывалось, чтобы руководители хозяйств не выбирались из своей среды)¹.

На рисунке: расчленённая Ногайская степь

Пожалуй, я ещё раз повторюсь, что не хотел заострять внимание на этих безобразиях, но, как говорится, сказал «А», говори и «Б». Оказалось, что у Хрущёва и его окружения были никудышные советчики, ведь расчленяя Ногайскую степь, они нанесли невосполнимый вред традиционно жившему на Северном Кавказе русскому населению: бездари расчленили мощную русскую этническую группу — терских казаков. В 70-е годы это население стало вынужденно покидать и Дагестанскую АССР, и Чечено-Ингушскую

¹ Из моего доклада на II съезде кубанских казаков (1996).

АССР. «Парад суверенитетов» и последующая война в Чечне усугубили положение казаков, они и вовсе лишились родины. Потомки терского казачества, которое всегда являлось оплотом русской государственности на Кавказе, воздадут должное хрущёвской клике и их последователям. Я в это верю.

Советские идеологи, экспериментируя с ногайцами, для создания невыносимой обстановки, вели неприемлемую для народа кадровую политику, намеренно не решали социально-бытовые вопросы, тем самым вынуждали людей покидать родные аулы. В поисках работы ногайцы массами уезжали на Север, где и сейчас живут целыми посёлками. Тотальным контролем науки, образования и культуры ногайцев занимались как на местах, так и в центре. Всё было негласно, скрыто. Один только факт изъятия средневековых карт с обозначением ногайских государственных образований из бывшего в ходу на территории всего Советского Союза школьного учебника говорит сам за себя. Это означало, что кардинально меняется историческая наука. Даже честные советские историки опускали почти трёхсотлетние взаимоотношения русского и ногайского народов.

Я очень близко к сердцу принимаю боль карачаевцев, балкарцев, ингушей и чеченцев, вернувшихся из депортации и заставших в своих домах чужих людей. Настырным, волевым и везучим удавалось выгнать самозванных хозяев. Многие же пострадали из-за того, что слишком сильно проявляли своё возмущение. Третьи, подвергнув себя ещё новым испытаниям, строились на новых местах. Мне понятна и близка боль крымских татар, среди которых много ногайцев — в 20-х годах всех ногайцев, проживавших в Крыму, переписали крымскими татарами. И из-за этого они так и не обрели родины...

12 апреля 1961 года с гордостью за свою страну, радуясь за своё коммунистическое будущее, я написал пылкое школьное сочинение о первом человеке, полетевшем в космос. Оно было признано лучшим в классе.

Конечно, я тогда ещё не знал, что всю свою сознательную жизнь буду жить в этой стране, как квартирант, с чувством, сродни чувству депортированного. Как будто чужой кулак приставлен к моему рту, чтобы я помалкивал о том, что эту землю считаю своей, и всю мою жизнь у меня будут пытаться отбить память о существовании этого моего собственного дома. Во все времена изгнанники могли петь о скорби, о тоске по родному дому. Нам не давали и этой возможности, больше всего боялись этой песни...

Нет! Не об этом моя книга. Оставим полоумного мародёра Хрущёва и его тупое окружение. Почти триста лет погибали русские люди, стремясь завоевать выход к Средиземному морю, за

победы России на Чёрном море пролиты реки крови... Один росчерк пера идиота лишил Россию заветной земли Крыма... Замечательный скульптор Эрнст Неизвестный поставил на могиле Хрущёва бюст — наполовину чёрный, наполовину белый. Мир восторгается памятником. Я тоже. Меня поражает гениальность скульптора, изобразившего вождя-шута. Это как рентгеновский снимок, который говорит о том, что страной правил патологически больной человек. Художникам я бы посоветовал нарисовать Хрущёва, танцующего гопака на карте России...

Нет! Не это главное в книге...

Я давно живу прошлым своего народа. Ощущение свободы далеко во тьме веков. Свобода духа, смысл жизни там... порой и моё настоящее начинает сливаться с прошлым, и я как бы живу одновременно тут и там. Об этом я писал, но не смог написать свою главную книгу — «Книгу сожалений». Мне не давали её писать. Методы давления на писателей хорошо известны. Поэтому я не стану повторяться. Я жил, как рыбка в аквариуме. При желании, конечно, я мог сбежать на Запад. Но что там делать? Кому там нужна правда моего народа?! Если здесь, у родных пенат, ты не смог взлететь, взлетишь ли там?! При мысли о Западе я всегда видел себя в тёмных углах морских портов... Потому что привык к тёмной жизни. А сейчас я, как собака, спущенная с цепи, к которой была прикована с самого детства. Такая собака не может уйти на свободу, она долго бегаёт вокруг своего кола...

Но я живу. Живу песнями древних сказителей, живу и участвую в деяниях своих могучих предков: пасу вместе с ними скот в древнем Крыму и на Волге, сею пшеницу на Кубани, с мечом защищаю свой родной юрт, отправляясь в поход для восстановления справедливости, сажусь на коня и вместе с тысячелетними батырами стою под стенами Константинополя или осаждаю Великую китайскую стену, охраняю Казань и Астрахань, Хорезм и Сарайчик, сижу у костра с копьём в руке, сочиняю песни и молитвы к Единственному, неделимому и Всеобъемлющему Тангри...

Когда жизнь человека становится невыносимой, когда нет будущего, мы уходим в свои воспоминания. Тогда, чем богаче твои воспоминания, тем богаче жизнь. Каждому человеку необходимо прожить прошлое своего народа. Недоросли, обалдуи, шуты вырастают из тех, кто лишён исторической памяти. Мы не несём ответственности за прошлое, но должны понять своих предков, чтобы не повторить их заблуждений, их ошибок, мы должны знать, чего они хотели, чему верили. В нас течёт их кровь, она пробуждает какие-то инстинкты, формирует характер, подсказывает пути постижения мира...

Нас хотели сделать сиротами, подкидышами, манкуртами. Ав-

торам этих проектов было бы легче управлять нами. Однажды лишённые исторической памяти люди в этой стране уничтожили миллионы своих сограждан. Они могли бы сделать из народа скопище пьяниц и наркоманов, живущих от глотка до глотка, от одной дозы до другой... и в конце концов сами бы кончили этим. Все мы рождены от отца и матери, и конец у нас одинаковый: три аршина земли или пакет пепла. Всё в мире взаимосвязано. Все наши поступки порождают соответствующую реакцию. Отчуждение порождает отчуждение, зло порождает зло, любовь порождает любовь. Мы все живём в одном аквариуме. Если появляется рыбка-пожиратель, то она умирает последней, но всё равно умирает... умирает — от однообразия, умирает — от одиночества.

ЯЗЫК — ФАКЕЛ ЖИЗНИ

В 1634 году в одном из монастырей Англии монашки в состоянии транса заговорили на совершенно незнакомом им латинском, греческом, турецком языках. В середине XIX века американка Лаура Эдмонда вдруг стала объясняться на неведомом ей классическом греческом языке. Учительница Иви Б. в 1931 году в трансе воспроизводила фразы, возникшие в мозгу человека, который умер 3500 лет назад в Древнем Египте. «Я слышу эти предложения, как будто кто-то произносит их прямо в моём мозгу», — говорила Иви Б.

(Из книги «XX век. Хроника необъяснимого»).

Это редкое явление называется ксеноглоссией. Оно подтверждает мысль автора о том, что в человеке заложена какая-то программа свыше. Одни добросовестно выполняют её на протяжении всей жизни. Другие с нею — не справляются...

ДОЛИНА АЖИТОГАЙ

Познание жизни у человека начинается со знакомства с миром сказок, легенд, преданий. В детстве мне их много рассказывала бабушка (так я называл сестру отца, она была на двадцать лет старше его), рассказывали и отец, и мать. Я слушал их с большой охотой, принимал близко к сердцу, многое из рассказанного ими запомнилось на всю жизнь. Будучи ребёнком, я знал, что до моего рождения была какая-то другая жизнь, и мечтал о том, чтобы поскорее вступить в неё и сделать свою жизнь легендой.

Услышанные сказки и легенды я очень любил пересказывать своим сверстникам. Но уже в дошкольном возрасте мои рано созревшие приятели мало верили этим рассказам. Кто-то относился к ним безразлично, кто-то насмехался, меня называли выдумщиком. Возможно, тогда я и стал понимать, что грядущая жизнь легендарной не будет и, столкнувшись с обыденностью, замкнулся в себе. Однако продолжал с любопытством слушать рассказы взрослых, особенно бабушки. Она во всём мне потакала и, если я просил пересказать какую-нибудь сказку, охотно соглашалась. К школе у меня почти сформировался внутренний мир, а став учеником, я понял, что есть отличная от моего мира иллюзий действительность, и я, как всякий начинающий школьник, устремился познать её.

Первое соприкосновение с древностью у меня также произошло в дошкольном возрасте. Мы, ребятня всей округи, ходили за дикими абрикосами в дальние лесополосы, что располагались на горной возвышенности за аулом.

Однажды, возвращаясь, изменили обычный маршрут и забрели к пустой яме возле птицефермы. Яма была давно очищена от силоса и просторна, как современный бассейн. Спустившись в неё, мы решили поиграть. Вдруг один из наших товарищей заметил в обвалившейся земле у стены странный предмет. Мы подошли ближе и увидели, что в стене ещё много таких предметов. Мы стали их

вынимать. Однако никто не мог понять, что это, пока возле ямы не остановился проезжавший мимо аульчанин и не заинтересовался нашими находками. Он слез с коня и начал рассматривать их. Поняв, что это человеческие кости, он поругал нас за то, что забрели в неположенное место. Начав ковыряться в земле, аульчанин наткнулся на череп человека. Он даже позволил нам потрогать его руками. Вытащив из голенища сапога камчу, принялся обваливать её рукояткой стенку, обнаружили ещё кости.

Когда он извлёк из земли ржавый металлический предмет, мы увидели, как заблестели его глаза. Велев нам ничего не трогать, он поехал в аул. Вскоре вернулся с другом. Они привезли с собой лопату и начали копать. В разрытой земле оказалось много разноцветных бусинок. Мы с радостью их подбирали: кто в картуз, кто в карманы штанов, кто просто в руку. Мужчины тщательно просеивали руками землю и, находя какой-нибудь предмет, откладывали в сторону.

Тогда я и не предполагал, что за всем этим последует. Через несколько дней приехали люди из района, нас допросили, а пастухов Османа и Кызыл-Харуна (аульчанина и его друга) увезли в райцентр. После их отпустили, а по аулу пошёл слух, что мужчины обнаружили клад золота, хотя на самом деле его не было. Меня удивило, что всё найденное власти изъяли. Я же свои бусинки утаил. Они были такие диковинные, что мне не хотелось с ними расставаться.

Однажды бабушка нашла мои цветные бусинки и спросила, откуда они. Услышав мое объяснение, она сильно испугалась и забрала бусины. Когда мы с ней отправились по воду, она подошла к высокому берегу Кубани, и я пошёл следом. Бабушка повернулась спиной к реке. Велев мне сделать то же самое, вытащила из кармана передника бусинки и, продемонстрировав их мне, бросила через левое плечо в воду.

Из её объяснений я понял, что бусинки извлечены из могилы человека и принадлежат захоронённому, из могилы же ничего брать нельзя. Я узнал, что у этих бусинок есть *кие* (божество-хозяин), который может жестоко наказать отобравшего у него личные принадлежности...

Мне вспомнилось, как однажды мы с матерью сажали картофель. Копая землю на огороде, мать извлекла из неё топор. Он был без топорича, но почти не покрыт ржавчиной. Я очень обрадовался и, схватив находку, стал её рассматривать. В аулах тогда топоры считались большой редкостью. Но мать остудила мою радость, забрав топор из моих рук. Она прошла мимо нашего огорода, остановилась в дальнем углу, повернулась спиной к пустырю и бросила находку через левое плечо. Мне было жалко хоро-

шую вещь, но мать сказала, что чужое брать нельзя, что у него есть *кие*, которого не надо гневить.

Я продолжал доказывать, что топор кто-то потерял, и что толку, если он будет валяться в поле. Однако мать твёрдо стояла на своём: «Откуда ты знаешь, что случилось с хозяином? Если его нет в живых, то тень ищет все его вещи, а *кие* обязательно покарает тех, кто незаслуженно овладел его добром».

КИ + ИЕ — божество-хозяин, хозяин святыни — это слово глубоко запало в моё детское сознание. В жизни было много моментов, когда я находил утерянные вещи и сразу вспоминал слова бабушки и матери, поэтому я либо совсем не трогал находки, либо относил куда следует... Знакомясь с литературой о древних монголах, прочитал цитату из китайских источников: «...они не поднимут на дороге утерянных чужих вещей».

До выселения в Турцию, т. е. до конца XVIII века, ногайцы жили по главным рекам Северного Кавказа. Были поселения по Лаббе, Кубани, Большому и Малому Зеленчукам, Калаусу, Сабле. Кочевья простирались по Тереку и вдоль Каспийского моря до владений кумыкских шамхалов, до Терков. По Кубани ногайские поселения и кочевые стойбища доходили до самой Тамани, они огибали Азовское море и проходили по степному Крыму до Буджака. Эта территория, которую заселяли ногайцы, была единой, от Буджака до верховьев Кубани проходила граница Крымского ханства. Оставшиеся на востоке ногайцы жили свободно, не платя дани, однако имели политическую зависимость от крымских ханов, а группа сулакских ногайцев — от Тарковского шамхала. После последнего выселения (середина XIX века) небольшая часть ногайцев осталась в степном Крыму, в верхней части Кубани, несколько аулов — по левому берегу Зеленчука и один аул — на Куме. Данные о выселении ногайцев из Прикаспийской низменности очень скудные.

Ногайцы занимали те же земли, что и предшественники их, кипчаки, а ранее — печенеги. Правда, территории на Яике, Волге и Дону, где также искони жили ногайцы, были ими окончательно утрачены в середине XVIII в. в связи с экспансией царизма и калмыцких тайши.

Я родился в ауле Орак-эли, расположенном на берегу Кубани. В довоенное время он был переименован в Эркин-Юрт. Старое название аула имеет глубокие исторические корни. Когда у ногайцев называли селение и добавляли слово «эль», означающее буквально «страна, родина», — всегда имелось в виду, что это коренной *юрт*. Юрт — это оседлое селение. К примеру, астраханские юртовские ногайцы — это оседлые ногайцы Астрахани. Это слово в правильном понимании сохранено донскими казаками, которые объединяют родовые станицы в казачий юрт.

Войлочное жилище у ногайцев бывает двух типов. Одно из них — лёгкое, сборное, предназначавшееся для молодоженов и сезонных перекочевков — называлось *отау*, большая же юрта, разборная, нарядно украшенная, со всем домашним скарбом, имела название *терме*. Этимология названия *терме* исходит из слова *торь*, что значит почётное место в помещении, или слова *торе*, означающего: господин, судья. Убранству ногайских жилищ посвящена обширная литература, прежде всего хочу отметить труды ногайского ученого Рамазана Керейтова и книгу моего отца, Суюна Имамалиевича Капаева, «Ногайский дом».

Иногда своё селение мы называем просто Орак-аул. Аул — сугубо ногайское название. Оно бытует у родственных ногайцам народов: казахов и каракалпаков. В языках народов Кавказа этого слова не было. Так, адыги свои селения называли *хабль*, карачаевцы и балкарцы — *эль*, *джурт*, кумыки — *юрт*. По примеру ногайцев русские все селения стали называть аулами. В последнее время через русский язык название *аул* заимствовано почти всеми кавказскими народами.

Мой аул носит имя знаменитого ногайского героя Орака. Он был одним из сыновей правителя Ногайской Орды Мусса-бия, а тот, в свою очередь, приходился правнуком самому Эдиге — основателю Ногайского государства.

У нашего народа сохранилась героическая песня «Орак и Мамай», где воспеваются деяния детей Мусса-бия. Орак имел двух сыновей, о которых тоже сложена историческая песня под названием «Казый и Карасай».

Казый — широко известная и крупная личность. Он воевал против родного дядя Исмаила, злодейским путём занявшего место правителя Ногайского государства. В результате их вражды Орда разделилась на две части. Казый покинул Сарайчик и основал на Кавказе государство Малая Ногайская Орда. Роды, живущие в моем ауле, принадлежали отцу Орака, поэтому селению и было дано его имя. На русском языке аул назывался Ураковский, железнодорожная станция так называется и поныне. И как уже было сказано, в 30-е годы аул был переименован на советский лад в Эркин-Юрт, что в переводе означает Свободное селение.

Орак был легендарной фигурой, о нём и его деятельности немало говорится в исторических документах. В отличие от многих своих сородичей, он дорожил дружбой и сохранял верность русским государям.

Память о нём осталась и в топонимике волжского региона. По данным В. М. Жирмунского, на Волге известен «Ураковский перекат близ деревни Ураковой, между Казанью и Чебоксарами, и Уракова гора (Ураков караул) на правом берегу Волги, в 30 км выше

г. Камышина» [1, 448]. В ногайском эпосе о его гибели рассказывается так: Орака убивает его брат Калю (юродивый) по наущению Исмаила.

В. М. Жирмунский¹ в своём замечательном исследовании отмечает 1538—1548 годы как время исчезновения Орака с исторической сцены. За Исмаилом тянется кровавый шлейф, главным его преступлением считается коварное убийство брата Юсуфа, отца знаменитой царицы Суумбийке.

Юсуф долгое время правил Ногайской Ордой. По историческим и фольклорным данным, у их отца Мусса-бия было тридцать сыновей, и история Орды изобилует случаями несогласия и вражды между ними. Вражда Юсуфа и Исмаила привела Ногайскую Орду к расколу. Противоборство было и раньше: в 1430 году один из сыновей Эдиге Мансур искал убежища в Москве, оттуда с большим количеством людей бежал в Крым, и одно из известных ногайских племен получило название Мансур. Основатель Белгородской Орды в Буджаке Кантемир являлся потомком Мансура, его орда сыграла видную роль в крымских и молдавских делах. Кантемир был казнён в 1637 году в Стамбуле, а его потомки правили Ордой до конца XVIII века.

Казый был сторонником Юсуфа и, когда тот погиб от руки родного брата Исмаила, он выступил против злодея. Казый опирался на улусы, расположенные с давних пор в предкавказских степях и на Кубани. Сплотив сильную оппозицию, он вместе с остатками потомков Токтамыш-хана, ярых врагов своего прародителя Эдиге, покинул берега Волги и Яика. На Кубани к нему присоединились князья из рода Мансуров. Казый женился на кабардинской княжне и тем самым скрепил союз с Кабардой. Из переписки с московскими государями видно, что Исмаил боялся Казыя больше, чем внешних врагов. Независимость Малой Ногайской Орды продолжалась недолго. Вскоре происходит её сближение с Крымским ханством, а затем она становится вассалом Крыма.

До покорения Россией Крыма кубанские ногайцы, как и западные ногайские улусы, являлись основной военной силой ханства.

Надо отметить, что и Казанское, и Астраханское ханства, возникшие на обломках Золотой Орды, опирались на ногайскую военную силу и существовали до тех пор, пока имели эту поддержку. Ханы и в Казани, и в Крыму ради этой поддержки заключали династические браки с дочерьми ногайских правителей. Сохранилась обширная переписка внучки Мансура, знаменитой ханши Нурсал-

¹ Библиография приведена в конце главы. За номером источника после запятой следует страница.

тан с Иваном III. Эта великая женщина сыграла огромную роль в истории Крымского и Казанского ханств, будучи замужем за правителями вначале одного, а затем другого государства.

В 1549—1554 годы, когда Ногайской Ордой правил Юсуф, Казанское ханство для Московского государства представляло грозную силу. Казанью управляла родная дочь Юсуфа Суюмбийке. Но после убийства Юсуфа ногайским правителем стал Исмаил, Суюмбийке не могла рассчитывать на поддержку убийцы отца. Иван Грозный воспользовался благоприятным моментом, и несмотря на яростное сопротивление гвардейцев царицы и жителей ханства, оно было покорено. Исмаил-бий не пошёл против своего друга Ивана Грозного...

Та же участь постигла и Астраханское, и Сибирское, и Крымское ханства. В этих государствах ногаи представляли нечто вроде регулярной армии. Экспансия московских государей осуществлялась за счет решения главной проблемы, проблемы отторжения народа-войска. Такое решение позволило захватить эти государства без особого труда. Долше всех продержалось государство Крымских ханов, опиравшееся на Западный и Восточный Ногаи. В Восточный Ногай входили кубанские ногайцы (в исторической литературе их называли по-разному: то по имени главного бия, верховного князя, предводителя знати, то по названиям главных объединений, в русских документах они известны под названием Касаевской, Каспулатовской, Кипчатской орд или под общим названием кубанские татары, а при установлении границы по Кубани в конце XVIII века они стали называться за кубанскими татарами).

Мой аул расположен в пойме Кубани, сверху над ним тянется возвышенность, на которой расположена прекрасная долина Ажи-Тогай. Она расстилается от берегов рек Малый и Большой Зеленчук до впадения речки Уруп в Кубань.

В 1836 году в журнале «Современник» великий русский поэт А. С. Пушкин опубликовал художественный очерк «Долина Ажитугай» ногайского князя Султана Казы-Гирея. Из-за фразы А. С. Пушкина в послесловии: «Сын полудикого Кавказа становится в ряды наших писателей: *черкес* (выделено мной — И. К.) изъясняется на русском языке свободно, сильно и живописно», вся адыгская интеллигенция подняла на щит и провозгласила Султана Казы-Гирея адыгским просветителем.

Ногайцы, как и все тюрки, как и весь мусульманский мир, адыгов называли черкесами, но народы, живущие в отдалении, часто этим псевдоэтнонимом называли почти всех выходцев из Северного Кавказа, а во времена А. С. Пушкина русские люди называли черкесами всех горцев Северного Кавказа. Из-за этой ошибки адыгским просветителем стал не только Султан Казы-Гирей, но и аба-

зинский писатель Адиль-Гирей Кешев (псевдоним Каламбий), автор замечательных кавказских рассказов.

А. С. Пушкин в своём послесловии, называя писателя черкесом, делает оговорку, что Султан Казы-Гирей является «потомком крымских Гиреев», очевидно, чувствуя, что «черкес» — это не совсем точно. Видный ученый, академик из Армавира В. Б. Виноградов в нескольких статьях доказывает, что Султан Казы-Гирей являлся ногайским князем и жил среди ногайцев. Первым затронул эту тему ногайский ученый, академик Тюркской академии Рамазан Керейтов.

Султаны — это отпрыски ханов. В ногайском языке это означает «царевич», а в ранней исторической литературе были более распространены слова «оглан» и «улан», тоже подразумевавшие ханских детей. Султаны, как сословие, имелись среди казахов и кочевых узбеков. Известны они и среди адыгов. Для укрепления своей власти не имеющие права на престолонаследие дети крымских ханов получали имения в провинциях, в частности, на Северном Кавказе. Зачастую подвластные племена приглашали их на содержание.

Среди таковых известен род Султана Хан-Гирея, выросшего среди черкесов. Он присягнул России, получил высокий чин и написал в колонизаторских целях труд «Записки о Черкесии». Впоследствии родственники отравили его *кумысом* (выделено мной: адыги никогда не пили кобыльего молока — *И. К.*).

Султаны, жившие среди ногайцев, представляли две ханские ветви, тянувшиеся от ханов Синей Орды, поколения Токтамыш-хана. Крымские Гирей первоначально исходили из этой линии, но, отделившись в начале XV века, создали собственную династию. Долгое время они враждовали со своими сородичами, правившими, а затем утратившими власть в других ханствах. После упразднения Казанского и Астраханского ханств токтамышевские султаны примыкали к различным группировкам в Ногайской Орде, они, как уже упоминалось, примкнули к потомку Эдиге Казыю и оказались на Северном Кавказе. Но среди ногайцев были султаны, имеющие прямое отношение к крымским Гиреям.

В конце XVIII века, после покорения ногайцев, все знатные фамилии, в том числе и все султаны, присягнули русскому царю, получили воинские звания и со своими людьми участвовали в военных действиях.

По данным исторических документов, крымскую и раннюю токтамышевскую династии различить трудно. Имена, заканчивающиеся на слово «Гирей», не подчёркивают принадлежность к крымской линии, такие имена были широко представлены в среде знати, мы это видим и в случае с абазинским писателем Адиль-Гиреем

Кешевым. Пристав ногайского народа генерал-майор Султан Менгли-Гирей, генерал-майор Султан Казы-Гирей, командир горского полуэскадрона в царском конвое полковник Азамат-Гирей являлись представителями одной токтамышевской ветви и близкими родственниками.

Р. Керейтов в своей статье «Новое о Казы-Гирее» опирается на документы, которые адыгские учёные, к сожалению, не использовали. «Султан Казы-Гирей был одним из крупных ногайских феодалов», — пишет Р. Керейтов и цитирует архивные данные:

«Генерал-майор Султан Казы-Гирей прослужил более 37 лет и в последнее время состоял при Кавказской армии. Участвовал в походах и сражениях в 1827-м, 1830—31-м, 1843—45-м, 1850-м, 1854—55-м годах. За проявленное мужество и храбрость удостоился орденов Св. Владимира 4-й степени с мечом и бантом, Св. Анны 2-й степени, получил золотую шашку с надписью «За храбрость». Одно время он командовал созданной для несения кордонной службы на Северном Кавказе Ногайской милицией, сам служил в должности бригадного командира в станице Баталпашинской...»

Султан Казы-Гирей скончался в апреле 1863 года. При жизни ему было выделено 5 тысяч десятин земли и большая пенсия. Читаем далее у Р. Керейтова:

«О пенсии мы узнаём из письма военного министра дочери Казы-Гирея — Шах-Султан-хани, проживавшей в ногайском ауле Ураковском (мой Орак-аул — И. К.). Ей сообщалось: «...в путях монаршего милосердия, дочерям генерал-майора Султан Казы-Гирея выделить пожизненную пенсию из казны по 430 руб. каждой, а всего 860 руб. в год, т. е. полный оклад пенсии, выслуженной их отцом» [2].

Есть ещё одно свидетельство того, что полковник Султан Азамат-Гирей и писатель Султан Казы-Гирей — родственники. Оно в науке не использовалось. Это собственное письмо Султана Казы-Гирея правителю Кавказа барону Г. Розену, опубликованное в книге И. К. Еникополова «Пушкин в Грузии и под Эрзрумом».

«Ваше Высокопревосходительство! Милостивый Государь!

Пользуясь милостивым позволением Вашего Высокопревосходительства, имею честь изложить причины, вынуждающие меня беспокоить Вас.

Дело моё с майором Тагановым оставлено нерешённым до возвращения из С.-Петербурга полковника Султана Азамат-Гирея. Вследствии этого родственники мои Султаны требуют, чтобы я до того времени не ездил в тот аул, где живёт мать моя и майор Таганов, и вместе с тем не уезжал бы с Кавказской линии. По сей причине не имея возможности окончить домашние дела, я уговорил моих родственни-

ков, всех Гиреев, живущих между различными племенами, переселиться для совместного жительства со мною за Кубань, на реку Уруп, и, будучи избран родственниками ходатаем за них в сем деле у высшего начальства, просил я генерал-лейтенанта Вельяминова дозволить нам всем и мне из мест моего жительства, Тохтамышенского аула, и равно изъявившим желание на сей переход из оного аула со мною двадцати домам, которые не принадлежат никому из тамошних владельцев, на что получил отказ. Потом я просил Его Превосходительство дозволить мне с вышеупомянутыми двадцатью семействами переселиться на другое место, так же за Кубанью против Баталпашинской станицы, и если же сего нельзя, то принял бы на себя труд назначить другое удобное место, для жительства внутри Кавказской области с теми же семействами, на что получил также отказ.

Вследствие этого, надеясь на Вашу ко мне благосклонность, осмеливаюсь утрудить Вашего Высокопревосходительства всепокорной просьбою доставить мне средство переселиться на одно из означенных мест или на то, которое будет угодно Вашему Высокопревосходительству назначить и тем доставить мне

Казы-Гирей. 1842 г.

возможность успокоить престарелую мать мою, у которой я остался единственной опорой, притом стесненные мои обстоятельства известны Вашему Высокопревосходительству.

Повергая все упомянутые просьбы на милостивое внимание Ваше, я смею надеяться, что Вы не оставите меня Вашим покровительством, коим до сей поры я имею счастье пользоваться.

С глубочайшим почтением и беспредельною преданностью честь имею быть к Вам всегда

Вашего Высокопревосходительства

Поручик лейб-гвардии Кавказского полуэскадрона

Султан Казы-Гирей

13 апреля 1837 года

г. Ставрополь».

В письме, видимо, идет речь о наследственной вражде между сословиями. Султаны не уживались с домом Эдиге до самой Октябрьской революции. Токтамышевские султаны запрещали даже петь эпическую песнь об Эдиге, а Тагановы были из числа старших представителей Казыевского ответвления Эдиге.

Султанский аул на Урупе был основан вблизи Прочного Окопа. Из истории нам известны имена ногайских князей Султана Бакты-Гирея и Султана Давлет-Гирея, живших в том ауле. Но Султан Казы-Гирей не переселился туда. Он принял христианство и женился на красавице казачке Лучкиной, после жил и умер там же, в станице Беломечетской, в 1863 году, где и был похоронен по христианскому обычаю. Станица Беломечетская расположена напротив моего аула, на другом берегу Кубани. Дочь же писателя Шах-Султан-хани, ходатайствовавшая о пенсии отца, как и другая дочь, — дети от другого брака, т. к., став Андреем Андреевичем Султан Казы-Гиреем, их отец не мог наречь детей мусульманскими именами. К сожалению, о матери этих детей, как и о дальнейшей судьбе дочерей, документов не найдено.

Упоминаемый в письме майор Таганов представлял фамилию, известную как в ногайской, так и в кавказской истории. Правильное написание фамилии — Тугановы, в более поздних документах исправление было сделано. Дом князей Тугановых сохранился до сих пор, он расположен за железной дорогой, ближе к Кубани. Долгое время в нём располагалась больница, затем детский сад, а сейчас он перестроен под частный дом одним из жителей аула.

Наш аул, судя по добавлению «эль», был коренным и главным, но при царской администрации произошло смещение. Приставство, куда входил Орак-эли, стало называться Токтамышевским. Возможно, что это произошло из-за соответствующего состава населения или из-за географического положения. А возможно, причиной является возвышение при царской администрации Султана Азамат-Гирея и Султана Казы-Гирея, которые могли убедить администрацию в привилегированном положении ханской фамилии.

Кабардинский ученый Т. Кумыков, написавший труд о жизни и деятельности Султана Казы-Гирея, знакомый с текстом его письма по книге И. Ениклопова, преднамеренно избежал даже упоминания о письме. Данные из статьи Р. Керейтова, вероятно, были известны Т. Кумыкову, но о дочерях писателя он тоже решил умолчать. Все эти факты подтверждают ногайское происхождение писателя. Да и в самом очерке «Долина Ажи-Тугай» Султан Казы-Гирей с огромной любовью пишет о своей родной долине, в которой расположены аулы кубанских ногайцев, произведение дышит ногайской топонимией. Сама долина носит ногайское название, адыги просто не могли дать ей такое имя, которое переводится, как

Святая долина (*ажи* — святой, *тугай* — долина). Тенденциозный подход Т. Кумыкова виден и в том случае, когда к адыгской аристократии вместе с Султаном Казы-Гиреем он относит ногайских князей «майора Тугана Ахлова, прапорщика Ахло Ахлова и князей Наурузовых», а также абазинских владетелей «Арсланбека Дударукова и Адиль-Гирея Кешева» [3].

Князья Тугановы преданно служили царской армии, состояли в царском конвое. Фактически они принадлежали к самой богатой фамилии. Князья Ураковы, от имени которых происходит название моего селения, в самом ауле не жили, их усадьба находилась ниже по Кубани, возле нынешнего города Невинномысска. Земельное владение и хутор они имели около аула Карамурзай, что теперь относится к Кочубеевскому району Ставропольского края. Название хутора — Ураковский — сохранилось до сегодняшних дней, Князья Ураковы были владельцами какой-то части нашего аула. Хотя Тугановы имели больше подвластных и были богаче, аул не назывался их именем....

В долине Ажитогай вдоль берегов Кубани и обоих Зеленчуков на расстоянии двух-трёх километров тянутся древние курганы. Селения обычно располагаются в тех местах, где есть скопление нескольких курганов. Оставшиеся после переселения ногайцев в Турцию семь ногайских аулов находятся близко друг от друга, на расстоянии десяти-двенадцати километров. В пору моего детства люди из одного аула в другой передвигались пешком, потому что транспорта почти не было.

Ногайцы издревле жили с лошадьё: каждый имел хотя бы по одной. Но при советской власти, а именно Хрущёвым, была поставлена точка. Тогда всю тягловую скотину отобрали поголовно. Местные руководители, угодничая Москве, отобрали у людей даже ишаков. Я помню, как в оставшихся со времен войны окопах по приказу властей отстреливали этих животных.

В детстве мне тоже приходилось ходить пешком в соседние аулы. Проехать на арбе или лошади для нас, детей, было настоящим праздником. Несмотря на запреты, некоторые аульчане умудрились держать лошадь или ишака.

Наш родственник Абдулла в больших деревянных бочках на арбе возил воду по бригадам. Это был загорелый, с чёрным, как сажа, лицом, никогда не выпускающий из зубов трубку, с лихо закрученными кончиками седых усов, весёлый старик. Он всегда улыбался, и ему отвечали тем же даже самые угрюмые люди в ауле. Дети в нём души не чаяли, для нас было счастье покататься на его арбе.

Он редко кому из ребятни в этом отказывал и всегда ездил, облепленный со всех сторон мальчуганами: один поводья держит,

другой кнутом погоняет, третий Абдуллу за шею обнимает, а хозяин арбы весь сияет от радости и пыхтит своей трубкой. Как-то он захватил меня с собой, и мы с ним отправились в долину. Я был очень рад, так далеко за пределы аула редко кому из детей удавалось выехать.

Абдулле нужно было накосить травы для скотины. Мы поехали по старой дороге, что тянется над аулом, вдоль курганов. Старик, к моему удовольствию, поехал до самого Шабаз-аула (современный Адиль-Халк). Травных мест было полно, он действительно хотел мне доставить радость. Ехали медленно. Помню, Абдулла что-то напевал, а я вторил ему в такт. Хотя расстояние было приличное, мы не успели это заметить и вскоре остановились возле высокого зелёного кургана. Абдулла оставил лошадей щипать траву, а сам начал косить.

Я взобрался на вершину кургана. От увиденного у меня дух захватило. Казалось, что я нахожусь где-то по соседству с белыми облаками. Внизу ленточкой серебрился Малый Зеленчук, виднелась зелёная роща вдоль Кубани, а там, на высоком берегу, и станица Беломечетская. Но больше всего притягивало к себе взор небо. Почувствовав себя небожителем, я стал кружиться, затем кубарем скатился вниз. Это мне понравилось, я опять взобрался наверх и продолжил беззаботную игру. Когда Абдулла накосил травы, он собрал её в копну и разместил на арбе. Завершив работу, он позвал меня к себе:

— Этот курган называется Янболат-тобе, — начал он, усаживая меня. — Мы с тобой сегодня много курганов проехали, почти у всех есть названия, старожилы помнят. Эгиз-тобе (Близнецы-курганы), Сыйр-тобе (Корова-курган), Оба-тобе (Поглотивший курган)... А этот назван по имени человека, — повёл он по сторонам зажатой в зубах трубкой, — что, в общем-то, редко. Древние старались скрыть имя похороненного. А у этого имя есть. Мне отец, а ему дед рассказывал об этом кургане. Говорят, в нём зарыты большие сокровища, среди них знаменитая ханская тачанка. Чем она знаменитая? — сощурив глаза, мечтательно заулыбался старик. — Тем, что золотая...

— Абдулла, а ты золото видел? — спросил я.

— Видеть видел, но в руках не держал. Во время войны в ауле один русский офицер с золотыми зубами ходил. Очень дорогой металл. Очень!!!

— Надо раскопать курган, и ты сразу богатым станешь! — выпалил я.

Абдулла замотал головой, затем наклонился ко мне, направив трубку прямо на мой нос, и тихо, но внушительно сказал:

— Нельзя, сыночек. *Кие* ударит, накажет, и никакой пользы от

этого богатства не будет. Я тебе расскажу, почему этот курган называли именем Янболата... Тут рядом, в Шабаз-ауле, жил джигит по имени Янболат. Он, узнав о сокровищах, закопанных в кургане, и знаменитой золотой тачанке, решил тайком достать их. Пришёл сюда с лопатой и стал копать. Неожиданно наткнулся на череп лошади, нагнулся, чтобы отбросить его в сторону, но только протянул руку, как из черепа выползла змея и ужалила его. Янболат еле добрался в аул, и как ему ни старались помочь: и кровь отсасывали из раны, и кислым молоком отпаивали — ничего не помогло, умер. После этого называли курган его именем. А наказал джигита *кие* — хозяин святыни в облике змеи. Говорят, что змеи на всех курганах есть, понял?..

Я кивнул, потрясённый рассказом.

ВОЛЧИЙ ВОЙ НАД КУРГАНАМИ

Как ни странно, но эти две истории с курганами — когда мы нашли бусины и история с черепом, рассказанная Абдуллой, — вселили в мою душу интерес к старине. На всю жизнь я запомнил, что за грозным *кие* стоит загадочный, покрытый мраком неведомый мир.

Став взрослым, я побывал во многих местах и везде видел курганы, похожие на Янболат-тобе. Я их видел на Дону, на Волге и Яике, на Тоболе, в Крыму и в степном Дагестане. Курганы были так похожи друг на друга, будто их соорудил один человек. Ещё сто лет назад на многих из них стояли Баба-тасы (Камни предков). Когда ещё не было ни городов, ни лесополос, с одного кургана на другой можно было подавать знаки. Любой чужестранец, въезжая на незнакомую территорию и видя курганы, знал, что это обжитая земля. Только враждебно настроенный человек мог назвать эту землю Дикой степью. Для нас, ногайцев, земля от Иртыша до Дуная, от Оки до гор Кавказа — страна обетованная, вечная золотая колыбель, а её кургааны — немые свидетели нашей славной истории. Нас истребили, нас обобрали, нас разорили, но курганы помнят нас, они ещё хранят ценности материальной и духовной культуры ногайского народа. Мы немислимы без них, а они без нас.

Есть поверье о том, что ночью материализуются духи, хозяева курганов — *кие*, заблудившимся путникам силуэты курганов кажутся головами батыров. Эти поверья проникли в мифы и легенды других народов. Великий русский поэт А. С. Пушкин вдохновился одним из этих сюжетов.

У нас есть легенда о том, как пастух остановил огромное войско хромого Тимура. На вершинах курганов джигит сделал запас хвороста и, когда враг остановился на привал, на коне объехал эти рукотворные холмы и разжёг костры. Завоеватель был поражён внезапным появлением многолюдного войска, целый день, боясь продвигаться вперёд, он рассылал разведчиков, чтобы обнаружить войско...

Мы одно целое с курганами, в них лежат наши предки, в них наше начало и наш конец. Они — наш небосвод под Небосводом вселенной. Это наши подземные юрты — терме. Мы строили могилы своим предкам наподобие своих жилищ. У них у всех есть *кие*. О всевозможных карах Хозяина святынь есть тысячи легенд. Многие грабители, кладоискатели сполна испили чашу наказания. Не минет чаша сия и цивилизованных мародёров — археологов, наказаны будут и они, и их дети. Они будут разоблачены наукой и лишатся чести!

Люди придумают способы, наподобие углеродного метода, которые позволят определять не только время создания, но и создателей находящихся в подземных юртах произведений. И тогда будет доказано, что все эти гривны, подвески, браслеты, кинжалы и мечи производились не в мастерских Ирана, Византии, Рима и Китая, а делались тюрками-кочевниками в горах Алтая, в степных терме на Яике, Волге, в крепостях Крыма и на Кубани. В каждом ногайском ауле всегда был свой кузнец, свой сапожник, свой ювелир, и чтобы сделать подарок другу, дочери, гостю, не обязательно было ехать в Тавриз или Константинополь. Да и разве могли так называемые варвары и разбойники в своих набегах напасть на серебряных украшений, бус, перстней для своих дочерей! А ведь каждая девочка с рождения получала от родителей серебряные монеты для оберега, драгоценные серьги и кольцо. Всё это делалось в ногайских аулах и на Кубани, и в Караногое, и в Крыму, и на Волге...

Немало вреда нам наисла считавшаяся точной наука археология, вернее, заключения и выводы археологов. К счастью, известны учёные, которые признали это, заявив, что «версии определения археологической культуры, основанные на идее о её обязательном совпадении с этносом, приходится признать несостоятельными» [4].

Вот уже более тысячи лет мой народ борется с мародёрством. Мародёры-историки целые века искажали историю моего народа, они больше всех кощунствовали над памятью о наших предках.

Всемирно известный учёный, историк Л. Н. Гумилёв посвятил всю свою жизнь разоблачению мифа «чёрной легенды». Он был великим батыром степи! Тюрки и монголы многим обязаны великому воину-защитнику, заслуживающему, чтобы в память о нём был воздвигнут курган славы. Когда-нибудь каждый потомок кочевников кинет из подола своего шепкена землю на этот курган. Будет ли он сооружён на Алтае или на Волге, в Центральной Азии или в Крыму, но памятник великому историку будет стоять на нашей земле, его непременно воздвигнут.

Конечно, немало ещё ученых, чей героический труд никогда не подвергнется забвению. Среди них — В. Бартольд, В. Жирмунс-

кий, И. Бикчурин, В. Радлов... Сложнее обстоит дело с собственно тюркскими учёными, особенно с трудившимися в советской стране. В их работах всегда обнаружишь перетягивание одеяла. Являясь детьми одного отца, после дифференцирования народов они начали принижать своих братьев. И ногайцы, народ, лишённый какой-либо формы государственности, пострадали больше всех. С первых лет гласности, когда над наукой перестал тяготеть контроль, появилось множество дилетантских изданий. Такие «книжки» претендуют на научный уровень, в то время как авторами вымышляются факты и события, заимствуются предположения, гипотезы крупных историков, и всё это подаётся без указания источников. В связи с широким изданием книг выдающегося учёного Л. Н. Гумилёва появились десятки книг, где авторы перенимают его теорию евразийских ритмов, открытия по христианству тюрков и монголов, заключения по этногенезу и выдают всё это за собственные достижения. Достаточно назвать книгу М. Аджиева «Полынь половецкого поля», вышедшую огромным тиражом. Откровенное заимствование из книг Л. Н. Гумилёва в трудах М. Аджиева налицо, но одновременно его сочинения изобилуют ложными утверждениями, лишёнными какой-либо документальной аргументации. Таких трудов немало издано в Татарии, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Дагестане. Заниматься разоблачением низкопробной литературы — занятие не из приятных, но кое-каких сочинений мне придется коснуться. Я называю это неприятным занятием и объясняю словами одного крупного учёного: «Стоит ли Наполеону из сумасшедшего дома доказывать, что он не Наполеон Бонапарт, уроженец Корсики?»

Ещё в XVIII веке Жан де Люк видел своими глазами, как ногайцы насыпали курган [5, 178]. Последним курганом, воздвигнутым в Европейской части России, стало захоронение токтамышевского Султана Каплан-Гирея в начале этого века, которое и поныне находится в ауле Икон-Халк. От древних курганов его отличает сынтас, помещённый на вершущке в соответствии с мусульманской традицией.

В 1829 году трагически погиб Измаил Алиев, князь мангитовских ногайцев, живший на Средней Кубани. Известие о его смерти потрясло весь Северный Кавказ, все издания того времени откликнулись на смерть замечательного человека. Это был отважный и смелый воин. Сначала Измаил Алиев отличился чудесами храбрости, воюя против царских войск. Вскоре, после предательства со стороны горских князей и анапского пашы, он был вынужден перейти на сторону русских и тут обрёл славу своими беззаветными подвигами. Описанию жизни и гибели Измаила Алиева уделено особое внимание на страницах своего пятитомного труда историк

В. А. Потто или, как величает его научный мир, «Нестор Кавказской войны». А «Московский телеграф» о дне похорон князя писал так: «На площадке против измаиловых саклей стояли два коня, на каждом из них были надеты любимые его сбруи и повешено полное рыцарское его вооружение: панцири, колчаны со стрелами (при том, что в это время широко использовалось огнестрельное оружие — *И. К.*), сабли, луки и прочее. Вокруг находилась толпа жён и рабов. Измаилова жена, сестра и другие женщины были тут с распущенными по лицу волосами. Многочисленная толпа, стоявшая в кружок около Измаиловых лошадей, обращалась против течения солнца, плакала, кричала, драла волосы, царапала себе лицо» [6, 174]¹.

По древнему закону *ясак* вместе с хозяином должны погибнуть лошади, жёны, рабы, но ногайцы уже в средние века не выполняли досконально требований этого обычая, хотя в описанной картине чувствуются отголоски древнего ритуала: жёны и рабы по-прежнему требовали, чтобы их похоронили вместе с господином. Мы располагаем множеством устных рассказов о курганном захоронении знатных людей. Измаил Алиев был захоронен в кургане, на его похороны прибывали представители всех регионов обширного края, и каждый кидал землю с подола своей черкески. Описание похорон Измаила — последнее свидетельство о похоронах *торе* — знатного человека, последнего гунна, скифа, печенега, кипчака, ордынца, последнего западного кочевника-воина.

На протяжении многих веков обычай и тонкости *ясака* западных кочевников волновали воображение римлян, греков, арабов и персов... Интересно одно замечание у В. А. Потто, которое он делает в своём сочинении «Кавказская война»: несмотря на то, что Измаил, владелец улуса, имел трёх сыновей, «власть правителя переходила по народным обычаям не к прямым наследникам умершего, а к старшему в роду, которым в то время был племянник Измаила Эдигей, мальчик лет четырнадцати или пятнадцати». Подобная передача власти соответствовала закону *ясак*, которого придерживались все древние тюрки и монголы. История знает много фактов нарушения этого закона, поэтому возникали смуты и войны в различных государствах степных рыцарей. Но мы видим, что ногайцы сохраняли древний закон престолонаследия и в пору распада государственности.

Ногайцы, хотя и были мусульманами и, согласно научным источникам, соблюдали религиозные традиции ислама, вместе с

¹ Измаил Алиев, князь мангитовских ногайцев. — Московский телеграф, 1829, №12. (Цит. по: Ногайцы. — Черкесск, 1988, с. 174).

тем сохранили до сих пор и более древние традиции. Не все тюрки донесли до нынешних времен отголоски прежних верований так, как ногайцы. К сожалению, учёные обходили стороной этот факт.

Представители горских народов, в том числе и тюрки-карачаевцы, привыкшие к строгому, скованному выражению скорби по кавказскому этикету, отмечают отличия в современных ногайских обрядах похорон. Их поражает, когда за несколько десятков метров от дома умершего родственник, приставив ладони козырьком ко лбу, с громким и однообразным рёвом идет к дому покойного, в течение нескольких минут демонстрируя перед толпой *аваз* (голос, плач), и лишь после этого совершает *дува* (молитву) и приносит соболезнование близким. Другим народам, окружающим ногайцев, совсем не присущ коллективный плач. На кладбище ходят только мужчины; после совершения всех ритуалов, после того, как насыпан холм на могиле, близкие родственники торопятся в аул. Находясь довольно далеко от дома, они поднимают несмолкаемый рёв, и, когда входят во двор, их с таким же плачем встречает женская половина рода. В Караногае, где обычаи консервативны, как на похороны, так и на поминки собирается почти весь аул, и ритуалы проходят более впечатляюще.

Как-то раз я был свидетелем годовщины со дня смерти, которую отмечали в одной знакомой мне семье. После истечения года говорить о какой-то скорби, сильной печали не приходится, ведь все уже свыклись с потерей, но, несмотря на это, приходящие поднимали аваз на улице и демонстрировали его перед толпой в своем дворе. Самое удивительное, что у нас, на Кубани, и в Караногае, слёзы во время этого обряда не обязательны. Это — явно показное зрелище. Невольно возникает вопрос: с чем это связано? Я спросил у одного из караногайских аксакалов о значении этого обычая. Старик ответил мне кратко: «Чтобы умерший услышал о скорби».

Гагаузский ученый М. Губогло, ссылаясь на византийские источники, приводит следующий пример: «...В 1116 году после многочисленных атак на византийские войска кочевые тюрки Балканского полуострова возвратились на холмы, зажгли множество костров и всю ночь выли, как волки» [7].

В этой же статье М. Губогло, приведя подобные примеры из русских летописей, сводит смысл воплей к тотемическим представлениям половцев, к тому, что «выть по-волчьи после победы над врагом» у половцев было традицией буквального уподобления прародителю волку. Я не могу согласиться с выводом гагаузского ученого. Это был совершаемый на родине обряд поминания погибших в боях сородичей. Волчий вой отнюдь не напоминает торжество, наоборот, он отражает пронзительную тоску по другу.

Ногайский «аваз шыгару» имеет общую мелодику, толпа её выводит единым дыханием, и только неосведомлённому чужестранцу он может показаться воем волчицы. На похоронных церемониях после такой процедуры печаль, тоска доходят до каждого, и толпой овладевает одно чувство. Обряду почитания ушедшего ногайца уделяют большое внимание. Соотечественники, родственники свою сопричастность общему переживанию должны показать не в радостный день, а в тяжёлый день горя, скорби. И на Кубани, и в Караногае при известии о смерти необязательно родственника, но любого аульчанина ногаец должен поспеть к *яназы* (главной молитве над усопшим). Где бы он ни находился — в городе, на работе, на важном мероприятии, он бросает всё, надевает головной убор: шапку или фуражку — и спешит на похороны. Большое число участников похоронных процессий тоже является отличительной чертой нашего народа.

Особое почитание умерших — древняя и незыблемая традиция кочевников. Скорбь и сочувствие, как ни одно другое чувство, объединяют людей. Особенно сильно люди ощущали единение, когда поминали воина, вождя, погибшего в битве с врагом. «Как же я буду жить на свете, если не отомщу?!» — вздыхал каждый, глядя на возведённый курган хана или мурзы. То же самое думали простой уздень и его родня, глядя на холм брата или отца. По домусульманским представлениям ногайца человек, умирая, продолжал жить в мире теней, отражений, но одновременно он не прерывал связи со здешним миром, всё видел и мог оценивать поступки оставшихся на земле. Считалось, что если умерший не похоронен или обычаи были соблюдены недобросовестно, *сульдер* (отражение) может приносить в дома родственников зло. Если тело усопшего не захоронено, то его отражение может принимать облик животного, чаще всего оборачиваться кошкой или совой, и приносить болезнь или даже смерть. Наверное, из-за этого иогайцы в день похорон старались всех кошек держать взаперти. Возможно, такое отношение к этим животным выработалось потому, что кошки равнодушны к трупному запаху: случалось, они прыгали на труп. Отражение могло вселиться в старуху-*обыр* и по ночам доить коров, пить кровь у детей и скота. Поэтому требовалось соблюдать все тонкости похоронного церемониала, приносить жертву богу Тангри, которого древние тюрки и монголы называли Кок Тангри (Бог Неба). В ногайских погребальных песнях часто упоминается имя этого бога.

*Кара ер, сеннен несин коьрейим,
Тангри юмарт оьзиме,
Таьтли уйкысын бергеннен сонь.*

Чёрная земля, в чём тебя мне винить,
Если сама щедрость — Тангри
Сладким сном (смертью) меня одарил.

В ногайском языке имена бога: Аллах, Кудай, Тангри употребляются в качестве синонимов. С приходом ислама мусульманские персонажи перемешались с более древними, в фольклоре сохранилось устойчивое выражение: «Азраил Тангридинъ сыйлы маьлеги» (Азраил — почётный ангел у Тангри). Ногайцы имя бога употребляют без добавления «Кок» (Небо). Без добавления ясно, что Тангри — Небесное божество. Корень слова «тань — танг» обозначает лучшие представления ногайцев. Так, рассвет, утреннюю зарю ногайцы называют «танг», доброго человека — «танг адам», реку Дон — «Танг су», редкостный, диковинный, желанный — «тангсык», планету Венеру — «танг Шолпан».

В домусульманских верованиях ногайцев наряду с Тангри существовали и такие божества, как хозяин Земли — Ер иеси, хозяин Воды — Су иеси, хозяин Дома — Уьй иеси, хозяин Святынь — Ки иеси, хозяин Огня — От иеси: с рождением человека появлялась и его звезда на небе, а если падала звезда, то считалось, что кто-то умер. Плеяды (*Улькер*) решали, жить человеку или умереть, и потому следили за звёздами. Святой птицей считался белый лебедь, в него не стреляли. Не охотились и на сову, так как в неё могла поселиться душа близкого человека, по каким-то причинам обзлившаяся на родственников.

О ногайской мифологии ещё пойдёт речь, а сейчас надо сказать о некоторых суевериях, сохранившихся вплоть до последнего времени. При поминках, при *курманлыке* (принесении жертвы) хозяйка дома становилась на одно колено возле очага, представляла ладонь к макушке, произносила: «Тоба, тоба!» — и кидала в огонь кусок жира от зарезанного животного. Большим кошунством считалось плевать в огонь и воду. В тяжёлые, горестные моменты жизни для семьи, рода, всего народа делали *курманлык*: резали быка или специально откормленную лошадь, просили Тангри смилостивиться, поминали умерших, по ночам слушали рассказы о жизни пророков и песни бахши о героическом прошлом.

До Великой Отечественной войны почти повсеместно придерживались этих обычаев. Традиции лучше сохранились в Караногое. Кубанские ногайцы в результате искусственного голода 1932—1933 годов были на грани физического исчезновения, а в результате насилия над духовностью коммунистических и комсомольских вожakov даже мусульманские обычаи были доведены почти до полного исчезновения. Так, на Кубани был почти искоренён обряд обрезания, на целый аул можно найти одного-двух человек, чита-

ющих Коран. Между тем отголоски домусульманских верований среди кубанских ногайцев найти можно.

В конце 60-х годов я сам участвовал в обряде вызывания дождя. На берегу Кубани собрались почти все жители аула, была зарезана чёрная корова, старых людей угощали мясом и шурпой, ребятя ходила с большой куклой — чучелом, одетым в мужскую одежду, пели песню про Андыр-Шоппай (это древний бог дождя):

*Андыр-Шоппай нур туькли,
Куванышы бьуртикли.
Белинде кьумис белбау,
Колында езден конгырау.
Андыр-Шоппай боьрк кийген,
Шыгып аспан уьиннен.
Кокьтен явын туьсирткен,
Юмле халкты суьйинткен.*

Андыр-Шоппай — сияющий волос,
Всходы радости дающий.
На поясе у него серебряный пояс,
В руках медный колокольчик,
Андыр-Шоппай шапку новую надел,
Выйдя из своего небесного дома,
С неба дождь он вызвал,
Возрадовав весь народ.

Дети обливали водой куклу Андыр-Шоппай, старики обмывали большой белый камень, который почитался всем аулом. Ребятяню угощали сладостями, баурсаками². К моему огромному удивлению, вечером сгустились тучи и полил сильный ливень.

Поразительно то, что сейчас многие обряды возрождаются стихийно, как бы сами собой. Если ребёнок заболевает, на лоб его ставят отметину — точку из сажи. О многих обрядах ещё несколько лет назад можно было только вычитать в этнографических трудах, но будто какое-то незримое зерно памяти заложено в генах нашего народа. Особенно это заметно при поминальных церемониях. Вопреки мусульманским, с одной стороны, и строгим, скромным обычаям горцев с другой, поминки у ногайцев проводятся с былой расточительностью. Порой в них принимают участие до двухсот-трёхсот человек. Для угощения делается пять стро-

² Жаренные в масле лепёшки.

го ритуальных блюд: сначала — ногайский чай (чай, заправленный сливками, солью, перцем) и борек (пирожки), затем — сек (жареное просо особого приготовления в сметане), сек могут заменить блюдом из риса — *бурыж* или куриным мясом с подливой (*торта*), далее — мясо с шурпой, мамалыгой и *тузлуком* (приправа из юурта — кислого молока с солью и чесноком) и на десерт — фрукты, сладкие напитки. На прощание каждому вручаются полиэтиленовые пакеты со сладостями, фруктами и другими кушаньями. Для современного россиянина такие поминки очень накладны, не каждому под силу, но, несмотря на упрёки общественности, ногайцы проводят их согласно обычаю. Обычай этот переняли окружающие ногайцев народы. Не помогают даже запреты мусульманских духовных лиц. Пышные поминки характерны для всех тюрков тенгрианского верования. Хочу привести в пример отрывок из киргизского эпоса, посвящённый ногайцам, который приводит выдающийся казахский ученый прошлого века Чокан Валиханов:

«Сын сары-ногаев густочуприлый Яш-Айдар Чора! Садись на лошкарю коня и от начала до конца пройди густой и чёрный улус ногайский, скажи уйсуньскому Амиту, Аматкулу, Яйсангу; скажи биям с отвислыми животами и толстобрюхим богачам скажи; скажи рыжебородым и густоусым; скажи молодцам с раздвоенными бородами и малыми усами; скажи всем и всем; скажи также мурзам, льющим мёд из чаши весом в батман; мурзам, шатающимся на ногах от много и много выпитого меду; скажи тёмному, как ночь, ногайскому народу, что Кукотаю стало дурно, что Кукотаю пришёл конец. Баймурза, сын богатого отца! Я молодых кобыл велел привязать и кумыс, подобный мёду, собрал, с закрытыми рёбрами (т. е. жирный) скот — для обеда их готов. Желтоногие кобылицы, надоённые в зиму, зарезаны. Нарезанное мясо уже на блюдах. Собирайте всех: многочисленный юрт ногайский обойдите от конца в конец: я хочу исполнить первый мой долг — поминки, а второй долг — произвольный завет сказать».

Самыми устойчивыми традициями у любого народа являются обряды, связанные с важными вехами в жизни, такими, как рождение ребёнка, бракосочетание и, конечно, смерть. Из этих важных традиций, пожалуй, самая прочная — похоронная церемония.

Воистину человек готовит себя к смерти! Народы готовятся к смерти. Поиск исчезнувшего народа начинается с того, что он оставил после своей смерти. Люди всегда стремились увековечить память о себе. Нашими предками, ставившими курганы, кроме религиозных побуждений, двигало и это стремление. Но приходили

новые поколения, изменялись верования, обычаи, и ради увековечения теперь уже своего времени они предавали забвению, а то и вовсе уничтожали памятники прошлого. Обращение в прах уже обращённых в прах — это тоже привычное занятие человечества.

Но в мире всегда была категория людей, которые протягивали связующую нить к прошлому. Всегда находились люди, которые заставляли заговорить могилы. Люди, почитающие деяния предков. Это — маги и чародеи народной души. Искусством слова, песней жил и живёт мой народ. Это искусство — символ вечности. Это — животворящая традиция народа.

В результате войн и физического истребления ногайцы потеряли почти все материальные ценности. Для окончательного разграбления немало потрудились учёные. Периоды золотоордынской и ногайской государственности были преданы забвению, культуру привели к упадку. Когда появилась свобода слова, народы, имеющие государственность, а вместе с ней собственные национальные академии, научно-исследовательские институты, полнокровную интеллигенцию, первыми предъявили свои права на наследство, оставленное нашими предками, порою полностью игнорируя истинных наследников.

Если ещё в начале XIX века выходцы из Средней Азии и Казахстана писали о могучем ногайском народе, то во второй половине века учёные не только принижали роль ногайцев в истории, но и подвергали строгой редакции весь свой фольклор. Был период, когда из всех исторических песен казахов, каракалпаков и кочевых узбеков о ногайских богатырях либо вовсе убиралось название народа — ногай, либо, в лучшем случае, его представляли как один из родов, составляющих их народ. Доподлинно известно, что ни в одном дореволюционном тексте эпоса казахов или каракалпаков, крымских, сибирских или казанских татар название собственного народа не фигурирует, речь везде идет о ногаях. Эпос возник во времена могущества ногайского народа, ногайцам предстояла историческая миссия объединить эти народы. Средневековые ногайские поэты Шал-Кийиз Тиленши улы, Асан Кайгылы, Досмамбет Азаулы, Казы-Туган Суниш улы создали свои бессмертные произведения на берегах Волги, Кубани и в Крыму.

Во второй половине XX века их творения привлекли внимание учёных близких по языку народов и стали национальным достоянием Казахстана и Каракалпакии. Но об их ногайском происхождении знают немногие. Казанские татары, весь советский период отрешившиеся от какого бы то ни было отношения к Золотой Орде, сейчас хотят стать единственными наследниками культуры этого государства. Эпос сугубо кочевого народа «Эдигей», опубликованный в Казани в 1988 году, выходит как народный эпос осед-

лых татар, хотя сводный вариант исторической песни, как указано в послесловии, записан не только у сибирских и астраханских татар (ещё в прошлом веке считавших себя ногаями), но в нём использованы песни, бытовавшие у крымских и северокавказских ногайцев. Ведущие казанские учёные, кроме Заки Валиди, отстранённо относящиеся к истории Ногайской Орды, рассматривающие её роль для развития татарского государства как отрицательную, могут бесцеремонно заявить, что основатель Ногайской Орды и праотец эпических ногайских богатырей Эдигей является героем татарской истории, а подвиги, совершённые Эдигеем, отнести к своему героическому прошлому.

Мы не говорим об историках царской России. Хотя они и были приверженцами церковной идеологии и соответствующей государственной политики, объективно они намного честнее историков советского периода. Что говорить о политической истории? Как уже упоминалось, советские историки даже места расселения ногайцев скрывали. После Великой Отечественной войны история Крыма почти не изучалась и превратно толковалась во всех научно-популярных изданиях. Ногайцы с древнейших времен проживали в Буджакской степи: слава о Белгородской Орде (*ногайск.* Аккерманская Орда), возглавляемой Кантемиром и его потомками, распространялась во всех соседних государствах, её правителей старались привлечь на свою сторону и в Бакшисарае, и в Москве, и в Стамбуле. Орда временами подпадала под зависимость от крымских ханов, от турецкого султана, однако блистательные страницы её истории составляют периоды неподчинения. После присоединения Белгородской Орды к России буджакцы были переселены на Кубань, и их постигла общая судьба ногайцев. На исторической родине за двадцать лет значительно изменилась топонимика края. В советское время ни в Молдавии, ни на Украине не хотели признавать оставшиеся топонимические названия за ногайцами, и лишь в конце 80-х годов, когда в Молдавии остро встал гагаузский вопрос, в противовес территориальным претензиям гагаузов молдавские учёные подняли ногайскую топонимику. Учёный И. Дрон даже прислал в журнал «Половецкая луна», издаваемый мною, статью «К этимологии ряда топонимов ногайского происхождения» (опубликована в 1993 г. в номере 1—2). Нечто подобное произошло и в Северной Осетии во время конфликтов осетин и ингушей из-за Пригородного района. Учёным пришлось признать, что до расселения ингушей и осетин на данной территории проживали ногайцы.

Последние западные номады — ногаи — будоражили воображение учёных разных времен. Русским историкам прошлых веков, да и послереволюционным, требовалось как-то оправдать колониальную политику в глазах просвещённого мира. Дореволю-

ционные историки писали об исторической необходимости, избавлении православного государства от вражеского окружения, обретеннии им могущества. В XX веке завоевательная политика предшественников характеризовалась заселением пустыющих земель и добровольным объединением народов.

Как ни странно, теория, согласно которой основная территория Золотой Орды пустовала, устраивает почти всех историков западных тюркских народов. Эту мародёрскую теорию рьяно подхватили учёные в суверенной Татарии. Восстанавливая историческую правду, оживляя страницы захвата Казанского ханства, возмущаясь исторической наукой прошлых лет, такие учёные, как Р. Фахрутдинов, начали новый виток обмана, в свою очередь, сами обижая собратьев и претендуя на роль старшего брата в российском тюркском мире.

«Итак, — пишет этот учёный, — Золотая Орда была общим и единым средневековым государством всего татарского народа, всех этнографических групп, окончательно сформировавшихся как народность на той обширной территории, которая исторически была золотоордынской. Естественно, она имела и свои отдельные регионы с локальными вариантами этноса, его языка и культуры. Однако это было, например, не казахским или не узбекским, хотя эти народы занимали его периферийные восточные районы, а прежде всего татарским государством, основное население которого называлось татарами. История этого государства, язык, материальная и духовная культура его населения — это татарская история, татарский язык, татарская культура. Это относится прежде всего к основной территории Золотой Орды, т. е. к Белой Орде от Западной Сибири до Крыма с политическим центром в Поволжье» [8, 16].

К чему сводится смысл этой цитаты, понять нетрудно: Р. Фахрутдинов призывает к объединению тюркские народы, живущие на огромной территории под этнонимом татары. Но ни один из народов на этой земле не причислял и не причисляет себя к татарам, даже казанские татары не называли себя этим этнонимом до образования одноименной автономной республики. Мы, ногайцы, казанских татар называли просто *казанлы*, крымских (с побережья и с гор) — *крымлы*, или *тат*, что означает оседлый, чуждый, астраханских — *юрт ногай* и *карагаш ногай*, сибирских — *тюмень ногай*. Казахи и каракалпаки даже казанских татар называли ногаями.

Хотелось бы сказать и о вопросе периферийности казахов, которые поднимают некоторые учёные. Для Золотой Орды периферийным было, скорее, место расселения казанских татар, нежели земли, занятые казахами: они примыкали к территории древнего

ногайского государства. В вышеупомянутом тексте явно прослеживается главная мысль: после отделения Казахстана и Узбекистана в Российском государстве остаётся только один народ, который должен присвоить культурное наследие Золотой Орды — это современные казанские татары. Иначе, чем культурным грабёжом, мародёрством, такую позицию не назовёшь!

В Казани есть мудрые, тактичные учёные, но за воинственными криками ястребов их голоса сегодня почти не слышны. Объективны они потому, что знают, какой вред наносит истории любая неправда. Так, видный татарский учёный, доктор исторических наук Фатыйх Урманче написал замечательные труды об Эдиге, основателе ногайского государства, и о ногайской ханше Нурсолтан, укреплявшей связи Казанского ханства с ногаями. Другой историк, Максим Глухов-Ногайбек, посвятил последней ханше Казанского ханства, ногайке Суюмбийке, книгу «Гвардейцы Сеюмбеки», в которой определил важную роль ногаев в истории Казани.

К сожалению, не только в Казани появляются сочинения с монопольными притязаниями на всю историю Дешт-и-Кипчака. Я уже говорил о книге М. Аджиева «Полынь половецкого поля». Автор, кумык по происхождению, живущий в Москве, решил поразить весь научный мир, объявив, что кипчаки появились в Европе на пять веков раньше, чем это было на самом деле. Возникновение этого народа он отнёс к эпохе Аттилы. А политическую самобытность, которую они потеряли в середине XIII века, автор книги продлил на пять веков. Казалось, что западные номады должны гордиться своим просветителем. Но, подхватив идею Л. Н. Гумилёва о христианстве среди кочевников, он вместе с гуннами-кипчаками занёс крест в Западную Европу, сделал их апостолами православия в Древней Руси.

Книга рассчитана на массового читателя, она вышла тиражом в 50 тысяч экземпляров. На страницах журнала «Половецкая луна» читатели развернули дискуссию по поводу сочинений М. Аджиева. В основном читателей возмутило игнорирование ногайской истории и отторжение ногаев от кипчакской истории. Некоторые мнения заслуживают внимания. Вот что писала студентка Ставропольского педагогического института Д. Шахмирзова: «Я с первого курса увлекаюсь историей ногайцев. В документах, трудах дореволюционных и советских ученых без всякого сомнения говорится о том, что предками ногайцев являются половцы и другие кипчакские племена, населявшие степь Дешт-и-Кипчак. Несомненным фактом остается то, что ногайцы населяли ту же этнотерриторию, что и половцы, кроме того, у большинства ногайцев сохраняется тот же уклад жизни, что и у древних половцев. Автор книги «Мы — из рода половецкого» Мурад Аджиев, перечисляя потомков

кипчаков, преднамеренно обходит молчанием то, что на территории Северного Кавказа, главным образом, они сохранились в ногайском народе. В нашем народе до сих пор говорят: «Кый коьтерсень, кыпшак шыгар» («Помёт поднимешь — кипчак под ним найдётся»), так много кипчаков среди ногайцев, они и сейчас со своими тамгами живут в любом ногайском селении. А сколько надмогильных камней в каждом ногайском селении с кипчакскими тамгами!» [9, 6].

Там же помещено письмо жителя аула Канглы Минераловодского района З. Муратова: «В 19-м веке, после освоения царизмом Юга, ногайцы лишились самобытности, частично были истреблены, полностью разоружены и выглядели немощно. Только после походов А. Суворова ногайцы искали убежище в Приэльбрусье, в Осетии, основная масса спасалась переселением в Турцию. Оставшаяся часть вливалась в другие народы. В конце 18-го и до середины 19-го веков ногайцы полностью были вытеснены из Буджака (территория нынешних гагаузов), с берегов Нижней и Средней Кубани, Кумы, Калауса, Сабли, со степей территории нынешней Осетии и Кабардино-Балкарии (районы Чиколы и Хамидие). Кубанские ногайцы сохранились благодаря князьям, которые перешли на сторону царизма и, служа в армии, достигали самых высоких чинов и добивались самых высоких наград. Караногайцы сохранились благодаря пустынной земле, на которую из-за суровых климатических условий не было притязаний. Как же можно, не зная этой трагичной истории ногайского народа, писать о половцах! Книга М. Аджиева («Мы — из рода половецкого» — *И. К.*) дилетантская, здесь больше стремления желаемое выдать за действительное. Автор, по-моему, плохо знает фольклор. Так, он проводит аналогию между Ана Дол и «Матушкой» Доном. Но фигурирующий в кумыкских и ногайских песнях Анадол — это вовсе не Дон, а Анатолия в Турции, как земля обетованная. Дон же во всех исторических источниках и фольклоре называется Тан, Тен».

Возмущение произведением М. Аджиева привело к тому, что многие стали присылать в нашу редакцию письма, где указывали состав своих аулов по племенам. Так, пенсионер Йолмамбет Агаспаров на своей улице насчитал 54 процентов кипчакских семей. «Слава Аллаху, ногайцы до последних дней сохраняют родовую структуру, в отличие от тех народов, которым М. Аджиев приписывает половецкое происхождение. Совсем непонятно игнорирование последних западных номадов, включавших в себя основную часть оставшихся на западе Евразии кипчаков. Ногаи мешали М. Аджиеву, на второй план выводили народ, из которого он происходит, а то ведь в половецком синдроме надо было им отдать пальму первенства. Легче же о них вообще не упоминать. Нет народа —

нет проблем. А ему, Аджиеву, так здорово «разобравшемуся» в византийских и других западноевропейских источниках, не представляло труда заглянуть в Государственную библиотеку, бывшую Ленинку, или в историческую библиотеку и просмотреть «Ногайские», «Крымские», «Кубанские» дела, где он мог найти богатый материал о «Кипчакской Орде», существовавшей в конце XVIII — начале XIX веков на Кубани, хотя бы была зацепка в его «временных приключениях». Кстати, за свой «кипчакский синдром» М. Аджиев получил достойные отзывы со стороны русских ученых [10].

Ногайцы, хотя и считались кочевниками, но, как и жители всех кочевых государств, вели полуоседлый образ жизни. Народ-войско до потери политической самобытности имел свои крепости и города. В золотоордынских городах оседала обнищавшая часть ногайского населения, но в основном эти города были смешанные, жители их исповедовали разные религии.

Мы не имеем достаточно исторического материала об этническом составе таких крупных золотоордынских городов, как Сарай, Маджар, древняя Астрахань. В крымских городах сохранились сведения о том, что в них жили геноуэзцы, и армяне, и евреи, и турки, в результате смешения возникла этническая группа татов. В Средней Азии городское население тоже называли татами, но под этим названием имели в виду ираноязычное население. У ногайцев сохранилась пословица: «Ногай бар ерде тат бар» («Там, где есть ногайцы, есть и таты»).

В период Ногайской Орды и позже известны также такие ногайские города, как Сарайчик, Копыл, Аккерман, оседлое население жило в пригороде Азова Каратаяк, в крепостях на побережье Чёрного моря, берегах Кубани, Кумы и Терека. В XVII веке в результате начала экспансии России на степь и захватнических войн калмыков с востока ногайцы лишаются всех постоянных становищ в районе Волги и Яика. Городки и крепости Малой Ногайской Орды, Белгородской Орды просуществовали до покорения их царской Россией. В XIX веке они были разрушены пришельцами, строительный материал был отобран под новое домостроительство.

В месте слияния Йилинчука (Малого Зеленчука) с Кубанью на высоком скалистом берегу стоял городок-крепость Ажи-кала. Турецкий путешественник Эвлия Челеби в начале XVII века посетил её и рассказал о живущих в крепости ногайцах, о наличии в ней соборной мечети, хозяйственных каменных построек, крепостного рва. Недалеко от этого места находилось кладбище, которое ногайцы поныне называют шийх-мезары (кладбище шейхов), название городка Ажи-кала (Святая крепость), видимо, связано с названием кладбища. Под крепостью проходит балка Буралки; одно устное предание повествует, что в районе этой балки был од-

ноимённый город (исходящий от первоначального Бора-халкы, т. е. народ Бора-ханов). Чуть выше по Йилинчуку находился брод, это место ногайцы до сих пор называют Карт-кешу (Старый брод).

На противоположном берегу Кубани в начале XIX века возникла казачья станица Беломечетская. По рассказам старожилов, камень из Ажи-калы казаки вывозили не только в свою станицу, но и в станицу Баталпашинскую (ныне город Черкесск), и из этого строительного материала в обеих станицах были воздвигнуты христианские храмы. Есть предание о некоем казаке Егорке, главном инициаторе разграбления святого места. У этого казачьего Герострата затем родилось три сына, все трое оказались сухорукими. И в дальнейшем в его роду появлялись дети с высохшей правой рукой. Трудно сказать, что это: легенда, вымысел или назидание. Как-то я видел в станице однорукого человека; утверждали, что он из этого геростратова рода. История с камнями со святого городища на том не кончилась. В 30-е годы 20-го столетия были разрушены и Беломечетский, и Баталпашинский храмы, а камень использовали при строительстве Дома Советов в Черкесске. Здание это стоит до сих пор и является цитаделью власти Карачаево-Черкесской республики.

Эвлия Челеби указал на проживание ногайцев и в крепости Боргустан, расположенной около современного города Кисловодска, рассказал о героической защите крепости арсланбековскими ногайцами от калмыков [11, 83]. Примечательно то, что крепость Ажи-кала тоже принадлежала мурзе Арсланбеку, личности, довольно известной по русским историческим документам. Арсланбек являлся сыном Казбулат-мурзы Касаевской Орды Малых Ногаев, он одним из первых дал отпор калмыцким тайше.

Профессор В. Б. Виноградов в своём исследовательском труде «Мавзолей на холме» сообщает о ногайском архитектурном памятнике Борга-каш на реке Сунже. «Ныне Борга-каш — единственный в своём роде погребальный памятник во всем Предкавказье. Однако сравнительно недавно, в XVIII—XIX вв., подобные мавзолеи высились ещё среди развалин крупного золотоордынского города Маджары, расположенного на реке Куме, близ современного г. Будённовска в Ставропольском крае. Они сохранились до наших дней лишь в рисунках путешественников» [12, 223]. В. Б. Виноградов в связи с этим приводит любопытные строки: «Предание, записанное Ф. С. Гребенцом (Панкратовым) в 1913 году, сообщает, что в мавзолее Борга-каш первоначально был захоронен властелин Тартупа (золотоордынский город — *И. К.*) Боргахан — один из предводителей ногайских племен Золотой Орды, который переселялся из Тартупа на восток, к месту слияния Терека и Сунжи и умер в пути» [12].

В этих сообщениях нам важна информация о топонимах. Названия мест в Карачаево-Черкесии — Боргустан (горное плато, на котором стояла крепость), балка Буралкы (Бора-халкы), название современного абазинского аула Эльбурган (в XIX веке на этом месте находился ногайский аул Эль-бораган, в результате эпидемии жители покинули эти места), кумыкского аула Брагуны (по-ногайски Бораган) в Чечне — топонимы одного происхождения и относятся к владениям чингизидских султанов Бора-ханов. Жителей верхней части современного аула Икон-Халк (старое название Токтамыш-аул) называют *арсланбекей*. По рассказам стариков, арсланбекей пришли из Ажи-калы. Перечисляю неполный состав родов, входящих в эту группу: Булгар, Баракай, Уйсин, Кумук... По этим названиям видно, что они представляют ранние тюркские племена, обитавшие на Северном Кавказе. Бораганы, как владельцы непокорных крепостей, известны по средневековым хроникам о завоеваниях Хромого Тимура.

Знаменитый ногайский поэт XVI века Мусеке (Муса-ака), сын Мыкай-бия, был из рода Уйсин. Он оставил в наследство замечательные образцы ногайской поэзии, а также подтверждение высказанной ранее мысли:

*Меним ием Борахан
Шатырын тауга коьширсин,
Бизден кеткен казактынъ
Бир янбылысын кеширсин.
Мой хозяин Борахан
Пусть шатёр свой в горы перенесёт,
От нас ушедшему в казаки*

(т. е. самому автору — И. К.)

Пусть одну его ошибку простит [13, 63].

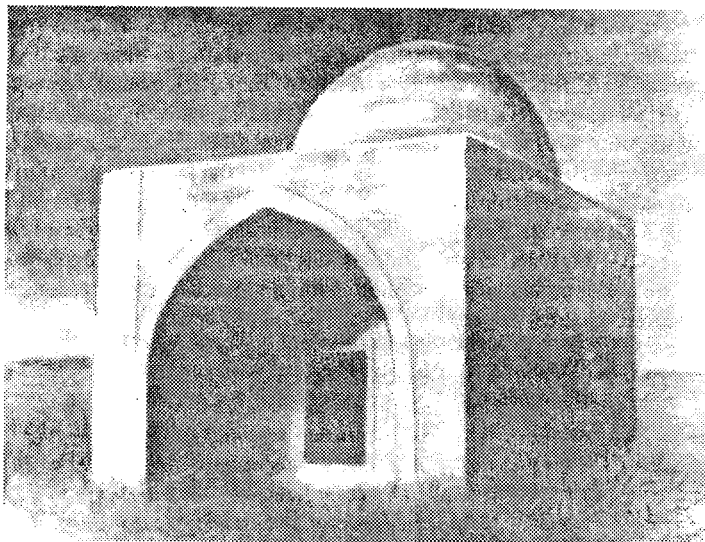
Стихотворение является призывом к борьбе против калмыцкой агрессии, но из его строк видно, что Бораханы ещё являлись правителями у какой-то части ногайцев.

Остатки ногайских мавзолеев-*кешене* в разное время были обнаружены в различных местах. О нахождении их в районе Ессентуков, Астрахани есть документальные сообщения. Султан Хан-Гирей в «Записках о Черкесии» [14, 63] тоже пишет о мавзолее князя Мирзабека Таганова «на вершине Кубани, на высотах Ушкуль». Он был очевидцем того, как горцы с окрестностей поклонялись мифифицированному телу князя и вешали на ветку растущего дерева лоскутки ткани. Этот обряд зафиксирован также в окрестностях Астрахани возле надгробий *аулие* (святых). Подобный обычай существовал в Крыму, у казахов и каракалпаков. Ногайцы в разные

периоды времени проживали в горах Карачая, о чём свидетельствуют сохранившиеся кладбища в урочищах Бийчесына, Токтамыслы, Эльтаркача в верховьях реки Джегута.

Молодая азербайджанская исследовательница С. И. Алиева в своём кропотливом труде «Топонимика ногайцев на Кубани» указывает на сохранившиеся ногайские названия в Краснодарском крае, Адыгее, в местах проживания абазин. Как свидетельство ногайс-

Мавзоль Борго-Каш. Илл. из книги «Ногайцы»

кого присутствия на этих территориях она приводит названия исторических мест. К ним Алиева относит ногайские курганы и рядом городище Ногай-кале, близ станицы Раевской, надгробное сооружение с адыгским названием «Ногай къэ», сохранивший ногайскую принадлежность курган на Кубани между аулами Хачемзий и Джеракай, четырёхугольные курганы Большой и Малый дорткули возле современного ногайского аула Кизил-Юрт, курган Кара-тюбе в Курганинском районе Краснодарского края, группу курганов южнее абазинского аула Кайдан. Все они сохранили ногайскую принадлежность. Исторические документы свидетельствуют о ногайском надгробном изваянии возле карачаевского аула Эльтаркач. Эвлия Челеби сообщает о ногайской крепости на побережье Чёрного моря под названием Чобан эли и Науруз-керман на реке Малый Зеленчук. В книге Челеби сохранилось описание крепости Чобан-эли: «Это четырёхугольное сооружение с деревянным палисадом, длина (его)

стен — всего 400 шагов. По четырём углам (имеется) по одной прочной башне, также из дерева, деревянные ворота обращены на север. Внутри крепости есть мечеть, выстроенная из кирпича».

У князей Каплановых, оставшихся старшими среди правителей Малых Ногаев на Кубани, вблизи Армавира, находился дворец, построенный в «мавританском стиле» [15, 27]. Ногайская знать Казиева улуса в Крыму имела «селения и дворцы» [5, 486]. Последняя столица Кубанской Орды Копыл дважды перестраивалась ногайцами после уничтожения её калмыками.

Хотя свидетельств оседлости и архитектурных памятников немало, ногайцы не переходили полностью к оседлости. Крепости и городки служили зимовьями и местом для защиты, летом в них оставалась стража, а основная часть жителей уходила со скотом на пастбища. Есть весьма интересные сообщения о ногайцах, живших на побережье Азовского моря, на Молочных Водах, или, как их ещё называли, мелитопольских ногайцах, которые в прошлом столетии покинули родные места и переселились в Турцию. О кочевниках на Молочных Водах много писали западные путешественники. В первые годы колонизации приставом ногайского народа был назначен французский эмигрант де Мезон. Он приложил немало усилий, чтобы перевести ногайцев к оседлости: строились дома, сжигались войлочные кибитки, не выдавались паспорта на «поездку вне округа», однако эти попытки оказались безуспешными, ногайцы так и не стали оседлыми и при первой возможности покинули родину. О пребывании ногайцев на Молочных Водах убедительно свидетельствует топонимика огромной территории. Летом 1981 года экспедиция археологов Академии наук СССР раскопала в этих местах, на берегу реки Чингул, богатейший курган. Прочитавшие В. Отрощенко и Ю. Рассомакина, участвовавших в этом открытии: «Вокруг могилы были уложены пять нарядно убранных и осёдланных лошадей и напутственная пища — десять разрубленных бараньих туш. Питьё, вероятно, находилось в византийских амфорах. В кургане был похоронен мужчина 40–50 лет. Он буквально был засыпан уникальнейшими предметами. Наиболее интересные вещи лежали внутри деревянного саркофага, закрывавшегося на четыре цилиндрических замка. Там было оружие, в том числе сабля, три ножа, кольчуга, щит, колчан, налучье, позолоченный шлем, богатейшие одежды — шесть кафтанов из шёлковых тканей, дорогая золотая посуда — курильница и чаша, две плетёные гривны из золота и электры, три парчовых пояса с серебряными пряжками... то, что в кургане похоронен половец, было ясно в процессе раскопок: об этом свидетельствовали и обряд захоронения и вещи, например, лепная от руки керамика, которую находили и в насыпи, и в погребении... Масштабы погребального сооруже-

ния, богатство погребального инвентаря и золотой жезл правителя в правой руке свидетельствовали о том, что в кургане похоронен знатный кочевник, вероятнее всего, глава одного из племенных половецких союзов. Это подтвердил и знак, который был обнаружен на поясной чаше — две вертикальные линии (соответствует ногайской кипчакской тамге — *И. К.*), процарапанные на поверхности» [16, 78].

В связи с этим описанием я хочу вернуться к смерти Измаила Алиева: «На площадке против измайловых саклей стояли два коня, на каждом из них были надеты любимые его сбруи и повешено полное рыцарское его вооружение: панцири, колчаны со стрелами, сабли, луки и прочее». В XIX веке ногайцы ещё хоронили знатного человека, сооружая курган, но уже сообразно с мусульманской традицией не могли класть в могилу убитых коней, напутственную пищу, любимое оружие. В случае с Измаилом мы видим силу древней традиции похоронного обряда: всё, что должно было сопровождать умершего в страну теней, выставлялось напоказ, затем оружие, вещи раздавались близким родственникам, а у коней отрезали часть гривы и хвост до колен и их отпускали на выгул, чтобы через год зарезать на поминки.

Древние тюрки представляли бога Тангри в виде фантастического, огромного, на всё небо героя, он был всезнающим и всеведующим. То, что делается во Вселенной, было известно Небу, Тангри. Жертвы в виде лошадей, овец, еды, питья, оружия и украшений преподносились ему и другим богам. Древние берегли могилы предков и скрывали от посторонних глаз. Древнегреческий историк Геродот рассказывал о скифах, что когда они отступали от нашествия огромного персидского войска и заманивали его в степь, царь Дарий не выдержал и отправил предводителю скифов послание. «Чудак! Зачем ты всё время убегаешь, хотя тебе предоставлен выбор?» — писал он. Царь скифов Иданфирс прислал ответ: «У нас ведь нет ни городов, ни обработанной земли. Мы не боимся их разорения и опустошения и поэтому не вступили в бой с вами немедленно. Если вы желаете во что бы то ни стало сражаться с нами, то вот у нас есть отеческие могилы. Найдите их и попробуйте разрушить, и тогда узнаете, станем мы сражаться за эти могилы или нет».

Плано Карпини писал о том, как кипчаки делают могилы: «Они тайком идут в поле, удаляют там траву с корнем и делают большую яму и сбоку этой ямы делают яму под землёй» (куда кладут покойника — *И. К.*).

Конечно, своими глазами Карпини не видел, где и как делается могила, не видел этого и Гильом Рубрук, но зато он, наверное, единственный, которому показали свеженасыпанный курган: «Команы, — пишет он, — насыпают большой

холм над усопшим и воздвигают ему статую, обращённую лицом к востоку и держащую у себя в руке перед пупком чашу... Я видел недавно одного умершего, около которого они повесили на высоких жердях 16 шкур лошадей — по четыре с каждой стороны мира...»

Ногайцы приняли мусульманство в эпоху Золотой Орды, некоторые племена ещё ранее, но не всегда они были рьяными приверженцами новой веры. Пережитки прежних верований сохранялись долго. Нетрадиционно для ислама они приносили обильные жертвоприношения, ублажали жиром жертвы огонь, огнём очищали от скверны людей, исцеляли заклинаниями, из поколения в поколение рассказывали предания о творениях всемогущего Тангри, хозяина воды, земли, о всемогущем хозяине всех святынь *кие*, о охлаждающем душу царстве теней Сульдере. Их имена не произносились всуе, их силы суеверно боялись, и не задумываясь об истинном предназначении, ногайцы пели о них в песнях.

ЯЗЫК — ФАКЕЛ ЖИЗНИ

Выдающийся поэт современности Олжас Сулейменов, один из первых тюркских исследователей в тогдашнем СССР, основываясь на изысканиях русского ученого И. М. Дьяконова и собранном им лексическом материале (книга «Языки древней Передней Азии», 1968), в своей нашумевшей книге «Аз и Я» [17] попытался «установить культурное родство шумерского с ныне живыми тюркскими языками». Он честно признаётся, что и до него были учёные, пытавшиеся найти эту близость (ссылаясь на Хоммеля). Последователи же поэта, не оценив его научный подвиг, без всякого стеснения начали шумериаду от своего имени. Так, не отдавая должного первооткрывателю, эпигоны опубликовали свои бесцеремонные сочинения в Махачкале, Черкесске, Казани, Чебоксарах, Нукусе.

Тогда, в 1975 году, для того чтобы заявить: очернённые всей мировой наукой тюрки-кочевники стоят у колыбели цивилизации, — требовалась недюжинная отвага, это было опасно. Советские корифеи науки были ошеломлены этой дерзостью. Поэтому совместно с партийными идеологами они принялись нападать на первую, наиболее уязвимую часть книги. При этом вторая, к сожалению, вообще осталась в тени. А я бы назвал её гениальной.

Не сомневаюсь, что многие тюркские учёные в то время понимали огромное значение «Шумер-наме» — так называется вторая часть, но из-за жестокого преследования партийного руководства боялись даже сослаться на неё в своих работах. Удивительно то, что традиция умолчания продолжает жить и в эпоху гласности. Я усматриваю в этом личные амбиции новоявленных учёных, которые хотят предстать перед своими читателями первооткрывателями в этом вопросе и, если упоминают о сочинении О. Сулейменова, то ограничиваются снисходительной оговоркой. Так, уважаемые мной карачаево-балкарские учёные К. Т. Лайпанов и И. М. Мизиев в довольно оригинальной книге «О происхождении тюркских народов» упоминают «Аз и Я» единственной фразой: «Говоря о смыс-

ловом тождестве шумерских и тюркских слов, О. Сулейменов справедливо отмечает: «Совпадение форм и смыслов — системны, и потому не случайны». И это — всё! Такой подход говорит о том, что мы не умеем ценить открытия собственных тюркских ученых. И пренебрежительное отношение проявляется не только к результатам их трудов — порой у нас обходят стороной исторические и даже этнические связи с целыми народами.

Ногайцы, пожалуй, более других испытывают такое отношение на себе. Мне кажется, это пережитки тоталитарного режима. Российские ученые-тюркологи должны понять, что только восстановив историческую преемственность своих народов в последнем тысячелетии, возможно установить логическое подтверждение связи современных тюрков с предшествовавшими культурами. Непоследовательные поиски языковых связей тех же карачаевцев, балкарцев, кумыков не только с шумерами, но и со скифами, аланами, булгарами без учета всего тюркского ареала могут привести к односторонности.

Если говорить об этнической наследственности, то не сохранившие тюркской родовой структуры карачаево-балкарцы, кумыки, гагаузы, казанские татары — без богатейшего набора родовых этнонимов, которым обладают только ногайцы, без своего эпоса (ногайцы единственные среди названных народов сохранили эпос о кочевом образе жизни), без признаков кочевого быта, имеющих лишь у ногайцев, — никогда не обоснуют последовательный переход к истории кочевников раннего периода. Попытка игнорирования ногайцев в связи с историей кипчаков привела того же Мурада Аджиева, учёного, не лишённого исследовательского дара, к абсурдным заключениям. Разве, чураясь своего отца, можно установить, кто твой дед или прадед?

Я пытаюсь понять, отчего же столь упорно игнорируют ногайцев тюркские соседи.

Первое, что приходит в голову, — историков удручает современное состояние ногайского народа: униженное, почти раздавленное в цивилизованном XX веке.

У ногайцев, кумыков и карачаево-балкарцев почти на 95 процентов совпадает словарный состав языков. В недавнем прошлом эти живущие по соседству друг с другом народы, будучи совсем малочисленными, входили в государственные образования, в которых преобладали ногайцы — и в Золотую Орду, и в Ногайскую Орду, и в Крымское ханство. На протяжении многих веков ногайцы сохраняли все древние традиции тюрков, живших в западной части Евразии. О ногайцах сохранилось такое количество исторических документов, какого нет ни у одного из перечисленных народов.

Отсюда вторая мысль: если заговорить о ногайцах, напомнить о связях с другими народами (а они точно есть), то участие этих других в этнокультурной интеграции на таком огромном пространстве сразу померкнет. Традицию этнического наследования ногайцев с половцами, печенегами, гуннами и скифами установить даже легче по территориальному принципу и по внешним признакам, которых не только западные турки, но и ни один другой народ, оспаривающий наследственность, не сохранил (к примеру: осетины — скифы).

В различных византийских, римских, арабских, иранских документах и скифы, и гунны, и печенеги, и половцы называются «живущими в войлочных шатрах», «пьющими кумыс и конеядами». Ни один народ на Северном Кавказе не ест конины, не пьёт кумыса. Русские два века старались уподобиться французам, перенимали тонкости этикета, одежды, учились языку — всё постигли, вот только не смогли заставить себя употреблять в пищу устриц. То, что претит генетически, представляет собой самый устойчивый запрет. Все признаки древних кочевников сохранились до XX столетия у ногайцев, башкир и астраханских, сибирских, оренбургских (степных) татар и, конечно, у казахов и каракалпаков, некогда составлявших с ногайцами единый этнос.

Возвращаясь к родству шумерского и тюркских языков, хочу сказать, что работа в этом направлении ведётся, и довольно плодотворно. Так, карачаево-балкарские ученые К. Лайпанов и И. Мизиев в уже упоминавшейся книге насчитывают в этих языках около 400 схожих слов. Однако мы знаем, как меняется язык всего за два столетия, а шумеров и современных тюрков разделяют несколько тысячелетий.

Стойкости тюркских языков посвящено немало научных исследований. Одно из них проделано известным татарским ученым Абраром Каримуллиным. «Обнаружение О. Сулейменовым тюркизмов в языке шумеров, очень близких и сходных со словами современных тюркских языков, нас несколько не удивляет. Работая почти в той же области, мы были давно готовы к такому открытию. Нами обнаружены целые пласты тюркизмов в языке индейцев Америки: племени сиу-дакота, майя, инков, ацтеков, сходные и тождественные с лексикой современных тюркских языков как по форме, так и по содержанию, относящиеся как к миру животных, топонимике, так и к терминам родства, глаголам и другим категориям. Более того, такие тождества между этими языками обнаружены и в форме словообразования, в грамматике, не говоря уже о том, что этим языкам свойственен сингармонизм, агглютинативность и т. д. Если вспомним, что заселение Америки произошло минимум 10 тысячелетий тому назад (есть

теории, которые отодвигают эту дату на 25—50, даже на 100 тысяч лет), нас несколько не должен удивлять «консерватизм» тюркских языков, их малая подверженность изменениям в сравнении с индоевропейскими языками. Чем совершеннее, удобнее любое оружие, тем оно дольше служит, тем дольше остается без изменений» [18, 57].

Далее учёный для подтверждения сравнивает цитаты из литературных памятников IX—XIII веков, книги «Дивану лугат ат-турки» Махмуда Кашгарского и «Кодекс Куманикус» и находит тождество языка древних текстов с современным татарским языком. Прочитанные согласно правилам ногайской орфоэпии, эти примеры точно совпадают с ногайским языком. Чтобы не повторять татарского автора, я приведу несколько своих наблюдений. Одним из ярких свидетельств неизменности ногайского языка в течение нескольких столетий является независимое извлечение Максима Глухова-Ногайбака из «Кодекса Куманикус» [19, 227]. В нём даётся молитва на старонюгайском (половецком) языке, переведённая по просьбе Ногая с древнегреческого языка в 1303 году:

*«Атамыз, ким коькте сен, алгышлы болсун Сенинь атынъ!
Канлыгынъ келсин! Болсун сенинь тилемегинъ, нец(ш)ик (в
скобках даётся современное или же правильное прочтение; вполне
возможно, что употребление буквы «ц» — ошибка писцов.
— И. К.) кенъ коькте, алай йерде! Куьндеги оьтмекимизни буь-
суьн берсил! Дагы йазыкларьмызмы бизге йаман эткенлерге!
Дагы йакнинъ сынамакына бизни курмагыл! База барца (баь-
риша) йамандан куткаргыл! Амен!»*

Кроме трёх буквенных поправок, для современного ногайского читателя всё понятно в этом древнем тексте. Такое же сходство можно наблюдать и в документах на основе арабской графики. Вот пример из исторического документа «Родословие тюрков», составленного, как указывает В. Г. Тизенгаузеи, в 861-м году (1457-м по христианскому летосчислению). Приведённый текст — фольклорный, что даёт возможность судить о разговорном языке, на котором говорили за 100 лет до написания документа.

«В то время, когда известие о смерти Джучи-хана пришло в орду, никто не мог сообщить это Чингисхану. В конце концов все эмиры решили, что Улуг-Джирчи (великий певец — И. К.), который был приближённым и одним из великих эмиров, сообщит об этом, когда получит приказание о джире (песне — И. К.). Когда Чиигисхан отдал приказание о джире, Улуг-Джирчи, найдя время, сказал тюркский джир:

*Тенгиз баштан булганды, ким тондурур, а ханым?
Терек тубтын джыгылды, ким тургузур, а ханым?*

Чингисхан в ответ Джирчи сказал тюркский джир:

*Тенгиз баштан булганса, тондурур олум Джучи дур,
Терек тубтын джагылса, тургузур олум Джучи дур».*

В переводе В. Г. Тизеигаузена есть небольшие погрешности, хотя смысл передан точно, и всё же попробуем поправить:

Море с головою (с самого дна) взмутилось,
кто его упокоит, о мой хан?
Дерево от корня повалилось,
кто его подымет, о мой хан?

Чингисхан отвечает:

Если море с самого дна взмутилось,
успокоит только сын мой Джучи,
Если дерево от корня повалилось,
то подымет его только сын мой Джучи.

«Когда Улуг-Джирчи повторил свои слова, слёзы потекли из его глаз. Чингисхан сказал тюркский джир:

*Козуьн йашын чокьуьртуьр коьнълуьнъ толды болгаймы?
Джиринъ коьнълуьл оькуьртуьр Джучи оьлди болгаймы?*

В ответ Чингисхану Джирчи сказал тюркский джир:

*Сойлемекке эрким йок, сен соьйлединъ, а ханым!
Оьз йарлыгынъ оьзге джабай ау ойлединъ, а ханым!»*

(Глаза твои слёзы пролили, чем душа твоя полна?
Песня твоя душу заставляет рыдать, что — умер Джучи?)

В ответ Чингисхану Джирчи сказал:

Говорить об этом я не имею права,
ты сам сказал, о мой хан!
Свой ярлык (указ) пусть под тебя и будет,
ты хорошо обдумал, о мой хав!

Тогда Чингисхан сказал тюркский джир:

*Кулун алган куландай, кулунумнан айырылдым,
Айырылышкан анъкаудай эл олумдин айырылдым.*

(Подобно затравленному кулану (лосю),
лосёнка своего я потерял,
Как покинутый простак,
сына страны я потерял).

Этим фольклорным стихам более пятисот лет! Даже выражение «анкау» сохранилось в том же жаргонном употреблении у современных ногайцев. Для наглядности посмотрите, какая разница существует даже между языком средневековых документов на Руси и современным русским: не всякий русский сегодня прочтает написанное предками несколько веков назад...

Как «истинный тюрок», А. Каримуллин не подчёркивает огромного значения сочинения О. Сулейменова. Зная, что текст «Кодекса Куманикус» почти идентичен современному ногайскому языку, учёный, вопреки очевидности, всё же утверждает, что «язык памятника ближе всего стоит к языку казанских тюрков». Работы А. Каримуллина имеют огромную ценность для мировой науки, но его утверждение, что «чем совершеннее, удобнее любое оружие, тем оно дольше служит, тем дольше остаётся без изменений», по отношению к тюркским языкам мне кажется малоубедительным. Разве не были европейские и древнеазиатские языки совершенными и удобными?! Создано столько величайших литературных памятников!

Наверное, причины консервативности тюркских языков надо искать в социально-историческом развитии тюркских народов. Скорее, в этом процессе играет роль этническая популяция, многовековая традиция кочевой жизни, умение заснуть «сном сурка» и сохранить свои традиции, свой язык в новых этногенетических взрывах. Может быть, ключом к разгадке тайны живучести тюркских языков послужит такой пример: евреи, рассеявшись по всему миру, ждали своего звёздного часа. И вот в один момент, объединённые чувством этнического единства, стали возрождать свой утраченный родной язык. Быть может, подобный процесс стихийно и естественно происходил у тюрков?!

Современные ногайские словари (ногайско-русский и русско-ногайский), составленные в 60-е годы, не показывают богатства ногайского языка во всей полноте. Большой вред нанесла попытка приведения его к некоему стандарту. Тюркских и других языковедов вводит в заблуждение выпадение из словаря «джокающего» и «жокающего» говоров.

Карачаевский учёный Х. Биджиев в книге «Тюрки Северного Кавказа» отмечает: «Как известно, ногайский язык, как и половецкий, относится к йокающим языкам, т. е. в начале слова употребляется «й» вместо «ж» и «дж».

Исходя из этого, он отрицает влияние ногайского языка на адыге-абхазские. Однако об одновременном существовании «джоканья» и «жоканья» у ногайцев немало свидетельств как в литературных и исторических памятниках, так и в ранних научных работах послеоктябрьского периода («Книга путешествий» Эвлия Челеби, очерки и предания в записях Агафангела Архипова, «Ногайский язык и его диалекты» Н. Баскакова). Даже на современном этапе, в исполнении эпической песни одним и тем же певцом можно пронаблюдать разное произношение одних и тех же слов. В одной строке певец может произнести: «ел», в другой строке «жел» (ветер), «бас» — «баш» (голова), «яман» — «жаман» (плохо), «гяур» — «жаур» (враг).

В нашей семье мать произносила одни и те же слова то йокая, то джоякая, а мы, дети, разницу никогда не чувствовали. В мой родной аул Орак-эли в 50-е годы в семью Бекуатовых попала абазинка из аула Кубина, в ауле она научилась ногайскому языку и до сих пор слова произносит с джояканьем. Жоканье наблюдается у черкесов, говорящих на ногайском языке, есть такая группа среди жителей аула Токтамыс (современное название Икон-Халк). В одной стороне этого аула говорят: «ясау» (жизнь), а в другой — «яшау». В языке ногайцев при внимательном изучении можно пронаблюдать смены звука «с» на «ш», «м» на «б», «о» на «у», «и» на «э», «у» на «г». Особенно это характерно для фольклора, где более устойчиво сохраняются говоры. В одной и той же песне я наблюдал, как *йырау* пел, произнося: «бурын» — и «мурын» (нос), «шонкыр» — и «шукыр» (яма), «солай» — и «шулай» (так), «аьне» — и «эне» (тот), «кардаш» — и «курдаш» (родственник), «яйлау» — и «яйлаг».

Несомненно, что под сильным воздействием литературного языка разговорная речь современных ногайцев подверглась стандартазации, чувствуется повальное йоканье, особенно у молодого поколения. В прошлом, когда литературный язык влияния не оказывал, существовали различные говоры. Произношение слов во многом зависит и от темперамента говорящего. При скоропалительной речи ногаец невольно начинает йокать, а при степенной, вразумительной беседе звучат джоякающие и жокающие слова. Перенимающие язык «инородцы» начинают жокать только потому, что стараются быть понятыми. Даже у казахских певцов я заметил, например (и это притом, что они, в основном, жокают), что исполняя эмоциональные отрывки, они старательно выговари-

вали вместо «журек» (сердце) — «юрек», вместо «жасы» (слёзы) — «ясы» и т. д.

Современный стандартизированный ногайский язык тоже подвергается изменениям. (Я не говорю об изменениях в связи с влиянием русскоязычной среды, заимствованием русских и иностранных слов). В нашем языке довольно заметно смягчение согласных и гласных звуков и их проглатывание, сокращение. Объяснение этого я оставляю за лингвистами. Известный ногайский писатель Фазиль Абдулжалилов не без юмора отмечал удивительную «ленность» ногайцев, говоря: «Даже слова полностью выговаривать ленятся наши люди. Многие у нас вместо того, чтобы сказать: «Алла сокпасын сени!» (Пусть Аллах не ударит тебя), одни произносят: «Алла сын сени!», другие вообще несут несурезицу: «Ыссын сени!»

Ногайский язык вместе с казахским и каракалпакским языками составляют одну ногайско-кипчакскую подгруппу тюркских языков. Он окончательно сформировался в Золотой Орде, на его основе был создан величайший ногайский эпос. После распада Золотой Орды и территориального разделения с казахами и каракалпаками эпос сохранялся и развивался только у трёх народов — это подтверждается наличием большого числа вариантов ранних исторических песен и возникновением новых поэм о потомках Эдиге. Язык эпоса трёх народов: ногайцев, казахов и каракалпаков — один, сохранились целые песенные клише, совершенно идентичные и в каракалпакском, и в ногайском, и в казахском эпосе, герои его одни и те же, ногайские батыры — Эдиге и его потомки. Разумеется, у каждого из названных народов есть и другие, оригинальные песни.

После раздробления ногайского государства из-за внутренних и внешних войн его население стало быстро сокращаться, а после двух крупных переселений со своей исконной территории в пределы Турции ногайцы утратили былое могущество. На Северном Кавказе остались клочки территорий, населённых ногайцами, представителями племён, живших в разных концах прежнего ногайского государства: в Буджаке, на Молочных Водах, на Волге и Яике, в низовьях Кубани и на Дону. К началу XX века, по официальным советским данным, ногайцев осталось около 50 тысяч человек. По данным турецких ученых — около трёхсот тысяч. Тюркские учёные, указывая на малочисленность народа и тот факт, что ногайцы живут на окраине своего прежнего государства, никак не могут согласиться с тем, что когда-то язык ногайцев был общепринятым языком всех евразийских тюрков. А ведь один факт распространения ногайского эпоса и на башкир, и на татар, и на казахов, и на каракалпаков является подтверждением тому. Язык эпоса был доступен всем этим народам.

Все памятники письменности и культуры тюркских племен и народностей с V до XIV в. (до образования современных народов) принято считать общими. Исходя из этого, хочу сказать, что предки ногайцев имели прямое отношение к орхоно-енисейским надписям. Об этом свидетельствуют названия ногайских племён, генеалогические связи которых уходят во времена древнетюркских каганатов. Среди них достаточно назвать сохранившиеся до нашего времени племена *уйсин*, *канглы*, *телеот*, *баис*, которые фигурируют на исторической сцене задолго до создания мировых древнетюркских государств.

Наличие богатого материала по тамгам — родословным знакам, полностью идентичным древнетюркскому руническому алфавиту — тоже даёт повод говорить о том, что у далёких предков ногайцев была широко распространена письменность. Такие исторические и литературные памятники, как «Словарь Махмуда Кашгари», «Кодекс Куманикус», «Кутадгу билик» Юсуфа Баласагуни, творчество Хожа Ахмеда Ясави, Сейфа Сарай имеют прямое отношение к ногайской культуре.

Ногайская письменность в дооктябрьский период не была изучена, и только в советский период, когда у ногайцев после длительного перерыва появились собственные учёные, начали выходить научные труды по этой тематике. Особо надо отметить работы А. Сикалиева, Р. Керейтова, А. Курмансеитовой.

А. Сикалиев [20]¹ приводит следующие факты о наличии ногайской письменности: «Князья и мурзы ногайские грамоты свои в Москву писали обыкновенно на своём языке», — отмечал Г. Перетякович [21, 209]. На ногайском языке вели иногда переписку и крымские хаиы [22, 161]... Древнетюркские племена, в том числе и древненогайские, с VI по X вв. писали древнетюркским руническим алфавитом [23, 143]. «С VIII в. среди тюркских племён распространяется уйгуро-наймановский алфавит. Ногайцы этим алфавитом пользовались наравне с арабским до XVIII в. В Ставропольском краевом архиве хранится свыше 7000 документов XIX в., написанных на ногайском языке арабским шрифтом».

А. Сикалиев также приводит факты, свидетельствующие о бытовании среди ногайского народа рукописных книг. «Язык произведений ногайских авторов был близок разговорному, — пишет он, — поэтому они имели широкое распространение среди всего населения — изустно или в рукописных сборниках¹. Ногайская лиро-эпическая поэма «Бозйигит» была переведена во второй по-

¹ Цитаты в тексте на этой и след. стр. и сведения об источниках извлечены из указ. соч.

ловине XIX в. с ногайской рукописи на казахский, татарский и другие языки...» [24, 225].

Следует отметить, что письменностью пользовалась незначительная часть населения. Как эпические песни, так и произведения староногайских поэтов распространялись среди широкой части населения в устной форме, но рукописные кораны, мусульманская духовная литература (*антиеки, амаилы, «маульты»*) бытовали в народе. В каждом ауле имелся религиозный служитель и его ученики.

Впрочем, случалось, что произведения староногайских поэтов распространялись и в рукописном виде. Хотя мы не имеем древних свитков, но сохранившиеся рукописи XIX века свидетельствуют о том, что они переписывались из поколения в поколение.

Древненогайские поэты часто находились при высшей власти. Знать при переписке с московскими правителями в качестве подарков часто требовала писчую бумагу в большом количестве. Поэт Шал-Кийиз Тиленши улы был приближенным бия Темира (XV в.); поэт Казтуган Суйиниш улы сам являлся представителем высшей аристократии, верховодил народом, именно под его руководством часть племён была переселена с Волги на Кубань в конце XVI в.; Досмамбет Азаулы, живший в начале XVII в., в исторических документах фигурирует как ага-феодал, он владел поместьем под Азовом, которое называлось Каратаяк; легендарный Сыбыра, переживший многих ханов, служил придворным поэтом. Всё свидетельствует о том, что эти люди были хорошо образованы.

Следует упомянуть, что в послеоктябрьский период, когда произошла дифференциация тюркских народов евразийского пространства, литературные языки претерпели огромные изменения. Составители новых алфавитов много потрудились для того, чтобы родственные народы не поняли друг друга. И ногайский алфавит не стал исключением, семь раз он подвергался изменениям.

Я думаю, что это делалось не без цели, режиссёры данной акции пытались свести на нет объединяющее начало ногайского языка. Примечательно то, что после перехода на кириллицу ни в одном научном труде не было дано объяснения «странным» ногайским буквам: *аь, оь, уь, нь*. Сравним русско-ногайский и ногайско-русский словари,

¹ О сборниках и рукописных книгах, указывает А. Сикалиев, см.: Корнис В. Краткий обзор положения ногайских татар (Телескоп, 1836, № 9—12, с. 4); Семёнов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа (СПб., 1895, с. 486—487); Радзиевская С. В. Описание рукописей научной библиотеки им. Лобачевского. (Казань, 1958, вып. 1, с. 1—13).

изданные под редакцией известного тюрколога Н. А. Баскакова. В русско-ногайском словаре дается таблица с алфавитом русского языка, предлагается и правильное произношение, а в ногайско-русском словаре просто перечисляются буквы ногайского алфавита, без транскрипции и каких-либо пояснений.

Когда появилась возможность говорить о проблемах народов,

т	н	ѣ	□	т	♀	т
ѣ	н	х	з	ъ	♀	т
х	н	і	♀	н	///	
у	н	з	д	л		
с	ѣ	з	т	ѣ	т	
ъ	т	н	⊗	♀	л	
л	♀	х	ш	ѣ	л	
л	□	у	у	н	с	
о	н	ъ	ѣ	=	ѣ	
с	♀	т	т	н	и	
с	н	ъ	ѣ	і	—	
з	т	т	д	т	ѣ	
л	т	н	т	о	о	

Ногайские тамги — буквы древнетюркского алфавита

подвергшихся тоталитарному издевательства, Советский фонд культуры в 1989 году собрал в Москве представителей ногайского народа, чтобы заслушать доклады обо всех невзгодах. На заседание были приглашены видные учёные, в той или иной степени соприкасавшиеся с проблемами ногайцев, среди которых оказался и Н. А. Баскаков. Я знал его труды, и мне было любопытно послушать его, однако большинство приехавших не обратили внимания на седого, старого человека, апатично оглядывавшегося по сторонам и увлечённого, в основном, протиранием своих очков. Когда же ему предоставили слово, его речь потрясла всех присутствующих.

Стенографическая запись той памятной речи должна храниться в Российском фонде культуры¹. Учёный произнёс буквально следующее: «Я чувствую себя виноватым перед вами, ногайцами... В начале 30-х годов по заданию Миннаца я объездил все районы проживания вашего народа. Мне, тогда молодому специалисту по тюркским язы-

кам, было поручено сделать анализ и определить возможности создания письменности и возможности обучения детей ногайскому языку в школах. В силу большой рассеянности ногайских населённых пунктов и невозможности в те времена практически решить вопрос централизованного обучения, я предложил, чтобы астраханские ногайцы обходились татарской письменностью и пользовались учебными пособиями из Казани, дагестанские ногайцы могут воспользоваться письменностью и литературой, издаваемой для кумыков, крымские ногайцы могут воспользоваться письменностью и литературой крымских татар. Такое заключение подсказывалось условиями на местах, но я себя корю за это. И теперь понимаю, к чему это привело...»

Последствия известны. Астраханские, юртовские и карагашские ногайцы были переписаны татарами, бабаюртовские и сулакские ногайцы в Дагестане частично ассимилированы кумыками, а оставшаяся часть изъясняется на кумыкском языке. Крымские ногайцы ещё до появления интеллигенции с национальным самосознанием были выселены со всем населением полуострова, потеряв в результате стихийного возвращения этнотерриторию, расплылись, и об их самобытности не может быть и речи.

Возможно, что крупный профессор не до конца был искренен, он, видимо, имел заранее известную цель ещё в те далекие годы, направляясь в районы проживания ногайцев. Уже тогда прогрессивная часть тюркских деятелей культуры делала попытки создания единого литературного языка для всех тюркских народов, проживающих на территории СССР. В то время народы намного малочисленнее ногайцев имели свои автономии.

Но для советских идеологов главным было убрать с государственной арены народ, язык которого мог объединить казахов, татар, башкир, узбеков и северокавказских тюрков. Представители прогрессивной интеллигенции астраханских ногайцев подверглись гонениям и уничтожению задолго до массовых репрессий в стране. Что произошло с сибирскими ногайцами, мы не знаем, но, видимо, их постигла та же участь. Правы ногайские обыватели,

¹ В архиве АН СССР сохранились протоколы заседания терминологической комиссии научного совета Всесоюзной центральной комиссии нового алфавита (ВЦКНА), на котором было принято такое решение: «Согласиться с заключением Баскакова Н. А. о слиянии языков астраханских ногайцев с татарским, крымских ногайцев с крымскотатарским и бабаюртовских ногайцев с кумыкским. Для северокавказских и дагестанских ногайцев сохранить самостоятельный литературный язык». (Ф. 676, протокол заседания науч. совета ВЦКНА от 2.06.34).

утверждающие, что на протяжении всего этого века ногайский народ состоял в чёрных списках...

...Оказавшись как-то в Алма-Ате, первые два дня я не мог свыкнуться в повальным жоканьем (последствия влияния литературного языка) казахов, но через двенадцать дней я сам жокал, как настоящий казах. Общаясь с каракалпаками, не сразу понимаешь слова терминологического характера, проникшие через узбекский, а туда, в свою очередь, из арабского и персидского языков, но долитературный каракалпакский язык наиболее близок ногайскому. Опять-таки буквально дней за пятнадцать начинаешь понимать каракалпакский и разговаривать. За месяц можно преодолеть барьер произношения и беседовать с карачаево-балкарцами, гагаузами и крымскими татарами, а чтобы общаться с кумыками, достаточно одного дня — прислушаться, привыкнуть. В этих языках чувствуется древнее родство, бывшее единство языковой стихии.

Кириллица — не самый удобный алфавит для ногайского языка. Все отмечают преимущество латинского алфавита. Кроме того что, как уже было отмечено, один звук обозначается двумя буквами, в ногайском алфавите при переходе с латинского на кириллицу латинскую «V» перевели буквой «В», а обозначает она звук «УВ». Обучаясь в школе родному языку, дети подвергаются огромным трудностям, пытаются правильно прочесть слова с буквой «В». Впрочем, это относится и к взрослому населению. Например, пишется «авыл», а читается «аул», пишется «сав», читается «сау» (здоровый), пишется «савгле» — читается «сауле» (луч) и т. д. Когда турки начинают интересоваться современной печатной ногайской литературой, они читают книги с удивлением. Самостоятельно, без толковых объяснений, изучить ногайский язык почти невозможно. Легче, наверное, постигнуть язык древних шумеров, чем современный ногайский. Этим и занимаются современные ученые-тюркологи...

Однако вернёмся к предмету нашего разговора. В книге «История Древнего Востока» (1948) В. И. Авдиев одним из первых выдвинул следующее предположение: «Древний шумерский язык стоял на уровне развития яфетических языков. Изменение формы слова достигалось не при помощи окончания, а при помощи приставок, которые присоединялись к корню. Поэтому шумерский язык является агглютинирующим языком, который близок к тюркским...»

Олжас Сулейменов избрал всего 60 слов из шумерского языка и перечислил аналогии с тюркскими языками. Системность отбора, конечно, впечатляет, но мы не можем найти в индоевропейских языках сто слов, схожих с ногайским, вообще с тюркскими

языками. Разрыв в несколько тысячелетий порождает стену сомнений: там — древнейшая культура земледельцев, что у них может быть общего с кочевниками-тюрьками?!

Олжас Сулейменов, человек с богатым внутренним миром, острым поэтическим чутьем, обнаружил главное: Бога! А перед Богом все равны: и кочевник, и земледelec. Шумерский бог неба Денгир — это ие кто иной, как Тенгри у казахов и каракалпаков, Тангри у ногайцев, Тенгир у чувашей, Тейри у карачаевцев и балкарцев. Бог живёт в душе каждого тюрка. У имевших довольно разветвлённые этнические связи с тюрками монголов тоже есть бог Тенгир. Бог не отрицает другие религии, поэтому тюрки так легко переходили из одной религии в другую, становились христианами и мусульманами, буддистами и зороастрийцами.

О веротерпимости древних тюрков свидетельствует много исторических фактов, но есть один, самый выразительный: в период стаивления тюркской Хазарии там сосуществовали три мировых религии. Хазария была единственным государством после падения Иудеи и до создания современного государства Израиль, где правящая верхушка представлялась иудеями. И произошло это не в результате завоевания или насильственного покорения, произошло из-за того, что людей не разделяли по вероисповеданию. Любoй тюрк мог принять любую религию и в то же время сохранять в душе своего тангри. Когда одна из религий начинала насаждать свою монополию в тюркском государстве, вспыхивали восстания, распри. Даже после распада Хазарии ещё долго существовали населённые пункты, где тюрки придерживались иудейской веры, достаточно напомнить о караимах в Крыму, о городе-крепости Чуфут-кале при столице Крымского хаиства, о джугут-аулах (еврейских, иудейских аулах) в Дагестане, в Карачаево-Черкесии. Роды ший-джуут и сал-джуут сохранились даже у нас, ногайцев. Тюркский бог Тангри был великодушен: он уважал любую одухотворённость человека. Сам же Тангри существовал во всем мироздании, во всех явлениях, одушевлял собою все предметы: космические, подземные и подводные создания. В некоторых преданиях тюрков говорится о 99-ти божествах-тенгри. У ногайцев сохранилась поговорка: «Дуняядынь ток сан тогыз киеси бар» («В мире девяносто девять кие имеется»).

Великий американский учёный-шумеролог Сэмюэл Ной Крамер, кстати, выходец из России, посвятил всю жизнь восстановлению и возвращению человечеству памятников литературы древних шумеров. Прделав огромный труд, он отдал первенство в истории человеческой цивилизации культуре шумеров. До С. Н. Крамера и в его годы деятельности русские учёные-востоковеды Н. П. Лихачёв, М. В. Никольский, современники Крамера академик В. В.

Струве, И. М. Дьяконов, Л. А. Лапин немало сделали для исследования шумерской цивилизации. Роль С. Н. Крамера особая: он собирал шумерские клинописи по всем музеям мира, систематизировал их и представил мощнейшую древнюю литературу во всей полноте.

Но вернёмся к Олжасу Сулейменову и его труду. Анализируя язык древних шумеров, он пишет: «Я увидел, что наибольшее число соответствий падает на два класса: а) Бог, б) Человек. Системность схождения и расхождения смысловых и формальных исключала возможность случайных совпадений и во многих случаях доказывала зависимость, обратную той, которую я предлагал вначале, многие шумерские слова из этих двух классов были зависимы от тюркских. И притом, что ещё более поразительно, — шумерские заимствования сохраняли диалектные особенности, которые сохранились в тюркских языках до наших дней и довольно подробно описаны. Это могло значить, что шумеры общались не с общетюрками и не с одним из тюркских племен, а с несколькими».

Сулейменов видит в этой схожести не генетическое, а культурное родство. Возможно, что шумеры сохранили отголоски одной из предшествующих цивилизаций.

Интересен подход к этому вопросу карачаево-балкарских учёных. Они в уже упоминавшемся мною труде переносят прародину тюрков в Волго-Уральский бассейн и объясняют родство языка и культуры шумеров и тюрков географической близостью. Догадки, предположения могут быть разными. Но факт тот, что всякий тюрк найдёт в древнешумерской литературе близкие слова, термины и даже сюжеты.

Мне, как бедному родственнику, хочется попасть на этот пир, где раздают подарки и призы, где может так случиться, что улыбнется счастье и достанется самое ценное и лакомое. Так не раз происходило в наших сказках и мифах, где дряхлый, старый, оболганный конь становился Тулпаром, преображался в Пегаса, возносящегося до самых небесных светил. Моё внимание привлек Бог. Только для нас, людей, нет Бога без человека, Он существует лишь в нашем сознании и подсознании. Имя Бога мы произносим в последний час своей жизни, передаём через него свои чаяния, потомкам завещаем свято хранить имя Его. Трудно сказать, о каком образе Бога мы думали, появившись на свет, но совершенно определённо то, что первым мы увидели лик своей матери. Так что жизнь свою мы начинаем с имени матери и заканчиваем именем Бога.

Приведу ногайские совпадения с шумерскими словами на основе таблицы О. Сулейменова (см. на следующей странице). Я выбрал из неё только некоторые совпадения и на удивление очень точные схожести.

Для меня представляет большой интерес ещё одно наблюдение О. Сулейменова. Он пишет: «Тюркские языки, на мой взгляд, находились в состоянии древнейшего культурного родства с шумерским, древнего с монгольским и позднего культурного родства с арабским. Причём позднее культурное влияние не вытеснило окончательно результатов древнейшего, а как бы накладывалось на него, затушёвывая, оттесняя в пассив, но повторяем, не уничтожая. Это удивительное свойство языка (многоэтажность) проявилось в казахском термине «Алла — Тангри», которым последние тюркские кочевники называют Единого, Неделимого бога (имя бога не искажается, термины религии — самый выносливый класс в любом словаре)».

В связи с этим наблюдением мне хочется добавить и о культурном родстве с персидским языком. Имя Тангри, кроме названного Сулейменовым сочетания, у ногайцев, кстати, как и у казахов и каракалпаков, очень часто употребляется в термине «Кудай — Тангри» (Кудай по-персидски означает бог).

Удивительно то, что этот термин есть почти у всех евразийских тюрков и даже у алтайцев, менее других подвергшихся влиянию мусульманского Востока). У ногайцев употребляется и как «Алла-Тангри», и как «Алла-Кудай», и как «Кудай-Тангри», так что получается трёхэтажная накладка по отношению к Единому, Неделимому Богу. Возможно, что в этой способности тюркского языка заложена разгадка долговечности, а не в том, о чём говорит А. Каримуллин.

Культурные отношения связывали тюркские народы с ираноязычными задолго до периода мусульманизации тюрков. Об этом пишут многие учёные, в том числе О. Сулейменов в рассматриваемой книге. Если в случае с семитскими словами в тюркских языках ещё совсем недавно учёные, используя метод сравнения, могли выявлять язык-первоисточник, то уже совпадение шумерских слов с тюркскими изменяет все ранние представления. Каким образом отголоски древнейшей в мире цивилизации сохранились у тюрков?

Проблема происхождения и родственных связей шумеров вызывает немало споров. Исследователи нашли много общего в археологических материалах Передней Азии и Евразии. На этом основании высказывались различные предположения. Многих учёных поразили находки из Майкопского кургана на Северном Кавказе, которые очень напоминали золотые вещи из шумерских захоронений. В Южном Дагестане и в Енотаевском районе Астраханской области были при раскопках обнаружены образцы клинописи, очень похожие на шумерские. Учёный Р. М. Мунчаев в работе «Кавказ на заре бронзового века» (М., 1976) допускает, что от-

Шумерский

Тюркские

Ногайский

Ада — отец	Ата, Ада (общетюркск.)	Ата (общеногайск.); Дада, Ака, Акай (локальное)
Ама — мать	Ама (общ.); Аба, Апа, Ана	Ана (общ.); Аба, Авай, Шеше Тетей (лок.); Ам — детородный орган
Амар — детёныш, телёнок (в акадск. Мар — сын)	Мара (Мала, Бала, Пала) — дитя, Ни-Мара внук, Ще-Батьре — правнук	Балай, Малай — дитя, Марка — ранний приплод у скота; Немере — внук; Шебере — правнук
Ту — родить	Туу (Тугу, Туву, Туру) — родить (общ.); Ту, Туг, Тув, Тур — роды, родись	Ту — роды (рождайся); Туу — рождение
Думу — дитя, потомство	Тумь — рождение; Тума — дитя	Туум — потомство; Тунгыш — первенец; Туган — родной, родился
Тир (Тил, Ти) — жизнь	Тирик (Тири) — живой (общ.) Турук — живой; Туру — жить; Тур — живи	Тири — живой; Тирилик — оживлённый; Турысы — образ жизни; Турак — жилище
Кир-сикил — девственница	Силик кыз — девственница (устойч. сочетание)	Секкили киз — бесподобная, чистая девушка
Ерен — рядовой воин, работник	Ерен — рядовой воин, последователь	Ереул — авангард в войсках Иерен — последователь, исполнитель
Даим — постоянно	Дайым — всегда (общ.)	Дайым — постоянно, всегда
Кура — страна	Курал — объединение; съезд страны — Курылтай	Кырал — страна; Курылтай — съезд страны
Кур — гора	Кур — воздвигай (общ.); кыр — горный хребет; Кура (Кора) — стена, то, что обнесено стеной; Куьр — могоильный холм	Кур — строй, воздвигай; Кыр — горный хребет; Кора — забор; Коьр — могила, курган
Кир — земля	Кир — грязь, глина	Кир — грязь
Дили — черта	Тилик (Тили, Дилик, Дили) — черта, полоса	Тиль — полосуй; Тилик — черта
Уш — три	Уш (уч, ус, ис) — три	Ушь — три
Ен — высший	Ен — высший, предельный; ширина круга	Энь — высший, предельный
Уд — обнь	Уд (От, Од) — огонь	От — огонь
Удун — очаг	Утун — (Удун, Отун, Одун, Отын) — дрова, топливо	Отын — топливо; Отжак — очаг; Ожак — дымоход
Дуб — глиняная	Туп — жжённый кирпич	Тап — отпечаток, след; Таба — сковородка, глиняная тарелка; Тамга — тавро

дельные группы шумеров могли проникнуть на Северный Кавказ в III тысячелетии и «занести культурные достижения своей страны». Английский ученый Г. Чайлд, доказывая, что находки Майкопского (в Адыгее — *И. К.*) и Новосвободненского курганов в Прикубанье сходны с археологическими находками раннего Шумера, допускает, что богатые металлами районы Северного Кавказа могли привлечь жителей Месопотамии. Чешский ученый Б. Грозный выдвинул обратную гипотезу: о приходе шумеров с севера.

Некоторых ученых, наверное, недаром поражают археологические находки, подчеркивающие этнические свойства степняков. Так, в датированных VII—IV тыс. до н. э. древних курганах Евразии, охватывающих территорию от Алтая до Дуная, среди предметов, сопровождающих покойного, находят деревянные колёсные повозки. Подобные были обнаружены и в месопотамских царских гробницах шумерского города Ура. В древних, да и в поздних евразийских курганах очень часто среди украшений и вещей находят астрагалы (альчики), иногда в большом количестве. Игра в альчики — это очень древняя и распространенная среди степняков традиция. Играл в альчики и я в детстве, помню, что у меня, как и у многих аульских ровесников, их была целая тряпичная сумка, главный альчик (*сака*) один из моих дядей специально утяжелял, заливая свинцом, так было удобно для метания. В одном из курганов Предкавказья был найден «бараний астрагал, отлитый из бронзы». Любопытно, что среди вещей, найденных в царских гробницах г. Ура, были хрустальные астрагалы. Эти находки говорят о существовавшем общем культе.

Есть ещё одно предположение, оно будет мистично для мировой науки, но почему не допустить, учитывая стремление древних тюрков, гуннов, тюрко-монголов в Переднюю Азию, что пратюрки вышли из Шумера? В результате стихийного бедствия, войны одна часть погибла на исторической родине, а другая — через тысячелетия возродилась в древнетюркскую Сибирь (Сулейменов говорит о тождестве названий: Шумер и Суб-йер, о значающее Вода — Земля.

По-ногайски *Сыбыр* означает залежная земля, затаявшаяся земля, тайга, от ногайского слова *сыб* — закрытость, но у этого слова есть более древняя этимология: жип, йип — нить, сплетение. В. Бартольд приводит странное древнее название государства чагатайдов: Улуг Иф — Великая Нить. (Под сплетением, переплетением, кроме единства, понимается и закрытость). По предполагаемой версии тюрки могли быть генетически настроены на вечное кочевание, например, как цыгане, некогда покинувшие Индию.

Как я уже высказывался ранее, для доказательства этнического родства археологические данные не являются веским аргу-

ментом, поэтому исследователи упорно выявляют родство языка шумеров с известными языковыми системами. Язык — это выражение культуры.

В ногайском языке сохранились названия самых древних государств в мире. Это говорит о познаниях народа, о каком-то соприкосновении с этими странами, имевшими место в древности. Так, Египет у нас называют Миср, Сирию — Шам, Китай — Шин и китайцев — народом, живущим за стеной, доходящей до неба, Византию — Рум, Вавилон — Бабил (т. е. Баба-эль — Страна предков). Некоторые учёные, найдя десяток схожих слов с каким-либо древним народом, твёрдо уверены, что это их пранарод, мы же, турки, имеем несколько сот схожих слов с языком древних шумеров, но робею, не знаем, как подойти к проблеме.

Я думаю, что Олжас Сулейменов прав, сказав, что сначала был Бог. Единственный и неопровержимый символ принадлежности!

Кроме названного главного бога шумеров Дингира, я хотел отметить таких шумерских богов и богинь, как Инанна, Нинхурсаг, Энки, Энлиль, Аи, Ки, Уту. Они имеют один смысл и созвучны с ногайскими словами в фонетическом отношении. Так, бог огня Уту соответствует ногайской святыне *От иеси* (хозяин Огня), бог неба Ан — ногайскому *Уьн* (дыхание природы, неба), бог земли Ки — ногайскому *Кие*, хозяин Святыни, имя шумерской богини ветра и воздуха Энлиль можно объяснить следующим составом ногайских слов: эн + ель, от эн — виедряй, эндиру — виедряйся и ель — ветер, *Энель* — виедряющий ветер. Корни имени богини созидания Нинхурсаг можно поискать в следующем словосочетании: Нам (нам) + Курсак, *Нам (нам)* по таблице О. Сулейменова общетюркское «судьба», *Курсак* (по-ногайски) «чрево». Буквально имя богини означает Судьба-чрево. Кроме того, в шумерской мифологии есть гора плодородия Хурсаг, что полностью совпадает по смысловому значению с ногайским словом *Курсак* — Чрево. Богине Инанне в ногайском языке соответствует слово *Инан* — Вера, Предрасположение. У шумеров был даже бог кирпича Капту, по-ногайски формовка кирпича называется *Кеп*, иногда *Кап*. И само слово *кирпич* имеет ногайское происхождение: *кир* + *биш* — грязь + жёная, хотя О. Сулейменов объясняет это древнетюркскими словами: *кир* + *пичик* — «глиняная книга».

Одним из главных шумерских богов считался Энки — объяснение аналогичное: *Эн* — Виедряющий, созидающий, *Ки* — святыня, Созидающее божество (см. ранее — Эндир = *шопнай* — кукла, которую носят для вызывания дождя с соответствующей песней, имя переводится как Виедряющий молнию).

Любопытно сообщение С. Н. Крамера: «Четвёртым созидатель-

ным божеством была богиня мать Нинхурсаг, известная также под именем Нинмах («Высокая госпожа»). В более древние времена она пользовалась еще большим почетом, имя её в различных списках богов часто ставилось впереди Энки. Есть основание предполагать, что прежде она звалась Ки (Земля) и считалась супругой Ана (Небо), и что эти два божества породили всех остальных богов» [25, 120].

В связи с этим я хочу еще раз напомнить о ногайском Ки + ие (букв. Святыня, божество — хозяин), ведь это слово в основном связано с захоронениями, с кладами в земле, следовательно, можно допустить, что архетипом слова было не что иное, как шумерский бог земли Ки.

Вслед за Олжасом Сулейменовым (опять-таки не делая ссылки на его работы) многие учёные-тюркологи объясняют загадочное название древнерусского города Киев тюркским словом *кieu(в)* — зять.

Я давно сомневаюсь в правомочности такого толкования. Так могли назвать его тюрки, берендеи, черные клобуки, половцы, но зачем древнерусскому населению именовать свою столицу Городом Зятьёв (естественно, двуязычному населению — тюрко-славянскому, а может быть, и скандинавскому).

Хочу предложить другое толкование: Ки + Ев (ног.: Святыня, т. е. Божества + Дом), Святой город, Город с мощами. В раннем средневековье это название вполне устраивало бы христиан-тюрков и христиан-славян. Ногайское название церкви килсе, греческое — де килссо тоже имеют один корень Ки (святыня).

Ни в коем случае я не оспариваю очерёдности переименования, вполне возможно, что между шумерским и тюркскими языками существовали промежуточные языки, через которые шумерские слова попали в тюркские. Возможно, но факт тот, что слов, тождественных и по звучанию, и по смыслу, немало. Ногайское слово *кылыну* (молиться) тоже принадлежит к этой категории. Название среднеазиатского города Кива (Хива) подобным образом восходит к святыне Ки. Ногайское название мавзолея — кишине — тоже имеет это объяснение. От данного корня происходит название столицы Республики Молдова — Кишинёв. Все эти топонимы своим происхождением обязаны тюркам и непосредственно ногайцам.

Здесь не мешает вспомнить о том, что древние египтяне духа-хранителя умершего называли Ку. И у ногайского Ки есть функции духа-хранителя, особенно в курганах. Может быть, божество Ки представляет собой отголосок какой-то древней общечеловеческой цивилизации?

Возможно, что промежуточным словом от исходного шумер-

ского Ки является иранское слово *киш* — религия.

Как указывает С. Н. Крамер, подземное царство, Аид греков, по-шумерски называется Кур [25, 139] (сравните с общетюркским, ногайским *коьр* — могила). Если человек касается не положенных ему дел, ногайцы всегда говорят: «*Сага онда атань-нынъ коьри барым?!*» («Что у тебя там, могила отца?!»)

В науке сложилось мнение, что слово курган когда-то означало *коьрхан* — могила хана. Ногайцы скрывали могилы знатных людей — это была большая тайна. Чтобы ввести в заблуждение, делали несколько захоронений, возводили ложные курганы. Объяснялось это не только боязью разграбления, но и стремлением оградить могилы от святотатства. Путешественники — современники древних тюрков, монголов и древних ногайцев — часто упоминают о секретах, тайнах кочевников, связанных с религией. Видимо, эти тайны прежде всего связаны с ритуалами курганных захоронений и представлениями о загробной жизни. Неудивительно то, что об этих представлениях осталось мало свидетельств: их скрывали от посторонних людей, тайными знаниями владели лишь шаманы и бакши. Культовые служители не посвящали своих соотечественников в секреты своего ремесла и передавали их только избранным. За много веков об искоренении древних представлений и ритуалов тангрианства позаботились мусульманские служители. Однако, как уже было сказано, какие-то моменты былой веры ногайцы пронесли через века. Вернемся ещё раз к ногайским мифам и преданиям.

По ногайским представлениям, умерший человек уходил в обитель теней — *сульдер*, там была своя жизнь и связь с оставшимися на земле. Конечно, уходить туда никому не хотелось, но о неизбежности смерти знал каждый, и её никто не боялся, поэтому ногайцы и их древние предки были так бесстрашны в боях. Человека, погибшего в бою за правое дело, в царстве теней почитали.

Древние авторы часто отмечают высокую нравственность кочевников и существовавшие между ними справедливые отношения. Это культивировалось также благодаря тангрианству. Трусость, предательство, прелюбодеяние, несоблюдение обычаев, непочтительное отношение к старшим каралось, считалось, что боги ведают всем и в земной, и в потусторонней жизни. Существовала постоянная связь этого мира с царством теней. Срам, как и геройский поступок живых достигал обители умерших, тени которых, в свою очередь, навещали землю и были в курсе дел оставшихся там. Чаще всего навещали землю тени неотомщённых, несправедливо убитых. Провожая человека в последний путь, ногайцы клали в

могилу всё самое нужное и ценное, потому что считали: в стране теней он будет продолжать свои деяния.

В рассказе «Бердази» я привёл случай, происшедший в моем ауле в 70-е годы. Умер старик, всю жизнь доносивший на аульчан: он писал анонимные поклёпы, и старики, обмывавшие труп, скрытно от муллы вложили в руки мертвеца карандаш, чтобы покойник и с того света продолжал строчить свои доносы. Но этот забавный поступок противоречил исламским обычаям, по которым умершему должны быть прощены все грехи...

Тень по-ногайски иазывают *кулььотки* (букв. «прошедший через прах»), видимо, слово сохранило свои культовые функции. *Кулььотки* — это тень, сопровождающая и человека. Об одиноком человеке говорят: «*кулььоткиден озге досы йок*» («нет у него друга, кроме собственной тени»). Если человек находится при смерти, измождённый болезнью, о нём тоже скажут: «*сынъар бир кулььоткиси калды*» («от него одна тень осталась»). Слово *сульдер* в современном понимании означает отражение, призрак, этимология этого слова неясна, но осталось довольно примечательное выражение в языке: «*Сульдер яшау*» («жизнь отражений», или «мир отражений»), и оно дает повод говорить о более широком применении слова. Я слышал немало поверий о злых душах людей, не преданных земле. За то, что люди не позаботились о них и не отправили должным образом в страну теней, они сердиты на них и посылают всякие напасти, смертельные болезни, убивают лучших людей.

Из рассказов, услышанных в раннем детстве, я знал, что вселенная состоит из семи (некоторые говорили из девяти) слоёв (*кат*) неба и семи (девяти) слоёв подземелья, и вся вселенная представляет собой форму яйца. Яйцо снесла живущая в космосе Белая Лебедь («Аспанда ушкан Ак-ку»). Млечный Путь у ногайцев называется *Ажи-йол* (Дорога паломников) — есть предание о том, что этот путь выложен выпавшими перьями Белой лебеди.

В сознании ногайцев до сих пор сохраняются суеверные воспоминания о божествах Су-неси (Хозяин Воды), Ер-неси (Хозяин Земли), Коьк-неси (Хозяин Неба). Название божества ветра — Аманбийке (Злая госпожа), спокойный ветер ногайцы называют Балыш (имя девушки). Легенда гласит: от тоски по погибшему возлюбленному девушка Балыш превратилась в ветер, летает по воздуху и разносит тоскливые песни. Очень много преданий об Албаслы (букв. Пестроголовая). Это человекоподобные, мистические животные с длинными волосами, с грудями, которые закидываются за плечи, ходят они враскорячку, бывают и злыми, и добрыми, прибирают двор, стерегут скот.

В детстве я слышал рассказы очевидцев о том, как они сталки-

вались с *албаслы* при разных обстоятельствах. Запомнилась одна история работника районного комитета партии, ездившего для описи имущества в карачаевские аулы после выселения их жителей. В одну из суровых зимних ночей завыли оставшиеся без хозяев собаки. Райкомовец и его сподручные находились на горе, в верхних домах. Взяв оружие, люди спустились вниз, чтобы узнать причину беспокойства животных. В лунном свете они увидели целое стадо удаляющихся албаслы. Это были крупные существа, больше человека. На следующий день во многих домах был обнаружен беспорядок, побитая посуда, а на снегу следы ног, намного превышающие человеческие...

У ногайцев сохранились поверья и об Уьй-иеси (Хозяине дома), по всем признакам он схож с русским домовым. Много сказок о шайтане, иблисе (дьяволе), джиннах, их сюжеты близки фольклору мусульманских народов. Оригинальны поверья об Елимаузе (букв. Невод-пасть). Считается, что в день лунного затмения Елимауз пытается проглотить спутник Земли, и, когда настает час затмения, люди начинают бить в барабаны, в тазы, чтобы разбудить сторожевых собак и отпугнуть чудовище. У ногайцев сохранились сказки об эмегенах — великанах и тепегезе — одноглазом великане.

В подтверждение этнонима «ногай», происходящего от монгольского «нохай» (собака) я собрал довольно весомый материал о *самырах* — божественных крылатых собаках. В ногайском фольклоре есть отголоски существовавшей некогда дочеловеческой цивилизации самыров. Самыры прилетели на землю из космоса. Самая яркая звезда на небосклоне называется Самыр-юлдыз (звезда Самыр). Видимо, это почитавшаяся древними египтянами звезда Сириус, её ещё называли Собачьей звездой. Она расположена в созвездии Большого Пса. Древние египтяне восхождение её на востоке связывали с рождением нового фараона. По ногайской легенде крылатые собаки до потери своих крыльев правили во вселенной, они до сих пор в космосе охраняют солнце и луну от Елимауза. Земные собаки, потомки легендарных животных, первыми предчувствуют наступление затмения и предупреждают людей о несчастье. Шаманы и бахши в своих заклинаниях обращались к самыру, чтобы передать им просьбы людей, а могущественные колдуны — камы — сами превращались в крылатых собак и попадали на небо к Тангри. Самыр считался ногайским тотемом.

У бурят священная собака называется «Нохай-тенгри», в древнерусских текстах присутствует образ крылатой собаки, называемой «ногай-птица». Большинство этих фольклорных образов я использовал в написанном мною романе «Книга отражений». У ногайцев сохранились легенды о лесных чудовищах: Агаш-киси (Лес-

вой человек) и Ангалак — охотница в образе дикой девушки. У Агаш-киси в груди топор, он всегда может напасть на человека, его следует остерегаться. Ангалак — девушка встречается с людьми, Эдиге — знаменитый герой ногайских песен — родился от лесной девушки Ангалак, но был ею брошен и вскормлен собакой.

В детстве я много слышал преданий об обыр-куртка (упырь-старухе), эти существа обычно живут в безлюдных местах, впрочем, неузнанные, они могут жить и среди людей. Люди должны остерегаться наводимой ими порчи: усыпив человека, они пьют его кровь.

Тотем ногайцев — крылатая собака

Уместно было бы сказать ещё о некоторых суевериях, связанных с землёй. Плано Карпини, посетивший в начале XIII века кочевников Великой степи, говорит о существовании у них бога земли Итога; в «Сокровенном сказании монголов» он называется Этуген, у ногаев назывался Ютаган — «Глотающий». Кочевники боялись этого бога и приносили ему жертву, для него сооружались «оба» (кучи камней на перевалах). У нас сохранились названия курганов Оба-тоьбе, видимо, наши предки знали

их предназначение. В ногайском языке есть слово *йоти*, означающее мор, наверное, оно связано в этом божеством.

Среди верований монгол, алтайцев известен подземный бог Ульген, он считался добрым богом, но требовал жертвоприношений. В ногайском языке имя этого бога звучит в широко употребляемом слове *овлген* — «умер», «умерший». Любопытно, что когда кто-либо умирает, кубанские ногаи говорят: *калды* «такой-то остался», караногаи: *кайтыс болган* — «такой-то вернулся», слово *овлген* («умер») — не произносят. Видимо, древние говорили так, чтобы душевное горе не ассоциировалось с богом Ульгеном.

Целостного представления о подземном царстве, бытовавшем у ногайцев, почти не сохранилось, как и легенд о строгой, упорядоченной жизни в стране теней. До сих пор жива легенда о Тяжеле.

«Тажель» буквально означает Венценосный. Старики обращаются к этой легенде в тех случаях, когда молодые на кладбище копают яму. Им советуют копать как можно глубже, боясь пришествия Тажеля. Тажель — чудовище, живущее под землёй, у него имеется табыр аскер — тяжёлая армия (так у ногайцев называется пехота с тяжёлым вооружением). У него и его воинов полуметровые железные копыта. Они непрерывно роют землю, пытаясь выбраться наружу, и могут сделать это в любое время, но обязательно выйдут на поверхность земли в день светопреставления и тогда своими копытами избородят всю землю. Вот почему старики просят рыть глубокие могилы. Хотя это предание напоминает о мусульманском Даджале, подобной легенды я не встречал ни у одного тюркского или соседствовавшего с ногайцами народа... Но Тажель не является главным в подземном мире, он играет там второстепенную роль.

К сожалению, преданий о подземном царстве до нашего времени дошло мало. Виной тому шестисотлетнее давление мусульманской религии. Но ногайцы, смешав с мусульманскими представлениями, всё же сохранили предание о том, что в Сульдере есть своя жизнь, подобная жизни на земле. Печально, что там нет света, царит сумрак и веет холодом. Не каждому там бывает весело, радостно. Чтобы у ушедших в страну теней было хорошее настроение, необходимо ублажать Тангри, приносить обильные жертвы, достойно проводить родственника в мир иной, не жалея ни оружия, ни драгоценностей, ни других принадлежностей — ему там всё пригодится.

ТЕНЬ НА КУРГАНЕ

Вероятно, Олжас Сулейменов прав, говоря о главной идее тенгрианства так: «Вера в буквальное воскрешение, в продолжение жизни на земле в том же образе человеческом. Пройдёшь через сон и очнёшься 1) как сурок и трава (если ты сын земли), 2) как солнце (если ты сын неба)».

Возможно... потому, что подобное представление живёт в подсознании у каждого тюрка... Ещё ребёнком я не раз закрывал глаза и думал, что когда-нибудь я так умру, многие годы пролежу в земле с закрытыми глазами, а после проснусь и выйду из-под земли, чтобы жить дальше. Эти мои представления часто навещают меня и сейчас. Может быть, основной идеей тенгрианства было буквальное воскрешение на земле...

Но мне ясны две субстанции — это жизнь на земле и в стране теней — и их непосредственная связь через Тангри и других божеств. Меня поразило описание подземного Аида у шумеров. Скрытые таинства тенгрианства, не понятые ни европейскими, ни мусульманскими авторами, можно обнаружить в шумерской литературе. Эта литература многие тысячелетия была недоступна человечеству, но теперь мы точно знаем, что она повлияла на все мировые культуры. С. Н. Крамер убедительно доказывает, что шумерская литература была не только первоисточником основных библейских сказаний, но и колыбелью всех литературных жанров.

Увязывая этот аспект с нашей темой, надо отметить, что только тюрки и монголы, приняв разные религии, в силу какой-то необыкновенной привязанности и небывалой консервативности сохранили отголоски представлений одной из древнейших в мире цивилизаций. Остальное человечество в поисках Бога пошло разными путями.

В своей книге «История начинается в Шумере» С. Н. Крамер приводит любопытную поэму шумеров «Нисхождение Инанны в

подземное царство», из которой мы узнаём некоторые подробности о стране теней.

Инанна — царица небес и хочет распространить свою власть и на «великий низ». Для этого богиня решает сама спуститься в подземное царство. Подземное царство в поэме называется «страной, откуда нет возврата». Эта формулировка сохранилась и в ногайском фольклоре («Барса — келмес эл») и в топонимике восточного побережья Каспия, где раньше жили предки ногайцев — одно из гиблых мест по сей день так и именуется: Барса-келмес.

Для достижения своей цели Инанна надевает «царственные одежды», берёт с собой царскую атрибутику: жезл, золотой венец и другие драгоценные вещи, т. е. то, что составляет содержимое богатых курганов Евразии.

Инанна должна пройти через семь врат в подземное царство. (Напомню: в ногайской мифологии подземный мир имеет семь слоёв).

Перед первыми воротами у Инанны снимают с головы царский венец, перед вторыми — знаки владычества и права вершить суд (жезл, чётки), перед третьими — «ожерелье лазурное» с шеи, перед четвёртыми — «двойную подвеску с груди», перед пятыми — «золотые запястья» с рук, перед шестыми — «покрывающую бюст сетку с названием «ко мне, мужчина, ко мне» (бюстгальтер), перед седьмыми — «повязку, одеяние владычицы бёдер». Затем семь судей *ануннаков* вершат суд. Сестра Инанны, богиня подземного царства Эрешкигаль (Эришкигал — буквально по-ногайски «супротивница») взглядом, словами и криками проклятий превращает Инанну в труп, который вешают на крюк.

Перед тем как спускаться в подземное царство, Инанна велит оставшимся:

На холмах погребальных заплачь обо мне,
В доме собраний забей в барабан,
Храмы богов для меня обойди,
Лицо расцарапай, рот раздери,
Тело ради меня изрань,
Рубище, точно бедняк, надень! [25, 169].

«Холмы погребальные» — курганы, плач, барабан, оповещающий о гибели значимого человека, царапанье лица, повреждение тела — всё это элементы древнего обряда похорои у ногайцев, тюрков.

Этот же обряд повторяют в Шумере через семь дней, когда в Куре над Инанной вершат суд.

Такие же события, происходящие и с шумерским царем Ур-

Наммой, попавшим после смерти в Куру, описаны в другом литературном произведении.

Там рассказывается о смертном человеке, хотя и о царе. «Но проходит семь дней», и до попавшего в Кур (ср. с ног. *коьр* — могила) Ур-Наммы доносятся «жалобы Шумера». Сопоставьте с нашими поминками в первый, седьмой и сороковой дни и в годовщину.

По мусульманским традициям, поминки делаются для успокоения души ушедшего. У ногайцев же, как и у многих тюркских народов, этот обряд похож на театральное представление: вспомните сцену похорон Измаила Алиева, поминки Кукотаю, описанные в киргизском эпосе. Устраивающие поминки хотят, чтобы собрался весь народ, чтобы целый мир знал об их горе. И обряд больше похож на вызов, на призыв. Женщины устраивают *сыйт* — коллективный плач, мужчины выводят *аваз*, тут же кто-нибудь сочиняет *бозлау* (стихотворную элегию), в котором говорится о земных деяниях умершего.

В Куре — подземном царстве, слыша «жалобы Шумера», царь Ур-Намма размышляет о своих деяниях на земле, о родственниках, о семье, о незавершённых делах и раздражается долгими и горькими сетованиями.

Оказывается, и у шумеров при определенных обстоятельствах тени могут подниматься на землю. С. Н. Крамер это обстоятельство поясняет так: «В «стране, откуда нет возврата» существует незыблемый закон: тот, кто прошёл сквозь адские врата, может вернуться обратно в мир живых только в том случае, если найдёт себе замену. Здесь даже богиня Инанна не в силах помочь. Ей позволяют вернуться иа землю, но не одной, а в сопровождении жестоких демонов, которым приказано ввергнуть её в ад, если она не найдёт другое божество, согласное её заменить».

Инанна взамен себя отдаёт демонам своего мужа, бога пастухов Думузи (ср. с ног.: Тамыз). Супружеские отношения у шумерских богов были своеобразными: ничто человеческое не было им чуждо.

Но нас интересует сам факт поиска замены для умершего. Именно этим обстоятельством объясняется изнурительная и бесконечная кровная месть у наших предков, которые уделяли особое внимание отмщению. Оно не заключалось в понятии «кровь за кровь»; убив даже главного виновника вражды, кровники продолжали убивать его родственников и потомков. Доходило до того, что совет старейшин племени, *куба* (объединения племён) устраивали *маслагат* (совет) и призывали кровников прекратить бойню. Для этого собирали всех старейшин племени или куба, число которых иногда доходило до ста человек, в отдалении от сакли или терме (большой юрты) они сходили с коней и, становясь на колени,

двигались к дому кровника, совершая аваз и прося прекратить затянувшуюся вражду» [6]. Этот обряд поражал воображение иностранных наблюдателей в ещё недалёком прошлом.

Самая длинная и беспощадная вражда была между ногайским бием Эдиге и Токтамыш-ханом.

В связи с этим хочу сделать небольшое отступление в XIV век, отмеченный всеми историками Золотой Орды как роковой для этого государства и как самый знаменательный для всей средневековой истории.

Дом Эдиге был приверженцем ханов Белой Орды. Хотя Белая и Синяя орды были единым государственным объединением и всё окружение, зачастую не разделяя, называло это государство по имени центральной ставки Золотой Ордой, по древней тюркской традиции государственности существовало разделение на крылья. Войска Синей Орды и составляли одно из крыльев объединённого войска. В результате распрей, смут, называемых в русской истории «Великой замятней», после смерти Урус-хана влиятельная часть аристократии не захотела иметь во главе государства недальновидных и развратных наследников-алкоголиков. И эта часть знати, возможно, под влиянием состоятельного городского населения, призвала на престол хана Синей Орды Токтамыша.

Первоначально новый правитель был поддержан и русскими князьями (в Куликовской битве Дмитрий Донской выступил на его стороне), и всемогущим Хромым Тимуром, который надеялся на защиту от посягательств крупнейшего в мире государства.

Отец Эдиге, согласно историческим документам — Балтычак, по эпической песне — Кутлуг-кая, был верным сподвижником Урус-хана. Он, как и темник Мамай, выступил против Токтамыша, и оба эмира отдали жизнь за сохранение установившихся до них законов престолонаследия. Двое знатных вельмож возглавляли знаменитые степные роды, сыгравшие большую роль в истории владычества монголов в Евразии. Мамай был представителем рода киян, а Балтычак — рода мангыт.

Темника Мамай в русских документах называют узурпатором, посягнувшим на власть в государстве, и это определение было подхвачено всеми крупными российскими учеными. На самом же деле он был приверженцем закона престолонаследия и ярым противником незаконно, по его мнению, взошедшего на трон Токтамыша. Все темники, правившие в Орде: и Ногай, и Мамай, и Эдиге — держали при себе ханов и правили от их имени. Кроме того, Мамай готовил какие-то нововведения в управлении страной, чему противостояли большие силы в государстве.

Главным в неприятии друг друга Мамаем и русскими князьями, как отмечает Л. Н. Гумилёв, были прозападные настроения

темника. Мамай опирался на капитал генуэзцев, его союзником выступил могущественный литовский князь Ягайло. И генуэзцы, и могущественная Литва были проповедниками католичества. Для Московской Руси опасность распространения католичества была намного сильнее зависимости от золотоордынского хана.

Поэтому предпосылкой Куликовской битвы было заступничество за золотоордынского хана Токтамыша, противника прозападного Мамая.

Конечно, Мамай стремился к власти, но он не был настолько фанатично охвачен этой идеей, как представляют некоторые историки, чтобы захватить престол. Такой мысли у него просто не могло возникнуть. Хан являлся сыном Неба, посланным править, так же, как и весь его род. Да, ханов низвергали, убивали, но новых провозглашали обязательно из монаршего рода, т. е. из чингизидов. В их право царствовать свято верил народ-войско. Более того, когда Золотая Орда уже распалась на ряд ханств, такой крупный исторический деятель, как великий князь Иван Грозный, почему-то держал при себе царя-чингизида Симеона Булатовича. Зачем? Боялся церкви? Напротив. Церковь мечтала о христианском правителе на Руси и сделала его впоследствии помазанником божьим. Может, боялся иностранного окружения? Нужен ли был Литве и Польше мусульманский правитель? А Казанское и Астраханское ханства Иван Грозный покорил силой.

Опять-таки обратимся к Л. Н. Гумилёву. Он впервые сказал о том, что тщательно скрывали его предшественники: «При этом на Москву большей частью шли люди энергичные и принципиальные. Так, татары-золотоордынцы, бежавшие после переворота Узбека в Москву, составили костяк русского конного войска, которое впоследствии и обеспечило победу на Куликовом поле» [26, 150].

Наверное, эти пассионарные ратные люди, новая знать, хотя и становились новообращёнными христианами, но в душе ещё сохраняли степного бога и обычаи ясака и торе. В одночасье искоренить многовековую традицию невозможно, поэтому после массового перехода на Русь понадобилось сто лет, эти люди продолжали, хотя и формально, подчиняться правителям-чингизидам.

Это отступление я делаю для того, чтобы подчеркнуть роль традиции в обществе и вернуться к обычаю кровной мести. Будучи массовой, она оставалась и осуществлялась, как обычай-пережиток. Кровников убивали не для земного утешения, это чувство появилось позднее, когда степняки под влиянием новых религий утратили понимание первородной сути мщения. Как уже говорилось, она состоит в поиске замены своему домочадцу, ушедшему в страну теней.

Традиция мести была одной из главных у степных рыцарей. И чем выше стоял человек на общественной лестнице, тем почётнее была эта миссия.

Современники и последующие историки не смогли вникнуть в суть вопроса и выпустили его из поля зрения. И мусульманские, и христианские хронисты обращали внимание на феодальные распри, тем более, что разрушение тенгрианских традиций для тех и других было выгодно и забвение их было обоим на руку. Но в степи, особенно в ногайском обществе, эта проблема стояла остро. Извечный вопрос: быть или не быть?! Если ты сходишь с дороги, завещанной предками, то есть ли смысл в твоём существовании?!

И Золотая Орда, и Ногайская Орда делали попытки изменить государственность подобно мусульманским страиам, могли перестроиться и на европейский лад. Поход Тимура и возвышение Московского княжества доказали Степи необходимость этой перестройки.

До конца XVII века Степь располагала и людскими ресурсами, и обширной территорией для становления значительного государства. Однако Степь жила прошлым, деяния предков в эпоху Чингисхана и Батыя возводились в идеал и подчёркивали исключительность образа жизни кочевников. Сами подумайте, если Багдад и все крупнейшие столицы мира падали ниц от одного вида степного рыцаря, то как можно уподобляться этим государствам?! Только возврата прошлого, возврата образа жизни могущественных предков жаждал степняк.

Видимо, эта консервативность и привела огромную страну к агонии самоистребления. Эпос «Эдиге» — величайший памятник образу существования степного рыцарства - это венец выражения беспощадного духа мести. В этом гениальном произведении даже такая очевидная для всего остального мира историческая трагедия, как поход Тимура и разорение крупнейшего в мире государства, ушла на второй план, даже такие естественные для эпического героя цели, как стремление к власти, беспокойство за будущее своего народа, страны нарочито ослаблены, на первом плане — месть клана Эдиге Токтамышу!

Исторический отец Эдиге Балтычак был приверженцем основной ханской ветви, идущей от Урус-хана. Верность государю, «жизнь за царя», «жизнь за хана» была основным принципом существования степных номадов.

Историческая подоплёка эпической вражды зафиксирована и средневековыми хронистами. В рукописи «Аноним Искандера» сообщается следующее: «Балтычака, который был главным эмиром (эмир-ал-умара), закованного и пленного, привели ко двору

Токтамыш. Так как его верность и добросовестность славились, Токтамыш сказал ему: «Если ты признаешь меня своим государем, то ни на один волос я не уклонюсь от указания почёта и уважения к тебе и вручу поводья распоряжения царством и имуществом в руки твоей заботы». Балтычак задрожал и ответил: «Если бы руки мои не были связаны, я ответил бы тебе. Пусть ослепнет тот глаз, который может видеть тебя на месте своего государя. Если в твоих руках власть, то прикажи, чтобы меня также казнили, чтобы голову государя положили на мою голову и тело его на моё тело, дабы, если я не умер ранее его, то уж раньше его был предан праху». Токтамыш удовлетворил его просьбу» [27, 132].

Токтамыш-ханом было допущено какое-то святотатство при убийстве отца Эдиге (видимо, его тело не было предано земле). В эпосе этот момент отсутствует, но частично о нём упоминают исторические хроники.

По закону кочевников, знатных людей казнили по особым канонам. Так, ханов и обыкновенных чингизидов надо было казнить без пролития крови.

По одним сообщениям, отец Эдиге был приязан к лошадям, и тело его разорвали в степи. Токтамыш-хан намеренно продемонстрировал свою жестокость, чтобы устрашить окружение и упрочить свою власть...

Наши предки уделяли большое внимание сохранности останков и преданию покойника земле целым. Сохранение волос после первой стрижки головы и срезанных ногтей до конца жизни, захоронение их вместе с умершим гоже относится к этому ритуалу. Сказители давнего времени нарочно утаили подробности казни отца Эдиге, зато они упиваются смертью Токтамыша. Хана в последний момент убивает сын Эдиге Нурадин. «Он подошел к хану и саблей снёс ему голову. Голова отделилась от туловища и со стуком упала на землю. Нурадин вонзил в голову копьё и поднял ее, чтобы с победой вернуться в орду.

Тогда голова Токтамыш-хана сказала:

Потомок Эдиге, начальник Башкирской дивизии новоязский князь Ахлау Ахлов

— Эй, сынок, сынок,
Даже сейчас я выше тебя!

Рассердился Нурадин, бросил голову на землю и сказал:

Наколот бы на копё
Голову Токтамыш-хана —
Своей гордостью она
Даже мёртвая позорит.
Положил бы в сумку я
Голову Токтамыш-хана,
Опасаюсь потерять —
Не поверит мне отец мой.
Заверну её в парчу,
Нежную, белее снега,
И повешу на шею —
С гордостью к отцу приеду!» [2, 55].

Смерть хана произвела неизгладимое впечатление и на современников этого события. То, что имя Нурадина стало нарицательным, явление отнюдь не случайное. Позднее в Ногайской Орде и Крымском ханстве военачальников, которые являлись вторыми и третьими должностными лицами в государстве после хана и наследного принца калги, стали называть «нурадинами» и «кейкуватами».

Потомки Эдиге более ста лет мстили потомкам Токтамыш-хана. В убийстве последнего хана Золотой Орды Ахмата (1480 г.) в основном виновны потомки Эдиге.

В потустороннем мире убиенного должны обслуживать кровники, идеалом же являлась замена его кровником, при которой покойный возвращается из страны теней.

Многие учёные (в частности, В. В. Бартольд) предполагают, что каменные бабы на курганах — это статуи поверженных врагов или кровников. Я бы не решился разделить мнение уважаемых учёных. Каменные статуи могли строить только богатые и знатные особы. Эти *баба-тасы* (букв. баба-предок, тас-камень) являлись образами божества Сульдер и выполняли функции стражей страны теней, они охраняли курганы от осквернителей праха. Простой люд ваял образ божества Сульдер из войлока, и, как отмечали древние путешественники (Рубрук), такие войлочные божки были в каждой юрте, и их ублажали жертвенной пищей.

С. Н. Крамер, изучив тексты шумеров, приходит к такому мнению: «Хотя подземное царство шумеров считалось тёмным и страшным миром, где «жизнь» в лучшем случае была только жалкой

тенью земной жизни, оно имело и свои «положительные стороны» — в частности, в те часы, когда на землю спускалась ночь. Действительно, там существовал суд над мёртвыми и, если приговор был благоприятным, душа покойного, по-видимому, могла пребывать в довольстве и счастье и даже добиваться исполнения желаний» [25, 176].

Но покоя нет, если убиенный не отомщён. Для наглядности приведём цитату из приводимой в книге Крамера элегии:

Тот, кто напал на тебя с силой...

Вонстину, отмщение на твоём господине, на твоём пастыре, боге-хранителе.

Истинный суд и совет — бога Уту.

Тот, да будет он проклят, да будет смерть его уделом.

Пусть никто костей его не зароет. Пусть имена его потомков забудут.

Пусть добро их, словно воробьиная стая, развеется [25, 176].

Ногайский фольклор изобилует такими проклятьями. В том же эпосе «Эдиге» есть проклятье, высказанное в средние века и витающее над головами потомков знатного рода по сей день. Барын-мурза, стараясь угодить токтамышевскому отпрыску, настигает старого Эдиге. Его воины, накинув арканы, связывают Эдиге, Барын-мурза отсекает голову герою, и тогда голова Эдиге произносит:

Что я сделал тебе, скажи, Барын?!

За что на старца руку ты поднял?

Так пусть отныне род твой прекратится,

Пусть высохнет земля твоя от зноя!

Род Барына вынужден был покинуть ногайцев и скрываться в Бакшисарае.

В текстах шумерских элегий, как и в ногайских бозлау (плачах), говорится о любви ближних, перечисляются подвиги, деяния умерших. Бозлау о знаменитом человеке превращалось в исторические песни.

Любопытно наблюдение ногайского исследователя Ашима Сикалиева. В своей основательной работе «Ногайский героический эпос» он пишет: «С древнейших времен до начала XX века у ногайцев существовал обычай, называемый *тонау*. Он способствовал росту мастерства певцов, высокому художественному и ценному уровню песен. По обычаю тонау, в день смерти человека его близкие приглашали известных певцов-импровизаторов. Каждый из

певцов тут же слагал о покойнике свою песню и исполнял её. Автор и исполнитель песни, признанной лучшей и правдивой, получал все личные вещи покойного, включая его оружие и коня».

Почему так назван этот обряд? «Тонау» означает ограбление, мародёрство. Наверное, такое название обряду в более поздние времена дал простой люд из чувства зависти к певцам. Ведь оружие, личные вещи знатных людей порой стоили целое состояние.

Однако в древности, как мы знаем, личные вещи, оружие и даже кони сопровождали покойного в страну теней. Данное противоречие можно объяснить влиянием мусульманства. Докапываясь до сути этого обычая, мы видим духовное напутствие покойного в потусторонний мир. Знатные люди приглашали прославленных певцов. Обряд бозлау (плач по усопшему) свято соблюдали все ногайцы. Жив этот обычай и сегодня. Мне памятен бозлау моего знакомого таксиста по поводу смерти матери:

Ни днём ни ночью покоя ты не знала,
Последнее от себя отрывала,
Каждому первому шагу моему радовалась,
Ночи длинные глаз не смыкала,
Бедная, бедная мать,
В жизни сама ничего не увидела.
Чем это горе мне знать,
К камню меня, малого, привязала бы
и в воду бросила!

В доме умершего целый год по ночам не выключается свет, раньше горели костры. Особенно много людей приходят в первые семь дней. Близкие, родственники, друзья собираются днём и не расходятся до поздней ночи. Рассказывают о житье-бытье, вспоминают деяния покойного. В один из таких вечеров я и услышал бозлау таксиста. Живя в городе, он очень плохо говорил на родном языке. Поразительно, какая такая сила пробудила в нём способность к песнетворчеству?!

Современные ногайцы утрачивают свой язык день ото дня. Причиной тому является чуждая среда обитания. Как отмечает один из моих коллег, если раньше родители для того, чтобы скрыть от детей какую-то информацию, говорили по-русски, то теперь, чтобы дети не поняли, прибегают к ногайскому языку. Печальный факт. Возможно, что в будущем тысячелетии мы будем говорить на смешанном русско-тюркском языке. Не исключено, что родной язык уподобится латинскому.

Но люди обязательно вернуться к своему родному, исконному языку, языку предков. Наш народ несколько тысячелетий пора-

жал воображение современников, но никогда не был понят до конца. Канувшие в Лету шумеры через пять тысячелетий нашли своих *шемере* (праправнуков) в тюркских народах и в нас, ногайцах. Наши потомки, *шемере*, непременно вспомнят об удивительных преданиях, восхитительных исторических песнях, трогательных бо-злау, о бесценных произведениях наших средневековых поэтов, о созданной за короткий век оригинальной художественной литературе и, наконец, о нашем вечном боге Тангри. Ибо Он, великодушный, положил начало всем человеческим религиям. Он во всей вселенной, в каждой пылинке и в каждом лучике солнца...

Задолго до выхода знаменитой книги Олжаса Сулейменова, когда ещё был жив наш аульский балагур Матай (герой моих рассказов) из рода Отемис, в один из поминальных дней состоялась интересная беседа между стариками нашего квартала. Матай, умевший заинтриговать своим рассказом, обратил в зоры сидящих на бревнах стариков к виднеющемуся на окраине аула кургану:

— Наши аксакалы рассказывали, что в древности один человек, взойдя на вершину кургана, в том месте, куда падала его тень, зарыл золото... — Произнося эти слова, старик хитро сощурился и мечтательно поглядел в небо.

Я был в числе слушателей. Все присутствующие вопросительно посмотрели на Матая. Один из стариков не выдержал и хмыкнул:

— Солнце вертится, земля крутится — и тень передвигается, хотя бы время установить...

— Вот в том-то и дело. Даже времени солнцестояния не сказал, — глубокомысленно подхватил Матай.

— Если б знали, что золото есть, то можно б было без усталости копать, — встрял в разговор кто-то из молодых.

— Это сколько копать надо? Когда солнце восходит и заходит, тень уходит далеко за пределы кургана, — подхватил кто-то из сидящих.

— Матай, не ты ли был тем древним человеком? Разыгрываешь людей, — засмеялся старик, что сидел рядом, хлопая Матая по плечу.

ЕСТЬ ВЫХОД. ВХОДА НЕТ

Кто из нас не мечтал раскопать курган?

За свою жизнь я повидал немало разорённых курганов, видел развороченные бульдозерами и экскаваторами, видел распаханые и скрытые вровень с землёй. Грабители всячески подбирались к этим сооружениям: копали с разных сторон, разрывали по диаметру и далее по всей окружности.

Однажды по пути из Черкесска в аул, не доезжая до поворота к поселку Эркин-Шахар, я остановил машину возле давно привлекающего мой взор большого кургана. Красавец-холм стоял посреди золотого пшеничного поля, как богатое зелёное терме. Он будоражил воображение ещё и тем, что издали казался нетронутым. Когда я поднялся на него, то увидел раскоп почти на самой вершине. Я этому удивился. Чьи же это руки дотянулись сюда? И чего хотел этот человек, роя тут, наверху, четырёхугольную яму примерно метр на метр? Рукоблудие какое-то!

Тогда на кургане меня посетили разные мысли. Я даже нарочито уподобил себя древним и по обычаям предков снял с себя пояс, положил перед собой и, сев на вершину, долго сидел, глядел в небо. Необходимо было загадать желание, но ничего путевого в голову не шло. Я долго смотрел на небо, и мои мысли и чувства стали постепенно удаляться в голубую даль, за белые облака, мне почудились далёкие боги-небожители, внимавшие мне. Не для этого ли сближения курган уподобляли небу? Ведь в курганах хоронили сыновей неба! Каждому представителю ханского рода древние строили свой небосвод... Это сооружение возводили как подземную обитель, как дом, как жилище, как терме без входа. Внутри существовал выход, уводящий в недра Аида.

Непрощенные гости, в том числе и археологи, многие тысячелетия занимаются настоящим мародёрством, проникая в чужие дома. Умершие уходили под землю, оставшимся вход был запрещён.

Наши предки от Алтая до Мёртвого моря строили свой подземный край, страну курганов.

На острове Бахрейн и поныне существует место, где воздвигнуто восемьдесят тысяч курганов. Учёные связывают остров с раем шумерских богов. Они идентичны курганам Евразии.

О. Сулейменов название страны Шумер возводит к тюркскому «Субер», которое сохранилось в названии современной Сибири. Ногайцы и по сей день называют эту часть земли Сыбыр, что буквально означает Затаённая земля. Видимо, русское слово *тайга* — это калька со слова *сыбыр*.

У ногайцев существует предание о народе сыбыр, якобы вырвавшем себе землянки и завалившем себя землёй, чтобы когда-нибудь проснуться и возродиться. Возможно, что народ шумер проделал такой исторический путь, который затем повторили позднейшие тюркские народы. Вероятно, что Великое переселение народов связано не с природными катаклизмами, хотя это есть великое открытие Л. Н. Гумилёва, а в первую очередь, с генетической предрасположенностью.

Придумал или на самом деле слышал ту историю мой земляк Матай, я до сих пор не знаю. В его рассказе присутствуют курган, человек и его тень. Если этот рассказ чистейшей воды вымысел, то все равно это гениально прозорливый сюжет, он раскрывает огромный пласт нашей духовной культуры. Человека часто посещают неожиданные откровения, и, повторюсь, в первую очередь я увязываю их с генетической предрасположенностью человека.

Иногда я оказываюсь в тех местах, где никогда не намеревался побывать. И лишь впоследствии понимаю, что в моём посещении таится особый смысл, что поездка совершается не случайно. Вот так однажды я оказался в Астрахани, куда по многим причинам не хотел ехать: прежде всего, чтобы не беречь душу. Я знал, что тамошние ногайцы в тридцатые годы нынешнего столетия были записаны татарами, что в школах вместо родного языка изучали язык казанских татар и перенесли засилье современной татарской культуры. Ассимилированные ногайцы всегда вызывают во мне чувство негодования и сожаления.

Один знакомый юртовский ногаец, по паспорту, конечно, татарин, с которым мы время от времени переписывались, настойчиво приглашал меня в гости. И не знаю, как вышло, что после очередного приглашения я не выдержал и поехал. Равиль Усманов был рабочим судоверфи. Он очень радушно принял меня. В первый же день пригласил соседей.

Как и в письмах, он много расспрашивал меня про ногайцев, про обычаи, рассказывал о своих родственниках, о стариках-юртовцах. Хотя в речи Равиля чувствовалось влияние татарского, гово-

ря на родном языке, мы друг друга хорошо понимали. Оттого что угощали меня блюдами татарской кухни, у меня был налёт разочарованности, но внимание, забота, стремление хозяев понравиться затмило моё недовольство.

Тут надо отметить, что у нас много схожего с татарами. В своих аулах мы никогда не отделяли казанских татар, и они быстро усваивали ногайские обычаи, легко перенимали тонкости ногайского языка. Я был очень доволен гостеприимством. Как у нас говорится: «Хмурой брови не увидел, в глазах моих хозяев были чистота и ясность». Мы выпили. Я с интересом слушал, как юртовцы расппевают современные татарские песни. Понравилось, что они старались петь их на ногайский манер.

Как это принято, будучи в гостях, утром я встал рано, Равиль тут же принялся показывать свой двор, хозяйство, затем мы вышли на улицу. Раньше это был пригород, и назывался он Мошаик, но ко времени моего приезда он уже находился в черте города, и старое название постепенно забывалось, чем Равиль был недоволен. Конечно, по части архитектуры район ничем не отличался от соседних: одинаковые деревянные дома, редкие аллеи с пыльными деревьями — во всём чувствовалась дряхлость и неопрятность.

Дойдя до конца улицы, мы остановились перед пустырём.

— Там кладбище, хочешь, пройдем и посмотрим, — указав на ограду, предложил Равиль.

Я охотно согласился. Мы побродили среди каменных плит. Надгробья мало чем отличались от наших и вообще от мусульманских памятников. Прямоугольные плоские плиты с дугообразным верхом, надписи арабской вязью, кое-где изображения голубя, кувшина, ножиц, на многих плитах — отличительная для ногайцев родовая тамга.

— Что-то тамга не на всех памятниках, особенно на новых не видно? — спросил я.

— Здесь же не только юртовские ногаи похоронены, но и казанские, да и других мусульман сюда везут для погребения. Но ты прав, раньше у нас всегда тамга ставилась, а теперь забывают... И каждый мулла свой закон выдумывает: то можно, то нельзя... Некоторые говорят, что на кладбище все люди равны и поэтому не положено ни фотографии, ни тамги... — Равиль вопросительно посмотрел на меня.

— Так-то оно так. Мусульманская религия слишком уж космополитична. Не из-за этого ли искусство наших предков потонуло в безымянном зодчестве, вообще во всей материальной культуре? Наши ногайцы до сих пор ставят на надгробных сынтасах свои тамги, и такие же находят при раскопках древних городов на камнях, на предметах утвари и оружии. Было время, когда учё-

ные не обращали на эти знаки внимания, думали, просто царапины... А эти царапины — буквы древнетюркского алфавита, — ответил я.

Мы дошли до склепов святых — *аулие*, выложенных из обыкновенного красного кирпича в форме прямоугольника почти в рост человека.

Равиль остановился возле одного из них:

— Это Баба-мазар (могила Бабы), раньше здесь постоянно сидели старцы, охраняли могилу, прибирали, следили за порядком, людей встречали, читали молитвы. Теперь этого нет, — с тоской проговорил он.

Почему-то ничего значительного, внушающего почтение я в могиле не увидел. Равнодушно оглядел стены. К веткам дерева, растущего возле мазара, было привязано много лоскутков материи. Обычай этот я знал. Видел такие лоскутки на ветках в Крыму, в Средней Азии. Так что это не вызвало особого интереса.

— Раньше много людей посещало этот мазар. И сегодня верующие приходят сюда ради исполнения мечты, желания; для исполнения просьбы привязывают кусочки материи к дереву, оставляют монеты. Загадай желание и брось монеты, — улыбаясь проговорил Равиль, и рука его потянулась в карман.

— Не надо, у меня есть, — остановил его я и, хотя не очень верил в действенность этого обычая, вытащил из кармана несколько монет. — Пусть лежащему здесь будет покой, — сказав чуть слышно, я бросил монеты на землю.

Выходя из прохода, я споткнулся. Оглядел могилу снаружи. Что-то в ней не внушало мне доверия.

— А кто в ней похоронен и как давно? — спросил я, хотя догадывался, что услышу в ответ. Равиль в душе был обыкновенный пролетарий, и краеведческие познания его были не очень широки.

— Все говорят, что это мазар аулие (святого), мазар Бабы — и всё... больше... не знаю, — ответив, он вопросительно посмотрел на меня.

— Наверное, какой-то религиозный человек, а может быть, шейх? — рассуждал я вслух.

— Наверное, — согласился со мной Равиль.

Затем мы вернулись домой. Равиль ушел на работу. Я поехал в центр, чтобы осмотреть Астраханский кремль. Походил по мощённой камнями площади за белокаменной стеной, любовался Успенским собором. Попытался оживить в воображении страницы истории, вспомнил рисунок Олеария, архивные документы, рассказывающие о стрельцах, об астраханском воеводе, но чувство сопричастности ко всему, что окружало, так во мне и не проснулось. Я потрогал камень древней стены, как некогда ногайский

скотовод, попробовал его на прочность, и вышел наружу. Прошёл по ближайшей центральной улице, присматриваясь к домам. Ничего не говорило о том, что некогда это был богатый торговый город: во всем чувствовалась серость и уныние.

Меня поражали лица горожан, в которых преобладали азиатские черты. Очень много было смуглых, с раскосыми глазами степняков, немало встречалось типичных южан явно кавказского происхождения, но речь всюду слышалась русская. Я выпил пива со знаменитой астраханской воблой и к вечеру, усталый, вернулся в дом Равиля.

Хозяин на этот раз пригласил к себе родственников из других районов Астрахани. Я подавил раздражение, вызванное их смешанным татарско-ногайским говором. Но в конце концов тёплое гостеприимство, радушие заполнили мою душу, я ощутил своё родство с этими людьми, родство, утраченное где-то в эпоху средневековья. Я уминал *пирамиши*, жареного гуся, хозяева провозгласили тост в мою честь, и я вместе со всеми выпил рюмку водки. А самому представлялось это застолье будто за пеленой столетий, будто мы сидим в широкой ногайской терме, едим баурсаки, *казы* из конины и запиваем кумысом.

В разгар нашего ужина заиграла гармонь: сначала прозвучали наигрыши и татарские куплеты, а затем — русские частушки. Тогда меня сильно поразило сходство татарской и русской музыки. Пойди разберись: кто у кого что перенял?.. Я прямо спросил: знает ли кто из сидящих ногайские песни? Все чистосердечно признались, что об Эдиге, Шора-батыре, Амете никогда не слышали. Я был крайне удивлён этим. Ведь первые записи ногайских песен русские учёные делали именно среди них! Учёный Александр Ходзько записал эпос «Эдиге» в 1830 году и издал его в 1842 году на английском языке в Лондоне...

Уехал я из Астрахани довольный, был благодарен Равилю за оказанное гостеприимство. Но чувство неудовлетворённости от облика юртовцев у меня долго не проходило. Прежде всего потому, что я чувствовал: ногайское они почти утратили и в то же время татарами не стали. Не знаю, как сложится их дальнейшая судьба; на мой взгляд, они готовы ассимилироваться в русскоязычной среде.

Только вот вопрос: *будут ли они русскими?*

Это злободневный вопрос для всех малочисленных народов России, и его больше невозможно скрывать, вуалировать. Потеря родных языков для всех малочисленных народов неизбежна, но, говоря на русском языке, кем они становятся?!

А может, у нас образуется новое сообщество людей, наподобие американского?

В 1992 году я неожиданно получил от астраханского учёного

Виктора Викторина статью под названием «Ауля и мужавираты», которую напечатал в №7 журнала «Половецкая луна» за 1993 год. Многие краеведческие подробности поразили меня в этой статье. Например, из нее я узнал, что Мошанк, пригород, где я был в гостях, прежде имел другое название, его именовали Казы-аулом. В Викторин переводит это буквально — «Аул судьи».

Перед моими глазами сразу предстали Казы-аулы у нас на Кубани, на Тереке, на Куме, вочник образ самого Казыя, чьим именем эти аулы названы. О нём я рассказывал ранее. Напомню, что знаменитый основатель Малой Ногайской Орды Казый после убийства отца Орака дядей Исмаил-бием покинул Большую Ногайскую Орду и поселился на Кубани. Его именем назывались многие места на Северном Кавказе, даже в моём родном Орак-эли одна часть селения до сих пор называется Казы-аулом.

Я никак не мог предполагать, что имя Казыя каким-то образом оказалось увековечено в Астрахани, тем более, что в этих местах я бывал. Трудно установить, каким образом имя Казыя осталось за Мошанком: либо какие-то племена, которые принадлежали Казыю, остались на этой земле и сохранили его имя, а может быть, какая-то их часть с его именем вернулась с Кубани? Так произошло с карагашскими ногайцами (соседями юртовцев) ..

Другие факты в статье поразили меня еще больше. Например, тот, что «... в 30-е годы при строительстве судовой верфи с уничтожением при этом кладбища» была «тайно перенесена стариками могила интереснейшего персонажа — Абдрахима Тукли-баба Шашлы-аса» на кладбище пригорода Мошанк. Неужели я был на месте перезахоронения великого святого?! В народе он больше известен как Баба Тукли Шашлы-ас. Я начал вспоминать тот летний день, попытался восстановить все подробности. Конечно, укорял себя, что там, в Астрахани, не стал интересоваться историей могилы. Непростительной ошибкой было то, что я не встретился со знатоками родных мест — старожилками. Но несмотря на это, я был доволен, что судьба привела меня на могилу великого персонажа ногайских преданий. Да, рука самой судьбы привела меня в Астрахань..

От Баба Тукли Шашлы-аса происходили все ногайские богатыри. Знаменитый Эдиге, основатель ногайского государства, тоже является его потомком. Известные русской истории потомки Эдиге, князья Юсуповы, в своих родословных книгах тоже ссылаются на этого патриарха.

В древности каждый ногай считал за честь посетить могилу святого. В поисках счастья к ней ходили обежденные; бедные — чтобы приобрести потомство, больные — ради исцеления. Но-

гаец в своей жизни должен был придерживаться трёх неизменных целей: произвести на свет сына, построить дом, посетить могилы святых и совершить перед ними *дува* (молитву).

В древности самой почитаемой была могила Баба Тукли Шаш-

лы-аса. Даже отец Копланлы-батыра в железных башмаках приходил к этой могиле и вымолил себе сына — знаменитого богатыря. В. Викторин совершенно справедливо пишет, что приставки «Абдрахим», в других случаях «Хаджи-Ахмед» к его имени прибавили позже. Действительно, мусульманские наслоения очевидны, автор называет святого «сильным шаманом кочевых кипчаков», видимо, имея в виду домусульманскую эпоху.

Вопрос родо-племенной принадлежности Баба Тукли Шашлы-аса довольно спорный. Относить его к кипчакам нет никаких оснований. Обычно его причисляют к прародителям бия Эдиге, а знаменитый род принадлежит племени *мангыт*. В эпических песнях казахов, каракалпаков и самих ногайцев к имени святого добавляется слово *ас*.

В китайских источниках народ *аз* известен ещё с начала первого тысячелетия (Л. Гумилёв. «Ритмы Евразии»). Этноним *ас* упоми-

вается во многих ногайских родовых подразделениях: кара-ас (чёрные асы), ак-ас (белые асы), култы-ас, шомишли-ас, дер-гулту-ас, дорт уллу-ас, коткликли-ас и просто ас. Вполне возможно, что великий персонаж происходил из рода асов. В ногайском фольклоре такую приставку имеет реальное историческое лицо — золотоордынский хан Джанибек, сын знаменитого Узбек-хана. В ногайском эпосе его величают Аз-Джанибеком, хотя он явно не принадлежит к племени асов. К тому же и каракалпаки в своих исторических песнях ногаев называют *аз ногаилы*. Имя народа не надо путать со словом аз (мало), зогаи в каракалпакском фольклоре многочисленный и даже основной народ эпоса. О термине *ас* у нас будет отдельный разговор.

Имя великого святого несет огромную нагрузку. Несомненно, что в нём сохраняются очень древние представления ногаев, хотя наш современник и, наверное, даже обыватель из прошлого столетия отметили бы в этом имени много непонятных нагромождений. (Почему они не стерлись из народной памяти?) Совершенно его иногда называют Баба, Бабай. Баба буквально означает предок, Тукли — Шерстяной, Шашлы — Волосатый. В фольклоре Баба-Тукли Шашлы-ас предстаёт покровителем, могучим жрецом древней веры. К нему приходили разные бахши, камы, шаманы набирать прорицательскую силу, богатырей он наделял воинским духом и доблестью. Вполне возможно, что в глубокой древности Баба Тукли Шашлы-ас являлся божеством из пантеона Тангри. Думаю, будет уместно вспомнить о том, что древние скифы свое верховное божество называли Папай. Ногаи каменные и ивангивы называют *баба-тас* (камень предка) — не в честь ли Баба Тукли Шашлы-аса во здвигнуты эти памятники? Возможно, что бог Сульдер, в честь которого воздвигались статуи, имел предшественника Бабу.

К сожалению, в нашем фольклоре этот образ довольно очеловеченный и имеет собственную могилу.

Мне хочется провести кое-какие сопоставления с шумерской литературой, в число лучших произведений которой входят поэмы о Гильгамеше, властелине-жреце города Урука. Моё внимание привлекли главные герои этих древних текстов, а также их имена. О Сулейменов тоже не мог не заметить имя главного литературного героя шумеров. Для тюрка в этом имени есть что-то близкое. Тохтамиш, Отемиш, Амиш, Камыш — так и хочется дополнить этот ряд ещё одним именем — Гильгамеш.

О Сулейменов склонен в шумерском имени читать тюркское имя Бильгамиш, производное от *бильга* — предок, мудрый; слова, одинаково звучащие в шумерском и тюркском языках. Я не опровергаю данную версию, но внимательное прочтение переводов

шумерских и вавилонских текстов навело меня на другие мысли. Я обнаружил иные параллели с тюркским миром и позволю себе высказать предположения, с надеждой, что они принесут пользу будущим исследователям.

Камиш по-ногайски означает буйвол. Это — мужское имя, но в редких случаях дается и женщинам (например, его носит одна из моих родственниц). В прошлом у тюркских народов широко были распространены имена анималистического характера: Кель-буга (Пришедший бык), Кет-буга (Ушедший бык), Толы-буга (Толстый бык), Сары-Азбан (Жёлтый породистый бык), Кошкар (Баран) и т. д. У ногайцев сохранилось немало имён с добавлением «Кель» (Приходи, Пришедший в значении Желанный), например: Кельмамбет, Кельдимурат, Кельдихан, Кельдас и т. д. Я думаю, что литературному образу более соответствует значение Гель-Гамиш (Пришедший Буйвол). Гильгамеш — это могучий, необузданный в страстях, добивающийся намеченной цели герой. Тем более, что в текстах его прямо называют буйволом, в вавилонском тексте дается указание на его происхождение:

Одного тебя мать родила такого,
Буйволица Ограды, Нинсун!
Над мужами главою ты высоко вознёсся,
Энлилль над людьми судил тебе царство [28, 175].

В шумерских поэмах и вавилонском эпосе Гильгамеш полностью соответствует своему имени: он совершает много подвигов в стране живых, его любовные похождения бесконечны, и в завершение «для возвышения своего имени» он идёт на сверхчеловеческий поступок, ради удовлетворения своей похоти спускаясь в подземное царство.

В плане развития этой темы интерес представляет другой крупный персонаж этих произведений, друг Гильгамеша Энкиду. Обращает на себя внимание имя героя, первая часть которого непосредственно характеризуется отношением к Энки (Создатель земли), а ду значит сын. Энкиду порожден богами, причём, по шумерской версии, его создает богиня Инанна, по вавилонской — Аруру. Как и библейского человека, его создают из глины.

В ногайском фольклоре первый человек тоже слеплен из глины. Помню слова одного своего земляка: «Как бы вы ни мылись, потрите пальцами свои ладони, тело — всё равно глина выйдет». В создании человека принимали участие все божества: Ер-иеси (Хозяин земли) дал глину, которую Су-иеси (Хозяин воды) окропил водой и сделал вязкой, Куьн-иеси (Хозяин солнца) высушил фигуру человека, Андыр-шоппай (Хозяин молнии) коснулся огненной

камчой (плёткой), чтобы человек ходил. Человек долгое время был иерархическим существом, пока не понравился Ай-иеси (Хозяйке луны), она показала забавное существо Тангри, и Всесильный вложил в человека душу. Ногайская легенда о первом человеке очень схожа с историей появления Энкиду.

Энкиду физически сильнее Гильгамеша, он побеждает его в поединке, после чего они становятся друзьями. Энкиду помогает другу добыть священный кедр, убить страшное существо Хуаву, затем они вместе поражают небесного быка, посланного богами в наказание за убийство Хуавы. Энкиду нередко выступает в роли наставника, дает советы другу, что подчёркивает его жизненный опыт и приземлённость. Подобная роль заставляет сделать вывод, что древние авторы пытались создать образ, аналогичный первому человеку у ногайцев. А Гильгамеш, судя по его действиям и устремлениям, человек новой формации, герой, властелин. Перед авторами стояла задача возвысить царский род и показать героя богоравным. Энкиду в подземном царстве, послушавшись Гильгамеша, погибает от рук злых демонов — эта нелепая смерть необходима, чтобы в очередной раз подчеркнуть превосходство интеллекта царя.

Моё внимание особо заинтересовало описание внешности Энкиду:

Не имеет Энкиду ни матери, ни друга,
Распущенные волосы никогда не стриг он,
В степи он рождён, с ним никто не сравнится.

Или в другом месте:

Шерстью покрыто всё его тело,
Подобно женщине волосы носит,
Пряди волос, как хлеба, густые [28].

В шумерских текстах навязчиво подчёркивается не только первозданность Энкиду, но и то, что он «рождён степью». Степных пространств много в мире, и в самой Месопотамии, и на близлежащих территориях. Экзотический внешний облик говорит о том, что Энкиду всё же выходец из других земель. В связи с этим, убрав с повестки вопрос о том, что Месопотамия была прародиной тюрков, почему бы не допустить, что речь идет о заморской, находящейся за горным хребтом Евразии?

В последующие эпохи мы находим доказательства, что связь между Евразией и Ближним Востоком всегда существовала, причём довольно тесная. Я понимаю, что это бездоказательная гипотеза.

теза, но как иначе объяснить, что сотни слов, которые употребляют сейчас тюрки, употреблялись и в стране, существовавшей пять тысячелетий назад?.. Кроме этого, есть много сходного в мировоззрении, в погребальной культуре. А не раскроют ли нам тайну исчезнувшей цивилизации персонажи древней литературы? Может быть, их прототипы — живые свидетели взаимодействия древнего народа Месопотамии не просто со степными тюркскими народами, а с братскими народами?!

Образы шумерских литературных героев необыкновенно многогранны и вызывают у меня богатые ассоциации. Описание внешности Энкиду мне напомнило прародителя ногайских эпических богатырей Баба Тукли Шашлы-аса (Шерстяного-Волосяного). Во многих ногайских преданиях великий святой называется просто Баба (предок).

Одна из легенд рассказывает о том, как Баба боролся с ангелом смерти Азраилом. Когда Азраил пришёл забрать его душу, последним желанием Бабы было исполнить песню. Азраил разрешил, и Баба заморозил его своими удивительными длинными песнями так, что ангел смерти забыл, зачем пришёл. И тогда Баба убежал от него. В другой легенде, использованной в повести ногайского писателя В. Казакова «Звезда Бабай», Баба женился на лесной женщине-ангалак, которая тайно от него проглатывала собственных детей. Он разоблачил жену и, прогнав её, сумел сохранить своё потомство. Баба был создан вечно молодым, но, увидев себя однажды в зеркале и сравнив со взрослым сыном, который выглядел старше отца, понял, что ему не подобает быть всегда молодым. Он сам уходит из этого мира и в назидание потомкам превращается в звезду, которую ногайцы в его честь называют звездой Баба...

Образ Баба Тукли Шашлы-аса, пройдя сквозь тысячелетия, сохранил, на мой взгляд, черты обоих шумерских персонажей: Энкиду и Гильгамеша. Энкиду похож на Бабу своим происхождением, внешним видом, Гильгамеш, царь-жрец, несёт главную идею шумерской литературы, которая является основной и для ногайских преданий о Бабе. Это поиск бессмертия. Удивительно то, что разрешение этого вопроса выражается одним литературным приёмом. Обретение подлинного бессмертия не является конечной целью героев. Это удачно изложено в вавилонском эпосе о Гильгамеше. Гильгамеш добывает траву молодости, но, по решению богов, её похищает змея. Любопытно сопоставить этот сюжет с ногайской легендой, где Баба, глядя в зеркало, сравнивает себя с сыном и видит абсурдность бессмертия. Шумерская литература древнее, и она утверждает: власть над людьми в руках богов; в ногайской литературе осмысление зависит от человека...

Идею бессмертия несут лучшие образы ногайского фольклора. Как и Баба Тукли Шашлы-ас, они причастны к словотворчеству. Таковыми является бессмертный певец-йырау Сыбыра (звучание слова не случайно совпадает с названием таинственной земли Сыбыр — Шумер) и знаменитый вещатель тюркских былин Коркут-ата. Бессмертие непосредственно связано со словом. Ногайцы больше всего на свете ценили слово. Как и шумеры, наши предки искренне верили в его созидательную силу. Шумеры навечно запечатлели свои веды на глиняных табличках. Ногайцы из поколения в поколение, из уст в уста передавали сотни стихов и донесли до современников как единственное своё богатство (остальное было отнято или утеряно). О вечности слова довольно красноречиво говорит средневековый ногайский поэт Шал-Кийиз Тиленши улы:

Сиз де оьлерсиз, оьлермиз биз оьзимиз,
Оьлгенде юмылыр эки коьзимиз,
Биз оьлген сонь калганларман
Соьйлер бизим соьзимиз...

Вы умрёте и мы тоже умрём,
Когда умрем, закроются наши глаза,
Но с оставшимися на земле
Будут разговаривать наши слова...

Творцы-певцы создали историю и определяли будущее народа. Сыбыра йырау (певец-импровизатор) легендарен тем, что ему приписывается создание эпоса Эдиге. Он единственный, кто может разгадать происхождение Эдиге и предсказать ему будущее. Прошлое и будущее фактически беспредельны — бесконечны возможности слова. В одних вариантах эпоса Сыбыре приписывают 380 лет, в других — 480, о его смерти нигде не упоминается, в сознании новых поколений он продолжает жить... Вот его везут в золотой карете, дряхлые ноги уже не держат тело, его выносят на белом войлоке и сажают перед толпой; старые зубы, чтоб не рассыпались, стянуты шёлковой нитью, глаза заволокло белой пеленой, ему в руки дают домбру, и гортанный голос будоражит толпу:

Я видел всемогущего Чингиза —
И не было ему на свете равных.
Он лук держал двенадцати обхватов,
И стрелы во все стороны летели,
Его рукою посланные метко.
Я, старец, видел все его победы...

Коркут-ата известен всем тюркским народам, у ногайцев о нём тоже сохранились некоторые сведения. Ещё в прошлом столетии в ногайской степи Ставропольской губернии был аул Коркут. Род баята, из которого происходит великий прорицатель, здравствует и поныне среди караногайцев. О бессмертии Коркут-ата рассказывают следующую легенду...

Коркут-ата никак не хотел умирать. Когда к нему являлся Азраил, он сбегал от него и, скрываясь, побывал во всех четырех частях света. Азраил, устав от бесконечного преследования, сказал ему: «Живи на свете, пока сам не попросишь смерти». Коркут жил долго, играл на кобызе (струнный инструмент наподобие скрипки), пел песни. Однажды у него со двора сбежал двухгодовалый бычок. Коркут долго гонялся за ним по степи, пока совсем не изнемог. Тогда он сел на землю, произнес: «Чем такие мучения, лучше бы я умер», и заснул. Во время сна его укусила змея, и он умер. Название аула от его имени осталось, а род баята к етиш-кульцам отошёл...

В этой легенде присутствует змея, родственная шумерской, похищающей траву бессмертия. У ногайцев сохранилось немало знаменательных преданий и легенд о змее. Многие из них связаны с сохранностью жизни человека и способностью исцелять. По данным учёных Р. Керейтова [6] и М. Алейникова, занимавшихся исследованиями в конце прошлого века [29], у ногайцев широко бытует предание о домашней змее, хранительнице здоровья семьи, которую нельзя убивать. Для неё специально наливали молоко в чашу и оставляли во дворе.

От старожилов аула Тохтамышевского (ныне Икон-Халк) я слышал много рассказов об искусном целителе Ажбекир-эфенди. Однажды в ауле появился прокажённый, которого все боялись и хотели изгнать из аула. Ажбекир-эфенди пообещал вылечить его, для чего поймал змею, потёр ею о гнойные раны и, выпустив на берегу реки, начал за нею следить. Он набрал травы, об которую тёрлась змея, сделал из неё снадобье. Им и вылечил проказу.

В ногайской эпической песне “Шора-батыр” смерти главного героя предшествует впечатляющий, с точки зрения мифологических представлений наших предков, эпизод. Шора-батыр имел огромную богатырскую силу, что, конечно, не могло не вызывать зависти казанских батыров, которые неприветливо его встретили и долгое время игнорировали. Несмотря на то, что Казань была окружена врагом и ханство было почти обречено, защитников города не покидали личные амбиции. Так, Кулынташ — известный казанский богатырь — не мог равнодушно смотреть на подвиги Шора-батыра и задумал его извести.

По ногайским преданиям, у каждого богатыря должна быть

своя *перышта*, невидимый хранитель богатырского духа в образе змеи. Название перышта, наверное, происходит от древнетюркского *барыш* — служитель. Перышта всюду сопровождает богатыря и придаёт своему хозяину доблесть и отвагу в битвах и сражениях. Ночью, когда хозяин спит, перышта ложится отдыхать рядом с ним. После одного из боёв Кулыншак, по совету колдуна, просит Шору поменяться постелями. Шора, не чувствуя подвоха, соглашается и ложится в постель казанского богатыря, а Кулыншак — на место Шоры. У Шоры была большая постель, чтобы могла уместиться и его перышта, т. к. у него была большая, добронравная змея. У Кулыншака же перышта была маленькая, изворотливая. Ночью, когда усталый Шора-батыр заснул крепким сном, пришла отдохнуть рядом с ним и его перышта. Однако Кулыншак не спал. Взяв в руки меч Шоры, он погнался приблизившуюся к постели змею. Очень обиделась перышта на хозяина и ушла в степь... Наутро Шора-батыр, оставшийся без перышты, был ранен и загнан в реку Эдиль (Волгу), где и потонул вместе с конём.

В начале этой главы я упомянул о «шумерском рае» на острове Бахрейн и о восьмидесяти тысячах курганов. Поразительно то, что при раскопках каждого из них находили горшки, а в них находилась мумифицированная змея. Что это?! Домашняя змея у ногайцев и мумифицированная — у шумеров. Змея в «стране живых» и в «стране теней». А бесконечные предания ногайцев о курганных змеях, карающих кладонскателей!!! Думаю, такие совпадения не случайны. Это отголоски единой культуры, одних представлений о мироздании...

Во всех священных книгах змея трактуется и как символ мудрости. Возможно, высшие силы знали о её гениальности и всезнании. Наверное, она и только она откроет нам тайну курганов, otvorит эти закрытые для людей входы в страну теней. Не случайно она создана такой изящной, ведь нет больше в животном мире такой уникальной формы, такого совершенства...

ВЕЛИКИЙ ШАМАН ШУМЕРА

Так я, сам того не ведая, по какому-то наитию посетил могилу великого святого Баба Тукли Шашлы-аса...

Появление на свет шумерских глиняных табличек в прошлом столетии взбудоражило всё человечество. С. Крамер, изучая клинописи, обнаружил первоисточники «начала начал» Библии; сравнение библейских сюжетов и персонажей проделано им блестяще. Его книга «История начинается в Шумере» имеет громадное значение для мировой культуры. Шумерская цивилизация на сегодняшний день — первая известная цивилизация, которая донесла до нас такое множество письменных документов.

С. Крамер рассматривает шумерские литературные произведения с точки зрения высокообразованного европейца.

Во вступительной статье к русскому изданию В. Афанасьева справедливо указывает на вторую идею книги Крамера: «Они, шумеры, были не только первыми, у них, хотя и под другими названиями и в других формах, было многое из того, что есть у нас».

То, что было у «черноголовых» (так они сами себя называли) шумеров, каким-то образом сохранились у нас — ногайцев, тюрков.

Это очень важно для тюркских народов, которые, несмотря на то, что создали замечательную культуру и сделали много для развития мировой цивилизации, оказались на задворках истории. Особенно это заметно в поздние века: всем, кому предоставлялась возможность оценивать путь развития мировой культуры, почему-то надо было занижать роль тюрков или вовсе выпускать их из поля зрения.

По-моему, это связано с тем, что падение тюркских государств, ослабление тюркских народов совпало с началом распространения «массовой культуры», с широкой интеграцией экономических и культурных достижений человечества; и вследствие экономической слабости и разложения тюркских государств культу-

ра их, оригинальная и самобытная, осталась не востребованной. При этом не учтено то, что народы, находившиеся на протяжении многих тысячелетий в центре общемировых событий, просто не могли быть оторваны от общего развития человечества.

Тюрки достигли больших высот и в материальной культуре, и в архитектуре, и в письменности, и в литературе, и в искусстве, и в медицине — во всех сферах человеческой деятельности. Они уникальны тем, что являются создателями мировых держав, где в основном использовались сугубо тюркские принципы государственности, использовался ум и талант великих государственных деятелей тюркского мира.

Вот какие объяснения пытаются давать учёные.

Первое — это успех христианства в борьбе за мировое господство, второе — массовое распространение среди тюркских народов космополитической религии арабов (сами арабы не потеряли своей самобытности благодаря тому, что все мусульмане должны были знать язык Корана).

Все крупнейшие мировые религии стремились обесценить тюрков, они не просто снижали их роль в истории человечества, а, по определению Л. Н. Гумилёва, подвергали их всяческому очернению прежде всего потому, что тюрки были верны своим древним традициям и представлениям о мироздании. Непохожесть этих представлений на другие и одновременно стойкость и верность тюрков одинаково пугала идеологов христианства и мусульманства. И тем, и другим тюрки представлялись безбожниками, варварами.

Весь мир откачивался от познаний тюрков, и только во второй половине двадцатого столетия новой эры, когда волна атеизма захлестнула мировые державы, для тюрков вспыхнул свет в конце тоннеля, в «начале начал», в самой колыбели человечества.

▲ Шумериада тюрков находится в первой стадии. Если мы, малозвестные миру ногайцы, можем на свой лад прочитать и объяснить оставленное ими загадочное наследие, три десятка больших и малых тюркских народов наверняка раскроют все тайны «черноголовых». На сегодняшний день нам ясно одно: что осталось у нас — есть у них.

Для человеческого духа время — относительное понятие. Для такого народа, как мой, оно вообще не существует. Для нас оно давно остановилось, как останавливается для долгожителя, которому мёртвые, несмотря на то, что они ушли из мира в разные годы, представляются в том возрасте, какими он их запомнил в жизни...

Для меня тоже сломались часы истории. события этого века равновелики событиям пяти тысячелетней давности. Это чувство сильно обостряется при чтении шумерской литературы. Читая древ-

ние тексты, я ощущаю шумеров своими... Например, я понимаю, зачем Гильгамеш спустился в подземное царство: он совершил это, чтобы показать, что человеку необходимо не только обычное, доступное. Причина этого поступка труднообъяснима для обывателя двадцатого столетия...

Ещё раз обратимся к шумерским и вавилонским произведениям о царе-жреце Урука — Гильгамеше.

Тема заимствования вавилонянами содержания шумерских поэм до сих пор остается неразрешённой. С. Крамер глубоко интересовался этой проблемой и проделал замечательные исследования, провёл подробный анализ, сделал оригинальные сравнения, нашёл тождества и различия, но к окончательному выводу так и не пришёл. Во всей его книге «История начинается в Шумере» рефреном звучит мысль о том, что полное понимание шумерской литературы за открывателями новых шумерских табличек, за будущими исследователями. Установил он одно: что несмотря на схожесть имен и происходящих событий, это две разные литературы, самостоятельные произведения.

Думаю, что краткий пересказ содержания вавилонского «Эпоса о Гильгамеше» по С. Крамеру будет интересен.

Начинается поэма кратким вступлением, в котором восхваляется сам Гильгамеш, царь Урука. Неугомонный воин, не знающий соперников и не умеющий обуздывать свои желания, угнетает граждан города. Особенно им досаждают его поистине раблезианская ненасытность по отношению к прекрасному полу. В отчаянии жители Урука начинают взывать к богам. Боги решают, что Гильгамеш тиранит и угнетает своих сограждан потому, что еще не нашёл среди людей себе равного. Они посылают на землю великую богиню-мать Аруру.

Аруру создает из глины могучего Энкиду. Обнажённый, обросший волосами, ничего не ведающий о людских делах, Энкиду живёт среди диких обитателей равнины. Но именно Энкиду, скорее животному, нежели человеку, предстоит сломить неукротимую гордость Гильгамеша и смирить его разум.

Однако сначала необходимо «очеловечить» Энкиду, и эта миссия в основном выпадает на долю женщины. Из Урука приходит блудница и соблазняет Энкиду. В результате, утратив часть своей грубой силы, Энкиду значительно выигрывает в умственном и духовном отношении. Познав любовь женщины, он становится разумным существом, и дикие звери бегут от него.

Женщина терпеливо обучает его искусству есть, пить и одеваться так, как это делают люди.

И вот очеловеченный Энкиду готов встретиться с Гильгамешем, чтобы укротить его дерзкий и своевольный нрав. Сны предве-

шают Гильгамешу появление Энкиду. Похваляясь своей неограниченной властью в Уруке, Гильгамеш устраивает ночную оргию и приглашает на неё Энкиду. Однако тот, проникшись отвращением к Гильгамешу из-за его излишеств, загораживает вход в дом, где должна состояться оргия, чтобы Гильгамеш не смог туда войти.

И вот два титана вступают в единоборство: горожанин Гильгамеш и житель равнины Энкиду.

Вначале, насколько можно понять, Энкиду берёт верх, но тут гнев Гильгамеша почему-то испаряется, и герои заключают друг друга в объятия. Из яростного сражения рождается их долгая и нерушимая дружба, которой суждено стать легендарной. Отныне два неразлучных друга будут вместе совершать самые удивительные подвиги.

Вскоре оказалось, что жизнь в Уруке не радует Энкиду. Излишества и развлечения превращают его в слабое, безвольное существо. Тогда Гильгамеш делится с ним своим смелым планом: он хочет добраться до далекой страны кедрового леса, убить ее стража, могучего Хуаву, срубить кедр и «стереть всё зло с лица земли».

Энкиду, который прежде свободно бродил по кедровому лесу, предупреждает Гильгамеша о подстерегающей его смертельной опасности. Однако Гильгамеш смеётся над его страхами. Он стремится возвысить свое имя и добыть бессмертную славу, вместо того чтобы влачить долгое, но серое существование.

Гильгамеш совещается со старейшинами Урука, получает поддержку от бога солнца Шамаша, покровителя всех странников, и заказывает мастерам Урука гигантское оружие для себя и для Энкиду. Закончив приготовления, они отправляются в путь. После утомительного путешествия герои входят в сказочно-прекрасный кедровый лес, убивают Хуаву и срубают кедр.

Одно приключение влечёт за собой другое. Едва успевают герои вернуться в Урук, как богиня любви и сладострастия Иштар влюбляется в красавца Гильгамеша. Суля ему всяческие блага, Иштар уговаривает Гильгамеша разделить её любовь. Но Гильгамеш уже не тот неукротимый, невоздержанный тиран, каким он был прежде. Он прекрасно знает, что у богини было множество влюбленных и что она никому не была верна. Поэтому он смеётся над её предложением и отвергает любовь.

Разочарованная и жестоко оскорблённая Иштар просит бога неба Ану наслать на Урук небесного быка, чтобы тот убил Гильгамеша и уничтожил его город.

Сначала Ану отказывается, но, когда Иштар угрожает призвать мертвецов из подземного царства, тот уступает.

Небесный бык спускается на Урук и начинает сеять вокруг гибель и опустошение, истребляя сотни воинов. Гильгамеш и Энкиду вступают с ним в бой. Могучим объединённым натиском им удаётся убить чудовище.

И вот наши герои на вершине славы, весь Урук воспеваёт их подвиги.

Но судьба неумолима, она жестоко и внезапно кладёт конец их радости. За участие в убийстве Хуавы и небесного быка Энкиду приговорён богами к ранней смерти. Двенадцать дней длится его болезнь, а на тринадцатый он испускает дух на глазах своего друга Гильгамеша, сломленного горем и собственным бессилием перед лицом судьбы. С этого мгновения его не покидает тоскливая мысль о том, что рано или поздно ему уготован такой же конец, как и Энкиду, — неизбежная смерть...

Гильгамеша не утешают ни совершенные им подвиги, ни слава. Теперь его измученная душа жаждет более осязаемого — физического бессмертия. Надо искать и найти секрет вечной жизни.

Гильгамеш знает, что в прошлом лишь один человек достиг бессмертия — Утнапиштим, благочестивый и мудрый царь древнего Шураппака, одного из пяти царских городов, основанных до потопа.

(Кстати, холм, под которым погребён Шураппак, был раскопан немецкими и американскими археологами и там обнаружено немало глиняных табличек, относящихся к первой половине III тысячелетия до н. э.).

Гильгамеш решает любой ценой добраться до отдалённого жилища Утнапиштима. Быть может, этот герой, достигший бессмертия, откроет ему свою тайну? Он долго блуждает по горам и долинам, сражаясь с дикими зверями и страдая от голода. Он переплывает первозданный океан и «воды смерти». Наконец, усталый и обессиленный, он предстаёт перед Утнапиштимом. Некогда гордый правитель Урука превратился в бродягу, его грязное тело прикрыто лишь звериными шкурами... Гильгамеш просит Утнапиштима открыть ему тайну вечной жизни.

Однако ответ Утнапиштима далеко не утешителен. Царь Шураппака подробно рассказывает Гильгамешу о беспощадном потопе, который боги ниспослали на землю, чтобы уничтожить на ней всё живое. Он сам неминуемо погиб бы, если бы не построил по совету бога мудрости, великого Эа, корабль, на котором можно было спастись. Что касается бессмертия, то оно даровано ему богами. Но найдётся ли хоть один бог, который захотел бы дать вечную жизнь Гильгамешу?

Услышав такие речи, наш герой приходит в отчаяние и решает вернуться в Урук. Но тут перед ним загорается слабый свет на-

дежды. По настоянию своей жены, Утнапиштим рассказывает Гильгамешу, где добыть волшебную траву молодости. Она растёт на дне моря! И вот Гильгамеш погружается в бездну, срывает траву и спешит вернуться в Урук. Однако боги рассудили по-иному. Пока он купается, змея похищает у него драгоценную траву. Измученный и удручённый герой возвращается в Урук и ищет прибежища за могучими стенами, опоясывающими город...

В последней, двенадцатой табличке идёт дословный перевод поэмы «Гильгамеш, Энкиду и подземное царство», где Энкиду — не умерший, и где состояние души Гильгамеша не соответствуют предыдущему тексту. С. Крамер считает, что эта табличка «к эпосу не имеет прямого отношения».

Все сказания имеют более древнюю шумерскую основу. Сами шумерские тексты делятся на шесть сказаний:

1. Гильгамеш и страна живых (убийство Хувавы и срубание священного кедра);

2. Гильгамеш и небесный бык;

3. Потоп;

4. Смерть Гильгамеша;

5. Гильгамеш и Агга из Киша;

6. Гильгамеш, Энкиду и подземное царство.

В вавилонском эпосе двух эпизодов из вышеперечисленных нет, это «Смерть Гильгамеша» и «Гильгамеш и Агга из Киша». Все остальные есть, но в иной интерпретации, так что это даже трудно назвать заимствованием. Вавилоняне в своём эпосе показали главного героя в развитии, связали между собой самостоятельные шумерские сказания, объединили их одним сюжетом, изменив имена богов.

У многих вызывает недоумение включённая в эпос двенадцатая табличка. С. Крамер приводит любопытный факт из истории её расшифровки.

В вавилонском тексте плохо сохранилась первая часть этого повествования, учёный в процессе исследования убедился, что «вавилонские писцы перевели вторую часть шумерской поэмы дословно». Это оказалось бесценным открытием, ибо с помощью шумерского текста удалось восстановить многие слова, фразы и целые строки, недостающие в аккадском (вавилонском) варианте» [25, 202]. Обычно учёные в области расшифровки применяют более поздние языки, а тут произошло так, что древнейший помог разобраться в литературных памятниках, созданных тысячелетием позже.

К сказанному могу добавить, что шумеры когда-нибудь и нам помогут разобраться в наших тенгрианских тайнах.

С. Крамер подробно пересказал события, описанные в этой

поэме, что очень ценно, так как она до сих пор не опубликована на русском языке.

Вкратце изложим пересказ шумеролога.

Во вступлении к поэме рассказывается о том, как шумеры представляли сотворение мира, подробно описывается борьба

главного бога Энки с подземным властелином Куром. Затем начинается главное действие. На берегу реки Евфрат росло дерево «хулуппу» (похожее на иву), но однажды его затопило. Богиня Инанна спасает дерево и переносит в священный сад своего города Урук. Она за ним ухаживает и намеревается сделать из дерева ложе и кресло. Дерево выросло и, когда пришла пора его срубить, оказалось, что в корнях его поселилась «не поддающаяся заклинаниям змея», в кроне дерева живет птица Имдугут с птенцами, а в стволе устроила себе дом Лилит — демон в облике женщины.

Я бы хотел обратить внимание читателя и на это дерево, и на змею, и на других обитателей. Дерево чем-то напоминает мифическое дерево ногайцев Байтерек — древо познания, на котором, по нашим поверьям, есть Язу — писаная судьба каждого живущего на земле. Интересно, что птица Имдугут, живущая с птенцами на дереве, тоже является вещей птицей, она ведаёт судьбами людей...

Далее в поэме рассказывается о том, что Инанна опечалена и жалуется богу Уту на то, что произошло с её деревом. Гильгамеш, узнав об этом, решает помочь ей. Он с оружием приходит к дереву, убивает змею, не поддающуюся заклинаниям. Птица Имдугут с птенцами покидает крону дерева, Лилит покидает свой дом и уходит жить в пустыню.

Гильгамеш срубает дерево и хочет подарить его Инанне, чтобы богиня сделала себе ложе и кресло, но богиня отказывается и, сотворив из ствола барабан («пукку»), а из ветвей палочки («микку»), дарит Гильгамешу. (Обратите внимание, барабан и палочки изготовлены из священного дерева). Гильгамеш же использует их для своих любовных утех. Истинное назначение подарка неясно. «Из-за жалоб юных дев» барабан и палочки проваливаются в подземное царство. Гильгамеш очень страдает из-за потери и, стремясь вернуть свои вещи, садится у ворот в подземное царство и произносит:

— О мой барабан, о мои палочки!
Барабан, его роскошью я не насытился,
Его полнозвучьем я не натешился!
Когда б барабан мой в доме плотника ещё был!
Плотника жеиу, словно мать родную, я б возлюбил!
Дочку плотника, что сестру меньшую, я б возлюбил!
Барабан мой в подземный мир провалился,
кто мне его достанет?
Мои палочки в Ганзир провалились,
кто мне их достанет?

Энкиду, видя страдания господина, вызывается вернуть барабан и палочки. Однако Гильгамеш предупреждает Энкиду, говоря ему следующее:

— Если ты в подземный мир спустишься,
Совет тебе дам, прими совет мой,
К словам, что вымолвлю, обрати разум!
В одежду светлую не облачайся —
Они тебя примут за странника-духа.
Свежим жертвенным маслом не натирайся —
На его ароматы вокруг тебя они соберутся.
Копья в кур брать ты не должен —
Копьём убитые вокруг тебя соберутся.
Кизилковый жезл не бери в твою руку —
Духи мёртвых тебя непременно схватят.
Обуви не иадевай на ноги —
Не производи шума в подземном царстве.
Не целуй жены своей любимой,
Не бей жены, тобой не любимой,
Не целуй дитя любимое,
Не бей дитя своё нелюбимое —
Вопли мира подземного тебя схватят.

Возможно, что подобные уведомления являются напутствием для любого смертного в страну мёртвых. Смертный должен уходить с отказом от всех земных привязанностей и желаний. Если же он этого не выполняет, то посетителю подземного мира грозит какая-то опасность, и он лишается возможности вернуться в страну живых.

Наверное, поэтому наши предки так тщательно готовили в последний путь покойников. Есть сведения о том, что в древности убивали рабов и даже жён, хоронили вместе с умершими любимых коней, погребали лучшие одежды, утварь и оружие, кроме того, для подарков подземным демонам покойнику давали сотни разноцветных бусинок.

Энкиду же спускается в подземный мир живой, и поэтому Гильгамеш даёт ему прямо противоположные советы, чтобы он исполнил свою миссию, не задерживаясь. Однако Энкиду не послушался, а может быть, подобное путешествие уже было обречено на провал: он был схвачен Куром, и вернуться обратно на землю ему было не суждено.

Гильгамеш обращается к богам, просит вернуть Энкиду с барабаном и палочками. Но они не хотят ему помочь, и лишь всемогущий Энки приказывает богу солнца Уту, чтобы тот проделал в

крыше подземного царства отверстие, через которое тень Энкиду могла бы вернуться на землю.

Тень Энкиду возвращается, обнимает Гильгамеша и рассказывает о том, «какая участь уготована в царстве мёртвых дворцовым слугам, матерям, воинам, павшим в бою, людям, о тенях которых никто на земле не заботится, и тем, кто остался на равнине без погребения...»

По содержанию видно, что это не только вполне законченное самостоятельное произведение, но по художественным достоинствам намного выше остальных сказаний. Особую значимость ей придаёт многообещающее вступление, в котором повествуется о сотворении мира, что нехарактерно для остальных шумерских поэм. Есть все основания полагать, что в древнем Шумере поэма «Гильгамеш, Энкиду и подземное царство» была одной из архаичных и выделялась своей оригинальностью... Возможно, что все остальные шумерские сказания и в древности представляли единое эпическое произведение с цельным сюжетом.

Вавилонские авторы исключили из своего эпоса реалистический эпизод «Гильгамеш и Агга из Киша» исключительно по политическим убеждениям: их не устраивало, как охарактеризовал это С. Крамер, присутствие в сказании «демократического двухпалатного парламента».

В шумерской табличке с эпизодом «Смерть Гильгамеша», тоже отсутствующей в вавилонском эпосе, хотя и сохранившейся отрывочно, показано, что главный герой продолжает поиск бессмертия, но узнав, что человеку не достичь вечной жизни, покоряется своей участи. Большой необходимости в наличии этого эпизода нет, потому что вавилоняне исчерпали данную тему в последних трёх табличках сюжетом о «поиске травы бессмертия».

Вот что пишет С. Крамер по этому поводу:

«Несмотря на всю фрагментарность шумерского текста, нетрудно установить, что именно он («Смерть Гильгамеша» — *И. К.*) послужил источником целого ряда отрывков, записанных на девятой, десятой, одиннадцатой табличках вавилонского «Эпоса о Гильгамеше».

Содержание поэмы «Гильгамеш, Энкиду и подземное царство» и как отдельное произведение, и как часть вавилонского эпоса глубоко взволновало меня. Я не хочу вступать в полемику с таким мэтром шумерологии, как С. Крамер, и не имею на то права, но мне хотелось бы отстоять свою версию об архаичности этой поэмы.

На мысль об её архаичности меня прежде всего навело не только вступление, повествующее о «сотворении мира», но и сама интрига с потерей барабана и палочек.

Почему особая роль отводится барабану и палочкам?! Из-за чего так скорбит царь Урука? Зачем из-за каких-то вещей приносит себя в жертву степняк Энкиду?! Эти вопросы не давали мне покоя. Подобное чувство я когда-то уже испытывал и тоже в связи с музыкальными инструментами.

В XV—XVI веках между Москвой и Ногайской Ордой были установлены дружественные отношения, наладилась торговля, оказывалась взаимная военная поддержка. Московские государи, чтобы оградить себя от ногайских мурз, выплачивали ногайским биям (верховным князьям) «поминки». Бии в своих посланиях сами требовали необходимое. В основном степняки нуждались в изделиях из металла, сукне, западноевропейской писчей бумаге, продовольствии.

В некоторых грамотах указываются музыкальные инструменты, среди них *накыра* (барабан больших размеров), зурны (флейты), бубны. Я помню, что ещё тогда недоумевал: зачем из Москвы в Сарайчик везти барабан или бубен? Однако эти музыкальные инструменты имели военное предназначение.

Накыра — это большой барабан, по которому били колотушкой, оповещая о начале боя, зурной подавали сигналы различные отряды. Перед боем обязательно создавали сильный шумовой эффект: взбадривали своих и навевали панику в стане противника. Древние придавали музыкальным инструментам магическое значение и первоначально в боях, наверное, старались использовать эти качества.

В каждом ногайском ауле жили умельцы, изготавливавшие и накыры, и зурны, и домбры. Русские мастера — возможно, ремесленники, сбежавшие из поверженных золотоордынских городов в русскую столицу — делали эти инструменты искуснее и добротнее. Видимо, поэтому возникла необходимость везти их из столь отдалённых мест. Известно, что военные инструменты имели большую ценность, потеря их в бою приравнивалась к потере байрака (знамени).

В древности барабан, бубен, кобыз (смычковый, одновременно ударный инструмент), домбра (струнный инструмент) были атрибутами прорицателей, жрецов, шаманов. В ногайском языке из фольклора известны два названия представителей этой древней профессии: *камы* (иногда в произношении: *каамшы*) и *бакши*.

Бакши использовали сугубо поэтическое искусство с обязательным сопровождением игрой на домбре и кобызе, они музыкой и песенным текстом исцеляли психические расстройства, предсказывали будущее страны, политические события, разгадывали сны; т. е., говоря современным языком, проводили массовые театрализованные зрелища.

Каамшы, или камы, действовали в повседневной бытовой жизни, их профессия была более узкой, неафишируемой.

На мой взгляд, искусство камов имеет более глубокие и древние корни, и примечательно то, что оно дошло и до наших дней, хотя коммунистические деятели немало с ним боролись.

Камы в своём деле использовали различные средства: изготавливали зелья из растительных компонентов, жира и костей животных, прокалыванием вольчьей шкуры изгоняли злых духов, для очищения применяли огонь, при гадании пользовались специальными магическими камнями. В древности они были неразлучны с бубнами, которые позднее заменили аса-таяки с колокольчиками — эта палка издавала звук, подобно бубну.

Обязательной принадлежностью кама был кнут. По-ногайски кнут, плеть — *камшы*, т. е. само название говорит о прямой принадлежности каму. Высокая популярность ногайских плетей-камшы у многих народов неслучайна, видимо, секреты их изготовления передавались окружению ногайцев, и у многих народов плеть называлась нагайкой.

В ногайских аулах плети изготавливались избранными людьми, зачастую самими камами. Считалось, что именно от неё зависит плодovitость, изобилие мяса и молока у скота. Порой кнут был и единственным оружием кочевника против диких зверей...

Гильом Рубрук в середине XIII века посетил империю чингизидов. Будучи в ставке Менгу-хана, он обратил внимание на высокую роль, которую отводили камам (у Рубрука — *хам*).

Европейский путешественник пишет:

«Прорицатели, как признал сам хан, являются их жрецами, и всё, предписываемое ими, совершается без замедления... Предсказателей много, и у них всегда имеется глава, именуемый папой... всегда располагающий своё жилище перед главным домом Мангу-хана, на расстоянии полёта камня. Под охраной этого жреца... находятся повозки, везущие их идолов. Другие прорицатели живут сзади двора, в назначенных им местах: к ним стекаются из различных стран мира люди, верующие в их искусство».

Рубрук рассказывает и об обрядах камланья. Он видел беснованье кама с барабаном в руках, вызвавшего духов и получившего ответ от высших сил.

Это сообщение европейского путешественника наглядно свидетельствует о наличии в империи тюрков и монголов культа на государственном уровне, о положении священнослужителей на уровне высшего должностного ранга.

Учёные, говоря о шаманизме сибирских народов как о культуре, возникшем в условиях родового строя, оценивают его как нечто дремучее, как явление, имеющее локальный характер. Но пра-

вы ли они? Шаманизм северных народов имеет много общих черт с подобным культом тюркских народов Алтая, Тувы, Якутии, и мне кажется, что мы имеем дело с отголосками мировой тенгрианской религии.

То, что она имела статус государственной во всей огромной империи, утверждают не только западные путешественники, но и в первую очередь — эпос «Сокровенное сказание», повествующий о завоевателе вселенной Чингисхане. В этом произведении подчёркивается огромная роль жреца Кокочу (с ногайского его имя переводится так: Месть неба, или Небесная кара). В эпическом сказании фигурируют два имени верховного кама, второе из которых, Тобе-Тенгри, видимо, было дано ему после того, как он стал савновником.

Кам обладал огромной силой, зимой он мог сидеть раздетым в сиегу, вокруг него дымились клубы пара. Он уносился в небо, встречался с духами и приносил вести о победе войска. Перед боем Кокочу мог для устрашения врага вызвать бурю.

Благодаря напутствию Кокочу за будущим завоевателем Поднебесной утвердилось великое (государственное) звание Чингисхан (учёные иногда объясняют его китайским словом «тянь цы» — «озарённый небом», однако преобладают тюркские версии толкования имени: хан Океана, или от слова «Женгис-хан» — Победитель-хан).

Закрепление небесного имени за завоевателем сопровождалось шаманскими обрядами Кокочу, но, к сожалению, мы о них можем лишь догадываться.

Из текста «Сокровенного сказания» мы видим, что и сам Чингисхан обладал даром предвидения (перед одной битвой он три дня сидел на кургане, обращаясь за победой к небесным силам), он догадался о неблагонадёжности верховного кама, который в определённый момент решил оспаривать первенство, и в конце концов подверг Кокочу жестокой казни.

Справедлив вывод о взаимоотношениях влиятельных культовых служителей и правителей, сделанный замечательным современным исследователем В. Н. Басиловым в книге «Избранники духов», где он пишет: «Появление государства, взявшего на себя управление обществом, явилось решающим этапом в процессе вытеснения шаманства иными формами религии. Время вдохновенного избранника духов или божеств прошло. Царьку не нужен независимый священнослужитель, окружённый ореолом сверхъестественного избранничества. Ему удобно сосредоточить дела по связям с богами в своих руках. При монархическом правлении общество настойчиво приучают к мысли: царь — потомок богов и их главный жрец. В древних религиях Средиземноморья, например,

мы видим фигуру царя-жреца, который представляет собой бога. Правитель присваивает себе посредническую функцию шамана, предположившую личные контакты с божествами».

Такое заключение объясняет причину размолвки Чингисхана с верховным камом.

Хан — избранник неба, ему дана власть над народом, но он, как и кам, мог общаться с небесными силами, все его решения посылаются сверху. Понятным нам становится и Гильгамеш — шумерский царь-жрец... Однако, хотя о шумерах сохранилось большое количество литературного материала, систему их религиозных воззрений мы не можем представить достаточно чётко, как не можем до конца уяснить моральные принципы древних шумеров.

Богов у них несколько сот, и ведут они себя ничуть не лучше людей. Даже самые великие боги наряду с добродетелями имеют пороки: одни жестокие, другие коварные, не выполняют обещаний, отбирают подаренные детям вещи, «божественные законы», третьи занимаются пьянством и распутством.

Кроме того, у шумеров ещё бытовал своеобразный культ — наличие «личных богов».

Боги создали человека из глины для служения себе, а личный бог являлся посредником между человеком и собранием богов. Он сам внимал просьбам и стенаниям человека, избавлял от напастей, помогал ему, но не был всемогущим. Даже покровительница главного города шумеров Урука и самого Гильгамеша Инанна, как мы видели из цитат о злоключениях в подземном мире, не была всемогущей. Инанна часто помогает Гильгамешу, но он, как великий жрец, обращается и к другим богам, которые тоже помогают ему. Для исполнения своих желаний он иногда пользуется «гаданием на кирпиче», на глиняной табличке.

Когда в бесконечных поисках бессмертия Гильгамеш сначала отправляется к «Горе бессмертного» — в страну вечной жизни, по совету Энкиду он обращается к богу солнца со следующими словами:

Самый высокий не достигнет небес,
Самый огромный не покроет земли,
Гаданье на кирпиче не сулит жизни!
В горы пойду, добуду славы!
Среди славных имён себя прославлю!

Мы видим, что шумеры используют «глиняную книгу пророчеств», хотя она, вероятно, исчерпала свои возможности и не отражает высоким помыслам главного героя. Об её виде и о том, как

она использовалась, нам судить трудно. Она представляется более цивилизованным средством... но создавшие интригу поэмы барабан и палочки, несомненно, были орудиями прорицаний, в данном случае предназначенными для царя-жреца Гильгамеша.

Барабан, бубен, варган — это инструменты, относящиеся к изначальному обществу, когда люди общались с первозданной природой. Вызываемые этими инструментами потусторонние звуки в тиши на лоне природы оказывали на человека огромное эмоциональное воздействие. В городских условиях, в помещениях храмов надо было избирать другие средства, поэтому прорицатели использовали другие музыкальные инструменты, книги, рисунки. Но в Шумере, как мы видим, барабан использовался параллельно с глиняной книгой.

Шаманы, камы и бакши среди тюркских народов повсеместно существовали до конца XIX века, а кое-где, например, в Туве и на Алтае, есть до сих пор. В искажённой форме, подстраиваясь к мусульманским ритуалам, современной медицине, их ремесло стихийно возрождается и среди ногайцев. Это всё удивительно. Этот феномен прежде всего несёт нам отголоски наших древних верований. Как и в отношении языка, мы усматриваем в этом необъяснимую стойкость тюрков...

В поэме барабан и палочки служат Гильгамешу для свершения подвигов, боги не зря осуждают за использование их как предметов для «любовных утех».

Рассмотрим шире истинное назначение барабана и палочек. У тюрков и многих других народов это настоящая атрибутика шамана — средство обращения не только к небесным, но и ко всем потусторонним силам. Шаманы и камы, используя бубен и колотушку, могли подниматься в верхние и спускаться в подземные миры. Падение барабана и палочек в подземный мир, возможно, подсказывает, с какой целью был совершен божественный подарок... Тогда вся цепь поступков великого царя Шумера становится понятна.

В. Н. Басилов собрал много уникальных материалов о шаманизме малых народов Сибири, он приводит в своей книге такие сведения: «...бубен не только музыкальный инструмент, это и чудесный ковёр-самолет, переносивший шамана в иные миры. Алтайцы (тюрки — *И. К.*) верили, что ночью при свете молодого месяца можно увидеть летящего по небу на бубне шамана, который казался луной или облачком. Бубен мог превратиться в верховое животное или в лодку, на которой шаман плыл по стремительной мифической реке. Бубен применялся и в качестве оружия шамана. Одновременно он играл роль «иконостаса» (по удачному сравнению Л. П. Потапова): на нём рисовали духов, а иногда и вселенную».

В. Н. Басилов приводит интересные факты о том, что бубен первоначально отождествлялся с тотемистическими образами. У одних народов это были дикие звери: медведь, волк, лисица, у других — связанные с лёгкостью вознесения в небесную сферу: олень, конь, птицы.

Следовательно, нужно сказать, что в древности у ногайцев тотемом являлась крылатая собака, которая и сегодня изображена на нашем национальном флаге. Есть устные предания о том, что в древности сильный кам по необходимости превращался в крылатую собаку, мог подняться на небеса и взобраться на мировое дерево по иванию — Байтерек, на котором читал язу (судьбу) каждого живущего на земле.

У якутов, которые тоже относятся к тюркам, по данным Басилова, бубен Белого шамана изготовлялся из кожи белого жеребца или кобылы. Ногайские камы в позднейший период времени вместо бубна использовали специальные палки с колокольчиками, они их называли аса-таяком, т. е. посохом, помогающим подняться на небо. Некоторые называли орудия своими конями и погоняли их при помощи игрушечной камчи.

Как уже говорилось, ногайцы до наших дней сохранили родовую структуру, а многие роды в своих названиях сохранили былые тотемы. Среди них привлекательны такие названия: Буркит (Беркут), Борн-бас (Волчья голова), Эшбуга (Настоящий бык), Сарыбугы (Желтый олень-самец).

В связи с суровым климатом Евразия не совсем удобная земля для разведения буйволов, но в древности их разводили. У ногайцев существует два названия буйволов: упомянутое *камши* и диалектное (у кубанских ногайцев) *су-сымыр* (букв. водяная королева). На ивание буйвола сохранилось в именах: Камши, Кам-бий, Камай, имеется и в самой древней человеческой профессии — каамшы, и в одном из старинных орудий производства — камшы.

Как уже было сказано, камче придавалось огромное значение. Её рукоять изготовляли из слоновой кости, из золота, инкрустировали драгоценными камнями, на самом верху плети обычно делалась бахрома из кожи другого цвета, для плетения брали кожу особой выделки, и самое главное то, что в камче внутри плетения должен был быть стержень из жилы полового органа самца оленя, лося, буйвола, а в поздние времена — барана.

Я склонен в этимологии слова *камчы* видеть архетип *камши*, потому что первоначально стержнем для плети служила жила полового органа буйвола. Возможен и другой вариант, что самым древним архетипом послужил глагол *ка-* (бей), из которого возникло на ивание буйвола *камши* и название плети *камчы*. Стержневая буйволиная жила подчеркивала мужскую силу, а камы долж-

ны были погонять своих небесных коней внушительной плёткой.

Имя великого царя-жреца Гильгамеш соответствует не только назначению: Приди-Буйвол, но и несёт в себе огромную смысловую нагрузку в значении Великого Жреца, Великого Кама, Великого Шамана...

Только так можно объяснить переживания Гильгамеша из-за барабана и палочек. Барабан — «транспортное средство» для путешествия в другие миры, палочки — символы мужской силы, вызванный ими звук гипнотизирует толпу, вводит в экстаз самого кама и уносит в другой мир.

Поэма «Гильгамеш, Энкиду и подземное царство», по всей вероятности, была архаична и для самих шумеров, но они не хотели избавиться от этого гениального сюжета, который потрясает при полном его понимании. Так же поэма поразила вавилонских авторов, и при всей несогласованности со своим текстом они включили её в свой эпос. А эпос — это произведение не одного года, ни даже века, целые поколения обрабатывали шумерские сказания...

Возможно, в поэме «Гильгамеш, Энкиду и подземное царство» мы встречаемся с переходным моментом в мировоззрении самих шумеров, отсюда и легкомысленное отношение главного героя к былым жреческим предметам. Но надо заметить, что отголоски барабанного боя присутствуют почти во всех сказаниях, они слышны во время поединков, звучат и «на холмах погребальных».

Вернёмся к заимствованию вавилонян. С подобным явлением я встречался в своё время. Это произошло, когда я представлял в журнале «Половецкая луна» творчество Досмамбета Азаулы. В плеяде средневековых ногайских поэтов Досмамбет выделяется тем, что он был известен и как историческая личность. В русских летописях XVI века он неоднократно упоминается как вожжа (предводитель) Досмамбет-ага [30].

Средневековый поэт Досмамбет

В. Радлов, замечательный русский учёный-фольклорист, первым опубликовал и устное предание ногайцев, и стихи поэта в своих «Образцах литературы северных тюркских племён».

Феодал из Азова (по нашим предположениям, т. к. в это время Азов был турецкой крепостью, а поэт жил в пригороде Азова Каратайке), он был отменный воин, прослыл отважным храбрецом. В одной из битв с осаждавшими Азов врагами, не разобравшись в ночной темноте, Досмамбет-ага убил одного из родных сыновей.

У него их было два, одного звали Исакай, другого — Косай, оба упоминаются в русских летописях как предводители.

О том, какого сына убил Досмамбет-ага, ногайский учёный А. Сикалнев написал исследовательскую работу. Он опубликовал произведения поэта, среди которых — поэма «Мой Косай», посвящённая убиенному сыну.

После кровопролитного сражения с многочисленным противником Досмамбет-ага сначала вместе с товарищами покидает поле битвы, но после, обнаружив пропажу своей камчи, возвращается за ней в стан врага и в неравном бою получает смертельную рану. Умиравший, он один остаётся на поле сражения. Народ сохранил стихи, которые были сложены им перед самой смертью...

Интересуясь данной темой, я бы хотел привести замечательное стихотворение из предсмертного цикла, переведённое моим другом Александром Ануфриевым и опубликованное в журнале «Половецкая луна»:

За озером, где лес стоит сосновый,
Случайно мной камча обронена.
Лосья жила служит ей основой.
Ремни — из кожи юного слона.

А рукоять из меди как искрится,
Обёрнутая нитью золотой:
Вдруг крот её изложет иль лисица...
Что скажет мне Азов престольный мой?

Когда про мой позор узнают деды,
Что станут говорить в сердцах они?
Что Досмамбет вернулся без победы
И омрачил последние их дни?

Коль матери услышат о потере,
Их груди в миг лишатся молока.
И дочки могут пошатнуться в вере:
«Пропал отец», — решат наверняка.

Когда друзьям проведать доведётся,
Иль сыновья о том узнают вдруг, —
Им всем и день и ночь искать придётся:
От чьих отец погиб коварных рук?

Красавицы в моём доме просторном
Решат, что вдруг погасли все огни.
Враги же возликуют непритворно:
«Как славно!» — позлорадствуют они.

Стихотворение наглядно демонстрирует значение камчи для ногайцев, и хочется упомянуть о ритуалах и некоторых моментах этой традиции в жизни ногайского народа и других родственных народов.

Камча у нашего народа была одним из существенных отличительных этнических признаков. Неслучайно, что она под названием *нагайка* органически вросла в русский язык и языки других народов. Казаки — оплот российского самодержавия — вошли в историю и как *нагаечники*. В недавнем прошлом ногаи камчу не выпускали из рук, она была элементом выходного костюма; входя в помещение, её вешали в специально предназначенном месте. Камча была любимой игрушкой ногайского мальчика, а при возмужании для него плели личную плетку и, когда она была готова, делали угощение и созывали родственников. Как у нас говорилось, это орудие было незаменимым помощником в жизни скотовода и являлось грозным оружием против зверей и неприятеля.

Тут хотелось бы сказать несколько слов об этой этнической традиции у других — предшествовавших ногайцам — народов. Геродот, описывая нравы и обычаи скифов, приводит замечательный факт. Один скифский предводитель говорит: «Я предлагаю бросить копья и луки: пусть каждый из вас возьмёт в руки кнут, и пойдём на них. Пока рабы видят нас с оружием в руках, они считают себя равными с нами происхождения, но лишь только они заметят у нас кнуты вместо оружия, тотчас поймут, что они рабы наши и в сознании этого не устоят против нас» [31, 305]. Этот совет возымел действие, противники обратились в бегство. Подобный эпизод приводит в своей исторической трилогии В. Ян: «По знаку Гуюка все его сторонники вскочили и, доставая из-за пазухи ножи, толкая друг друга, бросились к трону... Голова Бату-хана ушла в плечи, зубы оскалились, глаза обратились в щёлки. Он вдруг выпрямился, отбросил в сторону меч и выхватил из-за голенища короткую плеть. С размаху он стал колотить ею по головам наступающих на него ханов» [32, 428]. Талантливый писатель, Василий Григорьевич Ян чутко уловил магическое значение камчи в жизни степ-

няка. В ногайском фольклоре рассказывается, что когда «возносили на белом войлоке» хана и сажали на престол, то ему как царские атрибуты вручали золотую стрелу и камчу, оправленную в золото.

Н. В. Гоголь очень любил украинский фольклор. В письмах к матери он часто просил присылать ему степные легенды и предания. Украинский фольклор, особенно устное творчество запорожских казаков, имеет тесную связь с устным народным творчеством бывших южных соседей: казаки величали их ногайскими татарами. Схожесть сюжета знаменитой повести Гоголя «Тарас Бульба» и ногайского предания о Досмамбете-аге очевидна. У главных героев по два сына, один из которых попадает в стан врага и погибает от руки отца; Досмамбет и Тарас сходным образом принимают смерть.

Возможно, что камча Досмамбета в степных легендах украинцев ещё в раннюю эпоху была заменена трубкой Тараса Бульбы, но не исключено, что эту замену произвел сам писатель. Познакомиться с подобной легендой в украинском фольклоре я не смог: наверное, как это часто случается, известное литературное произведение пагубно повлияло на существование легенды.

Замена камчи на курительную трубку вполне объяснима с точки зрения украинской действительности времен Н. В. Гоголя. Автор прекрасно осознавал, что для христианина камча, плётка — не настолько серьёзная вещь, чтобы из-за неё подвергать себя смертельной опасности. Трубка — это другое дело, ведь изменить своей закоренелой привычке — значит изменить себе, своей индивидуальности. А такой самобытный, колоритный персонаж, как Тарас Бульба, не допустивший этого, всё же олицетворял собой почти ушедшее в небытие знаменитое запорожское казачество (к тому времени Екатерина Великая разгромила Сечь, а оставшихся казаков разбросала по захваченной на Северном Кавказе земле).

Существование стихотворения Досмамбета Азаулы «За озером, где лес стоит сосновый» — яркое подтверждение тому, что шумерская литературная традиция каким-то образом возродилась в поэтическом искусстве ногайцев, и факт заимствования уникально аналогичен...

НЕБЕСНАЯ ПРИЧЁСКА

В шумерских текстах я не раз обращал внимание на описание шумеров как «черноголовых». В этой характеристике ничего необыкновенного нет: чему удивляться, если большая часть человечества состоит из черноголовых людей. Знакомясь с ногайским фольклором с юношеских лет, я не мог понять, почему при характеристике богатырей огромное значение придается их головам, их айдару (коса на макушке), кекелю (чуб, хохолок). Почему не бороде, не усам? Зачем вместе с богатырским телосложением обязательно даётся характеристика причёске?!

Когда я стал разбираться в имени великого святого Баба Тукли Шашлы-аса, его характеристика как волосатого меня заставила задуматься над тем, что в этом заключается нечто реликтовое, имеющее большое значение для древних людей. Оказывается, длинные волосы носили многие шумеры, а не только Энкиду из сказаний. На одной археологической находке из Адаба изображены мужчины с длинными косами до пояса [33, 73]. Отсюда их «черноголовость». И я хочу к этому культовому явлению, характерному для дроевнейшего человечества, подойти шире.

Как уже было сказано, в ногайском фольклоре, а точнее, в эпических песнях, косам, чубам, айдарам придаётся большое значение. Об этом говорит одна из популярнейших песен ногайцев «Карайдар и Кызыл-Гуль»: имя главного героя Карайдар означает Черночубый. В песне «Адиль-Солтан» главный герой тоже характеризуется, как «*явырын япкан кара айдар*» (плечи, покрытые чёрным айдаром). В другой эпической песне «Шора-батыр» тоже есть примечательный эпизод, касающийся данной характеристики:

*Казаннынъ саф орамын ыткенде,
Сарайдынъ карсы алдына келгенде,
Астындагы Карагери суьринди,
Басындагы сувсар боьркин туьсирди,*

*Каркырадай кара айдары коьринди,
Ай бетли ала коькке атылды.*

Когда драгоценную улицу Казани переходил,
Когда перед дворцом проезжал,
Конь его Карагер споткнулся,
С головы шлем упал на землю,
На всю спину чёрный айдар распустился,
Луноподобное его (Шоры) лицо вверх взметнулось.

В адыгских преданиях у Султана Хан-гирея владетель города Азова описывается, как «волосатый ногаец». Одно из подразделений знаменитого рода Конгырат называется Узын-Айдар, т. е. Длинный Чуб.

До принятия мусульманства ногайцы отличались от своего окружения причёсками: ношением хохолок, айдаров. Дело в том, что мусульмане обязаны были брить голову наголо, однако ногайцы долго придерживались своих этнических традиций. Одним из пережитков этого обычая вплоть до последнего времени является сохранение первого волоса кекеля (этимология этого слова исходит из двух слов: *кок* — небо, макушка и *ял* — грива, чёлка).

Об этом подробно пишет С. Г. Гаджиева в монографии «Материальная культура ногайцев в XIX — начале XX века». Хочу сразу отметить, что исследовательница собрала отличный полевой материал о материальной культуре ногаев. (Но есть крупный недостаток в этой монографии — это сомнительные выводы. С. Г. Гаджиева явно находилась под гипнозом существующей в стране идеологии и постарался самобытную культуру ногаев растворить среди соседствующих с ногаями народов. Даже типичной одежде тюрок: бешметам, шубам, кожаным одеждам, войлочным носкам, наконец, сапогам — она попыталась придать кавказское происхождение...)

Вот цитата, касающаяся предмета начатого разговора: «Детям брили головы, начиная с одного-двух лет, но до 7 лет на макушке оставляли пучок волос — *айдар*, *кекел*. Его не заплетали. Чтобы первый раз побрить голову мальчика, мать приносила его своему близкому родственнику (дяде), который совершал этот обряд (если сам не умел, то поручал бритьё другому) и одаривал чем-нибудь, чаще всего скотом. Обряд первого бритья сопровождался угощением... Оставление волос на макушке, видимо, является древней традицией ногайцев, распространявшейся на мужчин всех возрастов. Рубрук, в частности, отмечал этот обычай у предков ногайцев — кипчаков. Он писал, что они бреют «лоб до макушки, на которой оставляют пучок волос, спускающихся до бровей.

— Возможно, — заключает С. Г. Гаджиева, — этот сохранившийся в детских причёсках пережиток прошлого уходит своими корнями в обычай кочевников носить косы, на что также указывает Рубрук. Косы, спущенные на спину, изображены и на половецких памятниках — каменных изваяниях» [34, 72].

Здесь надо обязательно добавить, что первый волос сохранился в семье.

Моя чёлка тоже долго лежала у нас дома, о чём я написал в повести «Куржун, в котором спрятано детство» (Черкесск, 1975). Происхождение этого обычая трудно разгадать, но возможно, что как обычай-оберег он существовал с незапамятных времён. Выражение «не дать с головы волосинке упасть» и рассказы о колдунах, которые для наведения порчи крадут волосинку человека, говорят о значительной функции волос. Есть фольклорные сведения о том, что ногайцы у заклятых врагов не только срезали голову, но и снимали с неё скальп. Подобный обычай существовал у древних скифов [35] и у гуинов, да и у многих европейских и американских народов. Сведения о шубах, сшитых из скальпов (волос) врагов, имеются в нартских сказаниях карачаевцев и балкарцев и в ногайских преданиях. Слово «мечь» у ногайцев, как и у каракалпаков и казахов, имеет несколько синонимов: *оьш алу*, *кан алу* (букв. кровь взять) и *кек алу*, последнее выражение, как мне кажется, характеризует скальпирование, в значении: взять макушку.

Каракалпакский учёный Даулен Айтмуратов посвятил целую книгу тюркским этнонимам: каракалпак, чёрные клобуки, черкес, башкурт, кыргыз, уйгур, тюрк, печенег, сак, массагет, скиф, ногай. Во всех объяснениях он находит единственное значение: чёрная прядь волос, коса, чёрный волос. Что же такого необыкновенного в этой характеристике, почему многие народы называли себя черноволосыми? Даулен Айтмуратов не упускает из внимания и шумеров, которые сами себя в литературных источниках называют «черноголовым народом» [35, 72]. В связи с этим он приводит несколько цитат с этим эпитетом. Вот пример из поэмы «Энки и мироздание»:

Он направил плуг и ярмо,
Великий властитель Энки...
Провёл священные борозды,
Заставил зерно произрастать на вечном поле...
Энки присоединил амбар к амбару,
Вместе с Энлилем он умножил изобилие,
Повелительницу, которая... источник силы народа,
Несокрушимую опору страны «черноголовых».

Силу всего сущего, богиню Ашнан,
Энки сделал хранительницей (зерна) [35, 73].

Д. Айтмуратов, приводя множество примеров, характеризующих тюркские народы по волосам на голове, к сожалению, не находит первопричину. Сквозь призму столетий трудно найти объяснение, но кое-какие интересные элементы в этом направлении имеются в его капитальном сочинении. В тщательно отобранном материале Д. Айтмуратова приведены замечательные наблюдения о том, что в древности почти у всех известных тюркских народов отличительным этническим признаком было ношение айдаров, кос, чубов. Это подтверждается и археологическими находками, изображениями каменных скульптур, древними наскальными рисунками. Д. Айтмуратов, рассказывая о народах-косноносцах, объединил огромную территорию, охватывающую Центральную Азию, Юго-Восток Европы, Месопотамию в Передней Азии, а во временном отношении связал историю шумеров пятитысячелетней давности, последовательно перебирая историю саков, массагетов, скифов, гуннов, авар, болгар, уйгур, хазар, печенегов и кипчаков с историей современных каракалпаков, киргизов, башкир, ногаев и других тюркских народов Евразии.

Приведу лишь несколько выдержек из сочинения каракалпакского учёного, сохраняя сведения об источниках: «Но самым ценным сообщением является сообщение древнегреческого историка Диодора Сицилийского (I в. до н. э.): «Саки и Массагеты принадлежали к великому скифскому народу и имена свои получили от знаменитых царей, над ними властвовавших» [36, 25]. А цари эти, на наш взгляд, в свою очередь *имена или титулы свои получили по своим причёскам* или по другим признакам, потому что, как выше было указано, акад. В. М. Жирмунский пишет, что в тюркском героическом эпосе сказочные богатыри носят «золотую косу до пояса» или «золотой хохол» — *алтын айдар* (косичку или чуб — признак его чудесного или царственного происхождения) [1, 247].

Надо заметить, что сына так называемого праотца тюрков Яфета (сына библейского Ноя — *И. К.*) также называли Тюрком [37; 35, 579, 870—871]. По версии Д. Айтмуратова этноним *тюрк* сводится к значению *дурре* (бич, плеть, коса — *И. К.*).

Когда у А. Гафурова [38; 131, 134, 139] мы читаем толкование терминов-титолов «хайдар» — лев и «султан» — наместник халифа в области светского управления мусульманским государством (или звание мелких золотоордынских и казахских князьков) — нам вспоминается тюркское слово *айдар* (хохол, коса), о котором писал В. М. Жирмунский, и туркменское *гултак*, кроме значения «хохол, коса», имеющее значение «султан» (на кукурузном по-

чатке; *гулпак чыкармак* — выбрасывать султан). Вспомните также титул *калпак* (ранее этимология этого слова была сведена к значению *гулпак* — коса. — И. К.).

На наш взгляд, вышеприведенные строчки из труда академика Жирмунского являются серьёзным подтверждением нашего мнения о происхождении тюркских этнонимов *по причёске*, носимой их древними и древнейшими военачальниками.

Хотя приведение многих этнонимов из разных эпох к одному и тому же значению вызывает сомнение, исследования Д. Айтмуратова трудно опровергнуть. Тюрки всех эпох носили косы, айдары, хохлы. Имена, титулы, клички тоже давались сообразно этому признаку. Эти устои несли отголоски древних верований, чему у любого тюркского народа есть множество подтверждений. Волосы обладали силой, чудесным действием, связью с небом. Нет сомнений, что вера в это была всеобщей традицией.

Есть много свидетельств о её существовании у соседствовавших с тюрками народов (славян, народов Китая, Японии, Тибета). Возможно, что ношение высоких головных уборов всеми правителями древнего мира имеет одну основу, но почему-то дольше, чем у остальных народов, эта традиция почти в первозданном виде сохранилась у тюрков.

Ногаи, как самостоятельный этнос, позже многих тюрков обозначились на исторической арене. В наших героических песнях, рассказывающих о событиях позднего средневековья, ханы носят особые причёски и характеризуются как «*кызыл шамбау байлаган ханлар*» — «ханы, перевязанные красной лентой, бечёвкой для волос». Эта их особенность подчеркивается во всех главных эпических песнях («Эдиге», «Орак и Мамай», «Амет, сын Айсыла»), в которых ногайские богатыри охотятся за ханскими головами. Хотя у самих богатырей есть айдары, косы, они всё равно охотятся за головами ханов как за особой ценностью.

Наличие айдаров у богатырей подтверждает фольклорный материал. В журнале «Половецкая луна» (1995, № 1) я опубликовал иллюстрацию из книги Павлова: портрет воина-ногайца, участника Отечественной войны 1812 года. Это всадник на вздыбленном коне с обнажённой головой и свисающим с неё айдаром.

Украинец назвал бы айдар оселедцем, исторически это одно и то же. Древняя история украинцев так сильно переплетена с историей печенегов, кипчаков, ногаев и других тюркских народов, что они дольше остальных сохранили странный обычай носить оселедец, за что даже получили прозвище: хохлы. Кстати, это прозвище полностью тождественно с ногайским словом *кекел* (макушка — грива), многие ученые слово *хохол* переводят как кок-о(у)л — т. е. «сын неба»...

Нам сейчас трудно судить о том, были ли причёски простого люда идентичны причёскам правителей. Возможно, имелись различия. Тем более, что обнажённую голову хана не всякий мог увидеть, т. к. почему-то вся сила его власти была в волосах.

Вернёмся к изысканиям Д. Айтмуратова. Почти столетие ученые ломают голову над сообщениями древних историков о скифах и «царских скифах».

Каракалпакский учёный, расшифровывая значение этнонима «скиф», делает любопытное предположение по этому поводу «Название «царские скифы» Геродота, — пишет он, — которое И. М. Дьяконов переводит как «скифское царство», т. е. скифское государство, может быть, означает народ с царской причёской?» [35, 195]¹.

В другом месте Д. Айтмуратов приводит перевод древнетюркского рунического текста из книги С. Е. Маолова «Памятники древнетюркской письменности»:

*Билге каган говорит: Уьле тьурк таьнгрис и тьурк ьдүк
йири субы анча тимис: тьурк будун шок болмазун, тийин, бу-
дуи болчун, тийин, каным Илтаьрис каганьинь оьшм Избилге
катуньинь таьнгри таьлесинте тутып йоьсару коьтуьрми
аьринч.*

(Но) вверху Небо тюрков и священная Земля и Вода тюрков (т. е. Родина) так сказали. «Да не погибнет, говоря, народ тюркский, народом пусть будет», — так говорили. «Небо (так переводится бог Тангри — И. К.), взяв за темя, отца моего Ильтерес-кагана и мать мою, Ильбинльге-катун, подняли их (возвысили) над народом

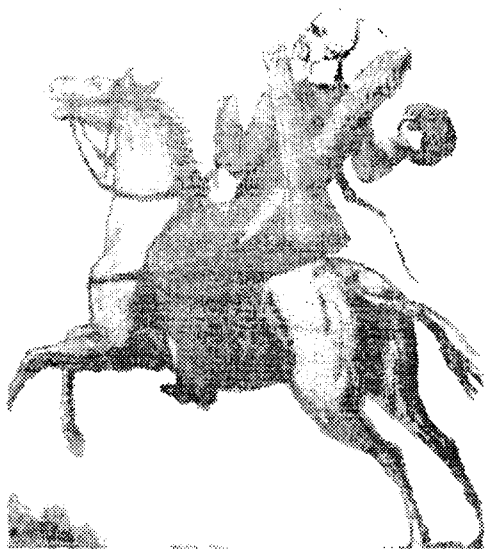
У нас вызывает любопытство значение слов «таьнгри тоьлесинте тутып» — «небо, взяв за темя»...

«Здесь, кажется, — рассуждает Д. Айтмуратов, — Небо (священная земля-вода) взяло Ильтерес-кагана не за макушку, темя и подняло, потому что не за что взяться, чтобы поднять. Нам кажется, небо взяло его за хохол, за волосы, косы. Вероятно, и слово со значением *лохол*, *волос*, *коса* вложен какой-то священный смысл, поверие. Поэтому Билге-каган не хочет прямо выражаться и заменяет слово «хохол», «волос», «коса» словом «макушка», «темя». Потому что мы знаем и из исторических источни-

¹ В соч. приводится ссылка на источник: Дьяконов И. М. История Мидии, с 250—251.

ков, что шаманы-жрецы «запретили называть имена, чтобы не привлекать к их носителям внимания злых духов. — И тут учёный ссылается на сообщения европейцев Плано Карпини и Гильома Рубрика: — Шаманы-жрецы ропщут на монгольского Мангу-хана, так как никогда никакой хан не посягал на то, чтобы открывать их тайны (тайны религии)» [35, 143].

Тюрки-болгары тоже носили пучки длинных волос на голове, но они их не скрывали так тщательно, как восточные тюрки, и этот их обычай переняли даже «византийские щёголи и называли свои прически «гуңнскими» [35, 117]. Византийские источники также сообщают о ношении на бритой голове локона князем Святославом Тмутораканским. Как уже говорилось, таких свидетельств о ношении

кос в древности множество, и то, что с этим обычаем ревностно боролись представители религиозных служителей мусульманства, христианства, вероисповеданий Китая, говорит о том, что это было не только этническим признаком, а было связано с мощной древней религией, которую, в первую очередь, исповедовали тюрки и монголы.

Определённую ценность для моего исследования представляет приведенная Д. Айтмуратовым цитата из труда М. В. Крюкова «Об этнической картине мира в древнекитайских памятниках II—I тысячелетий до н. э.». М. В. Крюков — один из первых советских исследователей, признавший этот отличительный этнический признак древних тюрков. Он пишет: «В группе названий племен северных (т. е. центрально-азиатских, возможно, и среднеазиатских —

¹Со ссылкой на источник: Голубовский В. П. История южно-русских степей IX—XIII вв. — Киев, 1984.

Д. А.) мы встречаем и изображение человека, однако, совершенно иного типа. Здесь это не самостоятельный элемент иероглифа, а нерасчленимый пиктографический знак, изображающий человека с той или иной особенностью одежды или причёски. Таков иероглиф «Си» — человек с волосами, заплетёнными в косу, и «Мей» — человек с шапкой распущенных волос, и др. Древние придавали исключительно большое значение этим внешним признакам этнической принадлежности...» [35, 71].

Тут же Д. Айтмуратов отмечает: «В книге «Этногенез народов Севера» отмечено название народа «Хи» или «Си» (кумохи)... Монголог Шмидт указывает на то, что в северо-китайском говоре гортанные звуки «к-х» южного происхождения заменяются шипящими звуками «с-ш». (Так, северное Ся (имя династии) равно южному Хя... Поэтому южное Хунну или Хюнну равно северному Сунну или Сюнну... К. А. Иностранцев добавляет, что) ...по закономерности языка, указанному Шмидтом, Суту равно Куту» [35, 71]¹.

Крупнейший исследователь истории Кигая М. В. Воробьев в книге «Чжурджени и государство Цзинь» не раз упоминает о народе *ки*, игравшем не последнюю роль в истории государства Цзинь (Кинь). *Ки* характеризуется как народ собирательный, состоящий из многих разных племён, «родственный киданям» и ведущий кочевой образ жизни.

Если мы сделаем выборку из всего приведённого материала, то видим, что *ки* — иероглиф, изображающий человека с волосами, заплетёнными в косу, ногайское *кие* — хозяин святыни, шумерский бог *Ки*, герой исторических песен волосатый Энкиду, персонаж ногайского фольклора святой Баба Тукли Шашлы-ас (Шерстяной-Волосатый) выстраиваются в один порядок. Сюда обязательно надо прибавить тюркское название человека *киши* (*ши* — окончание, характеризирующее принадлежность), ногайское *киси*, в рассматриваемом аспекте означающее Божественное создание.

И теперь, в связи с таким построением нетрудно понять первую часть загадочных тюркских этнонимов, таких как *кючак*, *клян*, *клят* (род Чингисхана), *климак*, *кидань* (ног. *китай*), *кара-кидань* (ног. *кара-китай*) и др. Во всех этих этнонимах есть очевидное совпадение *КИ*, означающее Божественный или Божественное создание; возможно, что это слово было устоявшимся в значении просто Человек, которого все тюрки называли *Киши*.

¹ Со ссылкой на источник Иностранцев К. А. Хунну и гунны с 17

ЕСЛИ ТЫ ЧЕЛОВЕК, ТО СКАЖИ СВОЁ ИМЯ

Происхождение этнонима — очень щепетильная тема, животрепещущая почти для всех тюркских народов Евразии. Особенно эта проблема волнует народы, у которых пробуждается национальное самосознание.

Часто народы бывают известны не под собственным названием, а так, как их именуют другие. К примеру, на Кавказе адыгские народы носят тюркское название «черкесы», многочисленные чеченцы названы по наименованию одного села в XIX веке, самоназвание грузин — «картвели», но они получили известность под тюркским названием «куржи». И таких примеров в мире множество.

Население Золотой Орды называли татарами или монголо-татарами, но даже в этом народе состояли этнически различные народы и племена. Крушение Золотой Орды пришлось на момент, когда тюркские народы и племена, проживающие на её территории, имели все тенденции объединиться под одним названием *ногаи*. Свидетельство тому, как уже было сказано, — создание и распространение единственного эпоса золотоордынской эпохи о ногайцах и ногайских богатырях.

Среди тюркских народов Евразии рано определившимися нациями с самоназваниями считаются киргизы, туркмены и уйгуры. Они давно имеют собственные государственные традиции, эпос и самобытную культуру. Остальные же народы, в том числе и те, которые имели когда-то государственность, после потери независимости долгое время не могли определиться с самоназванием.

Это относится к казанским и крымским татарам, казахам, азербайджанским тюркам и даже к узбекам.

Самые драматические моменты имели место в послеоктябрьский период в связи с созданием новых автономных образований.

Автономизация в Советской России производилась сверху и зачастую без учёта собственной территории того или иного народа, к тому же произвольно смешивались разные этносы. Царская

администрация — и то поступала гуманнее, поддерживала единство близких народов, называя всех тюрков татарами. Большевики же подошли к этой проблеме радикально: делить так делить, обособлять так обособлять. И наверное, правы те, кто считает, что тогдашнее государственное обустройство российских народов стало основной причиной разрыва единства России.

Возможно, что тогда у большевиков это вышло непреднамеренно. Однако результаты очевидны.

И главное, что в те далёкие времена в связи с автономизацией российские тюрки потеряли идею единства. Видимо, не последнюю роль в этом сыграло отсутствие пассионарности. Находившиеся в состоянии «сна сурка в норке» тюрки сами не желали объединения. Каждый тюрк в сновидениях видел былое могущество своего государства, прекрасно осознавая, что его уже никогда не достичь, он и не помышлял о будущем. Так, государственное образование пребывающих в летаргическом сне казахов большевики называли даже Киргизской АССР, как будто детдомовцев при живых родителях записали под чужой фамилией. К счастью, казахи опомнились вовремя и нашли название своей республике.

А. Каримуллин в книге «Татары: этнос и этноним» остро переживает за современное название республики Татарстан и настаивает на правомочности возврата татарам старого самоназвания болгар. Этот вопрос давно дискутируется среди татарской интеллигенции.

Как уже говорилось, название *татары* является псевдоэтнонимом. Ни один народ в Евразии сам себя татарами не называл. Этого названия нет в ногайском фольклоре. Зато есть упоминания о земле болгар, наконец, есть целый род болгар. Позволю себе высказать предположение, что и в глубокой древности, когда существовал народ татар, впоследствии уничтоженный Чингисханом, и тогда название этого народа не было собственным.

В ногайском эпосе, где мы находим разнообразнейшие названия родов, названия окружающих народов, богатейшую топонимику, ни единым словом не упоминается название *татары*. О том, что за какой-то неблагоприятный поступок ногай могут назвать «глупым татаринном», поётся в песнях, есть выражение в фольклоре. К этой теме я вернусь несколько позднее.

Наверное, А. Каримуллин прав в том, что казанским татарам надо вернуть свое былое самоназвание — и республика Татарстан должна называться республикой Булгаристан. Если это случится, то произвольно причисленные к татарам этнографические группы ногаев отпадут сами собой.

Сейчас начался процесс возвращения к своему самоназванию среди астраханских татар. На научных конференциях, симпозиу-

мах представители сибирских татар возмущаются причислением их народа к татарам. В 1997 году в г. Измире на курултае Ассамблеи тюркских народов они даже сделали соответствующее заявление, но съезд, оценив его как сепаратистское настроение, не поддержал инициаторов и не включил документ в резолюцию.

Главная причина подобных настроений в том, что проживающие за пределами республики Татарстан этнографические группы существуют на правах диаспоры и вынуждены, вместо родного языка, изучать литературный язык казанских татар. Разница в языке (особенно с литературным казанским) создаёт и сибирякам, и астраханцам большие трудности, они не желают обучаться чужому языку. А незнание собственного языка ведет к растворению в русскоязычной среде.

Казанские татары отличаются от причисленных к татарам народов по многим этнографическим признакам. Они — потомки многострадального, довольно стойкого в религиозном отношении, просвещённого, купеческого, ремесленного тюркского народа. Их роль в мировой истории заметна, и они многое сделали для своего самоутверждения.

Самобытность казанских татар подчеркивается достаточным числом исторических, культурных и литературных памятников. Сегодня республика Татарстан, можно сказать, самая передовая в России и в экономическом, и в культурном отношении. Она многое могла бы сделать для развития культуры и языка родственных этнографических групп в Сибири, Астрахани, Челябинской области и Оренбуржье. Даже нам, ногаям, проживающим на Северном Кавказе, они могли бы помочь и сломить существующую стену отчуждения. У нас в истории много ярких, героических страниц, запечатлевших братские отношения народов...

Но вернёмся к этнонимам евразийских тюрков. Во времена Киевской Руси было известно много тюркских народов, которые оставили глубокий след в истории и культуре украинцев и русских. Называли их по-разному: печенегами, половцами, ковуями, берендеями, чёрными клобуками, черкасами, торками. Наиболее известными были половцы. Возможно, свою роль в этом сыграл знаменитый литературный памятник «Слово о полку Игореве». Существует целая литература, посвящённая происхождению названия *половцы*, споры идут до сих пор.

На западе половцы известны под названием куманы. Восточные и южные народы называли их кипчаками. В арабских и персидских источниках Великая степь именуется Дешт-и-Кипчак, что говорит о многочисленности и величии народа. Первое упоминание в исторической литературе о кипчаках содержится в китайских источниках II века до н. э., повествующих о державе хуннов. Круп-

нейший тюрколог-китаевед Н. Я. Бичурин народ *кюеше* (цю йеше), упоминаемый в древних источниках, реконструировал как *кипчак*.

Подобная реконструкция у некоторых учёных вызывает сомнение, т. к. в течение слишком большого отрезка последующего времени об этом народе нет никаких упоминаний. Затем, почти через тысячелетие, название народа «кыбчак» встречается в древнетюркской надписи на каменной стеле, найденной на Енисее. На этой надписи «писана хроника царствования Союн-чура» [17, 499] (VIII век).

В XI веке кипчаки становятся народом, широко известным в мире. «В словаре Махмуда Кашгари говорится, что кыпчаки (*кыфчак*) распространили свои земли до Руси и Рума (Византия)» [17, 499].

В исторической науке предлагается множество толкований названия этого народа. Этимологию возводили и к слову «конюх» (В. И. Татищев), и к слову кабук — дупло (Абулгази, В. В. Бартольд). Олжас Сулейменов в уже упоминавшейся книге «Аз и Я» предложил о+-бъяснение, идущее от тамги кипчаков, архетип «икипчак» — «два ножа».

По-моему, все эти толкования этнонима несостоятельны. Сулейменов сам делает оговорку, что тамга кипчаков — две вертикальные черты — и у современных казахов называется «кос-алип». О двух ножах не может быть и речи, потому что и у ногаев эта тамга хорошо известна и называется идентично казахской и каракалпакской «кос-тамгалы».

Известный тюрколог С. Е. Малов в книге «Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии» [39], изучая древнетюркские надписи, в «словаре» к книге сделал необъяснимое отграничение начала слова (кы)бчак. Это меня поразило.

Книга попала в мои руки задолго до начала исследовательской работы над данной темой. Но я тогда подумал, что это слово можно рассмотреть как двусоставное. Теперь я твёрдо в этом уверен.

Ки-бжак. *Ки* — божество, божественное, *киши* — богом созданный, *ки* — китайский иероглиф с изображением человека с заплетёнными в косу волосами, *ки* — объединение племён, борющихся за свою независимость с чжурджениями — всё это первая часть этнонима кипчак. Что касается второй части слова, *бжак*, то это — ногайское слово. «Бужак» — суслон, укладка пшеничных снопов в виде конусообразного шалашика, как в причёске кочевников.

Хотя историческая литература и не даёт точного изображения причёски половцев, мы располагаем описаниями населения Золотой Орды в тот ранний период, когда половцы-кипчаки являлись преобладающим населением этого ханства.

Европейские путешественники застали эти странные причёски. Так, Плано Карпини (1246 г.) пишет: «На макушке головы они (татары) имеют гуменце иаподобие клериков, и все вообще бреют (голову) на три пальца ширины от одного уха до другого, эти выбритые места соединяются с вышеупомянутым гуменцем, над лбом равным образом также всё бреют иа два пальца ширины, те же волосы, которые находятся между гуменцем и вышеупомянутым бритым местом, они оставляют расти вплоть до бровей, а с той и другой стороны лба оставляют длинные волосы, обстригая их более чем наполовину: остальным волосам дают расти, как женщины. Из этих волос они составляют две косы и завязывают каждую за ухом».

Спустя около семи лет Гильом де Рубрук (1254—1254 гг.) тоже описывает причёску кочевников: «...мужчины выбривают себе на макушке головы четырёхугольник и с передних углов ведут бритьё макушки до висков. Они бреют также виски и шею до верхушки впадины затылка, а лоб до макушки, иа которой оставляют пучок волос, спускающийся до бровей. В углах затылка они оставляют волосы, из которых делают косы, которые заплетают, завязывая узлом до ушей» [Цит. по: 35, 118].

Интересно, отличались ли причёски хана и воина или различия не было?

В описании хана Берке Эльмуфауалем [27] есть такие строки: «...жидкая борода, большое лицо жёлтого цвета, волосы зачесаны за оба уха, в одном ухе золотое кольцо с ценным восьмиугольным камнем, на нём (Берке) шёлковый кафтан, иа голове его колпак, золотой пояс с дорогими камнями на зелёной болгарской коже, на обеих ногах башмаки из красной шагреновой кожи. Он не был опоясан мечом, но на кушаке его чёрные рога витые, усыпанные золотом».

Путешественники не могли видеть хана без головного убора, т. к. это равно раскрытию тайны его силы. Поэтому о ханской причёске нам можно только догадываться.

Описание хана имеется в книге Л. Н. Гумилёва «Древние тюрки» со ссылкой на сообщения китайских источников. Хотелось бы привести этот отрывок в более широком виде: он интересен не только своими подробностями, но замечателен как литературное произведение древних авторов и великого тюрколога Льва Николаевича Гумилёва.

«Тун-джабгу-хан расположил свою ставку в благословенной зелёной степи к северу от оазиса Чача. Это был центр его обширных владений. Здесь он принимал посольства от императоров Восточного (китайского) и Западного (византийского). Но любопытно и существенно, что не дипломаты оставили для нас изоб-

ражение двора тюркютского владыки, а буддийские монахи, находившие у хана тёплый приём и внимание. В 626 г. к хану прибыл индийский проповедник Прабхакарамитра с десятью спутниками и нашёл в орде полный порядок и образцовую дисциплину. Хан ласково беседовал с гостями, и они ни в чём не испытывали нужды. Им только не разрешили проехать в Китай, куда Прабхакарамитру приглашал китайский дипломат, познакомившийся с ним в ханской ставке.

Через несколько лет в ханские владения прибыл другой буддийский монах-китаец Сюань Цзан. Как только он добрался до оазиса Хами, его немедленно пригласили в Каган-ступу, т. е. в Бишбалык. По дороге его заманили в Турфанский оазис, и владыка Гаочана тоже захотел оставить при себе «святого человека», но мужественный паломник объявил голодовку и этим прииудил предоставить ему свободу передвижения. Сюань Цзан, уезжая, обещал на обратном пути прочесть в Гаочане курс лекций по буддийской философии, но этому не суждено было сбыться. В 644—645 гг., когда он возвращался в Китай, гаочанское княжество уже перестало существовать (оно было завоёвано войсками империи Тан в 640 г.).

Около места, где ныне стоит г. Токмак, паломник встретил Тунджабгу-хана, который развлекался охотой. Сюань Цзана поразило множество прекрасных лошадей.

Хан был одет в халат из зелёного атласа, голова его была не покрыта, только узкая шёлковая лента перехватывала лоб и удерживала волосы, ниспадавшие на плечи. Хана окружала свита из двухсот всадников, одетых в парчовые халаты. Их волосы были заплетены в косы.

Прочие вонны сидели на верблюдах или лошадях. Они были одеты в меховые или полотняные одежды и вооружены длинными копьями с флажками и прямыми луками. Их было так много, что конца войску не было видно...

Эта картина, — продолжает Л. Н. Гумилёв своё разъяснение к древнему описанию, — даёт возможность представить себе внешний вид богатого и роскошного двора западнотюркского хана. В колорите нет ничего серого: переливаются атлас и шелка, горит на солнце парча, мягко поблёскивают меха, играют сытые заводные кони, важио качают головами верблюды. Всё празднично и разнообразно, даже причёски, которые строго определяются племенными обычаями. И вместе с тем трогательное уважение к интеллекту. Нищего монаха встречают, кормят, слушают со вниманием и, наконец, дают ему возможность пробраться в Индию, откуда он обещает привезти крупицу мудрости...» [40, 163].

В этом отрывке ещё примечательны два момента: причёски хана

и воинов. Гумилёв отмечает, что «причёски строго определялись племенными обычаями». Возможно и такое...

Вернёмся к нашему этнониму *кипчак*. Мне кажется, что когда создавался архетип этого этнонима, причёски этого племени походили на суслон и сверху перевязывались шнурком, бантом. Вид подобных причёсок сохранился на древнекитайских гравюрах, одна из них удачно воспроизведена художницей Е. В. Ратмировой на обложке книги Л. Н. Гумилёва «Чёрная легенда» (изд-во «Экопрос», 1994).

В японских исторических фильмах часто показывают различные национальные причёски. Есть среди них и похожие на Бужак-суслон.

Ранее происхождение слова «бужак», возможно, исходит от турецкого значения слова «бужак» — угол, край, в этом понимании название степи Бужак ассоциируется с географическим названием Украина. Кипчаки, проживая в южно-русских степях, охватывали и Буджакскую степь. Топоним Буджак возник оттого, что на этих землях находилась Буджакская орда, т. е. жили люди, носившие причёску «бужак».

Ногайцы, по договору с царской администрацией переселённые в конце XVIII века из Буджака на Кубань, долгое время звались «бужак ногай», в эту группу входили объединения (купы) Етисан и Етишкуль, среди ногайцев до сих пор сохранился род *бужак*.

К загадочным этнонимам, возбуждавшим исследовательский пыл не одного поколения тюркологов, относятся такие этнонимы, как *печенег* и *хинове*. Учёный А. М. Щербак, каракалпакские исследователи Д. С. Насыров и Д. Айтмуратов (труд которого уже рассматривался) приводят разные варианты происхождения этнонима «печенег».

Академик В. В. Бартольд и некоторые другие учёные увидели возможное объяснение названия племени, народа печенегов от слова «баджанак», исходящего от «баджа» — «свояк». Этого мнения придерживались такие известные исследователи, как О. Прицак и О. Сулейменов.

Надо сказать, что этноним *печенег* часто встречается во многих западных источниках. Ранее печенеги жили к востоку от Волги, а в XI веке появились в южной Руси. Они сыграли заметную роль в истории Византии, первоначально — как враги, после — как союзники. Л. Н. Гумилёв считает, что под этим названием фигурирует и народ *канглы*. Его мнение разделяет и С. А. Плетнёва.

В древнееврейских и греческих документах название народа пишется по-разному: «бажанак», «бажынак», «пациаак». Любопытно, что этноним печенег не встречается у народов, сохранивших родовые названия: казахов, каракалпаков, киргизов, хотя у них, как и у ногайцев, есть род *каишлы*.

Д. Айтмуратов, проделавший огромную работу по исследованию главных тюркских этионимов, тоже видит происхождение этнонима от обычая ношения кос. Он возводит происхождение слова «печенег» к славянскому слову «бич» (кнут), «бечёвка», к диалектному славянскому «бич» (в значении коса) и персидскому «пиш» (кручёный, витой).

«В этом случае, — пишет учёный, — мы считаем этноним «печенег» буквальным переводом значения этионима «турк» — произошедшего от тюркского слова «дурре» (турре) — «бич», «плётка» (нагайка) и имеющее значение «кара», «наказание»... Нам кажется, — пишет далее Д. Айтмуратов, — к этимологии слова «печенег» имеет какое-то отношение и имя отца Афрасияба «Фашандж, Башанг», внука или правнука Тюрка (Короглы Х. Огузский героический эпос)... На наш взгляд, имя сына кагана Фетх (хазарского — И. К.), «Пашеих», «Пашех» имеет значение «бич», «плётка» (вспомните намецкое произношение «petce»), т. е. «карающий», «наказывающий», так как он является потомком гуннского вождя Аттилы, названного «бичом». А гуннская орда называлась «бичом Божьим» (Иностранцев К. А. «Хунну и гунны».)

Видимо, академик А. А. Куник и В. В. Радлов были правы, когда говорили: «Печенеги имели *со времён гуннов* в южно-русских степях предшественников».

Д. Айтмуратов и в этиониме «ногай» тоже видит происхождение от слова «плётка», «бич» (русское и чувашское слово нагайка), «кара», «наказание» (чувашское «нугай» в значении «судья»), а корень слова возводит к тюркскому слову «нах», «нык» — «вить» (ногайское значение — «соединять» — И. К.). Трудно возразить каракалпакскому учёному в такой цепочке построения доказательств.

Попробую помочь Д. Айтмуратову с позиции человека, знающего близкий каракалпакскому ногайский язык. Недоступность богатства словарного запаса ногайцев — главная причина того, что тюркологи не ссылаются на язык ногаев. Так и Д. Айтмуратов не знал, что в ногайском языке существует слово «нык» в значении «соединять».

Развивая эту тему, хочу привести данные о ногайских этнонимах из книги ногайского учёного А. Сикалиева «Ногайский героический эпос»: «Так, в составе ногайцев как в прошлом, так и в настоящее время встречаются представители таких древних племен и народностей: аваз (абаз), уйсун, болгар, уйгур, уйгур-туур, кыргыз, канглы, ети-огуз, каидыузлы, бугу, бугусай, баят, баята, байтеги, конгар, маджар, югар-тамгалы, шайкай, машкир, имир, тобал, боджак (боджиак), телеу, сейтек, ас, кумаи, кыпшак, наймаи, алшын, мангыт, шымбай, кыт, джалаяр, нокус,

керейт, карлык, катаган, дюрмен, кытай, аргын, конграт, буйбарас, сарай, кенегес и др.».

В этом далеко не полном списке ногайских родовых этнонимов есть интересующий нас этноним: «боджак», в скобках А. Сикалиев высказывает своё предположение: «божиак». В любом случае корнем слова остаётся, согласно заключению Д. Айтмуратова, «бич», «беч», «быж», «буж» (кручёный, витой).

В иогайском языке, кроме слова «быжак» (суслон), есть ещё один сельскохозяйственный термин: «бежен» — сапетка, высокая плетёная корзина с конусообразным низом, предназначенная для хранения зерна, початков кукурузы.

Возможно, что когда-то укладка волос на голове была похожа на бежен. Тогда этноним будет читаться так: «бежен-нык». «Нык» — в значении объединение. «Печенег» означает объединение людей с высокими причёсками, напоминающими бежен. В силу закона сингармонизма будет читаться: беженек. В каракалпакском языке бытует слово: «пешеие» в значении «голова». В исторических песнях каракалпаков это слово фигурирует наравне с общетюркским словом «баш» — голова, которое, вероятно, тоже связано с нашим «бежен» и с древними причёсками тюркских племен.

В прошлом исследователи выпускали из поля зрения богатейший набор ногайских этнонимов. Даже ногайские учёные А. Сикалиев и Р. Керейтов не дают полной картины родоплеменных названий. Раньше, когда научные организации могли снаряжать экспедиции, учёные занимались в основном родами, наиболее известными науке, а малые роды (есть такие, что состоят из одной-двух семей) оставались без внимания.

К приведённому списку А. Сикалиева можно добавить любопытные названия ногайских родов, некогда сыгравших определённую роль в истории. Частично этой проблемой занимается Р. Керейтов, в его публикациях можно встретить уникальные этнонимы, встречающиеся среди кубаиских иогайцев. Это: *баисы* (моя мать из этого рода), *бутасы* (большая часть населения моего аула Оракэли из этого рода), *есеней* (тамга Капаевых есенейская), *сираки* и *кара-сираки* (в моём ауле и поселке Эркин-шахар, а также в Караногое), *оракишы* (в ауле Адиль-Халк), *исун* (в ауле Икон-Халк). Кроме того, меня сильно поражает то, что тюркоологи никогда не заглянут в ногайско-русский словарь 1963 года, в котором отдельным списком напечатано около двухсот ногайских этнонимов. Я понимаю, что словарь неполный, в нём использовано всего 30 проц. словарного запаса ногаев, но всё же в списке родовых названий можно встретить такие редкие этнонимы, как *барак*, *бодырак*, *кобек*, *онгит*, *токсыл*, *токсаба*, *тувылга*, *минг*, *месит*, *эргенек* и др.

Ногайскими этнонимами в недалёком прошлом пестрила топонимика обширного края от Буджака до Каспийского моря. В советский период названия населённых пунктов, различных местечек, рек, ручьёв сильно изменились.

Назову подряд оставшиеся и исчезнувшие. Комрат (в Молдове), Аккерман (в Причерноморье), Чобан-эли (возле Аиапы), речки Есенея, Ея, Кирпили, Кара-Кобан (в Краснодарском крае), Кума, Коркут, Мангыт, Нокис, Иргаклы (на Ставрополье), Найман, Карас, Канглы, Нагут (в Пятигорье), Балта, Тохтамыш, Орак-эли, Алакай, Мансур, Эльбурган (в Карачаево-Черкесии), Сеитлер, Джанай, Карагаш (в Астрахаической области). Этот вопрос подлежит глубокому исследованию... Сейчас такие исследования плодотворно проводят молодые учёные М. Булгарова и С. Алиева.

Хотелось бы сказать об одном редчайшем этнониме-топониме. По трассе Невинномысск — Минеральные Воды когда-то цепочкой были выстроены иогайские аулы. Всё их население, за исключением аула Каиглы (возле города Минеральные Воды), в XIX веке переселилось в Турцию, но кое-какая ногайская топонимика сохранилась в этих местах. Это названия существующих и поныне населённых пунктов: Киян, Киян-кыз, Янкуль, Курсавка (Курсау), Нагутская (Нагут), Султан, Крым-гиреевское. Особое внимание привлекает топоним и этноним *Киян*...

В «Сборнике летописей» Рашид-ад-Дина в перечислении племенного состава туменов Чингисхана есть упоминание: «Тысяча Куки-нойона и Мукту-Кыяна. Они сыновья Кыяна, — пишет летописец. — Племя кыят, которое теперь находится у Токтая и, как говорят, составляет один туман, и многие из других кыятов — их потомки» [27, 23].

Из племени кыят происходил сам покоритель вселенной Чингисхан. Однако проникновение на запад этого и многих других племён, значившихся в составе войск великого завоевателя, нельзя увязывать с завоеванием XIII века. В виде отдельных групп в составе различных других союзов на запад проникали кипчаки, кидани, исуны, киреи, конгуры и другие, об этом сообщается в письменных источниках.

Так, в «Слове о полку Игореве» мы встречаем топоним «лес Киян». Комментаторы это название связывают с названием речки под Киевом — Киян, но нам важно другое: то, что и топоним, и гидроним тождественны с этнонимом рода Чингисхана. Мало того, этот древний этноним имеется и в «Книге о Коркуте». В памятнике прошлого тысячелетия сына Аруза звали Кыян-Сельджуком, а это означает, что род кыян имел какое-то отношение и к огузам, и к сельджукам. Суть появления столь известного этнонима у западных тюрков никем из учёных никак не объясняется.

По моему мнению, названия селений Кияи и Киян-кыз тоже уходят корнями в глубокую древность. Селения эти расположились по правую сторону Кубани, неподалёку от города Невиниомысска. Город находится у слияния рек Большой Зеленчук и Кубань, как раз в этом междуречье заканчивается долина Ажитугай.

Когда-то это место называлось Кыз-бурун — Девичий мыс. По-моему, казаки, основываясь в этом месте, сохранили прежнее наименование и назвали свою станицу Невиниомысской. Название Невика сохранилось и за маленькой речкой, впадающей в Кубань с востока, со стороны селения Киян.

Существует устоявшаяся версия, что станица названа в честь турецкого паши Невина, по подобию станицы Баталпашинской, названной в честь победы над турецким Батал-пашой. Мой аул Орак-эли расположен в двадцати километрах от города Невинномысска. Там издавна бытует легенда о невинно погибшей девушке Арукыз (букв. *красивая девушка*, в данном случае возможно, что это не собственное имя), которая, вопреки воле отца-князя, убежала с храбрым джигитом. Беглецы укрылись на горе Жигерлик, там же, на правом берегу Кубани, но князь разыскал дочь и убил джигита, и Арукыз в отчаянии бросилась в Кубань. Говорят, что девушка превратилась в лебедя и часто пролетает над родным аулом, напоминая людям о бессердечии отца. Я слышал эту легенду ещё в детстве.

Будучи студентом Литературного института в 70-е годы, во время каникул, посетил я аул Канглы, который расположен в пяти километрах от города Минеральные Воды. Мы, кубанские ногаи, жителей этого аула называем *куми ногай* (кумские ногаи). А они свой аул ещё называют Кырк-аул (Сорок аулов), так как в нём поселились роды сорока аулов, вернувшихся из Турции. Я в Канглах ещё застал стариков, которые от своих отцов слышали рассказы о страданиях и мытарствах их предков-переселенцев.

Один такой старик, по имени Шокай (пусть рай ему будет на том свете, его уже нет в живых), поведал мне тогда часть услышанных преданий. От него я узнал, например, что парходчики специально топили в море свои старые суда вместе с переселенцами, чтобы получить страховку. Также он рассказал о том, что в городах земли обетованной (так переселенцы называли Турцию) соотечественники тысячами умирали от голода, и о том, что, не имея места для жилья, они обосновывались на турецких кладбищах. Я слышал от него, что изнывающим от жары турки продавали не только воду стаканами, но даже теи от дерева. В то время я начинал писать роман о переселенцах «Баржа», который до сих пор так и не завершил. Много полезного я извлек для своего романа, но не это главное для данного повествования.

Шокай оказался из рода Киян, его предки были выходцами из аула Киян-кыз. В то время его и ещё несколько семей родственников жили отдельным ямагатом в Канглах. Киян-бет, Каз-бет, Найман-бет, Янак-бет и ещё по многим родам и сторонам тогда делился этот аул. Кое-что от этого разделения сохранилось в Канглах до сегодняшних дней. Именно от Шокая я услышал легенду о происхождении названия аула. В общих чертах она была знакома мне, но всё же отличалась от той, что я слышал в детстве.

«В глубокой древности в ауле жила красивая девушка, — начал Шокай. — Очень чистая и опрятная была. В отличие от аульских девушек, которые вместе ходили по воду, она ходила купаться одна. Как-то раз она пошла к реке, а один влюбленный в неё аульский парень проследил за ней и, когда девушка разделась и вошла в воду, взял и спрятал одежду. Увидев парня и не обнаружив одежды, девушка со стыда бросилась снова в воду, и течение унесло её. Говорят, что с тех пор она не выходила из воды и, превратившись в белую лебедь, жила в речных заводях. Когда поднималась буря или ураган, аульчане видели в небе белую птицу, пронзительно кричащую: «Кикан! Кикан!» Поэтому и назвали наш аул Киян», — так закончил свой рассказ старик.

«Кикан» — это словоподражание крику лебедя, гуся. Гуся, отбившегося от стаи и из-за этого постоянно гогочущего, у нас тоже называют кикан. Одну девочку в нашем ауле из-за её неумолкаемой болтовни звали Кикан; возможно, что такое прозвище даётся исстари. Журавля мы называем *турна*, но в обиходе, подражая издаваемому этими птицами звуку, его зовут ласково *кырлу*. Лебедя у нас называют *ку* или *ак-ку* — белый лебедь. Кикан — это ласковое прозвище этой птицы.

В книге балкарского учёного Исмаила Мизиева «История Балкарии и Карачая с древнейших времен до похода Тимура» по поводу названия древнего города Кикн у устья Кубани есть изыскание, в котором чувствуется отголосок нашей легенды. Исходя из того, что по-карачаевски лебедь *къанкъ*, учёный пишет: «Отсюда можно полагать, что данное название города означает «Лебедь», «Лебединый голос» и т. п.

В связи с подобным предположением уместно вспомнить слова Помпония Мелы: «При начале берегового изгиба (берег Понтийского, т. е. Чёрного моря в районе Западного Кавказа — *И. К.*) лежит город, который, по преданию, иазвали Кикном (Лебедем), потому что голос лебедя подал греческим купцам знак, когда они были увлекаемы тёмною непогодой и не знали, где земля» [41, 291].

Очевидно то, что легенда о девушке-лебедь связывает название древнего города в устье Кубани с топонимом в срединном тече-

нии этой реки. Самое любопытное то, что создающая междуречье с Кубаею река Большой Зеленчук берёт начало там, где в раннем Средневековье на одном из ответвлений Великого шёлкового пути стояло городище, а сейчас курортный посёлок, называемый Архызом (имя девушки из нашей легенды: Арукыз).

Мне видится, что происходило какое-то перемещение топонима, связанное с передвижением жителей, хранивших память о той девушке. Само название реки Кубань некоторые ученые относят к этнониму Куман, означавшему лебедь.

В конце 80-х годов я как-то поехал в аул Каясула (по-ногайски Кой-асыл — «потомственные овцы») Нефтекумского района в Ставропольском крае. Здесь жил мой давний приятель Агали Канаев. Рядом с аулом находилось озеро Зуккарнай. Мой приятель организовал рыбалку. После щедрого угощения на берегу я остался ночевать в домике охранника рыбхоза, расположенного тут же, на озере.

Глубокой ночью я проснулся от какого-то шума и обнаружил, что ночевавшего со мной хозяина сторожки нет. В окна падал свет электрической лампы, горящей на высоком столбе. Я выглянул в окно — и увидел старика Енали, хозяина домика. Он стоял на деревянном помосте, уходящем в воду, и курил сигарету. Обеспокоившись, я вышел к старику. Енали, облокотившись на перила, смотрел в сторону камышей.

— Что, не спится, агай? — спросил я.

— Да. Вот, Кукай хлопает крыльями. Разбудила неприкаянная.

— А что за птица? Я такого названия не знаю, — заинтересовался я.

— В мелководье ходит, летает над озером, по-русски как его зовут, не знаю...

И тогда Енали рассказал мне легенду о птице Кукай, которая перекликается с легендами о девушке из аула Киян-кыз.

«Давным-давно здесь рядом было ещё одно озеро, и оно называлось Кой-коль (Овечьё озеро). Возле того озера жил бай по имени Сык-Карынай (Жадный Желудок), теперь это озеро носит его имя и называется Зуккарнай. У бая была очень красивая, честная, совестливая дочь. Как-то её увидел красивый джигит, влюбился и, долго не раздумывая, послал сватов. Бай был предупреждён, что к нему едут гости, но он ничего не мог поделать со своей жадностью, выбрал самую худую овцу и зарезал для угощения. Бедная дочь от стыда не знала, что делать. В отчаянии она бросилась в воду и утонула. Отец и мать день и ночь оплакивали дочь, били своих овец и утопили всех их в озере. Поэтому озеро и называли Кой-коль. А девушка, говорят, превратилась в птицу Кукай, которая

ведет ночной образ жизни, потому что стыдится поступка своего отца».

Птица Кукай, мне кажется, это болотная цапля, выпь, действительно ведущая ночной образ жизни. Думаю, что есть какая-то взаимосвязь между именем Кукай и названием лебедя ку.

Но лебединая тема в ногайском фольклоре не ограничивается приведённой легендой. Существует сохранившееся у ногайцев предание о космической Лебеди, породившей нашу планету. У тюрков множество сказаний об этой величавой птице, являвшейся тотемом многих племён и народов. Так, один из древнейших родов алтайцев называется *куманды* и, по преданию, происходит от лебедя.

В одном из вариантов эпической песни «Эдиге» отец Эдиге Кутлу-кая живёт на берегу озера. Однажды он видит, как на берег садятся три лебедя. Они превращаются в красивых девушек и, скинув одеяние, купаются в озере. Кутлу-кая забирает одно из одеяний. Две девушки, одевшись, снова оборачиваются лебедями и улетают. Третьей девушке Кутлу-кая предлагает стать его женой. Девушка согласна, если он не будет заглядывать ей в подмышечные впадины.

В один из дней совместной жизни Кутлу-кая нарушает запрет и видит сквозь отверстие в подмышках внутренности жены. Тогда жена покидает Кутлу-каю, оставив грудного Эдиге. Кутлу-кая кормит сына сына молоком лесной собаки... В другом варианте песни Кутлу-кая встречает лесную женщину, остальные события происходят так же.

Этноним *киян* по нашей изначальной версии состоит из двух слов: ки (божество) и ян (душа, создание), оно означает «божественное создание». Я думаю, что это не случайное значение этнонима. Его божественность, царственность подчеркивается во всех случаях, где он встречается: «лес Киян» в «Слове о полку Игореве», Кьян-Сельджук в древнеогузском эпосе, ногайский род киян, берущий истоки из эпохи гуннов, болгар, хазар или печенегов.

Станным кажется то, что в древнерусской литературе жители Киева называются киянами. В «Повести временных лет» [42, 18—22] читаем, что «кияне слются къ Володимеру» или же: «Мстислава из Тьмутороканя Кыеву и прияще его кыяне». Хотя в другом месте [42, 25] древние летописцы пишут: «и людье кыевстии прибьгоше Кыеву». В первом случае правильнее было бы написание «кыявяне» или же, во втором случае, «людье кыястии». Разумеется, могли иметь место грамматические издержки, т. е. вольности в правописании. Но, может быть, в написании *кияне* подчеркивается отношение горожан не к названию города Киев, а к основателю столицы Кию? Кияне — это люди Кия, представители рода и ихпотомки. (Кстати, надо заметить, что такой чести не удо-

стаивается ни одна другая легендарная личность города Киева, а там проживало немало славных и известных князей).

В самом деле, не имеем ли мы дело с царским родом киян? Ко времени написания «Повести временных лет» история Киева осталась где-то в седой старине. В преданиях говорится, что Киев основан во времена Великой Хазарии. Город платил дань хазарскому кагану. Вполне допустимо, что его и основали сами хазары. Намёк на это есть в туманной легенде об основании столицы. Киев основали «подем же жившемь особъ» братья Кий, Щек, Хорив и сестра Лыбедь. Кроме женского имени, остальные совсем не характерны для полян, предков украинцев и поляков. Главный в этом списке, Кий, чьё имя получил город, был перевозчик на Днепре, а жил его род на въезде под названием Боричев. Второй брат Щек жил на горе, которая во время написания «Повести...» (XII в.) называлась Щековица, третий брат Хорив жил на третьей горе, которая, по его имени, называлась Хоровица.

Поляне, к которым относят братьев авторы летописи, резко отличаются от других славянских племён: древлян, радимичей, вятичей, кривичей, живущих «звериным образом». Поляне от своих отцов получили в наследство обычаи: «стыдение» к снохам, сёстрам, матерям, к родителям своим, был у них и брачный обычай. Если иметь в виду то, что речь идёт о дохристианских полянах, возникает резонный вопрос: откуда эти обычаи, нехарактерные для всех остальных славянских племён. Учитывая, что они жили в «поле особом», т. е. в степи, обычаи, законы они могли перенять от тюркских народов Хазарского каганата, с которыми тесно общались. Ведь государство тюрков существовало несколько столетий. В отсутствие законов это было бы невозможно. Обычаи полян во многом схожи с обычаями народов Великой степи. Все историки, и ранние и поздние, отмечают высокий уровень нравственных взаимоотношений у степняков. Почитание родителей, почитание старших в роду было основой любого тюркского рода. А закон, государственные порядки степнякам были известны издревле. Если бы их не было, то как было бы возможно создавать такие огромные кочевые империи, как I и II Тюркские каганаты, Хазарию, государство сельджуков и другие.

Имена основателей Киева резко выпадают из древнерусской традиции. Главное, что они потом ни разу не повторяются в истории Древней Руси. Варяжским именам: Олег, Игорь, Ольга, Избор, Трувер и то больше повезло — они нет-нет да и возникали в родословных знати, а некоторые дошли до наших дней. Почему же такая немилость к именам основателей знаменитого города? Из истории мы знаем, что пришедшие на эту землю варяги, взяв верховенство, не только освободили жившие там племена от хазарс-

кой дани, но вскоре образовали мощное государство Русь. Они и стали «виновниками» появления нового населения. Прежнее, видимо, по обыкновению частично было изгнано, а частично ассимилировано новоявленными горожанами.

И дело не только в именах. Возможно, мы имеем дело с каким-то преданием тюркского происхождения. Имена Кий, Щек, Хорив и даже калькированное имя Лыбедь несут смысловые нагрузки. Смысл слова *ки* мы уже объясняли. Интересно, что это слово дало название не только городу — и лес, и речка вблизи города называются Киян. Имя Щек уходит корнями к таким рассмотренным в этой книге именам, как Чек, Чак, Сек, Сак, этимология которых восходит к словам «плеть», «наказанье», «судья». Кстати, одного из сыновей Ногая звали Джеке (в другом написании Шеке). По русским историческим документам известен золотоордынский феодал с именем Чека. Имя Хорив состоит из двух частей: *хор* (победа, победитель) и *ев* (дом, род), и его можно перевести, как Победоносный род. Для этого корня характерны такие древние тюркские имена, как Кор-оглы (Победы сын) и Хорлам (Победитель), этот корень сохранился и в другом древнем русском слове военного значения: хоругвь. Имя сестры Лыбедь также нашло отражение в топонимике древней столицы Руси, там известна речка Лебедь.

Поразительно то, что и в древнерусском предании, и в топонимике края отображён полный набор знаковых фигур из легенд о царском происхождении. В предании говорится, что Кий сидел на горе, где въезд Боричев. Бори — это тюркское название волка. Может быть, в данном случае имеется в виду небесный волк, представленный во всех ханских родословных у тюрков. Хотя роль сестры основателей города неясна, но её имя Лебедь почти непременно присутствует в ханских родословных.

Киев — столица нынешней Украины, государства, где сохранились тысячи топонимов и гидронимов тюркского происхождения. В истории Киев — это мать городов русских (почему мать, а не отец? — *И. К.*), но этот город играл огромную роль и для наших предков. И не случайно, что сохранилось ещё одно тюркское название города: Манги-керман — Вечный город. (У Рашид-ад-дина — Магрокерман). Это свидетельствует о том, что Киев для западных тюрков был тем же, чем для жителей Европы — Рим, вечный город. Это могло быть во времена Великой Хазарии, и связано было с распространением монотеистических религий в этом государстве. Тенгрианцы, в силу своей веротерпимости допустившие распространение и христианства, и мусульманства, затем подвергались преследованиям и находили убежище на окраинах каганата. И тогда был создан Дом Кия, Дом Божества, Дом Святыни — Ки Ев.

В древнем монгольском «Сокровенном сказании» говорится, что чингисхановский род ведёт своё происхождение от женщины Алун-гуа, а также от человека, приходившего по ночам через дымовое отверстие юрты и уходящего на рассвете, «царапаясь, обирачиваясь жёлтой собакой» [43, 56]. Отголосок подобного предания у ногайцев существует относительно происхождения рода *ак-кобек*. Как только подходили роды у жены одного князя, в дымовое отверстие юрты залетала туча и забирала ребёнка. Тогда князь позвал Ак-кобека (Белого пса), человека, превращённого колдуном в собаку, и тот смог прогнать тучу и сохранить наследника. Так у ногайцев появился род Ак-кобек.

Итак, опять встречается образ собаки: и Атилл рождён собакой, и предок Чингисхана, и Эдиге вскормлен ею... Древние придумывают одну и ту же версию для придания легитимности своему вождю, кагану, покорителю вселенной, как мусульманские авторы возводили династии правителей к родне пророка Мухаммеда.

Имя легендарной женщины Алун-Гуа комментаторы переводят как «Прекрасная маралиха». В монгольском сказании постоянно присутствует Тенгис-Далай в значении озеро, река (в ногайском языке есть выражение Талай Денгиз, означающее Огромное море), и у меня возникло такое ощущение, что где-то должен быть лебедь. Не тюркское ли это имя — Аллын-ку, означающее Лебединый облик? Прекрасную девушку мы всегда награждаем эпитетом ку (лебедь) или ак-ку (белый лебедь). Тем более, в родословной Чингисхана женщины нескольких поколений имеют приставку *гуа* в значении прекрасная, а доподлинно известно, что древнемонгольский очень близок тюркским языкам.

Топоним и этноним Киян вызвал у меня ассоциацию и в связи с загадочными *хинове* из «Слова о полку Игореве», поэтому от лебедей перейду к гадким утятам.

ГАДКИЕ УТЯТА

«Не беда появиться на свет в утином гнезде, если ты вылупился из лебединого яйца!» — это цитата из знаменитой сказки Ханса Кристиана Андерсена «Гадкий утёнок».

В истории тюрков часто возникала ситуация «гадкого утёнка». К гадким утятам истории можно отнести известных летописям скифов, алан, асов, черкас и многие другие народы, впоследствии потерявшие свои названия. Их считают одними народами, но в результате исследований и обнаружения дополнительных фактов выявляются другие. Чаще всего это происходит с тюркскими народами. Причина тому — их широкое распространение. В эпоху исторического подъёма тюрки стремительно разветвлялись и, в силу своего свободолюбия, безболезненно обособлялись, создавая новые государственные образования, а в итоге и новые этносы.

В этом сказывалась живучесть тюркского корня, этнических традиций и языка. Исчезал один тюркский этнос, но на периферии погибающего возникал новый, под другим названием. Возможно, в этом и состоит бессмертие *тюрков*, и, наверное, происхождение обобщающего названия связано со словом «тйри» — «жизнь», «туьрен» — «ствол дерева», айтмуратовское «Туьрре» — «плеть» в значении живучий.

В истории Древней Руси тюрки фигурировали под разными названиями, многие из них позабыты самими тюрками, многие представляли собой калькированные переводы, как, например, «чёрные клобуки», другие давались южно-русским населением по каким-то определённым этническим признакам.

Тюркологи и слависты на протяжении значительного периода ломают головы в поисках народа *хинове*: этот термин трижды упоминается в величайшем литературном памятнике «Слово о полку Игореве».

В первый раз при поражении непослушного князя Игоря:

Темно бо вѣ в 3 день: два солнца помѣроста, оба багряная стаѣпа погасоста, и съ ним молодая мѣсяца, Олегъ и Святолавъ тьмою ся поволокоста... и вѣ морѣ погруднста, и великое вѣйство подасть Хинновн.

Второй раз таинственное слово встречается при обращении Святослава к князьям Роману и Мстиславу:

Буть бо у ваю желѣзным папорзи подь шеломы Латински-ми. Тѣмн тресну земля и многне страны: Хиннова, Литва, Ятвязи, Деремела и Половци и суднцы поврѣгоша, а главы своя поклониша подь тын мечи харалужным.

Ещё раз это название встречается в «Плаче Ярославны»:

О вѣтръ вѣтрило! Чему, Господinne, насильно вѣеши? Чему мышешн Хиновъскыя стрѣлки на своєю нетрудноу крилицю на моея лады вон? Мало ли ты вѣшетъ горѣ подь облакы вѣеяти, лелѣючн кораблн на синѣ морѣ? Чему, господinne, мое веселие по ковыланю развѣя?

Учёные выдвигали много разных гипотез по поводу этого термина. Одни предполагали происхождение слова хинови от слова хан, другие видели «искажённое название народа: финны» [44]. Третьи утверждали, что слово «хинъ» взято из греческого тождественного слова в значении «гусь», четвёртые предполагали: от венгерского «хин» — «злоба». Были и такие, что относили термин к названию народа: гунны. Учёный И. Г. Добродомов в работе «О Половецких этнонимах в древнерусской литературе» рассмотрел все версии. Интересно привести одно из его рассуждений.

«... По мнению Т. Чижевской, которая в данном случае следует за Ю. Моравчиком, неясное *хынъ* в «Слове» означает «гунн» и относится к Венгрии (refers to Hungary). Если с фонетической точки зрения это сопоставление и приемлемо, то исторически оно противоречит фактам. Достаточно обратиться лишь к «Повести временных лет», составленной приблизительно на столетие раньше «Слова», но в которой гунны совершенно не упоминаются, здесь содержится лишь упоминание легенды об аварах-обрах, хотя авары были разгромлены лишь в конце VIII в. Известно, что авары появились на месте гуннов ещё в VI в. Представляется весьма проблематичным то, что гунны были известны больше, чем авары-обры, поэтому попытки найти каких-то гуннов-хинов в XII в. естественны. Да и контекст, в котором употреблён этот загадочный термин, противоречит такому объяснению. Едва ли поражение русских князей на реке

Каяле могло подать *великое буйство* венграм — *хынови*. Правильным будет суждение о том, что большую смелость придало это поражение именно половцам. *Хиновские стрелки*, которые ветер бросает на русских воинов, тоже могут быть только половецкими. Труднее объяснить *хынове* в перечне многих стран, которые главы *свои поклониша* владими́ро-во́лынскому князю Роману и луцкому князю Мстиславу. В этом перечне (Хынове, Литьва, Ятвязи, Деремела и Половци) упомянуты также и *половцы*, что кажется противоречащим толкованию термина Хынь как «половцы». Но половцы занимали слишком большую территорию в южно-русских степях и делились на два объединения — Западное (Днепровское) и Восточное (Донское). Известно, что у половцев было два самоназвания, отразившихся в русских источниках как *сорочины* (тюрк. *сары куьн*) и *куманы* (тюрк. *куман*). Русское *половцы* представляет собой кальку с обоих этих самоназваний.

На основании исторических данных можно предполагать, что название *сорочины* относилось к западному объединению, а *куманы* к восточному. Термин *половцы* был общим названием для обоих объединений. Тюркский этноним *куман* известен также и в форме *кун* с долгим У (в венгерской, персидской и арабской передаче). Тюркологи отмечают, что для кипчакских языков (в том числе и для половецкого) была характерна спирантизация заднеязычных, т. е. изменение К—Х. Отсюда появилось половецкое *хун*, которое дало древнерусское *хынъ*. Следовательно, *хынъ* должно относиться к восточному (донскому) объединению половцев. Поэтому в списке покорившихся стран *хынъ* относились к одной, а *половци* к другой группе половцев». Однако это отождествление загадочных *хинов* с половцами-кунами не было замечено и соответственно с этим не получило ни поддержки, ни осуждения» [45, 102].

Далее И. Г. Добродомов использует взаимоотношения болгар и половцев и через посредство болгарского языка устанавливает тождество наименований *кун* — *хынъ*. Так что, по мнению автора, таинственные Хинове есть Восточные половцы.

Это логично по смыслу, если считать, что поход Игоря — самочинный, нарушающий условия мирных соглашений. Но всё же и в этом есть несоответствие. Какая необходимость в перечне покорившихся стран одних называть общим наименованием, а других выделять? Тогда надо было и Западных назвать их собственным названием: сорочинами. И. Г. Добродомов отверг даже предположение Л. Н. Гумилёва о том, что слово *хин* может произойти от занесённого монголами названия империи Кин (Цзинь, означающее: золотая), существовавшей в 1115— 234 годы.

Л. Н. Гумилёв строит версию на том, что «Слово о полку Игореве» написано после битвы русских с монголами на Калке. Тата-

ро-монголы разбили чжурдженей, которые ранее покорили Северный Китай и создали мощное государство Кинь (Цзинь). Это название переводится и как Золотая империя. Л. Н. Гумилёв предлагает гипотезу, что название государства татаро-монголов Золотая Орда заимствовано у названия государства чжурдженей.

Хотя В. В. Бартольд считал возможным, что название государства, в котором половцы составляют значительную часть, возникло с калькированием половецкого наименования *кун-куман* (жёлтая), он также сделал интересное замечание: «...имя Кипчак было перенесено и на монгольское государство Золотой Орды» [46]. Он, наверное, имел в виду название государства в восточных литературных источниках Дешт-и-Кипчак, «Кипчатская Орда».

Название Золотая Орда в восточной литературе отсутствует. По-моему, оно отсутствовало и в иогайском героическом эпосе, древние ногаи называли это государство по-разному: Уллы Улус (Великий Улус), Жуши Улус (Джучиев Улус), по частям крыльев: Ак Орда (Белая Орда) и Кок Орда (Синяя Орда). Под названием Сарай всегда понимался не город, а ханский дворец, который метафорично ещё назывался Алтынташ (Золотой камень). Возможно, что из-за дворца, роскоши и богатства ставки хана возникло название Золотая Орда. Т. к. это название чаще встречается в русских летописях, можно предполагать, что первыми ставку своего царя (Золотой?) нарекли русские, по аналогии со ставкой в Киеве — Золотым столом. Кстати, в ногайском фольклоре ставка любого хана называется так же «Алтын так» («Золотой престол»).

Основатели государства Кинь — народ маньчжурского происхождения. Этнически они отличались от многочисленного китайского населения. Они проводили тонкую и гибкую политику, чтобы сохранить свою династию у власти: с целью не вызвать недовольства они переписывались под китайские фамилии, но, когда боялись ассимиляции, возвращали собственные фамилии, создавали школы по обучению родному языку. От китайского населения чжурдженей отличались внешне, они тоже носили косы. Как и их злейшие враги кидани, как и названный нами народ ки, добивавшийся независимости при чжурдженях, они тоже были косоплётками.

И. Г. Добродомов, видимо, справедливо отвергает версию Л. Н. Гумилёва, ссылаясь на критику учёного Н. Ц. Мункуева, который опровергает построения Гумилёва «с точки зрения синологической и монголоведческой» науки. Мункуев отрицает перевод названия империи *цзинь* (золото) как *кин*, т. к. Гумилёв «следовал позднейшей западноевропейской транскрипции и считал её за средневековое чтение... Иероглиф *цзинь* в среднекитайском звучал как *ким*, но в XIII—XIV вв. на монгольском алфавите Пхагсбы читался *гим*», — считает Мункуев [45, 107].

На мой взгляд, загадочное «хинове» в «Слове» происходит от слова «ки» — божество, косоплёт, а вторая часть слова состоит из русского суффикса «н» и окончания множественного числа «ов».

По всем признакам термин *хинове* обобщающий, означает: кочевники, язычники.

В «Задонщине» противник Дмитрия Донского Мамай назван «хиновином». Л. Н. Гумилёв, развивая свою гипотезу, что древний термин «Хинове» происходит от чжурдженьского Кинь, пишет следующее: «В «Задонщине» толково объяснено, что «на восточную сторону жребии Симова, сына Ноева, от него же родися хиновя поганые татаровя бусорманские. То бо на реке на Каяле одолеша род Афетов. И оттоля Русская земля сидит невесела...» В этой цитате очевидно, что хинове обобщающий термин, характеризующийся, как «поганые» (языческие) и как «татаровя бусорманские» [47, 270].

Учёный видит в термине политический смысл. С этим можно согласиться, это очевидно.

Гумилёв тут же приводит другую цитату из «Задонщины»: «Возгремели мечи булатные о шеломы хиновские на поле Куликове». Мы уже встречали в «Слове» отличительные «хиновские стрелки» из хиновского вооружения. Лев Николаевич делает пространные отступления об этом, посвящает целую главу тому, что стрелы татаро-монгол были отравленными, а для их изготовления требовался яд с Дальнего Востока. Этим опять-таки подтверждает проникновение термина с чжурджениями, входившими в войско Батыя.

Наверное, это самый слабый аргумент, хотя совсем его игнорировать невозможно. Аргумент слабый, потому что яд для стрел использовался и до монголо-татар, теми же скифами, народами Передней Азии, и после них — ногаями. Почему же нельзя было изготавливать отравленные стрелы в местных условиях? Многие народы использовали яд для стрел, да и мест для добычи яда было достаточно и в Средней Азии, и на волжских, и на донских лиманах. В ногайском фольклоре почти обыденно употребляется выражение «увлы ок» («ядовитая стрела»). А чем же примечательны шеломы хиновские? Почему их наличие тоже подчёркивает древний автор?

За ответом можно обратиться к ногайской эпической песне «Орак и Мамай». Богатырь Мамай так говорит:

Эдил басы Элемен-тау,
Суйр аркадынь уьстинде,
Суйрип кувьп еткемен.
Еткен болсам не эткемен?
Тувлыгадынь кулпасын,

Турам-турам кескемен,
Тутпа асаудай ханларды
Дулатып басын кескемен.

Начало Волги гора Элемен,
По гладкому хребту
Гнал, не отставая, и настиг,
Когда настиг, что же я сделал?
Шелома кулпаг (султан)
На мелкие куски искромсал,
Неприступных, как крепость, ханов
Головы ошеломительно я рубил [48].

Шлемы с кулпагом (с локоном волос), с султанами, — наверное, это и есть хиновские шеломы.

Как мы видим, у народа «хинове» и в «Слове», и в «Задонские» есть особые этнические признаки. А в характеристике «хинове поганые», «татаровя босурманские» чувствуется удвоенное неприятие и по религиозным мотивам.

Отсюда видно, что термином *хинове* обобщающе называли всех, кто имел языческую веру. Судя по происхождению слова и по головным уборам — в данном случае (в «Слове») это были данники, вынужденные союзники — торки, берендеи, чёрные клобуки и другие, при победе половцев над русскими князьями не раз выходившие из повиновения, которые и в случае поражения Игоря могли проявить смелость, «буйство». Употребление синонимов *хинове* — *татаровя* не случайно в «Задонские», оно подчёркивает равнозначное неприятие и язычников, и мусульман.

Есть сведения о том, что правящая верхушка и какая-то часть половцев, населяющих южно-русские степи, были христиане несторианского толка, и поэтому тоже требовалось отдельное их название. Хиновинами назывались кочевники-косоплёты с языческой (тенгрианской) верой.

В мире предостаточно собирательных названий разных народов. Особенно это касается тюркских, живших в непосредственной близости с относительно цивилизованными мусульманскими и христианскими странами. Геродот, Гиппократ, Страбон, Пиндар и др. первыми написали о кочевниках — скифах. Крупнейший русский учёный И. М. Дьяконов, опираясь на данные Геродота и Страбона, отмечает, что название «скифы» северным кочевникам дали греки и что на памяти греков «ни одно из скифских племён само себя скифами не называло». Однако уже не одно поколение учёных старается объяснить этот термин, чтобы затем выявить этническую принадлежность скифов.

В науке имелось устоявшееся мнение об ираноязычности древних кочевников. Возникали предположения, что скифы являются далёкими предками славян. Достаточными подтверждениями этих гипотез наука до сих пор не располагает. С развитием тюркологии, особенно в самой тюркской среде, появляется всё больше аргументов, доказывающих тюркское происхождение этих ранних nomadов. Заново перечитываются древние авторы.

Своеобразной жизни скифов сильно удивлялся Геродот: «У скифов нет ни городов, ни укреплений, и свои жилища они возят с собой. Все они конные лучники и промышленяют не земледелием, а скотоводством: их жилища — в кибитках» [49]. В трагедии Эсхила «Освобождённый Прометей» (525—456 гг. до н. э.) есть такие строки: «Пьют скифы молоко кобылье, праведен закон их» [50, 387]. Автор V века Зосима подтверждает слова Геродота и других авторов о наружности кочевников: «Некоторые этот народ называют Уннами (речь идет о гуннах — И. К.), другие говорят, что его следует называть царственными скифами, или это народ, про который говорит Геродот, что живёт у Истра, с сплюснутыми носами, маленького роста» [51, 149].

Тюркологи, знакомясь с записями древних авторов, где скифов называют и «доителями кобылиц», и «живущими в повозках», и «пьющими кумыс», удивлены были не меньше Геродота и задались справедливым вопросом: а ведь это не какие-то ираноязычные осетины или славяне, может быть, это наши предки? Ведь у осетин или славян даже отголосков скифских традиций не сохранилось ни в быту, ни в фольклоре. Так началась «скифиада» тюрков. Тюрков, считавших датой появления своего народа на мировой арене раннее средневековье, и неожиданно возмужавших на целое тысячелетие.

Я уже говорил о работе карачаево-балкарского учёного Исмаила Мизиева «История Балкарии и Карачая с древнейших времен до походов Тимура». Это интересное исследование, доказывающее тюркское происхождение скифов, алан и асов, в нём приводятся любопытные данные по археологии, этнографии и лингвистике. Хочу сразу отметить, что рассматривается богатый материал, но имеются поспешные выводы о происхождении этнонимов, не обошлось без досадных ошибок в объяснении скифских имен. Например, в толковании имени сына скифского царя Таргитая Арпаксай. Учёный совершенно справедливо отвергает версию В. И. Абаева, пытавшегося перевести это имя с осетинского языка: «арф» — «глубина» и «хшау» — «святой», т. е. «Владыка глубин».

Сам И. Мизиев переводит имя тюркскими словами «арва» — «заклинатель» и «сай» — «река», поэтому Арпаксай у него означает «Река заклинаний». Рассматривая версию окончания *сай*, довольно характерного для тюркских имён, он привёл множество скифских

имён с речным началом, что в корне неверно. В тюркских языках (в древнемонгольском тоже) окончания *тай*, *сай* означают «подобный». Например, имя Карасай значит «Могучему подобный», имя Исатай — «Исе-пророку подобный» и т. д. Первая часть имени Арпаксай происходит от слова *арпаласув* — «бороться», «противиться», и имя означает «Борцу подобный». Ту же самую ошибку делает И. Мизиев при объяснении названия реки Арпа-сай, он переводит его с тюркского: «арпа» — «ячмень», и в результате получается «Ячмень-река», вместо того чтобы перевести как «Борющаяся река».

Поспешность чувствуется при объяснении некоторых скифских этнонимов, особенно при расшифровке термина *скиф*.

И. Мизиев полагает, что термин возник от эпонима Ашкеназ или Ашкуза. Он заявляет, что Ашкуз — это этноним тюркских племён «Ас-киши» (Ас-киси, Ас-кизи), который означает Ас-человек, человек из племени *ас*.

Но учёный ни одним словом не объясняет, как же происходит столь чудесное преобразование слова *Ас-киши* в термин *скиф*.

Сближение термина *скиф* со словами *ашкуза*, *ишкуза* пытался провести крупный специалист по языкам древнего Востока И. М. Дьяконов, но он не рискнул провести прямое тождество. По поводу объяснения термина *ишкуз* довольно популярно высказался в уже неоднократно мной упоминавшейся книге «Аз и Я» Олжас Сулейменов. И. Мизиев не ссылается на него, хотя изыскания Сулейменова выглядят убедительнее.

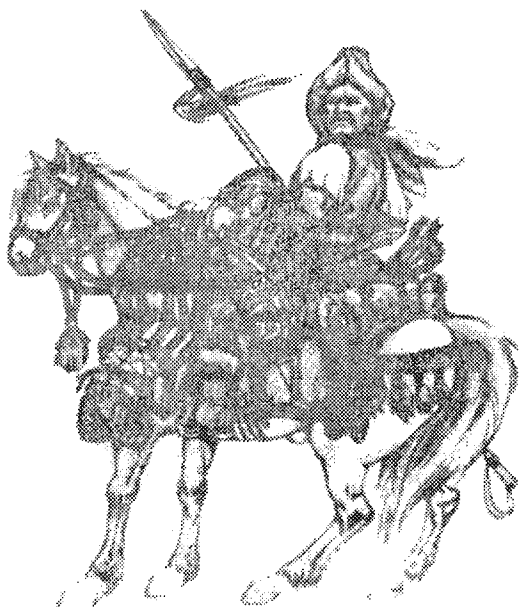
Народ ишкуз известен в VII—VI веках до н.э. в Передней Азии, в то же время, что и скифы. Об этом народе, его предводителях сообщают ассирийские документы. Древнееврейская «Книга Иеремии» сообщает о существовании царства Аскенази, зависимого от Мидии. В 51-й главе этой книги говорится: «Поднимите знамя на земле, трубите трубою среди народов, вооружите против него (Вавилона — *И. К.*) народы, созовите на него царства Араратские, Минийские и Аскеназские, поставьте вождя против него, наведите копей как страшную саранчу». (Самое интересное: в Библии эти народы Севера называются «виски бредущими», и здесь опять — напоминание о небесной причёске). В названии Аскеназ очевидно просматривается этноним *ас*. Огромный простор для этой увязки.

В названии народа ишкузы О. Сулейменов рассматривал вторую часть слова, в котором тоже можно найти искажённое *ас-аз-уз* и прочитать его как Ишки-азы, «Внутренние (собственные) асы», а библейское название царства Ашкеназы — как Ишкен-азы, «Внутренние асы». Это тем более вероятно, что мы знаем у тюрков Внутреннюю Куманию и Внешнюю Куманию, знаем, наконец, ставшую всем известной Ичкерия, что означает в переводе с тюркского Внутренняя земля.

Олжас Сулейменов в древнем названии видел тюркский народ гузов, известный в истории народ, проживавший в I тысячелетии за Волгой, а затем продвинувшийся в Причерноморье. Л. Н. Гумилёв в гузах видит известный русским летописям народ торков.

Хотя нет никаких объяснений, как *аскеназ* может превратиться в термин скиф, эта гипотеза была подхвачена некоторыми исследователями, в их работах все скифы — это асы.

В подобных выводах чувствуется поспешность. Я склонен считать правильной версию все того же Д. Айтмуратова, который указывает, что древние писатели называли кочевников Евразии *обобщающим* термином скиф, что по-гречески означает «косоплёт», «человек с косой». Он приводит целый ряд греческих слов с корнем «скиф», одни означают бритьё головы по-скифски, другие — плетёную корзину, третьи — скифскую стрижку, к этому же ряду относятся слова «хитросплетение», «кожаный бич».

Кочевник-ногаец

К этому перечислению, сделанному Д. Айтмуратовым, хочу добавить и русское слово *скуфь*, перенятое из древнегреческого и означающее головной убор церковных служителей (*скуфья*). В таком написании слово *скиф* существует в древнерусских летописях: «...скуфь рекше от козар» [52, 223].

Греки неплохо разбирались в названиях скифских племен, они приводят множество этнонимов, среди которых есть такие, которые бытуют у тюркских народов по сей день. Внимание учёных давно привлекали такие названия скифских племен, как *акациры*, *будины*, *иирки*, *катиары*, *сираки*, *каспии*, *паралаты* — некоторые из них точно, а некоторые в чуть изменённом виде есть у *ногайцев*, о

них будет отдельный разговор. Греческий термин скиф является *обобщающим названием для всех кочевых племён*, в дальнейшей истории тюрков эта традиция получит продолжение в таких иноязычных названиях, как половцы и татары.

Другой этноним — *сак*, которым древние авторы называют восточных кочевников, Д. Айтмуратов объяснил тюркскими данными и тоже как собирательное название племён косоплётов. Каракалпакский ученый приводит убедительные аргументы по поводу происхождения этнонима *сак* в значении коса, плеть. Он пишет, что в «Древнетюркском словаре» имеются следующие слова: *чагыг* — плеть, кнут, «ол маньга чагыг чермаьшди» — он помог сплести плётку (Махмуд Кашгари), *чагры бег* — придворный чин и титул, *чагры текгин* — имя ребёнка ханской семьи, *сагун* — титул знатных людей у карлуков [35, 174].

Айтмуратов вполне правомерно приводит высказывание известного русского ученого Д. Иловайского: «Вообще в средневековой истории народов мы видим постоянную смену имён и довольно избивчивое их употребление в источниках, это явление сильно отразилось также в истории Руссов, Болгар, Хазар, но историография по большей части упускала его из виду и, встречая новые народные имена, обыкновенно разумели под ними и новые народы».

Это замечательное наблюдение русского учёного применительно не только к средневековью, но и ко всему длительному периоду от скифов до последних западных номадов — ногаев. Эту мысль подтверждает и другой крупнейший специалист по истории Евразии Л. Н. Гумилёв. «Племена раскалывались, дробились и объединялись», — пишет он.

Возникали новые союзы, государства под новым названием в одном геополитическом пространстве, но оставался народ с одной традиционной этнокультурой. Конечно, в это пространство вовлекались и другие народы: славянские, угорские и ираноязычные. Зачастую часть кочевников смешивалась с ними и создавала новые этносы. Так, древние болгары создали два государства: одно за Дунаем, другое на Волге, огузы — государство анатолийских турков, в Закавказье азербайджанское ханство и в Средней Азии хорезмийское государство.

Однако до середины II тысячелетия Евразия оставалась территорией, где преобладала кочевническая этнокультура. Исследователи располагают множеством языковых, археологических данных, показывающих этническую общность скифов, гуннов, авар, болгар, алан, огузов, хазар, печенегов, половцев-кипчаков, татаро-монголов, ногаев. Дадим некоторые выдержки из сочинений древних авторов об этих народах.

Геродот изумляется жизни древних номадов (см. на с. 152). Рим-

ский автор IV века Аммиан Марцеллин, не понаслышке знавший гуннов, так описывает кочевников: «У них никто не занимается хлебопашеством и никогда не касается сохи. Все они, не имея определенного места жительства... кочуют по разным местам, как будто вечные беглецы, с кибитками, в которых они проводят жизнь». В другом месте римский автор пишет: «Они воюют только на лошадях и настолько сроднились с лошадей, уходу за которой уделяют большое внимание, что считают позором ходить пешком...» [53, 241].

Внешность гуннов необыкновенна для европейцев, авторы непременно подчёркивают, что они «коренастые, безбородые», «похожие на скопцов», в Европе особенно были отмечены «гуннские причёски», ими даже увлеклись византийские щёголи. «Хуннские мужчины, — пишет известный востоковед Н. Я. Бичурин, — стригли волосы и оставляли (клок) только на макушке вместо головного убора» [54, 240].

Затем появившихся на той же территории аваров историки прямо называют, что это те же гунны и что у их правителя «почётное имя каган».

В 375 году н. э. гунны перешли Волгу и напали на алан, обитавших на древней скифской территории в Приазовье. Преследуя алан, они пронеслись по Северному Кавказу, затем двинулись к Чёрному морю, покорили Крым и начали завоевание Восточной и Западной Европы.

Аммиан Марцеллин в своих трудах даёт подробное описание жизни алан: «У них нет никаких шалашей, нет заботы о хлебопашестве, питаются они мясом и в изобилии молоком, живут в кибитках с изогнутыми покрышками из древесной коры и перевозят их по беспредельным степям. Придя на изобильное травой место, они располагают в виде круга свои кибитки, истребив весь корм для скота, они снова везут свои, так сказать, города, расположенные на повозках. На них мужчины соединяются с женщинами, на них рождаются и воспитываются дети, это их постоянные жилища, и, куда бы они ни пришли, то место и считают родным очагом...»

Подобный образ жизни отмечается и у авар, и у печенегов, и у половцев. И европейские, и восточные авторы подобный образ жизни отмечают у средневековых ногаев. Путешественник Адам Олеарий своими глазами видел кочевья ногаев и так написал об этом:

«Летом у них нет постоянного местопребывания в каком-либо месте, они меняют и перемещают своё местопребывание всякий раз, как им приходится искать для скота свежих и хороших пастбищ. Тогда они ставят свои избы (жилища) на высокие телеги, которые всегда стоят возле них, и перекочёвывают с женами, детьми и домашним скарбом, размещённым на коровах, волах, лошадях и верблюдах».

Даже по этим кратким описаниям видно, что мы имеем дело с одной этнокультурой, с одним тюркским народом.

Конечно, нельзя отрицать, что в сферу взаимодействия этого народа были вовлечены и другие народы. Переходя на оседлый образ жизни, тюрки теряли свои этнические признаки, некоторые ассимилировались со старым населением (болгары, торки, чёрные клобуки, берендеи и др.), меняли веру.

У оседлых тюрков быстрее разрушался родовой строй. Кочевники, которые вели свободный образ жизни, имели консервативные традиции и из поколения в поколение бережно сохраняли свой родовой строй. Поэтому у народов, позже других перешедших к оседлости, легче обнаружить редкие древние этнонимы. Например, такие, как *сираки* и *карасираки*, в неизменном виде сохранились у ногаев и каракалпаков.

У ногаев сохранились известные скифские *акациры*. Скифские акациры — это не что иное, как *ак-хазары* (белые хазары); историки отмечали, что есть и *кара-хазары* (чёрные хазары) — это обычное деление у тюркских народов. У ногаев документально зафиксирован род *казлар*, сохранилось предание о том, что эти *казы* (от тотема каз — «гусь») долгое время не принимали мусульманства и были язычниками, проживая на своей этнической территории в Прикаспийских степях, очень часто переходили на сторону калмыков. Впоследствии ногайские мурзы рассеяли их среди других племён.

Известия о народе хазар появляются в VII веке (армянские летописи), где упоминается об их главном божестве Тангри-хане. Государство Хазарию основали язычники хазары, принявшие царевича из западнотюркского каганата, отпрыска династии Ашина. Государство просуществовало до середины XI века, и хотя основная часть населения были язычники, значительная роль отводилась общинам хазар-христиан, хазар-мусульман, а самое примечательное то, что правящая верхушка была привержена иудейской вере! Такое трудно представить в эпоху процветания западноевропейского национализма и страшной религиозной нетерпимости на Востоке...

Хазары длительное время воевали с арабами и фактически приостановили их завоевательные походы. Хазария просуществовала долгое время, почти четыре века. Политическую жизнь в этом государстве и его гибель прекрасно описал Л. Н. Гумилёв.

В государстве Хазария, как и в Древней Руси, существовала своя письменность на основе греческого алфавита. Просветитель славян Константин, известный по русским летописям как Кирилл, на пути к Хазарии, где тоже занимался миссионерством, в Корсуни (XI в.) видел Евангелие и псалтырь на хазарском языке (Бартольд В. В.). Подтверждением наличия у хазар письменности на гречес-

кой основе служит плита, найденная в середине XIX века в верховьях реки Большой Зеленчук. Она ориентировочно считается памятником XI века. Её надпись долгое время считали ираноязычной, но при внимательном изучении выяснилось, что текст написан на тюркском языке, близком половецкому (кипчакскому) и современному ногайскому.

В начале IX века на интересующей нас территории появляются гузы и печенеги. Обширная часть Евразийской степи начинает называться «гузской». Переселение их из-за Волги довольно туманно описано в исторических сообщениях. Мы знаем только одно, что правящая верхушка Хазарии использовала гузов и печенегов, как и русских, в своих политических интересах, вовлекая в войны с другими государствами. Гузы ещё в 922 году, будучи восточными соседями хазар, упоминаются как народ Причерноморья. Историки единодушны в том, что передвижение гузов и печенегов произошло из-за давления с востока кипчаков.

С середины XI века и до распада Золотой Орды вся степь от Дуная до Иртыша стала называться «кипчакской». В сообщениях восточных авторов она именовалась Дешт-и-Кипчак. В русских документах в связи с появлением нового народа возникает название *половцы*, европейские авторы именуют этот народ *команами*.

Крупнейший тюрколог В. В. Бартольд отмечает: «Движение кипчаков представляет редкий пример занятия огромной территории без политического объединения и без создания своей государственности. Были отдельные кипчакские ханы, но никогда не было хана всех кипчаков». На мой взгляд, единственным объяснением быстрому продвижению кипчаков за Волгу служит скоротечная гибель Хазарии.

В течение двух столетий в научном мире продолжают споры насчет русского названия *половцы*. Первоначально русский историк В. Н. Татищев предложил следующую версию: название происходит от слова поле, т. е. от мест обитания этого народа. Этимология слова *половцы* от *поля* была общепринята долгое время.

Однако в связи с тем, что этноним в чешском и польском языках характеризуется цветовым обозначением, в конце XIX века начали вести происхождение термина от прилагательного, от слова *половый*, якобы означающего цвет кожи этого народа; затем — сравнивая с тюркским самоназванием половцев *сары кун* (т. е. жёлтые куны).

Возникали разные толкования, предлагалось даже такое: название половцы возникли оттого, что они брали много «полона». К сожалению, эта версия была легкомысленно подхвачена кумыкским автором М. Аджи.

Большая часть исследователей всё же склонна видеть проис-

хождение слова половцы от прилагательного половый, имея в виду калькированный перевод самоназвания одной из частей рассматриваемого народа. Этому мнению придерживается в своей работе уже неоднократно упоминавшийся мной И. Г. Добродомов. Как уже говорилось, он вывел тождество терминов: *хинове*, *сары кун*, *сары чин* (сорочинцы) и *куман*.

Я располагаю данными, что название *сары кун* обозначает название крыла кочевнического объединения, а *куман* — название одного из племён.

Возвращаясь к первоначальному толкованию слова *половцы* от *поля*, хочу сказать, что оно в русских летописях обозначает обобщающее понятие и его общий смысл — степняки. В русских летописях и древнерусской литературе степь, где проживают половцы, иазывается Подем. В документах широко используется выражения «поле незнаеме», «кликком поле перегородиша», «поля широкая», «чисто поле».

Первостепенная причина возникновения обобщающего названия — та, что степь была неоднородною, в ней жили разные племена и народы, оставшиеся от распавшейся Хазарии, да и прибывшие кипчаки изначально вовлекли в свои союзы различные этнические группы. После гибели Хазарии, связанной с походом русских в 965 году, правящая верхушка частично была уничтожена, частично покинула страиу, этнические группы *тат*, *джуут*, *караимы*, возникшие от смешения евреев и тюрок, так же, как хазарские христиане и мусульмане, разрозненно остались в городах и крепостях от Волги и Северного Кавказа до самого Крыма.

В степи кочевали различные племена. Л. Н. Гумилёв отмечает, что известные истории *бродники* являются потомками хазарского населения, впоследствии они стали основой первоначально тюркского, затем смешанного с русскими беглецами донского и терского казачества.

Ещё в бытность государства Хазария хазарские мусульмане имели естественные связи с Закавказьем, где в VI веке осели родственные им племена *сувар*, а в результате давления правящей верхушки отток мусульманского населения происходил в двух направлениях: на север и на юг, в Булгар и в район современного Баку. В Закавказье вышедшая из Хазарии этническая группа *азеры* смешалась с гузами и местным населением и сыграла непосредственную роль в этногенезе азербайджанцев. Учёные отмечают, что уже в X веке название *хазары* закрепилось только лишь за хазарами-иудеями, жестокая эксплуатация всего остального населения привела хазар других вероисповеданий к отказу от собственного названия. В XII веке этноним хазар окончательно исчезает. Память о некогда могущественном государстве закрепилась за названием Каспий-

кого моря: путешественники и историки еще долго называли это море Хазарским...

Ко времени продвижения кипчаков на запад на территории бывшей Хазарии жили разрозненные племена и народы, состоящие из хазов, из остатков болгар и авар, исторических алан, недавно пришедших племен гузов с кимаками и др. Кочевники традиционно придерживались язычества и поклонялись объединяющему их Тангри. В городах и крепостях население тоже было неоднородным, состоявшим из разных общин. Централизованная власть рухнула в одночасье (после похода русских в 965 году). За сто лет обособились отдельные княжества на Северном Кавказе, в Крыму и Причерноморье. Гузы были претендентами на воссоздание государства в рамках Хазарии, поэтому основной удар кипчаков был направлен на них.

До подхода к Руси кипчаки покорили волжских гузов, добровольно или силою ими были привлечены в качестве союзников асы — правители городов и крепостей на Дону и в Предкавказье. Преследуя гузов, кипчаки на юге вышли к Дербенту. У границ Руси они появляются в 1055 году и заключают союз с русским каганом Всеволодом Ярославичем — против основных своих соперников в степи гузов (*торков* по летописям).

В Древней Руси знали о составе войск половцев, среди пришельцев были представители давно известных там племён.

Обычно в истории народам либо даётся собственное название, либо используется давно известное, знакомое по географическому месту обитания. В данном случае было дано бытовавшее на Руси название *половцы*, которое представляет собой кальку тюркского географического понятия. Ведь во многих тюркских наречиях *алан* означает поле, равнина. В восточных странах термин *алан* прочно утвердился за полуоседлыми жителями равнин Предкавказья, Придонья и Причерноморья. В Республике Татарстан сохранился топоним Алан-полян за одним из татарских селений, он наиболее явственно подчеркивает сходство тюркского и русского слов.

Сейчас невозможно говорить о какой-то языковой принадлежности ранних алан (начала I тысячелетия). За несколько столетий язык любого народа может измениться. Возможно, что ранние исторические аланы были иранским, угорским или славянским народом.

В пользу того, что они были угорским или славянским народом, говорят сообщения римских историков, которые указывают на их европеоидность и белокурость. Аммиан Марцеллин пишет так: «Почти все аланы высоки ростом и красивы, с умеренно белокурыми волосами, они страшны сдержанно-грозным взглядом своих очей, очень подвижны вследствие лёгкости вооружения и во всём

похожи на гуннов, только с более мягким и более культурным образом жизни».

Как мы знаем, в описании внешности гуннов просматриваются черты монголоидности. Существует мнение, что аланы имеют иранское происхождение, однако, судя по описанию алан, принять их за ираноязычный народ почти невозможно. Ни среди кочевых курдов, ни среди афганских кочевников нельзя встретить характерную белокурость. Среди осетии, которых по традиции считают потомками алан, тем более не встретишь светловолосых людей, в этом отношении предпочтительнее балкарцы, так же претендующие на аланские корни.

В сообщениях византийских, арабских, грузинских авторов имя *алан* довольно часто упоминается в IX—X вв. Связано это с угасанием государства хазар и с возрастанием роли народов, населяющих эту страну. Непосредственные соседи алан, грузины, называют их *овс* или *ос*, северные соседи, русские, — *ас* или *яс*. В русских документах, да и в документах других стран о покорении половцами асов или о заключении в ними договора о союзе данных не имеется. В материалах XI—XII вв. есть сообщения о каком-то независимом образовании асов.

В византийских и грузинских источниках говорится о деятельности асского правителя Дургулеля Великого. Обращает на себя внимание тюркское имя Дургул-эль, сопоставимое с такими известными тюркскими именами, как Тургул, Торгул. Имя расшифровывается и в буквальном написании древних таким образом: первая часть от *дурре* — плеть, наказание, власть; вторая от *ул*, *огул* — сын; и окончание от *эль* — страна.

Цари Грузии заключали династические браки с правителями асской земли, то же самое они делали и с кипчакскими предводителями. Среди грузинских документов почти все асские имена — ярко выраженные тюркские. Достаточно упомянуть такие, как имя предводителя — Худдан, его дочери — Бурдухан; другого правителя называют Сослан, а асскую принцессу — Борен.

О том, что среди половцев имеются асы, русские летописи упоминают неоднократно. Так, в 1116 году русские выступают на половецкую землю и берут крепости Суков, Шарукан, Балин, в их полоне много пленников из *ясов*, среди которых была и прекрасная княжна *ясыня*, на ней впоследствии женится князь Ярослав Всеволодович.

В Тмутараканском княжестве, где правили русские князья, народ, состоящий из касогов, асов, половцев, подбивает князя Олега истребить хазарскую общину, и устраивается своего рода погром.

При первом нашествии татаро-монголов на Северный Кавказ половцы совместно с асами выступили против завоевателей; впрочем,

потом половцы совершили непростительную ошибку: поддавшись уговорам противника, бросили союзников и увели свои войска.

Известный по истории и ногайскому эпосу половецкий хан Котен после поражения от татаро-монголов бежит на Запад, уводя с собой подвластных ему людей, среди которых значительная часть — асы. Ушедшие за Дунай, в Венгрию, асы продолжительное время присутствуют в истории этого края.

В начале XIV века опальный сын Ногая Джеке в Болгарии руководит десятитысячной армией из асов. Чуть раньше сам Ногай имел армию из тридцати тысяч северокавказских асов. Чингизид Берке армию, состоящую из асов, русских, черкесов, кипчаков, перебрасывает для завоевания Китая. Войска асов находились под предводительством некоего Матарши (характерное для тюрков нашего региона имя Батырша).

Тот факт, что русские летописи не называли собственным названием племени половцев, подчёркивает неоднородность половецких объединений. Кроме асов, в объединениях половцев были различные кочевые племена, среди которых не только заинтересовавшие исследователей *сары куны* и *куманы*.

В 1095 году участвовавшие в византийском походе зятя Владимира Мономаха Псевдо-Льва половецкие ханы Итлар и Кытан, приехавшие в гости в Переяславль, были вероломно убиты русскими. Это коварное действие положило конец дружественным отношениям русских и половцев. Как отмечает комментировавший эпизод Л. Н. Гумилёв, после этого степь для русских становится «полем неизвестным».

В связи с рассматриваемой темой моё внимание привлекли имена ханов. Особенно первое — Итлар с окончанием на *лар*, обозначающим множественное число. Это очевидный племенной этноним: хан итлар, хан племени итлар («собак»).

У ногаев существовало древнее племя *сары ит* (букв. жёлтая собака, в исторических документах племя упоминается как *шара ит*; впоследствии оно было почти полностью истреблено за измену калмыкам).

Второе имя хана — Кытан — тоже тождественно названию известного истории народа *кидань* (оно тоже имеется у ногаев как *китай* и *кара-китай*). В Несторианской летописи упоминается хан по имени Куман, что соответствует данному предположению, т. к. известно племя куманов, иногда так называли и всех половцев. Имена половецких ханов Кобяк, Кончак также соответствуют названию племён.

У кубанских ногаев до сих пор существует крупный род кобек, а раньше на Кубани был целый аул с таким названием, уничтоженный царскими властями за неповиновение. У истоков этого этнонима об-

наруживается тотем *кобек*, означающий «пёс, собака». Слово *кончак*, или *канжык* (сука) — также несёт функции этнонима, заключающего в себе собачий тотем. Встречающееся в «Слове о полку Игореве» имя Гзак тоже представляет собой этноним — это не что иное, как название народа «казах», а также современного рода *ногаев казак*.

Видимо, половцы, состоя из разных племён, не имели общего самоназвания и, возможно, когда племена совместно выступали в завоевательных походах, инициатива переходила кипчакским ханам, поэтому этноним *кипчак* играл для восточных авторов перво-степенную роль. А русские, имевшие тесные контакты с этим народом и взаимодействовавшие с разными племенами, называли его на свой лад половцами.

Этому названию в Великой степи предшествовало тюркское иа-звание *алан*.

Одного народа под этим самоназванием история тоже не знает. Многие ученые названия *алан* и *ас* склонны считать тождественными. Наверное, так оно и есть.

Мне кажется, руководители Северной Осетии явно поторопились, объявив её республикой Аланией. Получилось, что горный край стал республикой Степняков.

В течение длительного времени осетинские учёные утверждают, что их народ — прямой наследник алан и асов. Такого же мнения придерживаются карачаево-балкарские ученые. Первые основываются на европеоидном облике исторических предков и на некоторых ираноязычных сходениях топонимике территории, где проживали аланы и асы, хотя на огромных просторах, где обитал этот народ, не сохранилось ни одной этнографической группы с ираноязычными качествами. Карачаево-балкарские учёные исходят из тюркоязычности алан и асов и из того, что проживают на исторической родине этого народа.

А как быть с тем, что осетины сами в прошлом называли балкарцев асами? А нынешнее название осетин происходит от этнонима *ос*, *ас*. Почему это название сохранилось за ними? Самоназвание у осетин совершенное иное — *ирон*.

В той же, если не в большей степени, могут претендовать на причастность к асам *ногайцы*. На это впервые в среде *неногайских* исследователей указал балкарский ученый Исмаил Мизиев. И мне хотелось бы развить эту тему.

Ногаи проживали на всех территориях, где зафиксированы исторические аланы, или асы. Так, *ногаи* длительный период обитали в Причерноморье, в Крыму, в Приазовье, на Дону, на Кубани (от устья до верховьев), на Куме, на Тереке и на северной части территории, занимаемой современными осетинами. Сегодня во всех реги-

онах проживания ногаев сохранился род ас. У проживающих на севере республики Дагестан аксаевских и костековских ногаев ещё в конце прошлого столетия был отмечен целый племенной союз асов. В него входили следующие роды: *дер-гуллу-ас* (возможно, что этноним имеет отношение к Дургул-элю), *тарту-уллу-ас* (большого тарту асы), *чомишли-ас* (асы с тамгой в виде ковша).

Некоторые станицы гребенских казаков сохранили прежнюю ногайскую топонимику. Так, станица Каргалинская хранит память о сильном ногайском племени каргалы, а название станицы Асинской говорит о том, что когда-то на этом месте располагался ногайский Ас-аул. О существовании этого аула имеются свидетельства в архивах. В центральном государственном архиве Республики Дагестан есть рапорт Кизлярской гражданской канцелярии от 16 июля 1751 года, который начинается такими словами: «Вашего высокородия ордер писанной сего месяца 9 числа по № 26 о допущения ушедшую из ногайскова Асова аула от ногайца Саяна Куатова Саяниу Кутлыкыз...» [55].

В Караногае (Ногайский район Республики Дагестан) есть целый аул Кара-ас (чёрные асы), кроме того, отмечены микроэтнонимы култы-ас и кельди-ас. В Нефтекумском районе Ставропольского края зафиксированы роды ас среди кубов (объединений) Мынг и Етишкуль, у кубанских ногаев имеется большой род кара-ас, в Астраханской области ушедшие с Кубани ногаи именуются карагаши (те же чёрные асы, но возможно, что сторожевые асы).

В этот ряд можно включить известный род из моего аула *бутас* (бут-ас — «волк-ас»), об этом роде ещё пойдёт речь.

Гору Эльбрус ногаи обычно называют Каарлы-тау, что означает Могучая гора, но в эпических песнях есть легендарное название Аскар-тау, означающее в переводе Могучая гора асов. Это название перешло в фольклор родственных народов: казахов, каракалпаков и кумыков.

Поразительно ещё то, что вышедшее из употребления в речи ногаев слово *алан* сохранилось в запевах эпических песен. В эпосе «Эдиге» хан Токтамыш обращается к народу в таких словах:

Алан, алан, алан юрт,
Аланълаган ногай юрт [48].

Аланы, аланы, аланская родина,
Устремлённая вперёд ногайская родина.

Примечательно то, что в этом запеве «аланская родина» является синонимом «ногайской родине», не ограничивается географическим понятием, а выступает метафорой.

Исмаил Мизиев даёт разнообразные сведения и выписки из исторических документов об аланах и асах. Среди них есть одно любопытное сообщение: «На генеральной карте грузинских царств — Картагани (так в тексте — *И. К.*), Кахетии и смежных земель», созданной не позже 1784 г., названы все горские общества Осетии, Чечни, Ингушетии, Сванетии, названы Куртатинское, Алагирское, Кобанское ущелья, нанесены реки Гизельдон, Ардон, Урух и пр. Но интересно, что к западу от сванов, в горах между Кубанью и Лабой, т. е. приблизительно в тех же местах, где сейчас проживают карачаевцы, названы аланы» [41, 356].

Под тем, что И. Мизиев называет «приблизительным», имеется в виду расстояние почти как между Нальчиком и Пятигорском. В это время карачаевцы проживали в одном Кубанском ущелье и ниже Каменного моста (современный г. Карачаевск) не опускались. Тогда кто же эти аланы на грузинской карте?.. Ещё в XVII веке турецкий путешественник Эвлия Челеби говорит о живущих на Лабеврузовских ногах, описывает крепость Навруз-керман и нравы жителей. В середине и конце XVII века в нуждах колонизации царская администрация делала подробные описания жизни народов Северного Кавказа и составляла точные карты расселения. И. А. Гильденштадт, С. Броневский, И. Г. Георги дают подробную картину мест проживания ногайских улусов. И. Г. Георги в своей работе «Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ...», написанной в 1799 году, упоминает обитающий на одном месте наврозовский улус: «...он живёт по левой же стороне Кубани при реке Лабев в построенных на левую руку деревнях».

Наврозовцы, получившие своё название от одного из потомков Эдиге по имени Навруз, были очень воинственным племенем, они в течение всей Кавказской войны (после покорения основной массы ногаев) являлись очагом непримирения. После окончания Кавказской войны наврозовцы почти все переселились в Турцию, малая их часть осталась жить в близлежащих адыгских селениях, где они имели давнее родство, отдельные роды — ушли на Кубань к соотечественникам.

Есть замечательное предание о ханском золоте, хранившемся у наврозовцев якобы со времен Эдиге, но об этом у нас будет отдельный разговор... Значит, это наврозовцев на грузинских картах называют аланами. Видимо, грузинские авторы, называя ногаев аланами, прежде всего имели в виду тюркоязычность ногаев и исторических аланов; последнее верно аргументируется карачаево-балкарским ученым И. Мизиевым.

Труд Исмаила Мизиева заслуживает особого внимания как источник редких материалов об этнокультурных связях тюркских

народов. Он выдвигает интересные предположения, касающиеся проникновения тюркской мифологии в античную литературу, прослеживает неизвестные взаимосвязи между духовной культурой тюрков и древней культурой Передней Азии. Подобные гипотезы выдвигали многие крупные ученые, но Исмаил Мизиев взял на себя смелость заявить об этом во весь голос. Так, без всякой робости он цитирует выводы известного кавказоведа П. К. Услара: «Базируясь на древнейших сказаниях о Кавказе, Услар писал: «...нет сомнения, что название асов находится в связи с Азией, названием целой части света...» Балкарский ученый подкрепляет доводы известного кавказоведа выдержками из трудов древних авторов: Птолемея, Эсхила, Страбона. Архетип слова *ас* Мизиев видит в версии известного тюрколога Севортяна в значении «переходить, переваливать», «пробираться через гору», «сбиваться с пути», «блуждать». К этому выводу учёный приходит, приведя почти все существовавшие варианты.

Один из них мне показался интересным, т. к. речь опять идёт о ногаях. Эта версия, принятая исследователями С. П. Толстовым, В. А. Кузнецовым, Шерпантье, считающими предками асов древних усуней. Народ *усунь* известен истории с V—IV веков до н. э. И. Мизиев напоминает о том, что усунь участвовали в этногенезе многих тюркских народов и, опираясь на исследование ногайского учёного Р. Керейтова, говорит о большой роли этого народа в формировании ногаев. Карачаево-балкарский учёный приводит также любопытные выводы известного тюрколога И. Маркварта: «...имя «усунь», как «а-сунь», нашло отражение в том, что усунь входили в киргизский род «ассыг», который увязывают с этимологией термина *ас*».

В связи с этимологией термина *ас* я бы хотел сказать о своем видении данной проблемы. Кроме приводимого тюркологом Севортяном значения слова «ас» как «переходить, переваливать», оно в ногайском языке имеет значение «кость, фруктовая косточка», «семечко плодов». Есть два выражения: *ак суюек* — «белая кость», то есть знать, и *кара суюек* — «чёрная кость», или простолюдин. Существующий у нас род кара-ас означает «чёрные асы», т. е. «простые асы», но если в первой части слова вместо *кара* было *каары* — «могучий, сильный», термин может означать «могучие асы».

Альчик по-ногайски называется «асык». Мне кажется, что в древности слово *ас* рассматривалось в широком понимании, оно вбирало в себя три значения: и кость, и альчик, и семя человеческое. Древние придавали астрагалу магические качества. Во многих фольклорных произведениях игра в альчики определяла судьбу героя, удачное падение бабки (главного альчика, по-ногайски *сака*) указывало на принятие кардинального решения. Так, в эпической песне

«Эдиге» сын главного героя Нурадин, узнав во время игры в альчики о кровном враге своего рода Токтамыше, настаивает на начале войны против хана. Древние видели в астрагале генетическое начало всего животного мира, корень, семя всего сущего, поэтому кочевники так аккуратнo раскладывали альчики в курганах.

Тюркологи приводят ещё одно объяснение термина ас, основываясь на том, что на Алтае есть род *асян*, ведущий свое начало от волчицы. Слово *ашин* на древнетюркском имеет значение «волк» — он являлся тотемным животным многих тюркских народов.

По алтайской легенде, одного мальчика спасает волчица, и после, родив от него четырёх сыновей, она даёт начало роду асян. Эта

легенда напоминает приведённые ранее сведения: о гуннском вожде Аттиле, рождённом от заточённой в башне царевны, которую навещала собака, о происхождении рода Чингисхана, об Эдиге, которого в грудном возрасте выкармливает своим молоком собака. Древние тюрки почему-то придавали волку и собаке огромное значение.

Что касается тюркских ханов, мне кажется, что в основе легенд об их происхождении сохранились отголоски более древней цивилизации. Я уже упоминал о том, что происхождение фараонов древние египтяне увязывали с восхождением Собачьей звезды (Сириуса), ногайской Самыр-юлдуз. Не эта ли звезда стояла у истоков генеалогии тюркских царей? Известно, что тюркские ханы счита-

лись сыновьями Неба, для них после смерти возводили курганы, своего рода небосвод, внутри всё захоронение осыпали бусами, бисером, символизирующим звезды.

Легенды о происхождении Аттилы, Чингисхана, Эдиге и многих других тюркских правителей связаны с астрономическими познаниями наших предков. К сожалению, учёные мало что могут о них сказать.

Возвращаясь к вопросу о происхождении простого народа, скажу: предположение о том, что этноним *ас* происходит от древнетюркского и древнемонгольского слова *ашин* — волк, тоже достойно внимания. Потомки народа *ашин* или *асин* могли зваться асыгами, Языгами (как в древнерусских текстах) и просто асами. Возможно, что носящий этот этноним род считался царственным, т. е. белой костью. Тогда не случайно в хазарском каганате у власти стояла династия Асинов, отпрысков правителей западнотюркского каганата. Кстати, легитимность правителей хазаров позволила объединить Степь и создать империю. Этого не смогли сделать кипчаки-половцы — они имели отдельных ханов, одного главного хана не было, и лишь Чингисхан, пришедший не по их воле, смог объединить их в одно государство. Легитимность хана, основанная на том, что он считался действительным сыном Неба, для кочевников являлось необходимым условием объединения и подчинения.

В Степи всегда существовал кодекс правовых норм *торе* (кажется, что у этого слова есть тождественность с древнееврейской торой) и свод законов власти *Яс* (у ногаев *Ясак*), который позволял передавать государственные навыки из поколения в поколение. Возможно, что у истоков происхождения названия закона *Яс* тоже стояла династия Асинов. О том, что у степняков *действовали* законы, данных предостаточно, все историки отмечают, что у тюрков закон «справедливый». И Атилла, и Чингисхан завоёвывали Поднебесную по высшему праву, наказывая за несправедливость, карая за отступления от принципов морали.

Совершив в 965 г. внезапный поход на Хазарию, русские разграбили и разрушили столицу Итиль, Саркел на Дону и другие встретившиеся на пути города и с огромной добычей вернулись домой. После ликвидации власти в Хазарии всюду появляются княжества, мелкие ханства, даже отдельные города считают себя суверенной территорией.

Хазарская степь в это время напоминала империю чингизидов эпохи распада. Наглядный тому пример — распад Золотой Орды.

В XV веке возникают суверенные Казанское, Крымское, Сибирское, Касимовское, Астраханское ханства, Ногайская Орда, три казахских жуза, Московское княжество, казацкие юрты на Дону и Днепре, Дагестанское шамхальство, два кабардинских княжества,

происходит обособление мелких адыгских племен на западе Северного Кавказа. Почти во всех больших и малых образованиях правят отпрыски чингизидов, даже Московское княжество, объявляя себя самостоятельным государством, держит при себе царя-чингида (Саин-Булата).

В таком же положении оказалась страна хазар после ликвидации централизованной власти. В удельных княжествах, мелких степных ханствах, отдельных городах остались править отпрыски династии Асинов. И, говоря об асах, мы прежде всего должны обратить внимание на это обстоятельство. Потому в 1116 году во время похода на половцев русские берут в плен асов и асскую княжну, это событие происходит на Северском Донце, в то время как в далёких равнинах Северного Кавказа существует почти самостоятельное ханство асов.

Видимо, существование асской династии тоже не позволило кипчакам создать в Великой степи централизованное государство. Чингизиды в XIII веке для упрочения власти, в первую очередь, истребляли знать подвластных народов, поэтому проводили карательные экспедиции в Булгар, на Русь, в Венгрию, на земли башкир, чувашей, мордвы, черкесов. Особенно жестоко расправлялись с бывшими правителями Степи, кипчакскими ханами и с их постоянными союзниками — асскими правителями. Оказавший сильное сопротивление кипчакский хан Котен спасся от чингизидов, уведя свой народ, состоявший из кипчаков и асов, в Венгрию, где принял подданство короля.

Известна крупномасштабная операция Менгу-хана в 1277—1280 гг. против асов. В этом походе чингизид использовал русские войска. Русские князья жестоко расправились с асами, завоевали и сожгли главный город области асов Дедаков (название города Татяк букв. означает Еврейская сторона, город, оставшийся со времен Хазарии). Несколько лет спустя покоренные асы и половцы составляли основное войско известного истории беклербея Ногая.

Ни один путешественник, ни один историк не говорит о том, что асы говорили не на тюркском языке. Асов отличали по внешнему облику, по христианской вере, по оседлому образу жизни. Но мало ли в истории было оседлых тюрок с разными вероисповеданиями. Оседлые кубанские ногаи по внешнему виду сильно отличались от своих соотечественников, были более европеоидными, их часто путали с черкесами. То же самое можно сказать о пятигорских, азовских, буджакских ногаях: описания путешественников, художественные гравюры (Олеарий) свидетельствуют о преобладании европейских черт. Я уж не говорю о карачаевцах, балкарцах, кумыках, крымских татарах, азербайджанцах, османских турках — все они имеют европеоидную внешность.

Многие ученые, пытающиеся доказать, что асы были нетюркского происхождения, ссылаются на сообщения Рашид-ад-дина о первой встрече татаро-монголов с аланами на Северном Кавказе. Когда полководцы Субатай и Джебе прорвались через Дербент, то их встретило совместное войско кипчаков и алан. Они сразились и, когда ни одно из войск не победило, татаро-монголы пошли на хитрость. Они передали кипчакам следующее: «Мы и вы — один народ и из одного племени, аланы же нам чужие, мы заключим с вами договор, что не будем нападать друг на друга и дадим вам столько золота и платья, сколько душа ваша пожелает, (только) предоставьте их (алан) нам» [27, 32]. Кипчакам прислали много добра, и они вероломно покинули алан. Победоносные татаро-монголы одержали лёгкую победу (а потом расправились и с кипчаками)...

«Мы и вы — один народ и из одного племени» означало, что мы кочевники, степняки, мы поклоняемся одним богам; кроме того, в войсках чингизидов преобладали восточные соотечественники кипчаков. Если завоеватели не питали особой любви к родственным кипчакам, то что говорить о давно перемешавшихся с кавказскими племенами христианах асах! Будь они трижды тюрки, разве могли монголоидные кочевники принять за своих рослых, горбоносых, светлолицых асов?

Мы, кубанские ногаи, даже сейчас ощущаем, какое впечатление производим на простых степняков из Караногай. Видя, как разительно отличаются от них кубанские ногаи, они придумали для нас новое название: «карашай-шеркес ногайлар», т. е. «карачаево-черкесские ногаи». Я был свидетелем, когда один мой приятель с чисто кавказской внешностью говорил на чистейшем ногайском языке с пожилой степнячкой, а она отвечала ему по-русски, не веря, что гость разговаривает на своём родном языке.

Ни в одном историческом документе нет сведений о языке средневековых асов. Характерно то, что в ранних и поздних документах, где упоминаются кипчаки, есть сведения и об асах, особенно это касается времени сопротивления чингизидам. В летописи Рашид-ад-дина достаточное внимание уделяется сопротивлению кипчакского предводителя Бачмана из рода *ольбурлик* (видимо, это род *эльбурлик*, имеющий отношение к нашим топонимам Эльбуралкы, Эльбурган), с ним неизменно выступает асский предводитель Качир-укул (*огул*; возможно, что это *укуль* — родовое имя, зафиксированное в «Именнике болгарских князей» в IX в.). Бачмана, оказавшего яростное сопротивление, преследовали от берегов Каспия до устья Волги. Когда преследуемый укрылся на одном из островов, татаро-монголам для того, чтобы добраться до острова, понадобилось двести судов, на которые было посажено по сотне воинов. Таким образом, число преследователей составляло око-

ло 20 тысяч человек — это большой отряд. Бачман Эльбурган и ас Качир-укул бились до конца и погибли смертью героев, навечно покрыв славой свои имена.

В этой яркой странице истории асов моё внимание привлекло имя предводителя — Качир-укул. Это, пожалуй, единственный зафиксированный в истории асский род. Род Хачириковых известен у карачаевцев и осетин. Исследователям истории асов будет небезынтересно узнать, что подобный микроэтноним сохранился в моём ауле, у кубанских ногайцев, по историческим документам более четырехсот лет оседло живущих на Западном Кавказе. Этот небольшой род у нас называется Късыр, но производным словом является слово Кашыр, означающее «Производитель». Подобных этнонимов у тюрков немало, например, Кочкар — «Баран-производитель», Буга — «Бык-производитель», Сары-Азбан — «Белый бычок» (кстати, так звали известного на Дону казацкого атамана).

Относительно микроэтнонима Късыр хочу сказать следующее. Кубанские ногаи, как и карачаево-балкарцы, адыги, осетины и ингуши, при выдаче паспортов, которую производила ещё царская администрация при переписи населения, были записаны под родовыми фамилиями (чего не скажешь о народах Дагестана и иогаях из Ногайской степи: у них фамилия записана по имени старшего в семье). Подобная запись позволяет проследить межэтнические отношения северокавказских народов; особенно интересны связи кубанских ногаев с адыгами, осетинами и, конечно, с родственными карачаевцами и балкарцами. В своеобразном треугольнике: кубанские ногаи — карачаевцы — осетины есть очень любопытные для исследователей сохождения. Например, мой род Капай существует в виде фамилии у всех трёх народов. Капаевы у осетин, Хапаевы у карачаевцев, Капаевы у нас. Кубановы, Элькубановы у ногаев, Кубановы у карачаевцев, Кубатиевы у осетин. Кумбиевы, Хубиевы у ногаев, Хубиевы у карачаевцев, Худиевы у осетин. Бутасовы (этноним *бутас*) у ногаев, Боташевы у карачаевцев, Батазовы у осетин. Кокаевы у ногаев, Кокаевы у карачаевцев, Кокаевы у осетин.

У карачаево-балкарцев и осетин этих тождеств в родовых фамилиях намного больше. Возвращаясь к ногайскому названию рода *късыр*, хочу сообщить ещё об одном наблюдении. Этот род существует и у кабардинцев, и, как мне кажется, в самой старой форме пишется как Аксировы. У карачаевцев и осетин Хачириковы, у ногаев Ксировы, у кабардинцев Аксировы. Хотя мы придерживаемся другой версии относительно скифского этнонима акациры (ак-казары), зададимся вопросом: не этот ли род является потомком известного скифского племени?

Как я говорил ранее, владетельными князьями в моём ауле Орак-эли были князья Тугановы. Они были очень богатые князья,

очень известные на Северном Кавказе. После покорения ногаев в 1783 году они одними из первых среди ногайской знати перешли на военную службу в Российской империи. Некоторые из них, отданные в аманаты в Россию, приняли крещение; так, крупный военный чиновник из бывших аманатов Дмитрий Таганов даже был приставом кабардинского народа и комендантом крепости Моздок.

Наши Тугановы состояли в родстве с известным в Осетии княжеским родом Тугановых. Осетинские Тугановы ещё в прошлом веке построили мечеть во Владикавказе, по сей день эта архитектурная достопримечательность украшает столицу Северной Осетии.

Ногайские князья Ахловы, Ураковы, Сунжевы, Каплановы, Джантемировы, Наврузовы имели широкую сеть родственников в Кабарде, Адыгее и среди других народов. Пример родства осетинских и ногайских князей Тугановых не единичный, а само явление — традиционное для средневековья и более поздних времён на Северном Кавказе. Возможно, что благодаря этому явлению асский компонент распространялся между различными горскими обществами. И не только асский, позднее — кипчакский, чингизидский и ногайский. Поэтому у различных кавказских народностей, отнюдь не тюркских, князья носили кипчакские имена: Эльбузук, Тутарук, Урузбек, Дулак, Джанклыч; крымско-татарские: Крым-гирей, Хан-гирей, Бакты-гирей, Клыч-гирей; ногайские: Эльмурза, Канмурза, Кантемир, Джантемир, Сунчалей, Эдик (Эдиге), Казый, Джанарслан. Свидетельств того, что новая династия — будь то у хазар, кипчаков, чингизидов, крымских Гиреев — оставляла своих родственников править среди горских племён, предостаточно. Порой это происходило добровольно: чтобы установить нормальные отношения, приглашали править своим народом. Например, Эвлия Челеби описывает, как одно из черкесских племён упрощает опального крымского хана Мухамед-Гирея оставить третьего сына Джанибек-Гирея править их народом [22, 73].

У кавказских племен такая дружба с правящей династией, со знатью сильного народа была в обычае. С той же целью среди этих племён использовался тюркский институт аталычества. Так, ногайские князья имели аталыков среди различных адыгских племён, кумыков, крымских татар, а ногайский князь Карамурзин воспитывался, например, у своего аталыка Маршания в далекой Абхазии.

Вероятность того, что название *ас* произошло от асыннской династии хазарских каганатов, достаточно высока. За четыре века правления в каганате эта династия распространилась довольно широко. Родственники и близкие люди были военачальниками в городах и крепостях от Булгара до Кавказа, от Волги до Дуная. В степи не произошло крупных столкновений между кипчаками и асами из-

за того, что новые хозяева признавали знатность асов. Именно из-за этой знатности, из-за широкой распространённости ханской династии Степь не могла объединиться в одно государство. Лишь чингизиды, пришедшие с обновлённым небесным мандатом кагана, имели право изгнать эту династию, и они это сделали, но не везде: в горах Центрального Кавказа аские правители остались до походов Тимура.

Хромой Тимур являлся приверженцем строительства типично мусульманского государства, не признавал законов и правовых обязательств тенгрианцев. Он жестоко расправился с областями, где правили асы: разрушил до основания крепости, народ истребил, частично увёл в плен. Историки среднеазиатского эмира называют асов кафирами, имея в виду их христианское вероисповедание — это было одним из главных мотивов жестокой расправы над ними.

Касаясь завоеваний Хромого Тимура в северокавказских областях, хочу отметить, что этот период истории тоже оставил след в ногайской этнонимике. Так, Хромой Тимур завоевал и разрушил известные аские крепости Тауз и крепость с загадочным названием М. х. с. (так обозначено в документах). В моём ауле есть две известные родовые фамилии: Таузовы и Мхце — очевидно, что предки этих родов были из этих крепостей. Фамилия Мхце перешла к абазинам, и эти фамилии до сих пор сохраняют родство. Загадочное название рода Мхце связано и с названием столицы асов Макас, что означает главный город асов, от тюркского мак-бак-бек в значении глава и ас — название народа.

В ногайской песне «Кусеп» поется:

Из Алкара — в железной броне —
От шестивратных Макас,
Миновав Карадув и Айдак,
Выехал я на коне.
Поднялся на гору Урып.
Всю равнину с крутого седла горы
Взглядом вы охватить могли б¹.

Это хорошо иллюстрирует мысль о том, что в этногенезе ногаев и в ранний кипчакский период, и в позднее золотоордынское время вливались аские роды. Они сыграли непосредственную роль в этногенезе. Проникновению родов ас, ассыг к венграм, казахам, киргизам, кочевым узбекам способствовали кипчакские, а затем и ногайские степные рыцари; являясь хозяевами Великой Степи, они совместно с асами нанимались на военную службу, иногда отправлялись в поисках романтических приключений, а иногда были гонимы (венгерские ясы) и оставались в различных частях Евразии.

Знать из асов, как и кипчакская, чингизидская, крымско-татарская, правила у предков древних осетин и, как всякая чужеродная знать, ассимилировалась, поэтому они тоже имеют повод считать себя причастными к истории асов на Северном Кавказе. Крупнейший кавказовед В. И. Абаев, основываясь на данных топонимики, лексических сопоставлений, доказывает, что ираноязычные аланы продвигались с севера на юг, и считает современных осетин единственными правопреемниками истории этого народа. Почему продвигались с севера на юг? Когда? Тогда как известно, что ареал обитания ираноязычных народов находится за Закавказьем? И вполне возможно, что в доскифское время имело место продвижение ираноязычных народов, растворившихся на территории где-то за Дунаем, об этом свидетельствуют данные топонимики. Территория Северной Осетии, где сохранился в единственном числе ираноязычный народ, — далёкая периферия для исторических асов. Города, крепости асов были расположены на обширной территории: на Северском Донце, в Причерноморье, на Дону, в прикавказских степях. Должно же было на этой огромной территории остаться хотя бы маленькое ираноязычное племя. Остались же с хазарского периода этнографические группы иудеев в Дагестане, до начала XX столетия они были и на Кубани, и в Крыму. Если ираноязычные племена ассимилированы тюрками, то их легко можно было обнаружить в этнонимике существующих народов, как, например, обнаруживаются угроязычные этнонимы.

Балкарцы и карачаевцы — остатки древнего тюркского элемента на Северном Кавказе. То, что асы приняли участие в их этногенезе, не подлежит сомнению. Ассские крепости располагались в Балкарии и на территории, где живут современные карачаевцы. Примечательно то, что сваны и те же осетины их называют асами. Например, территорию, где живут карачаевцы, осетины называют Стур-Асия («Большая Асия»). Это даёт основания полагать, что самоназвание народа Карачай произошло от этнонима кара-ас, т. е. «чёрные асы» — «простолюдины» или «могучие асы».

Территория, где сегодня проживают карачаевцы, некогда была ставкой ассских царей. На месте остатков Нижне-Архызского городища находилась столица асов Макас. Это подтверждает и ногайская песня «Кусеп», в которой говорится о «шестивратном» городе Макасе, расположенном вблизи горы Урып.

Русское название «осетин» и грузинское «ос» не должны вводить в заблуждение. Они возникли из-за ассских предводителей в Дигории, охранявших такой важный стратегический пункт для Великой степи, как Дарьял («Тар йол» — «Узкий проход»).

В древности, да и в средневековье народы, государства часто называли по имени правящей верхушки. Так, ногаев восточные документы часто называют мангытами. Это название происходит от сильного монгольского племени, которое составляло костяк войск Чингисхана с самого начала завоеваний. Из этого племени происходил Эдиге, которого считают основателем Ногайской Орды.

За длительное время правления в своей орде мангыты сместили всю знать в народе-войске. Некоторые поверхностные учёные в силу того, что мангыты были монгольского происхождения, представляют монголоязычными и ногаев, хотя точно не известно, были ли мангыты монголоязычными, как многие другие чингисхановские племена. Мангыты были лишь правящей верхушкой, а сама Ногайская Орда состояла из крупных объединений: Етисан, Ембойлук, Етишкуль, Буджак, Караногай, Кобан ногай, Азав ногай; каждое из объединений делилось на кубы: найман, кипчак, конграт, канглы и т. д., а кубы в свою очередь делились на ырув (роды): баисы, асы, бараки, кобеки, булгары, сараи, нокисы и др. Этнонимика ногаев вобрала в себя этнонимы разных эпох: от скифских сираков до рода сараи позднейшего происхождения, она представляет яркую, многокрасочную гамму основы тюркского народа Евразии.

Что касается присоединения термина *ас* к имени великого святого Баба Тукли-Шашлы, предка всех ногайских богатырей, то этот факт даёт основание предположить, что термин когда-то имел иное назначение. Скифское божество Папай, сопоставимое с древнегреческим Зевсом, и покровитель ногайских богатырей Баба Тукли-Шашлы-ас — это один мифологический персонаж древних тюрков. О скифском персонаже знали древние ногайские сказители. Находясь под влиянием мусульманской религии, светские составители родословной Эдиге-мангыта возводили его корни к «потомкам мусульманских Султанов, обладавших Дамаском, Антиохией, Меккой и др.» [56]. Древние же сказители, придерживаясь давно существующей кочевнической традиции, возводили их к древнему персонажу, олицетворяющему начало всего героического.

Хочу обратить внимание и на то, что в каракалпакском эпосе есть устойчивое выражение: «ас ногайлы». В родословной князей Юсуповых, написанной на основе «фамильных актов», «древних столбцов» и «грамот», Н. Юсупов пишет: «После смерти Тимура могущественный правитель Большой Орды Эдигей возводил и низлагал Ханов, подчинил своей власти Кумкент, владение Хана Джанибека, сразился и с храбрейшим из Литовских Князей, знаменитым Витовтом и в 1399 году одержал над ним блистательную победу на берегах Ворскла». В этой выдержке нас интересуют следующие слова: «...подчинил своей власти Кумкент, владения хана Джанибека».

Как известно, в ногайских эпических песнях у воссевшего на престол в Золотой Орде в 1342 году хана Джанибека есть устойчивое прозвище Аз-Джанибек. Некоторые ученые полагают, что «Аз» представляет собой сокращенное слово азиз — «милый», однако хан Джанибек и по ногайским, и по казахским, и по каракалпакским преданиям — отнюдь не милый, не любимый в народе человек, напротив, для того, чтобы воссесть на престол, он убил двух своих родных братьев и оставил по себе память как о бессердечном и жестоким человеке.

Ногайская Орда начала обособляться в годы возвышения Эдиге (1391 — 1420 гг.), но окончательно оформилась в самостоятельное государство при внуке Эдиге Ақасе (Ак-ас). Исследователь Максим Глухов, написавший книгу «Гвардейцы Сеюмбеки», полагает, что имя Акас носил и знаменитый правитель западного улуса Золотой Орды Ногай (умер в 1301 г.), давший название нашему народу.

В тюркской истории очень часто знаменитым личностям, героям давались дополнительные имена, соответствующие значимости, исполняемым функциям, титулу. Так, М. Глухов полагает, что термин *ногай* первоначально обозначал сословие гвардейцев, карателей, хранителей Великого Яса. Этому действительно есть исторические подтверждения. При решении вопросов исполнения закона, порядка, тяжб русские князья почему-то обращались не к верховному хану в Сарае, а, как называли русские летописцы, к «судье ногаю». Эти функции и обязанности до какого-то периода традиционно передавались всем правителям Ногайской Орды.

Н. Юсупов пишет о родоначальнике своей фамилии, правителе Ногайской Орды в середине XVI века, праправнуке Эдиге Юсуфе: «В Московских архивах сохранилась только отчасти переписка Юсуфа и сыновей его с царём Иоанном Васильевичем, но и этого довольно, чтобы видеть, как велико было значение верховного владетельного Князя Ногайской Орды, при котором иногда находились дети четырёх царей: Крымского, Астраханского, Казанского и Сибирского».

Не являлся ли термин *ас* изначально, в дачингизовский период тождественным термину *ногай* в золотоордынскую эпоху? Мне кажется, что какая-то сословная роль отводилась асам при кипчакских ханах. Возможно, что роль охранников крепостей, расположенных по ответвлению Великого шёлкового пути, асы выполняли во времена Хазарского каганата. А для иудейского правительства Хазарии обеспечение безопасности международной торговли являлось высшим смыслом существования государства. Поэтому термин *ас* в понимании хранителя закона *Яс*, гвардейца, легендарного воина обозначился в имени древнейшего мифологического персонажа: Баба Тукли-Шашлы-ас, и в дополнительном имени извест-

ной личности истории Ногай (Ак-ас), и в роду Эдиге (фактический первый правитель Ногайской Орды внук Эдиге Ак-ас), и в названии *ас ногайлы* в каракалпакских эпических песнях.

Надо заметить, что карачаево-балкарцы, несмотря на то, что являются тюрками, и даже очень древними тюрками, не сохранили исторических песен, затрагивающих события аланской эпохи раннего и позднего Средневековья. Не сохранили таких песен и осетины. Для фольклора обоих народов характерна северокавказская эпическая традиция. Они являются носителями нартского эпоса с полуфантастическими сюжетами. А это свидетельствует о том, что эти народы были малочисленными и в героическое время огузов, и в легендарное время кипчакских народов, жили замкнутой консервативной жизнью на обочине мировых империй тюрков. Происхождение и распространение нартских сказаний можно отнести к эпохе проникновения на Северный Кавказ античной мифологии, т. к. сюжеты нартских сказаний и мифов Древней Греции во многом идентичны.

Но распространителями нартского эпоса всё же были древние тюрки, давшие тюркские имена главным персонажам (Сатана, Батырас, Урысмак и др.).

Создание и распространение нартского героического эпоса могло произойти во времена процветания хазарского государства. В Хазарском каганате в VII веке устанавливаются тесные связи с Византией. Правители двух государств устраивают династические браки, хазары вступают в борьбу с арабами, чтобы остановить их завоевательные походы на Константинополь, христианство греческого толка проникает в Хазарию (до сих пор сохранились здания храмов той далёкой эпохи), хазары пользуются греческим письмом, греческим порядком в управлении государством. В этих условиях, несомненно, происходила передача культурных ценностей контактирующим народам: передавались фольклорные произведения, проникла книжная литература.

Что касается нартского героического эпоса, на его авторство претендуют многие народы Северного Кавказа и Закавказья: и осетины, и адыгские, и вайнахские племена, и карачаево-балкарцы, и кумыки...

Но мне среди них хотелось бы выделить устное народное творчество кумыков, чьи предки жили в непосредственной близости к центру исторической Хазарии. У кумыков сохранились не только нартские сказания, но и отдельные песни, схожие с песнями средневековых греков (кумыкская песня «Карт-кожак и Максума» и византийская песня «О Дигенисе Акрите»), сохранились отголоски эпических песен огузов, есть образцы фольклорных произведений кипчакского периода.

Возможно, что какая-то часть этого наследства — продукт собственного народного творчества, но не последнюю роль в проникновении в кумыкский фольклор древних сюжетов сыграли тесные связи с ногаями и их предками. Рассказывают, что в прежние времена (до революции и после) кумыкская свадьба не обходилась без ногайского *йырава* (певца-сказителя), приглашать степного барда считалось престижным. Известно, что только в советский период среди кумыков полностью ассимилировались аксаевские и костековские ногаи, продолжается процесс ассимиляции среди бабайуртовских ногаев.

Ногайские тюрки никогда не жили замкнуто, они свободно мигрировали в огромном пространстве, соприкасались со многими народами, вбирали мудрость окружения, обогащались сами и щедро передавали свои познания новому окружению.

Мы сегодня называемся ногаями, но это всего лишь одно из звеньев бессмертного тюркского народа Великой степи.

Да, неуютно чувствовали себя тюркские народы в исторической науке. Состояние это было сродни состоянию гадкого утенка из андерсеновской сказки — кстати, у неё восточные корни! Но наш современник прозревает с каждым днём. В один прекрасный день он увидит своё истинное отображение в зеркальной глади озера, и счастливый, вдохновлённый красотой своего лебединого облика, взмахнёт могучими крыльями выше горы Аскар-тау и полетит над бесконечными просторами вселенной.

ЧАСТЬ I

1. Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос. — М., 1974.
2. Журнал “Половецкая луна”, 1991, № 1.
3. Кумыков Т. Султан Казы-Гирей. — Нальчик: Эльбрус, 1978.
4. Клейн Л. С. — Журнал “Советская археология”, 1970, № 2.
5. Люк, Жан де. Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин. — Одесса, 1879.
6. Керейтов Р. Ногайцы. — Черкесск, 1988.
7. Губогло М. Гагаузы. — Журнал “Наука и жизнь”, 1969.
8. Фахрутдинов Р. Золотая Орда и татары. — Набережные Челны, 1993.
9. Журнал “Половецкая луна”, 1993, № 1—2.
10. Мраморнов О. Русские как “этническое недоразумение”. — Литературная газета, 1995, 5 апреля, № 14.
11. Челеби Эвлия. Книга путешествий. — М., 1979. — Вып. 2.
12. Виноградов В. Б. Мавзолей на холме. — Журнал “Археология”, 1973.
13. Туган ерим: Антология ногайской поэзии. — Махачкала, 1974.
14. Хан-Гирей Султан. Записки о Черкесии. — Нальчик, 1978.
15. Виноградов В. Б. Топонимия Средней Кубани. — Армавир, 1993.
16. Отрощенко В., Рассомакин Ю. История чингульского кургана. — Журнал “Наука и жизнь”, 1981, № 7.
17. Сулейменов О. Аз и Я. — Алма-Ата, 1975.
18. Каримуллин А. Татары: этнос и этноним. — Казань, 1989.
19. Глухов-Ногайбак Максим. Судьба гвардейцев Сеюмбеки. — Казань, 1993.
20. Сикалиев А. Идеи дружбы народов в ногайском фольклоре и ногайской дореволюционной литературе. — В сб.: Материалы конференции, посвящённой итогам и проблемам изучения народного творчества автономных республик РСФСР. — Л., “Наука”, 1975.
21. Перетяткович Г. Поволжье в XV и XVI вв. — М., 1887.
22. Челеби Эвлия. Книга путешествий. — М., 1961. — Вып. 1.
23. Махмутов А. Как возник древнетюркский алфавит? — В сб.: Исследования по тюркологии. — Алма-Ата, 1969.
24. Киреев А. Н. Башкирский народный эпос. — Уфа, 1970.

25. Крамер С. Н. История начинается в Шумере.
26. Гумилёв Л.Н. От Руси к России. — М., 1994.
27. Тизенгаузен В.Г. Материалы Золотой Орды. Т. 2. — М., 1941.
28. Поэзия и проза Древнего Востока. (Серия БВЛ).
29. Поверья ногайцев Мансуровского селения Баталпашинского отдела Кубанской области. — СМОМПК, 1983, вып. 17.
30. Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами.
31. Геродот. История в девяти книгах. Т. 1. — 1988.
32. Ян В. Собрание сочинений в 3-х томах. Т. 2. — М., 1994.
33. Струве В. В. История древнего Востока. — 1941.
34. Грантовский Э. А. О некоторых материалах по общественному строю скифов. — См.: Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. — М., 1981.
35. Айтмуратов Д. Тюркские этнонимы. — Нукус, 1986.
36. Григорьев В. В. О скифских народах саках.
37. Бартольд В. В. Сочинения, т. 2.
38. Гафуров А. Лев и кипарис: О восточных именах. — М., 1971.
39. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. — М., 1959.
40. Гумилёв Л.Н. Древние тюрки. — М., 1993.
41. Мизиев И. История Балкарии и Карачая с древнейших времен до похода Тимура.
42. Хрестоматия по древнерусской литературе. — М.: Просвещение, 1973.
43. Алтан тобчи. — М.: Наука, 1973.
44. Миллер Вс. Ф. "Хинова". Слово о полку Игореве. — ИОРЯС, 19. — 1914.
45. Добродомов И. Г. О половецких этнонимах в древнерусской литературе. См.: Тюркологический сборник. — М., 1975.
46. Бартольд В. В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии.
47. Гумилёв Л. Н. В поисках вымышленного царства. — М., 1994.
48. Эдиге: Ногайские героические песни. — Махачкала, 1991.
49. Геродот. История в девяти книгах. Т. 8.
50. Эсхил. Трагедии. — М.—Л., 1937.
51. Ган К. Известия древних греческих и римских писателей о Кавказе. Ч. 1-2. — Тифлис, 1884.
52. Повесть временных лет. Т. 2. — М., 1950.
53. Латышев В. В. Известия древних писателей о скифах. — ВДН, 1947.
54. Бичурин Н. Я. Ч. 1.
55. Ф. 379, оп. 1, д. 249, л. 58.
56. Юсупов Н. О роде князей Юсуповых. — СПб., 1866—1867.

ВЫСОКАЯ МЕСТЬ

В “Деле Артамоновых” М. Горького сын православного священника, рыжий с лиловыми ушами пьяный купец “лез по холму к ограде мечети и рычал: “Прочь, хочу в татару креститься, в Магометы хочу, пустите!”

“Великий каган, воскресни, чтобы победить врагов наших!”

*(Руническая надпись
на железном наконечнике копья).*

“Панмонголизм! Хотя имя дико.
Но мне ласкает слух оно”.

Владимир Соловьёв

ДЛЯ ТЕХ, КТО ПОНИМАЕТ

Прежде чем начать повествование, хочется привести превосходное описание Великой степи Л.Н. Гумилёва, где учёный даёт чёткое географическое описание этой территории и, согласно своей теории этногенеза, говорит о воздействии климатических особенностей на народы, проживающие на ней.

«Посреди Евразийского континента тянется Великая степь, ограниченная с севера сибирской тайгой, а с юга — горными системами. Она чётко делится Алтаем, Сауром, Тарбагатаем и западным Тянь-Шанем на две непохожие друг на друга части. Восточная часть Великой степи называется Внутренней Азией, в ней расположены Монголия, Джунгария и Восточный Туркестан. От Сибири Внутреннюю Азию отделяют Саяны и хребты Хамар-Дабан и Яблоновый, от Тибета — Куньлунь и Кайшань, от Китая — Великая китайская стена, точно соответствующая границе между сухой степью и субтропиками на севере страны. Западная часть Великой степи включает не только нынешний Казахстан, но и степи Причерноморья (и Предкавказья — *И. К.*). В отдельные периоды Великая степь охватывала даже часть территории Венгрии — так называемую пушту.

С точки зрения географии, вся Великая степь представляет собой единый, чётко очерченный регион, хотя климатические различия двух её частей весьма заметны. Атмосферные токи, несущие дождевые или снежные тучи, имеют свои законы движения. Циклоны с Атлантики доносят влагу только до горного барьера, отделяющего восточную степь от западной. А над Монголией постоянно стоит огромный антициклон. Его воздух сух и прозрачен, через него легко проходят солнечные лучи, нагревающие поверхность земли. Зимой здесь выпадает мало снега, и травоядные животные могут, разгребая его, добывать корм — сухую траву. Весной раскалённая почва разогревает нижние слои воздуха, и те поднимаются вверх. В освободившееся приземное пространство на се-

вере вторгается сухой воздух из Сибири, а на юге — влажный с Тихого океана. Этой влаги достаточно, чтобы степь зазеленела и обеспечила копытных животных кормом на весь год. А там, где сыт скот, процветают и люди. Вот почему именно на востоке Великой степи сложились благоприятные условия для создания могучих кочевых держав хуннов, тюрок и монголов.

На западе же степи толщина снежного покрова превышает 30 см. Более того, во время оттепелей снег часто образует прочный наст, и тогда скот гибнет от бескормицы. В связи с этим скотоводы вынуждены летом гонять скот на горные пастбища — джеиляу, а на зиму — заготовливать сено. Вспомним, что обитавшие в Причерноморье половцы имели постоянные зимовья, и потому находились в зависимости от древнерусских князей, ибо, скованные в передвижении, они не могли уклониться от ударов регулярных войск. Поэтому в западной части Великой степи сложился иной быт людей и иные условия для обретения степняками независимости, нежели в восточной.

Но в мире нет ничего постоянного. Циклоны и муссоны иногда изменяют направления движения и проходят не над степью, а над тайгой или даже тундрой. Тогда недостаток влаги расширяет пустыни Гоби и Бетпак-Дала, оттесняет растения и животных на север, к Сибири, и на юг, к Китаю. Вслед за травой, необходимой для скота, и животными, на которых охотятся, уходят и люди — обитатели Великой степи. Именно в такие эпохи усыхания Великой степи становились неизбежными контакты кочевников и осёдлого населения Китая.

Китайские хронисты, описывая народы, обитавшие к северу от Китая, в Великой степи, называли всех степняков одним именем — «татары», подобно тому как мы, говоря «европейцы», называем этим словом и шведов и испанцев. Однако на самом деле этноним «татары» был названием одного из многочисленных степных племён.

Сами татары делились на три ветви: «белые», «чёрные» и «дикие». «Белые» татары — онгуты — жили вдоль границы Великой степи и подчинялись маньчжурской империи Кинь; они охраняли страну, получая за это плату. Поэтому у них были шёлковые одежды для жён, фарфоровая посуда и другая иноземная утварь. «Чёрные» татары занимали открытую степь к северу от пустыни Гоби и подчинялись своим ханам, презирая «белых» татар, которые продали свою свободу и независимость за тряпки и чашечки. Сами они пасли скот, который кормил их и одевал, так как ходили они в одеждах из шкур, ныне называемых дублёнками.

Однако «чёрные» татары вызывали не меньшее презрение у «диких», занимавших территории ещё севернее. У «диких» татар от-

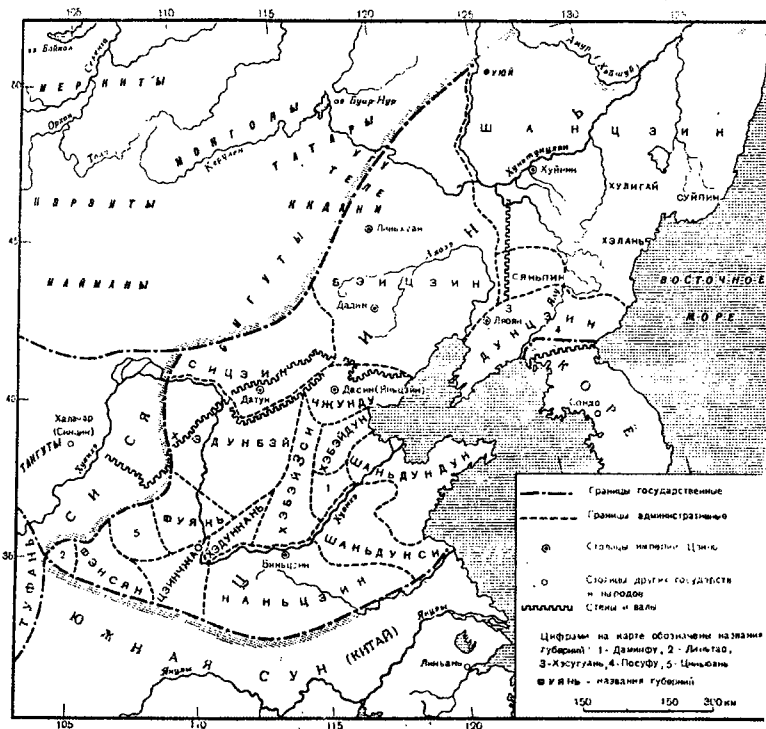
существовали даже зачатки государственности, поскольку подчинялись они лишь старшим в роде, а если подчинение становилось в тягость, младшие всегда могли отделиться. Хозяйство «диких» татар основывалось на охоте и рыболовстве, так как больше всего на свете они ценили свою волю. Для девушки из числа «диких» татар выйти замуж за «чёрного» татарина, который будет заставлять её доить коров или пасти овец, считалось унижительным наказанием» [1].

Л.Н. Гумилёв выделяет монголов как отдельный народ, но во всех источниках они действительно называются татарами. В китайских источниках лишь однажды упоминается название народа, очень похожее на имя монголов. Бартольдом приведено сообщение в мирном соглашении 1147 года династии Кинь с монголами, которые обозначены как мэнгу-дада (монгольские татары).

Необходимо сделать небольшое отступление и обратиться к очень серьёзному исследованию по этому поводу, книге Л. В. Воробьёва «Чжурджэни и государство Цзинь» [2]. Чжурджэни — народ, создавший империю Цзинь («Кинь» по Л.Н. Гумилёву), имеет, по ряду предположений, маньчжурское происхождение и находился в очень сложных отношениях с северными соседями. Согласно карте, представленной в книге М.В. Воробьёва, известные степные племена расселялись следующим образом: «...джалаиры жили в долине р. Онон, тайчжиуты — в долинах рек Онон и Селенги, кэреиты (хэрэ) — в долинах рек Орхон и Тола, в бассейне р. Онгин, между горными хребтами Хангай и Алтай, татары — у озёр Буир-Нор, Кулун-Нор и вдоль Китайской стены, на границах с чжурджэньским государством, меркиты — в бассейне р. Селенги...»

О предполагаемых предках монголов М.В. Воробьёв делает следующие изыскания: «Наше рассмотрение мы начнём с мэнгусы (мангуцзы, мэнгу, мокоши), т. е. с монголов. «Да цзинь го Чжи» сообщает фантастические сведения о народе мангуцзы, наделяя последних ростом в восемь футов, способностью видеть за несколько десятков ли даже мелкие предметы, объясняя это необыкновенное свойство тем, что они не ели горячего, а питались одним сырым оленьим мясом» [2, 329]. Автор делает любопытную оговорку: «Интересно, что источники XII в. не считали мэнгу родичами монголов. Одни указывали, что мэнгу находятся на востоке, а монголы — на западе, и их разделяет несколько тысяч ли...» (там же. Стр. 330). Воробьёв эти сомнения считает наивной ошибкой, т. к. авторы рассматривали место пребывания чжурджэней из Манчжурии (прародины), а не с Китайской равнины, где к тому времени утвердилась империя Цзинь. В любом случае эти сомнения и поправки примечательны.

Под китайским написанием *мангу* вполне можно предположить и название крупного кочевого племени *мангыт* и даже *мингов*. Только доподлинно неизвестно, были ли мангыты монголоязычным племенем. Где бы это сильное племя ни фигурировало: в Средней Азии, Казахстане, Поволжье, на Северном Кавказе, в Крыму, оно и в древности, и сегодня остаётся тюркским. То же самое можно сказать и о найманах, катаганах, кирейтах, конгратах, китаях.

гольского происхождения этнонимов является их окончание на букву «т», которая по-монгольски подчёркивает множественное число. Однако и это не является убедительным аргументом, так как и у ногаев, и у казахов, и у каракалпаков, и даже у кочевых узбеков есть аналоги названиям этих племён без указанного характерного окончания, что даёт повод думать об их существовании до завоеваний Чингиз-хана на Западе от Монголии.

Очень примечательно бытование у ногаев этих племён в двойственном обозначении. До сих пор у ногайцев сохраняются конгры и конграта, кирей и кирейты (кстати, последнее племя бытует у казахов только под названием кирей). Есть у нас минги и мангыты

(вполне возможно, что это этноним одного происхождения). А вот этнонимы, произошедшие из племени Чингиз-хана: дурмэт и шуршит, у нас сохраняются только под тюркским произношением дюрмен и шури, да и сам род августейшего владыки кият, как сказано ранее, сохранился в самом древнем тюркском прочтении, как род киян.

Из этих данных мы можем сделать два предположения: во-первых, по мере продвижения в тюркскую среду эти этнонимы отюрчевались и, во-вторых, вследствие переселения тюркских родов на восток этнонимы омонголивались и вторично появились вместе с победоносными войсками. Этноним *найман* учёные склонны считать явно монгольским, т. к. на монгольском языке он означает число восемь и, видимо, в прошлом представлял союз восьми племён родов. Найманы имели своё государство, пользовались тюркской письменностью, в домене их не осталось, а у ногаев, казахов, каракалпаков они до сих пор составляют один из известнейших родов.

Мы не имеем никаких доказательств того, что эти рода и племена не являлись тюркскими. Зато имеется множество подтверждений того, что даже без этих племён и родов войско августейшего выглядело тюркским. В нём преобладали тюркские народы, среди которых карлуки, киргизы, кипчаки, уйгуры, канглы, уйсуну, кидане, присоединившиеся во время войны в Китае, кидане из Западного Ляо (так китайцы называла киданьское государство в Средней Азии). То, что в войске Чингиз-хана было тюрко-монгольское единство, не оспаривается никем. Но каково было различие между тюрками и монголами, и было ли оно? Этот вопрос учёным ещё придётся тщательно исследовать...

Рассматривая родословные тюркских народов, наталкиваешься на весьма любопытные сообщения. В них жизнь народов мира ведёт отчёт от Нуха — библейского Ноя, единственного оставшегося из рода человеческого после всемирного потопа. Три сына Нуха — Сим, Хам, Яфет — положили начало современным народам. Тюрки, иранцы, китайцы, европейцы являются потомками Яфета. В «Родословной тюрков» среднеазиатского учёного XVII века Абул-Гази Бахадура у Яфета было восемь сыновей: Тюрк, Хазар, Саклаб, Рус, Минг, Чин, Камери, Тарых. От праправнука Тюрка Алынджа-хана, по некоторым версиям Аланчи-хана, родились близнецы Могол и Татар. Аланчи-хан разделил свой эль (страну) между сыновьями. Владение Татара стало называться татарским, Могола — могольским. Хотя эта родословная основывается на легендообразных рассказах, она показывает общие корни тюркского и монгольского народов. Вполне вероятно, что она сочинена поздними авторами, т. к. имя отца близнецов Аланчи говорит о тройственном родстве этнонимов: алан, монгол, татар.

В сочинении Абул-гази Могол является отцом Кара-хана. В книге «Огуз-наме» о родословной тюрков автора Рашид-ад-дина (начало XIV в.) это место упущено, у него список укорочен. В «Огуз-наме» список также начинается от библейского Нуха, затем идёт Иафет (Олджай-хан), далее Диб Йавку-хан, Кара-хан и после него — Огуз-хан. [3, 11].

В «Огуз-наме» Рашид-ад-дина есть целое предание о происхождении монголов, где также говорится об их родстве с тюрками. Когда отец и дядья Огуза узнают о том, что он родился обращённым в мусульманина, они не в силах смириться с изменой вере предков «какого-то ребёнка». «Не успел возвращавшийся с охоты Огуз подойти к дому, как его отец и дядья вместе с родственниками и близкими уже были готовы к сражению. Огуз со своими слугами сразился с ними. Во время сражения были убиты его отец Кара-хан и дядья Кюр-хан и Кюз-хан. Огуз укрепился на своём месте и в течении 75 лет постоянно сражался с племенами своих дядьёв. В итоге он одолел их и уничтожил. Он подчинил себе их вилайеты и улусы до самых дальних окраин Каракурума. Те, которые уцелели (не погибли от меча), подчинились его власти. Они сказали: «Мы из твоего же рода и племени. Мы ветви от одного корня и его же плоды. Зачем ты прилагаешь столько сил для того, чтобы извести нас?» Огуз оказал: «Если вы признаете господина и его единство, то тогда ваши души получат пощаду (аман) и я определю вас для проживания в Туркестане». Однако они этого не приняли, и Огуз преследовал их до Каракурума. Они были принуждены переселиться в степи вдоль берегов реки Тугла (Толы — река в Монголии, — И. К.) и жить там в нищете. Они превратили эти места в свои летовки (яйлак) и зимовки (кышлак). От бедности, нищеты, бессилия и недомоганий они пребывали в постоянной печали и грусти. Огуз стал называть их мовал (наверное: *мунглы* — печальный — И. К.), что означало: «Будьте всегда опечаленными, стеснёнными и несчастными. Носите собачьи шкуры, ешьте только дичь и никогда после этого в Туркестане не появляйтесь». Так передавая предание о возникновении монголов, Рашид ад-дин поясняет: «Поэтому, согласно вере туркменов, монголы происходили из рода Кюр-хана, Кюз-хана и Ор-хана и являются владыками восточных краёв» [3, 99].

В этом предании чувствуется, что оно возникло в эпоху могущества тюрков-огузов в X—XI веках, но возможно, что в нём есть более древние отголоски времён I и II тюркских каганатов. Весьма примечательно то, что предание опять-таки указывает на единый корень тюрков и монголов. Это подтверждается и более древними литературными источниками, где территория Древней Монголии, включающая бассейны рек Орхон, Керулен, Онон, Толы, Селен-

га, а также Алтайский и Хангайский хребты, являлась колыбелью древних тюрков: и хунну, и ту-кю, и уйгуры имели эль (страну) на этой земле. Гуннская империя начинала свое движение на Запад с этой территории, читатель о могуществе этой империи знает через имя знаменитого вождя Аттилы. О сильных тюркских каганатах I тысячелетия нам сообщают тюркские надписи на каменных стенах, установленных на берегах Орхона и Енисея, а также китайские источники. Первый тюркский каганат в 581 году распался на два государства: центр Западно-тюркского каганата сосредоточился в Семиречье (Казахстан), а Восточно-тюркский — на реке Орхон (Монголия). В 682 году тюрки восстанавливают империю, и до 744 года на реке Орхон существует столица второго каганата тюрков. С 744 года по 840 год там же, на Орхоне, располагается столица такого мощного государства, как Уйгурский каганат, — город Карабалгасун.

Одно из главных сообщений делает историк Рашид-ад-дин, выросший в семье врача-еврея, живший при дворе чингизидов всего столетие спустя после смерти Чингиз-хана. Он относит монголов к одной из ветвей тюркских народов. «Начало их происхождения пошло от тех двух человек, которые ушли (в) Эргун-кун, путём рождения и размножения их род стал многочисленным. Слово монгол стало именем их рода, и это название переносят теперь на другие народы, которые похожи на монголов, потому что начало обобщения сего слова с другими народами произошло с эпохи монголов, — последние же были одним из тюркских народов. Так как к ним была проявлена божественная помощь, то за время около четырёхсот лет от них произошло множество ответвлений и по своей численности они превысили другие народы; вследствие их же могущества другие племена в этих областях также стали известны под их именем, так что большую часть тюрков теперь называют монголами» [4]. Историк не только очевидец исторических монголов, но, надо заметить, он, как и всякий мусульманский автор той эпохи, не питал особых пристрастий к истории кочевников и ему незачем было принимать ту или иную сторону, т. е. быть в этом вопросе за монголов или за тюрков.

Несмотря на столь серьёзные сообщения из старины, вопрос этот остаётся открытым. Народы с самостоятельным монгольским языком бытовали с древнейших времён. Л. Н. Гумилёв, опираясь на китайские источники, пишет о монголоязычном народе сяньбийцев, создавшем могучую империю в Китае. Народ этот отличался высокой пассионарностью, но затем постепенно был отюречен, входя в состав тюркских каганатов и в знаменитое государство уйгурских правителей.

В этом плане примечательны эпиграфические памятники Даге-

стана. В агульском селении Рича и горном Кумухе надписи на каменных стелах говорят о взятии этих населённых пунктов татаро-монголами в 1239—1240 годах, а завоеватели в них названы «тюрьками» [5, 195].

Племянник и воспитанник выдающегося казахского поэта Абая Кунанбаева Шакарим Кудайберди-улы в 1911 году в Оренбурге издал книгу «Шежире» («Родословная летопись») на казахском языке. Книга эта в 1990 году была переведена на русский язык моим однокурсником по Литературному институту имени А. М. Горького Бакытом Каирбековым и издана в Алма-Ате. В книге собран материал по истории тюрок, особого внимания заслуживают фольклорные источники, народные предания казахов, данные о родах, тамгах и, конечно, небезынтересны заключения учёного. Шакарима Кудайберди-улы тоже волнует этнический состав монгольской степи. Он вместе с найманами и керитами относит к тюркам и шуршитов, и онгитов (он гун — Ш. К.), и джалаириров, и каракатаев. Вот одно из заключений казахского учёного:

«После падения уйгуров Монголию, за исключением её северо-восточной части, продолжали занимать тюрки. Мелкие роды, которые остались к тому времени в Моголистане, не смогли объединиться в ханство. Сильнее других был род байегин, или иначе аргын (на мой взгляд, это соответствие сомнительное, род баегин скорее соответствует роду баята или баис — *И. К.*). При Чингиз-хане обрели мощь найманы, входившие в состав двух ханств. Приходилось считаться с керитами (керееями — *И. К.*) и татарами. В начале своего правления Чингиз-хан, опираясь на кереев, объединил вокруг себя монголов и бился с татарами и меркитами, а затем напал на найманов и, покорив их, сделался владыкой Монголии» [6, 35].

Казахский учёный пользовался китайскими источниками по переводам Бичурина и произведениями восточных авторов. Из этих источников он приводит несколько известных нам легенд, их повторение будет уместно и для этого повествования.

«О происхождении тюрок в китайских летописях встречаются также сообщения явно сказочного характера. Из одного, к примеру, следует, что тюркское племя происходит от волчицы и десятилетнего мальчика, которому отрубили руки и ноги и бросили в диких степях. Мальчика подобрала волчица и спрятала в окружённой непроходимыми горами долине (Алтая). Сама вскормила его и вскоре родила от него десять сыновей. От этих десяти и пошли, мол, тюрки. Другое сказание: с неба спустился волк и от его брака с дочерью вождя хуннов родился Тюрк» [6, 15—16].

Он пишет ещё о двух сообщениях Абул-Гази, которые опять-таки иллюстрируют кровное родство монголов и тюрок. Первое: татарский хан Суюниш победил монгольского хана Ельхана и ис-

требил весь его народ. Брат Ельхана Негиз и сын Киян, бежав из плена, смогли собрать вокруг себя остатки людей и скота и укрылись в долине Ерганахун (эргенек — по-ногайски плетень — *И. К.*), окружённой скалистыми горами. Там они мирно прожили 450 лет и умножились настолько, что негде стало жить. Когда же они решили выйти из долины, то оказалось, что прежняя дорога, которой они пришли сюда, завалена камнями. Тогда, говорится в летописи, они подожгли скалу и, повалив её, вышли из долины. (Эта легенда использована Рашид-ад-дином.)

Другое сообщение: после смерти Даян Баян-хана народом его стала править жена Аланчу. Будучи вдовой, она забеременела от небесного луча, родила трёх сыновей, одним из них был хан Боданжар» [6, 15—16].

Легенды из китайских летописей взаимосвязаны с легендами из «Родословной тюрков» Абул-Гази. Их обобщает Шакарим Кудайберди-улы. «Настоящим именем легендарного хана монголов является Боданжар, на монгольский лад Бортечан, т. е. Бортечино, означающее Серый волк». (*Бори* означает волк по-тюркски, а *шина* — по-монгольски. — *И. К.*)

Эти предания имеют одну основу не только из-за образа волка, но и из-за необычного сказочного свойства.

Китайские авторы древнетюркских ханов называли волками, а имя знаменитого основателя ханской династии Ашина означало «благородный волк». Источники сообщают, что на знамёнах древнетюркского войска была нарисована золотая волчья голова. В упоминавшейся книге «Древние тюрки» Л. Н. Гумилева (М., 1993) говорится о прапатери тюрков волчице. Известный учёный улавливает возникновение предания с гибелью западных гуннов, т. е. Аттилы. Когда держава гуннов была уничтожена, от неё остался один десятилетний мальчик, которому отрубили руки, ноги и бросили в болото. Мальчика спасла волчица, она от него забеременела, но после мальчика убили, а волчица спаслась бегством на Алтай и там родила десять сыновей. Один из потомков волчицы по имени Асян-ша, выйдя из пещеры со своим родом, дал основу народу тюркюты.

Чокан Валиханов приводит не менее интересную легенду о прародителе горных киргизов — красной собаке, которая жила с сорока девушками. Рождённые от этой связи люди создали народ кырк-кыз (что означает сорок девушек). Конечно, все эти предания несут информацию довольно шокирующую, по понятиям современного человека. Приведённые легенды и легенды, которые будут ещё упоминаться, связаны с небом, поэтому я твёрдо уверен, что волки и собаки — небесные символы. Это могут быть названия звёзд или целых созвездий. Очевидно, что архетип легенд

остался скрытым во тьме веков. Архетип искажался литературными авторами, в устном народном творчестве. Однако глубокий смысл легенд налицо. Первый — означает, что истреблённый народ возрождался посредством небесной силы. Второй — как бы ни выглядело фантастично, намёк на то, что народ возрождался из-за посещения звёздных пришельцев...

Безусловно, что эти легенды связаны с астрономическими познаниями древних людей и они широко распространены во всём мире. Например, племя догонов, живущее в труднодоступных районах республики Мали, сохранили уникальнейшие легенды о звёздной системе Сириус. Они, как и многие другие народы, считают её прародиной людей. В мифологии многих народов говорится о том, что заселение Земли происходило с неба. Древние германцы сохранили предания о том, что их предки прилетели на летающих башнях. Прародительница Инков Орьяна сошла на землю с «золотого корабля». Она родила 70 детей и снова вернулась на небо. Айны, живущие на севере Японии, рассказывают немало преданий о своём небесном происхождении. Происхождение загадочных статуй на острове Пасхи аборигены относят к космическим пришельцам. Эти сообщения рассыпаны в разных изданиях, поэтому автор даёт их без ссылок. (Более занимателен фольклор, предания народов мира.?)

Существует множество легенд о загадочных посещениях Земли космическими обитателями. На заре человеческой цивилизации в Египте космический пришелец Тот учил знаниям и ремёслам людей, в Индии это проделывал Парашарие, в Шумере — Оанн, в Мексике — Кецаль-коатль. В японской книге «Сей-то-ки» рассказывается о том, что в 2300 году до новой эры небесное божество спустилось в Корею и 1000 лет правило страной. Жизнь каждого звёздного посетителя была героическая, они повелевали стихиями, давали людям знания.

Есть удивительные совпадения среди мифов народов мира. Ногайцы мало сохранили легенд о Космосе, но всё же имеются оригинальные приметы, касающиеся звёзд. Так, о созвездии Улкер (Плеяды) наши сторожилы говорят, что на них решается, кому из людей жить, а кому не жить на земле. Интересно, что племя майя считало себя «детьми Плеяд», финно-угорские народы боготворили это созвездие и считали, что оно посылает шаманский дар.

Сейчас учёные мира занимаются научным обоснованием звёздного происхождения человечества. К сожалению, мне были доступны весьма безавторитетные издания. В таких изданиях приводятся почти реалистические подтверждения космическому происхождению некоторых человеческих индивидуумов. Одним из таковых является деформированный череп, получивший назва-

ние «мексиканский». Недавно в газете я прочёл любопытное сообщение Полины Ивановой «Звёздный сын Оссэо». Череп человекоподобного существа, найденного в пещере около развалин города ацтеков Чихуахуа, превзошёл все ожидания учёных. Он походил на черепа «серых» пришельцев, о которых в мире имеется немало данных, в основном устных. Этот череп так описывается в статье: «Непропорционально большая голова, формой напоминающая перевернутую каплю», высокие выпуклые лобные и теменные кости, лицо под ними кажется узким, укороченным и заканчивается острым маленьким подбородком, переносицы почти нет. Затылок сплюснут, шея тонкая и с наклоном вперёд. Когда патологоанатомы по черепу восстановили лицо «мексиканца», оказалось, что объём мозга «звёздного ребенка на двести единиц превышает объём мозга среднестатистического взрослого человека». «Результаты исследования звёздного ребенка, — пишет автор статьи, — заставили учёных внимательно присмотреться к фольклору индейцев Центральной и Южной Америки, невероятно богатому сказаниями о звёздных пришельцах, периодически спускающихся с небес на землю. Согласно легендам, они приходили к земным женщинам, как правило, бесплодным, живущим в глухих деревнях, чтобы оплодотворить их. Оплодотворение происходило искусственным образом — во сне или под воздействием магических снадобий. Сапотеки и тольтеки считали, что такая беременность — величайший дар богов, а рождённых подобным образом малышей называли звёздными. До пяти-шести лет их растили всей деревней, после чего звёздные пришельцы возвращались и забирали детей к себе. В некоторых легендах говорится, что дети были нужны для «восстановления умирающего и иссякающего рода».

Вот что рассказывает одна из легенд сапотеков, записанная сто лет назад:

*Вдруг жилище задрожало,
зашаталось, задрожало,
И почувствовали люди,
что возносятся на воздух!
В небеса, к далёким звездам
плыл вигвам, минуя ветви,
И пристал к Звезде Вечерней.
Вышел к ним отец Оссэо.
Он в вигвам зашёл с женою,
Властелин Звезды Вечерней,
И супруга молодая родила Оссэо сына,
отдала отцу с печалью...*

В мифологии тюркских народов, кроме используемых в этой книге родословных ханов, имеются ещё предания о космических пришельцах. Это популярный миф о космической лебеди Ак-ку. Этот персонаж один из главных в башкирском эпосе «Урал-батыр». В этом произведении общеизвестное тюркское женское божество Умай, изначально имевшая лебединый облик, является дочерью небесного падишаха крылатых существ Самрау. Имя Самрау (Самыр-ау — *И. К.*) созвучно с именем космических самыров в ногайском предании. По преданию ногайцев самыры, крылатые собаки, принесли жизнь на землю, это они были первыми наставниками, охранниками, помощниками людей. Затем они вымерли, а часть осталась на небе. Обыкновенная собака происходит от самыров, но потеряла крылья из-за того, что одолжила их настырно клянчившей ярганат (летучей мыши). Однако собака сохранила ум, прозорливость своих легендарных предков... В связи с развитием в мире науки я допускаю, что у небесного происхождения тюрко-монгольских основателей ханских династий найдутся реалистические обоснования. Это дело будущего. Опять-таки вернёмся к сказочному преданию.

Давайте попробуем подробно рассмотреть этот сказочный сюжет. Для этого я хочу обратиться к позднему изложению легенды в монгольской книге «Алтан тобчи», которая повествует о происхождении рода борджигин племени кият, т. е. рода августейшего владыки, непобедимого Чингиз-хана, следующим образом. Знаменитая Алун-гуа, после смерти мужа Добу-Мергина, родила ещё троих сыновей. Двое старших сыновей, отцом которых был Добу-Мергин, стали подозревать мать в том, что она родила младших братьев от прижившегося к ним слуги. Алун-гуа догадалась об этих подозрениях и «собрала пятерых своих сыновей, велела им сесть в ряд и взять по одному прутику. Когда она дала (прутики), то сказала: «Сыны, сломайте!» Сыновья её сломали (их). Когда же ещё дала, связав по пяти прутиков вместе, то не сломали. После этого мать Алун-гуа сказала: «Вы, два моих сына! Ваше подозрение насчёт того, как родились эти (последние) три сына, чьи они сыновья, — так это правильное подозрение! Каждую ночь приходил жёлтый маленький человек, поглаживал моё чрево, входил в юрту (или) через дымовое отверстие, (или) притолку; в час, когда всходило, разливая свет, солнце, он оборачивался жёлтой собакой и, царапаясь, уходил.

Для тех, кто понимает.

Это знак, что он сын Неба. Да!

И я так думать стала.

Не считайте его престолудином, не говорите так!

*Ведь потом, когда станет владыкою
Чужих ханов и народов, —
Вот тогда и поймёте вы:
Не простой человек он. Нет!..» [7, 56].*

В древних источниках сохранилась и другая интерпретация легенд об Алун-гуа, где говорится о небесном луче, проникшем в юрту, от которого она родила сыновей. Среди них и будущий легендарный прародитель ханов. В приведённых строках есть какая-то загадочность, шифровка. На это делается прямой намёк: об этом знает только тот, *кто понимает*.

Проповедники тенгрианства камы, шаманы, бакши были посвящены в глубокие таинства. Они сродни волхвам, жившим на Ближнем востоке, в Персии, и держали свои знания под большим секретом.

Исследователи считают, что древние мудрецы Азии и Средиземноморского бассейна находились в постоянном контакте. Находится немало подтверждений тому, что в Египте, Греции, Вавилоне, Тибете, Индии, Китае, Монголии даже существовал секретный интернациональный код символов, которыми были зашифрованы знания. Такие мудрецы древности, как Платон, Пифагор, Иисус Христос, Мухаммед и другие были из числа посвящённых. Например, Геродот и Апулей прямо говорили о том, что хранят в тайне полученные ими потусторонние знания. Тюрки и монголы несомненно были вовлечены в такую всемирную организацию. На эту мысль наталкивают существующие в тенгрианстве ведические традиции. Камы и шаманы строго охраняли священные тайны тенгрианства. Именно эта строгость и стала причиной того, что воззрения кочевников Евразии не стали всеобщим достоянием.

Знаменитый исследователь истории Египта и Месопотамии Эдриан Джилберт написал в соавторстве с Робертом Бьювелом, на основе астроархитектурной теории, известный мировой бестселлер «Секреты пирамид». В другой книге «Тайны волхвов» Джилберт сделал попытку найти следы культовых обществ на земле древнего Шумера и совершил немало открытий на эту тему. Главным в книге стало то, что он объяснил одну из загадочных страниц Библии, через эпизод с волхвами, и связал решение Иисуса Христа с астрономическим знамением на небе. Э. Джилберт цитирует Евангелие от Матфея, где так говорится о волхвах:

«Когда же Иисус родился в Вифлееме Иудейском во дни царя Ирода, пришли в Иерусалим волхвы с востока и говорят:

где родившийся Царь Иудейский? Ибо мы видели звезду Его на востоке и пришли поклониться Ему...

Тогда Ирод, тайно призвав волхвов, выведал от них время

появления звезды и, послав их в Вифлеем, сказал: пойдите, тщательно разведайте о Младенце и, когда найдёте, известите меня, чтобы и мне пойти поклониться Ему.

Они выслушали царя, пошли. (И) се, звезда которую видели они на востоке, шла перед ними, как наконец пришла и остановилась над местом, где был Младенец.

Увидев же звезду, они возрадовались радостью весьма великой и войдя в дом, увидели Младенца с Мариєю, Матерью Его, и, пав, поклонились Ему; и, открыв сокровища свои, принесли Ему дары: золото, ладан и смирну.

И, получив во сне откровение не возвращаться к Ироду, иным путём отошли в страну свою» [Цит. по: 8, 22].

Сюжет с волхвами широко использовался в литературе и искусстве христиан, но всегда под ним виделась какая-то сказочная подоплёка. Э. Джилберт, опираясь на астрономические расчёты, доказывает, что волхвы шли из далекой Месопотамии за путеводной звездой мореплавателей. Таковой являлся Сириус. И успев ко времени восхождения звезды, они преподнесли младенцу дары: золото для царя, ладан для священника и смирну для повелителя, символизирующие предназначение Сына божьего.

Явный намёк на звёздное происхождения прародителя чингизханова рода просматривается в словах: «...входил в юрту через дымовое отверстие» (указание на зенит неба), а уходил «в час, когда всходило, разливая свет, солнце, он оборачивался жёлтой собакой (указание на восточный горизонт)». В приложении к книге «Секреты пирамид» читаем: «Звёздная религия являлась своего рода проявлением человеческой надежды на то, что религиозные ритуалы и заклинания позволят достичь перерождения в звёздную душу в загробном царстве. Анализируя тексты (египетские — И. К.), мы можем прийти к заключению, что время «беременности» составляет от 273 до 280 дней (примерно девять месяцев); это время начиналось тогда, когда звезда (Сириус — И. К.) в момент появления солнца находилась точно на линии меридиана, и «апофеоз» перерождения наступал, когда при восходе солнца она появлялась на востоке над горизонтом» [9, 277].

В «Текстах пирамид» фараон после своей смерти уподоблялся богу Осирису. На небе он идентифицировался созвездием Орион, а звезда Сириус — богине Исиде. После того как между Осирисом и Исидой происходила космическая (половая) связь, как раз по прошествии девяти месяцев рождался на небе новый бог Гор, знаменующий нового фараона обеих земель Египта. По древнему мифу Исида собирает разрезанные части тела Осириса, которого убил брат Сет. Но у бога Осириса отсутствует детородный орган, и для того, чтобы родить Гора, Исида использует искусственный

орган. Исследователи связывают изображение Марии с младенцем Иисусом в христианской мифологии — с существовавшим в древности традиционным изображением Иисиды с младенцем Гором. По-моему, мы встречаем три мифологических соответствия чудесного рождения посредством космической связи — это родительницы Исида, Мария, Алун-Гуа и их сыновья Гор, Иисус, Бортчино.

В книге «Секреты пирамид» авторы обосновывали свои исследования данными звёздной прецессии. «Прецессия, — пишут они, — это чрезвычайно медленное движение оси Земли по круговому конусу, цикл которого занимает 26 000 лет». Зная время какого-либо земного события, компьютерная программа может нам показать картину звёздного неба.

Эдриан Джилберт сравнивает миссию волхвов с имеющимся в буддизме обрядом, когда после смерти Далай-ламы служители начинают поиск ребёнка, который стал бы его новым воплощением. Но какое событие толкнуло восточных мудрецов на организацию поисковой партии будущего царя человечества?! Джилберт обратился к звёздной прецессии, чтобы узнать, что могло привлечь мудрецов в вифлеемском небе. Библейское предание гласит, что во время рождения Иисуса на небе виднелась очень яркая звезда, которая «остановилась отдохнуть» над местом рождения младенца. По данным компьютерной программы астрономический интерес могло вызвать одно событие на небе — происшедшее 29 июля 7 года до н. э. сближение двух крупнейших планет солнечной системы Юпитера и Сатурна. На небе они выглядели в этот момент одной крупной звездой. Событие это происходило в созвездии Рыб и знаменовало начало «новой эры» Рыб. Одновременно 29 июля совпадало с появлением на рассвете Сириуса, что, по существовавшей традиции, знаменовало появление нового царя Гора. Посвящённые в таинства древних культов понимали, что человек, родившийся 29 июля 7 года до н. э., должен стать Мессией новой эры.

По мнению Джилберта, Матфей был христианским гностиком и хорошо разбирался в тонкостях восточных культов. Он понимал, что новая религия не может полностью отторгнуть существовавшее до того мировоззрение, и потому рождение Иисуса в такой знаменательный день не является случайным совпадением. Существовавшая многие тысячелетия вера ослабела, вера господствующих над Иудеей и близлежащими странами римлян была ненавистна, общество жаждало перемен и объективно ожидало прихода мессии, тем более, что предтеча христианских течений давно бытовала в народе. Египетский миф об Осирисе, Исиде и Горе в связи с этим рождением реанимировался прежде всего в сообществах посвящённых и обрёл звучание христианской троицы: Иосиф, Ма-

рия и Иисус. Матфей как человек, знающий тайнства, скрыто подчеркнул все детали этого исторического события. Эта же цель передалась и первым христианским иконописцам, изображение рождения Иисуса совпадало с зашифрованным откровением Матфея.

Эдриан Джилберт, анализируя традиционную сцену Рождества, выводит потрясающий гороскоп «провозвестника Новой эры». Поэтому я хотел бы его процитировать подробно.

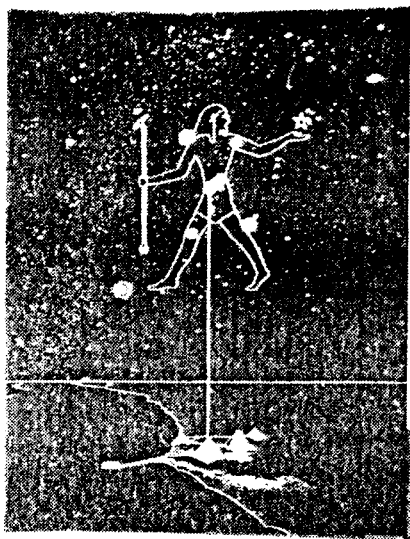
«Как мы уже видели, — пишет он, — у Марии и Иосифа есть звёздные аналоги; в макрокосмическом смысле они представлены соответственно звездой Сириус и созвездием Орион. Однако символизм здесь имеет гораздо более широкий смысл. По преданию, Иисус родился в хлеве — месте для животных. Это явно символизирует зодиак — «животную» тропу солнца, прокладывающего себе путь по небу. При рождении присутствуют, кроме Марии и Иосифа, два символических животных, пользующихся тем же «хлевом», то есть видимой частью зодиака: вол (Телец) и овца или баран (Овен). Присутствуют и три пастуха. Я полагаю, что ими являются три главные звезды, «указывающие путь» — Капелла, очень яркая жёлтая звезда в созвездии Возничий; Кастор и Поллукс — Близнецы. Древние наблюдали за всеми этими звёздами и определяли по ним время. Они восходят перед Львом (знак Иисуса — *И. К.*) и в каком-то смысле выступают его проводниками. Примечательно, что все они находятся выше линии эклиптики и севернее, нежели Орион и Большой Пёс (Иосиф и Мария). Таков, должно быть, смысл указания на нахождение пастухов «в горах», то есть к северу от события, откуда их призывают ангелы.

В традиционной сцене младенец Иисус лежит в «яслях» — в том месте, где животные получают корм. Слово же «Вифлеем» означает «Дом хлеба», и город этот находился в традиционных владениях племени Иуды. Каждое из древних племён Израиля было приписано к тому или иному из двенадцати знаков зодиака. Иудино колено было львиным племенем, и их «дом», соответственно, находился под покровительством Льва.

Другая яркая звезда — Процион находится посередине между Марией и младенцем Иисусом (Солнце в сближении с Регулом). Процион восходит чуть раньше Сириуса и после Ориона. Тем самым он ближе к Марии, чем Иосиф во время «родов». Примечательно, что Процион — это созвездие Малого Пса, связанное с Большим Псом как его меньшая или более молодая версия. Если Большой Пёс представляет Марию, тогда это созвездие должно быть девушкой. По всем этим соображениям я считаю, что Процион представляет собой «повивальную бабку», которая, судя по некоторым преданиям, была дочерью хозяина постоянного двора.

На рассвете видны только очень яркие звёзды, и здесь упомя-

нуты все они, находящиеся в данной части неба. Теперь остаются только планеты. Согласно магической философии, планеты являются богами нижних небес (то есть солнечной системы). Каждая из них покровительствует одной из «хрустальных сфер», окружающих землю. Считалось, что при рождении душа получает «дары» от тех планет, которые присутствовали при родах. Характер таких даров, как полагали, определяет способности и участь человека на всю предстоящую ему жизнь на земле. Поэтому было очень важно знать планеты, наблюдавшие за твоим рождением, то есть те, которые находились над горизонтом при твоём рождении, ибо они явятся богами, которые окажут сильнейшее влияние на новорождённого.

Если предположить, что Иисус родился 29 июля 7 года до н. э., на небе были видимыми три планеты: Юпитер и Сатурн в таком сближении, что они должны были выглядеть одной, очень яркой звездой, и Меркурий, который можно было наблюдать незадолго до зари как утреннюю звезду. Как Сириус представляет Марию, а Орион — Иосифа, так эти три планеты явно являются астральными аналогами трёх царей или волхвов из более позднего предания. Их дары — золото, ладан и смирна — симво-

лизируют соответственно богатство, духовную мудрость и долгожительство. Таковы дары, свойственные трём рассматриваемым планетам. Золото — Юпитеру, смирна — Сатурну и ладан — Меркурию» [8, 310].

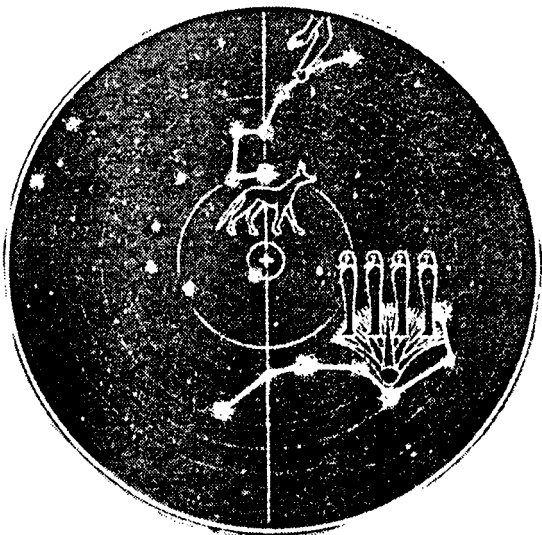
Празднование Рождества возникло позднее, и дату, отмечаемую христианами всего мира, установила церковь. Служители Римской церкви, чтобы привлечь поклонников, использовали множество укоренившихся среди населения империи языческих обрядов и традиций. Так, ими по политическим соображениям Рождение Иисуса было отнесено к 25 декабря. Это была дата начала нового года по римскому календарю, в этот день отмечался праздник римского и персидского языческого бога солнца Сола-Митры, а 6

января стал праздником волхвов. Но на самом деле эта дата соответствует крещению Иисуса Иоанном. Возможно, из-за того, что история крещения представляет глубокое значение для религии и по смыслу совпадает с действительным Рождеством, была выбрана эта дата.

Вот как характеризуется это в книге «Тайны волхвов».

«Нет... ничего удивительного в том, что в IX веке папа и другие отцы церкви пришли в ужас от мысли, что Иисуса изображали своеобразным квазифараоном только из-за его дня рождения (изображения

Исиды с младенцем Гором — *И. К.*). Но чего не понимали на Западе, так это того, что христианская тайна простирается даже дальше египетской. Во времена пирамид и позже считалось и принималось, что фараон, как последнее воплощение Гора Младшего, был «носителем Солнечного Логоса. Он был олицетворе-

нием разума Солнечной системы. Она была источником его силы, или харизмы, которая на еврейском языке называется «Барух», на арабском — «Барака» и на персидском — «Хварено» (на тюркском — «Кут» — *И. К.*). Знаками фараона были посох и цеп. Первый показывал, что он был добрым пастырем своего народа, а второй — что он был карой для своих врагов. Во время своего пастырства Иисус отказался от цепя и проповедовал, что человек должен любить своих врагов. Поступал он так потому, что в связи со случившимся с ним при крещении его заявленная власть была даже выше, чем власть Солнечного Логоса.

Особая роль Иоанна Крестителя состояла в том, что, с одной стороны, он, будучи последним в списке пророков из Ветхого Завета, был продолжателем традиции Илии; с другой стороны, —

как и фигура Ориона, он символизирует звёздное небо за пределами солнечной системы, место вне досягаемости Солнечного Логоса, попасть куда мечтали фараоны после своей смерти. Крещение им Иисуса означает вершину его посвящения в тайны, за пределы которых ещё никто не проникал. Для Иисуса это лишь начало. Матфей пишет:

«Тогда приходит Иисус из Галилеи на Иордан к Иоанну креститься от него. Иоанн же удерживал его и говорил: мне надобно креститься от Тебя, и Ты ли приходишь ко мне? Но Иисус сказал ему в ответ: оставь теперь, ибо так надлежит нам исполнить всякую правду. Тогда Иоанн допускает его.

И, крестившись, Иисус тотчас вышел из воды, — и се, отверзлись Ему небеса, и увидел Иоанн Духа Божия, Который сходил, как голубь, и ниспускался на Него. И се, глас с небес глаголющий: Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение».

Дух Божий, символизируемый голубем, — это Первичный Логос, стоящий над солнцем и звёздами. Это чистая и безусловная любовь, и в качестве таковой она лежит за пределами сотворённых миров. Эпизод на Иордане, второе рождение Иисуса с помощью Святого Духа, понимается как совершенно новое начало. Если он родился в хлеве с правами и привилегиями фараона, то сейчас он вышел за пределы своей судьбы, исполняя более великое предназначение, охватываемое не только соколом (символ фараона — *И.К.*), но и голубем».

Таким представил Э.Джилберт смысл истории крещения, на дату которого было перенесено Рождество.

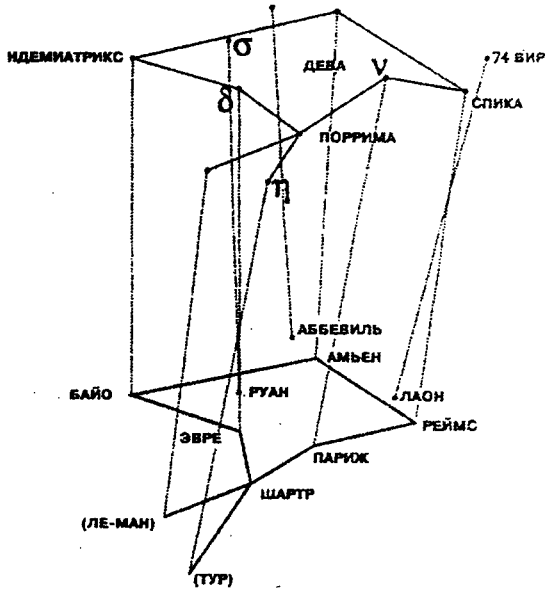
Точное время рождения прародителя чингизханской династии Борте-Чино нам неизвестно. По сходству мифологии мы знаем, что династия возникла в день рождения Гора на небе. Мы знаем дату рождения августейшего владыки Чингиз-хана, источники приблизительно указывают на 1155 год. Это время, видимо, абсолютно не случайно подвергнуто анализу Э. Джилбертом.

С начала нового тысячелетия христианская Европа жила библейским преданием о возвращении Иисуса Христа на землю. Европейские народы, объединившись, совершали крестовые походы на святую землю, чтобы освободить Иерусалим и подготовить престол для Мессии. Крестonosцы показали доселе невиданную жестокость не только по отношению к мусульманам, но и по отношению к восточным христианам и другим конфессиям. Их жестокость вызвала естественную реакцию: начались миграционные процессы. Э. Джилберт говорит о том, что в результате крестовых походов в Европу проникли и представители ранних тайных сооб-

ществ посвящённых. На Западе стали поклоняться всякого рода реликтовым культам ранних христиан: мощам волхвов, вещам, связанных с жизнью Иисуса и других пророков. К 1150 году, особенно во Франции, культ Приснодевы достиг своего апофеоза. Учёный находит поразительные подтверждения сведениям о проникновении в Европу эзотерических знаний Древнего Востока в книге Луи Карпентье «Тайны собора Шартре». В книге Карпентье это показано в астроархитектурной традиции, выразившейся в строительстве кафедральных соборов во Франции. Они, подобно египетским пирамидам, были спроектированы согласно звёздному небу, а, точнее, соответствуя рисунку созвездия Девы.

Египетские пирамиды строились на сравнительно небольшой территории вблизи Каира, а фигура Девы во Франции охватывала огромную территорию, включающую такие местности, как Шартр, Реймс, Руан, Байо, Париж.

Обратясь к помощи компьютера и программе «Скайглуб», Джилберт вывел дату, близкую к 1150 году, и обнаружил, что наиболее заметным созвездием на небе была Дева. Она всходила при заходе солнца, и особенно выделялась её крупная яркая звезда Спика. Этой звезде на земле соответствует знаменитый Реймский собор, который являлся местом коронования французских монархов. Астральное расположение соборов во Франции символизировало «Благовещение — выбор женщины для вынашивания будущего Мессии». Согласно форме выражения фигура Девы на земле указывала на то, что Мессией должен стать француз из монаршего рода.

Э.Джилберт полагает, что соборы северной Франции строились соответственно расположению созвездия Девы.

Как мы знаем, этого не произошло. Но Э. Джилберт не случайно коснулся этого времени: середина XII века характерна тем, что на Востоке появилась не менее знаменательная личность, чем фараон, потрясшая человечество на всё оставшееся тысячелетие.

Прежде чем окончательно перейти к теме своего исследования, я сделаю ещё одно отступление, которое поможет нам проанализировать некоторые исторические и фольклорные данные.

В книге «Тайны волхвов», особенно в приложении № 2 «Орион-охотник», много места уделено труду профессоров Жоржио Сантиллана и Герты фон Дехенд «Фабрика Гамлета», который посвящён теме воздействия астрономии на мифы народов мира. Я полагаю, что этот труд для Джилберта стал основополагающим для написания книги «Тайны волхвов», ибо из него взято немало фактов астрологического символизма в мифологии и литературе. У нас в стране немало изданных исследований о космологических представлениях, отражённых в фольклоре и литературе. Мифы многих народов корнями уходят в понимание природы и, конечно, в объяснение самого загадочного по сей день — звёзд и светил на небе. Э. Джилберт довольно часто иллюстрирует из названного труда различные трактовки созвездия Ориона. В легендах и преданиях многих народов, можно сказать — со времён возникновения человеческой цивилизации это созвездие привлекает внимание людей. Орион (греческое название — *И. К.*) ведёт себя столь загадочно, что стал одним из главных персонажей египетской, греческой, ираноязычной, да и всей европейской мифологии. Судя по использованию Э. Джилбертом материалов из труда западных профессоров, можно твёрдо сказать, что авторы сделали весьма ценные открытия для мировой науки. Я считаю, что они принесут немалую пользу для изучения мифологии и истории тюркских народов.

В ранних мифологиях Орион выражает бога, принёсшего цивилизацию на землю. В египетской — это Осирис; в греческой их несколько: это Орион — охотник за дикими зверями, приносящий благо людям, это и Тесей, убивающий Минотавра, и Самсон, убивающий грозного льва; в культуре Митры, который соблюдали персы и римляне, Орион — это бог, убивающий небесного быка.

Музеи Европы содержат сотнями копий скульптуры Митры, изваянной, по предположениям учёных, в III веке в Пергаме. Этот культ был самым популярным в Римской империи и сильно противостоял распространению христианского учения. Э. Джилберт опять-таки придаёт символике статуи астрологическое значение. И оно тоже примечательно. «Фигура Митры, изваянная, как считается, по образу и подобию Александра Великого, изображает Ориона, а его жертва бык — нашего старого приятеля Тельца.

Митра вонзает меч в сердце быка, и из раны текут зёрна пшеницы, возможно, изображающие Млечный путь. Эту «кровь» слизывает собака, изображающая, без сомнения, Большого Пса. Чуть сзади и в глубине стоят божественные Близнецы, которые в действительности являются следующим за Тельцом созвездием в зодиаке. Снизу к яичкам быка подбирается скорпион — знак, противоположный Тельцу и «покровительствующий» этой части тела. Таким образом, перед нами предстаёт астрономическая картина: созвездия, восходящие на востоке при заходе солнца в день рождения Митры — 25 декабря» [8, 381].

Митра-охотник убивает небесного быка ради спасения жизни на земле. Это основная земная идея данного учения. Хочется добавить, что этот сюжет мы встречали в рассматриваемом ранее шумерском сказании о Гильгамеше, где главный персонаж тоже убивает небесного быка. Видимо, астрологический символизм начался от наших шумеров.

В древних мифических сюжетах рядом с Орионом-охотником очень часто упоминается собака или собаки, олицетворяющие созвездие Большого и Малого Пса, а чаще одна из ярких звёзд этих созвездий Сириус.

Восход и заход созвездия Ориона и находящегося у его ног Сириуса или обоих созвездий Пса, поражали воображение людей с самых древнейших времён. Так, Сириус — в египетских преданиях Исида, в греческих Эос — это любимые в народе богини утренней зари. Ногайская мифология эту замечательную звезду из созвездия Малого Пса называет Самыр-юлдыз (Звезда Крылатой собаки). Возможно, так она именуется из-за всего созвездия.

У нас в преданиях говорится о какой-то целой цивилизации, существовавшей во вселенной до появления человечества. В своём романе «Книга отражений» я рассказывал об этом. Легенды о происхождении Аттилы, династии Ашины, прародителя Чингиз-хана Борте-Чины, Эдиге и других легендарных предводителей, а также ряд синонимических этнонимов: Кобек, Ногай, Барак, Буралкы, Кончак, Кучук, Эгер уносят наше сознание ко времени преклонения «фараонской» звезде Сириус.

В наших преданиях о происхождении народа и основателе династии мы находим не только соответствия, но и прямое указание на Собачью звезду. Немного странным кажется то, что сам Орион-охотник отсутствует. Наши легендарные предводители чаще рождаются после смерти отца. Это, в общем, соответствует как первоначальной легенде об убитом Осирисе, так и реальному поведению созвездия на небе. Орион, когда поднимается над горизонтом в дневные часы, остаётся невидимым в ночном небе. В Древнем Египте появление созвездия после периода невидимости имело глу-

бокое религиозное значение, оно означало воскресение Осириса. В греческой мифологии Орион ослеплён, и ему возвращает зрение богиня утренней зари Эос, попросив об этом бога солнца Гелиоса. Созвездие Орион бывает ослеплённым, т. е. его не видно на ночном небе тогда, когда оно проходит рядом с Луной.

Ногайцы, как и казахи, Орион называли Уш-архар — Три-архара. Я много размышлял над этим названием. В начертании созвездия Орион нет ничего общего с архарами, нет у нас и фольклорных преданий, где упоминались бы эти животные. Кажется, наши предки так называли созвездие вовсе не из-за архаров, утратился первоначальный смысл названия и осталось только созвучие. А изначально Орион назывался Ушар-каар, что означало Летящий-могучий, можно понимать и как Небесный могучий. Как бы Ушар-каар не являлся Небесным волком! (Карыскыр — один из синонимов волка). Правда, для такого утверждения мы не имеем достаточных оснований.

Очеловеченный образ земного Ориона-Охотника часто всплывает в нашем фольклоре. Ассоциации можно найти в родословных легендарных личностей. Ассоциированные образы Ориона, как и образа Сириуса, присутствуют в легендах о происхождении Эдиге. После изгнания со двора хана отец Эдиге — Кутлы-кая живёт в лесу и занимается охотой; Эдиге — младенца, родившегося от лесной женщины, вскармливает собака. Имя отца Эдиге Кутлы-кая имеет сакральное значение. Слово *кут* означает удача, харизма, а *кая* — скала, возможно, от древнетюркского слова кайчи — прорицатель, вещатель. Так что имя может прочитываться, как Вещатель Удачи, да и Скала Удачи — вполне сносное имя для Ориона.

У нас, ногайцев, мало данных о народной астрономии. Причиной тому факт, что не было учёных, специально занимавшихся этой темой. А сейчас народ потерял свою первоизданную стихию, прежде всего из-за колоссального изменения уклада жизни и частичной утраты богатства языка. Тем не менее, у нас сохранилось множество примет, поговорок, загадок, говорящих об астрономических познаниях народа.

Например, сохранилась примета о том, что нельзя показывать пальцем на звёзды и на луну. Помню, в детстве, если невзначай покажешь пальцем на звёздное небо, взрослые сильно ругали нас, заставляли покаяться в содеянном и прикусить палец, а затем, положив его на землю, три раза наступить на него ногой. Как нам объясняли, это было связано с тем, что у каждого человека на небе есть своя звезда и что нельзя на неё тыкать пальцем. Другая примета состоит в следующем. Когда появляется на небе полная луна, на диске виднеется изображение пастуха с ярлыгой (посо-

хом), якобы пасущего овец. На него тоже нельзя было указывать пальцем, т. к. пастух может подумать, что над ним смеются. (Эту легенду в прошлом году мне напомнила ученица средней школы из Терекли-Мектеба Фатима Аvezова, дочь моего друга, известного поэта Мурата Аvezова. Девочка на основе народных примет и преданий написала работу о космогонических представлениях ногайцев для конкурса и стала победительницей. Она должна была ехать в Португалию на всемирный конкурс подобных работ, но, как часто бывает у ногайцев, поездка не состоялась из-за отсутствия средств).

Не связано ли последнее предание с теми месяцами, когда Орион приближается к луне и исчезает с нашего поля зрения, а люди, зная, в какой области он затерялся, ищут его очеловеченный образ на диске светила?

Примечательно и то, что в Древнем Египте, да и в других мифологиях Орион ещё называли «пастухом всех людей». Все эти данные в нашем фольклоре говорят о том, что они являются какими-то отголосками большой человеческой цивилизации, где поклонялись Небу и главному созвездию Орион.

В рождении августейшего владыки Чингиз-хана тоже есть важная деталь, связанная с астрологическим символизмом. В древних источниках о его рождении сообщается: «Говорят, что когда он родился, то в правой руке сжимал сгусток запёкшейся крови, похожий на бабку» [7, 66]. Бабка, таранная кость по-монгольски *шагай*, по-ногайски *сака* (с ударением на последний слог) — это астрагал, о котором я говорил в предыдущих главах, главный альчик в детской игре, его заливают свинцом для утяжеления. В археологических раскопках древних курганов находили отлитые из бронзы альчики, в царской гробнице Древнего Шумера они были обнаружены из горного хрусталя. Слово *сака* означает главный. Кстати, так именуется самый северный тюркский народ якуты. Именно поэтому теперь она называется Республика Саха. От слова *сака* происходит слово *сакаман*. Так называют главного среди стариков, что является синонимом слову *тамада*. У нас много возможностей увязать название бабки *сака* с созвездием Орион, который египтяне называли *Саха*. Как мы знаем, астральная форма *Саха* очерчивала тело бога Осириса, главного бога Египта. В предании об Осирисе говорится о том, что Исида соединила разрезанное на куски тело мужа. Интересно то, что чисто визуальное контур созвездия напоминает контур бабки.

Необходимо вспомнить легенду о происхождении тюрков, где говорится о том, что тюркское племя произошло от волчицы и десятилетнего мальчика, которому враги отрубили руки и ноги. В ней тоже делается акцент на некоторую ущербность прародителя.

Рождение Чингиз-хана со «сгустком запёкшейся крови, похожим на бабку» и исследователями, и в самих источниках характеризуется так, что это было предзнаменование появления на свет кровожадной личности. На мой взгляд, в таком рождении определяющим является то, что младенец Темучжин (тогдашнее имя Чингиз-хана) в руке держал сака, бабку, и характеризует его первенствование в людской жизни. Была ли сака, бабка знаком Ориона или не была — этого мы можем и не доказывать, но то, что альчики имели сакральное значение

Родословная ханов.

Тюркские и ногайские предания увязывали рождение сына Неба - кагана - с Орионом и звездой Самыр (Сириусом).

в жизни кочевников, хорошо известно. Сын Эдиге, Нурадин, во время игры в альчики, в связи с падением сака на победоносную сторону (по-ногайски это называется айдан туьсти), принимает судьбоносное решение: надо отомстить за деда Тохтамыш-хану. В рождении августейшего владыки сака, как и в ногайском эпосе, стало знамение появления на свет мстителя за отца Есугай-багатура и за главного хана монголов Амбагая. А если придать всему этому астральное значение, то такое знамение означало, что Небо-Тангри вмешалось и определило его главенствование.

Небесное происхождение правителя древним необходимо было для идеологического обоснования верховной власти. Вера в сакральность царя, носителя космологических функций существовала у всех монархов с древнейших времён. У древних тюрков ханская власть — основа вечного эля (государства) тоже не возникала сама по себе, она появлялась по велению Неба, по велению Тангри. Исследовательница Т. Д. Скрынникова в своей работе «Представления монголов о сакральности» приводит цитаты главным образом из «Сокровенного сказания» о том, как Чингиз-хан пользовался расположением Неба, т. е. Тенгри. В монгольских преданиях, как и в тюркских, так и в ногайских, Тенгри совмещает значение Бога и Неба. Вот ряд таких цитат:

«Небо с Землей сговорились, нарекли Темуджина царём царства», «Само Небо хранило его», «Когда же с помощью Вечного Неба, будем преобразовывать всенародное государство» и т. д. [10, 80].

Т. Д. Скрынникова приводит ряд характеристик восточных и европейских авторов, тоже подчёркивающих эти традиционные представления кочевников. Из «Путешествия в восточные страны Плана Карпини и Рубрука» (1957 г., стр. 28): «Они веруют в единого Бога (интерпретация понятия «тэнгри». — И.С.), которого признают творцом всего видимого и невидимого, а также и признают его творцом как блаженства в этом мире, так и мучений». То же самое встречается в китайских источниках («Мэн-да бэй-лу», написанное в 1222 г.): «Чингис... почитает Небо и Землю»; «В первый день первой луны (они) непременно поклоняются Небу. То же самое делают в (праздник начала лета) чун-у». «В их обычае больше всего чтить Небо и Землю. По каждому делу (они) непременно упоминает Небо» [там же].

Исследовательница обращается также к тюркской традиции и находит один из источников сакральности ханов в знаменитых древнетюркских рунах в крылатой фразе правителя Тангыкока:

*«После этого по велению Неба,
Так как у меня было счастье, удача (кут),
Я поднял к жизни готовый погибнуть народ!»*

Затем в этой работе Скрынникова выделяет сакральные субстанции харизматического свойства, что я считаю очень примечательным для анализа. Я давно хотел поразмышлять над внутренними божественными свойствами отдельной личности. Исследовательница определяет сакральность царской власти терминами «гений хранитель», тюркский «кут», монгольский «суу заль». Именно об этих показателях избранности, одарённости августейшего владыки, в нашем обществе не заводили речь. Харизма хана притягивала к себе силы Неба и влияла этими силами не только на свой род, окружение, народ, но распространялась и за пределы своего народа, передавалась потомкам. Хан был посредником между Небом и миром. Наши предки считали, если закончится кут, эта личность не может править народом. Но, если есть кут, харизма, опять-таки — данная Небом, то он становится великим человеком. Существовавший культ предков базировался на идеях харизмы. Чтобы сохранить и обеспечить преемственность сакрального значения ханской власти, воздвигались курганы, аллеи славы, ставились стелы, каменные изваяния, слагались эпические песни. Особенно плодотворно воздействовало на потомство

песенное творчество. К этому искусству привлекались люди одарённые, зачастую они являлись прорицателями, знавшими культовые таинства. Об августейшем владыке Чингиз-хане при жизни сочинялись легенды и предания, т. к. культовая элита выполняла не только функции защитника, охраняла его от наговоров, злых духов, напастей, благословляла на дела, но и всячески старалась способствовать увеличению его могущества и славы.

В преданиях о Чингиз-хане я обратил внимание на ряд красочных эпизодов, в которых авторы подчёркивали персонифицированные дарования и, как это проявилось в его родословной, выделяли богоизбранность Чингиз-хана для свершения великого деяния.

В детстве, когда родственники тайджигуты захватили его в плен, он сбежал от них с колодкой на шее. Надо отметить довольно интересную деталь: древние авторы отметили в мальчике Темужжине свойство, присущее немногим людям. В «Алтан тобчи» (да и во всех предшествовавших источниках) есть такой эпизод: «Когда человек, упустивший (Темужжина), закричал во весь голос: «Я упустил человека с колодкой!» — то тайчжигуты, которые уже было разошлись (после пира — И. К.), вернулись и при яркой луне, словно (это было днём), стали искать (его) в лесу на Ононе. В то время как его искали, он лежал в заводи; сулдусский Торган Шира прямо направился (туда), увидел (Темужжина) и сказал:

*«На воде нет всплеска,
На небе нет следа, —
куда же ты ушел? Свои родственники точат (на тебя)
зубы, они приближаются. Лежи тихонько. Из-за вот этой
(твоей) сообразительности, потому что
в глазах твоих огонь,
в лице твоём блеск
они тебя и разыскивают. Ты так и лежи. Я не выдам».*

Мы встречаемся с характеристикой сакрального свойства, это одно из первых напоминаний о том, что Темужжин находился под «великого благоденствия пламени покровительством». «В глазах огонь, блеск на лице», — это, как правильно заметила Т. Скрынникова, говорит о куте, как о внутренней жизненной силе, страсти, харизме — это образ фарна в иранской культуре, это и образ нимба в христианстве.

В подтверждение этих, можно сказать, косвенных характеристик есть прямое указание на его божественную судьбу. Какие-то высшие откровения юноша обретает на святой горе Бурхан-Халдун. Это произошло при нападении вражеского племени меркитов.

Они, преследуя Темучжина, три раза обошли гору, но найти его не смогли. Во время этого бегства от преследования у него происходит важный перелом в жизни. Так это звучит в старинном предании:

«На Бурхан-Халдуне

Жизнь моя, что не больше, чем вошь,

Была спасена.

На Бурхан-Халдуне

Жизнь моя, что не больше, чем ласточка,

Была защищена.

Отныне каждое утро я буду приносить жертву Бурхан-Халдуну; каждый вечер я буду призывать его; *да помнят (об этом) потомки потомков моих».*

Говоря так, повернулся он к солнцу и, повесив свой пояс себе на шею, положив свою шапку себе на руку, ударяя в свою грудь рукой, преклонив девять раз колени, совершил он поклонение в сторону Бурхан-Халдун» [7, 86].

На этот необычный образец поклонения духу горы неоднократно обращали внимание в научной литературе. Этот обряд августейший владыка совершал и перед решающими битвами своего войска. Меня же привлекло и сказанное с большим намёком обращение: «...да помнят потомки потомков моих». Видимо, в этой крайней пограничной ситуации, когда жизнь находилась на волоске от смерти, произошли какие-то духовные метаморфозы. Какие? Возможно, что специально скрыты посвящёнными авторами, чтобы не допускать всякого к сокровенным помыслам августейшего владыки.

Посвящённые в таинства кочевнических культов знали, что избранный Небом должен возвышаться. Он не должен быть понятым до конца.

В ранних преданиях есть ещё один странный эпизод, который пересказывается всеми авторами. На него обратил внимание и Л. Н. Гумилёв. Отец августейшего владыки Есугай-багатур, оставляя Темучжина в кочевье конгратов, попросил своего свата: «Побереги моего мальчика от собак. Он их очень боится». Мародёры-учёные не преминули использовать этот факт против августейшего владыки, и с лёгкой руки крупного учёного В. Бартольда подчёркивали, что раз будущий завоеватель боялся собак, среди его отрицательных чертах характера трусость занимала чуть ли не главное место. Великий учёный Л. Н. Гумилёв, чувствуя неестественность этого эпизода, решил более правдоподобно объяснить данную деталь. «Это последнее было несколько необычно, — пи-

шет он. — Страшные волкодавы, охраняющие овец, никогда не трогают детей. Монгольский мальчишка одним взмахом широкого рукава запросто разгоняет лающую свору псов. Предупреждение Есугая говорит о повышенной нервозности Темучжина, часто сопутствующей развитому воображению и предприимчивости. С годами такая нервозность подавляется волей и рассудком, благодаря чему не приносит ущерба» [1, 410].

Ещё в 1973 году, когда я приобрёл книгу «Алтан тобчи», я обратил внимание на это место. Под влиянием советской науки я тоже никак не мог объяснить себе этот эпизод. Тем более он странный для народного предания, для эпического рассказа, где всё шлифуется и грозный правитель должен быть преподнесён соответственно. Даже объяснение Л. Н. Гумилёва не совсем убедительно, т. к. выпадает такая характеристика из общего контекста произведения, в котором рисуется образ победоносного завоевателя. Разгадку я нашёл позднее. По ногайским приметам собака чувствует оборотня, колдуна, человека с сакральными свойствами. Они нападают на таких людей. Видимо, посвящённые авторы это имели в виду, и это ещё один засекреченный намёк на феномен августейшего владыки.

Такой образ хана прежде всего был необходим для членов самой династии, среди непосредственных родственных племён, которые должны были аккумулировать его энергию для распространения вокруг. Кроме присутствия духа, жизненной силы, нужно было подтвердить, что высшие силы возвышают хана и его власть незыблема. Такое самоутверждение власти являлось залогом объединения всей территории Монголии и всех народов, живших за войлочными стенами. Прежде всего, среди своих должна была культивироваться идея консолидации всех кочевников вокруг идеального хана. Чингиз-хан ясно понимал это и до конца дней боялся предательства среди своих близких родственников, а также близких монгольских племён. Исторические предания пронизаны этим его беспокойством.

Объединение Монголии проходило в очень сложных условиях. Все молодые годы Темучжина ушли на укрепление своего рода и объединение своего племени. Не последнюю роль в этом деле сыграла семья шамана Кокочу. По некоторым сведениям отец Кокочу Менлеке (по «Секретной истории монголов» Менглик-эчиге) «первый обласкал 13-летнего сироту Темучжина». Умирая, отец Есугай поручил ему присматривать за семьёй. Менлеке в юрте Чингиз-хана «садился выше всех», т. е. на самое почётное место. Кокочу был андой, названным братом Темучжина, поэтому их связывали более чем родственные связи. Кокочу, обладая могучим даром кама, нес охранные функции для семьи и являлся главным

вдохновителем создания ханства. Он одним из первых пророчествовал о том, что Темучжин станет каганом всех народов. Когда Темучжин подчинил себе племена Монголии, он стал инициатором наречения нового хана именем Чингиз-хан. Самому Кокочу было дано имя Теб-Тенгри. Как объясняет Е. И. Кычанов, оно означает «восходящий на Небо», т. е. «посредник» между Чингиз-ханом и Великим Вечным Небом» [7, 95].

Но есть в источниках и другое прозвище у кама, это имя Бут-Тенгри, которое можно перевести как Волк-Тенгри. Это прямое указание на то, что могучие камы могли превращаться в крылатого волка или крылатую собаку и добираться до пределов небесных сил. Он наводил на окружение страх, вызывал восхищение. Обладая необычными свойствами, Кокочу голый сидел на снегу, исторгая пар; и, как говорилось ранее, он мог наслать бурю на вражеское войско. После возвышения Чингиз-хана отношения между андами обостряются, источники указывают на то, что Кокочу сам стал отдаляться от августейшего владыки и строить козни против его семьи. Возможно, он стал жертвой каких-то интриг между братьями, но для утверждения этой мысли необходимо тщательное исследование... В результате из-за своих дерзостей Кокочу был убит. Этот факт одинаково изложен и в «Секретной истории монгол» и в цитируемой мной «Алтан тобчи» [7, 95].

Когда подверженный издевательствам Кокочу Отчигин по подказке своего брата Чингиз-хана при помощи трёх силачей переломил позвоночник каму, августейший владыка боялся, что за содеянное придёт наказание. Он велел поставить над умирающим дорожную юрту (отау — *И. К.*). А так как у степняков предсмертные проклятья считались самыми страшными, то постарался быстро уйти с места происшествия.

«В дорожной юрте, — пишет автор «Алтан тобчи», — поставленной над Тэб-Тенгри, прикрыли дымовое отверстие, закрыли двери, и слугам было велено охранять её. На третью ночь, когда день (погас и взошёл месяц, сам собою) открылся дымник (над юртою. — *И. К.*) и появился он сам. Когда внимательно разглядели, то, действительно, это был Тэб Тенгри. Там его внимательно разглядели (*Курсив мой. — И. К.*), после чего Чингиз-каган сказал: «Так как Тэб Тенгри заносил руку на моих младших братьев, возводил клевету на моих младших братьев, то он перестал быть любим Небом и жизнь его вместе с телом была взята!» [7, 200].

Опять мы встречаемся с текстом эзотерического свойства, обратите внимание на подчеркнутую мною строку: «...там его внимательно разглядели». Где там? И кто? В потустороннем мире, с которым общался и сам августейший владыка. По преданию Ко-

кочу стал тягаться на равных с каганом, привлекать его людей и настраивать против него, унижать родных братьев. Мне же кажется, что есть ещё какие-то мотивы этого разрыва. Потому что инцидент с Кокочу тоже вызывает недоумение. На это обратили внимание почти все исследователи. Например, Е. И. Кычанов так пишет об этом: «Остаётся неясным, какие силы стояли за Кокочу. Были ли это нукеры и нойоны, которые ещё десять лет назад сражались на стороне соперников Чингиса в борьбе за власть, или это была новая оппозиция. Очевидно, что помимо суеверного страха, внушаемого личностью Тэб-Тенгри, и притязаний Кокочу на власть за его спиной стояли силы, позволившие ему через четыре года после Великого курылтая оспаривать власть у великого хана Монголии». Приблизительно такие вопросы ставят и другие учёные.

Размышляя над этим, я пришёл к выводу, что виною для разрыва стала несколько иные взаимоотношения... При первой победе неизвестного Темучжина над меркитами к нему явились одни из первых его сподвижников, в основном отошедшие от анды Чингиза Джамухи, претендента на ханство (впоследствии все они станут первыми людьми в государстве). Среди прочих обращает на себя внимание представитель родственного племени барын Хорчи и его спутники Усун, Гоа, и Коко Чос. Этот эпизод так преподносится в памятнике литературы:

«Хорчи, прибыв, сказал: «Мы родились от женщины, взятой самим Боданчаром (Алун-Гуа — *И. К.*), мы с Джамухой из одного чрева, единого рода. Я не хотел отделяться от Джамухи. *Была нам знак* (подчёркнуто мной — *И. К.*), мы видели своими глазами. Пришла красная корова и стала ходить вокруг Джамухи, бодать его юрту на повозке и бодала самого Джамуху. Она сломала себе один рог и стала однорогой и (всё) мычала и мычала в сторону Джамухи: «Отдай мой рог!», всё раскидывала и раскидывала землю. Рыжеватый бык, привязанный к повозке с большой юртой (видимо, ханской орде — *И. К.*), поднял и потянул её, идя (вслед) за Темучжином по широкой дороге, и (всё) мычал и мычал, приближаясь к нему. Небо соединилось с Землёю, и мы сказали: «Да будет Темучжин владыкой народа!» (Весь) народ приведём к тебе. Знамение это я видел своими глазами. Это было нам указание (свыше). Темучжин, когда ты станешь владыкой народа, какую службу мне назначишь за то, что (я рассказал) о знаменнии?» [7, 98].

Можно утверждать, что это какой-то зашифрованный текст, это не видение во сне, а какое-то коллективное наблюдение. После прочтения вышеуказанного текста становится ясно то, что все спутники Хорчи были прорицателями. Сам Хорчи впоследствии был отблагодарён Чингиз-ханом: за это предсказание он был возведён в нойоны и, как сам просил, был одарён тридцатью красивыми де-

вешками. Впоследствии он исчезает с поля зрения авторов преданий. Остаются Усун, Гоа, Коко Чос. О том, что последний причастен к астрологии, становится известно из его характеристики монгольской степи до воцарения каганом августейшего владыки: «Звёздное небо поворачивалось — была всенародная распря. В постель свою не ложились — все друг друга грабили. Вся поверхность земли содрогалась — всецветная брань шла. Не прилечь под своё одеяло — до того шла общая вражда» [7, 77]. Не было ли дано первое знамение о восхождении Темучжина на ханский трон на звёздном небе? Для этого имеются все предпосылки, но это надо доказать с точки зрения астрологии, а такими данными я не располагаю.

Тому, что Коко Чос говорил о каких-то важных изменениях на звёздном небе, связанных со всенародной распрей, враждой, войнами, имеются довольно веские подтверждения как на Западе, так и на Востоке. В конце XI — XII веков в мире происходили кровавые события. Крестоносцы, захватив Палестину и Константинополь, зверствовали на Ближнем Востоке, сельджуки основали государство в Малой Азии, наёмники хорезм-шаха огнём и мечом устанавливали жестокие порядки в Средней Азии, Иране, Закавказье, североевропейское рыцарство стремилось на Восток, сделало плацдармом Ригу для продвижения католичества.

Став каганом всей Монголии, Чингиз-хан даёт высокий титул бэки (бек) старцу Усуну. «Теперь, когда его возвели, — говорит августейший владыка, — пусть он ездит на белом мерине, пусть носит белую одежду, пусть его сажают на верхнее, почётное место...» О том, что для Чингиз-хана мнение этих порицателей имело первостепенное значение, подтверждает ещё одно его высказывание: «Эти четверо не утаивали услышанного и увиденного, не скрывали, не зажимали, а всегда указывали». Ясно, что такого возвышения Усун удостоен в том числе и за самое первое предсказание, сделанное им вместе с Хорчи.

А почему «на верхнее, почётное место» не посажен анда августейшего владыки, верховный жрец Кокочу? Может быть, вся причина разрыва заключается в том, что анда и самый близкий сподвижник хана Кокочу не мог согласиться с возвышением Усуна, с тем, что роль самого почётного придворного предсказателя отдаётся пришельцу. Тогда становятся понятными все дерзости анды: попытка рассорить августейшего владыку с родным братом Хасаром, якобы претендовавшем на ханский престол, унижение младших братьев Чингиз-хана, призыв на свою сторону недовольных ханской властью. Всё это он делал наивно и неприкрыто, как и подобало обиженному близкому человеку, тем более — выросшему на руках матери августейшего владыки. Из-за своей близос-

ти к ханской семье Кокочу и в мыслях не допускал своей гибели. Возможно, умерщвление верховного кама было организовано Усуном и его окружением.

Указывая на Усуна, Гоа, Кока Чоса, августейший владыка в наставлениях старшему сыну Джучи повелевает: «...не имея их согласия, ничего не делайте». Есть все основания полагать, что эти прорицатели, подобно волхвам из Персии, навестившим младенца Иисуса в Вифлееме, были из посвящённых в таинства других миров и прибыли с Запада. На эту мысль подталкивает и то, что родственник Чингиз-хана Хорчи выпадает из этой группы, и то, что он прикрепляется к старшему сыну и отправляется в западный поход.

По этому поводу у меня есть несколько предложений. Первое: не означает ли странное имя Усун название огузских прорицателей узан? Усун мог быть жителем Хорезмского государства, где преследовали представителей немусульманских верований...

События в Монголии притягивали взоры многих культовых сообществ. Ещё до всемирных завоеваний Чингиз-хана в тибетских сочинениях появилась запись: «Хорский Чингис делается согским царём» («хоры» — монголы, «сог» — тибетское название кочевников (из указ. сочинения Е. И. Кычанов, со ссылкой на Васильева). Усун и его товарищи могли прибыть и из таинственного Тибета, прародины эзотерических сообществ.

Немалый интерес к Монголии проявляли и христианские государства в Малой Азии и Европе. Л. Н. Гумилёв, опираясь на изыскания французского историка Рене Груссе, сообщает нам о том, что в европейской литературе Средневековья уделено пристальное внимание загадочному пресвитеру Иоанну, живущему на Востоке и правящему царством кочевников. Л. Н. Гумилёв думает, что пресвитером Иоанном могли называть правителя найманского государства хана Инанча. Многие учёные предполагают, что по созвучию с китайским титулом Ван Иоанном называли киреитского правителя Тогрул-хана.

Христианство проникало на Восток с самого раннего времени возникновения. И если распространение христианских течений ранее было незначительным, то преследуемые официальной церковью несториане с конца IV века обретают для себя благодатную почву в восточных государствах. В таких крупных городах, как Багдад, Мерв, Самарканд, Каракорум обосновывались несторианские епархии. Благодаря миссионерской деятельности сирийских монахов в древнем Китае несторианство укрепилось с 635 года. Охотно восприняли эту религию и уйгуры, их государство просуществовало до 847 года. В связи с распространением буддизма и конфуцианства с 845 года в Китае стали изгонять всех христиан. К

1000 году несторианство исчезло из Китая, но сами несториане нашли приют на Севере, среди тюркских и монгольских племён.

Христианство с древнейших времён распространялось в городах и поселениях, расположенных вдоль Великого шёлкового пути. Так оно проникло к исповедующим манихейство уйгурам и оседлым племенам гузов (огузы, этноним происходит от ногайского слова ууз — род, родство, молозиво). Какая-то часть найманов тоже стала поклоняться Иисусу Христу, но каким способом эта вера проникла к ним и в какое время, история нам не говорит. Почти доподлинно известно, что мощное степное государство киреитов приняло несторианское христианство в 1009 году. Л. Н. Гумилёв сообщает, что одно боеспособное население киреитов составляло около 200 тысяч человек. По легенде, приводимой учёным, киреитский хан заблудился в пустыне и, когда он уже отчаялся найти дорогу, к нему явился христианский святой Сергей и указал спасительный путь. Хан крестился и взял себе христианское имя Маркуз (от Марка). Видимо, ещё раньше несторианство приняли ближайшие соседи Китая кочевые онгуты, потомки воинственных тюрков-шато.

Для моего изложения особенно важно то, что эта религия распространялась среди кочевников. Об этом свидетельствуют не только описания исторических лиц, характеризующие их принадлежность к данной религии. Например, довольно примечательно сообщение о запросе кочевников насчёт христианского поста. Этот запрос был послан несторианскому митрополиту из г. Мерва. Митрополит в свою очередь запросил несторианского патриарха в г. Багдаде, на что Иоанн VI ответил киреитам, что степняки должны воздерживаться от мяса, а все остальные продукты могут употреблять (Л. Н. Гумилёв, указ. сочинение).

И всё же я никак не могу утверждать, что среди кочевников христианство было массовым явлением. Даже приведённые Л. Н. Гумилёвым аргументы недостаточны для таких утверждений. Хотя и есть сообщения, что некоторые представители знати найманов были в лоие христианства, а некоторые даже сознавались, что они твердят молитву: «Абай-бабай» («Отче наш»), трудно поверить в их искреннее христианство. Так, у убитого киреитского Оигхаи (Тогрул-хана) найманский правитель отрубил голову и, залив её серебром, возил с собой и совершал над ней языческие обряды. Кошунственнее этого обряда для христианина и не придумаешь. Я думаю, что даже у официально заявлявших о своей приверженности христианству кочевников вера была половинчатой. Необходимы были века для вытеснения из сознанияномада образ Тангри. Да, они могли почитать Иисуса, но он, видимо, считался в одном ряду с представителями тенгрианского пантеона. Человеческая

сущность Иисуса на земле и божественная — на небе вполне устраивала тенгрианство. Впрочем Иисуса, как пророка, не отрицает и мусульманство. Хотя мусульманство среди кочевников внедрялось насильственно, между насаждаемой религией и тенгрианством было основополагающее сходство. Вездесущий Аллах во многих своих функциях и предназначениях был тождественен вездесущему Тангри. Мусульманские проповедники на протяжении многих веков боролись с мифологией, демонологией и суевериями кочевников. Однако основополагающий момент был решён просто. Кочевнику не возбранялось назвать Аллаха Тангри, а чаще, вплоть до XX столетия, все в прошлом кочевые тюрки главное божество называли Аллах-Тангри.

Европа была полна слухами о христианских царях на Востоке, но самые верные сообщения о вере кочевников дают известные путешественники и агенты церкви Марко Поло, Платано Карпини, Вильгельм Рубрук. Они категорически отвергают массовое распространение христианства среди кочевников. Платано Карпини о боге номадов говорит следующие слова: «Они веруют в Единого бога, которого признают творцом всего видимого и невидимого, а также признают его творцом как блаженства в этом мире, так и мучений, однако они не чтут его молитвами, или похвалами, или каким-нибудь образом.»¹ Давая эту характеристику, он делает интересные дополнения о поклонении кочевников солнцу, луне, огню, воде и земле, а также и о том, что они «начатки пищи и питья» посвящают своим божествам. Тут надо заметить о том, что ногайцы, несмотря на то, что рано приняли мусульманство (XIII в.), вплоть до последнего времени не прекращали поклоняться солнцу луне, огню, воде и земле, это сохранялось в виде суеверных обрядов и в приметах. Как говорилось, имя Тангри было синонимом имени Всевышнего Аллаха. В описании Карпини мы тоже видим, что космогонический образ Тангри по многим признакам близок к мусульманскому богу. Что ещё раз даёт обоснование тому, почему ислам стал массовой религией в Великой степи. Но в рассматриваемый мной период, во времена Чингиз-хана, мусульманство также ещё лишь проникало на Восток, до его укрепления было далеко...

Приводимая Л. Н. Гумилёвым характеристика из армянских летописей подчёркивает существенную разницу между древней религией кочевников и известными религиозными конфессиями, в том числе и мусульманской. Это следующие слова: «... таттары знают единого вечного бога и призывают его имя, но это всё. Они не молятся и не удерживаются от грехов ради страха Божьего». Эта характеристика, как мне кажется, наиболее точная. За содеянные грехи номада наказывал хан, согласно Великому Ясаку. Кочевник не уповал на всевышнего, не обременял его своими проблемами.

За грехи, поступки и проступки надо было отвечать в этой жизни — это обстоятельство тоже подчёркивало прямолинейный характер степняка...

Возвращаясь к вопросу о христианстве, хочется сказать о том, что почти все тюрки: и на западе, и на востоке, пробовали поклоняться Иисусу. И лишь у гагаузов и у казаков, ныне обрусевших, эта религия сохранилась до последнего времени. Кстати, тому, что киреиты когда-то соприкасались с христианством, есть подтверждения и в ногайской словесности. Об одном из родов киреитов у нас говорят, что они когда-то пасли свиней («шошка баккан кирейтлер»), это выражение связывают с трудностями киреитов-мухаджиров в Абхазии, во время их возвращения из Турции в середине XIX века. Однако эта характеристика, кажется, — отзвук христианских верований киреитов в начале второго тысячелетия.

В преданиях об августейшем владыке его ближайшие родственники тайджиуты имеют прозвище джургены, в других переводах это звучит как юргены, сокращенно их называют джурками, юрками. Такое прозвище возникло из-за того, что тайджиуты были приверженцами святого Георгия. Одни ранние тюрки этого святого называли Кор-оглы, другие Джарган, Джурген, Юрген, от этого пошли тюркские имена: Джура, Джора, Шора, Юра и многие другие. По-моему, почитание этого персонажа сложилось задолго до возникновения христианства. Об этом ещё будет сказано...

Великая Степь никогда не была захолустьем, а напротив, во все века была оживлённым транзитным путём и соединяла Запад и Восток. Люди с Запада несли идеи, всевозможные открытия, технические изобретения, и наоборот. Когда этому органичному общению ставились препоны, то накапливалась человеческая энергия и искала выход в международных войнах...

Поэтому, по поводу происхождения загадочного Усуна, открывается широкое поле для размышлений. Он и его окружение могли явиться и из Средней Азии, и Ближнего Востока, и даже из европейских стран. Он и его окружение могли представлять как самобытные эзотерические общества, так и быть тайными агентами закрытых христианских и мусульманских орденов.

Вместе со многими нововведениями в организацию государства, с обретением имени Чингиз-хана великий завоеватель нарёк свой народ Кёк-монголами. Есть разные толкования по поводу названия Кёк-монгол (Синяя Монголия). Существует мнение, что этот народ назван по традиции тюрок, т. к. синий цвет всегда был синонимичен понятию восточный (Трепавлов, Конов). Известный учёный В. Трепавлов так характеризует этот факт: «Чингиз-хан же объединил все монгольские племена, все они стали «Коке». Если трактовать это понятие как «восточный», то можно предпо-

ложить наличие и западных подданных. В степях к западу от монгольских кочевий проживали тюркоязычные народы, и получается, что именно их земля расценивалась в качестве второй части будущей державы». Предположение Трепавлова убедительно. Коьк — по-тюркски, по-ногайски ещё означает Небо, в связи с этим значением нельзя отрицать и второе предположение и самого Трепавлова и других учёных, что такое название государства связано с «указанием на упорство и твёрдость» в понимании «знака на небесное покровительство».

Эту мысль я хотел развить ещё одной существенной деталью. Ногайцы монголов называют Маигул. Расшифровка этого этнонима весьма интересна для начатого ранее разговора. Это двухсоставное слово: манги — ул. Манги — на нашем языке означает предрассветный час, есть устойчивое выражение: танг манги — заря предрассветного часа, время благодатного решения. Кроме того, слово *манги* означает вечность. Вторая часть слова *ул* означает сын. Из этого следует, что этноним манги-ул — это сыновья предрассветного часа, сыновья вечности. Я думаю, что такое объяснение глубоко символично и сближается с легендой о прародительнице монаршего рода Алун-Гуа. Название Коьк Монгол, вдвойне подчёркивает значение народа, начавшего небесную миссию.

Для подтверждения данной мысли можно привести название высшего божества в древних источниках: «Манки (манги — *И. К.*) Коке Тенгри», это выражение переводят как «Вечно Синее Небо», но точнее будет перевод: «Вечное Небо Тенгри». При избрании Темучжина ханом всей Монголии на Великом Курултае в своей ответной речи августейший владыка произносит такие слова: «Манги-Кёке-Тенгри повелело мне править всеми народами. Покровительством и помощью Неба я сокрушил род керитов и достиг великого сана. Моими устами говорит Манги-Кёке-Тенгри. В девятиножное белое знамя вселяется гений-хранитель рода Чингиса, это «сульде» — знамя будет оберегать его войска, водить их к победам, покорит все страны, потому что Вечное Небо повелело Чингис-хану править всеми народами. Чингис-хан царствует «Силою Вечного Неба». (Манки-тенгрин-кючюн-дур)» [11. Со ссылкой на Владимирцева Б.Я. В скобках монгольское выражение: *Силою Вечного Тенгри* явно свидетельствует о большом наличии тюркских слов в древнем монгольском языке].

В. Бартольд, ссылаясь на «Хрестоматию...» Шефера, приводит один пример из жизни Чингиз-хана: «Часто, даже в новейших научных трудах, передаётся рассказ о том будто Чингиз-хан при взятии Бухары (1219 г. — *И. К.*) обратился к народу с минбара одного из молитвенных домов (мусалла) с речью, в которой назы-

вал себя божьей карой, посланной людям в наказание за их грехи». Крупный учёный сомневается в подлинности такого эпизода, т. к. при сопоставлении с данными трёх других историков, описавших взятие Бухары, этого факта он не находит. Если мы будем брать за основу гипотезу о ранней связи августейшего владыки с Ближним Востоком, то этот факт вполне может быть реальным, т. к. сама идея совпадает с задачей фараона в древних трактатах. Пастырь и каратель своих врагов, Сын Неба собрал народы в одну державу и покарал людей за содеянные грехи — эту глобальную задачу выполняли все величайшие завоеватели. Аттила тоже был бичом карающим. По большому значению — это даже задача Мессии.

Приход сильной личности в эпоху обскурантизма был необходимостью для людей. В этот период человечество больше нуждается в исполнителе божьей кары, чем в учителе-наставнике. Я думаю, что посвящённые покровительствовали августейшему владыке прежде всего из-за выполнения этой нелёгкой божественной миссии.

История Чингиз-хана изложена в «Секретной истории монголов», составленной через 13 лет после его смерти. Затем это произведение неоднократно было использовано историками, анонимными авторами средневековья. В XVII веке оно было обработано буддистским монахом Лубсан Данзаном, и большая часть пересказана в его сочинении «Алтан тобчи» («Золотое сказание»). «Алтан тобчи» написана на монгольском языке. Сама «Секретная история монголов» сохранилась на китайском языке, но есть почти доказанное предположение (П. Пелио), что существовал монгольский подлинник, написанный уйгуро-найманским алфавитом. Дата написания оригинала относится к 1240 году, лишь во второй половине XIV века летопись была переведена на китайский язык потомками Чингиз-хана, правящими в Китае. В «Алтан тобчи», которую я цитирую, в основном выбираются те места, где имеется точное воспроизведение древнего текста «Секретной истории монголов». К счастью, издательский коллектив главной редакции восточной литературы проделал сравнительный анализ книг.

Учёные Н. П. Ша стина, Е. И. Кычанов утверждают, что «секретной» или «тайной» эта история называлась потому, что предназначалась «только для членов ханского рода как заповедная история и хранилась в ханской сокровищнице, недоступной для остальных». Мне думается, что «Секретной...» она называлась и из-за эзотерических свойств текста и предназначалась не только для членов ханского рода, но и «для тех, кто понимает». После прочтения текста становится очевидным, что и сам августейший владыка был одним из посвящённых в таинства мироздания. Первый

известный историк жизни Чингиз-хана Ата-Малик-Джувеини в своём сочинении «История завоевателя мира» так и записал, что его деяния были «выполнением божественной воли».

У нас, ногайцев, о таких личностях, как августейший владыка, говорят, что они отмечены звездой: «Тобесине юлдыз тийген». (Буквально — «Его головы звезда коснулась»). Такие рождаются раз в столетие, а может быть, и в тысячелетие...

ПУСТЬ ПРОЧТЁТ ВЕЛИКИЙ НАРОД

Историки и на востоке, и на западе много постарались, чтобы очернить татаро-монголов и особенно — имя августейшего владыки. Редко кто пытался отобразить исключительные способности Чингиз-хана в военном искусстве, в умении объединить народы сорока государств¹. В большинстве сочинений факт возвышения его личности преподносится как дело чуть ли не случайное, чтобы удивить читателя тем, как человек «из предводителя шайки разбойников» или «из маленького вождя куреия» стал основателем крупнейшей в истории человечества империи. Здесь особенно постарались советские учёные, придумавшие массу ухищрений, чтобы объяснить завоевания Чингиз-хана коварством, нечеловеческой жестокостью татаро-монголов и даже слабостью, экономической отсталостью повергнутых ими государств, бездарностью их правителей. Всё это, конечно, не так. Однако ни у кого из этих историков язык не повернётся сказать, что Чингиз-хан — это личность такого же порядка, как Александр Македонский, Юлий Цезарь, если не выше... К этому вопросу я ещё вернусь, а в этой главе хотел разобраться в некоторых преданиях о выдающемся полководце, очень знакомым ногайскому фольклору.

Как отмечалось, китайские источники — самая надёжная литература по истории древних тюрков и по истории древней Монголии. Китайцы в период возникновения государства Чингиз-хана называли народ монгольской степи татарами. И в мусульманских и западноевропейских источниках так же этот народ назывался татарами. По данным китайских летописей татары делились на белых, чёрных и диких. Племя Чингиз-хана относилось к чёрным татарам, но, по монгольскому преданию, вело происхождение от лесных народов. Некоторые историки, хватаясь за это обстоятельство, хотят принизить роль среды, в которой вырос Чингиз-хан, и пытаются придать ей окраску дикости и невежества. С этим я в корне не согласен и считаю, что как раз в среде лесных народов тэнгриан-

ство существовало в чистом виде и сохранилось дольше. К тому же именно из первоначальной среды обычно выходят легендарные, самобытные личности, что является неопровержимым фактом.

К тому времени, когда родился будущий августейший владыка, его племя уже не считалось лесным народом, но, видимо, какие-то культовые навыки, психологические черты прошлого в этих людях сохранялись. Киреиты, найманы, меркиты, в источниках тоже называемые татарами, начиная с VII века имели государственные образования и считались знатнее и мощнее племени Чингизхана. Есть некоторые сведения о том, что киреиты, найманы и какие-то ещё племена приняли христианство несторианского толка. Основываясь на этом, некоторые учёные считают, что эти народы достигли большей степени культуры, чем северные соседи. Подобные выводы у меня тоже вызывают большие сомнения. Во-первых, из-за того, что раннее христианство вряд ли могло привнести больше культуры. В то время в Евразию достаточно широко проникал и зороастризм, и иранский митраизм, и буддизм, и мусульманство, мало чем уступая раннему христианству, которое тогда ещё не могло похвалиться особыми культурными достижениями. Во-вторых, я сомневаюсь в массовости распространения христианства даже среди киреитов и найманов. Видимо, сведения о христианах в этой среде следует отнести к какой-то части просвещённой знати; то же самое можно сказать и о мусульманстве среди кочевников вплоть до начала XIII века.

Учёные располагают достаточными данными о том, что в I тысячелетии в степи широкое распространение имела вера в Митру. (*Прим. ред.: Один из главных индоиранских богов; бог солнца, бог договора, согласия, покровитель мирных, доброжелательных отношений между людьми*). Это обуславливалось тем, что Митре поклонялись такие крупные и влиятельные государства, как Иран и Рим, с которыми Великая Степь всегда поддерживала отношения. В этом вероучении Митра, или Бог Белый Свет, выступал как космическое существо, что, в общем-то, напоминает бога степняков могущественного Тангри, олицетворявшего Небо. Кстати, в митраизме солнце является «глазом Митры». У июгайцев сохранилось устойчивое выражение «куьннинь коьзи» — «глаз солнца». Солнце почиталось, но считалось, что у него есть божество *Куьн иеси* — Хозяин солнца.

Главное, как отмечал Л.Н. Гумилев, тюрко-монгольские верования и митраизм сходились в стержневых принципах справедливости. Митраисты, как и тенгрианцы, непростительным грехом считали предательство. Поэтому тюрко-монголы не прощали убийства посла или убийства гостя, доверившегося хозяину. Правители степного государства из-за убийства посла могли начать меж-

дународную войну. Наверное, с тех древних времен у ногайцев сохраняется пословица: «Элшиге облим йок» — «Послу смерти нет».

Имелись кое-какие схождения между тенгрианцами и христианами несторианского толка, потому и были в степи все основания для возникновения культа Иисуса. Собственно, кто такой Нестор? Сирийский священнослужитель, живший в первой половине V века, он был патриархом в Константинополе, а затем объявлен еретиком и был гоним. Гонимы были и его приверженцы. Нестор отставил идеи раннего христианства, считая, что Иисус родился человеком и потом был соединен с богом. Эта основополагающая идея совпадала с идеями тенгрианцев, где также великие герои после смерти соединялись с Небом. Поэтому тенгрианцы, допускающие свободу избрания богов, вполне могли заинтересоваться идеями христианства. Разумеется, нет никакой почвы, чтобы говорить о массовости поклонения Иисусу. Говоря о свободе вероисповедания, достаточно упомянуть факт, когда почти в одно и то же время члены ханского рода были и тенгрианцами, и христианами, и мусульманами (в Золотой Орде: Бату, Сартак и Берке). Сейчас активно муссируется вопрос о том, что главная причина неприятия Западом татаро-монголов заключалась в том, что церковь якобы боялась распространения несторианства через кочевников. Пожалуй, для церкви скорее было угрозой их равнодушное отношение ко всем религиозным конфессиям. Такое отношение могло повлиять на весь христианский мир и на всю его паству, где божественное учение внедрялось казнями и сожжением живьем на костре.

Причиной того, что в XII веке (и ранее и позже) китайцы называли все степные племена *да-да*, т. е. татарами, может быть, было возвышение могущественного племени буирнорских татар (настоящих татар по монгольским преданиям). И сами кочевники, не будучи татарами, при сношении с китайцами, тангутами, уйгурами представлялись татарами. Так могло быть из-за того, что все остальные кочевники испытывали влияние буирнорских татар и были их вассалами. Возможно также, что мы имеем дело с обычаем сокрытия настоящего имени, а может быть, и вообще с полным равнодушием кочевников к тому, как их будет величать инородная среда.

Я склонен считать, что название *татары* было псевдонимом и в те далекие времена. В надписях древне-тюркских памятников VIII века встречаются названия племени *отыз татар* (тридцать татар, т.е. объединение тридцати родов) и *тогыз татар* (объединение девяти родов татар). В исторических документах об этнической, языковой разнице между монголами и татарами ничего не пишется. Даже в собственных монгольских преданиях нет этого различия. Единственное, что подчеркивается — это воинственность

и спесивость татар. Учёный Е.И. Кычанов в цитируемой мною книге «Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир» дает любопытное сообщение: «Тангуты, государство которых существовало уже 200 лет (описывается период захвата государства тангутов — И. К.), кичившиеся перед татаро-монголами своей культурой, выражавшие презрение к своим северным соседям путем включения в свои письменные знаки, передающие слово «татары» (правда, по примеру китайцев), элемента *собака*, были посрамлены». Я думаю, что если слово *татар* китайское (не означало ли *да-да* кальку собственного названия народа с какого-либо языка?), то, видимо, китайцы и тангуты, по крайней мере, знали о том, что кочевники обожествляли Собак у, связанную со звёздным происхождением.

Будущий завоеватель родился в 1155 году на берегах реки Оион, которая разграничивала владения чёрных и диких татар. Происходил он из рода *борджигин кият*, который восходил к ответвлению *нирун*, в свою очередь происходившему от Алун-Гуа. Потомки от шестого поколения Алун-Гуа и род знаменитого в Монголии Кабул-хана, кстати, известного в ногайском фольклоре по родословной ханов Сыбыра-йырава, назывался кият-борджигинами. К кият-борджигинам относились известные ногайской истории племена: тайджигуты, катаганы, дюрмеиы, сельджиуты, барыны, барласы, шурше, исуны.

Во времена Кабул-хана род киятов возвысился и, объединившись, представлял грозную силу.

М.В. Воробьёв, ссылаясь на письменные источники, сообщает следующее: «Около 1135 г. вождь монголов Хабул-хан (предок Чингиса) присутствовал на коронации Си-цзуна, и в его честь был устроен пир. Боясь усиления Хабул-хана, цзиньский император поручил своим людям схватить вождя на обратном пути, но они погибли в схватке. Этот эпизод повлек за собой убийство в 1137 г. цзиньских послов и неудачную экспедицию против монголов (Тояма, 1964, стр. 421—443). Хутула-хан, сын Хабул-хана, разгромил цзиньского вождя и вернулся с богатой добычей. Мир был заключен лишь в 1147 г. явно в пользу монголов: была установлена новая граница между двумя народами, часть чжурджэнских крепостей к северу от этой границы передавались мэнгу, чжурджэни снабжали их ежегодно баранами, коровами и хлебом.

Чжурджэни могли контролировать в этих местах лишь горные проходы, но это не препятствовало мэнгу совершать набеги на цзиньские земли. Во время этих набегов чжурджэни откупались рабами, драгоценностями и тканями. Позднее монголы стали захватывать в плен киданьских и кнтайских женщин и вступать с ними в брак» [2, 330]. При следующем хане Амбагае (в 1161г.) обеспокоенные чжурджэне (Э?) нские правители вооружили татар, живущих

у озера Буир-Нор и всячески поддерживали их в борьбе с киятской династией.

Главной интригой эпических преданий является вражда буир-норских татар с сыном Кабул-хана Амбагай-ханом.

Предание так передаёт содержание этой интриги. Амбагай-хан, выдавший свою дочь за одного из татарских родов, сам отправился сопровождать сватов. По пути он был схвачен другими татарами. В плену, перед тем как татары выдали его китайскому императору, он успел через своего человека по имени Балагчи передать одному из своих сыновей следующий завет:

«Когда станешь владыкой народа, хаганом надо всеми, то собственной персоной не провожай своих дочерей, как сделал я, Амбагай (Амбагай — И. К.). ???!!! Захвачен я татарскими людьми. Старайтесь отомстить за меня, пока ногти на пяти ваших пальцах не сойдут, пока на всех десяти пальцах ваших ногти не сотрутся!» [7, 62].

Надо сказать, что это строгое наставление Амбагая вошло обычаем в традиции многих народов Евразии; например, у ногайцев отец невесты не только со двора, но даже из дому не выходит, когда увозят его дочь.

Чжурдженьский император Алтан-хаган жестоко казнил монгольского хана, прибив его живого гвоздями к доске, или к так называемому деревянному ослу. Так началась многолетняя вражда.

Когда отец Чингиз-хана Есугай-багатур с добычей вернулся домой, его жена Оэлун родила сына. Есугай-багатур в честь этого события устроил пир. «Когда праздновали рождение ребёнка, — сообщается в «Алтан тобчи», — то привели татарского Темучжин-уге, поэтому согласно обычаю и нарекли его Темучжином, да ещё и потому, что качали его в железной колыбели» [7, 66].

Последнее добавление насчёт «железной колыбели» означает, что имя Темучжин исходит от слова тэмур — железо, как и в тюркском языке.

Казахский историк М. Тынышпаев на заре советской власти, в 1925 году, выпустил довольно искреннюю книгу «История киргиз-казахского народа». При всех издержках, связанных с недостаточной информацией, в ней содержится много интересного полевого материала, использованы неизвестные восточные источники. Имена и названия племён монголов М. Тынышпаев даёт в тюркской огласке. Весьма любопытны его рассуждения о домашнем имени августейшего владыки: «Рашид-Эддин говорит, что монголы прибавляют к этому слову (Темучжин — И. К.) «чин» для обо-

значения мужского рода; если удалить это окончание и свести отсутствующее в китайском языке «р», получится «Темур» — железо. Говорт говорит, что по Иакинфу «Темучин» обозначает железо. Таким образом, настоящее имя Чингиз-хана будет не Темучин, а Темыр. Вероятно, настоящее имя Тимура (среднеазиатского эмира — *И. К.*) было другое, переименованное на Темыр (Тимур), чтобы даже в имени походить на великого завоевателя» [13].

Некоторые исследователи, в том числе и Е.И. Кычанов, полагают, что именем Темучжин будущий завоеватель назван в честь знатности пленника. Наверное, это не так... Л.Н. Гумилёв в книге «Древние тюрки» [14, 89] уделил достаточно внимания проблеме имён тюркских исторических деятелей. Он справедливо говорит о том, что в произведениях византийских, армянских, арабо-персидских историков «тюркские имена в их передаче звучат неузнаваемо, причем часто титул выдается за собственное имя и наоборот». Интересно и другое наблюдение учёного по этому поводу: «Тюрки не носили одного и того же имени от рождения до смерти, как европейцы. Имя тюрка указывало на его положение в обществе. Мальчиком он имел кличку, юношей — чин, мужем — титул, а если это был хан — то титул менялся согласно удельно-лестничной системе».

Мне трудно судить, было ли это явление строго упорядоченным, узаконенным, но подтверждений заявлению выдающегося учёного в исторической науке находится немало. В исторических документах тюркские деятели именовались не только титулами, чинами, но и заслуженными в народе метафоричными кличками, а иногда и названием этнонима, к которому принадлежит их род, династия. То, что тюрки придавали имени человека сакральное значение, подтверждается и собственным их фольклором, и историческими данными. В древности имена давал хан, кам, мулла. В честь наречения у ногайцев, вплоть до последнего времени, устраивался праздник. По данным фольклора, богатырям, народным предводителям за свершение героического поступка давали легендарное имя. Кроме того, среди тюркских народов широко было распространён обычай сокрытия настоящего имени. Кажется, именно с таким явлением мы встречаемся в биографии августейшего владыки. Когда в семье при родах или в малолетстве часто умирали дети, то для обмана злых духов новорождённым давались имена заклятых врагов. Такой обычай бытовал у многих тюркских народов. Н.А. Баскаков, о котором упоминалось в этой книге, написал фундаментальный труд «Русские фамилии тюркского происхождения» [15]. В этой работе он говорит о подобном обычае у алтайских тюрков: «Год Свиньи, по поверьям алтайцев - пишет рус-

скинский учёный, — является опасным для жизни детей, которые похищаются в этом же году нечистыми силами. Для предотвращения похищения детей, родившихся в год Свиньи, их и называют именами с отрицательной семантикой». Здесь необходимо заметить, что год рождения августейшего владыки по двенадцатилетнему животному циклу степняков приходится на год Свиньи. Может быть, из-за этого было дано имя заклятого врага рода...

Обычай с сокрытием настоящего имени своеобразно отражён в нашем эпосе «Эдиге». Эдиге в ногайском эпосе фигурирует под именем Кубыгул (Кубы-огул — Кубы-ул означает Богатыря сын). Предыстория такого наречения почти библейская. Когда рождается ребёнок, мать героя Агаш Ангалак (Лесная женщина) покидает мужа и, оставив узелок с младенцем, произносит имя: «Эдиге». По поводу значения этого имени много разноречивых толкований. Некоторые сказители сами объясняют имя тем, что ребенок был спрятан в сапог и поэтому оно происходит от названия *этик* — сапог. Есть предположение, что оно происходит от двух слов Аты иги — Имя лучшего. Я думаю, что предпочтительнее версия, что имя происходит от древне-тюркского титула Идигут. Так уйгуры величали своих правителей.

Отец Эдиге Кутлы-кая, сокольник Тохтамыш-хана, был преследуем за подмену яиц лучших соколов. Эти яйца были переданы Тимуру, из которых среднеазиатский правитель вывел такую породу, которая на состязаниях победила тохтамышевских ловчих птиц. Когда у Кутлы-кая в изгнании родился сын, он, чтобы обезопасить его, отдал на воспитание в родной юрт Эсенбию. Тохтамыш, прознав о том, что у Эсенбия скрывается наследник его врага, посылает людей для уничтожения младенца. Эсенбий подменяет младенца на своего малолетнего сына и отдаёт его ханским людям. С тех пор спасшийся сын Кутлы-кая растёт под именем сына Эсенбия Кубыгул. Настоящее имя узнается только тогда, когда обеспокоенный способностями и повадками Кубыгула Тохтамыш-хан дает пир и призывает знаменитого Сыбыра-йырава для прорицания и узнавания родословной своего табунщика, каким являлся юноша. Певец Сыбыра предупреждает Эдиге об опасности, благодаря чему юноша скрывается, а затем на пиру рассказывает о происхождении Кубыгула и предвещает гибель хана от его рук.

В ногайском эпосе «Эдиге» немало сходений с преданиями о Чингиз-хане. Как-то эпизоды прямо повторяются, в других — чувствуется отдалённый отзвук древних сказаний. Соколиная история в нашем эпосе тоже имеет корни в древних сказаниях, прежде всего тем, что сокол у тенгрианцев являлся олицетворением

могущества ханской власти. Так было и у древних тюрков.

Отец Победителя вселенной Есугай-багатур, хотя и являлся внуком первого хана монголов Кабул-хана, в результате распада ханства не обладал высшей властью, он правил одним из незначительных улусов и больше был известен в степи воинскими доблестями.

Когда Темучжину исполнилось девять лет (по некоторым данным 13 лет), отец женил его на Борте, дочери правителя племени конграт Таян-сечен (добавление *сечен* то же, что и ногайское *ше-шен* — мудрый). Племя конгыратов было известным в монгольской степи, потомки этого племени сыграли большую роль в истории ногайцев. Ответ, данный Таян-сеченом Есугай-багатуру, когда тот приехал свататься, является подтверждением как ранее высказанной мысли о соколе, так и тому, что характеризует племенные качества конгыратов:

«Сват Есугай, снился мне сон в эти две ночи: белый сокол прилетел, держа солнце и луну, и спускался на мою руку. Об этом сне моём людям не рассказал я (кстати, у ногайцев тоже есть примета о знаменательных снах не рассказывать, иначе они не сбываются — *И.К.*). Смотрел я и видел солнце и луну. Теперь этот сокол, сжимая их, прилетел, на руке моей стал светлым и белым. Я сказал — к добру ли это привиделось? Если так случилось, то этот сокол, прилетев, указал (мне), что он и есть (хранитель) рода кият.

*Мы, народ конгыраты, с давних дней
Не боремся с чужими народами,
Своих краснощёких девушек,
Когда вы становились ханами,
Сажали в большую одноколку,
Запрягали чёрного верблюда
И отправлялись, пустив его рысью,
На сиденье для госпожи
Усаживали вместе с ханом...» [7, 68].*

По некоторым сообщениям белый сокол был изображён на знамени Чингиз-хана. (Хотя в ногайском эпосе постоянно упоминается «Шынгыздынъ кара тувы», т. е. чёрное знамя Чингиза). Как известно, знамя оберегало войско, возможно, из-за изображения хранителя.

Примечательно и то, что у одного из легендарных тюркских ханов Огуз-хана и его прямого наследника Кюн-хана хранителем ханского рода, онгоном, являлся белый сокол, у других же сыновей — кречет, орёл, ястреб, беркут.

Далее в процитированном тексте идет восхваление конгратских девушек, что тоже характерно для устной ногайской традиции. Обычно верховные ногайские князья — бии — брали девушек из этого рода. У Эдиге материнская линия была из конгыратов, поэтому в источниках его иногда называли «из племени конграт».

По свидетельству монгольских источников (Саган Сечен) конграты относятся к той же группе «Кок Монгол», что и монарший род. Это подчёркивают и предания, где часто представители конгратов взаимодействуют в происходивших событиях. Только у кубаиских ногайцев известны четыре разновидности этого племени. Это Узын-Айдар — конграты, носящие Длинный Айдар, Джавгайттар коиграты — те, кто отвернул врагов, Шагыр конграт — конграты винного цвета — по легенде, у этих конгратов имелись лошади с глазами винного цвета, это и Канжыгалы конграты — имевшие тороку или изготавливающие тороки конграты. Кроме того, в племенном союзе Етишкуль есть целое объединение конгыр куб. Такое бытование этнонима, как говорилось ранее, подчёркивает его существование до чингизхановского завоевания. Конграты широко распространены среди казахов, каракалпаков и кочевых узбеков. У казахских конгратов существует подрод «коктынъ улы» [13, 68], т. е. сыновья неба. Я думаю, что подрод

*Народная артистка
России Асият Кумратова
из рода конграт*

Узын-Айдар у ногайцев является тем же подродом, что у казахов «коктынъ улы», т. к. название Длинный Чуб тоже символизирует небесное происхождение. Герой распространённой среди тюркских народов песни «Алп-манаш» («Алпамыш») являлся представителем племени конграт. Это племя в самого начала деятельности поддерживало Чингизхана и участвовало во всех его походах. Их, как и многие другие племена, судьба закинула с берегов Онона и Керулена на далёкий запад. В Каракалпакии есть город Конграт, столица Гагаузии по оставленному ногаями топониму называется

Комрат...

Столь знаменательное событие, как женитьба малолетнего Темучжина, было омрачено гибелью отца. Возвращаясь домой, Есугай-багатур остановился возле пирующих татар. Его пригласили к застолью и, подмешав яд в напиток, отравили. По данным учёных Есугай-багатур скончался в 1165 году. С этого времени у его сына начинается тяжёлая пора сиротства, полная лишений и

всяческих испытаний.

Отравление за угощением часто происходило в степном обществе и особенно характерно для знати. Тохтамыш-хан по совету жены тоже предложил испить чашу с отравленным юртом молодому Эдиге, но юноша отверг угощение и разрезал ножом кислое молоко на мелкие части, давая понять, что так он когда-то поступит с его ханством. В истории чингизидов этот коварный приём — отравление — повторялся неоднократно. Я уже приводил пример, когда поздний чингизид, царский офицер Султан Хан-Гирей, автор «Записок о Черкесии», во время пира был отравлен родственниками кумысом. Дело в том, что по закону степняков предлагаемые еда и питье

*Народная поэтесса КЧР
Кельдихан Кумратова
из рода конграт*

должны быть отведаны, отказ символизирует враждебность.

Об этом свидетельствует ещё один яркий эпизод из древнего сказания. Чингиз-хан целый день ждал своего сына, и только под вечер Угэдей (Октай — тюркск. *И. К.*) с напитками и варёной конской головой явился к отцу. Тогда Чингиз-хан сказал: «Эх, Угэдей, я сказал тебе — приходи пораньше, почему же ты пришёл вечером?» Угэдей сказал: «Я рано отправился, но по дороге меня не раз приглашали на празднества. В детстве моем ты говорил, хаган, отец мой, что нельзя отказываться от предложенного кушанья, а не то случится несчастье. Вот из-за этого я и опоздал». Когда он так сказал, то гневное лицо Чингиса смягчилось, он принял конскую голову и, отдавав поднесённого кушанья, молвил: «Моих ус-

тановлений и повелений не переступил только один из моих сыновей, Угэдей. И после пусть так и будет. Да!» [7, 166].

Этот обычай ногайцы хранят по сей день, любая предложенная еда должна быть отведена, отказ принимается как неуважение к хозяину дома. Отец Чингиз-хана Есугай-багатур, коварно отравленный на пиру, а также множество других ханов и богатырей, поплававшихся жизнью, не стали уроком для избавления от этого обычая из жизни народа.

После смерти отца юный Темучжин испил сполна чашу сиротства, горечь безотцовщины. В это время кочевое общество переживало самые тяжёлые времена. Древние писали: «Младший брат не знал старшего, сын не знал отца, родственник – родственника». Есугай-багатур при жизни был авторитетным человеком, храбрым воином, богатырём-защитником племени, но стоило ему уйти из жизни, как родственники отвернулись от его семьи. Они перестали считаться с его роднёй и даже настроились враждебно. Произошло это так: жену Есугай-багатура Огэлен в день поминовения казнённого цзинцами Амбагай-

*Заслуженная артистка России
Дженнетхан Кумратова
из рода конграт*

хана не только не пригласили к жертвенной еде, но после церемонии, куда она всё же явилась, покинули и оставили одну.

Фактически её семья вне племени не имела шансов выжить. Мало того, когда семья чуть смирилась и оправилась, предводитель родственников Таргитай Кырилтух пришёл с воинами и пленил старшего сына Темучжина. Единственной причиной этого пленения, как я объяснял, были отличительные черты старшего в семье: «В глазах твоих (Темучжина) огонь, в лице твоём блеск».

Страдания, лишения закалили характер и волю Темучжина. Рано повзрослев, он стал защитником семьи, в нем выработались задатки предводителя народа. В это время он постигает чувства справедливости, благодарности за взаимовыручку. Он глубоко це-

нит взаимопомощь, что отражается в преданиях, где говорится о том, как появляется первый друг Баурчи, бескорыстно помогший вернуть восемь соловых мерингов. Впоследствии августейший владыка его сделал одним из командующих войском. До этого его деятельность проходила внутри рода. После нападения меркитов и знаменательного откровения на горе Бурхан-Халдун, он обращается за помощью к другу отца, его анде, керейтскому Тогрул-уану, и деятельность Темучжина переносится за рамки жизни рода.

Но до этого события в жизни семьи произошла беда, которая противоречиво трактуется всеми исследователями. Это произошло в 1178—1179 годах. Как-то Темучжин, Хасар и два их сводных брата Бектер и Бельгутаи ловили рыбу. Бектер и Бельгутаи отняли силой у братьев рыбу и ушли. Темучжин и Хасар пожаловались матери: «Вчера мы вот так же поссорились из-за какой-то подстреленной птички, силой отняли они (её); ныне так же два старших брата Бектер и Бельгутаи силой забрали светлую рыбку, подколотую на крючок. Мы (этак и) дома будем лишены» [7, 74]. Мать же, не желая раздора в семье, сказала, что «нет у них друга, кроме собственной тени, нет плети, кроме бычьего хвоста» и, мол, кто отомстит тайджиутам (родственникам), если среди братьев не будет согласия. Выслушав мать, Темучжин и Хасар сделали по-своему. Они подкрались к сидящему на пригорке Бектеру. Хасар — спереди, Темучжин — сзади и, вытащив стрелы, стали подходить. Бектер, поняв намерение братьев, успел сказать такие слова: «Ныне я для вас как шелуха во рту, как ресница в глазу. Зачем мне быть таким? Не разоряйте мой очаг. Не причиняйте только зла моему Бельгутаю» [там же].

Одни историки оценили братоубийство как «жестокость» и «мстительность» характера будущего завоевателя (В. Бартольд, Е. Кычанов и др.) Л.Н. Гумилёв провел целое расследование по этому поводу. «Теперь попробуем разобраться: откуда автор источника («Секретной истории...» — И. К.) мог знать о последних словах Бектера? Только от его убийц. Последние же не были заинтересованы ни в чём кроме самооправдания. Значит, они передали потомству то, что считали нужным. Однако, если доверять тексту, то Хасар поступил дурно, выстрелив в грудь, а Темучжин — ещё хуже, стреляя ему в спину. Полно, так ли просто всё это дело? И вряд ли Бектер, доведший своих братьев до иступления, вдруг оказался столь робким и тихим! И ещё вопрос: почему Бельгутаи так спокойно перенёс предательское убийство брата, что даже не испортил отношения с Темучжином. Не слишком ли много вопросов, на которые автор источника не даёт ответов?

Можно предположить два варианта истолкования этого странного братоубийства: «один — основанный на дове-

рии к источнику, второй – скептический» [1, 416]. Так рассуждая, Л.Н. Гумилёв склоняется ко второму варианту и предлагает версию о том, что Бектер был лазутчиком тайджуитов в стане борджигинов, и что эту тайну Темучжину мог поведать по натуре болтливый Бельгутаи. Данную версию учёный подтверждает тем, что находящаяся в меркитском плену мать Бектера и Бельгутаи при освобождении убегает от ворвавшегося в юрту «любящего сына» через другой выход, мотивируя «тем, что ей стыдно смотреть в глаза детям», которые «поделались ханами», а она в плену сошлась с плохим человеком, простолюдином.

Доказательства Л.Н. Гумилёва весьма убедительные, но ипопоятно, почему такой серьёзный мотив скрыт от потомков. Убийство за предательство по древним законам оправдывается и не осуждается. Боязнь компрометирования семьи? Так нет же. Мать Бектера и Бельгутаи Сочихэл достаточно скомпрометировала семью, сойдясь с плохим человеком. Этот грех равен предательству. А если за ней и за её сыном ещё кроется участие в предательстве, то почему надо это утаивать от потомков, тем более, они за свои проступки поплатились жизнью?

Наверное, в текстах сказано всё так, как было в жизни. Темучжин и Хасар убивают Бектера не только из-за неприязни (это присутствует в посмертных словах) к сводному брату, но и из-за нанесённой обиды, осуществлённой несправедливости. Слова Темучжина: «Мы этак и дома будем лишены» говорит о том, что в доме растёт враждебно настроенный человек, неисправимый насильник. Авторы источника, приводя этот эпизод, показывают, что будущий завоеватель за посягание на справедливость не пожалеет и родного брата. Учёными неоднократно цитируются такие слова Чингиз-хана: «Тот, кто может содержать в порядке свой дом, может навести порядок и в государстве; кто умеет как полагается командовать десятью человеками, тому можно доверить командование и над 1000 и 100 000 человек» (В. Бартольд).

Изучая прошлое, мы не должны забывать, что идеи гуманизма и понятия о жестокости у древних были иными. В век обскурантизма нельзя было создать справедливое общество без жестокости и деспотизма правителя.

Я вспоминаю, как в 1999 году, когда в Москве, Волгодонске раздавались взрывы жилых домов, то известный историк, по своим воззрениям — гуманист высшей степени Дмитрий Лихачев в выступлении по телевидению категорически заявил о том, что в отношении террористов надо применять смертную казнь.

Авторы источника, да и сам Чингиз-хан отмечали, что до него «младший брат не слушался старшего, сын не слушался отца, невестка — свекрови, подчинённый — начальника, а

сами начальники и не выполняли своих обязанностей в отношении подчиненных». Поэтому так кровавы законы Великого Ясака. Закон был обнародован на Великом курултае 1206 года, когда Темучжина объявили Чингиз-ханом. Законотворчество приписывается самому кагану. Отныне карались смертью такие грехи, как блуд мужчины и женщины, кража, грабёж, чародейство, сокрытие беглого раба, но вместе с тем, карались и такие малые, по нашему пониманию, проступки, как скупка краденого, неприглашение к трапезе путника. Чрезмерно строги были военные порядки: уход с занимаемого поста, неоказание помощи «боевому товарищу» приравнивались к самым тяжёлым преступлениям и тоже карались смертью. Конечно, часть этих законов в степном обществе бытовала и до Великого курултая. Но по Ясу сам Чингиз-хан и его последователи должны были создать непоколебимость закона, чтобы восстановить справедливость не только в своём государстве, но и во всём мире. Авторы «Секретной истории...» ко времени писания преданий знали законы Великого Ясака, они понимали, что «ради содержания в порядке своего дома» убийство брата и даже сына оправдано. Не зря же августейший владыка сказал:

«Тот человек, что не позволит унижить себя,

Он и рождён человеком».

В «Секретной истории монголов» и в «Алтан тобчи» живо и красочно рассказывается история рода монарха, образно и осязаемо передаётся жизнь степного общества, через философские притчи передаются обычаи и нравы всех слоёв кочевников. В годы существования империи образ жизни, законы, обычаи, нравы передавались на все покорённые народы. Потомки этих кочевников: монголы, ногаи, казахи, каракалпаки, киргизы, кочевые узбеки вплоть до XX столетия сохраняли эти традиции, и не одно поколение номадов сложило головы ради их незыблемости.

Вызывает некоторое недоумение, что потомки кочевников за пределами Монголии почти не сохранили преданий о самом завоевателе. Но всё закономерно, если мы вспомним о борьбе ногайских биев с чингизидами. Конечно, основой ханской власти являлась непоколебимость исполнения заветов и наставлений завоевателя вселенной, но в конце XIV — начале XV веков в народе-войске возникло отвращение к разлагающейся династии. Возникновение ногайского эпоса связано с очередным этапом пассионарного взлёта племён, прошедших путь от Онона и Керулена до Волги и сплотившихся вокруг мангытской знати. Эпические песни о ногайских богатырях стёрли из народной памяти почти все воспоминания о легендарной личности, тем более, что эпос призывал к борьбе с ханской династией.

Всё же, как говорится, слово народа бессмертно. Отголоски преданий о Чингиз-хане сохранились в нашем фоль-

клоре. Я думаю, что эти изыскания будут полезны исследователям и нашим потомкам. Прошло около восьми столетий, когда далёкие предки катаганов из Эркин-Халка, дюрменов из Адиль-Халка, киреитов из Эркин-Юрта, найманов из Икон-Халка Карачаево-Черкесии, мангытов и уйсинов из аулов Нефтекумского района Ставропольского края, баята и шурши из Караногая и многих других родов основали на востоке Великой степи мощнейшее в мире государство и начали победоносную стезю.

Такие ногайские эпические песни, как «Копланлы-батыр», «Алп-Манаш», «Амет сын Айсыла» наглядно продолжают огузско-кипчакскую устно-поэтическую традицию. В исследовании этой проблемы преуспевают наши фольклористы. Эпическая песня «Эдиге» лишь в предыстории имеет налёт сказочности, во всём остальном она основана на реальных событиях, происшедших в Золотой Орде. Историчность характерна и для всех остальных песен о потомках Эдиге, этим они и отличаются от казахских и каракалпакских вариантов. В главном нашем эпосе «Эдиге» в первую очередь мы находим некоторые аналогии с историческими преданиями о завоевателе мира. Прежде всего, это поэтический образ визирия Тохтамыш-хана бия Кенг-Джанбая из рода кенегес (предки этого рода тоже принимали изначальное участие в становлении Монголии XII века), ставший в народе нарицательным, характеризующий тип отрицательного человека. Дело в том, что если в «Эдиге» все герои имеют историческую основу, то прототип Кенг-Джанбая до сих пор неизвестен. Этот герой, как и в преданиях о Чингизхане киреитский Торгул-хан, анда Джамуха, то оспаривает первенство, то выступает в роли друга, то плетёт интриги, то вероломно предаёт, и в конце концов погибает от своего коварства. Так как у него не имеется исторического прототипа, я думаю, что можно допустить, что Кенг-Джанбай — это обобщающий образ интриганов-соперников: Тогрул-хана и анды Джамухи, характерных личностей для ханского двора степняков.

В эпосе «Эдиге» и в преданиях о Чингизхане есть несколько схожих чисто фольклорных эпизодов. Так, в древних источниках есть целое сказание о беседе августейшего владыки с девятью орлуками (высокий чин, наверное, от тюркск. ор — высокий) или о девяти сайдах. У Эдиге тоже девять сподвижников, девять военачальников родов, зовущихся тогыз эр — девять мужей, к которым Эдиге обращается в трагические минуты жизни. Что интересно, это число не характерно ни для властной структуры Золотой Орды, ни для Ногайской Орды, в этих государственных образованиях число высших придворных — карачеев — было двенадцать.

Другой эпизод связан с легендой, раскрывающей значение единоначалия во власти. Один мудрец приводит такую

притчу августейшему владыке: «Некогда была змея, имевшая тысячу голов и один хвост. Множество голов её дергали одна другую из стороны в сторону и были придавлены и убиты повозкой. Была ещё одна змея, имевшая тысячу хвостов и одну единственную голову. Хвосты её, следуя за единственной головой, вошли все в одну дыру и не были придавлены повозкой. Подобно тем хвостам, мы стали тысячей твоих хвостов. Будем трудиться, отдавая тебе свою силу!».

В ногайском эпосе «Эдиге» главный герой с девятью сподвижниками тоже встречается со змеей с девятью головами, которую тотчас убивает. Затем они натываются на девятихвостую змею с одной головой, которая исчезает в норе, не дав себя убить. В связи с этим Эдиге делает своим сподвижникам наставление и говорит об их и о своих обязанностях...

Нашему народу хорошо знаком и рассказ о соизмеримости власти. В древней литературе записано предание о том, как августейший владыка, опьянев, заявил, что он самая высокая власть, но тут же поправился, сказав, что выше его только иадетая ему на голову шапка. И в знак этого, поставив шапку на возвышенность, совершил поклон... Шапка, папаха — у ногайцев, да и всех тюрков является символом власти, мужского достоинства. Потерять шапку означало большое унижение мужского достоинства. Поэтому шапки представителей знати мурз шились высокими, громоздкими. У нас сохранилось оригинальное устное предание о «Синей шапке Эдиге» («Эдигединь коьк боьрки»), в котором говорится о том, как Эдиге, изрядно напившись бузы, пообещал одному из мастеровых в награду за исполненную работу отдать свою шапку из синего (голубого) каракуля. Потом он всю жизнь не мог простить себе этого легкомыслия. Мастеровой по имени Эмире, выполнив работу, в назначенный срок пришёл за обещанной наградой. Эдиге, к тому времени забывший об обещании, стал вместо шапки предлагать деньги, золото, но упрямый Эмире ни на что не соглашался. Тогда Эдиге стал всячески избегать Эмире, откладывая срок исполнения обещания. И однажды Эмире, так желавший иметь обещанное, целую ночь простоял на морозе у дверей дома бия, глядя на висевшую на стене шапку, пока не замерз и не умер от холода. После этого в народе укрепилось два выражения. Первое: когда человек не может получить должности, обещанного долга, вознаграждения, то говорят: «Вот тебе и синяя шапка Эдиге»; второе: на человека, ожидающего чего-то неисполнимого, обычно говорят: «Стал как Эмире» («Эмире болган»). Эта легенда несколько в иной интерпретации записана литератором Хаджат Утакаевой, по её названию озаглавлен сборник ногайских писателей «Синяя шапка» («Кьок боьрк», Черкесск, 1991 г.)

В 1980 году от тяжёлой и неизлечимой болезни умер мой двоюродный брат Паша-гирей Абишев. Он был старше меня почти на двадцать лет, и я его всегда называл дядей. Я очень его любил и очень переживал в день его смерти. Это был великодушный и жизне-радостный человек, таких сейчас не встретишь ни среди знакомых, ни среди родственников. С утерей его я долго не мог примириться, поэтому день смерти мне запомнился на всю жизнь. Как только сидящий рядом с постелью оповестил о его кончине, в доме бабушки поднялся сыйт (плач). Плакали и причитали все: и мужчины, и женщины. Во время плача я обратил внимание на то, что пожилые женщины стали занавешивать тканью и платками зеркала и фотографии. Так, занавешенными, они простояли до семи дней, затем их сняли.

Каждый вечер во двор бабушки стекались близкие, знакомые аульчане. Под навесом до самого рассвета горела электрическая лампочка, мы сидели там по вечерам на лавочках и говорили о разном до глубокой ночи. Кто вспоминал о дяде, кто рассказывал о былой жизни, то обсуждали последние события в ауле, районе, то переходили к политике. В один из вечеров, выбрав нет-нет да и возникшую паузу в таких беседах, я спросил у нашего старшего в роду по отцовской линии Махмуда Еслемесова (сейчас он тоже покойный, пусть земля ему будет пухом):

— Акай, скажи, когда человек умирает, почему все зеркала закрывают? — Хотя я этот обычай видел и раньше, мне хотелось узнать первопричину.

Старик не ожидал этого вопроса. Погладив свое круглое медного цвета лицо, улыбнулся:

— Изображения людей, животных закрывают, так как они отгоняют ангелов. А насчёт зеркала не знаю. От старых людей я слышал такую историю. Жил когда-то один богатый мусульманский патша (царь, падишах), родился у него сын, который был очень похож на своего отца. Из-за этого его и прозвали Бияла — зеркало (у ногайцев есть и другое название, общее для всех тюрков — кузги). Сын во всём был похож на отца, и всё делал, как он. Бияла был единственным сыном у патши. Поэтому правитель очень любил сына. Когда отец надумал женить сына, чтобы занять потомство, внуков, то вдруг сын сильно заболел и неожиданно умер. Говорят, что патша от горя в день скорби запретил всем мусульманам смотреться в зеркало... Говорят так? — вопросительно кивнул старик.

Тут же сидевший рядом мой отец добавил:

— Этот обычай соблюдается не только у мусульман, но также и у русских, украинцев.

После этого в 1992 году, когда я уже был знаком с определён-

ной литературой о Чингиз-хане, отец показал мне статью в литературной газете «Казак адабияты» на казахском языке. Статья называется «Сборник летописей» с предисловием А. Сейдимбекова, в которой известный казахский писатель Габит Мусрепов даёт выдержки из «Сборника летописей» Рашид-ад-дина со своими комментариями.

Я стал читать подчёркнутые отцом строки: «Четвёртый сын (Чингиз-хана — *И. К.*) — Толе. Это обиходное имя. Настоящее имя Еке-ноян, т. е. Уллы-ноян (Великий ноян — *И. К.*). Чингиз-хан его считал нукером (телохранитель — *И. К.*) и никогда не разлучался, брал во все походы. *Толе* на монгольском языке означает то же, что на нашем айна (зеркало — *И. К.*). Когда Толе умер, то было запрещено смотреть в зеркало. Этот обычай сохраняется до сих пор. Все тюрки зеркало называют кузги (Рашид-ад-дин, I том, 2-я книга, стр. 70)» [16].

— Помнишь, ты спрашивал про обычай занавешивания зеркал, вот откуда это идёт, — сказал отец.

В «Секретной истории монголов» приведена легенда о смерти четвёртого сына завоевателя Мира Толуя (так имя пишется во всех древних источниках). Предание рассказывает о тяжёлой болезни другого сына повелителя Угедея (тюркск., Октай — *И. К.*). Камы, приготовив зелье нагадали, что для исцеления Угедея необходимо сделать выкуп, т. е. взять согласие ближайшего родственника умереть вместо него, этот обряд по-монгольски называется дзолиг (видимо, джолык, джоклау, по-казахски жоклау — шаманить, у ногайцев шуклау — ворожить, букв. встречать, т. е. встречать болезнь). Дзолиг согласился сделать Толуй и, выпив зелье, умер. Угедей остался жить. В «Алтан тобчи» тяжёлой болезнью одновременно заболели Чингиз-хан и Толуй. «Когда случилась болезнь владыки, толкователь знаков и гадатель сказал: «Если один из этих двоих поправится, то другому станет плохо». Когда он так сказал, супруга владыки Толуя Чэхурбэги по поводу этого указания Неба произнесла: «Если случится так, что не станет ханавладыки, то весь народ овдовеет. Так-то! Если же случится так, что не станет Толуя-владыки, то одна только я стану вдовою. Так-то!». Так она молилась. И по этой молитве Толуй-владыка стал бурханом (божеством — *И. К.*)» [7, 224].

У нас больше оснований верить «Секретной истории...», написанной в 1240 году и хранившейся в главной ханской библиотеке. Но Лубсан Данзан писал «Алтан тобчи» в XVII веке, почти переписывая главные события из «Секретной истории...». Возможно, что существовало несколько вариантов этого древнего произведения или же монах Лубсан Данзан находился под воздействием бытующего среди монгольского населения предания, где этот эпизод,

как и на западе, относят к болезни Чингиз-хана. Последнее, всё же, мне кажется довольно странным.

Только разногласия и на этом не заканчиваются. Ранний мусульманский автор Джувейни говорит о пристрастии царевича к алкоголю, и что он умер от злоупотребления вином. Может быть, это сообщение точнее. По всем текстам Толуй — романтическая натура. Это прослеживается в эпических преданиях. Когда Чингиз-хан спрашивает у сыновей: «Какое из наслаждений самое лучшее?», старший сын Джучи сказал о материальном благе, о многочисленных табунах и т. д. Чагатай назвал наслаждением победы, подавления врагов, Угедей — благосостояние государства, справедливое правление и прочные законы. Лишь Толуй, как отметил отец, «сказал слово, как малый ребёнок»:

«чтобы пегие аргамаки добежали на бегах,
чтобы, взяв прекрасного сокола, бродить по горам и долам,
чтоб хватал он пёстрых уток».

Видимо, из-за легкомыслия ему не было завещано главенство в империи, т. к. главным наследником по закону тюрков и монголов обычно назначается младший сын. Чингиз-хан ещё при жизни осуществил раздел империи между сыновьями и главным наследником назначил Угедая. Толуй, будучи романтиком, не собирался претендовать на власть, поэтому никто из древних даже не подумал разъяснить этот щепетильный вопрос. И по Джувейни, Толуй умер в годы правления брата Угедая. Толуя любили все и, наверное, история с зеркалом имела место, и Угедей наложил запрет. Но в народе, помня любимца монаршей семьи и его любовь к отцу, а также поэтизируя личность августейшего, смерть Толуя приписали ко времени болезни отца. Возможно, что сама легенда с зеркалом имеет более древние корни. И, может, относится к огузскому Кузги-хану, имя которого тоже означает зеркало...

Когда я говорил о стойкости ногайского языка, то привёл притчу с древним песенным текстом о смерти старшего сына августейшего владыки Джучи. Великий певец, Уллы Йирчи, чтобы не разгневать завоевателя мира, песней лишь намекает на страшное горе, а Чингиз-хан сам догадывается о смерти сына. Я же в ногайской степи неоднократно слышал другую легенду на эту тему. По этой легенде Джучи устроил царскую охоту, в которой по обыкновению участвовало до тысячи человек. Во время облавы на куланов (диких лошадей) он подстрелил вожака в ногу, но кулан вырвался из устроенной облавы и понёсся в степь. Джучи, велев не беспокоиться приближённым, сам стал преследовать раненое животное. Целый день он гнался за вожаком, лошадь его была измотана и сам еле держался в седле. Вдруг убегающий кулан неожиданно развернулся и помчался на преследующего его всадника, прыгнул

на него и сбил с седла. Так скончался в степи старший сын Чингиз-хана. Когда погиб Джучи, никто из ближайшего окружения не мог сообщить печальную весть августейшему владыке. И тогда решился это сделать один йырав (певец-импровизатор). Его вызвали в ставку хана, и он исполнил мелодию «Мунглы куьй» («Печальный наигрыш»). Говорят, что Чингиз-хан, слушая эту мелодию, заплакал, а после, побагровев, велел казнить певца за то, что он принёс страшную весть. Было приказано залить рот свинцом певцу. Тогда йырав сказал, что это не он, а его домбра сообщила страшную весть, и она заслуживает наказание. С тех пор в отверстие в тыквообразной части домбры стали заливать свинец. Конечно, это делают чисто из практических соображений: для утяжеления, для качества звука, но обычно связывают с древним преданием о Чингиз-хане. Прославленный ногайский домбрист Каирбек Межитов (ныне покойный, пусть земля ему будет пухом), исполнял для меня «Мунглы куьй». Эту некачественную запись на магнитофонной кассете я храню у себя по сей день.

Ногайский фольклорист Ашим Сикалиев приводит другое предание, записанное у кубанских ногайцев. Имя певца, сообщившего Чингиз-хану о смерти Джучи, — Кет-Буга. В связи с этим фольклорист рассказывает, что в ауле Икон-Халк (бывший Тохтамышевский) у некоторых родов был боевой клич, уран: «Кет-Буга».

В исторических преданиях об августейшем владыке использованы кое-какие сюжеты, известные в литературе других народов. Так, приводится рассказ об оригинальном взятии одного из городов Китая. «На реке Ула не было брода. Поэтому племянник Хасара Хадушира и Халчихучинг-тайджи, связав кругом десять тысяч мерингов, с криками переправились (через реку) и, выйдя на берег, окружили город. (Кстати, о такой переправе ногайцев через Волгу сообщают европейские путешественники.) Сказали они: «Поддай дань в десять тысяч ласточек и тысячу кошек», — и получили её. К ласточкам привязали свёрнутую вату, к кошкам (так же) привязали вату и подожгли её. Ласточки влетели в свои гнёзда, а кошки поднялись на (крыши) домов. Кошки и ласточки (этим) огнём своим устроили пожар, и (город был взят...)» [7, 200].

Рассказ о подобном уничтожении города бытует в русских летописях. Это даёт нам повод говорить, что этот бродячий сюжет широко использовался в древности.

Мифопоэтическая традиция исторических сказаний о Чингиз-хане, несомненно, продолжалась в устно-поэтическом творчестве ногайского народа. Живые люди, племена, хранившие в памяти эти предания, участвовали в этногенезе нашего народа. Потомки почти всех племён, вовлечённых в военные события XII и XIII веков, сохранились в нашем народе. Наиболее известные киреиты,

конграты, найманы, джалаиры, катаганы, кенегесы, кипчаки составляют основу родственных казахов, каракалпаков, кочевых узбеков. Эти же племена, благодаря оседанию ногаев среди башкир, крымских, сибирских, оренбургских и рязанских татар, сыграли важную роль в этногенезе и истории этих народов.

Исполнитель древних ногайских песен Каурбек Межитов

Ни один народ бывшего улуса Джучи не сохранил целостных эпических произведений о столь легендарной личности, какой являлся Чингиз-хан. Это ещё раз говорит о внушительном влиянии ногаев и ногайского эпоса на западных тюрков. Несомненно, что эти предания существовали. Предводители мангытов, составлявших костяк татаро-монголов, объединили восемнадцать племён (почему-то всегда присутствует эта цифра, она относится и к огузскому объединению, и к войску персов — кажаров, состоящих из восемнадцати кочевых тюркских племён) и создали Ногайскую орду. Верховенству племени мангыт способствовало высокое положение при чингизидах, а также то, что ещё в эпоху Чингиз-хана оно единственное не было подвержено рассеиванию и смешению с другими племенами. Эдиге и его потомки, создавая собственное государство, вполне осознавали, что чингизиды изжили себя, и их дальнейшее нахождение у власти должно привести огромную страну к окончательному падению. При создании нового государства были использованы старые методы, тактика самих чингизидов. Она со-

стояла в том, что надо устранять сопротивлявшуюся знать, а, чтобы держать остальных в подчинении, широко распространялся институт аманатства (брали детей в заложники) и аталычества (давали своё потомство на воспитание для скрепления родственных уз). Кроме того, мангыты, борясь с чингизидами, одновременно подчиняли всю остальную племенную знать.

Это подчинение не давалось легко и сопровождалось кровавыми стычками. Необходима была идеология. И ногайский эпос выступил как мощное идеологическое средство. Однако это средство действовало не на все слои населения. Особенно строптиво вела себя знать. Степные феодалы, потомки чингизидов, уходили в казачество, так возникли казахские жузы; какая-то часть знати покинула степь и нашла пристанище в городах: Казани, Астрахани, Хиве, Бухаре, в Крыму и Туркестане. Беглецы полную безопасность обретали в Московском княжестве. Межплеменная война тоже нашла отражение в ногайском эпосе. Врагами Эдиге являются бий кенегесов Кенг-Джанбай, мурзы барынов и ширинов. Государственное объединение маигытов Ногайская Орда создавалась исключительно на клановом подчинении. Опять, как во времена Чингиз-хана, использовался метод раскашивания, т. е. насильственного рассеяния, и создание новых племенных объединений. Так возникли такие крупные объединения племён, как Ембойлук (племена с реки Эмбы), Етисан (семь административных единиц, возможно, это объединение возникло на основе кипчакского объединения Иети), Етишкуль (различные толкования: семиозёрные или семиречные, а возможно, основу положило кипчакское объединение Иети), Кубанская орда, Аккерманская орда (Белгородская орда), Бораган (объединение в центральном Кавказе), Караногай. Во всех этих объединениях не было ни одного крупного племени, в них преднамеренно смешаны все племена, чтобы ни одно из них в отдельности не возвысилось. Во всех этих объединениях возвышались потомки Эдиге, поэтому в ногайском эпосе особенно подчеркивается исключительность его самого и всего рода.

Естественно, что авторы исторических песен, сказители из-за идеологизированности избавлялись от предшествовавших в обществе идеалов, прежде всего от незыблемости авторитета чингизидов. Мощь и сила средневековых: ногайцев была столь велика, что этот эпос повлиял на все народы, входящие в бывший Джучиев улус. Конечно, главным фактором создания и распространения был взлёт национального самосознания. Ногайский эпос стал основополагающим в устно-поэтическом творчестве казахов, каракалпаков и кочевых узбеков, даже главный персонаж киргизского эпоса Манас имеет ногайское происхождение. В связи с долгим совместным проживанием ногаев среди башкир, казанских татар и

частичным оседанием среди них наши исторические песни проникли в фольклор этих народов. (Тут я не имею в виду изданный в 1988 году в Казани эпос «Идегей» — это сводный текст северокавказских, крымских, астраханских иогаев, а также каракалпаков, казахов и сибирских татар.)

В связи с распространением ногайского эпоса происходили курьёзные вещи. Так, в ногайской исторической песне «Шора-батыр» ногайский богатырь Шора — сын Нарика, из-за убийства князя бежит из иогайской степи в Казань. Он долго живёт в столице Казанского ханства, и, когда для захвата города приходит московский царь, по призыву казанской царицы Суюмбийке (кстати, тоже иогайки) встает на защиту казанцев и героически погибает. Это единственное произведение в истории российских тюрков, где отражено такое эпохальное событие, как взятие Иваном Грозным Казанского ханства. Только дело в другом. Оказывается, что в эпическом произведении ногайцев выведена реальная историческая личность. Исторический Чора Нарикович являлся предводителем русской партии у ногайцев (в середине XVI века в Ногайской орде боролись две партии: прорусская и отстаивающая свою независимость). Он же участвовал в совместном походе с русскими на Казань, в котором отличился героизмом и даже был воспет в русских исторических песнях, как герой взятия Казани. Как же так случилось?

В двадцатые годы прошлого столетия этим вопросом заинтересовался исследователь ногайского эпоса, талантливый русский фольклорист П. А. Фалев. Он в своей работе «Введение в изучение тюркских литератур и наречий» приводит такие строки: «Таким образом, можно предположить, что предание возникло в среде низших классов ногайцев, вероятно, не бывавших в Казани, а сидевших у себя дома. С любопытством прислушивались они к приносимым из Казани слухам, рассказам и песням, и имя Чора, князя и полководца, привлекло их внимание, так как напоминало им другого Чору — Кара — разбойника, около 1500 г. орудовавшего в приазовских степях и не дававшего спуску послам великого князя московского. Этим сопротивлением была дана пища поэтическому творчеству и создавалась былина о том, как Чора убил ханского вельможу, из-за чего должен был бежать с родины в Казань; потом в круг песен и преданий о Чоре вошли и другие песни и рассказы, связанные с Казанью, певшиеся ими с именами других героев или анонимно» (17). Среди казанских татар давно бытует ногайская песня «Чора батыр». Сейчас нам трудно судить, как она попала к ним: или она передана ногайскими сказителями в древние времена, или же попала, благодаря книжному распространению, позже. Факт очевиден: эта песня стала попу-

лярной, и в советское время без всяких изменений неоднократно переиздавалась в Казани. Существуют красочные детские издания этой песни. И что же получилось: Чора Нарикозич, который помогал падению Казанского ханства, стал национальным героем истории казанских татар! Я думаю, что поэтому издатели каждый раз должны оговаривать происхождение песни, чтобы впоследствии потомки не обвиняли их в моральной нечистоплотности...

П.А. Фалев совершенно прав, когда делает заключение о том, что ногайский эпос возник благодаря усилению знати и её победоносной борьбе с ханской династией. Но песня «Шора-батыр» стоит особняком во всем цикле исторических песен антиханского направления. Это единственное эпическое произведение у ногайцев, да и у всех тюрков бывшего улуса Джучи, посвящённая такому эпохальному событию, как потеря Казани.

Ещё необходимо сказать, что песня «Шора-батыр», как и многие ногайские песни, подвергалась народному редактированию. Я знаю многие опубликованные варианты дореволюционных и послереволюционных записей. До Октябрьской революции были осуществлены публикации «Шора-батыра» В. Радловым, М.-А. Османовым, после 1917 года — ногайскими фольклористами А.-Х. Джаибекковым, А. Сикалиевым.

Моему отцу в качестве домашнего имени с самого детства присвоено имя этого богатыря. Дома, родственники, аульчане до сих пор отца называют Шора-тай, хотя он широко в республике и в стране известен как писатель Суюн Капаев*. Именем богатыря его назвал отец, мой дед, Имам-Али. По рассказам отца дед, кроме того, что владел знаниями Корана, читал и писал по-арабски и по-русски, знал наизусть песню «Шора-батыр» и часто её пересказывал. Это длинная песня, певцы её поют по несколько дней. Мой отец, естественно, хорошо знал содержание песни и часто мне делал прозаические пересказы. Когда мне перевалило уже за сорок, как-то в разговоре о «Шора-батыре» отец мне сказал: «А ты знаешь, в варианте моего отца концовка песни совсем другая...».

Во всех вариантах песни, после того, как Шора-батыр вместе с конём тонет в Эдиле (Волге), произведение заканчивается тем, что в поверженной Казани появляются сестра, затем мать. Узнав о гибели богатыря, они произносят свои знаменитые в народе плачи.

— Какая же концовка у песни? — удивлённо спросил я у отца.

— Отец мой так рассказывал... После того как из Казани ушла мать Шоры, в месте, где утоиул Шора-батыр с конём, вода в реке

Прим. автора: эти строки писались до смерти отца.

краснеет от крови. Когда восходит молодая луна, в определённые ночи в том месте, среди волн, сверкает стальной меч Шоры и, если прислушаться, то сквозь плеск воды слышен голос богатыря, который говорит:

Каирга биткен терекпен,
Мен де бир куьн керекпен!

Я из речного песка растущее дерево,
Вспомните обо мне,
и я вам в один день пригожусь!

— Это же замечательная концовка! — воскликнул я. — Почему ты раньше об этом не говорил?

Отец лишь пожал плечами: понимаю, мол, как знаешь.

Судя по публикациям вариантов песни, я теперь понимаю, что она редактировалась самими исполнителями. И до революции, и позднее, певцы знали, что эту песню поют для обнародования не в ногойской среде, и потому убрали эту концовку, т. к. она была похожа на призыв к продолжению борьбы за Казань...

То же самое произошло и с преданиями о Чингиз-хане. Первоначально имя Великого завоевателя опускали из-за борьбы потомков Эдиге с чингизидами, а при царском и коммунистическом режимах упоминание его имени было вдвойне опасно.

В XVI—XVII веках в домене бывшей империи Чингиз-хаи происходило своего рода возрождение среди потомков могущественной династии. Поэтому монгольский монах Лубсан Данзан «сведения о происхождении и корне удивительно святых воплощений хаиов он собрал из стольких разных историй и пересказал». В конце книги он «ревностно» записал: «Пусть прочтёт великий народ (всё это), одно за другим». Его завещание направлено людям коренного юрта, но оно относится и к нам, ногаям, потомкам великого народа...

У НЕГО БЫЛА УДАЧА

Рашид-ад-дин в «Сборнике летописей» указывает, что на главный пост в монаршем роде могли рассчитывать и брат Чингиз-хана Хасар, и его анда Джамуха, и двоюродный брат Сечен-беки, но тут же предпочтение отдается будущему завоевателю мира, т. к. он «обладает внешностью, повадкой и умением для того, чтобы главенствовать, и он, несомненно, достигнет царственного положения» [18, 119]. Принципы избрания хана — древняя традиция в кочевом обществе. Мало быть представителем династии, надо ещё обладать качествами правителя. Если у претендента нет способностей, то и Небо отвернётся от него. Хана избирала знать народа-войска. И этот своего рода демократический подход на первом этапе возвысил род Чингиз-хана. (Однако после его смерти сама же знать утвердила наследственный принцип, и тогда борьба наследников со сторонниками демократического подхода привела к распрям и огромным противоречиям).

В пору становления личности августейшего владыки потомки Алун-гуа вынуждены были сами ковать свою судьбу и доказывать, что они действительно способны стать исполнителями божественной воли. По «Сокровенному сказанию» ханом мог быть тот, кто обладал силой: «Не имеешь силы, так незачем и ханом быть», — констатировали древние авторы. Эпитафия на древнетюркской стеле тоже точно характеризует требования к ханам:

*«После этого по велению Неба,
Так как у меня было счастье (и) так как у меня была удача,
Я поднял к жизни готовый погибнуть народ!»*

Эти слова очень важны для того, чтобы понять, почему древние тюрки и чингизиды не придерживались общепринятых принципов престолонаследия. История полна фактов, когда после смерти тюркского правителя его место мог занять и его брат, и любой

из сыновей (чаще младший) и даже дядя. Поэтому ещё раз для ясности прокомментирую данное требование.

Было бы «веление Неба», и не было бы «кута» (страсти, удачи, счастья, харизмы) Тангыкок не сумел бы поднять великий тюркский иарод. Но не было бы «веления Неба», то и со всеми этими качествами не стать ему правителем. Если бы Темучжин не был удачлив, не обладал обаянием и качествами победителя, то мог бы остаться лишь главою куреия или же ханом небольшого удела, и имя его затерялось бы среди сотен знатных степняков.

Несомненно, детство сыграло очень важную роль в становлении личности будущего властителя. Потеряв в раннем детстве отца, испытав все тяготы сиротства, он как бы избавил себя от преемственности дурных свойств, присущих аристократии, и вырос вождём новой формации. Суровое детство научило его не бояться лишений и опасностей, не страшиться преград. Он сизмальства знал, что если иметь волю, можно добиться многого. Конечно, Темучжин от рождения был властолюбивой натурой, но то, что совсем мальчиком он остался старшим, обострило в нём это качество до крайности. С другой стороны, старшинство обязывало его быть предусмотрительным, уравновешенным в общении, быть последовательным в поступках. Вместе с матерью ему пришлось участвовать в воспитании младших братьев, что требовало развития сторон характера, как чуткость и проницательность.

Став предводителем, он мог по жесту, по слову угадать настроение подчиненных, по какой-то малозначительной детали распознавать повадки недругов и врагов. Имея божественный отпечаток: «огонь в глазах и блеск на лице», он выделялся в своем окружении необычной внешностью: был высокого роста, имел нехарактерное для степняков лицо, глаза были цвета стекла (по-ногайски: сисе коьз), волосы были с красноватым оттенком. Как и в случае с Баурчи, его первым дружинником, люди сами выказывали ему симпатию и тянулись к нему. Так как больше всего в жизни он не любил предательства, то понятно, как он ценил дружбу. Умение приобретать и ценить друзей, несомненно, сыграло огромную роль в объединении народов Великой степи.

Казалось бы, вот незначительная деталь: Даян-сечен дарит дочери соболью шубу. Ну, и носила бы жена Темучжина подарок отца. Ан нет. Темучжин эту шубу относит и дарит побратиму своего отца кирентскому Тогрул-хану. Подарок не столь большой для хана, главное внимание. Покинутый и преследуемый родственниками молодой человек знал, что рано или поздно ему придётся обратиться за помощью к сильному и влиятельному покровителю. И эта помощь поиадобилась, когда меркиты напали на курень и увели женщины, вместе с его женой Бортой.

Темучжин обратился за помощью к Тогрул-хану и к своему анде¹ Джамухе, и они не отказали. Тогрул-хан, помня свою дружбу с отцом Темучжина и учтивость молодого человека, проявил великодушие, а у Джамухи, видимо, чувство долга осталось с детства, когда во время игры в альчики на льду Орхона они с Темучжином поклялись в верности друг другу и заверили дружбу кровью.

Тогрул-хан и Джамуха выставили войско из трёх туменов — это тридцать тысяч воинов. Союзники наголову разбили меркитов и вериули Борту Темучжину. Победа над меркитами не была событием таким уж разительным, внушительна была сама поддержка Тогрул-хана и Джамухи. Л.Н. Гумилёв справедливо удивляется, зачем ради победы над тремястами меркитами надо было выставить 30 тысяч всадников. Как объяснить то, что союзники мобилизовали три тумена? Преднамеренно или случайно? Сбор войска даже в очень мобильном кочевом обществе — дело непростое. Войско не всегда стоит наготове. Значит, надо рассылать гонцов в разные концы ханства, сначала сзывать звать, давать распоряжения, затем необходимо собирать воинов из аулов и куреней, где они заняты повседневными заботами. Ради кого? Ради молодого человека, не имевшего в распоряжении даже несколько десятков воинов. Как он убедил Тогрул-хана и Джамуху?

Такая демонстрация поддержки со стороны могущественных людей оказала невероятное впечатление на окружение. Результатом этого акта стало то, что к Темучжину стали возвращаться сородичи и подвластные, которые покинули их семью после смерти Есугай-багура. К нему также стали стекаться люди, которые, как и он, жаждали удачи. Степные рыцари из таких же одиноких куреней сами стали предлагать себя. А вольных людей в кочевническом обществе всегда было в избытке. На западе Великой степи их называли казаками. Л.Н. Гумилёв по материалам китайских источников называет их «людьми длинной воли». Часть этих людей была молодёжь, ищущая приключений, другая часть состояла из тех, кто был обделён знатными родственниками и потому недоволен.

Стекающиеся к Темучжину воины представляли разные роды и племена. Этот разноплеменной приток вольных людей подска-

¹ Кстати, у ногайцев в прошлом был довольно широко распространён обычай *антдослар*. Это значит — клятвенные друзья. Мужчины, а чаще юноши, клятву в дружбе заверяли кровью. Для этого делали ножом разрез на руке, капали по капле кровь в напиток, затем выпивали. Такой же обычай был и у древних скифов

зал будущему правителю идею нового государства. Десятки, сотни, тысячи в этот период создавались не по родству, а по мере прихода и по качеству боеспособности. Командный состав тоже подбирался не по принадлежности к знати, а по удали, храбрости, смекалистости. Родственники, которые ранее примыкали к Джамухе, возвратившись к Темучжину, привели с собой немало недовольных. Л.Н. Гумилёв писал: «Постоянно Джамуха сталкивал людей друг с другом и пускался в лицемерные ухищрения различного рода», и такое поведение послужило поводом для оттока людей. В это время Джамуха являлся ханом большинства монгольских племён. За короткий срок в стан Темучжииа перешло более 10000 воинов. Надо учитывать, что эти люди в большинстве случаев переходили с семьями и даже с обслугой.

Около 1180 года у Темучжина было уже достаточно и населения, и военной силы, чтобы создать свое хаиство. Именно тогда, в возрасте 25 лет, он и был провозглашён. Свой титул Чингиз-хана он получил не на Великом курултае 1206 года, когда он создал государство, объединив несколько ханств, а именно в 1180 году, будучи избранный ханом своего улуса. Он стал заметной фигурой в степи, но до могущества ещё было далеко. В самой монгольской среде улус Джамухи значительно превосходил силы новообъявленного хана. Возвышение Чингиз-хана вызвало ревнивые чувства прежде всего у Джамухи. Линия отношений Джамуха — Чингизхан блестяще отражена в исторических преданиях.

Чтобы укрепиться, опять необходима была удача. И вот, когда могущественные чжурджени выступили против одного из крамольных правителей татар и преследовали его в степи, Чингизхан сообщил об этом Тогрул-хану и предложил совместно напасть на старинных врагов — татар. Тогрул-хан принял предложение. Грозные татары потерпели поражение. Кроме добычи победители получили награды от самого чжурдженьского правителя империи Цзинь (Кинь). Император Алтан-хаган присудил кирейтскому Тогрул-хану титул Ван-хана (в тюркской огласке Онг-хан — И.К.) а Чингиз-хану — титул *чаутхури* (по Рашид-ад-дину титул равнялся званию великого эмира в мусульманских странах). Такая награда, как и сама победа, сильно подняли авторитет молодого Чингизхана.

Исторические предания не скрывают и ряда неудач, возникших в связи со сложными отношениями с Джамухой. Джамуха сам искал повода для ссоры. Младший брат Джамухи Тайчар напал на одного из сторонников Чингиз-хана и угнал у него табун. Владелец табуна, преследуя угонщиков, выстрелом из лука убил Тайчара. Джамуха, мстя за брата, напал на Чингиз-хана и нанёс его войску поражение. Однако, несмотря на эту неудачу, на сторону Чингиз-

хана продолжали идти люди Джамуха через некоторое время, вместе с найманами, выступает против Онг-хана и Чингиз-хана, затем предаёт найманов, становясь союзником Чингиз-хана, и обеспечивает одну из важных побед над найманским правителем Таян-ханом.

Чингиз-хану, особенно в решающие моменты, часто приносили удачу непростительные ошибки соперников. Его возвышению во многом способствовало непоследовательное и вероломное поведение Джамухи. В 1201 году тот создал сильную коалицию из степных племён и объявил себя гурханом (по определению Рашид-ад-Дина, «государь султанов и царей»). Коалиция эта была создана против союзников Онг-хана и Чингиз-хана. Перед решающим сражением, когда племена, входившие в коалицию, сделали попытку покинуть гурхана, Джамуха сам же разграбил их становища. Переход двух сильных племён (*урут* и *мангыт*) от Джамухи к Чингиз-хану предрешил падение улуса анды. Что касается отношений с Онг-ханом, они тоже не были последовательными (в основном из-за противоречий киреитского правителя с сыном), закончились открытым вероломством, что не только разрушило многолетнюю дружбу, но и привело к падению ханства; рагромленные киреиты были рассеяны Чингиз-ханом по всей степи.

Энергичные, мужественные и заносчивые родственники будущего владыки степей тайчжуиты и совсем близкие джурки, так прозванные потому что их ветвь пошла от двоюродного брата Есугай-багатура Сорхата-джурки², тоже вели себя непоследовательно. При первой победе над меркигами, обеспокоенные столь внушительной поддержкой Темучжина со стороны Джамухи и Тогрул-хана, джурки вспомнили о том, что некогда входили в улус Есугай-багатура, и перешли на сторону некогда отвергнутого ими родственника. Однако ни Темучжин, ни его братья не забывали о нанесённой им обиде. Особенно мечтала о мести их мать, о чём неоднократно упоминается в источниках. Родня, в свою очередь, так же держала многолетнюю злобу на потомство Есугай-багатура. Ненависть сидела очень глубоко, и натянутость отношений сказалась сразу на пиру, данном в честь примирения. Что это был за пир? Интересны некоторые этнографические подробности.

Скандал подняли старшие в роду женщины. Повод был такой: кравчий Шихурчи нарушил очередность и вовремя не налил им пи-

² Джурки — не имеем ли мы дело с приверженцами христианского Георгия, джурки — Георгий? Именование *тайджиуиты*, кажется, тоже подчёркивает сословие: тайджи — царевич, принц, т. е. род, представлявший принцев по крови — *И. К.*

тя. Джуркинские женщины побили кравчего. Когда били, Шихурчи плакал, кричал: «Из-за того, что иет Есугай-багатура и Нагун-тайши, меня бьют». Но это было только начало. На пиру от Чингиз-хаиа распорядился младший брат Бельгутаи, от джуркинской стороны — силач Бури Буга. В разгаре пира другая женщина из джурок, проходя мимо коня Чингиз-хаиа, ловко срезала стремя и унесла, несмотря на охрану. Бельгутаи увидел это, догнал её и избил, сломав ей ногу. Надо сказать, что потеря стремени у степняков — плохая примета, а похищение стремени у хана — большая дерзость и жестоко наказуемое преступление. Тогда Бури Буга, защищая воровку, вступил в потасовку и мечом задел плечо Бельгутаи так, что пошла кровь. По предыдущему тексту источника видно, что Бури Буга до этого уже сталкивался с Бельгутаем и без особого труда одолевал его в борьбе.

Чингиз-хан, сидевший в теи, увидел окровавленного брата, подошёл и спросил: «Кто это сделал, пока мы разговаривали?». Бельгутаи сказал: «Мы поругались ещё утром. Не нужно из-за меня иарушать согласие между родственниками. Я не утомлён!» Но Чингиз-хан не посмотрел на то, что Бельгутаи удерживает его, и с товарищами вступил в рукопашную драку. Бились сучковатыми палками и кожаными мешками. Сторона Чингиз-хана одолела, захватив и уведя обиженных джуркинских хатуи (госпож). При этом Хасар (брат Чингиз-хана) отстреливался стрелами от преследующих и, как сообщается в преданиях, «убивал каждой стрелой по человеку». Мирио задуманный пир закончился крупной враждой. В этой суматохе Бельгутаи смог подобрать другого коня Чингиз-хаиу и усадить его в седло. Правда, усадил не по обычаю, а с левой стороны «яловой кобылы». Джурки схватили отставшегося Бельгутаю и привязали к оглобле повозки, после чего забыли про него. Когда пьяные джурки уснули, Бельгутаи ушёл в свой стан, волоча за собой повозку. Посрамлённому Бельгутаю досталось и в своём стане, он был взят под охрану за то, что посадил хана с левой руки (эта тонкость, кстати, до недавнего времени существовала и у ногайцев).

Обычный пир кочевников. Напились, как водится, кумыса. Такой пир редко проходит без драк, потасовок, без женских свар. Порою конфликты специально провоцируются, и после пира бывает трудно разобраться, что было всерьёз, что для потехи.

В описании начала этого пира есть один занимательный эпизод. «Джургены (джурки), задумав недоброе, выкопали яму и покрыли её сверху войлоком. Когда владыка подошёл и (сказал): «Сядем на середину войлока!», то Отчигин (брат Чингиз-хаиа) оттащил от владыки войлок и усадил его на край подстилки» [7, 105]. Думается, что тут явно присутствует игровой момент, так как для

серьёзного пира такая уловка дерзко недружественная, тем более — в самом начале предстоящего веселья. Ряд деталей так же надо расценить как спектакль. Разве мог трезвый кравчий Шихурчи, знающий все тонкости степного этикета, сначала налить питьё младшей женщине? В степи, даже у современных ногайцев, первоочерёдность за столом, в преподнесении подарков и качество угощения вызывали и вызывают огромные споры. Я представляю, что могло означать нарушение первоочерёдности среди аристократической женской половины. Кравчий, а тем более Бельгутаи, хорошо должны были знать это. Остаётся думать, что это тоже была игровая провокация. Только непонятно, был ли весь пир был задуман в стиле народных обычаев, или же потеха была разыграна экспромтом? Например, Бельгутаем?

У ногайцев даже на свадебных торжествах, наряду с обычными церемониями, затеваются розыгрыши. Например, стараются выкрасть папаху, головной убор жениха. Если по-серьёзному, это осрамление жениха, но похищение происходит в игровой форме и если удастся — за папаху требуют выкуп, всё кончается мирно. Кража ханского стремени — забава из этого разряда. Потасовка тоже похожа на потеху, ведь дрались палками и кожаными мешками. Есть один сомнительный момент — это рана, нанесённая Бельгутаю мечом. В потехе оружие не применяется.

Ещё потешным обычаем у нас, ногайцев, считается, когда во время приглашения родственников невесты, так называемого знакомства сватов, взрослая женская половина устраивает похищение одной из свех. Параллельно молодёжному веселью пожилые женщины разыгрывают свою потешную свадьбу. После умыкания свахи за неё начинают требовать калым, соглашаясь на определённой сумме. «Женихом» является одна из женщин (со стороны настоящего жениха), которая во всём подражает мужским манерам, ухаживает за «невестой». Затем устраивается «бракосочетание» с фиктивным муллою и доверенными лицами, затевается пир, сопровождающийся танцами «жениха» и «невесты», песнями и всякими соответствующими обрядами. Во время этой потехи разыгрываются потасовки и скандалы, которые нередко возникают на настоящей свадьбе. По рассказам старожилов раньше, особенно среди степных ногайцев, устраивались потешные пиры с избранием хана и его сподручных, придумывались всякого рода сцены из жизни повелителя. На празднике кубанских ногайцев сабантой (праздник первой борозды) тоже избирается фиктивный хан, нукеры, военачальники, а главный комический персонаж *теке* в маске козла подтрунивает над ними, разыгрывает всяческие сатирические сценки.

Пир в степи, данный в знак примирения родственников, по многим признакам похож на эти традиционные розыгрыши степняков.

Вероятно, пир, начавшийся с потехи, всё же кончился настоящей ссорой, потому что Хасар отстреливался и при этом убивал. Отношения между родственниками не наладились. Вскоре после пира, когда Чингиз-хан сговорился с Тогрул-ханом напасть на преследуемый чжурджениями татарский отряд, джурки, ранее давшие согласие участвовать в походе, подвели. Чингиз-хан напрасно прождал сородичей в условленном месте. Больше того, когда августейший владыка с Тогрул-ханом бились и победили татар, джурки вероломно напали на стан Чингиз-хана, ограбили пятьдесят человек, а десятерых убили.

Возвратившись и узнав о содеянном, Чингиз-хан, сердясь и гневаясь, сказал: «Как можно (допустить), чтобы кто-то так с нами обходился! Когда мы пиروвали в лесу на Ононе, Бельгутаю разрубили плечо. Когда (они затем) сказали: «будем в согласии!», мы отдали обратно обеих (женщин) Хогугчин-хатун и Хориджан-хатун. После этого мы решили отправиться в поход против татар, губивших наших отцов и предков и прежде бывших нам ненавистными и враждебными, и ждали джургенов шесть дней, (но) они так и не пришли. Ныне они сошлись с нашим врагом, и разве сами они не стали действительно нашими врагами» [7, 105].

Крепость рода во все времена являлась основной моральной ценностью у степных народов, поэтому Чингиз-хану сложно было решиться на открытую вражду с главным виновником бедствий и несчастий, постигших его семью. Но Таргитай, двоюродный брат Есугай-багатура, нанёс уже целую цепь обид, среди которых одно только пленение юного Темучжина с целью убийства могло привести к кровавому исходу. Видно, однако, что Чингиз-хан не мог так просто разорвать кровные узы, беспокоясь, как это отзовется в народе. Приведённая выше речь — свидетельство тому. Он не приводит в ней личных семейных обид как обвинительных доводов. Предстоящее выступление против родственников преподносится как выступление против изменников народа.

Чингиз-хан положил конец длительной неопределённости и повёл войско на сородичей. Сперва были уничтожены враждебно настроенные джургены. Они были наказаны за обман при выступлении против татар, когда заставили ждать Чингиз-хана целых шесть дней, но так и не пришли. А тайчжиуты всегда относились враждебно к августейшему владыке, вот тому и случай представился для сведения счётов. Они входили в коалицию Джамухи. Непоследовательный глава коалиции, как уже говорилось, неожиданно покинул союзников, до этого ограбив их обозы. Покинули войско и найманы, испугавшись разразившейся над их станом грозы, — решили, что это небесная кара. Как говорится, помог случай. Тайчжиуты во главе с Таргитаем Кирил-тухом и меркиты под коман-

дованием Тохта-бека, старинного врага Чингиз-хана, вступили в сражение. Битва была кровопролитной и продолжалась до самой ночи. В этом бою августейший владыка был серьёзно ранен стрелой в шею. Авторы преданий красочно пересказывают эпизод спасения жизни. Воин Джелме долгое время отсасывал кровь из шеи, так что весь пол шатра был запачкан сгустками крови. Затем Джелме для спасения жизни владыки ищет кумыс. Не найдя его в своём лагере, он практически голый, в нижнем белье, отправляется во вражеский лагерь, и там достав напиток, возвращается к раиенному, помогает ему встать на ноги. Этот эпизод авторам преданий понадобился для того, чтобы показать однородность противников; в такой суматохе трудно было различить кто свой, кто чужой.

На следующее утро объединённое войско Чингиз-хана и Онг-хана разбивает войско противника. Августейший владыка казнит своих старинных врагов. В преданиях говорится, что «Чингиз-хан развеял по ветру пепел тайджиутов, разорил их вплоть до потомков их потомков». Во время казней августейший владыка спасает знакомого нам старика Торган-Шира, который некогда спас ему жизнь. Вместе со стариком к Чингиз-хану приходит с повинной Джихурдай и сознаётся в том, что он стрелял во владыку и подстрелил его коня. Чингиз-хан одобряет чистосердечное признание, прощает Джихурдаю и, дав ему имя Джебе (стрела, стрелок), делает своим воином. В дальнейшем Джебе становится одним из знаменитых военачальников.

Чингиз-хан истребил почти всех враждебно настроенных родственников, а оставшихся сделал подчинёнными и рабами. Взаимоотношениям с родственниками авторы преданий уделяют много места, это и понятно, тогда вся степь состояла на крепости родственных уз. Одиноким человек в степном обществе погибал или становился чьим-то рабом. Истребление строптивных родственников, несомненно, возвысило личность владыки в глазах всех племён, доказав основательность устанавливаемой власти. Однако на курултае 1206 года опять-таки были утверждены незыблемые и традиционные для степи родственные и наследственные права по всей вертикали, которых должны были придерживаться все — от членов ханской династии до простых десятников.

Авторы преданий передают ещё один эпизод, характерный для понимания родственных отношений среди потомков Алун-гуа. Это касается Бельгутаю и одного из близких родственников, силача Бури Буга. Бури Буга являлся двоюродным братом Чингиз-хана и Бельгутаю. Рана, нанесенная силачом Бельгутаю, была веским аргументом для нападения на джурок. Так как этот эпизод приводится после истребления родственников (джурок), а Бури Буга

являлся джуркой, значит, силач находился в стане Чингиз-хана либо занимал лояльную позицию. Как-то задолго до этого Бури Буга боролся с Бельгутаем, без всякого труда свалил того на землю и «придавил так, что не дал шевелиться». Теперь, после покорения джурок, Чингиз-хан позвал Бури Бугу в ставку и сказал ему и Бельгутаю: «Поборитесь-ка». Непобедимый в борьбе силач решил поддаться и «готов был упасть». «Бельгутаю не смог сразу сбить с ног, но поднял его на плечо, так что стала видна часть зада. Бельгутаю быстро взглянул на Чингиз-хана. Тот прикусил нижнюю губу. Бельгутаю понял, сел верхом на Бури Бугу, схватил (его) за голову и ноги, потянул и, нажав коленом, сломал ему хребет. Бури Буга со сломанным хребтом промолвил: «Бельгутаю не победил. Я боялся хагана и, испугавшись, нарочито упал и упустил свою жизнь» [7, 110].

Всё же вызывает большое сомнение: вытаскивал ли меч на пиру Бури Буга, зачем он ему понадобился? Не было ли это подвохом, подстроенным поводом для ссоры?

Бури Буга поплатился жизнью не только за то, что он был джурка, а за то, как видно из предания, что когда-то поборол брата хана. Уступающий по знатности, по званию не смел поднять руку на старшего. Как уже говорилось, Чингиз-хан знал, что порядок начинается с малого: в семье, в роду, в племени. Младший должен слушать старшего; сотник — тысяцкого, тысяцкий — темника, темник — хана.

Сам же хан имел право возвысить младшего над старшим, и этот принцип в изначальном формировании войска сыграл огромную роль. Чингиз-хан считал: человек, умело управляющий десятью воинами, может командовать и сотней, и тысячей. Самые первые преданные его нукеры Баурчи и Желме заняли высокие посты в войске, простые конюхи Бадай и Кишлык за преданность стали знатными ноями, за свои полководческие качества Субетаю и Мухули доверялись огромные армии, где они правили самолично. Сначала несоблюдение правил родового института в основном и притягивало способную к ратному делу молодёжь. По воле хана отличившиеся привлекались в органы управления улуса, а затем и империи. Улус объединялся по новым правилам. В войске все понимали: ради того, чтобы обрести могущество, необходимы дисциплина, порядок, взаимовыручка и общее желание принести победу своему хану.

Многие учёные склонны считать, что такое сильное и могущественное государство появилось благодаря деспотизму правителя, массовому террору, внушению страха. Я сомневаюсь, что это так. Укрепление и создание сильной власти террором, массовыми казнями не были нововведением ни в глубокой древности, ни в кон-

це XII века. Заслуга Чингиз-хана в том, что он смог сплотить разноплеменный народ на принципах взаимодоверия, порядка, стремления к победе. Народ поверил, что хан непобедим. А уж победы возвышали и предводителя, и сам народ.

Распространению влияния на общество и установлению авторитета правителя способствовали и ораторские способности, и мудрая речь августейшего владыки. Многие его устные высказывания при жизни становились крылатыми, и происходило это потому, что народ жаждал не только хана-победителя, но хотел иметь разумного правителя. Как отмечают историки, одним из любимых поучений Чингиз-хана были слова: «Достоинство каждого дела заключается в том, чтобы оно было доведено до конца». Для уставших от распрей и разногласий безвольных вождей современников, да и для потомков это было актуальнейшее наставление.

Высказывания Чингиз-хана записывались ещё при жизни, и многие из них дошли через свод законов «Уллы Ясак» («Великая Яса»), одна из частей которого представляла собой сборник изречений «Билик». Отрывки из «Уллы Ясака» дошли до нас в основном из сочинения Рашид-ад-дина, но отдельные авторы (Ибн-Батута, Макризи и др.) цитируют некоторые статьи из великого установления. Можно допускать, что в кочевом обществе существовали писанные своды, утверждавшие степные законы и до эпохи Чингиз-хана. Отличительная черта «Уллы Ясака» в том, что закон исходит от августейшего владыки. Одна «из первых статей гласит: если «...вельможи, богатыри и беки, находящиеся у них (государей — И.К.), не будут крепко соблюдать ясак, то дело государства потрясётся и прервётся. Опять будут охотно искать Чингис-хаи и не найдут».

Огромный интерес представляют изречения, подчеркивающие черты характера, нравственную позицию самого Покорителя Вселенной. Вот некоторые из них:

«Всякий, кто может очистить внутри у себя, тот может очистить владения от воров».

«Всякое слово, которое сказали, думаю, что оно сильно, если его скажут серьёзно, а если шутя — нельзя исполнить».

«Каким образом человек знает себя, пусть узнает и других».

Изречения, касающиеся дисциплины, порядка, способствующие поднятию боевого духа, воспитывающие решительность, непоколебимость тоже подчеркивают личные качества Чингиз-хана. Калмыцкий исследователь биографии Покорителя Вселенной Эренжен Хара-Даван приводит такое изречение из «Билика»: «Среди народа должно быть подобным телёнку, маленьким и молчаливым, а во время войны — подобным голодному соколу, который является на охоту: должно приниматься за дело с криком». Эренжен Хара-Даван,

характеризуя это изречение, справедливо пишет, что в нём «подчеркивается напряжение энергии, которое употреблено для войны, и тот смелый, наступательный дух, которым, по мнению законодателя, должно быть проникнуто её ведение» [11, 27].

Эмигрировавший из России Эренжен Хара-Даван, живя в Белграде, имел доступ к зарубежным источникам, в которых дана объективная оценка роли личности Покорителя Вселенной. К сожалению, советские учёные, и я тоже, не имели такой возможности, положительные отзывы о завоевателе были запрещены в советской науке, в то время как на Западе существовали труды, даже идеализирующие личность Чингиз-хана. Из таких мне видится очень интересной работа английского ученого Гарольда Лэма «Чингизхав», изданная в Лондоне в 1928 году.

«Ни Темучин, ни преданные ему молодые храбрецы не были людьми мелкой души, — пишет англичанин. — В характере самого Темучина было глубоко заложено великодушие и чувство благодарности к тем, кто ему верно служил... Он был приучен к тому, чтобы хитростью уравнивать коварство своих врагов, но слово, данное им кому-либо из своих, никогда им не нарушалось. «Недержание своего слова, — говаривал он в позднейшие годы, — со стороны правителя является гнусностью» [там же].

Чингиз-хан строго осуждал низменные пороки. В его заветах открыто говорится, что людям с порочными наклонностями нельзя доверять власть. На примере исторических преданий об августейшем владыке мы видим, что народ испокон веков лелеял образ благородного правителя. Чингиз-хан, хотя и рос в трудных условиях, подвергнутый лишениям и опасностям, но воспитывался исключительно на народных традициях. Несомненно, эталоном для подражания ему служил отец, человек, имевший в степи огромный авторитет, а также прямые предки Кабул-хан и Амбагай-хан, выглядевшие в глазах поколения Темучжина идеальными правителями. От них и была им была унаследована заветная цель ханского рода — объединение народов Монгольской степи, а если доверять родословным тюркских ханов, то и объединение всей Великой степи. Неся в душе такие высокие цели, августейший владыка старался и в своём окружении иметь высоконравственных, храбрых, решительных людей.

Кирейтский правитель Тогрул-хан, впоследствии больше известный, как Онг-хан, не только считался андой отца Чингиз-хана Есугай-багатура, но после известного случая с собольей шубой стал названным отцом Темучжина. Как говорилось, поддержка Онг-хана сыграла огромную роль в возвышении Чингиз-хана. То, что появился явный претендент на первенство в степи, хорошо понял сын Онг-хана Сенгунь. Он приложил немало усилий для того,

чтобы подбить отца к выступлению против предполагаемого противника. Чингиз-хан, со своей стороны, был верен могущественному хану киреитов и ничего не сделал такого, чтобы подозрения Сенгуня имели почву. Но судьбе оказалось угодно, чтобы Онг-хан пошёл на предательство. Благодаря сообщению простых табунщиков Бадая и Кишлыка Чингиз-хан узнал заранее о коварстве названного отца и, будучи предупреждённым, успел подготовиться к битве. Против многочисленного войска киреитского хана, притом объединенного с Джамухой, он смог выставить только 4600 всадников, поэтому, отразив первый удар, стал отступать...

Коварство умудрённого опытом Онг-хана было совершенно неожиданным и нелогичным. Чингиз-хан вначале полагал, что произошло какое-то недоразумение. Он послал людей для выяснения обстоятельств и отправил с ними послание, в котором признавал старшинство киреитского хана. Но вместо Онг-хана ответил его амбициозный сын Сенгунь, требуя сражения, на котором должно выясниться, кто будет ханом степи.

Чингиз-хан, чтобы оттянуть время, отступил в леса и успел привлечь на свою сторону новых союзников. И всё же из-за многочисленности киреитского войска вступить в открытую битву не решился. А тем временем киреиты обыскали всю округу, но чингисхановых воинов не обнаружили. Киреиты до этого пленили брата будущего степного владыки Хасара и решили его послать на поиск Чингиз-хана, оставив семью Хасара у себя в аманатах. Хасару удалось найти брата, и он поведал Чингиз-хану о создавшемся положении. Владыка велел брату остаться с ним, а к киреитам послали людей Хасара, чтобы Онг-хан прислал своих приближённых и убедился, что войска нигде нет... Это была хитрость. Онг-хан попался на уловку и прислал своих людей. Чингиз-хан пленил их, пытал и выведал расположение киреитского войска...

Ночью выведя войска из леса, Чингиз-хан напал на пирующую ставку киреитов. Внезапность нападения решила успех сражения. Многочисленное войско Онг-хана было разбито, часть его сдалась на милость победителя. Киреитский хан с сыном бежали на запад, к найманам. Однако найманы убили Онг-хана, а затем и неудачливого сына. Таким образом киреиты, представлявшие самое могущественное ханство в Монгольской степи, потеряли свою самостоятельность и были рассеяны среди других племён, дабы никогда уже не возродиться.

Это была одна из решающих побед в становлении нового государства в Восточной степи, что отметил сам августейший владыка. В речи на Великом курултае 1206 года он сказал: «Вечное Синее Небо повелело мне править всеми народами. Покровительством и помощью Неба я сокрушил род киреитов и достиг великого сана...»

С другой стороны, эта победа очень показательна и назидательна в том плане, что счастливый случай играл значительную роль в победах Чингиз-хана. Победа обязательно ускользнёт от человека с дурными помыслами, и Небо (Тангри — *И. К.*) будет на стороне справедливого хана.

Благородство — одна из черт идеального правителя. Обладая возвышенными чувствами, можно приблизиться к Небу и рассчитывать на удачу. Хан, поддерживающий справедливый закон, всегда был почитаем народом. Но чтобы быть справедливым, необходима воля.

А так как хан являлся воплощением небесной воли, всё в хане должно быть возвышено, подобно Небу. Только с высокой и чистой моралью можно было исполнять Небесную миссию. Моральная правота подпитывала волю хана, давала ему энергию на большие победы, на пламенные речи. Речь талантливого предводителя в степи всегда слушали затаив дыхание, и в этом отношении августейший владыка имел феноменальный дар. Вот одно из обращений Чингиз-хана к военачальникам: «Вы мои воеводы, *из вас каждый подобен мне во главе войска!* (Подчеркнуто. — *И. К.*). Вы подобны драгоценным украшениям головы. Вы — собрание славы, вы — несокрушимы как камень! И ты, моё войско, окружающее меня, словно стеной, и выровненное, как борозды поля! Слушайте мои слова: во время мирной забавы живите одной мыслью, как пальцы одной руки; во время нападения будьте как сокол, который бросается на грабителя; во время мирной игры и развлечений клубитесь как комары, но во время битвы будьте как орёл на добыче!». Мы можем допустить, что обрамление этой речи совершили авторы исторических преданий, но если бы не было семени вдохновения, как бы могло вырасти такое пламенное дерево!

Подвластные беспрекословно исполняли волю хана, поскольку его повеления отвечали их духовным и нравственным запросам. Только такой хан мог заботиться о могуществе и благосостоянии народа, при таком хане можно было не беспокоиться за свою жизнь и за жизнь близких, такой хан обеспечивал порядок внутри государства и защиту его от врагов.

Конечно же, поднятие меча на родственников справедливым поступком никак не назовёшь (имеется в виду истребление тайчджутов, они были истреблены после джурок), даже в благородных целях, для защиты обделённых и обиженных. В степи осуждалось убийство кровной родни, поэтому все древние предания изобилуют рассказами и поучениями Чингиз-хана о сохранении родовых устоев, древних обычаев. Другое дело — отмщение врагам. И Чингиз-хан при первой же возможности исполнил заветы отцов. Так исполнил, что содрогнулась вся Великая степь и затмилась

реставрировать церковь, названную ещё в 1059 году именем Марии Магдалины. Во время работ он нашёл меж балками старинные пергаменты в деревянных цилиндрах, на одном из которых было изображено генеалогическое древо Меровингов, а на другом находились религиозные тексты. Сам Сонье являлся потомком древних Меровингов. После находки пергаментов он неоднократно обращался к церковным иерархам... После чего неожиданно разбогател, стал известным филателистом, построил в средневековом стиле башню и очень своеобразно отстроил церковь Марии Магдалины. В церкви «за порталом бросалась в глаза омерзительная статуя Асмодея, князя демонов, по Талмуду — стража сокрытых сокровищ и строителя храма в Иерусалиме». На стенах церкви были развешаны рисунки, противоречащие католическим канонам. На одном из них был «нарисован ребёнок в пёстром пледе, наблюдающий за погребением Христа, а на заднем фоне — ночное небо и полная луна». Это противоречит Библии, т. к. Иисус был захоронен в пещере днём. Также в церкви было много непонятных записей на иврите.

За эти вольности Сонье призывался к ответу, но очень страшно вышло, что Римский папа поддержал его. Авторы сенсации полагают, что отец святой церкви знал о тайне Сонье по инквизиционным процессам над еретиками. В пользу такого предположения говорит и то, что Ренн-ле-Шато был не только бастионом Меровингов и тамплиеров, но тесно был связан ещё с одним еретическим орденом — с катарами. Которые, как уже говорилось ранее, вовсе отрицали существование Иисуса и тоже в начале XIII века подверглись инквизиции. Видимо, катары и тамплиеры пользовались каким-то общим источником, но каждый орден трактовал имевшиеся у них сведения по-своему. Не осуждённый за свои вольности Сонье жил припеваючи, получал крупные денежные переводы от представителей известных в Европе монархических династий (Габсбургов) и других знаменитостей. Эти средства он также тратил — на постройку роскошной виллы, водопровода, устройство пышных бакетов.

Исследуя источники неожиданного и баснословного обогащения Сонье, авторы книги «Святая кровь и Священный Грааль» полагают, что кюре шантажировал самого Римского папу!

Соглашаться или не соглашаться с таким изложением тайны тамплиеров трудно. Можно сказать, что оно правдоподобно, и такая правда ошеломляет и вызывает некоторые недоумения. Если христианская церковь знала об этой тайне, то невозможно поверить в какую-то святость её служителей. Я думаю, что такие служители без всяких расследований должны были приговорить к смерти деревенского кюре, дабы подвергнуть вечному забвению подобную

Когда закончился совет, один из плененных знатных татар по имени Йэхэ Чэру спросил у брата Чингиз-хана Бельгутаю, о чём совещались на совете. Бельгутаю передал, о чём говорили. Йэхэ Чэру известил пленный стан татар о предстоящей казни. Татары, припрятав в рукавах ножи, ожидали свой смертный час. Наутро воины Чингиз-хана принялись исполнять приказ. Никто не ожидал сопротивления, и потому Чингиз-хан потерял много своих людей. Но несмотря на это, его воля была исполнена. Все татары, за исключением малых детей, были поголовно вырезаны. Это была месть за павших от рук татар великого Амбагай-хана и отца Чингиз-хана Есугай-багатура.

Хан только после кровавой бойни узнал, что решение совета передал врагу «болтливый» Бельгутаю. Чингиз-хан велел брату не присутствовать больше на великих советах. Он отдал приказ: «Пусть он (Бельгутаю) охраняет снаружи, до тех пор, пока не окончится совет!». Возможно, это был популистский маневр владыки, дабы показать подвластным, что для поддержания порядка и справедливости могут отстраняться от государственных дел даже родные братья. Но кое-какие сомнения вызывает сам проступок Бельгутаю...

После совета и в день казни татар все военачальники Чингиз-хана и все его простые воины повторяли заветные слова Амбагай-хана: «Мстите и неустанно воздавайте за меня не только до той поры, что с пяти пальцев ногти потеряете, но пока и всех десяти пальцев не станет!». Но слова словами...

День истребления татар весьма необычен даже для сурового, жестокого средневековья. Необычна психологическая ситуация. Если истребление происходит после победного боя, когда воины в пылу схватки, преследуя, продолжают убивать вражеское население, то это вполне объяснимо. Но ночной совет решал судьбу стариков, пастухов, неопытных юношей и подростков, судьбу тех, кто не носил оружия. Кочевники и в ранние, и более поздние времена не убивали людей напрасно, тем более тех, кто не мог оказать сопротивления. Чисто с практической точки зрения это было件 unnecessary и невыгодно. Люди всегда составляли главную добычу. Женщин и девушек брали наложницами, взрослых и пожилых заставляли выполнять тяжёлую работу по хозяйству: пасти скот, заниматься ремеслом. Пленных детей продавали в рабство или же оставляли у себя для их эксплуатации. Ведь в эту ночь речь шла сугубо о мирном татарском населении. Татары жили в семидесяти тысячах юрт. Даже если допустить, что в живых остались все женщины и девушки, примерно по три-четыре подростка в каждой семье и по одному пожилому человеку на три юрты, то общее

число истребляемого населения приблизится к 150—200 тысячам. Все источники сообщают, что живых среди взрослого населения почти не осталось. То есть были уничтожены и женщины, которые в кочевом обществе скакали на лошадях и владели оружием. В этом случае количественная оценка истреблённых значительно возрастает.

Хладнокровно убить такое количество людей невыносимо. Тем более что после победы обычно наступали мирные торжества. Поэтому возникает вопрос: а не было ли сопротивление татар спровоцировано тем же Бельгутаем? Брат Чингиз-хана — противоречивая фигура. Вроде бы болтливый и опрометчивый, но пользующийся доверием августейшего владыки. Гумилев считает, что меркиты напали на курень Чингиз-хана вследствие предательства матери, сбежавшей из родных краев вместе с меркитами. Об измене женщины Чингизу доложил её собственный сын, после чего она была схвачена и казнена. Бельгутаю же заслужил доверие брата. Одной из причин ссоры с родственниками-джурками является рана Бельгутаю, полученная от Бури Буга. После известного пира Бельгутаю, взяв под стражу, наказали за то, что он подвел к хану коня с левой стороны. Мы всё время сталкиваемся с тем, что во все эти случаи попадает брат Чингиз-хана. Очевидно, что августейший владыка очень любил этого брата. Обычно болтливых не терпят, но, наверное, в характере Бельгутаю одерживают верх смекалистость и изобретательность по части всякого рода интриг.

Очень похоже на то, что Бельгутаю в беседе со знатным пленником намеренно проговорился о решении совета с целью спровоцировать сопротивление. Убить мирян не так просто, никто напрасно не загубит стадо коров или овец. Так как оставшиеся в живых воины были связаны, за ножи, заранее узнав о своей судьбе, взяли мирные пастухи, ремесленники и даже юные подростки, ещё не испытавшие себя в боевых схватках.

Из-за своей жены-татарки другой брат хана Хасар не проявил себя последовательным сторонником принятого решения. Из предоставленной ему для убийства тысячи он уничтожил только пятьсот татар. Наверное, причиной стали родственники жены Хасара, просившие снисходительности по отношению к их народу. Очевидно, что у Хасара не хватило духа отказать им в мольбах. Чингизхан помнил о проступке брата до конца жизни...

Избиение целого народа шокировало население как в самой Монголии, так и за её пределами. Неизгладимое впечатление это событие оказало на соседей, на империю Цзинь (у Гумилёва — Кинь). Правители империи, чжурдженские Алтан-ханы, хорошо знали татар, знали об их могуществе, военном потенциале, и их не могло не всполошить это сокрушительное поражение. Алтан-ханы про-

водили гибкую политику в отношении северных соседей. Ещё при отце Чингиз-хана Есугай-багатуре они поддерживали татар против остальных кочевников, но, когда они стали представлять угрозу, стали проводить акции для их ослабления. В одном из таких мероприятий, как уже упоминалось, за добровольное выступление против татар Чингиз-хан и киреитский Тогрул-хан были удостоены высоких званий: чаутхури и вана. Хотя об этом нам источники мало

*Чингиз-хан.
Китайская миниатюра*

сообщают, но думается, что чаутхури и ван исполняли какие-то поручения императора. Об этом можно только догадываться, но в биографии августейшего владыки существует провал в 11 лет...

Л.Н. Гумилёв, ссылаясь на китайские источники «Мэн-да Бей-лу», утверждает, что Темучжин был пленён Алтан-ханами уже после того, как был провозглашен ханом в 1185 году. Это довольно странное сообщение, выпадающее из подробностей биографии в других источниках. К тому же в нём не говорится, как это могло произойти и где пробыл пленник целых 11 лет (примерно с 1185 по 1197 годы), не сообщается и то, каким образом произошло освобождение. «Мэн-да Бей-лу» — единственный источник, говорящий об этом пленении.

Л.Н. Гумилёв считает, что нахождение Темучжина в плену подтверждается провалом в хронологии. Однако надо заметить, что хронологические данные биографии, например, дата рождения владыки, запутанно даются в исторической литературе. По-видимому, это связано с тем, что степняки были убеждены: каждый прожитый год не прибавляет жизнь, а сокращает её, приближает к смерти, поэтому кочевники считали, что человеку не положено знать, сколько ему лет. Это заметно даже в фольклоре, где редко говорится о возрасте героя. Л.Н. Гумилёв, оперируя некоторыми косвенными данными, предлагает возраст Чингиз-хана уменьшить на семь лет и отнести дату его рождения к 1162 году, а затем всю остальную хронологию строит сообразно этой дате. Кажется, на изменение датировки учёного натолкнуло именно это сообщение о пленении.

Само собой разумеется, «Мэн-да Бей-лу» является древним

документом, и он ближе к делам Покорителя Вселенной хотя бы по времени, не верить ему нельзя. Однако сообщение о плене вызывает глубокое сомнение. Почему о нём не говорят написанные всего через двадцать — двадцать пять лет другие источники, притом «секретные»? Не говорит об этом и Рашид-ад-дин. Ему-то что было скрывать через восемьдесят лет?!

В древности для степняка, да и для любого знатного человека на Востоке попадание в плен не украшало биографии, это даже считалось позорным событием. Такой факт биографии личности мирового масштаба могли опустить биографы и авторы преданий. Но почему тогда ни биографы, ни авторы преданий не скрыли факта пленения юного Темучжина? К тому же 11 лет жизни — это очень продолжительный отрезок времени. Авторы хроник, преданий, стараясь создать идеализированную биографию, ради этого могли скрыть правду и изменить обстоятельства пленения, обвинить в вероломстве родственников, Джамуху, Онг-хана, чжурдженей... кого угодно, методов приукрашивания достаточно.

Даже академик В.В. Бартольд сомневается в этом факте, но делает совсем неординарное предположение. «Китайские современники Чингис-хана, — пишет он, — по всегдашнему обыкновению китайцев, старались объяснить успехи монгольского завоевателя китайским влиянием и с этой целью придумывали факты; такой характер имеет известие, что Темучжин в молодости был взят в плен цзиньскими войсками и более десяти лет провёл в Китае; едва ли возможно, чтобы монгольское предание не сохранило ни единого намёка на период в жизни Чингис-хана, продолжавшийся целых десять лет» (21).

Один из первых историков-монголов Саган-Сечен Хун-тайджи в XVII веке написал книгу «История Восточной Монголии и её правящей династии». Хотя в этом произведении изобилуют фольклорные мотивы, в нём есть и некоторые «исторические истины, не схваченные другими, чужими историками Востока» (цитата принадлежит Эренжен Хара-Давану) (11). Саган-Сечен сообщает, что Чингиз-хана в годы его так называемого плена участвовал в покорении государства Тибет и Кара-Тибет (1190 г.), в войне с Кореей, в покорении племени солонгов (1192 г.) и каких-то ещё племен числом 31. Чингиз-хан в это время международных войн не вёл (имеется в виду за пределами Великой степи), поэтому вполне можно предположить, что в это время он был в подчинении Алтан-ханов и выполнял свои военные обязанности. В роли военного комиссара он выполнял задания императора в разных провинциях империи Цзинь. Служба в войсках императора нужна была Чингиз-хану для усиления своего улуса и сохранения независимости в сложнейшей обстановке в степи, когда вокруг «не было друга, кроме собственной

тени». И вполне вероятно, что и сам владыка и его близкие старались не вспоминать эту деятельность, эти старания во имя благополучия ненавистных Алтан-ханов. Поэтому собственно монгольские предания ограничились только самым первым совместным с чжурджнями походом против татар (1188 г.), происшедшем в родной степи, а все военные действия за пределами Монголии скрыли, чтобы не показать услужения владыки кровным врагам августейшего рода. вполне вероятно, что знакомство с государственными и военными традициями Китая затем будут использованы Чингиз-ханом в организации будущей армии и в создании мощного степного государства.

Историки единодушно подчеркивают важность победы Чингиз-хана над киреитами, где огромную роль сыграли просчёты Онг-хана и его сына, а также двойственная позиция Джамухи. Если война с киреитами была вызвана ханами киреитов, то войну с татарами Чингиз-хан организовал сам. Для империи Цзинь истребление татар оказалось полной неожиданностью.

Месть за гибель предков была непреложным принципом в народе-войске, и действия Чингиз-хана повысили авторитет будущего завоевателя Поднебесной. В Стране Теней замученному в плену Амбагай-хану и отравленному Есугай-багатуру будет служить целый народ. Целый народ! Только достойный наследник мог совершить такое! Только тот, кто свято чтит народные обычаи!

Подобное отношение к памяти предков вызывало восхищение у всех народов, связанных с тенгрианством. Идея мести вызывала уважение и у тех степняков, которые недавно приняли христианство несторианского толка и мусульманство. Весть об истреблении могущественного народа татар мгновенно распространилась на весь Китай и пронеслась далеко на запад. Слово «татары» приходило в другие страны раньше, чем нашествие самого Чингиз-хана. Может, поэтому другие народы победоносное войско стали называть татарами? Подробно я остановлюсь на этом вопросе в конце данной главы.

На Востоке Великой степи издревле существовало сильное кочевое государство найманов. Первоначально этот народ обитал в горах и предгорьях богом благословленного Алтая. Долгое время найманы входили в Уйгурский каганат и больше были известны под названием сегиз-огузы (восемь родов). В XII—XIII веках найманское государство представляло собой многолюдную и сильную страну.

По поводу происхождения найманов существуют разные версии. По мнению Л.Н. Гумилёва этот народ был родственен киданям, которым приписывают иногда маньчжурское, иногда монголь-

ское происхождение. Хотя надо сказать, что много данных о поздних кара-киданях свидетельствуют в пользу тюркского происхождения. Основным аргументом монгольского происхождения служит то, что это название на монгольском языке означает число восемь. Нам же известно из истории, что многие этнонимы возникают не из самоназвания, а от имени, которое дают народу те,

Заместитель председателя Правительства Карачаево-Черкесской Республики в 90-е годы Аждагомед Катаганов из рода катаган.

кто его окружает. Поэтому академик В.В. Бартольд совершенно справедливо предположил, что этноним *найман* возник от монгольского перевода сегнз-огуз.

Сегодня о том, что найманы сохранились в домене, т. е. в Монголии, точных данных нет, но зато представители этого племени довольно широко известны среди ногайцев, казахов, каракалпаков и кочевых узбеков. Сохранились найманы и на своей исторической родине — Горном Алтае. Написавший обстоятельную работу «Этническая история ногайцев» ногайский ученый Р.Х. Керейтов приводит убедительные доводы в пользу тюркского происхождения най-

манов. Ссылаясь на исследования таких известных ученых, как Н.А. Аристов и М.С. Муканов, он соглашается с тем, что найманы вышли из колыбели тюркских народов — Горного Алтая. Основопологающим доводом для такого заключения является объяснение русского ученого Н.А. Аристова. «Естественно полагать, что имя найманов происходит от реки Найма, притока Катуня, и что на ней они первоначально обитали. Перейдя прямо на юг, в Западную Монголию, найманский род стал здесь, после паде-

ния уйгурско-орхонекого ханства, во главе местных родов теле и тюрков-тюке и образовал союз родов или племя найманское» [20, 44].

Найманы известны во всех местах проживания ногойцев и имеют огромное значение в происхождении нашего народа. До сих пор у ногойцев бытует такая пословица: «Найман — эл анасы, кыпшак — соьз анасы», в переводе означающая: «Найманы — основа эля, страны, кипчаки — основа языка, речи». Еще в XIX веке в Прикаспийской низменности, в Караногае, существовал многолюдный Найман куб, это объединение включало более десятка аулов и подразделялось на такие рода, как: карналак-найман, ускюбе-найман, котан-найман, бакай-улы-найман, калем-берден-найман, шурша-найман, окмет-найман, келе-улы-найман, кадраш-найман, казан-аджи-найман, казан-улу-найман, мойнапа-найман, эргенек-найман, тогыншы-найман, багана-найман. Среди кубанских ногойцев по сей день сохранились такие рода, как: тарак-найман, багана-найман, шокиш-найман. На Крымском полуострове проживали: онгар-найман, каза-найман, биюк-найман, кучук-найман и кара-найман. Надо заметить, что многие найманские родовые названия идут из глубокой древности и несут с собой интересную историческую информацию. Почти во всех ногойских регионах живут тарак-найманы — гребенские найманы и багана-найманы — столбовые найманы. По-моему, эти рода имеют отношение к самым ранним тюркам, к огузам, а род эрге-

Министр юстиции Карачаево-Черкесской Республики генерал-лейтенант Кельдимурат Найманов представляет древний род найман.

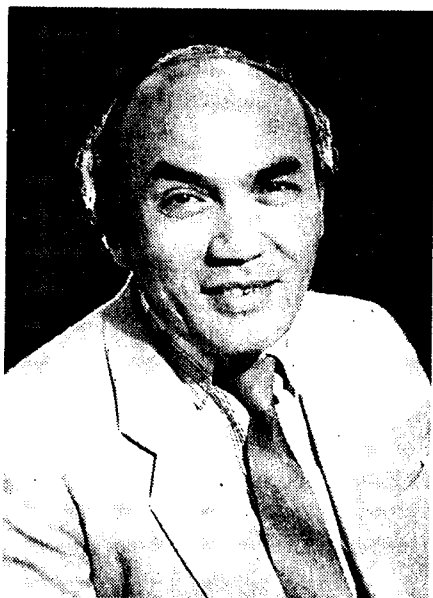
нек-найман связан с легендарной Алтайской долиной Эргун-Хун, откуда произошли древние тюрки. Такие названия родов: как калем-берден-найман — письмо давшие найманы и окмет-найман — государственные найманы связаны с непосредственной историей самих найманов; у исторических найманов бытовала своя письменность и было своё государство.

Рашид-ад-дин писал о том, что «племена найманов и их государи были уважаемыми и сильными, они имели большое и хорошее войско, их обычаи и привычки были подобны монгольским». Обычаи и привычки кочевников были схожи во всей Великой степи, замечание же Рашид-ад-дина привлекательно тем, что летописец подчеркивает: найманы не были природными монголами, он даже не даёт указания на какую-либо их родственную связь с монголами.

Во времена становления Чингиз-хана найманы на востоке Великой степи оспаривали первенство с киритами и татарами, но после сокрушения этих народов сразу поняли надвигающуюся опасность.

Глава найманов Таян-хан первым высказал ту мысль, что Чингиз-хан хочет стать властелином степи и что он не допустит, чтобы могли быть «на земле рядом два хана». Однако среди самих найманов не было согласия: Таян-хан воевал с братом Буйрук-ханом и со своим сыном Кучлуком. Кстати, надо отметить, что имена найманских ханов — сугубо тюркские. Имя Таян означает опора, Буйрук — приказ (видимо, тот же смысл, что у казаков: наказной атаман), Кучлук — сильный, могучий.

Рашид-ад-дин подчеркивает, что найманы пренебрежительно относились к монголам. Найманы длительное время соприкаса-

Лауреат международной премии им. Насими ногайский поэт Мурат Авезов представляет племя ишуриша.

лись с уйгурами, переняли их культурные навыки, в частности, переняли и усовершенствовали уйгурское письмо. Как и у некоторой части уйгуров, среди найманов было распространено христианство. Для того чтобы отметить высокомерное отношение найманов к монголам, Рашид-ад-дин приводит слова жены Таян-хана Гурбэсы (по-ногайски её имя звучало бы как Гурбийче). Она уничижительно говорит о жалком виде монголов, о «нестерпимом смраде, распространяемом ими», о том, «что бабы и девки годятся ещё доить коров и овец, если только отобрать из них тех, что получше, да велеть им вымыть руки и ноги».

С Таян-ханом по-прежнему был в союзе Джамуха. К найманам примкнули и те, кто не хотел видеть Чингиз-хана ни владыкой степи, ни ханом собственных монголов. Перед самым началом войны Таян-хан хотел привлечь на свою сторону онгутов и для этого отправил послов к их хану. Онгуты, или онгуны (или, как ещё их называли, белые татары) жили у самой Великой Китайской стены и служили чжурдженям, охраняя их границы. Название *онгуны* переводится как правосторонние гуны, это были остатки правого крыла исторических гуннов (правосторонние в отношении Китая). Правитель онгутов Алакуш был хорошо осведомлён о громких победах Чингиз-хана над киреитами и татарами, хорошо представлял и военный потенциал соседа, поэтому он не только отверг союз с найманами, но после несостоявшихся переговоров сразу отправил людей к Чингиз-хану, чтобы предупредить о намерениях Таян-хана.

Люди Алакуша нашли августейшего владыку на облавной охоте. Чингиз-хан незамедлительно созвал военный совет. Хотя, как уже мы говорили, младший брат Чингиз-хана Бельгутай был отстранён от участия в военных советах, но он не только присутствовал, а его слова оказались решающими.

«Найманы хвастают, — говорил он, — уповая на то, что улус их велик и многолюден... Как можно усидеть при подобных надменных речах их? На коней, не медля!»

Большинство одобрило призыв Бельгутая идти в поход на найманов. Для похода было собрано 45 тысяч воинов. Историки и предания единодушно отмечают, что именно в войне с найманами армия августейшего владыки была организована совершенно новым образом. Чингиз-хан организовал войско по десятичной системе. Возможно, что новшество было перенято из чжурдженской армии, но так составлялась и мощная армия древних тюрков. Такая армия легко управлялась в бою, могла совершать любые маневры. Командующим туменам беспрекословно подчинялись тысячники, тысящикам — сотники, сотникам — десятники. Армия делилась на левое и правое крыло, в центре находился военный штаб с начальником (юртши) и ханом. Впервые при

хане находилась постоянная гвардейская стража кешиктенов³ и отныне неразлучный с повелителем отряд из тысячи отборных богатырей, который бился только по приказу хана. Также ханом были назначены черби — начальники по хозяйственным вопросам, выполнявшие такие необходимые в походе функции, как обеспечение провиантом, фуражом, составлением и продвижением обоза. Перед походом, по древнему обычаю степняков, была совершена жертва знамени, которое являлось хранителем боевого духа Сульде⁴.

Войско Чингиз-хана выступило против найманов летом 1204 года. Таян-хан вместе с Джамухой сосредоточили свое войско на берегу реки Алтай, на Хангае. Армия Чингиз-хана при встрече с дозорными найманов совершили короткую передышку. Ночью чингизиды пошли на хитрость. Было приказано каждому воину зажечь по пять костров. Зареве огней в ночной степи оказало громадное впечатление на найманов. Таян-хан решил отступать, хотя его сын Кучлук был не согласен с ним и даже стал оскорблять отца. Армия найманов переправилась через реку Орхон и укрепилась на восточных склонах горы Наху. По настоянию Кучлука найманы приняли сражение. Чингиз-хан, взяв командование в руки, вместе с передовым отрядом первым вступил в бой. Воины августейшего владыки смяли и погнали отряды найманов. Особенно храбро бились тысячи под командованием Джеббе, Субатая, Джелме и Кублая.

Таян-хан и Джамуха были ошеломлены безудержным натиском отрядов Чингиз-хана. Видимо, им уже применялась новая тактика ведения боя — это нашло отражение в исторических преданиях и передаётся в речах Джамухи, который в этот момент будто бы пытается запугать Таян-хана. По Рашид-ад-дину, «как только Чжамуха-сечен издали увидел боевой порядок войска Чингисхана, он обернулся к своим нукерам и сказал: «Знайте, что приёмы и боевой порядок войск моего побратима стали иными! Племя найманов не оставит никому другому даже кожу с ног быков, а от них никому не достанется прибыли». Закончив эту речь, он отделился от них, выехал вон из рядов и ускакал с поля битвы».

Речь Джамухи передаёт настроения находившихся под его властью монгольских племён. Предводители катаганов, дюрменов, салджиутов и других племён, состоявших при Джамухе, питали

³ Кешиктен — гвардеец.

⁴ Думаю, что ногайское слово сульдер как-то связано с хранителем боевого духа Сульде. Боевые знамена у ногаев назывались *туг* и *байрак*, эти предметы в бою тщательно охранялись, сдача их врагу приравнивалась поражению.

откровенную неприязнь к заносчивым и надменным найманам. Они были противниками Чингиз-хана, но, видимо, ещё больше хотели поражения найманов. Видя, как их соотечественники, хотя и вражески настроенные, побеждают грозных и высокомерных найманов, они заколебались в своих первоначальных намерениях.

Автор книги «Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир» Е.И. Кычанов, ссылаясь на разные источники, так передаёт эту ситуацию: «Судя по «Сокровенному сказанию», четырежды... запугивал Чжамуха Таян-хана, пока тот не оказался на самой вершине горы, а потом, видя, что найманы неминуемо потерпят поражение, покинул их. По «Сокровенному сказанию Чжамуха не только предательски бросил найманов в разгар битвы, но и сообщил Чингису, что войска найманов расстроены, а Таян-хан напуган и не уверен в исходе сражения (12).

Однако Рашид-ад-дин характеризует Таян-хана несколько иначе. Представляется, что на деле он был человеком осторожным, но мужественным. В критический момент Таян-хан лично стойко бился с монголами, «получил множество тяжких ран» и только после того укрылся со своими нукерами на вершине крутой горы Наху-гун. Найманские воины предпочли смерть позорному поражению, «они спустились с этого косогора и жестоко сражались, пока не были все перебиты». Некоторые ночью пытались прорваться через скалы, но погибли в горах; «срываясь и соскальзывая с нахугунских высот, они стали давить и колоть друг друга насмерть... трещали, ломаясь, кости, словно сухие сучья». Удалось уйти лишь Кучлуку с небольшим отрядом. Таян-хан погиб. Наймаиы, разгромленные, в «состоянии полного расстройтва» стали добычей Чингиса и его нукеров».

Богатства, имущество, скот найманов были захвачены. Ханские жёны — доставлены в орду Чингиз-хана. Среди них была и высокомерная Гурбийче. Чингиз-хан напомнил наймаиской хаише её высказывания о монголах и сделал своей наложницей.

В том же году августейший владыка, преследуя Кучлука, напал на земли меркитов, где найманского хана принял старинный враг Чингиз-хана Тохта-бек. Решающее сражение с союзным войском Тохта-бека и Кучлука состоялось в долине реки Иртыша. Войско меркитов было разбито, а сам Тохта-бек убит. Кучлук же с остатками найманов и некоторыми недовольными Чингиз-ханом племенами бежал к кара-китайцам на реку Чу. Кучлук-хан был сильной личностью, это видно из того, что вскоре он возвысился среди кара-китаев и стал ханом государства в Семиречье и Кашгаре. Сыновья меркитского Токта-бека бежали на запад, к кыпчакам, в казахские степи. Далее, в 1208 году, этн недобитые меркиты вызовут на себя поход Субатая.

В 1206 году был разбит и другой найманский правитель Буйрук-хан. К войску Буйрук-хана опять было примкнул Джамуха, но после очередного поражения найман побратим Чингиз-хана лишился всех подданных. Оставшиеся с ним пять нукеров, связав его, привезли к Чингиз-хану. Августейший владыка за предательство хозяина велел казнить всех пятерых. Казнь была совершена на глазах Джамухи, а затем казнили и самого Джамуху. Его предали смерти по обычаю знатных людей, без пролития крови переломив позвоночник.

Неожиданные и стремительные победы над киреитами, татарами, найманами и меркитами создали августейшему владыке громкую славу среди кочевников, и вскоре в Восточной части Великой степи было общепризнанным, что Чингиз-хану нет равных в могуществе. Государство кочевников состояло из многочисленных киреитов, наймаиов, ойратов, онгутов, остатков татар, костяк же представлял род Чингиз-хана и родственные кият-борджигинам племена. Эти собственно монгольские племена имели общее название биде (происхождение названия не ясно), а весь остальной, если можно так назвать, пришлый люд называли отегин-боголами. Термин отегин-богол имеет тюркское происхождение, правильное прочтение — отукен-багул, и оно означает: отечественное племя, находящееся под присмотром. Как бы само слово монгол, очень часто имевшее написание *могол*, не происходит от слова багул, багыл — находящийся под присмотром, зависимый и имеющий значение подвластный человек, подвластный народ?.. Но я не снимаю с повестки дня и первоначальное объяснение этнонима монгол, как маиги-ул — сын, народ вечности.

Некоторые историки отмечают, что этноним *монгол* мог возникнуть именно в связи с утверждением государства Чингиз-хана. Казахский ученый М.С. Муканов пишет: «И совершенно понятно, что «монголы» — этноним завоевателя, распространённый на всё покорённое население, имел не этнический, а политический смысл» [22, 40].

Новое государство было объявлено под названием Еке Монголия — Великая Монголия. Слово *еке* по-монгольски означает великий, большой, в ногайском языке ему тождественно слово уйкен; кажется, оба слова имеют один корень: уйкен — юке — еке. Ногайскую Орду у нас часто называли Уллы Ногай Орда — Великая Ногайская Орда или Уйкен Ногай Орда — Большая Ногайская Орда, в последнем названии можно усмотреть традицию преемственности от Еке Монгол.

В моем эссе неоднократно цитируется книга Е.И. Кычанова «Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир». Л.Н.

Гумилёв с неодобрением отнёсся к названию книги. В самом деле, юный Темучжин навряд ли думал покорять мир. Справедливы характеристики исследователей, когда они говорят, что Темучжин был только «атамаином, который вёл своих воинов к победам», доставляя «им богатства и славу, и лучшую часть добычи». Только после объединения Моңголии у Чингиз-хаиа возникают имперские устремления. Крупнейшие военные действия от Великой Китайской стены до берегов Иртыша явились для кочевников отличной школой боевого искусства. Победоносность закалила небывалый боевой дух. Глубокий политический ум и гений полководца позволили Чингиз-хану до конца дней своей жизни командовать самой непобедимой в мире армией.

Идею всемирного господства заложил сам августейший владыка, хотя большая часть завоеваний осуществлялась уже его сыновьями и внуками. Идея эта возникла в недрах Великой степи. В это время повсюду в мире шли войны, и больше всего воевали в Великой степи. Когда бушуют войны — должны быть и победители, т. е. счастливчики, умеющие побеждать. Эта доля выпала на судьбу Чингиз-хана.

В 1206 году состоялся Великий курултай, на котором было объявлено о создании государства Еке Монгол — Великая Монголия. Раиее закреплённый за августейшим владыкой титул Чингиз-хаиа, действовавший в пределах улуса, теперь распространился на все покорённые народы и племена. 95 тысячников из разных районов Восточной степи провозгласили Чингиза каганом, т. е. ханом всех хаиов. И теперь ни один человек, будь то простой табунщик, охотник, скотовод, князь, сотник, батыр или служащий, не имел права обращаться к ииым государям, обойдя императора степи. Такое правило было закреплено в «Уллы Ясак» и являлось главной статьёй закона.

Трудно представить, как происходило это провозглашение в 1206 году, но можно предполагать, что церемония мало чем отличалась от церемонии возведения на императорский престол ближайших преемников. Европейский путешественник Плано Карпини подробно рассказал об объявлении ханом внука Чингиз-хана Куюка. Вот как об этом рассказывает очевидец этого события: «Стоит пурпуровая кибитка (шатёр) вместимостью на 2000 человек, вокруг неё разиые статуи. Большая ассамблея вождей и князей конно стояли на холмах и равнинах; на их седлах и сбруях до 20 мерок серебра (обрамление этих изделий — *И. К.*). Много представителей вассалов: от багдадского халифа, Грузии, до русского великого князя. В первый день было поднято белое знамя западной части империи, Кипчак (любопытное замечание Хара-Давана по этому поводу: «отсюда «белый царь», «кипчакский,

потом русский»; это замечание весьма справедливо: Джучиев улус именовался Ак-ордой — *И. К.*); второй день — красное знамя восточной части (Китая); третий день (для центра Монголии) — темно-фиолетовое знамя (возможно, это подтверждение тому, что Монголия была Кок Ордой — Синей Ордой. — *И. К.*). Тогда бароны, синьоры (бии и мурзы — *И. К.*) собрались, взяли золотой трон (алтын так — *И. К.*) и посадили Великого хана, говоря: «Мы желаем, мы просим, чтобы ты был во главе империи». Тот отвечает: «Если вы хотите, чтобы я был вашим ханом, то решится ли каждый из вас делать то, что я прикажу, придти, когда я позову, идти, когда захочу послать и убить тех, кого я скажу?» Они отвечали: «Да!» Тогда он сказал им: «Во исполнение этих простых слов слушайте мне мечом!» Они подтвердили. Потом они расстелили на земле кошму (по ногайским преданиям белый войлочный ковёр. — *И. К.*), на которую усадили его со словами: «Взгляни ввысь и узнай Бога и подумай внизу о кошме, на которой сидишь! Если ты будешь хорошо управлять своим царством, если ты будешь свободен и добродетелен, если ты будешь править справедливо, если ты будешь почитать баронов и князей по их достоинству и силе каждого — вся земля будет твоей властью, и Бог даст тебе всё, чего пожелает твое сердце. Но если будет наоборот, ты будешь несчастен и жалок и так беден, что у тебя не будет даже той кошмы, на которой ты сидишь». (Этот перевод взят из примечания к книге Эренжена Хара-Давана «Чингис-хан»).

У церемонии есть продолжение. По ногайским преданиям, после этого мурзы и бии с криками поднимали над собой ковёр с ханом и объявляли каганом всей Степи. У ногаев этот обычай назывался: «Хан котеру» (вознесение хана). По обычаю кочевников, войлочный ковёр разрезался на куски, и каждый тысячник брал полоску войлока, объявляя себя частью единого ханства. У ногаев этот обряд назывался «хан талау» («разрывание хана»). Так наши предки возносили и верховного бия (бий — правитель, великий князь, главное лицо в Ногайской Орде).

Территориально государство обустраивалось по образцу цзиньской империи Алтан-ханов, но армия — по принципам, существовавшим в степи со времён тюркских кагаанов. Как и у древних тюрок, это была страна-армия, народ-войско, в котором существовала древняя традиция системы крыльев. Народ-войско был поделён на два крыла. Первый дружинник Чингиз-хана Баурчи правил правым крылом (по-моигольски барунгар), левым крылом (джунгар) правил верный полководец Мухали. У древних тюрок крылья назывались Ак орда и Кок орда (правое — Белой ордой, левое — Синей ордой), у ногаев крылья назывались по именам сыновей Эдиге Нурадина и Кей-кувата, правым кры-

лом правили нурадины, левым — кейкуваты. Была ещё группа войск центральной ставки, т. е. Орды. Здесь главным лицом был сам каган, а в его отсутствии — сыновья. Начальником центральной тьмы Чингиз-хан назначил одного из первых своих сподвижников — Наяна. За Баурчи закреплялась территория, примыкающая к Алтаю, за Мухули — территория, примыкающая к границам империи Цзинь.

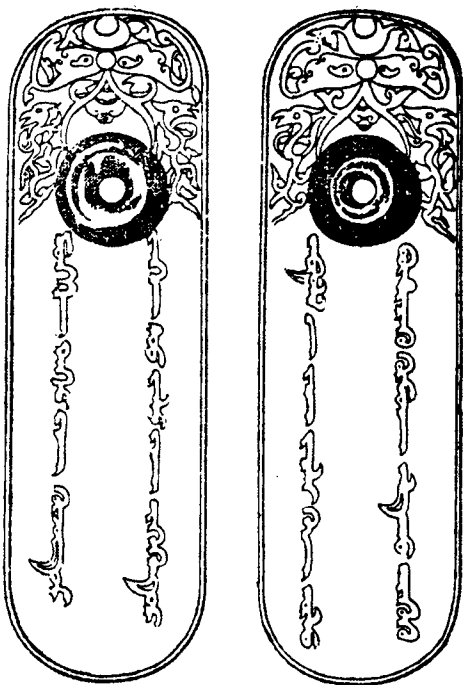
В связи с установлением нового государства стал нарушаться демократический подход в выдвижении военачальников. В благодарность за службу на благо государства должности сотников, тысячников, владельцев уделов объявлялись наследственными. Как сообщают источники (Рубрук), ни один человек не освобождался от службы и от поста, на который был назначен. Назначение на службу закреплялось указом хранителя печати Тататунга, ранее бывшего на службе у найманского хана Таяна. Население страны переписывалось в специальные книги, в которой так же фиксировали сбор налогов. В дальнейшем переписи и подушное налогообложение распространялось и на захваченные территории. Так, на Руси, где не ведали такой традиции, при появлении татарских «численников», записывавших подданное население, в первую очередь бунтовали князья.

Чингиз-хан велел, чтобы дети знатных людей обучались уйгурскому языку и делопроизводству. Родственники хана и все, кто проявил себя в деле поднятия государства, получили уделы с подданными. Покорённые кириты, найманы, меркиты и многие другие племена рассеивались по разным территориям, приписывались к разным хозяевам, дабы никогда не вспоминали о своём суверенном существовании. Распределение уделов было поручено Шиги-Хутугу, татарину по происхождению, сызмальства воспитывавшемуся матерью кагана. Он так же являлся главным судьёй и исполнителем закона Ясак. Закон Ясак опирался на старые государственные традиции степняков, только при Чингиз-хане из-за военных условий многие обязательства ужесточались — делалось это для создания высокой дисциплины и организованности в народе-войске.

Сам августейший владыка придавал важнейшее значение созданию гвардии кешиктенов, о чем повествуют в исторических преданиях целые главы. Везде в литературе принято название гвардии писать как кешиктены. У Марко Поло [23, комментарии] этот термин пишется как кези-там, так называется охрана из двенадцати тысяч человек. Европейский путешественник почти верно передал тюркское название гвардии, но более правильным будет кезек-там (по-ногайски *кезек* — очередь, *там* — стена), означающее смену охраны у стен. Гвардия формировалась из сыновей десятников, сотников и тысячников. Сыновья тысячников должны

были прибывать на службу к хану с десятью товарищами и одним младшим братом, сыновья сотников — с пятью товарищами и одним младшим братом, сыновья десятников — с тремя товарищами и младшим братом. Гвардия пользовалась особыми привилегиями. Гвардейцев судил только хан, они подлежали снабжению по развёрстке, их одаривали лучшим оружием. Положение рядового гвардейца считалось выше положения тысячника. Кезек-тамом становился тот, кто проходил определённую физическую подготовку и обладал боевыми качествами. В состав кезек-тамов включался отборный полк богатырей и отряд ночной стражи у ворот в две тысячи кептеулов (капта-ул — буквально: ворот сын). Фактически кезек-тамы составляли ядро военизированного государства. Главный смысл создания этого корпуса заключался в том, что дети представителей знати были заложниками у хана (!). Кстати, этот же принцип был распространён и на Руси, где царский конвой состоял как из детей русской знати, так и из детей аристократов-инородцев.

По всей стране была устроена ямская служба. Немного государств могло гордиться этим достижением в средневековье. Именно по образцу золотоордынской ямской службы в России была впоследствии организована царская почтовая связь. Знать получила знаки отличия, каковыми являлись железные стремена. Высшие сановники носили золотые пайцзы, на которых была надпись на уйгурском языке: «Уполномочен вести дела по велению (правлящего) по воле Неба» [12, 83].

Известно, что ко времени становления государства Чингиз-хана в монгольской степи проживали разноязычные пле-

мена: тюркские, монгольские, маньчжурские. Как же преодолелся языковой барьер? Я считаю, что в степи задолго до образования государства господствовало двуязычие. Это подтверждает сообщение Джувейни о том, что дети монгольских ийонов должны были изучать уйгурский язык и грамоту. Похоже, что это более древняя традиция для Восточной степи. Ещё недавно на этой территории располагалось мощное государство — Уйгурский каганат со столицей в Каракоруме (вскоре сюда будет перенесена столица империи Чингиз-хана). Каракорум был одним из главных городов и тюркского каганата. Если внимательно рассмотреть военную терминологию монголов в ранних источниках, то мы увидим, что она в основном является тюркской. Кроме уже упомянутых кезек-тамов мы находим такие тюркские термины, как каптаул, йортаул, есаул, юртчи, карачи, черби, бек, тархан. На ногайском языке *каптаул* означает стража ворот, *йортаул* — авангард, *ясаул* — исполнитель яса, карачи — смотритель; тархан — титул владельца города, крепости, юртчи — владелец юрта, надела, бек — князь. Ведь в многонациональной и многоязычной Золотой Орде тоже было двуязычие, а все подвластные народы общались на тюркском языке. Мне думается, что знание тюркского языка, тюркской истории, тюркского мира послужило одним из факторов выхода завоеваний за пределы территории коренного юрта.

Весть о победе над татарами, киреитами, найманами — грозными обитателями Восточной степи, в первую очередь дошла до Китая и до тюрков Южной Сибири и Алтая. Поэтому, когда в 1207 году Джучи предпринял поход на лесные народы, его победоносное войско встречали с дарами и присягали ему на верность. Так, с признанием верховенства Джучи, встречала его киргизская знать, подданство запросил уйгурский идикут и кимаки. Затем без сопротивления к Чингиз-хану присоединились карлуки Арслан-хана и Алмалыкского княжества.

До возвышения Чингиз-хана на западе, в срединной Евразии, происходили довольно бурные события, которые были связаны с усилением и распространением влияния кипчаков. Кипчакские предводители, притесняя огузов, прорвались за Волгу, за короткий период стали хозяевами северокавказских, придонских и приволжских степей и вплотную подошли к Киевской Руси. В 1091 году, объединившись с византийцами, кипчаки окончательно разгромили ещё одних своих основных соперников, печенегов, и стали хозяевами огромного степного массива, простиравшегося от Дуная до Волги.

У западных кипчаков сложились противоречивые отношения с Киевской Русью. Часто устаивалось перемирие, заключался военный союз, но было время и бесконечных взаим-

ных набегов. Русские шли на степь, отбивали табуны лошадей, скот, захватывали полон, кипчаки также совершали походы на русские крепости, жгли их, разоряли, брали полон. Потерпев ряд поражений от русских князей, кипчаки, тем не менее, в 1208 году захватили даже стольный город Киев. Но чаще между русскими князьями и кипчакскими предводителями устанавливались военные союзы, заключались династийные браки. Миссионерская деятельность византийцев, соседство Киевской Руси на севере, Грузии — на юге определили появление христиан и среди кипчаков. Трудно говорить о массовости христианства среди кипчакского простонародья, но известен тот факт, что нередко предводители были крещёными. Об этом, например, свидетельствует имя одного из организаторов сопротивления чингиз-хановским туменам Юрия Кончаковича.

К востоку от Волги также оставались довольно обширные владения кипчаков. Они входили в различные государственные образования. Существенную роль в истории Хорезма сыграли кипчакские правители Отрара и Сыгнака. В это же время другие тюрки — сельджуки — успешно продвигались на Средний и Ближний Восток. В 1055 году они взяли Багдад. Были созданы сильные султанаты в Малой Азии, Азербайджане, на территории современного Ирана. Противостоя экспансии сельджуков, правители Грузии и Византии приглашали на защиту воинственных кипчаков с Северного Кавказа, Дона и южнорусских степей, для этого заключали династийные браки, а войско щедро оплачивалось.

После падения саманидов в 999 году в Средней Азии роль лидирующего государства всё более укреплялась за Хорезмом. Наивысший расцвет этого государства пришелся на эпоху правления Хорезмшаха Теркеша (1172—1200 гг.), женившегося на дочери кипчакского хана Алп-Кара-Урана Туркан-хатун, и время владения его сына Мухаммада. Последний мечтал о мировом господстве. При Теркеше и до него хорезмийцы успешно перетягивали на свою сторону кипчакских предводителей, так как они отличались высокой боеспособностью. К тому времени огузы, которым принадлежала правящая династия в Хорезме, в связи с переходом к оседлости, теряли присущую кочевникам воинственность. Хорезмшахи брали к себе на службу кипчакских вождей. Некоторые из них заключали династийные браки с кипчакскими ханами. Проведя мусульманизацию правящей прослойки кипчаков, Хорезмшахи в своей политике делали ставку на идеологическое сближение. Благодаря сильному войску, состоящему из наемных кипчаков, хорезмшахи вели успешные войны на востоке против каракитаев, а на юге — против сельджуков.

Перед войной с Чингиз-ханом Мухаммад совершил успешный поход на юго-запад, дошёл до территории современ-

ного Ирака, но в связи с событиями на востоке ему пришлось вернуться. В Средней Азии все знали, что большая беда может прийти с востока, из колыбели всех имперских завоеваний. Мухаммад огнём и мечом распространял мусульманство и был из тех, кто проявлял нетерпимое отношение к другим вероисповеданиям. Поэтому особой популярностью в кочевых обществах на севере и на востоке у него не было. К нему не испытывали любви даже воины из его собственной армии.

Одной из главных причин военных успехов Чингиз-хана на западе являются религиозные противоречия. Правитель Семиречья и Кашгара, хорошо известный чингизидам найманский хаи Кучлук жестоко преследовал мусульман, живших в его владениях. В войне с Кучлуком чингизидское войско выступило защитником мусульман. На подступах к Кашгару полководцы прямо объявляли «чтобы каждый человек придерживался своей веры и хранил путь своих предков». Этот лозунг был претворён в жизнь во время войны с Кучлуком, когда значительная поддержка была оказана со стороны мусульманского населения.

Однако принцип уважения к представителям всех вероисповеданий был нарушен в войне с хорезмийским шахом. Распространяя ислам, хорезмийцы жестоко подавляли иемусульман, каковых в Средней Азии к тому времени было немало. Там проживали христиане, приверженцы зороастризма и особенно тенгрианцы. С последними мусульмане вели непримиримую войну. В памяти степняков надолго сохранились воспоминания о том, как мусульманские правители заставляли кочевников стричь косы, а тем, кто не подчинялся, вбивали в головы гвозди.

Хорезмшах мог выставить армию численностью в 400 тысяч человек, большинство которой составляли канглы, карлуки и кипчакские воины. Но Мухаммад, не возлагая особой надежды на преданность своей армии, пошёл на неожиданный шаг. Вместо того чтобы дать открытое сражение 120 тысячной армии Чингиз-хана, он расплылил свои войска по гарнизонам. Вассал Хорезмшаха правитель Отрара Каир-хан, фактически спровоцировавший войну тем, что убил послов Чингиз-хана и разграбил караваны купцов, принял первый удар чингизидских войск. Кипчаки героически сражались за свой город и шесть месяцев отбивали натиск врага. Каир-хан сражался до последнего и был схвачен при окончательном падении города. Дерзкому кипчакскому правителю залили уши и глаза расплавленным серебром. Не менее героически отбивались кипчаки, составлявшие население другого большого среднеазиатского города Сыгнака. Сын Чингиз-хана Джучи, командовавший корпусом, был в ярости от этого сопротивления и велел истребить всё население города. И многие другие города и крепости оказали яро-

стное сопротивление, за что были жестоко наказаны.

Но какая-то часть кипчаков легко переходила к августейшему владыке. Рашид-ад-дин отмечает: «Государи этого дома (хорезмшахов) совершили ошибку, взяв на помощь тюрок против такого же племени из числа безбожников». Видимо, такая характеристика относилась и к тюркам каиглы, которые составляли большинство гарнизонов таких известных городов, как Самарканд и Бенакет. Тенгрианское окружение хорезмийских городов больше предпочитало веротерпимого восточного завоевателя, нежели деспотичного борца за веру Мухаммада.

Главную роль в покорении территории Ирана также сыграли религиозные противоречия. Теперь они уж были среди самих мусульман. Испытавшие притеснения от суннитского правителя Хорезма шииты без сопротивления уступали города и крепости победоносному войску. Войско Чингиз-хана, преследуя сына хорезмшаха Джелал-ад-дина, заняло даже Северную Индию. По данным ученых, к 1221 году с аморфным государственным образованием Хорезм было покончено. Сам хорезмшах Мухаммад, спасаясь бегством, получил приют в одном из островов Каспийского моря и умер в том же году в расположенном там обиталище прокажённых.

Мусульманские авторы стали первыми распространителями и «чёрной легенды» о зверствах татаро-монголов. Они называли фантастические цифры жертв, павших во время взятия известных мусульманских центров: Самаркайда, Бухары, Мерва, Герата. Их утверждения опроверг Л.Н. Гумилёв. В своих фундаментальных работах он аргументировано доказал, что исламские историки пытались очернить победителей по идеологическим соображениям. Вот один из эпизодов этой аргументации: «Еще забавнее сведения, — пишет известный учёный, — сообщаемые историками о Мерве. Монголы взяли его в 1219 г. и тоже якобы истребили там всех жителей до последнего человека. Но уже в 1220 г. Мерв восстал, и монголам пришлось взять город снова. И, наконец, ещё через два года Мерв выставил для борьбы с монголами отряд в 10 тысяч человек» [24, 109].

Обстоятельства гибели Хорезмийского государства плохо изучены, для исторической науки кажется довольно странным поражение Мухаммада, обладавшего крупнейшей в мире армией. Он ведь имел все предпосылки для создания крупнейшей в мире империи. А в результате удачной войны с хорезмшахом Чингизхану не только подчинилась огромная территория с большими людскими ресурсами, но и именно от хорезмийских правителей как бы передавались имперские посягательства. Когда Чингиз-хана упрекали в том, что он кровожаден и является инициатором захватнических войн, он отвечал, что вёл войну там «куда ступали

копыта коней войска Мухаммада Огузского хорезмшаха»

Интересно то, что войну с Хорезмом августейший владыка начал во время успешно начатой войны с Китаем. Чтобы повернуть на Запад, нужна была довольно веская аргументация. По этому поводу у меня есть несколько предположений. Первое из них связано с тайным посольством халифа арабов ал-Насира, воевавшего против Мухаммада. Второй мотив заключается в том, что хорезмшах после признания верховенства Чингиз-хана уйгурами, ханствами в Семиречье и Алмалыке, намеревался совершить поход против развивающего успех на востоке августейшего владыки. Это усиление восточного соседа раздражало хорезмшаха, и он сам искал повод для ссоры. Третье предположение — это наличие секретных проводников с Запада...

При тщательном изучении вопроса о захватнических войнах Чингиз-хана мы опять-таки видим, что они в основном проходили в геополитическом пространстве тюркских народов. В 1220 году три корпуса под командованием Джебе, Субатая и редко упоминаемого конграта Тугачара начали преследование хорезмшаха Мухаммада и его сына Джелал-ад-дина. Доблестные полководцы захватили иранский Мазендаран, вторглись в иракский Аджем, обложив данью Тавриз, подчинили Азербайджан, вторглись в Грузию и разгромили мощное грузино-кипчацкое войско, оттуда вырвались за Дербентские ворота и напали на западных кипчаков. Видимо, победы, одержанные над войском хорезмшаха, особенно над кипчаками, которые являлись цветом хорезмийской армии, стимулировали дальнейшие военные действия для покорения этих тогдашних гегемонов Евразии. Некоторые учёные склонны считать, что причиной стало преследование бежавших врагов: найманов, меркитов, огузов и кипчаков. Вообще, мы замечаем закономерность в том, что кочевые тюрки в первую очередь обращали оружие против своих предшественников-кочевников.

Это мы видим на примере кипчаков и гуннов. Первые проявляли беспощадность к этнически близким им гузам и печенегам, вторые жестоко преследовали алан. И даже скифы отнеслись жестоко к близким им киммерийцам, загнав их в Переднюю Азию. Как уже отмечалось, транзит тюркских народов проходил через всю Евразию: от Великой стены до берегов Средиземного, Адриатического и Эгейского морей. Одни народы — такие, как скифы, гунны, сельджуки — с оружием пробивались к далёким землям, другие, как гонимые аланы, авары, печенеги, ногаи — оседали в Анатолии, окрестностях Константинополя и даже в Испании. Враждебное отношение кочевников к родственным им народам объясняется естественной борьбой за совпадающие традиционные экономические интересы. Но существуют и другие причи-

ны, кроме стремления владеть удобными для пастьбы скота степными просторами: это тяготение к единому геополитическому пространству.

Пример тому — распространение кипчаков. Они не только были хозяевами степей, но и осуществляли военные функции во всех соседних государствах. Наёмные гарнизоны кипчаков присутствовали в Венгрии, Византии и почти во всех среднеазиатских и закавказских государствах. То же самое можно сказать о печенегах, огузах, хазарах. Великая степь всегда была единым геополитическим пространством, на котором создавались мощные империи народов с полукочевым образом жизни. И здесь происходили периодические войны между доминирующим в политическом и военном отношениях народами.

Сейчас трудно сказать, насколько осознанным или стихийным было тяготение к единому геополитическому пространству. Можно склоняться к последнему, если учесть тот факт, что полководцы Джебе и Субатай, достигшие цели в преследовании хорезмшаха, устремились в не завоеванные ещё просторы Дешт-и-Кипчака.

Поход корпуса Джебе, Субатая и конграта Тугачара довольно хорошо описан в литературе. Тридцатитысячное войско чингизхановских полководцев не просто преследовало хорезмшаха Мухаммада, оно покоряло встречающиеся на пути города и государства, прокладывая путь себе огнём и мечом. Иногда на пути стояли большие войска, яростное сопротивление оказывали народные ополчения. Совершенно естественно, что победоносное войско и само несло ощутимые людские потери. Только грузины дважды выставляли тридцатитысячную армию, особенно кровопролитной была битва за Тбилиси. Немало чингизхановских воинов погибло и при взятии ширванской столицы Шемахи. За кавказским хребтом состоялось крупное сражение с объединёнными силами асов, лезгин, черкесов и кипчаков. Только при помощи союза, заключённого с кипчаками, полководцы разбили покинутую кипчаками объединённую армию горцев.

Смущает тот факт, что никто из историков не задумывается над численностью войска завоевателей. Складывается впечатление, что цифра в тридцать тысяч остаётся неизменной. Если углубиться в эту проблему, то мы придём к выводу, что помимо приобретения временных союзников, с использованием междинастийных и межрелигиозных противоречий, существовал ещё какой-то источник пополнения людскими ресурсами.

Мне кажется, надо обратить внимание на то, что в это время в странах Среднего Востока, в Закавказье и даже в Конийской

полупустыне вплоть до Эгейского моря маленькими и большими султанатами большей частью управляли турки. Кроме недавно покоривших эти земли сельджуков, здесь обитали и другие тюркские народности. О присутствии азеров, суваров в Закавказье известно с древнейших времен, а грузинские цари на протяжении века опирались на наемников из кипчаков. Историк известно уже приводившееся здесь обращение полководцев Чингиз-хана к кипчакам при сражении на Северном Кавказе: «Мы и вы — один народ...» Как указывают некоторые ученые, вполне вероятно, что это обращение было идеологической программой чингизидов.

Как уже было отмечено, полководцы Чингиз-хана справились с основной задачей на Среднем Востоке и Закавказье и после смерти Мухаммада в 1221 году не пошли на Запад, а устремились за Кавказский хребет. Есть версия, что дорогу им указали убегающие кипчаки, и победоносное войско вышло в тыл объединенному северокавказскому войску в верховьях Кубани и в Дарьяльском ущелье (Л.Н. Гумилев). Полководцы хорошо знали о том, что лавинообразной цепи завоеваний способствуют этнокультурная близость племен и народов, и поэтому, несмотря на усталость, измотанность войска и отсутствие высочайшего циркуляра, на свой страх и риск они решили продолжать затяжной поход. Достижению успеха способствовало новое пополнение: это могли быть закавказские и северокавказские турки из числа огузов, асов, канглов и кипчаков. В приведенном сообщении Рашид-ад-дина говорится, что на второй день сражения с объединенным войском горцев и кипчаков полководцы Чингиз-хана уговорили кипчаков покинуть союзников. Историк пишет: «Они прислали много добра: кипчаки ушли обратно, и монголы одержали победу над аланами (асами — *И. К.*), совершив всё, что было в их силах по части убийства и грабежей. Кипчаки, полагаясь на мирный договор, спокойно разошлись по областям. Монголы внезапно нагрянули на них, убивая всякого, кого находили, и отобрали вдвое больше того, что перед тем дали» [25, 33].

Описанное вероломство вполне вероятно, но, по-моему, здесь идёт речь об уничтожении и ограблении знати кипчаков. Чингизханово войско провело зимовку в Крыму и на Северном Кавказе. Времени было предостаточно для того, чтобы приобрести свежих лошадей, запастись провиантом и поправить расстроенные в битвах ряды войска за счет покорённых народов. Видимо, был применен традиционный прием раскашивания (рассеивания) племен кочевых кипчаков среди родственных племён с Востока. Если простые кочевники теряли господина, они чаще переходили к родственнику бывшего господина или приставали к другому знатному человеку.

Кочевников, в отличие от оседлого населения, не сдерживало понятие отчего дома. Понятие родины для кочевника олицетворялось аулом, в котором он находился, выше которого было понятие купа — объединения, или же — орды хана. Если орда расстроена, вожди купа уничтожены, то целые аулы и отдельные люди пребывали в смятении. При первой возможности они приставали к другим объединениям, когда добровольно, а зачастую и силой других предводителей.

Перед битвой на Калке, где кипчаки совместно с русскими выступили против завоевателей, Субатай и Джебе послали людей к русским, чтобы отговорить их от защиты кипчаков. Но русские князья отвергли это предложение и даже убили послов.

И на этот раз мы вновь видим, что удачу чингизхановым полководцам принесли несогласованные и непродуманные действия противников. Союзное войско кипчаков и русских, более чем в три раза превосходящее в численности завоевателей, потерпело сокрушительное поражение⁵. В сражении победоносные полководцы применили старую тактику степняков. Двенадцать дней они убегали в степь, увлекая за собой противника, а когда сумели растянуть ряды преследователей, разорвать единство во вражеском войске, то выступили навстречу единым фронтом и стали громить разрозненные отряды. Хан Котен с расстроенным войском бежал на Запад. Субатай и Джебе не стали увлекаться преследованием кипчакской конницы и направили свой удар на русское войско. Три князя: Мстислав Удалой из Галича, Мстислав Киевский и Мстислав Черниговский из-за своей неорганизованности и нерешительности погубили русское войско. Мстислав Удалой и его окружение бежали с поля сражения к Днепру, где сели в ладьи. Остальные ладьи князь приказал порубить, чтобы враг не смог его преследовать. Но оставшиеся его воины не смогли перебраться через реку и подверглись истреблению. Мстислав Черниговский тоже дрогнул и в панике бежал через степь. Завоеватели настигали и рубили его воннов везде, где они попадались им на пути. Мстислав Киевский, к которому перед битвой обращались люди Субатая и Джебе с просьбой оставить одних кипчаков, вместе с челядью сдался в плен. Его уговорил бродник Плоския, участвовавший в битве на стороне завоевателя. Полководцы Чингиз-хана дали согласие на то, что при сдаче в плен не прольётся княжеской крови. Полководцы сдержали слово. На связанные тела

⁵ Эренжен Хара-Даван в указанном сочинении приводит такие цифры: «Кроме жителей Подонья, с монголами были и аланы (дагестанцы); всего в войске было 20000 своих и 5000 чужих против 80000 русских». — Прим. автора.

неудачников был положен деревянный настил, и на нём стали пировать победители. Естественно, князь и его окружение погибли, причём позорной смертью. Эти впечатляющие детали из битвы на Калке приводит Л.Н. Гумилёв.

Для меня представляет интерес роль предводителя бродников Пლოსкини. Бродники, по утверждению Л.Н. Гумилёва, — племя, сохранившееся от хазарского государства, оно было христианского вероисповедания и заложило основу русского казачества. На примере бродников мы видим, что религиозные, этнические расхождения не служили помехой для перехода на сторону завоевателей. Это, во-первых, говорит о том, что подвергнутые завоеванию народы могли сосуществовать с иноземцами, и, во-вторых, подчёркивает мощь и силу воинов Чингиз-хана. Высокая организованность и дисциплина в войске, добротное оснащение воинским снаряжением, непобедимый боевой дух обеспечивали победу и делали завоёванные народы покорными. Чингизиды на протяжении сотен лет использовали покорённые народы в своей агрессивной политике. Мы знаем из истории, что кидане, китайское население, маньчжурские племена, лесные народы с далёкого Востока сражались на берегах Дуная и Калки; знаем, что покорённые асы, черкесы, русские были брошены на завоевание Китая, Индонезии и Японии.

Безусловно, что источником небывалого и непобедимого духа являлась личность Чингиз-хана. Он сумел объединить и подчинить монгольские и тюркские племена в Монголии и в восточной части Великой степи, а затем и все другие народы Евразии.

Вопрос роли личности в истории волнует человечество со времени возникновения цивилизации. На мой взгляд, роли личности августейшего владыки Чингиз-хана не дана подобающая оценка как в российской, так и во всемирной науке. У нас, в основном, исследования производились на традиционном изучении так называемых исторических предпосылок и на основе марксистско-ленинской теории развития общества. Л.Н. Гумилёв первым в стране попытался избежать традиционного анализа этой эпохи. Суть его открытия в том, что определяющее значение имел пассионарный толчок на востоке Великой степи, связанный с природными изменениями, т. е. биологическими явлениями. Я не буду касаться подробностей этого анализа, можно обратиться непосредственно к сочинениям учёного.

Конечно, мы не можем обойти стороной фактор исторических предпосылок. Поэтому ещё раз вернусь к теме объединения геополитического пространства тюркского мира. Основы этой традиции уходят в гуннскую эпоху и во времена создания тюркских каганатов. Возможно, что истоки этой традиции относятся

ко временам скифов. В начале второго тысячелетия должно было произойти объединение тюрков. Возможность создания сверхдержавы довольно впечатляюще продемонстрировали сельджуки и кипчаки. Миссию по созданию тюркской империи чуть было не взяли на себя кипчаки. По пассионарности эти кочевники мало чем уступали восточным соседям. Всюду их появление и присутствие отмечалось хорошей военной подготовкой. За два столетия кипчаки стали хозяевами большей части Великой степи, но, к сожалению, у кипчаков не нашлось ни одной крупной личности, способной объединить кочевников. Нельзя сказать, что не было храбрых и мужественных героев. Это и Канр-хан в Отраре, Бачман в прикаспийских степях, Котеи-хан в Причерноморье, которые дали серьёзные сражения чингизхановому войску. О высокой пассионарности кипчакского племени говорит и то, что кипчак Бейбарс, возглавивший мамлюкское войско из кипчаков и выходцев с Кавказа, в 1260 году сумел остановить завоевательные войны чингизидов.

Аль-Малик аз-Захир Рукн-ад-дин-Бейбарс родился в причерноморских степях. Ученые считают, что он ещё юношей был продан в рабство во время второго похода чингизхановских войск на Западный Дешт-и-Кипчак (1237—1240 гг.). За короткий срок степняк прошёл путь от раба до командира личной гвардии султана. Потом, став командующим армией мамлюков, он разгромил крестоносцев короля Людовика IX, пленил самого короля. Бейбарс сверг султана Египта Кутуза (кстати, тоже тюрка по происхождению) и создал мощное государство, которое неоднократно противостояло посяганиям ильханов, чингизидов, утвердившихся в Иране. В 1276 году Бейбарс разгромил союзное войско ильханов и сельджуков. Слава о Бейбарсе сохраняется по сей день. В арабских странах и сегодня поется популярная народная песня «Сират Бейбарс», которую, как и тюркские эпические песни, поют несколько дней подряд. Мне вдвойне приятно упоминать имя этого легендарного человека, т. к. я сам по бабушкиной и материнской линии принадлежу к кипчакскому роду...

Почему же кипчаки, имея таких талантливых полководцев, не смогли создать державу? Не смогли этого сделать и не менее воинственные канглы и огузы. Не сделал этого и близкий к цели Мухаммад Огузский. Конечно, как уже говорилось, ошибка хорезмшаха состояла в том, что он хотел объединить Евразию под зелёным знаменем ислама.

Но дело, наверное, и в другом: не было удачи, которая сопровождала Чингиз-хана.

В это время в Европе, на Ближнем и Среднем Востоке и во всей Азии не было другой личности, способной объединить наро-

ды. Мир, расколотый религиозными, этническими, историческими конфликтами, в оцепенении ожидал крупной, мирового масштаба личности. И эта личность явилась миру, как Мессия для исполнения божественной воли. Не только терпимый, но и покровительствующий всем вероисповеданиям, генетически избавленный от расистских привычек Чингиз-хан сумел объединить народы 40 государств и показал миру, что эти народы могут сосуществовать в одной империи. Тем самым он определил будущую модель мира на всё тысячелетие.

Чингиз-хан сумел передать своё могущество сыновьям и их потомкам. Империя чингизидов по территории превосходила все когда-либо существовавшие государства. Чингизиды более 100 лет удерживали воедино эти огромные территории.

Две сверхдержавы второго тысячелетия — Россия и Китай — своим возникновением обязаны традициям чингизидской государственности. Такой заметный государственный деятель XX века, как Мао Дзе-дун прямо подчеркнул великие заслуги Чингиз-хана перед его отечеством.

Завоевания Чингиз-хана не только сблизили Восток и Запад, но и подтолкнули отсталую Западную Европу искать новые пути прогрессивного развития.

Надо ещё раз подчеркнуть, что достижения августейшего владыки прежде всего объясняются «только его гениальными природными дарованиями».

Вернусь к проблеме языка чингизханова войска и империи. На огромной территории от Великой китайской стены до Венгерской Пушты, за исключением Индии и Китая, где власть чингизидов продолжалась менее века, преимущественно говорили на тюркском языке. Русская, армянская, грузинская, иранская, северокавказская знать, купцы, добравшиеся до Каракорума, а затем в Китай до ханского дворца, общались на тюркском языке, получали грамоты, пайцзы на тюркском языке⁶.

Известно, что в Золотой Орде путешественники не видели раз-

⁶ Сейчас трудно судить было ли большое различие между языком древних тюрков и предков современных монголов. Обособление произошло позднее, видимо, в связи с переносом столицы империи в Китай, а затем с суверенизацией улусов Джучи, Чагатай, Хулаги. На коренной юрт, т. е. территорию современной Монголии, повлияла изоляция от тюркского ареала, а также последовавшее завоевание Китайским императором и засилие китайской культуры и религии.

личий между новыми хозяевами и старым кипчакским населением и не различали ни по языку, ни по другим этническим признакам. Один из ранних очевидцев Аль-Омари отмечает: «...они (татары) смешались и породнились с ними (кипчаками), и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их (татар), и все они стали точно кипчаки». Этносы за столь короткий срок не исчезают. Видимо, речь идёт об изменении уклада жизни, одежды, о приобретении новых традиций и обычаев во втором и третьем поколении (у Аль-Омари примерно третье поколение). Может, видоизменился тип лица. Но язык-то — один из отличительных и устойчивых признаков этноса. Такое смешение и роднение, о которых говорит Аль-Омари, свидетельствуют о близости народов по языку. Например, ногайцы, прожившие в Турции более двухсот лет, в основном говорят на турецком языке, но в семейной среде они общаются на родном языке. А если говорить об иноязычной среде, то опять-таки более характерного примера не найдёшь, чем пример нашего народа. Вот уже более двух веков наш народ живёт в русскоязычной среде, особенно ощутимо русское засилье на протяжении всего последнего столетия, тем более, что наш народ искусственно раскашен, расчленён на небольшие районы. Несмотря на это, народ не собирается терять свой родной разговорный язык. Не мешает вспомнить и об алабугатских ногах, насильственно определённых на жительство среди калмыков на протяжении нескольких столетий. Они сохранили свой родной язык вплоть до депортации калмыков и до сегодняшнего дня, и хотя рассеялись среди русскоязычного городского населения, дома разговаривают ещё на родном языке.

Чингиз-хан, да и все кочевые правители, чтобы не допустить объединения, пытались лишить самобытности покорённые народы. Раскашивали объединения, рассеивали племена. Таким действиям в корениом юрте подверглись разгромленные киреиты и найманы. Сегодня найманы и киреиты живут от Кубани до восточной границы современного Казахстана. Среди ногаев, казахов, каракалпаков, киргизов они представляют довольно высокий процент населения. Все они говорят на тюркском языке. Например, найманы в XII веке в своём ханстве пользовались делопроизводством на уйгурском языке, после их покорения Чингиз-

хан всех чиновников использовал в своём ханстве. О том, что они разговаривали на другом языке, нет ни одного сообщения из прошлого. Самое странное, что первоначально племя мангыт не было подвергнуто раскашиванию и являлось ударным костяком чингизханова войска, долго представляло собой монолитную силу, исполняло функции карателей у всех последующих чингизидов. Но всего через столетие в Золотой Орде, когда мангыты стали формировать отдельное государство, ни один путешественник, ни один историк не подчеркнул иноязычия этого древнего «монгольского» племени. В то же время мы не можем сказать, что не было моиголоязычиого населения в отдалении от коренного юрта. Оно было и сохранилось вплоть до двадцатого столетия в небольшой группе афганских монголов. В Дагестане, где языком межнационального общения был тюркский язык, тоже было племя, говорившее на монгольском языке. Турецкий путешественник Эвлия Челеби в середине XVII столетия обратил внимание на язык дагестанских кайтагцев и привёл в пример десятков обиходных монгольских слов. Поэтому нет никаких оснований говорить о неустойчивости моигольского языка. Вполне возможно, что задолго до прихода Чингиз-хана к власти среди племён монгольского происхождения было распространено двуязычие. Но я, как и некоторые учёные, склонен считать, что древнемонгольский язык изначально был схож с тюркским языком, и только этим объясняется скоротечная ассимиляция монгольских племён среди тюрков империи чингизидов.

Многие учёные, веря источникам, говорят о том, что Чингизхан выделил сыновьям по четыре тысячи монгольских воинов. Тут, наверное, необходима оговорка: сыновьям было выделено по четыре тысячи воинов из охранной гвардии (из кезектамов), которая состояла из детей знати и военной элиты. Как мы знаем, гвардейцы сообразно званию должны были с собой привести по десять, пять, три нукеров. Это составляло по крайней мере тысяч двадцать только мужского населения, и все эти мужчины имели семьи, учитывая то, что степняки женились в раннем возрасте. Также у всех у них были работающие на семью скотоводы, прислуга. При выделении улуса передавалось население со всеми аулами, со скотом, с добром, а также с подданными, рабами. Поэтому приходится только недоумевать по поводу того, что Джучи или Чагатай с четырьмя тысячами воинов держал в повиновении десятки народов. Чтобы сотысячную армию, которую возглавлял Бату, держать в повиновении, необходимо было иметь хотя бы тридцать тысяч верных, мобильных соплеменников. А главное, что после покорения надо было управлять огромной страной. Любой из покорённых и даже примкнувших народов мог

бы перебить за одну ночь четыре тысячи самых храбрых богатырей.

Опять я хочу вернуться к тому, что, как уже было сказано, имя уничтоженного народа татар в ходе завоеваний опережал приход чингизхановых войск. Все соседствующие народы на Востоке и на Западе завоевателей называли не иначе как татарами. Бежавшие из покорённых стран жители рассказывали о зверствах и жестокостях, внушали страх и способствовали распространению мифа о непобедимости татар. Многие учёные склонны считать, что массовый психоз вызывался искусственно через лазутчиков и специально отпущенных пленных. Венгерский монах Юлиан, будучи в Поволжье в 1236 году, делает интересное сообщение: «Во всех завоёванных царствах они убивают князей и вельмож, которые внушают опасения. Годных для битвы воинов и поселян они, вооруживши, посылают против воли в бой впереди себя. Других... оставляют для обработки земли... и обязывают тех людей именоваться татарами» [12]. В одном случае самих завоевателей называют татарами, в другом — завоеватели «обязывают» покорённых называться татарами...

Во всём этом именовании чувствуется что-то ритуальное, недошедшее до нас, непонятное нам. И мне кажется, что эти мнения одинаково заслуживают внимания.

У казахов одно из основных племён именуется по уррану (кличу) алаш. Урран этот происходит от монгольского слова алаз — убийца. Род алаш есть и у ногайцев, есть сведения, что и у ногаев в средние века был урран алаш.

Как говорилось, до прихода к власти Чингиз-хана татары были сильным и воинственным народом, Будучи в вассальной зависимости от империи Кинь, они много притесняли других кочевников: найманов, кирентов и монголов. Во всех заветах предков монголы называют татар «убийцами отцов и дедов». Если учитывать то, что слово *татар* тождественно кличу казахов и древних ногаев алаш, не имеем ли мы дело с урраином победоносного чингизханова войска? Это вполне допустимая версия.

Само же слово татар, видимо, происходит от слова тат — чужой, инородный, древние тюрки татами называли иноверцев, а у ногайцев слово *тат* сохранилось в значении пятно. Окончание же характерно для древних тюркских этнонимов: булгар, авар, сувар, уйгар, машкар, выражающее множественное число (см. окончания у ногайцев *лар*, у казахов *дар*). Всюду, где были тюрки, там были и таты. Отсюда и ногайская пословица: «Ногай бар ерде, тат та бар» («Где есть ногай, там и таты есть»). В раннем средневековье в Средней Азии татами называли иранское население, так в Дагестане по сей день именуются горские евреи, в Кры-

му одно из подразделений крымских татар называется татами — это жители горного побережья, видимо, имеющие нетюркские корни. Русские издревле соприкасались с тюрками, и поэтому в русском языке мы находим много тюркизмов, в связи с этим мы не можем не обратить внимание на архаическое русское слово *тать*, которое означает вор, разбойник. Русское значение вполне соответствует боевому кличу алаш и допускаемому уррану татар.

На древнетюркских стелах зафиксирован этноним отыз-татар (тридцать татар), означающий тридцать татарских родов. Известен ещё один этноним тогыз-татар (девять татар), означающий девять татарских родов. Такое числовое добавление демонстрирует собирательное название древнего слова. Как говорилось ранее, во времена Чингиз-хана татарами называли всех степняков, живущих в Монгольской степи. Я думаю, что название *татары* и у погибшего народа было псевдоэтнонимом. Ярчайшим доказательством служит то, что после гибели народа название татары опять превращается в псевдоэтноним.

ЗАГАДКИ МИРОВОГО ДРЕВА

Л.Н. Гумилёв рассматривал историю Великой степи и с высоты кургана, и с высоты птичьего полёта, поэтому его исследования обстоятельны и доходчивы. Но больше всего в талантливом исследовании учёного интересно его собственное видение мировой истории. Он нарисовал своё историческое полотно. Его сочинения — это исторический роман-эпопея о прошлом Великой степи.

Русские писатели продолжают исследовать художественный мир русского народа, несмотря на то, что Л.Н. Толстым написан роман «Война и мир» — своего рода психологическая энциклопедия русского духа. Но духовный мир народа неиссякаем, доколе жив сам народ. Неиссякаема и тема Льва Николаевича Гумилёва — история Великой степи. Она пишется представителями более чем двадцати кровно заинтересованных народов. Интерес к ней не остынет никогда! Основной причиной такого интереса является то, что эта история на протяжении столетий была запретной, тайной, секретной.

Она стала запретной со времён древних гуннов. Сначала её запретили в Китае, а затем в Европе. Историю тюркских каганатов запретили в мусульманском мире. А более поздней чингизидской истории досталось от всех. Вплоть до XX столетия она была закрытой и для мусульманского и христианского миров. Из живших в Евразии специалистов-историков Л.Н. Гумилёв — первый, кто без всякого предубеждения попытался восстановить справедливость в отношении прошлого тюрков и монголов. И он талантливо осуществил свой замысел.

Учёный объял необъятное. Как писать после него? Идти по следам Гумилёва? Это будет выглядеть эпигонством. К сожалению, сейчас в исторической науке появились тысячи работ, где мысли и открытия Гумилёва без всякого стеснения присваиваются и выдаются за свои. Некоторые «учёные» даже и одной сноски не делают на труды Льва Николаевича. Однако начитанный, образованный читатель эпигонство распознает сразу.

Несомненно, что каждый, кто хочет посвятить жизнь исследуемой теме, должен выразить своё отношение к научным открытиям Гумилёва. Это полезно и для популяризации прекрасных работ учёного. После смерти труды Гумилёва издаются большими тиражами, творчество его изучается в учебных заведениях. Однако в связи с распадом СССР и выходом тюркских народов из одного государственного образования есть опасная тенденция пересмотра отношения к тюркским народам, оставшимся в составе России. Делаются попытки критически переоценить и творчество самого Л.Н. Гумилёва. Я в книге ещё коснусь этих тенденций.

Вернусь к исследуемой теме. Хотел несколько слов сказать о своём методе подачи материала. При написании научных работ у нас обычно пользуются методикой предшественников. Тысячи диссертаций состоят из трёх основных частей: первая — вступление, где ставятся цели и задачи; вторая — раскрытие темы; третья — заключение, где делаются обобщения и определяется актуальность работы. Я избежал этой методики. Она не вдохновляет, особенно после красочных и увлекательных сочинений Л.Н. Гумилёва. Думаю, что за беллетризованным изложением истории есть будущее. Лучшие историки мира: от Геродота до Н.М. Карамзина избирали этот метод. Я же беру за основу чисто исповедальную манеру, это ещё ближе к литературе. Я стараюсь рассказать многовековую биографию своего народа и касаюсь в истории всего, связанного с моей личной жизнью, с моим существованием. Гумилёв, хотя открыто не высказывался об этом, но и он сопереживал мёртвым, казалось бы, страницам истории, оживляя эпизоды далёкого прошлого. И, читая его сочинения, я сопереживаю вместе с ним, потому что он рассказал мою жизнь...

Но дело в том, что Лев Николаевич рассматривал бесконечную прямую истории в горизонтальной плоскости. Он рисовал историческое полотно, обрезая контуры предельно точной хронологией. Я же взялся за непосильную задачу: хочу рассказать о своём видении *проекции* бесконечно прямой истории. Проекция бесконечной прямой линии — это точка. Точка — это я сам. Я — составляющая бесконечности. Для меня не существует упорядоченной хронологии. Любая дата для меня относительна. То, что произошло тысячу лет назад, я ощущаю, как будто пережил сию минуту.

Я не претендую на научные открытия в истории, но я хочу быть предельно правдивым и потому делаю всевозможные ссылки на исторические сообщения. Я тоже, как и многие исследователи истории, наверное, стою на пути мифотворчества. Думаю, что каж-

дый писатель-историк создаёт миф о прошлом. Миф, легенду о славной стезе своих пращуров. Осуждать за это нельзя. Талантливый историк создает талантливый, правдивый миф...

Я очень осторожно ичаю в изображении того или иного момента, ибо боюсь сбиться на путь мародёрства. Археологи, этнографы, историки, филологи немало измывались над нашими предками. Они в буквальном смысле сдирали с мёртвых кольчуги, кафтаны, сапоги, оружие, присваивали их деяния, песни. «Это не твой отец, не твой дед, это все моё!» — крича, угрожая, затыкая рот научными доказательствами, они рядились в одежды наших предков... Я еле сдерживаю себя от гнева и возмущения и боюсь, что отвечу тем же, перейду на их же путь мифотворчества. Я пишу, потому что надо и себя, и соотечественников избавить от чувства нанесённой обиды. Нельзя человеку нести в душе такой камень недовольства, да и народу нельзя жить с таким горьким чувством. Кому нужен народ, смотрящий на других волком?! Тем более в России, где сотни народов? Надо искать пути к сосуществованию.

Ведь никто же сегодня не собирается мстить современному французу за взятие Москвы, норманнам за разорение Италии. Все прекрасно понимают, что это было бы глупо. И это осознание подсказывает: надо предельно правдиво восстанавливать картины прошлого.

У нас, на нашей исторической родине, дело обстояло и обстоит кардинально противоположным образом. Так повелось, что события, происшедшие в Великой степи, утаивались или искажались до неузнаваемости. И сейчас новые мародёрские теории возникают как грибы. В своё время большевики, обманывая народы мифом о «национальном самоопределении», расчертили страну на мнимые государства. Сейчас более десятка потенциальных «государств» развивается в чреве России. Всем так называемым республикам стало необходимо великое прошлое как обоснование исторического пути того или иного народа к суверенности. Историки, получившие на это политический заказ, ищут малейшие зацепки. Выдумываются новые карты, слагаются мифы о легендарных личностях, якобы отстаивавших некогда независимость народа, изобретаются национальные гербы и флаги, археологи придают национальные черты памятникам, оставленным исчезнувшими или исчезающими народами. Так и хочется громогласно заявить: нельзя же превращать своё прошлое в средоточие лжи! Из химерического прошлого в наше настоящее вылезают вполне реальные ужасы. Растёт новое поколение, поколение людей, ввергнутых в заблуждение, а также, что ещё хуже, людей с двойным стандартом мышления. Обман и лицемерие затмевают все слои общества...

Хотя я разочарован состоянием дел в российской исторической науке, эта наука необходима для цивилизации. Нет, не так безнадёжна наша жизнь, какое-то утешение и удовлетворение я получаю от обращения к фольклору, к историческим песням. Непредвзятость и самобытную чистоту вижу я в устно-поэтическом творчестве народов. Самое привлекательное для меня в фольклоре то, что в нём нет упорядоченной хронологии. Фольклор сохраняет только значимые, повлиявшие на жизнь народа события. Если бы даже не было исторических и литературных памятников, то все народы вполне могли обходиться фольклорными произведениями. Народы сохраняли в памяти то, что необходимо сохранить, и не более. Древние хорошо усвоили, что отгоревшие костры не греют.

В век прогресса литература интенсивно вытесняет фольклор. Литература берёт из фольклора основные свойства национально-го характера и народный дух. Напечатанные фольклорные произведения тоже остаются достоянием народа, приравниваются произведениям искусства и определяют уровень культуры.

В XIX веке ногайский фольклор, особенно песенное творчество, своим разнообразием и богатством восхищал исследователей. Но в XX веке устно-поэтическому наследию ногайцев не повезло. Фольклор стал разбазариваться. Из-за незащитности ногайского народа он подвергся грабежу, мародёрству. Началось присваивание ногайских песен родственными по языку народами. Сами ногайцы не могли издать свой фольклор, а в союзных и автономных республиках бывшего СССР целые академии занимались им.

В средние века, в эпоху могущества ногаев, происходило органическое распространение ногайского песенного фольклора, его распространяли сами ногаи. В одних случаях песни исполнялись воинами, которые нанимались для защиты в различные княжества и ханства, в других — бродячими певцами, искавшими в странствиях счастья. Как я уже заявлял, ногаи повлияли на все окружающие тюркские народы, об этом свидетельствуют фольклорные памятники, где главные герои — ногайские богатыри. Ногаи — единственный народ, создавший эпос, в котором отражены события, происшедшие в Золотой Орде. Другие народы, жившие в этом государственном образовании, не могли создать эпических произведений, т. к. не имели отношения к историческим личностям.

Надо оговориться, что под ногаями я ещё подразумеваю казахов, каракалпаков и кочевых узбеков, поскольку в золотоордынский период это был один народ. Ногайский эпос у них в дальнейшем получил своё самобытное развитие. До XIX века названные народы даже не знали, как определиться в самоназвании. Это было отражено в первоначальном их эпическом творчестве. И только в

XX веке, особенно среди казахов и узбеков, прошла мощная волна редактирования эпоса. Избавлялись от имени ногаев или приуменьшали их значение, подводили повествование под составляющие их народ рода. Как говорится, их дело, их фольклор, что хотят то и делают. Однако достаточно открыть дореволюционные издания фольклорных текстов казахов и кочевых узбеков, чтобы обнаружить искажения. Я не называю каракалпаков, т. к. они в эпических песнях сохранили имя ногаев. Больше того, в песнях каракалпаков выражено столько любви и скорби по утраченному могуществу ногаев, что перед ними меркнут даже собственно ногайские песни.

Разговор пойдёт о других формах заимствования....

Абдул-Хамид Джанибеков — первый фольклорист из ногайцев. Он проделал огромную работу не только по сбору фольклора, но и по его исследованию, приведению в системный порядок, он популяризировал его по своим возможностям: издал песни ногайцев. Но возможности его были весьма скромными, и составленный им четырёхтомный сборник ногайского фольклора до сих пор не увидел света, в рукописном виде лежит в архивах научно-исследовательских институтов.

Только лишь благодаря фольклору до наших дней дошло творчество таких легендарных средневековых ногайских поэтов, как Асан Кайглы, Шал-Кийиз, Досмамбет Азавлы, Казтуган Суйиниш улы и многих других. Но вот в начале 60-х годов прошлого столетия в Казахстане начали заниматься творчеством этих поэтов. В 1970 году в Алма-Ате выпустили антологию под названием «Алдаспан». В книгу были включены стихи названных выше поэтов. Кроме стихов Казтуган Суйиниш улы, остальные произведения были взяты из публикаций ногайских фольклорных текстов, составленных ранее В. Радловым, М.-А. Осмаиловым и А.-Х. Джаибекковым (в XIX и начале XX вв.). Большинство произведений — из сборника «Поэзия аула», составленного А.Х. Джанибековым. Ногайцы остались благодарны казахским учёным и за эту публикацию, подтвердившую само существование средневековой ногайской поэзии. В это же время ногайский учёный А. Сикалиев пытался опубликовать произведения средневековых поэтов, но идеологические монстры воспрепятствовали обнародованию. Мы хорошо помним, сколько крови было выпито у А. Сикалиева за отстаивание имен: Асана Кайглы, Шал-Кийиза, Досмамбета Азавлы, Казтугана Суйиниш улы, Эльбурмана Найманлы, Саркынбая Крымлы, Исмаила Бекмирза улы, Мусеке Мыкай улы, Фахруддина Абушахман улы, Ахмедие Адил улы, Арслаиша Шабан улы, Баймырза Манап улы и многих других. Представители творческой интеллигенции титульных народов автономных республик готовы были на кулаках драться, чтобы запре-

тить произношение имён средневековых ногайских поэтов. У многих этих народов литература появилась только в послеоктябрьский период.

О весьма своеобразном заимствовании ногайской песни «Бозйигит» мы можем узнать из книги А. Сикалиева «Сынап карап, сырласып» (Черкесск, 1975 г.). На страницах 94—95 этой книги ногайский исследователь подробно описывает, как песня «Бозйигит» обрела всесоюзное значение. Оказывается, В.В. Радлов опубликовал песню «Бозйигит» на казахском языке, но в предисловии оговорил, что песня записана казахом ещё в 1842 году слово в слово с ногайского текста. В дальнейшем казахский текст песни был переведён на татарский язык, и в книжном виде широко бытовал среди татар, башкир, всех других тюркских народов. Потом именно книжный текст вызвал вхождение этой песни в фольклор почти всех тюркских народов.

Замечательный кумыкский учёный Магомед-Апенди Османов — один из первых образованных людей среди инородцев России. В XIX веке он жил и работал в Санкт-Петербурге. Его деятельность я бы назвал героическим подвигом. Учёный долгое время собирал фольклор двух родственных по языку народов: кумыков и ногайцев. Собрав, он издал его в 1883 году в Санкт-Петербурге. Книга называется «Ногайские и кумыкские произведения». Глядя на то, как легко сегодня совершается плагиат среди родственных по языку народов, можно подумать, что мог ведь и Магомед-Апенди Османов, кумык по национальности, издать песни только под названием «Кумыкские произведения». Совесть честного человека, призвание учёного не позволили ему сотворить такое. Благодаря подвигу Магомед-Апенди Османова у нас сохранились одни из лучших вариантов песенного фольклора. Благодаря этому издаванию до нас дошла и некоторая часть творчества ногайских средневековых поэтов.

Однако позиция кумыкских фольклористов последнего времени несколько настораживает. У ногайцев довольно хорошо известен цикл песен «Казак йырлар» («Казацкие песни») — это короткие баллады, сочинённые степными рыцарями, скитавшимися по степи в поисках удачи. В XX веке, несмотря на существование аналогичных публикаций на ногайском языке, они безоговорочно были включены в антологии кумыкского фольклора, мало того, приписаны творчеству известного у кумыков бесписьменного поэта Ирчи Казака (видимо, из-за того, что название «Казак йырлар» можно понять и как «Песни Казака»). Как я уже говорил в первой части книги, кумыкский фольклор сам по себе оригинален и богат древнейшими образцами тюркской поэзии. Смешивание ногайских казацких песен с кумыкским фольклором указывает на недоб-

росовестность фольклористов.

В республике Дагестан, куда не по своей прихоти были включены степные ногайцы, долгое время (с 1940 по 1970 гг.) ничего нельзя было издать на ногайском языке. Что говорить, если в издательстве, где тогда ещё было налажено издательское дело на национальных языках, отсутствовала единица штатного редактора ногайских книг, редкие рукописи проходили через руки редактора кумыкской литературы. В 60-е годы прошлого столетия группа энтузиастов, среди которых я лично знаю только двоих — литератора Бади Аджигельдиева и нынешнего почётного руководителя ногайского движения «Бирлик» Балбека Кельдасова, начали сбор ногайского фольклора в Ногайской степи. Тогда ещё живы были известные певцы, исполнители эпических песен, да и много было людей из простонародья, знающих фольклор. Энтузиасты записали всё, что возможно было найти в Ногайском, Тарумовском, Кизлярском районах республики Дагестан. Перепечатали тексты на машинке и объёмную рукопись (около 500 страниц) поэтического содержания повезли в Махачкалу, Зашли в республиканское книжное издательство, познакомились с кумыкским редактором, выпили за встречу представителей родственных народов и, оставив рукопись, вернулись в родные степи с чувством исполненного долга. Одиако судьба этой рукописи до сих пор неизвестна. И я, будучи в столице Дагестана, интересовался этим вопросом. Есть вполне обоснованные подозрения, что все книжные публикации кумыкского фольклора, появившиеся позже этого события, пополняются из пропавшей рукописи энтузиастов. В этих изданиях узнаваемы обрядовые, героические, любовные и, конечно, казачьи песни ногайцев. Особенно это заметно в произведениях фольклора, представленных записями поэтов и писателей (с них, как говорится, спросу мало).

А. Сикалиев в названной книге приводит ещё одну прелюбопытную историю. Среди ногайцев издавна бытует народная повесть «Аманхор», она состоит из прозаических и поэтических рассказов. Её, да и многие другие таварихи (предания) хорошо знал народный сказитель Тангатар. В 50-е годы Тангатар и известный в Караногае эфенди Балтен записали предания в тетради. Впоследствии тетради с записями «Аманхора» и некоторых других преданий забрал у аульских деятелей кумыкский писатель Абдул-Гусейн Ибрагимов (указ. книга, стр.44). Судьба тетрадей осталась неизвестной, но писатель издал повесть «Аманхор», опустив всё, что могло напомнить о ногайцах.

Ранее я говорил о парадоксальной метаморфозе, происшедшей с историческим Чора Нариковичем. Он из пособия Ивана Грозного в покорении Казани превратился, в ногайском эпосе, в

защитника Казани. Казанские фольклористы, не разобравшись в этом, превратили ногайского Чору в национального героя татарской истории, отстаивавшего независимость Казанского ханства.

С такими недоразумениями мы встречаемся и в кумыкских произведениях фольклора. Некоторые слова из своих песен кумыкские исследователи без ногайцев не могут понять до сих пор. Так, фигурирующее в кумыкских текстах название лошади *алаша* фольклористы переводят как «рабочая лошадь», на ногайском же языке слово *аласа* означает мерин. Выражение: «Батага, мусульмане, батага!» кумыкские учёные свели к тому, что Батага — это имя человека, на самом же деле слово *батага* означает сход граждан, сход князей, а данное выражение — это призыв к сходу. Некоторые ногайские казацкие песни родились в период переселения ногайцев в Турцию, и вместо названия страны (Турции) в песнях присутствовало название турецкой области Анатолии — по-ногайски Анадол. Кумыкские учёные слово Анадол сделали двухсоставным — Ана Дол, и кому-то в голову пришло, что это название реки Мать Дон, в то время как и в ногайском языке, и во всех тюркских наречиях Дон называется Тан или Тен. Своим переводом кумыкские учёные ввели в заблуждение и московского кумыка М. Аджиева, который вдруг ни с того ни с сего объявил, что кумыки некогда проживали на Дону и так любили эту реку, что называли её Матерью всех рек и всех кумыков.

Вскоре после пропажи рукописи энтузиастов один из учёных объявил о существовании кумыкской песни «Кривой кабардинский нарт Алп и борьба с ним Эдиге». Почему фольклористы выбрали из ногайской песни этот отрывок? Да потому, что его хоть как-то можно увязать с Северным Кавказом...

И ещё что интересно... Было бы вполне правдоподобно присутствие фрагментов ногайского фольклора в устно-поэтическом творчестве кумыков, если бы учёные рассказали правду об ассимиляции аксаевских, костековских, сулакских и баба-юртовских ногайцев. Произошло это потому, что кумыки в советский период были одной из титульных наций в Дагестане, были полноправно представлены в управлении республики, в сфере культуры и искусства, образования. Ногайцы же мало того, что были одной из малочисленных народностей республики, так и жили в отдалении от столицы и исторически тянулись в сторону русскоязычных административных центров, таких, как Ставрополь, Пятигорск, Георгиевск. Однако факт ассимиляции упорно скрывается до сих пор. Напротив, для русскоязычного читателя вообще скрываются какие-либо связи ногайцев с кумыками.

Вот, например, кумыкский фольклорист А.М. Аджиев делает

такое пространное заявление: «Итак, фольклорные связи «Йыра о Минкюллю» ведут и в далекую Киргизию и в соседнюю Чечено-Ингушетию. Как же объяснить историческую основу этих связей? Ведь кумыки — один из древних тюркоязычных народов Кавказа, а киргизы, как и каракалпаки, у которых тоже бытовал эпос о Курманбеке, на Кавказе не жили» [26, 21]. Это называется: как бы из Черкесска попасть в Ставрополь через Париж. Пусть извинит меня уважаемый учёный, иначе чем лицемерием такое заявление не назовёшь. Кроме того, я знаю, что фольклорист читал книгу «Ногайские народные песни», а там в предисловии, в перечне исполняемых ногайскими йыравами песен, указана и песня «Курманбек» [27, 8]. Не мог он, тем более, не знать и о том, связующий Кавказ и Среднюю Азию народ живёт в нескольких километрах от кумыкских селений в ногайских аулах Баба-юрт, Геме-тобе, Тамаза-тобе, Главсулак. В дальнейшем тексте цитируемой работы А.М. Аджиев оговаривается, что ногайцы никак не связаны с кумыкским фольклором, т. к. появились на Северном Кавказе в поздние времена.

Как я говорил, тюркских ученых буквально гложет желание занять жизненно важное историческое пространство. Они задыхаются от предвкушения насытиться лакомым куском исторического наследия, оставленным ногайцами. С года смерти беклербея Золотой Орды Ногай (1300 года) начинается официальная история ногайцев. Семь веков самобытной истории — это очень продолжительный отрезок времени для существования этноса.

Пусть извинят меня мои соотечественники, но в XX веке от былых ногаев остались жалкие остатки. В учёном мире это узрели, поняли и то, что современные ногайцы не в состоянии отстоять свое историческое прошлое. Искажение истории поощрялось идеологическими органами Страны Советов... Северокавказские учёные в один гóлос начали заявлять, что их предки жили от моря до моря, от Кавказских гор до самого Дона и Волги, искать и находить исторические, археологические подтверждения, присваивать топонимы огромного края. Что интересно? Кроме доктора исторических наук В.Б. Виноградова, во всём северокавказском регионе не нашлось современных русских учёных, которые стали бы на сторону исторической правды. В то время как изо всех северокавказских республик идет отток русского населения, русские историки идут на поводу учёной элиты республик, которые в своих работах упрямо «осваивают» историю Предкавказья, Кубанской равнины, Прикаспия и степей, расположенных между Кубанью и Тереком. Просто поражает пассивность русских историков!

Может быть, в начале XX века советскую науку устраивала

теория исторического запустения этих земель. Но очевидно, что подобная ложь не может долго продержаться в науке. Сейчас в интересах России рассказать правду о ногайцах. Вот, например, чеченские боевики взяли на вооружение доктрину, о многовековой борьбе чеченского народа с Россией за независимость и определили её период — 400 лет. Такой длительный срок они взяли, опираясь на факты, когда ногайские князья привлекали некоторых чеченских правителей на борьбу с царизмом и против завоевательных войн калмыков. Ногайцев же чеченские идеологи стараются даже не упоминать. И представляют историю так, что столь длительный период чеченский народ самостоятельно находится в политической борьбе.

Если объективно взглянуть на события 400-летней давности, то мы увидим, что кроме ногайцев в то далёкое время ни один северокавказский народ не имел политической самобытности. Все горские общества и княжества тогда от кого-то зависели: одни от турецкого султана или крымского хана, другие — от московского царя или иранского шаха. Чеченские общества даже в XVIII—XIX веках были в зависимости от кумыкского шамхала, а затем от аварского имама Шамиля.

По летописным данным Казый Ураков, поссорившись с дядей, бием Большой Ногайской Орды Исмаилом, с Волги переселился на Кубань в 50-е годы XV века. Бегство Казыя связывается с годом убийства Исмаилом своего брата Юсуфа — это 1554 год. Казый бежал из Большой Ногайской Орды под страхом смерти. Он не мог переселяться с большим количеством людей, т. к. это было бы заметно и Исмаил смог бы воспрепятствовать такому продвижению. Вероятнее всего, что Казый Ураков переселился с дружиной и со своим аулом.

В регионе переселения издавна жили ногайские племена, оппозиционно настроенные в отношении правителей Большой Ногайской Орды. Это были потомки сыновей Эдиге Навруза и Мансура, потомки хана Тохтамыша (солтанульцы), сосредоточенные в районе Азова каратайки, яман садаки, келечи, по берегам рек Кумы и Терека находился Тюмен улус, часто называемый черкасами и состоящий из племён бурше, эльбури, каратайков, яман садаков, келечи. На Кавказе Казый возглавил оппозицию против Исмаила и организовал собственную орду, которая стала называться Малой Ногайской Ордой. Пришелец был принят за своего. Он не был чужаком. Обычно чужаки спрашивают разрешение на поселение.

В это время претендентами на овладение южными территориями были два политических деятеля — крымский хан и московский царь Иван Грозный. Но ни тот, ни другой не желали усиления в этом регионе третьего. Кроме того, Иван Грозный дружил с Исма-

илом. Бий Большой Ногайской Орды боялся Казыя и неоднократно писал Грозному, что племянник представляет большую опасность для их дружбы. А два правителя дружили очень хорошо, дошло до того, что они стали свояками. Иван Грозный женился на дочери черкесского князя Темрюка Марии, а Исмаил на другой дочери по имени Малхурып.

Крымский хан тоже не хотел иметь такого соседа, как Казый. По источникам и по данным эпоса между ними была кровная вражда. Но Казый Ураков создал Орду и поставил обоих правителей перед фактом. Только после смерти Казыя Малая Ногайская Орда становится номинальным вассалом крымского хана, но при нём она была мощной, мобильной и имела влияние на все районы Северного Кавказа. Однако у каждого народа бывают свои подъёмы и неминуемы спады. К концу XVI началу XVII века между потомками Эдиге разгорелись кровопролитные распри. Да и население пострадало от небывалого голода. В 1613 году калмыки ойраты, вышедшие из восточной части Великой степи, пройдя казахские степи, напали на ногаев. Ослабевшая Большая Ногайская Орда не смогла защищаться. Часть Больших Ногаев бежала в Крым, другая часть — на Северный Кавказ. Калмыки в это время были в апогее своего могущества, они подвергли ногаев ивовым нападениям, очень много людей было истреблено, многие племена захвачены в плен.

Крупные поражения иногда сплачивают народ. Однако этого не произошло, дух разложения у ногаев стал принимать угрожающие размеры. Даже в годы калмыцкой агрессии вражда феодалов между собой не прекращалась. Есть исторические свидетельства о том, что алтыульские и джембойлукские ногаи находились в постоянном союзе с калмыцкими тайши.

В 1644 ногайский князь Арслаибек собственными силами героически охранял крепость Бургустан, затем, объединившись с кабардинскими князьями, дал решительный отпор завоевателям. В этих битвах Арсланбек и его союзники пленили тысячи калмыков, убили предводителя войска Урлюк-тайши и его троих сыновей, остатки калмыцкого войска прогнали до самой Волги, от которого лишь двум тысячам удалось спастись, переправившись на другой берег реки. Но это только один эпизод войны. Калмыцкий Аюке-хан при поддержке Петра I особенно отличился в опустошении ногайских земель, в его бытность было уничтожено около ста тысяч ногаев. Малая Ногайская Орда почти два столетия вела непрерывную и неравную войну с калмыцкими тайши и царскими войсками. В этой борьбе ногаи иногда поддерживались крымским ханом, иногда входили в разные союзы с горцами: то с черкесами на Кубани, то с кабардинскими феодалами, то с чеченски-

ми обществами.

Надо заметить, что до самых последних лет политической самобытности Малых Ногаев (1783г.), постоянными их союзниками были некрасовские казаки, проживавшие совместно с ногаями на Кубани. Завоевание ногаев было предтечей Кавказской войны XIX века. На протяжении двух веков ногаи для горских народов служили заслоном от посяганий царизма и завоеваний калмыцких правителей.

Мне хочется ещё раз отметить, что ногайцы издревле связаны с Северным Кавказом. Я даже не хочу уноситься в глубокую старину: во времена Тюркского, Хазарского каганатов и расселения кипчакских ханств. В золотоордынскую эпоху весь горный край входил в улус Ногая. Костяк его войска состоял из чингизидских кочевников и асов, тогда главенствующего народа на Северном Кавказе. Ногай был отважный полководец, мало уступающий по своим победам даже Бату. На протяжении сорока лет имел огромное влияние на местную знать. Ещё будучи молодым, на берегу Терека он разбил войско иранского чингизида Хулагу, состоял в союзе с египетским султаном Бейбарсом и императором Византии Михаилом Палеологом, совершил обширные завоевания в Болгарии, Польше, Сербии. В древности все уважали военную доблесть, любили того, кто умел и побеждать, и управлять народом. Это умел Ногай, и его подвластные с гордостью заявляли: «Мы люди Ногая!».

Ещё до того, как Эдиге стал правителем Ногайской Орды, всех кочевников на Западе Золотой Орды называли ногайскими татарами. Об этом нам сообщают венгерские источники [28, 34]. Эдиге образовал Орду в 1391 году. Орда должна была обрести новое имя. В честь и в память о победоносном беклербее новый союз кочевых племен был объявлен Ногайским. Существуют и иные версии о возникновении названия Ногайская Орда и появления самоназвания народа. Данная версия поддерживается большинством учёных.

И всё же ногаи не сложили эпоса о своем знаменитом пращуре Ногае. Великой песни был удостоен беклербей Эдиге.

Судьба эпоса прошла такой же трагический путь, как и весь ногайский народ. Вместе с народом пострадала и песня. Великое творение народной мудрости подверглось невероятным метаморфозам и является ярким свидетельством того, как издевались в Стране Советов над одним из древнейших народов, как измывались над его историей и культурой. Как оказалось на деле, гроша ломаного не стоила идеология, объявившая лозунг равенства и братства народов.

В этой книге я неоднократно упоминал о сводном тексте песни

«Идегей» на татарском языке. Этот текст увидел свет в 1941 году в татарском журнале «Совет адабияты», № 11 — 12.

Затем, после реабилитации песни, текст был опубликован в Казани и издан отдельной книгой в 1989 году. Книга вышла в твёрдом переплёте, на хорошей бумаге, пятидесятитысячным тиражом. Мало кто знает, как возник этот сводный текст. Признаюсь, что и я не знал всех деталей, хотя убежден был, что над песней старательно поработал татарский литератор Наки Исанбет. Свет на загадочную историю проливают сами казанцы.

Я специально не называю их казанскими татарами, т. к. автор книги «Булгарский вопрос» Фаргат Нурутдинов считает глубоко ошибочным и даже возмутительным название его народа татарами. Кстати, этого же мнения придерживались и придерживаются многие известные учёные. Крупнейший татарский учёный Гаяз Исхаки, имя которого высоко почитается в современном Татарстане, в знаменитой книге «Идель-Урал», впервые опубликованной в Берлине в 1933 году, писал: «... Дело в том, что с первых же дней возникновения Казанского ханства русские начали называть Казанское ханство — Татарским ханством», или «ханством казанских татар. «Название татар (официальное со стороны русских название населения Золотой Орды) по отношению к населению Волжско-Камского края начинает применяться русскими лишь с того момента, когда после организации Казанского ханства и блестящих побед этого ханства над русскими, казанские татары заслонили настоящих татар Золотой Орды, и все прежние отношения, которые были выработаны русскими по отношению к Золотой Орде, были перенесены на Казанское ханство и его население. Живущие там финские племена называют их не татарами, а по прежнему «болгарами». Луговые черемисы (мари) до сих пор называют татар «суас», а вотяки «бигер» т. е. «болгар». (Воробьёв. Материальная культура казаиских татар. стр. 21). Татары же себя никогда не называли этим именем, а наоборот, казанские татары это название считали обидной кличкой» [Цит. по 29, 21]. Так что у Ф. Нурутдинова достаточно аргументов для отстаивания своей правоты. Автор рьяно отстаивает возврат к болгарским корням и национальную принадлежность народа предлагает именовать словом *булгары*. Он доказывает это своей книгой «Булгарский вопрос», выпущенной в Оренбурге в 1993 году. Книга состоит из двух частей, первая называется «Как машина зла убивала народы» и вторая — «Служилые татары, или Похитители Чингиз-хана с Идегеем». Я не буду пересказывать всю книгу, в ней действительно очень много занимательного. Но вот один из ключевых эпизодов.

В связи с присвоением народу названия *татары* возникало мно-

жество проблем. В их разрешение вмешивались главные лица страны, в том числе отец и вождь всех народов Сталин. Для того чтобы поволжские тюрки почувствовали себя «новым татарским народом», необходимо было подстелить историческую подкладку, и вот какой любопытный диалог приводит автор. Это разговор известного татарского большевика Галимзяна Ибрагимова с «отцом народов».

«Он (Сталин — *И. К.*) молча принял раболепные... поздравления Галимзяна и вместо выражения благодарности сказал:

— НЭП оживила националистические настроения, особенно на селе. Донесения с мест позволяют утверждать, что мусульмане Татарской и Башкирской Республик по-прежнему видят в булгарстве не только своё прошлое, но и настоящее, и будущее. Есть сигналы о сомнениях по поводу целесообразности распространения названий республик на их коренные национальности даже среди некоторых советских работников. (Стиль изложения оставляем на совести автора. — *И. К.*) Эдак дойдет и до признания неправомерными решений партии и правительства об образовании этих автономий. В чём дело?

Г. Ибрагимов враз растерялся: ведь он, конечно же, отдавал себе отчёт в том, что именно Сталин был отцом двух «татаро-башкирских» автономий и что подкоп под них будет расцениваться как подкоп под генсека.

— Мы сделали всё возможное: запретили официальное употребление имени, историю и культуру булгар, добились самороспуска вредоносных «божьих воинов»... — залепетал было в ответ Галимзян, но Сталин перебил его:

— Но вы не дали народу ничего духовного взамен.

— Как?! — поразился Ибрагимов. — Ведь татаро-башкирские литераторы пишут — и много пишут...

Иосиф Виссарионович побагровел от гнева, но сдержался и заметил:

— Ваши переходные произведения не есть литература, и авторы их — не литераторы, а переводчики с русского. Вы — агитаторы, большевистские агитаторы, и вы полностью провалились с вашими агитками... Здесь, и сейчас же, найдите способ, как заткнуть дыру, образованную вашими запретами.

— Извините, товарищ Сталин, не понял... — забормотал Галимзян, ошарашенный словами вождя. Ибрагимов был по натуре службистом, простым исполнителем, лишённым гибкости ума, и когда она требовалась, «впадал в недоумение».

— Поясню, если надо, — насмешливо сказал Сталин. — Вы должны пробиться к сердцу ваших пока несознательных читателей с помощью фольклора. Вот почему, к примеру, пользуется такой любовью и таким успехом у русского народа Демьян Бед-

ный? Да потому, что пишет в стиле русских частушек — просто и понятно, вот и весь секрет. Почему бы вам не дать вашему народу его песни — но с новыми словами? Старая привычная форма привлечёт людей к вашим словам, к вашей пропаганде. А вместо эпоса дайте переработку какой-нибудь подходящей легенды. Есть у вас такая?

На этот раз Галимзян был посообразительнее:

— Есть, товарищ Сталин. Это ногайское сказание об Идегее, золотоордынском князе.

— А иогайцы не предъявят вам обвинение в воровстве их произведения? — поинтересовался Иосиф Виссарионович.

— Нет, товарищ Сталин, — убеждённо ответил Ибрагимов. — Мы введём туда слова «татары», «татарский», добавим кое-что, выкинем чисто ногайское — и выдадим это за наше, татарское сказание.

— Ну что ж, коли так... — молвил вождь. — А есть ли в сказании упоминание о Булгаре?

— Нет, товарищ Сталин.

— А о войнах с русскими?

— Тоже нет, товарищ Сталин.

— Надо ввести в него хотя бы парочку упоминаний о Булгаре и эпизод столкновения с русскими. Тогда сказание заинтересует ваш народ, он станет его читать и невольно воспримет слова «татарии» и «татарский». Вы согласны со мной?

— Да, товарищ Сталин! — воскликнул довольный Ибрагимов. — Сделаем всё так, как вы сказали!

По приезду в Казань Г. Ибрагимов нашел нескольких исполнителей отатаривания болгарской духовной жизни посредством фальсификации болгарского и иогайского фольклоров. В эту «гоп-компанию» вошли Н.И., И.К., Б.Р., Р.К., и другие (позднее к ним присоединился ещё и Г.Р.-Б.). Лидером её был Ибрагимов, а его «заместителем» — Н.И.

И. же взялся за «переработку» ногайского сказания «Идегей» в «татарский» эпос «Идегей».

В эту группу приглашали также Хади Такташа и Хасана Туффана, но оба поэта с отвращением отказались участвовать в этом грязном деле. За это Такташа подвергли дикой травле и тихо прикончили, а Туфан — этот удивительно светлый человек — почти всю свою жизнь провёл в страшных лагерях». [Указ. книга, 25—27].

К сожалению, среди перечня сокращённых инициалов, кроме Н.И., фамилии татарских деятелей мне неизвестны. Н.И. — это поэт Наки Исанбет, творческая интеллигенция современного Татарстана возвела его чуть ли не в национальные герои. Мне кажется

ся, что этот эпизод является настоящей протокольной записью. Не знаю, как она попала к писателю, историку Ф. Нурутдинову. Автор ссылается на запись разговора с узником сталинских лагерей, ветераном Великой Отечественной войны Мидхадом Сардаровичем Ваисовым. Но навряд ли Ваисов мог так подробно изложить разговор Ибрагимова с вождём. Галимзян Ибрагимов пересказать его тоже не мог. Третьего человека не было. Не мог этот разговор выдумать и сам Ф. Нурутдинов. Но в разговоре есть подлинные тонкости.

Сатрап режима Галимзян Ибрагимов хорошо знал ситуацию с ногайцами. В то время среди ногайского народа действительно не нашлось бы людей, которые могли бы поднять голос в защиту ногайского фольклора. Например, более-менее состоявшуюся ногайскую интеллигенцию в Астраханской области, в связи с татаризацией юртовских ногайцев, начали планомерно уничтожать в 1926 году. Фольклорист А.-Х Джанибеков и писатель Басир Абдуллин спаслись благодаря бегству из Астрахани на Северный Кавказ. В остальных регионах проживания ногайцев люди (как и во всей стране, независимо от национальности) просто-напросто дрожали за свою жизнь. За одио неосторожное слово или по чьему-либо клеветническому навету люди пропадали в застенках НКВД. Все об этом хорошо знали. Какая там защита эпической песни! Тем более что ногайскую интеллигенцию можно было сосчитать на пальцах. В 1937 году она почти вся была уничтожена, причём даже людей, преданных партии, не пожалели.

То, что лично Сталин предложил произвести историко-культурную фальсификацию, действительно ошеломляет. Хотя, подумав, можно согласиться, что это — в духе бывшего экспроприатора. В криминальном мире всегда были и есть очень неординарные и талантливые люди по части выдумок, подлогов и провокаций.

Поражает и то, что затем, во время Великой Отечественной войны, новоприобретённые татарские духовные ценности были пересмотрены. Эпос «Эдигей», как ханско-феодалное произведение, был запрещён решением ЦК ВКП(б) от 9 августа 1944 года. Почему?! Может быть, потому, что слишком высок был боевой дух поволжских тюрков в Великую Отечественную войну и надо было срочно принимать превентивные меры. В это же время депортировали тюрков с Северного Кавказа и Крыма, а чтобы не думали, что такое делается только с тюрками, к выселяемым прибавили чеченцев и калмыков. Потом взялись за турок-месхетинцев, греков и других. До сих пор непонятна суть этих депортаций. Освоение огромных пустующих пространств Средней Азии, Казахстана и Сибири? Или же наказание за неблагонадёжность?

Или это делалось просто из-за чьих-то симпатий или антипатий к данным народам? Совсем непонятно. Татар было шесть миллионов, их было трудно выселить, т. к. они были расселены по всей территории СССР.

Странно и нелогично строилась национальная политика в *той*

нашей стране. Говорилось одно: братство, равенство, развитие народов. На практике проводилось другое: ассимиляция инородцев, скрытое уменьшение их народонаселения, духовное обезличивание всех народов, включая и русских. Последний пункт для власти был очень важен. Им нужна была толпа, чтобы ею управлять, как скотом. Настоящие мародёры стояли у власти!

Я теперь отчетливо понимаю, что это происходило от бессилия власти. Сначала власть была украдена большевиками, а потом делалось всё для

её незаконного удержания. Сильная власть радуется росту народонаселения, вовремя искореняет всевозможные источники сепаратизма. Ей не надо «сбрасывать население» — путём ли организации голода, как это уже было, или же созданием невыносимых условий существования, как это происходит сейчас для пенсионеров и многих других социальных групп. Если новая Россия не пойдёт по дороге, проторённой коммунистами, то ей просто необходимо выработать новую и убедительную национальную политику. Всем народам надо предоставить одинаковые возможности и права. Например, ногайцам надо возместить весь нанесённый ущерб, оказать государственную поддержку в духовном и культурном возрождении.

Запрещение эпоса «Эдиге» особенно тяжко сказалось на судьбе ногайского народа. Об этом я не раз публично заявлял на съез-

дах народа, на страницах печати и в этой книге.

Надо заметить, что духовное насилие пострашнее физического, но оно никогда не приносило наносящим насилие ожидаемых результатов. Напротив, исторический опыт показывает, что подобное насилие оставляет гнойную рану на теле государства, и зараза рано или поздно поражает всю страну. По большому счёту Великая Октябрьская революция — это возмездие за государственные преступления нравственного и духовного характера, совершённые царским режимом...

Средневековый ногайский поэт XV века Шал-Кийиз оставил нам знаменитое обращение к верховному князю Ногайской Орды:

*Бий Темир, эй, слышишь, Бий Темир!
Право дал тебе Аллах землёй владеть,
Право дал Аллах мне песнь слагать.
У меня ты песню отобрал,
У народа песню отобрал,
Чуть хребет у песни не сломал.
Я теперь, как белый лебедь без воды,
Словно лань без леса — вот что сделал ты!
Хочешь, чтоб кобуз мой онемел?
Чтоб он больше никогда не пел?
Но давно известно: не живёт
Тот народ, который не поёт¹.*

Эти строки, конечно, обращены к «отцу всех народов», попытавшемуся отобрать у ногайского народа песню.

Я считаю, что тот писатель, поэт, кто обладает даром фольклорного познания мира, особо отмечен судьбой. Наше время не для них. Такой дар приходит в определённую эпоху, сама языковая стихия выдвигает таких людей. В коротких стихах Шал-Кийиза мы найдём столько исторической информации, народной мудрости, сколько на мизерную долю нет в толстых исторических романах, многотомных собраниях сочинений современных авторов.

*Аскар, Аскар, Аскар-гора,
Выше Аскар-горы нет нигде вершины,
Птенец никогда не достигнет её высоты.
Сильнее беркута нет ловчей птицы,
Но не обретя мужества, он на волка не нападёт,
Дрофа не станет ловчей птицей,*

¹ Перевод Эрнста Бутина и Исы Капаева.

*Если не predeterminedo — и птаху не собьёт.
Красивее полёта орла никто не видел,
Но не оперившись, орел никогда не взлетит.
У твоего отца,
Если будет один храбрец джигит,
То возненавидит его всё окружение,
Однако когда придется туго окружению,
Тогда они, оседлав хоть два аргамака,
Не найдут для защиты того храбреца джигита².*

Данное стихотворение выражает дух XVI века, народный характер средневековых номадов. В этих строках мы видим подтверждение и тому, что современники Шал-Кийиза не были признаны в своём народе, их доблесть проявлялась за его пределами, славу они обретали далеко от отчего дома. Так было с тюрками за десять веков до Шал-Кийиза, так было и после. Это очень важно знать сегодняшним ногайцам, пропитавшимся насаждаемым извне национальным нигилизмом.

Да, мы в какой-то степени деградируем, но не из-за этой черты характера (нетерпимости к выдающимся соотечественникам). Напротив, совместное проживание с превосходящим соотечественником создаёт в обществе атмосферу соперничества, конкуренции и закаляет характер в борьбе за выживаемость. Деградационные проявления у ногайцев возникают из-за стирания этнических признаков, потери языка.

Мы, писатели, поэты, поэтому стараемся остановить время. Неумолимое течение времени пожирает наш народ. Необходимо остановить Хронос, поглощающий, пожирающий своих детей. Это возможно, если мы усвоим свойства фольклорного познания мира. В творчестве таких поэтов, как Шал-Кийиз, Асан Кайглы, Досмамбет Азаулы, Казтуган Суйниш улы Хронос застыл на вершине Аскар-тау, на пике мифологической горы. Образ Аскар-тау — это образ недостижимости, беспредельности.

По представлениям ногайцев, Аскар-тау расположен в середине земли. Над горой растёт вечное мировое дерево Байтерек, корни его уходят в нижний мир. На листьях мирового дерева написаны судьбы людей. Только великие камы и мудрецы могли взобраться на это дерево и получить знания. История народа всегда скреплена хронологией. Поэтому часто она называется хроникой. Но, что такое историческая хроника народа по сравнению с вечностью?! Пусть этот отрезок истории тянется три века, ну, пусть ты-

² Подстрочный перевод И. Капаева.

сячелетие... Если посмотреть философски, то кто интереснее: человек, давно умерший, или человек, умерший накануне, или человек, который ещё только должен родиться? Для вечности человек, умерший тысячу лет назад, и человек, умерший, допустим, вчера, равнозначны. Намного привлекательнее человек, который ещё должен родиться.

Думая о человеке, который ещё должен родиться, мы вспоминаем об ушедших поколениях, выбираем происшедшие с ними знаменательные события, героические поступки, мечтаем воплотить в его будущую жизнь самое лучшее из истории своих предков. В этих наших грёзах хронология отсутствует. Хронология у нас возникает, когда мы хотим рассказать правдивую историю. Для иогайцев, лично для меня хронология, тиканье часов давно вызывает горечь сожаления. Я, как древний кам, хочу уиестись к ветвям вечного дерева и прочитать судьбу своего народа. Там время отсутствует. И я до мозгов своих костей ощущаю, что я пылинка в вечности. Я всего-навсего точка! Точка в бесконечном пространстве. Только мировое дерево Байтерек определит, на каком листе своей кроны поставит эту точку.

ПО МЛЕЧНОМУ ПУТИ, В СТАН ПОЛОВЕЦКИЙ

Ногаи являются уникальным предметом для изучения истории. Об этом хорошо знали те, кто запрещал изучение Золотой Орды и Ногайской Орды. (Точнее будет — Золотой Ногайской Орды. Золотая Орда — это название ставки. Ко времени возникновения Ногайской Орды в XV веке столицы Сарай-Берке и Сарай-Бату были разрушены до основания, поэтому ногайские бии перенесли столицу в Сарайчик, город, где были похоронены все золотоордынские ханы). Хотя в результате выделения крымского и казанского ханств, московского княжества, казахских жузов государство номадов утратило значительные территории, всё же Ногайская Орда оставалась крупнейшим средневековым государством. На протяжении ста лет Орда ногаев поддерживала дипломатические отношения не только с недавно образованными Крымским и Казанским ханствами, Московской Русью, но и с отдалёнными Турцией, Ираном, Хивинским ханством и другими государствами. Предки ногайских биев мангыты ещё при Чингизхане играли главенствующую роль в империи, но и после смерти августейшего владыки им осталась первостепеннейшая роль в поддержании порядка. Ногайские бии по своему усмотрению воздвигали и низвергали ханов.

Ногайская Орда не сделала выводов из распада Золотой Орды. Надо было выбирать один из двух путей развития: или строить государство по типу западноевропейских стран, или же создавать мусульманское государство, основанное на шариатских законах. Однако ногайские бии были уверены, что принцип золотоордынского управления — единственно правильный путь. В Ногайской Орде основным населением остался традиционный чингизидский народ-войско, состоящий из племён: мангытов, кипчаков, дюрменов, найманов, конгратов, киреитов, уйсинов, катаганов, асов, кенегесов, джалаириров и других. Они, ещё не позабывшие своей военной доблести, активно использовали своё могущество для влияния на ок-

ружающие страны, как в свои дела вмешивались во внутреннюю в жизнь отпочковавшихся хаиств.

Вернёмся к эпохе Чингиз-хана. Перечисленные ногайские племена постоянно фигурируют в таких сочинениях, как «Алтан дептер» («Золотое сказание»), «Юань-чао би-ши» («Тайная история монголов»), «Сборник летописей» Рашид-ад-дина. Древние авторы рассказывают о победоносной стезе наших предков. Мы прямые потомки тех всадников, которые в изумлении остановились на берегах Адриатического моря. Так было много пройдено, перенесено так много суровых испытаний, чтобы увидеть воды этого красивого моря. Степняки и до него видели моря, но почему-то именно перед этим решили, что далее нет стран, способных противостоять их клинкам.

Люди в завоёванных до этого странах прятались за крепостными стенами и рвами, а раз прятались, значит, боялись. И, чтобы вывести человека из состояния страха, степняки разрушали стены и рвы. Предки, хотя и жили в таких огромных по тем временам городах, как Сарай-Берке, Астрахань, Мажар, Керчь, Джулат и многих других, но никогда не прятались за крепостными стенами. Кстати, почти все золотоордынские города были лишены такого рода укреплений. Степняки жили, почитая свободу. Но свободу эту надо было завоевать, а чтобы воевать, необходим был крепкий боевой дух. Этот дух как никогда вознёсся над Великой степью в эпоху Чингиз-хана.

Тумени Субатая, Джебе и мало упоминаемого историками Тугачара из племени конгратов проделали молниеносный конный рейд. Повергли войска многих султанатов и ханств, разбили в пух и прах все возможные преграды на своем пути и, казалось, должны были вернуться домой непобедимыми, но неожиданно в Поволжье встретили яростное сопротивление от половцев и болгар. Войска были потрёпаны. Сопротивление оказали тюркские народы и тем самым навлекли на себя, в ходе дальнейшего развития событий, основной удар чингизидов.

В 1225 году со всех фронтов были оттянуты на родину войсковые соединения чингизидов. Сам августейший владыка, завоевавший богатые города Афганистана и Индии, вёл обратно в Монголию основную армию. Другие сыновья вели войсковые соединения из Ирана и Средней Азии. Главный враг Чингиз-хаи Хорезмшах Мухамед был повергнут, хотя его сын Желал-ад-дин не сдавался. Наследник Хорезмшаха пытался объединить усилия своих султанов и эмиров воедино и собрал многочисленное войско, чтобы дать отпор чингизидам. Однако он был лишён политической прозорливости и ввязался в несвоевременную войну с Грузией. Войско Желал-ад-дина понесло большие людские потери.

Повод для возвращения чингизидских войск в коренной юрт подал и царь Тангута, древнего государства на территории современного Китая. Во время войны с Хорезмом царь Тангута, обязавшийся оказать военную помощь, занял выжидательную позицию. В 1225 году Чингиз-хан повёл свои войска на завоевание Тангутского царства и осадил главный город государства Эцин-Ай. Осада была длительной и кровопролитной.

Во время осады столицы в августе 1227 года августейший владыка неожиданно скончался. Обстоятельства смерти покорителя Поднебесной до сих пор не выяснены. По одним преданиям он был убит женой, молодой китайской принцессой, по другим — умер, упав с коня. Чингизидские полководцы, дабы не создавать смятения в войске, скрыли смерть повелителя. Затем, увеличив натиск, вынудили защитников города сдаться. Разъярённые полководцы приказали поголовно истребить население столицы. Видимо, такая жестокая кара настигла тангутов не только из-за упорного сопротивления, прежде всего, решение это было связано со смертью сына Неба. Ведь считалось, что чем больше будет повержено врагов, тем больше людей будет служить ему в Стране теней... Вслед за падением Тангута на милость завоевателей подчинилось и соседнее государство Тибет. Так что в Центральной Азии не осталось ни одного государства, не признававшего власти чингизидов.

Л.Н. Гумилёв, рассматривая дальнейшие завоевания, считает, что они произошли уже не по собственной воле чингизидского руководства, а вызваны «логикой событий мировой истории и политики». По мнению учёного, в них Монголия принимала участие в «силу инерции» [30, 165].

На состоявшемся курултае 1229 года в новой столице империи Каракоруме Великим каганом был избран третий сын Чингиз-хана Октай (Угедей). На этот съезд знати были оттянуты войска со всех мест расположения. Великий каган, заручившись мандатом доверия от подчинённых, решил завершить покорение империи Цзинь (Кинь). После длительной и тяжёлой осады в 1233 году чингизиды взяли Бяньцзинь, столицу ненавистных Алтан-ханов. Длительное время властвовавшие в Китае чжурджени были окончательно разбиты. В дальнейшем, уже в составе чингизидских войск, они принимали участие в осаде городов противника, т. к. располагали осадной техникой. Л.Н. Гумилёв их называет кинцами и предлагает ту версию, что известные по «Слову о полке Игореве» таинственные *хиновы* — это кины, т. е. чжурджени из Китая. Как я уже говорил, это вопрос спорный.

В 1230 году другая часть чингизидских войск разбила Джелал-ад-дина и подчинила империи всех мусульманских правителей

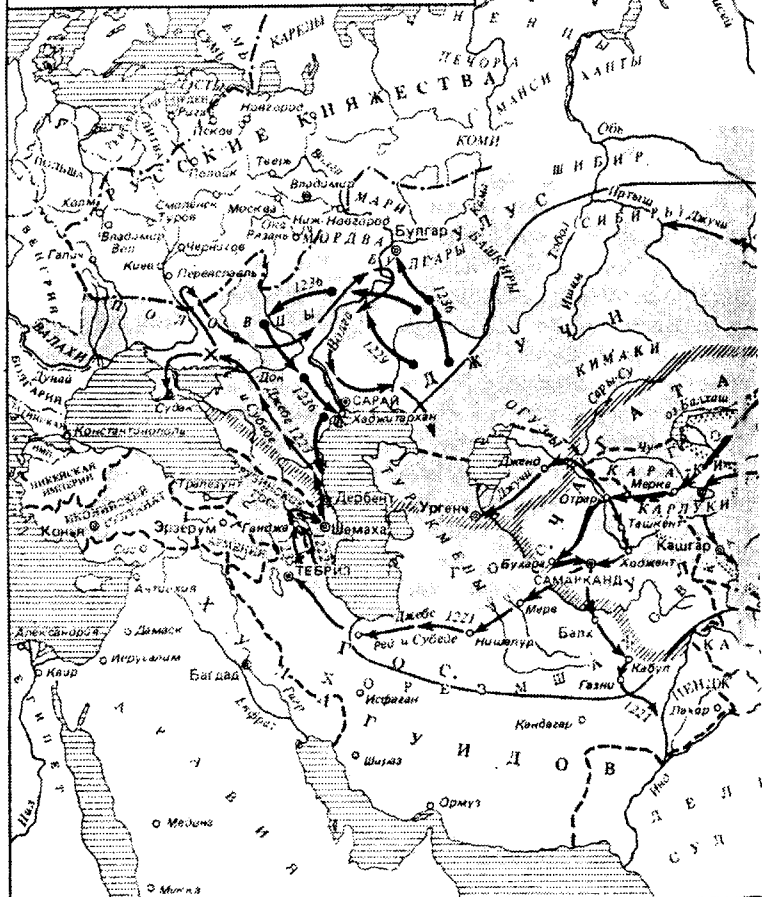
Передней Азии, исключая багдадского халифа. Войска чингизидов в Китае пополнились ещё киданями, а в Средней Азии и в Иране — воинственными хорезмийскими воинами.

Чингизидские полководцы и знать, вдохновленные победами, требовали новых завоеваний, и в 1235 году был созван новый курултай, на котором было решено продолжать войну на половецкой земле. Дешт-и-Кипчак своей самобытной природой и богатой для скота растительностью всегда притягивала взоры евразийских кочевников. Требовалось ещё и взять реванш за неудачу в Поволжье, постигшую легендарных полководцев Субатая, Джебе и Тугачара. Но и кроме этого известного поражения пограничные войска чингизидов получали отпор от кипчаков, делая попытки прорваться за реку Яик. Так, в 1232 году монгольское войско появилось у границ Волжской Булгарии. Половцы и болгары знали о наступлении врага (или же всё время находились в ожидании), поэтому своевременно выступили навстречу с объединённым войском. Чингизиды, столкнувшись с ними, вынуждены были отступить. Но в 1236 году выступление против западных тюрков нельзя было сравнить с набегом или с боевым наскоком одного из отрядов — это была продуманная и подготовленная верховным командованием империи военная кампания...

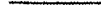
Если придерживаться версии Л. Н. Гумилева, что этот период завоеваний «был вызван логикой событий», «силой инерции», то я свел бы «логику событий» к тому, что чингизиды ясно увидели перспективу объединения Великой степи. В VI веке I тюркский каганат распространялся от Китая до Крыма. Эта славная эпоха ещё жила в памяти степняков. После развала тюркских империй в Великой степи шла непримиримая борьба между династиями, племенными и государственными образованиями, но любой возвысившийся и прозорливый правитель интуитивно ощущал единство народов Евразии. От Великой Китайской стены до Венгерской Пушты первостепеннейшую роль играли тюркские государства, и главенствующим народом были тюрки. От династических войн страдал степной народ, по разному менялись размеры государств. Однако на протяжении долгого времени Великую степь не могли подчинить себе такие крупнейшие державы, как Византия, Иран, Китай, арабские халифаты. Напротив, в эпоху могущества тюрки захватывали эти державы, держали в зависимости их правителей или сами становились правителями.

Как пока зывает опыт истории, в средние века идея национального единения никак не могла возникнуть. Это явление позднее и чисто европейское. Поэтому надо понять правильно: чингизиды действовали по интуиции и прежде всего пеклись об увеличении своего могущества. Новая война была такой же, как с Хорезмом

**НАРОДЫ ПОД ВЛАСТЬЮ МОНГОЛОВ В XIII В.
И ПОХОДЫ МОНГОЛЬСКИХ ВОЙСК ДО 1236 Г.**
(составлена на основании карты И. А. Голубцова)

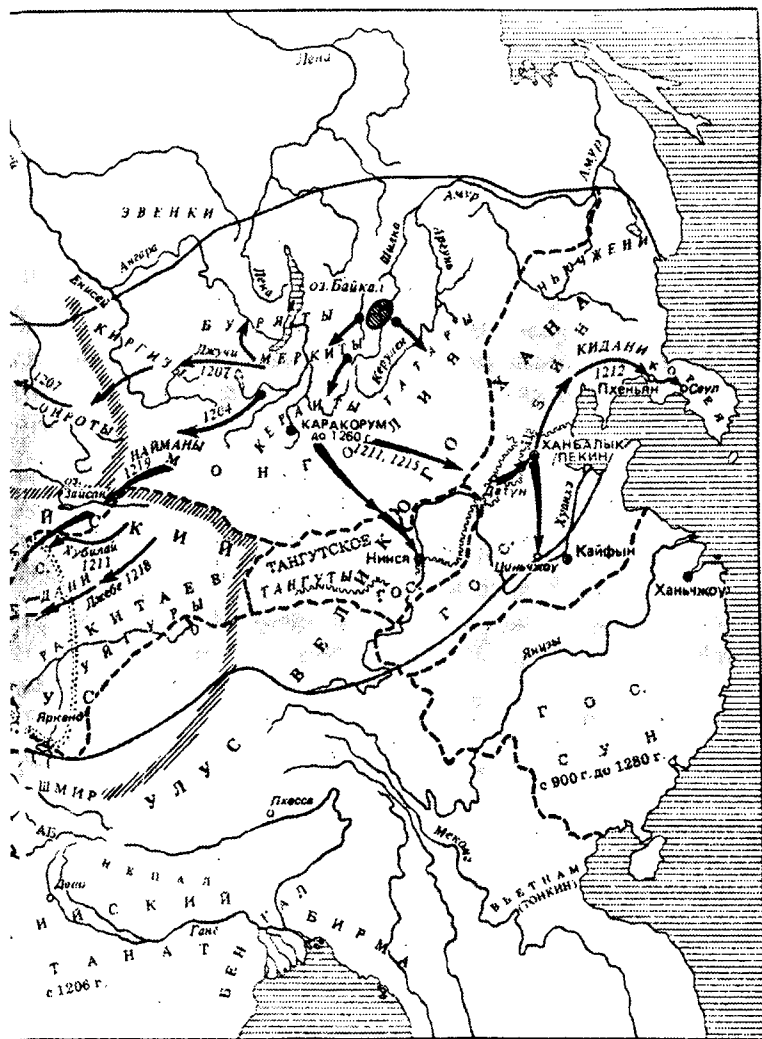

Примерные границы:

- монгольских улусов
- государства найманов
- владений Чингисхана по выводу его смарги
- русских княжеств

Территории монгольских государств (улусов) XIII в.

- Примерные границы и названия государств, завоеванных монголами
- Примерный район кочевий Тимучина (до курултая 1206г)

Основные завоевательные походы

- ← Чингисхана (Темучина)
- его сыновей и полководцев
- Великая китайская стена
- X Место битвы на р. Калке

● САМАРКАНД

● Кашгар

○ Дели

Киргизы

Столицы монгольских государств в XIII в.

Столицы государств, завоеванных монголами

Прочие города

Названия племен и народов

или с Китаем, только, в отличие от тех войн, в этой чингизиды видели целью обретение огромных степных территорий и надёжную дополнительную военную силу. Для этого надо было кипчаков обезглавить. Рашид-ад-дин прямо подчеркивает: «Монгольские войска, вторгнувшиеся в Европу, получили задание захватить и привести в ставку Менгу-хана и Тулуя знаменитых кипчаков».

Вся эта война чингизидов с западными кипчаками была похожа на яростную междоусобицу. Порабощение одного народа другим — это исторический миф. Миф этот более всего нравился советскому режиму, хотя возник значительно раньше. Особенно преуспели в развитии темы тюркские учёные. В течение ста лет ими написаны сотни трудов, где отражалась героическая борьба башкир, волжских татар, казахов, киргизов, половцев с полчищами Чингиз-хана, с татаро-монгольским игом. Разумеется, борьба шла, и борьба с вовлечением огромных человеческих масс, но это была борьба между династиями в одном степном народе.

Самое яркое подтверждение этому — тот факт, что война с полчищами Чингиз-хана ни у одного народа не нашла отражения в эпическом фольклоре народов, проживавших в Великой степи. Единственная песня у ногайцев «Сорок ногайских богатырей» [31], представляющая собой запев к циклу песен о ногайских богатырях, указывает на «кровожадного краснобородого Чингиз-хана», который воюет с кипчаками и куманским объединением (куман улке). Автор песни выступает от имени кипчаков и куманов и призывает к непримиримой войне за свободу народа. Мне думается, что эта песня — явление позднее, она сочинена просвещённым автором в XIX или даже XX веке. Такая гипотеза подтверждается тем, что автор пользуется явно книжным определением границ кипчацкого государства и почти современными топонимическими названиями. К сожалению, некоторые учёные охарактеризовали песню как один из древних памятников фольклора на территории Дешт-и-Кипчака. Однако такому памятнику, будь он подлинным, трудно было бы сохраниться из-за того, что после покорения степи Бату-ханом и до борьбы ногаев с поздними ханами, а это почти двести-триста лет, кипчаки сами строили чингизидское государство и доблестно воевали под знаменами потомков Покорителя вселенной. Да к тому же в древности, даже среди чужих народов, такие легендарные личности, как Чингиз-хан, редко отрицательно характеризовались в фольклорных произведениях.

Однако фольклорные сведения о борьбе кипчаков с чингизидами сохранились. Сохранились они за пределами Евразии в записях современников этого эпохального события. Арабский хронист ан-Нувейри (1269—1333 гг.) никогда не был в Дешт-и-Кипчаке, и, видимо, интересующее нас предание записано им от людей, прибыв-

ших из половецких степей. В его время Египет был заполнен рабами-кипчаками. Чингизиды тысячами продавали детей, девушек, юношей из непокорившихся кипчакских племён. Эта легенда приводится и известным арабским хронистом, историком ибн-Халдуном, правда, он жил позднее, в 1332—1406 годы. В предании фигурирует реальное историческое лицо — хан Котен, больше известный как военачальник, возглавлявший половецкое войско во время битвы на Калке. В предании говорится, что у Котен-хана из племени дурут (это, по-видимому, племя дорт-оба, т. е. союз четырёх племён, зафиксированное в русских летописях) был сын по имени Мангуш (у ногайцев по сей день бытует имя Менгуш). Как-то Мангуш выехал в степь поохотиться. Обычно знатные люди выезжали со свитой для облавы зверя, так что навряд ли ханский сын выехал на охоту в одиночку. Но, как бы то ни было, он остался в степи один, и его нашел враждовавший с их родом Аккубул¹. Аккубул был из племени токсобов (тогыз-оба — девять домов, т. е. союз девяти домов, племён; представители этого племени часто фигурируют как в истории ногаев, так и в эпосе). Аккубул не упустил возможности и убил Мангуша. Об этом убийстве сообщили Котен-хану, который немедленно собрал войско и пошёл войной. Состоялось сражение, в котором победил Котен-хан. Аккубул был ранен, но спасся. И тогда глава токсобов послал брата Ансара за помощью в ставку Джучи-хана. Брат, добравшись до ставки, рассказал о случившемся и заверил военачальников, что у чингизидов на кипчакской земле, кроме Котен-хана, не будет врагов.

По всей вероятности, предание отображает реальное положение дел в кипчакской войне. Например, историк ибн-Халдун полагает, что племя дурут и племя токсоба — из разных народов, первых он причисляет к кипчакам, а вторых — к татарам, однако племена токсоба, дортоба, колоба задолго до нашествия запечатлены на страницах древнерусских летописей как половецкие. Неверное указание подтверждает мысль о том, что какая-то часть западных кипчаков добровольно присоединилась к чингизидскому войску.

Каракорум покорению половцев уделил первостепенное значение. Войсками командовал Бату-хан. В кампании приняли участие все главные представители августейшего рода. Вместе с Бату из сыновей Джучи-хана были Орда, Шибан, Тангут. Из детей То-

¹ В других источниках — Ак-Кебяк, т. е. Ак-Кобек, известный у ногаев этноним. Имя Аккубул может включать в себя простонародное имя знаменитого Эдиге Кубугул, это обстоятельство подчёркивает и кипчакскую традицию в происхождении ногайского эпоса.

луя — Менгу-хан и его брат Бучек. Из наследников Октая — Куюк-хан и Кадан. В войске также находились брат Чагатая Кулькан и дети Чагатая — Бури и Байдар. Из знаменитых полководцев участвовал сам Субатай.

В год обезьяны, в 1236 году, чингизидские войска переправились через Волгу. Корпус Субатая штурмом взял столицу Булгара. Тамошние вожди Баян и Джикун пришли на поклон, что у чингизидов вызвало одобрение. Однако вскоре правители возмутились, так что снова пришлось посылать на них Субатая. Субатай вторично воевал Булгар и усмирил тамошних правителей. Армия Менгу-хана пошла на кипчаков, разбив на Кубани объединённое войско кипчаков и асов, и укрепились на Дону.

За Доном готовилось встретить чингизидов войско Котен-хана. Но и на захваченной стороне было не спокойно. С тыла угрожали кипчаки и асы, жившие в северокавказских степях. Зимой 1238 года Менгу-хан пошёл на союзных с кипчаками черкесов и обезглавил их, захватив в плен черкесского правителя Тукара. Корпус Берке отправился на поиск непокорённых степняков. Берке, внезапно напав на кипчакский стан, взял в плен известных военачальников Беркути, Аржумака (так у Рашид-ад-дина — видимо, Орзумака), Кыранбаса и Капарана. Затем Менгу-хан с Каданом пошли на асов и осадили их главный город Минкас (так у Рашид-ад-дина — видимо, Магас) и по прошествии полутора месяцев взяли его.

Главные же силы вместе с Бату-ханом, покорив Мокшу, Мерь и другие угорские племена, вышли на русские княжества. Русские не смогли выставить объединённого войска, каждый город защищался в одиночестве. Войска Бату-хана в ожесточённых битвах покорили Рязань, Владимир, Суздаль, Торжок. Армия собиралась идти на богатый и многолюдный Новгород, но из-за весенней распутицы не пошла на север. Около двух месяцев героически оборонялся небольшой город Козельск. Когда этот город пал, чингизиды в наказание за сопротивление истребили всех жителей и объявили Козельск «злым городом». Сегодня каждый школьник в России знает о героизме славных защитников Козельска.

Так как кипчаки Котен-хана для решающей схватки держали крупные силы за Доном, Бату-хан начал обход с севера, чтобы выйти кипчакам в тыл. Сначала был взят Чернигов, а затем сам Киев (по Рашид-ад-дину Манги-керман — Вечный город).

На захваченной земле армии Менгу-хана яростное сопротивление оказал кипчакский предводитель Бачман. Он вместе с асами напал на чингизидское войско, отбивал обозы и скот, а нанеся вред, скрывался в зарослях волжской дельты. Менгу-хан в этой войне главным противником чингизидов считал половцев. Особую

опасность представляли кипчаки Котен-хана, но он вынужден был лично заняться поимками опасного Бачмана. Историки Рашид-ад-дин и Джувейни уделяют отдельные страницы сопротивлению этого знаменитого воина. Вот как о нём пишет один из первых историков деяний Чингиз-хана и его потомства Ала-ад-дин Ата-Мелик Джувейни:

«Где бы войска (монгольские) ни искали следов (его), нигде ие находили его, потому что он уходил в другое место и оставался невредимым. Так как убежищем и притоном ему большею частью служили берега Итиля, он укрывался и прятался в лесах их, наподобие шакала, выходил, забирал что-нибудь и опять скрывался, то повелитель Менгу-каан велел изготовить 200 судов и на каждое судно посадил сотню вполне вооружённых монголов. Он и брат его Бучек оба пошли облавой по обоим берегам реки. Прибыв в один из лесов Итиля, они нашли следы откочевавшего утром стана: сломанные телеги и куски свежего конского навоза и помёта, а посреди всего этого добра увидели больную старуху. Спросили, что это значит, чей это был стан, куда он ушёл и где искать (его). Когда узнали наверняка, что Бачман только что откочевал и укрылся на остров, находящийся посреди реки, и что забранные и награбленные во время беспорядков скот и имущество находятся на том острове, то вследствие того, что не было судна, а река волновалась подобно морю, никому нельзя было переплыть (туда), не говоря уже о том, чтобы погнать туда лошадь. Вдруг поднялся ветер, воду от места переправы на остров отбросило в другую сторону и обнаружилась земля. Менгу-каан приказал войску немедленно поскакать (на остров). Раньше чем он (Бачман) узнал, его схватили и уничтожили его войско. Некоторых бросили в воду, некоторых убили, угнали в плен жён и детей, забрали с собою множество добра и имущества и (затем) решили вернуться. Вода опять заколыхалась и, когда войско перешло там, всё снова пришло в прежний порядок. Никому из воинов от реки беды не приключилось. Когда Бачмана привели к Менгу-каану, то он стал просить, чтобы тот удостоил убить его собственноручно. Тот приказал брату своему Бучеку разрубить его (Бачмана) на две части». Рашид-ад-дин, рассказывая эту историю, добавляет, что вместе с Бачманом был и предводитель асов Качир-укуль, которого также убили.

Бату-хан, захватив Чернигов и Киев, лишил Котен-хана основных союзников. Половецкий хан, поняв безнадежность положения своей орды, стал искать выход. Отступая на запад, он самолично посетил Венгрию и вошёл в сговор с тамошним королем Беллой IV. Король Венгрии согласился принять половцев, но поставил условие, чтобы кипчаки поменяли веру и вступили в лоно католической церкви...

Хотя в 1223 году в битве на Калке он из-за несогласованности военачальников кипчакско-русского войска проиграл сражение, но после этого, до 1236 года, он дважды сталкивался с восточными завоевателями и оба раза выигрывал сражения.

Котен Сутоевич был в преклонных годах, но оставался в седле. Отваги и мужества ему было не занимать. У него была знаменательная биография. Будучи молодым, ещё в 1204 году Котен-хан возглавлял болгаро-куманское (половецкое) войско и при Андрианополе остановил крестоносцев, до этого захвативших Константинополь. Благодаря его боевым качествам европейское рыцарство было разгромлено, а сам Котен-хан взял в плен латинского императора Балдуина [1, 604]. Воины Котен-хана «особо неистовали перед латинянами и греками». Пленённый Балдуин был заключён в болгарскую крепость Тырново и там скончался. Котен Сутоевич находился в родстве с русскими князьями, его дочь была замужем за Мстиславом Удалым. Авторитет Котен-хана в народе был огромным и незыблемым. Поэтому неудивительно, что кипчаки послушались его в столь опрометчивом решении, как смена веры...

Итак, в 1239 году Котен-хану стало ясно, что война проиграна. Надеясь на то, что посредством союза с венгерским королём он опрокинет завоевателей, Котен-хан привёл в Венгрию 40 тысяч кипчаков — на условиях венгерского короля. Кочевники были расселены в окружении Пешта. К ним сразу отправились проповедники. Чтобы окончательно скрепить этот союз, король Белла IV женил сына Стефана на дочери кипчакского хана Элизабете (по крещению). Котен-хану был дан титул правителя Кумании.

Однако усиление венгерского короля не понравилось враждующим с ним магнатам. Знать всячески старалась расстроить отношения короля со степными пришельцами. И сами кипчаки, не привыкшие жить в стеснённых обстоятельствах (не все из них были согласны и с принятием другой веры), давали повод для таких разговоров. Они притесняли и подвергали грабежам местное население.

Упорно распространялся слух о том, что Котен-хан находится в сговоре с русскими и монголами. Даже гневное письмо Бату-хана к Белле IV не возымело действие на опровержение этих слухов. «Узнал я сверх того, — писал командующий чингизидским войском, — что рабов моих куманов ты держишь под своим покровительством. Приказываю тебе впредь не держать их у себя, чтобы из-за них я не стал против тебя. Куманам ведь легче бежать, чем тебе, так как они, кочуя без домов, в шатрах, может быть, и в состоянии убежать; ты же живёшь в домах, имеешь земли и города. Как же тебе избежать моей руки» [32]. Это неучтивое письмо ясно говорит о том, что никакого сговора у половецкого хана с

чингизидами нет и не может быть. Однако оно не подействовало на магнатов. Они вынудили короля посадить Котен-хана со всем его семейством в тюрьму.

Историк прошлого века П. В. Голубовский, хорошо изучивший историю половцев в Венгрии, приводит подробные детали разыгравшейся трагедии кипчакского хана. Котен-хан хотел объяснить-ся с королем Беллой IV, но венгерские и немецкие рыцари, решив опередить такую возможность, ворвались в тюрьму и обе глав-ли всё семейство, а головы повывбрасывали через окна замка. Кип-чаки, узнав о происшедшем, пришли в ярость и стали резать насе-ление, разрушать сёла и города. Убивая венгров и немцев, разъя-ренные всадники приговаривали: «Это тебе за Котен-хана!» Погу-бив множество людей, степняки вырвались из Венгрии в Болга-рию, с правителями которой издавна находились в родстве их ханы. Оттуда устремились на Балканы и стали подданными Нихейской империи.

О том, что наши древние предки оставили топонимическую па-мять о себе на Балканах, недавно мы узнали из событий в Македо-нии. Когда там накалилась обстановка по албанскому вопросу, телевиденне каждый день показывало пограничное селение под на иванием Куманы.

Но не все половцы ушли из Венгрии в 1241 году. После смерти Беллы IV вместе с его сыном Стефаном V престол заняла королева Элизабета, дочь Котен-хана. Она продолжала принимать своих земляков, и вскоре двор её был окружен половцами и асами. В Венгрии долгое время сохранялись топонимические назва-ния Большая и Малая Кумания, а некоторые кипчак-ские топонимы сохранились по сей день.

Любопытно, что мы, ногаи, сохранили имя Котен-хана в эпосе. Правда, ногайцы не сохранили в памяти его доблестных дел, мо-жет быть, потому что роковая ошибка затмевала их. Его имя упо-минается в списке ханов, возглавлявших в древности ногайский на-род.

«Сыбыра-йырау так рассказывал родословную Эдиге Тотамыс-хану:

*— Я стар и сед, и на своём веку
Я много видел, многое изведаль,
И много ханов, славных и бесславных,
Я пережил и песнь о них сложил.
Был пераым среди ханов хан Баслык,
И я родился в год его правленья.
На трон вознесся гордый Алах-хан —*

*Я юношею стал и оперился.
Я видел всемогущего Чингиза —
И не было ему на свете равных.
Он лук держал двенадцати обхватов,
И стрелы во все стороны летели,
Его рукою посланные метко.
Я, старец, видел все его победы.
Пришел хан Суюндук, что минарет
Святой построил в тысячу локтей —
Я, старец, видел свет его святыни.
Хан Динибек садился на коня,
Украшив золотыми стременами,
Я, старец, видел спесь его и силу.
Озбека видел, давшего нам веру
И славного своими соколами.
Джанибек-хана видел также я.
Ещё я видел хана Бердибека,
Одним ударом он сосну срезал.
Когда предавший землю Котен-хан
Гяуром стал и так бесславно сгинул,
Я, старец, видел миг его паденья.
И тридцать ханов после Чингиз-хана,
И девять ханов после Алак-хана
Я, старец, видел их в сиянье славы,
И в низости, и в нищете душевной ...»*

В разных вариантах песни называется разное количество известных ханов, причём певцы не придерживаются хронологической последовательности в перечислении имён. Бывает, что перечисление идёт не от древних к более поздним, а наоборот, от поздних — к древним. Упоминание имени легендарного Котен-хана — это единственное упоминание в фольклоре ногаев о трагедии западных кипчаков.

Степняки всегда верили в бога, но всегда были свободны в своей вере. В отличие от приверженцев мировых религий тенгрианцы своего бога никому не навязывали. Тангри был единственным объяснением в создании мира, природных явлений, стихий, человеческих бед и радостей. Он впитывался в сознание степняка с молоком матери. Степняки считали, что вера — сугубо личное дело. «Как можешь — так и чти Тангри; как можешь — так и поклоняйся Ему», — считали они. Небесный бог вечен и видел всё, от его благоволения зависело благополучие каждого. Его надо ублажать и никогда нельзя гневить. Проступок, как и благое дело, всегда в ведении Тангри. Коллективизм не учитывался ни при почитании, ни при божьем гневе. Взаимоотношения с богом были только лично-

стные. Чингиз-хан и Бату-хан, уединившись, сутками молились о даровании победы. Простые воины, воткнув в землю меч или саблю, молились оружию. Кузнецы и ювелиры приносили жертву Хозяину огня. Гончары боготворили Хозяина земли и воды. Шорники и сапожники почитали божество Сияющий Волос (Нуртукли) — впрочем, как и скотоводы, пастухи, табунщики. Камы, предугадывая судьбу, шаманили. Женщины ублажали маслом, жиром природные божества, оставляли молоко для змеи, пищу для албаслы, водили детей к камам для очищения от скверны, нечистой силы, дурного глаза. Доходило до того, что степняки в своём поклонении входили в интимные отношения с божествами, скрывали друг от друга методы общения и даже от самих почитаемых божеств.

В этой книге неоднократно говорилось о том, что среди кочевников в раннее средневековье было распространено христианство. Древнерусские летописи свидетельствуют о том, что и среди половцев, западных кипчаков, тоже было немало христиан. К ним христианство проникало через остатки хазарского населения, смешивающихся с ними, через соседей — асов и русских. Западные кипчаки, как и их восточные сородичи кирейты, найманы и онгуты, охотно поклонялись Иисусу. Они с желанием принимали Его в пантеон степных божеств, но только побуждения их были корыстные. Он необходим был в роли помощника; степняки ради этого готовы были творить молитвы и всячески ублажать его. Одновременно они сохраняли все остальные привычки. Иисус для номадов был сыном Тангри — Небесного бога, и отнюдь не единственным сыном. И православие, и несторианство в степи было густо окутано тенгрианскими представлениями, обычаями, ритуалами.

Хорошо свидетельствует об этом русское православие, в котором сохранилось немало степных обычаев, тюркских терминов, тенгрианской атрибутики. В XII—XIII веках европейцы поверили было тому, что на Востоке есть могучее царство пресвитера Ивана. Но когда посетили степняков, быстро разочаровались в их христианстве. Кочевники по сути своей больше оставались язычниками, нежели стали христианами. Необходимо напомнить и о том, что европейцы, в связи с боязнью распространения тенгрианства, никак не хотели объяснить своим современникам суть степного верования. Они опасались, что религиозная терпимость тенгрианцев подействует на умы человеческие. Но это уже отклонение от начатого разговора.

Союз, заключенный между Котен-ханом и венгерским королем Беллой IV, был обусловлен принятием степняками католицизма. Но чтобы войти в лоно Римской церкви, номадам требовалось полностью подчиниться традициям церкви, принять все католичес-

кие каноны и обычаи, а это значило — в корне изменить образ жизни. Иначе чем кабалой для половцев назвать это трудно. Знаменитый полководец, видимо, не очень понимал, не представлял себе последствий. А что говорить о слепо веривших ему соотечественниках? Большинство из степняков до того не видели ни одного живого католика...

Котен-хан сделал неправильный выбор. Им он фактически вынимал народную душу, обрекая своих подданных на гибель. Я думаю, что только из-за этого бесславного шага, для порицания сохранилось имя Котен-хана в памяти ногайского народа.

В свою очередь король Венгрии, предав Котен-хана, лишился доблестного степного воинства, а военная поддержка ему оказалась необходима буквально через считанные дни. Заключение в тюрьму и убийство престарелого Котен Сутоевича произошло в начале 1241 года, а 10 марта того же года войско Бату-хана, пройдя через Волынь, ворвалось в Венгрию. В это же время другая армия чингизидов оказалась в Польше. При Лигнице 9 апреля состоялось крупное сражение степняков с польско-немецким рыцарством, возглавляемым Генрихом Благочестивым. Рыцарство было разгромлено в пух и прах. Двумя днями позднее, 11 апреля, на реке Шайо чингизидская армия встретилась с объединённым венгеро-хорватским войском. Бату-хан наголову разбил это войско. Король Венгрии Белла IV бежал в Далмацию. Чингизиды жестоко расправились с населением страны, мстили за убийство своих послов и за принятие в свою страну половцев. Все города и крупные населённые пункты были разорены, множество людей убито, многие проданы в рабство. Войско Бату-хана не остановилось в венгерской земле. Чингизиды, продолжая завоевания, захватили Словакию, Хорватию и Восточную Чехию. Европейские монархи были в ужасе от приближающегося непобедимого и неведомого врага. В католических храмах всю ночь молили бога о спасении. И вот когда армия Бату-хана в погоне за венгерским королем Беллой IV вышла к берегам Адриатического моря, пришла неожиданная весть о смерти Великого кагана Октяя.

По степным законам все представители главенствующего рода должны были участвовать в похоронно-поминальной процессии. Если бы даже такого обычая не существовало или возможно было бы уклониться от поездки по каким-то причинам, присутствие Бату-хана в Каракоруме оставалось необходимым, т. к. там решалась судьба престолонаследия. Он, как талантливый полководец, имел довольно завистливых и опасных врагов среди своих сородичей, и потому ему было не безразлично, кто станет управлять империей. Отсутствие Бату-хана в новой предвыборной кампании могло угрожать и его жизни. До этого, в походе, он успел поссориться с моло-

дыми царевичами, среди которых был явный претендент на престол Куюк — сын Великого кагана Октая.

Для завершения начатой темы надо сказать, что половцы не исчезают с политической арены, хотя само название народа после этого уже не появляется на страницах русских летописей. Но арабские и персидские историки и до завоеваний Бату-хана, и после них страну половцев называли Дешт-и-Кипчак, а населявший её народ — кипчаками. Когда же кипчаки слились с родственными племенами, входившими в войска чингизидов, во всех источниках — и мусульманских, и западноевропейских, и русских — народ этот стали единодушно называть татарами. Как исключение из этого правила можно указать лишь на работу Н. Веселовского [28], где приводится сообщение из венгерских летописей о нападении куманов и ногайских татар в 1285 году. Видимо, сосредоточившиеся на западе остатки непокорившихся половцев ещё именовались куманами, но, теряя политическую самобытность, они теряли и этнические признаки, растворялись в среде болгар, валахов, венгров, сербов и хорватов. А прорвавшись к грекам в Никейскую империю половцы слились с издавна там осевшими тюркскими племенами (хазарами и печенегами), а позднее стали составной частью османских турков.

На Западе главным фактором потери самобытности была смена веры. Принятие католичества привело к изменению быта, образа жизни, психологии и культуры. Позже всего исчез язык. Половцы повторили ту же историю, которую на Западе прошли их предшественники тюрки: скифы, гунны, аланы, авары, болгары, хазары, печенеги.

Другая картина наблюдалась в мусульманских странах. Хотя и в них тюркские племена подвергались ассимиляции, но во многих странах Востока (видимо, в силу космополитичности мусульманской религии) тюркам долго удавалось сохранять свои обычаи, традиции и язык, и порой даже их этнические особенности воспринимались коренным населением. Об этом сегодня существует определённая литература...

Неожиданно и вопреки исторической логике политическую самобытность кипчаки обрели в мамлюкском Египте. Белые рабы (так иногда переводят слово мамлюки) из Дешт-и-Кипчака, проданные в рабство во времена походов Субатая и Бату-хана, из невольных наёмников вдруг стали господами на берегу Нила. Арабский историк Амин Аль-Холи в книге «Связь между Нилом и Волгой в XII—XV вв.» [33] рисует колоритнейшую картину половецкого стана в стране пирамид. Несмотря на то, что многие мамлюки попадали в арабскую страну совсем ещё детьми, им удавалось сохранять свои обычаи и традиции. Они ели конину, из-

готовляли, на кочевнический манер, айран и кумыс, носили степное оружие, одежду, даже подобно соотечественникам в Евразии использовали переносные юрты-мечети. Многие свои этнические особенности они передали местному населению. Например, обычай носить на голове кипчакские тобтаи (тюбетейки). Из книги Амин Аль-Холи и других арабских авторов мы узнаём, что мамлюки почти до XVI века сохраняли свой собственный кипчакский язык.

По этому поводу мне хочется отметить фундаментальный труд молодого балкарского учёного Назира Будаева «Западные тюрки в странах Востока» (журнал «Ас-Алан», 2000, № 1). Он приводит любопытные исторические сведения о тюркских рыцарях на Востоке, длинные списки тюркских имён и как самое существенное — сравнительный словарь языка мамлюков и карачаево-балкарцев. Многие из имён мамлюков имеют прямое отношение к кипчакам и широко распространены среди родственных тюркских народов на западе Евразии и, в частности, среди ногайцев. Я приведу из списка имен имена бытовавшие и бытующие по сей день у ногайцев. Это такие мамлюкские имена, как: Алтынбуга, Акберди, Акбуга, Актай, Айбек, Айдак, Аккош, Атрак (Артык), Ал-Адилъ, Кетбуга, Арикмас, Атабек, Балбек, Айдемир, Биберди, Бештак (Бештау), Бастай, Байдар (распространённый этноним), Балбан, Бердибек, Баркат, Байбуга, Бектут, Бурше (этноним), Баркук, Беркярык, Баатыр, Токмак, Кумиш, Якмак, Янибек, Ян-болат, Яркас, Янберди, Зенги (означает стремя, опора), Ак-Кобек (этноним), Яшбек, Ялбуга, Кипчак (этноним), Каитбай, Коркмас, Кылыч, Кушарбек, Куърбуга, Кансок (Канчок, Кончак), Кара-Мурад, Тана, Тангри-бермиш, Тангри-берди, Туран, Табык (Табулла, Табыл), Оздемир, Санжар (у добруджских ногайцев), Сункар, Сакал (Кара-Сакал), Субай (Субатай), Сосрук (Съзурук), Шадибек (Каирбек).

Мамлюкские султаны Калавун и Бейбарс только в составе гвардии имели 12 тысяч сородичей. Во время властвования султана Бейбарса и после него усилились связи между Нилом и Волгой, возросло и количество соотечественников из Дешт-и-Кипчака. Дошло до того, что в Каире существовали кварталы: Орда и Татар.

Мамлюкско-кипчакский словарь был составлен Абу-Хаяном Гарнати в 1245 году. В словаре более 3000 тысяч слов, совершенно идентичных словам из ногайского, карачаево-балкарско-

го, крымско-татарского и кумыкского языков. Султаны Калавун и Бейбарс даже не знали арабского языка и в общении с местным населением, с арабами из других стран использовали переводчиков, знающих тюркский язык. Я хотел бы привести в пример некоторые слова из словаря Абу-Хаяна Гарнати, упомянутые в труде Н. Будаева. Балкарский учёный мамлюкские слова сравнивал с карачаево-балкарскими словами, я же сравню — с ногайскими.

Абу-Хаян Гарнати

Ногайский язык

кезсуз — слепой

коьзсиз — букв., безглазый, в ногайском языке есть выражение «Коьзсиз бати́р» — букв., «Безглазый богатырь», ослепленный, не знающий страха богатырь

курт — червь

курт — червь

курт — волк

курт — арх., волк, сохранилось в слове

там — крыша, кровля

карыску́рт — могучий волк

бежнк — люлька

там — решетчатая перегородка в юрте

билегу — точило

бесик — люлька

муьуз — рог

билеу — точило

кичичук — маленький

муьуз — рог

эрта — рано

кишкий — маленький

кайгур — печаль, скорбь

эрте — рано

семуз — тучный, жирный

кайгы — печаль, скорбь

тур — вставать

семиз — тучный, жирный

кусу — рвота

тур — вставай

куска — короткий

кусу — рвота

кум — песок

кыска — короткий

кайур — речной песок

кум — песок

кама — кинжал

кайыр — речной песок

синги — дротик

кама — кинжал

суьнги — копье

Н. Будаев не берёт для сравнения такие общепринятые тюркские слова, как: ата, ана, кыз, карындаш, бала, улан, су, кок, тенгиз, кая, бай, хан, кул», т. к. эти слова могли проникнуть через ранее появившихся на Ближнем Востоке сельджуков и хорезмийцев. Балкарский учёный даёт интересную трактовку термину мамлюк. Обычно его принято переводить как белый раб. Н. Будаев же основу этого слова возводит к карачаево-балкарскому слову

маму — волк, в таком преподношении слово маму-услуг будет означать *волка сын*, волчонок. Версия Назира Будаева, мне кажется, верна, это может подтверждаться и тем, что у тюрков множество имён с корнем маму, мам. Например, известные исторические имена ногаев: Мамай, Мамат, Мамак, Мамуш. На то, что мамлюки в своей основной массе происходили из южной России, страны куманов и хазар, одним из первых указал французский тюрколог Жан-Поль Ру.

Надо отдельно отметить, что освоение тюрками Ближнего Востока и Египта началось задолго до наплыва кипчакских рабов. В Малой Азии, как и в Иране, Ираке, Индии, прочно утвердились тюркские государственные образования, наиболее известным являлся могущественный в военном отношении Конийский султанат. Экспансию тюрков на арабские страны приостановили крестоносцы. Западноевропейское рыцарство захватило Константинополь и, устроив своеобразную военную базу на Кипре, вскоре вслед за тем — прибрежные города на Ближнем Востоке. Главная цель крестоносцев — освобождение Гроба Господня — была достигнута. Созданное ими Иерусалимское королевство на некоторое время приостановило продвижение тюрков.

Однако в соседних областях владельцами были тюрки. Крупные тюркские войсковые объединения в Сирии и Мосуле не раз остужали завоевательский пыл западноевропейского рыцарства. В XII веке на Ближнем Востоке особенно прославился воинской доблестью тюркский правитель Имад-ад-дин Занги ибн Ак-Сонкур (1084—1146). В это время в арабских странах, в том числе и в Египте, прочно входит в обиход политический термин *атабек* (тюрк. — отец беков), так называют главного эмира государства, это своего рода премьер-министр, главнокомандующий войском.

В начале второго тысячелетия во всём мусульманском мире имя тюрка ассоциировалось с именем отважного воина. Традиция эта была установлена со времен гуннов, со времён завоеваний тюркских каганатов. С незапамятных времен Ближний Восток, как и Византия, Кордовский халифат в Испании, пополнялся рабами из Хазарии, Руси и Дешт-и-Кипчака. В этих странах очень часто гвардия правителей состояла из славян, хазар, печенегов и болгар. После 1223 года покорители Дешт-и-Кипчака чингизиды предоставили работоторговцам огромные партии кипчаков. Генуэзские и венецианские суда морем их доставляли на Ближний Восток, в основном в Египет, где был большой спрос на природных воинов.

До воцарения тюркских мамлюков в Египте заметную политическую роль в истории страны сыграла тюрчанка Шаджират ад-Дур. Дочь тюрка Абдуллы Шаджират была сначала наложницей, а затем женой последнего султана из аюбидской династии Малика

Салиха. После смерти своего мужа она приложила немало усилий, чтобы власть перешла к пасынку Туран-шаху. Она достигла своей цели, но молодой султан повёл себя дурно, и из-за своего несносного характера был убит мамлюками, процарствовав всего 70 дней. В результате этого убийства древней страной фараонов стала править прекрасная тюрчанка. Однако женщина, по нормам мусульманского мира, почти не имела прав на престолонаследие. Её правление вызвало недовольство среди египетской знати, но главное — упрёк со стороны багдадского халифа, который являлся блюстителем миропорядка в мусульманских странах. Поэтому ей, чтобы узаконить своё восхождение на престол, в 1250 году пришлось оформить брачный контракт с главой бахритских мамлюков туркменом Айбеком. Айбек и был объявлен султаном, хотя страной правила проницательная, обладающая большим государственным умом Шаджират ад-Дур. Но вскоре в монаршем доме разыгралась трагедия. Причиной стали сами супруги. И за ад-Дин Айбек, прошедший суровый путь от раба до султана, в душе оставался простым воином, был доверчив и не знал всех тонкостей дворцовых интриг. Он поверил гадателю, который ему сообщил, что будет убит своей женой, а именно Шаджират ад-Дур. Опасаясь своей жены и не объясняя мотивов своего поведения, Айбек переселился из дворца в предместье, а вскоре надумал еще раз жениться. Зарубежная исследовательница Бахрие Учок в книге «Женщины-правительницы в мусульманских государствах» так описывает развязавшуюся трагедию.

«Однажды Айбек, находясь далеко от Кала Джабала, приказал арестовать мамлюков Бахрийя и отправить их в заточение в Кала Джабал. Один из арестованных по имени Айтекин, проходя мимо окна, у которого сидела Шаджарат ад-Дурр, поднял голову и, чтобы никто не понял его, воскликнул по-тюркски: «Я — ваш раб Айтекин, башмачник! Заверяю вас Аллахом, что мы не совершили никакого преступления, чтобы нас можно было арестовать. Мы, мамлюки, которые видели твои и покойного Малика Салиха милости, только выразили недовольство, когда он (Айбек) отправился сватать дочь мосульского владетеля. И только из-за этого нас сейчас ведут в темницу!» Владычица в змахом платка дала понять, что она услышала эти слова. Айтекин же, сообщивший Шаджарат ад-Дурр о случившемся, прекрасно понимал, что ждет султана Айбека, и, когда спускался в подземелье, воскликнул. «Он арестовал нас, а мы его убили» [34, 53].

После этого, 11 марта 1257 года, Шаджарат пригласила мужа в свою резиденцию. Она приняла его радушно, с любезностями. Ничего не подозревавший султан Айбек пошёл помываться в баню гарема. Там его поджидали мамлюки, и

он был задушен по велению своей верной жены. Но Шаджарат ад-Дур, совершившая в порыве ревности убийство, вскоре поняла, что допустила роковую ошибку. Теперь, после смерти мужа, она вынуждена была отдать престол сыну Айбека от первой жены — Малику Музаффару Нур ад-Дину Али. Сын немедленно стал мстить за отца. Участвовавшие в убийстве мамлюки были казнены. Мать молодого султана и сам Нур ад-Дин приказали доставить Шаджарат ад-Дур в свой дворец, где передали её в руки наложниц, «которые убили её насмерть деревянными башмаками и банными шайками, после чего сбросили почти голое тело в ров под стеной Кала Джабала» [там же].

Сын Айбека Нур ад-Дин продержался на египетском престоле всего два года. Затем, в 1259 году, захватили власть половецкие мамлюки. Сначала султаном стал Кутуз, а через год, после знаменитой битвы при Айн-Джалуте, его убил атабек мамлюков легендарный Бейбарс. Шаджарат ад-Дур в истории Египта осталась заметной политической личностью. Совсем не случайно, что она стала героиней современных арабских писателей. В Каире по сей день ставится пьеса «Шаджарат ад-Дурр» известного драматурга Махмуда Бадави. Под тем же названием историк Джирджи Зайдан написал популярный исторический роман. Учёные часто обращаются ко времени её деятельности. Для нас же важно то, что знаменитая тюрчанка явилась посредницей передачи власти от курдской династии аюбидов тюркским мамлюкам.

Пришедший к власти султан Аль-Малик Аз-Закир Рукн-ед-Дин Бейбарс родился в 1223 году в половецкой степи и умер 1 июля 1277 года в Дамаске. Имена правителей в восточных странах в то время представляли титулы, поэтому неудивительно, когда в разные века повторяются имена предшественников. Так и под именем Бейбарс существовал ещё один Бейбарс, его историки отмечают как Бейбарс II. Династия бахрийских мамлюков в Египте просуществовала 140 лет. С 1382 года по 1517 год стала править династия мамлюков Буржи.

О происхождении мамлюков Буржи существует довольно спорный материал. Одни исследователи относят их к кавказскому этносу, т. к. в материалах хроник они зовутся шаркасами, джаркасами, т. е. черкесами. Однако род бурше был наиболее известен среди западнотюркских народов. У ногайцев известна даже тамга. Род этот сохранился и у имевших ногайское происхождение казахов из младшего жуза (Шаккарим Кудайберди-улу, «Родословная тюрков, киргизов, казахов и ханских династий», 1911 г., издано на русском языке в Алма-Ате 1990 г.). Казахский учёный Шаккарим Кудайберди-улы в книге «Родословная тюрков, киргизов, казахов и ханских династий» приводит множество топонимов, связанных с

этнонимом бурш. Видимо, с этим этнонимом связаны приводимые в этой книге топонимы Бораган, Эльбурган, Боргустан, к ним можно добавить и этнотопоним дагестанских кумылов Альбури. Род Бурше имеет совсем древнее происхождение и связан с хазарским родом Борчогул, Борчалы, Барсил (журнал «Возрождение», выпуск, посвященный кумыкам) [35, 35]. На это указывает турецкий учёный Заки Валиди Туган (Хазарлар. Ислам Ансиклопедиси. стр.397).

В Лаврентьевской летописи среди союзников хорошо и известного в литературе хана Кончака перечислены знакомые по нашей книге половецкие династии Токсобичи (Токсоба), Колобичи (Колоба), Етибичи (Етноба), Тортобичи (Тортоба), Торголова (Таргылоба), Улашевичи (Улаш или Алаш), и интересующие нас в данный момент Бурчевичи (Бурше). Орда Бурше хорошо была известна среди половецких объединений. Как и всякое кочевое объединение, будучи мобильной и склонной к миграции, эта орда в любой период могла попасть на Северный Кавказ. При войне с чингизидами кипчаки отступали не только на запад, одна из частей половцев сражалась на Кубани и в северокавказских степях, есть сведения о том, что какие-то осколки кипчаков отступили в сторону Дербента, а оттуда прорвались в Азербайджан. В топонимике Азербайджана они оставили три селения под названием Куманлы и несколько населённых пунктов, где присутствует даже название Буджаг [36].

С.А. Плетнёва в фундаментальном исследовании «Половцы» [37] происхождение этнонима Бурче сводит к тюркскому слову «бури, берю» — волк и сообщает о том, что орда Бурчевичей кочевала в Приднепровье по реке Волчьей, название которой является калькой гидронима Бурн-су, Борн-су². Эти сведения замечательны и тем, что опять наталкивают нас на астрономические связи родословных тюркских родов, напоминают нам Небесного волка. Некоторые ученые [38, 51] говорят о связях данного этнонима с гидронимом Боричих (Волчонок), который сохранился за одним из притоков реки Терек. Возможно, что на период попадания в рабство на этом притоке и сосредотачивались предки мамлюков Бурджи, и вполне естественно, что их увязывают с Северным Кавказом, с шаркасами или черкасами.

Совершенно справедливы утверждения учёных о том, что исторические черкасы были изначально тюркским племенем (черикас — воин-ас). В пользу этого аргумента говорит то, что имя *черкас* для адыгских народов до 1926 года был псевдоэтнонимом. Этнотопоним черкас, шеркеш, шеркас бытует и в Туркмении, и в

² Греческое название Днепра — Борисфен — Прим. ред.

Киргизии, и в Крыму, и на Украине, и на Дону. О том, что так широко мигрировали предки адыгов, никаких сведений в науке не имеется. Среди казахов Младшего жуза даже имеется известный род шеркес. По русским источникам торков и берендеев именовали черкасами, днепровские и донские казаки носили имя черкасы. К тому же, что эти черкасы имели какое-то отношение к адыгам, абсолютно отсутствуют языковые данные... Почему же тюрки называли адыгские племена черкасами? Можно только догадываться: произошло ли это от названия мест проживания исторических черкасов, либо от именованя знати, главенствовавшей на Северном Кавказе. Однако относительно кавказского происхождения мамлюкских шаркасов могут быть и удовлетворительные предположения. Кавказцы издревле находились в тюркских государственных образованиях или же в зоне их влияния. Кавказцы вместе с кипчаками и другими тюрками могли попадать в руки работорговцев. Только не надо увязывать кавказцев с династией правителей Буржи, т. к. это известный тюркский этноним, ярко подтверждающий этническую принадлежность. Но время прихода к власти буржитов (1382 год) можно увязать со временем правления Золотой Ордой ханом Узбеком, который, строя мусульманское государство, запретил работорговлю единоверцами, в результате чего на берега Нила усилился поток кавказских рабов. Кстати, закон, запрещающий работорговлю единоверцами, усиленно внедрял в жизнь и беклербей Золотой Орды Эдиге. Но работорговля продолжалась — как в государстве, так и, в основном, на территориях, близлежащих к черноморским портам. Поставками живого товара занимались сами же кавказцы.

Династии половецких мамлюков властвовали в Египте до начала XVI века. Они активно поддерживали связи с исторической родиной — Золотой Ордой. Шла оживлённая торговля, шёл культурный обмен, имелись политические связи. Первым навел их знаменитый кипчак Бейбарс. При нём многочисленные делегации из Дешт-и-Кипчака стали наведываться в страну пирамид. Первое посольство хаиа Берке насчитывало тысячу человек, степняков встречала вся столица. Историк Эннувейри красочно описывает это событие [38, 564]. Известно, что мамлюкские правители в Египте наряду с мусульманским правом широко использовали установления Великого Ясака Чингиз-хана.

Н. Будаев, ссылаясь на арабские источники, приводит ряд впечатляющих сведений о связях Дешт-и-Кипчака и государства на берегах Нила. «В мечетях мамлюкских султанов молились за здоровье золотоордынского хана, а его имя произносилось после имени мамлюкского султана. В мечетях Золотой Орды во времена правления хана Узбека молились за мамлюкских султанов, имя ал-

Малика ан-Насира упоминалось после хана Узбека» [24, 390]. Широко известен тот факт, что Бейбарс переписывался с Берке и его беклербеем Ногаем, сохранились тексты писем. Египетский султан даже своего сына Берке назвал в честь хана. В начале XIV века сестра хана Узбека Тулунбийке-хатун была отдана замуж за мамлюкского султана, свадебный поезд ханской сестры сопровождал конный эскорт в 1000 человек. Хорошо известен и факт большой связи беклербея Эдиге с Египтом, поэтому отражение в ногайском эпосе образа Эдиге как защитника мусульманской веры не случайно. По фольклорным данным, основоположник Ногайской Орды воздвигал города, строил мечети, посещал святые места. В песнях особо отмечается, что Эдиге является потомком Баба Шашлы-Тукли-аса, давшего мусульманскую веру. У Амин Аль-Холи есть довольно примечательное историческое сообщение о том, что «в 1416 году в Египет прибыла жена Эдигея с 300 всадниками» [38, 390]. Причину этой поездки мы поищем в последующих главах...

В Золотой Орде западные кипчаки были повержены и воалечены в различные кочевые объединения чингизидов. Именно с тех пор во всех племенных объединениях ногаев стал присутствовать большой компонент кипчакских родов. То же можно сказать о казахах, каракалпаках и кочевых узбеках. Остальные тюркские народы не сохранили в родовой структуре кипчакских этнонимов, поэтому, чтобы доказать их исторические связи с половцами, строят догадки, ссылаясь на этнотопонимы, которые достались в наследство от других предков, и на устные предания, которые вымышлены учёным людом в поздние времена. *Мы же, ногайцы, сохранили по сей день кипчакские рода, и именно — название большого рода кипчак!*

Я лично не берусь отрицать причастность к кипчакам-половцам таких западно-тюркских народов, как башкиры, казанские татары, карачаево-балкарцы, кумыки. Они также являются осколками этого знаменитого степного народа. Однако я категорически против мародёрской теории, по которой учёные этих народов безоговорочно присваивают историческое и культурное наследие тюрков кипчакских ханств и Золотой Орды, при этом отторгая и принижая роль главного народа этих государственных объединений — ногаев.

По воле Всевышнего половецкий стан расположился у подножия пирамид, по какому-то провидению сохранилась литература об образе жизни мамлюков, сохранились словари родного языка степняков. В мире не бывает ничего случайного. Значит, судьба уготовила встречу половцам с пирамидами, соприкосновение с вечностью. Какая-то была необходимость, чтобы флаги с золотой

волчьей головой, с крылатой собакой, с тамгами, изображающими трезубец и двузубец, трепетно зареяли на берегах голубого Нила. Мало кому было ведомо, что эти знамёна несли ту же информацию, что и иероглифы на загадочных каменных сооружениях. Первые сообщали родословные тюркских правителей, вторые посвящены фараонам. В них есть тайный намёк на происхождение человечества. Возможно, что за этой тайной кроется сообщение о

*Астраханский поэт
Владимир Ерофеев*

великом переселении со звезды Сириус. Может быть, из-за своего происхождения восточным пришельцам удалось захват власти. Ведь в средневековье передача власти простолюдинам была похожа чуть ли не на мировую революцию. Видимо, султаны Айбек, Кутуз и Бейбарс на исторической родине имели знатное происхождение. Об этом, наверное, хорошо знали на Востоке.

Мой отец всегда с гордостью отзывался о своих предках. Наша тамга — тамга есней, это был один из крупных родов кубанских ногайцев, очень сильно пострадавший в войнах XIX века, именем нашего рода даже называлась речка в низовьях Кубани. Основателя же нашей фамилии звали Капай. Отец его имя обычно сравнивал с именем древнетюркского правителя Капагая. Капагай — буквально означает *кусающийся*, и это имя олицетворяло хищных зверей: тигра, барса или волка. Иногда отец шутовливо подтрунивал над близкими: «Наша фамилия значит на орхоно-енисейских каменных памятниках, а вы на что годны!» Но ещё больше отец гордился своей материинской фамилией. «Мую мать звали Крымзаде, — задумчиво говорил он, — она из Купчаковых, а племя кипчак было всему миру известно. У нас есть поговорка: «Кый коьтерсень кыпшак шыгар» (т. е. — овечий помет подымешь, из-под него кипчак вылезет), — так было много на свете кипчаков. Даже в Венгрии кипчакам стоит памятник, там же есть кипчакский музей, посвящённый изделиям из войлока. Эх, какие войлочные кийизы (ковры) делала моя мать!»

Основателя же нашей фамилии звали Капай. Отец его имя обычно сравнивал с именем древнетюркского правителя Капагая. Капагай — буквально означает *кусающийся*, и это имя олицетворяло хищных зверей: тигра, барса или волка. Иногда отец шутовливо подтрунивал над близкими: «Наша фамилия значит на орхоно-енисейских каменных памятниках, а вы на что годны!» Но ещё больше отец гордился своей материинской фамилией. «Мую мать звали Крымзаде, — задумчиво говорил он, — она из Купчаковых, а племя кипчак было всему миру известно. У нас есть поговорка: «Кый коьтерсень кыпшак шыгар» (т. е. — овечий помет подымешь, из-под него кипчак вылезет), — так было много на свете кипчаков. Даже в Венгрии кипчакам стоит памятник, там же есть кипчакский музей, посвящённый изделиям из войлока. Эх, какие войлочные кийизы (ковры) делала моя мать!»

Для меня, много раз слышавшего эти слова, речи отца были вполне обыденными, я даже перестал придавать им значение, но отцов друг, русски й поэт из Астрахани Владимир Ерофеев, крепко держал в памяти эти слова. Узнав о смерти отца, он посвятил ему стихотворение. При недавней встрече в Астрахани Владимир передал мне его в руки. И я хотел небольшой отрывок из этого посвящения процитировать в этой главе:

Прости мой друг, что смерть прогнать не смог.

Слезу с лица рукою утирая,

Я верю, что в небесном царстве Бог

Сам распахнёт тебе ворота рая.

Ну, а вчера увидел я во сне —

Ты молодой и бесшабашно дерзкий,

Прносишься на огненном коне,

По Млечному пути, в стан половецкий.

Кстати, почти в это же время, когда было написано посвящение, несколько близких родственников видели во сне отца на небесах, среди толпы, призывающего к благоразумию. В мире происходили события 2001 года.

Удивительно, что и во снах, и в стихотворении предстал образ отца командующего. По жизни он не был таким, и это, наверное, впечатление близких от его неуемного половецкого духа...

КАРАКОРУМСКИЙ ДЕТЕКТИВ

В грандиозном походе Бату-хана на запад не обошлось и без поражений. В Моравии, под Ольмюцем, чехи одержали блистательную победу, разгромив один из передовых отрядов чингизидов. Чешский народ этот эпизод войны сохранил в памяти как одну из героических страниц своей истории. При Ольмюце произошел почти невероятный случай, на который историки не могли не обратить внимания, но его объяснению не дали развития. Чехами в битве был захвачен в плен предводитель одного из отрядов — «знатный татарский воин», который впоследствии оказался английским тамплиером по имени Питер [39, 222].

Каким образом англичанин оказался в войске Бату-хана? Мог ли Питер, будучи европейцем, добиться командующего поста в армии чингизидов? Что вообще делал тамплиер на Востоке? Ладно бы он являлся переводчиком, купцом, ремесленником, тогда это было бы объяснимо.

В армии чингизидов было немало инородцев, но они командовали боевыми действиями в том случае, если входили в подразделения, состоящие из своих соотечественников. Видимо, Питер скрывал, кто он на самом деле, и выдавал себя за другого — только так можно объяснить этот фантастический факт.

Тамплиеры официально считались военным крылом Римской церкви, т. е. самого папы. Присутствие рыцаря крестоносцев в чингизидовом войске наталкивает на самые разные и самые крайние предположения. Прежде всего, на то, что чингизиды были замешаны в крупной международной политике. Тому, что их завоевания не носили стихийного характера, мы ещё найдем немало подтверждений. Есть почти доказанное предположение о том, что Бату-хан во время знаменитого западного похода выполнял кое-какие свои обязательства, возникшие в результате установленных дипломатических отношений с германским императором Фридрихом II.

В это время в Западной Европе существовал огромный раскол.

Сторонники римского папы тогда именовались гвельфами, а сторонники германского императора Священной Римской империи габеллинами. Между высочайшими особами шла борьба за первенствование в Европе. К гвельфам принадлежали французский Анжуйский дом, саксонская династия Вальфон, часть итальянских княжеств и орден тамплиеров, рассредоточенный по всей Европе, с центром в завоёванном крестоносцами Иерусалиме. К габеллинам относилась династия Гогенштауфенов и их верные союзники французские Капетяги. Габеллины привлекли к своему союзу православных греков Никейской империи и армян Киликии, они также искали сторонников среди несториан империи Чингиз-хана. Император Фридрих II вел «тайную и явную» переписку с Бату-ханом. Л.Н. Гумилёв полагает, что изоляция и разгром гвельфской Венгрии мог быть результатом сговора императора Священной Римской империи и командующего войсками чингизидов. Хотя учёный считает, что главный повод дал сам венгерский король Белла IV, приняв у себя воюющих половцев.

И не только габеллины искали союза с чингизидами. Дружбы с правителем Каракорума добивались правители Никейской империи и царь Малой Армении (Киликии). Старший среди раздробленных русских княжеств великий князь Владимирский, отец знаменитого Александра Невского Ярослав Всеволодович, тоже стал искать пути к союзу с Великим каганом в Каракоруме.

Римский папа Иннокентий IV после поражения от Фридриха II в 1243 году объявил врагами католического мира империю чингизидов, еретиков-катаров, православных христиан и мусульман. Вступление Бату-хана в переписку с Фридрихом II говорит о том, что и чингизиды тоже искали себе сторонников в борьбе с папой.

Смерть кагана Огтая в 1241 году приостановила завоевания Бату-хана. Из-за нехватки надёжных воинов Бату-хану пришлось оставить без гарнизонов завоёванные территории Польши, Венгрии, Балкан и Болгарии. Центральная ставка Бату-хана сосредоточилась на Нижней Волге, где вскоре он вошёл в город Сарай-Бату. Под его сферой влияния осталась огромная территория, включающая в себя Крым, Поднепровье и Подонье, Северный Кавказ, земли южных и центральных русских княжеств, Волжскую Булгарию.

В процессе западного похода личная армия Бату-хана значительно пополнилась людьми и захваченных земель. Наверное, по возвращении в Каракорум братья кагана и молодые царевичи, участвовавшие в походе, оставили воинов, рекрутированных в войско во время завоеваний. Армию Бату-хана прежде всего составляли первоначально добровольно перешедшие кипчаки и булгары. Без особых уговоров в чингизидское войско вступили зависимые от половцев остатки гузов, печенегов и хазар, а также бродники, по-

могавшие Орде ещё в походе Субатая. Но немало воинов было привлечено в авангардные войска и после завоевания тех же половцев, асов, кавказцев, болгар, венгров, русских — они оставались в войске как долгосрочные рекруты.

Природных соотечественников в армии Бату-хана было мало, ведь многие погибли в боях. Здесь надо опять отметить, что у него было не 4 тысячи воинов, на которые постоянно ссылаются историки (столько могло быть отборных гвардейцев, но надо учитывать нукеров, слуг и семьи, которые ежегодно пополнялись сыновьями). В древности победы любого предводителя скрепляли войско. А такие невиданные и неслыханные по размерам завоевания оказали неизгладимые впечатления на участников похода; всем было за честь оставаться на службе у непобедимого военачальника.

Конечно, во вновь созданной орде командные посты получили в первую очередь изначально добровольно присоединившиеся половцы, болгары, асы, а затем уже особо отличившиеся военными качествами предводители. Они также были одарены землями, добычей. Многие получили ярлыки на правление своей же землёй.

В 1246 году Великим каганом был избран сын Октая Куюк, один из ярых врагов Бату-хана. Куюк разделял политическую ориентацию отца. Он пригласил в верховную ставку в Каракорум влиятельных людей из тех стран, где было распространено православное христианство, в том числе «священников из Шама (Сирии), Рума (Византии; наверное — из Никейской империи, поскольку Константинополь, под которой всегда подразумевалась Византия, в это время был захвачен крестоносцами и освобождён только в 1261 году — *И. К.*), Осов (асов) и Руси», чтобы провозгласить программу угодную православным — поход на католическую Европу. Улус Бату-хана тоже состоял наполовину, а может, и более из православию населения.

Воцарение Куюка и все его действия настораживали легендарного полководца. Вражда между будущим Великим каганом и Бату-ханом началась во время западного похода. Тогда Куюк и сын Чагатая Бури на пиру военачальников крупно поссорились с Бату-ханом. Октай даже был вынужден отозвать дебоширов, чтобы сделать им внушение. О том, что Куюк был человеком гордым, заисчивым и не сможет забыть ссору, все хорошо понимали. Хорошо это понимал и сам Бату-хан. Чтобы быть готовым к войне, он стал обустривать свой улус. Его соотечественники, несмотря на то, что некогда состояли из разных народов, за долгое время военного сотрудничества сплотились в монолитную силу. Они составили основное ядро, вокруг которого начали спланиваться западные кочевые племена.

По хронике Рашид-ад-дина, левым крылом войска Бату-хана

командовал тысячник по имени Мунгкур. Наверное, имя тысячника должно читаться как Мингкур, что означает Тысячный союз. Очень часто у тюрков и монголов имена означали их титулы, военное и социальное положение. Сам тысячник был из племени салджуут, и поныне сохранившегося у ногайцев. Правым крылом, при выделении в Джучиев улус, командовал Байку; возможно, что при Бату-хане командовал уже сын этого тысячника, Байку был из племени хушин (видимо, у Рашид-ад-дина так обозначается племя уйси). К племени хушин относился и другой тысячник Джучиев улуса Хушитай — в данном случае в самом имени заключается название этнонима. Имя другого джучиевого тысячника Кинкетай Кутан-нойона включает в себе название этнонима кингит (видимо, канглы); военачальник был из этого племени.

Все историки постоянно ссылаются на это число в четыре тысячи природных монголов, которое приводится в труде Рашид-ад-дина. Однако сам Рашид-ад-дин сообщает, что в Джучиевом улусе, кроме этих четырёх тысяч, осталась гвардейская тысяча Куки-нойона и Мукту-Кыява, большинство которой представляла племя киятов (киянов) [25, 33]. Уже из этого видно, что Рашид-ад-дин, говоря о 4 тысячах монголов, противоречит сам себе, т. к. тысяча Куки-нойона и Мукту-Кыява является пятой по счету.

В грандиозном западном походе Бату-хана участвовала и тысяча мангытов, специально перебросенная из Китая. О её возвращении в коренной юрт ничего не сообщается. Думается, что и она осталась в орде Бату-хана, и позже из этой тысячи вышли знаменитые беклербеи Золотой Орды.

Я ещё раз повторюсь, что эти тысячи не были однородными, они состояли из разных родов, в них и изначально входили племена не только из коренного юрта, но и керенты, и найманы, и татары, и меркиты и другие племена.

Древние историки мало придавали значения этническому составу чингизидского войска. Я почти твердо убеждён, что восточные племена при попадании на Запад встретили немало сородичей. Я уже говорил о названиях этнонимов: киян, конгыр, китан, кипчак, и древле бытовавших в разных сторонах Великой степи. Кстати, среди упоминаемых в «Слове о полку Игореве» «черниговских былей», служилых тюркских воинов, есть племена: «могуты, татраны, толчаки». Вполне возможно, что это искаженное написание названий этнонимов: «мангыт, татар, кипчак».

Чингизиды имели значительный опыт по сплачиванию и созданию единства кочевого общества. Бату-хан тоже умело использовал эти навыки. Из-за близкого языка общения и близких этнических особенностей в его орде быстро освоились кочевые башкиры, племена входившие в кипчакские ханства и сами кипчаки, найдя об-

щий язык с восточными номадами. Для полной гарантии верноподданства чингизиды применяли институт аманатства; заложниками забирались к хану дети всех новоявленных владельцев, в недалёком будущем из них выйдут гвардейцы — опора государства.

Как показали дальнейшие годы, когда станут возникать смуты, большие проблемы создавали оседлые народы. Прежде всего, это было связано с тем, что они должны были платить большие налоги, кормить не только свою знать, но и обеспечивать провизией, оружием, ремесленными изделиями центральную ставку. Ещё Чингиз-хан говорил, что сидя на коне можно покорить страну, но этого недостаточно для управления этой страной.

Народы, населявшие Подонье, Северный Кавказ, Крым, Причерноморье, Поволжье, достаточно испытали на себе силу и мощь чингизидов. В этих областях ещё во времена военных действий почти повсеместно была истреблена знать. Хан закреплял права за верноподданными людьми, одних приближал к орде, других одабривал подарками, устанавливал им привилегии, а непокорных, дерзких, строптивых — казнил. Сложнее отношения были с северным соседством, с Русью, которая в то время была раздроблена и состояла из восьми княжеств-«полугосударств». Земли русских князей имели весомый военный и экономический потенциал. Положение усугублялось и тем, что Русь была завоевана лишь частично.

В создавшихся условиях, после 1241 года, Бату-хан не мог идти на завоевание северных и западных земель Руси, поэтому надо было искать союзников среди русских князей. Чтобы получить ярлык на правление своей же землей, в орде хана одними из первых появились ростово-суздальские князья. Для обеспечения себе старшинства среди русских княжеств связался с ордой и Владимирский князь Ярослав Всеволодович.

Великий каган был хорошо осведомлён о делах в орде своего врага Бату-хана, и поэтому Куюк вызвал князя Владимирского в Каракорум на свою коронацию. Обычно на коронации должны были участвовать все вассалы, да и для самого вассала это была большая честь. Великий каган намеревался лично вести переговоры с Ярославом Всеволодовичем...

Но тут случилось непредвиденное. Имело место загадочное и труднообъяснимое происшествие.

С момента смерти Октая и до восшествия на престол Куюка, почти целых пять лет, империей чингизидов правила вдова Октая, мать Куюка ханша Туракан. Ещё при жизни Великий каган Октай завещал престол своему внуку Ширамуну, но вдовствующая ханша и её сторонники не желали исполнять волю покойного. Туракан настаивала на кандидатуре Куюка, мотивируя это тем, что он старше и опытнее в делах. Для возведения его на престол каракорумс-

кий двор требовал прибытия Бату-хана, но волжский правитель из-за прежней вражды, ссылаясь на болезнь, побаивался ехать. Тогда Туракан и её сторонники, не дожидаясь прибытия всех родственников, утвердили Куюка Великим каганом. Бату-хан не торопился ехать и на коронацию, но его подчиненные, правители асов и русских, прибыли во время в ставку.

Владимирский князь Ярослав Всеволодович был принят ханшей Туракан с почётом и уважением. Однако во время приёма Ярослав Всеволодович был отравлен. Как выяснилось позже, находящийся в свите боярин Федор Ярунович донёс на своего князя и оговорил его в тайной связи с Отцом римского священства. Боярин сам был скрытым агентом папы. Чингизиды же папу считали злейшим врагом. Убийство приписывается амбициям глупой ханши Туракан.

Это событие запутано в исторической литературе. Одни источники обвиняют в произволе монгольских правителей (в частности, Куюка и Туракан), другие считают, что русский князь умер своей естественной смертью (Н.М. Карамзин), третьи выставляют Ярослава Всеволодовича жертвой интриг, возникших в монаршем роду.

Вероятно, что смерть великого князя в Каракоруме Бату-хан использовал в свою пользу. Он приблизил к себе детей Ярослава Всеволодовича: Александра и Андрея. Александр стал приёмным сыном Бату-хана и андой — побратимом его сына Сартака. Бату-хан также освободил их владения от дани, которую обязаны были платить все остальные русские княжества. Этим он не только обрёл себе безопасный тыл, но получил своевременную военную помощь. С этих пор русские войска постоянно участвовали в военных акциях сарайских правителей. Л.Н. Гумилёв считает, что обезопасив свой тыл, Бату-хан выступил в поход против Великого кагана. Однако из-за внезапной смерти Куюка походу этому не суждено было завершиться.

В передаче Рашид-ад-дина даиное событие выглядит иначе... Бату-хан под предлогом болезни долго не являлся ко двору Куюка. В 1248 году он всё же решился навестить великого кагана. Куюк для встречи, или же до назначения встречи, под видом, что климат родного улуса более подходит его здоровью, отправился из Каракорума в свои владения. Судя по всему, назначенная встреча была похожа на уловку, тем более что каган выступил с войском. Когда Бату-хан двигался к ставке Куюка, жена Толуя Союркуктани-бийке, из-за давно сложившихся симпатий к роду Джучи, предупредила Бату-хана о возможном коварстве со стороны кагана. Тогда Бату-хан, прибыв в Самарканд, прервал свой путь, чтобы принять меры предосторожности. Но Куюк умер в пути «от болезни, которой страдал» [25, 66].

Смерть Куюка от болезни тоже вызывает сомнения. Историки

высказывают подозрения, что и он был отравлен ядом. Куюк в силу своего вспыльчивого характера имел немало врагов, да и претендентов на престол было предостаточно. Последнее обстоятельство в каракорумском дворе вызывало глубокие противоречия между многочисленными наследниками грозного Чингиз-хана.

Устранение ядом замедленного действия Ярослава Всеволодовича и смерть Куюка могли быть и звеньями одной цепи преступлений международной политики. Ярослав Всеволодович правил самыми западными владениями империи чингизидов. Целеустремлённо распространяющая влияние на всю Европу Римская церковь давно с вожделием смотрела на православную Русь. Однако русские князья никак не хотели изменять своей вере. Смерть русского князя в Каракоруме могла рассорить русских с чингизидами. Убийство Ярослава Всеволодовича римский папа мог выгодно использовать для своих грандиозных целей по освоению северо-восточной Европы. Смерть Куюка — потенциального врага католичества — тоже была выгодна Римской церкви, т. к. этим актом устранялся главный инициатор нового похода на Запад.

Некоторые историки полагают, что и прежний Великий каган Октай умер не своей смертью. А ведь смерть Октая фактически прервала успешный поход на подступах к главным государствам Западной Европы. Хотя у меня нет достаточных аргументов, но можно предположить, что и эта смерть является звеном цепи преступлений международного характера. Возможно, и тот факт, что после смерти кагана целых пять лет не избиралось главное лицо империи, опять-таки связано с этими убийствами.

Л.Н. Гумилёв, ссылаясь на исторические сообщения, подробно воссоздает создавшуюся обстановку при дворе чингизидов в период междуцарствия Октая и его сына Куюка. Вкратце этот период учёным представляется как время интриг и произвола недалёко-видной регентши Туракан. Придворной камарильей заправляла наперсница ханши персиянка Фатима-ханум. Последняя была визирем ханши Туракан. Такое распределение власти между женщинами даже во время междуцарствия кажется довольно странным.

Во дворе Октая было немало талантливых государственных мужей. После его смерти они вполне могли исполнять обязанности визиря, премьер-министра государства. Одним из таких был знаменитый министр по делам Китая Елюй Чуцай, киданин по происхождению. Министр прививал китайские принципы государственности, которые распространялись на всю империю. Для ограничения страны от произвола он старался ввести единое судопроизводство. Он стремился ввести в империи единое налогообложение однопроцентным налогом, чему упорно сопротивлялось всё степное население, особенно свои же монголы. Для взимания такого налога проводилась

перепись населения не только в метрополии, но и во всех завоёванных странах. Надо отметить, что в некоторых странах и знать не знали об этом новшестве. Например, на Руси сами князья выступали против приезда «численников», устраивавших перепись населения.

Елюй Чуцай был неравнодушен к делам в Китае и здесь, для облегчения положения подданных, он решил вернуться к прежней податной системе, там стали платить налоги не с души, а с семьи, с жилища, «с огня». Он много сил отдал для возрождения древнего города Каракорума. При нём столица империи стала одним из лучших городов мира. Гордостью империи являлся великолепный ханский дворец. Из-за новаций этого министра в государстве значительно увеличилась администрация, для чиновничьей работы многие грамотные люди освобождались из рабства. Реформы министра, воцарение в государственном аппарате инородцев встречало сопротивление у кочевой знати, прежде всего, у так называемой партии военных. А привлечение в управленческую структуру лиц китайского происхождения вызывало недовольство у мусульманского населения, служивших ещё со времен Чингиз-хана.

Вскоре после смерти Октая влиятельный министр был отстранён от должности и умер в опале в 1243 году. Из-за интриг высочайших особ во дворце был вынужден бежать из страны заменивший Елюй Чуцай керейт по происхождению несторианин Чинкай. Вынужден был покинуть Каракорум очень влиятельный регент мусульмаин Махмуд Ялвач. Во время правления Туракан пострадали многие государственники. И прав Л.Н. Гумилев, когда говорит, что возмущение среди знати при ней было намного сильнее, чем от реформ Елюй Чуцай.

В империи чингизидов — как и в правящей кочевой, так и во влиятельной на Востоке мусульманской среде — права женщин редко распространялись на власть. Как же так получилось, что в сильнейшей мировой империи с патриархальными монархическими традициями бразды правления страной в руки взяли женщины? Нам, с нашими представлениями о правах женщины на средневековом Востоке, такое вообще трудно представить.

До этого я невольно коснулся такой темы. Примерно в эти же годы власть в мусульманском Египте оказалась в руках тюрчанки Шаджират ад-Дур. Ей трон достался в связи со смертью мужа.

Но оказывается, что это не были единичные случаи. Ранее, примерно в эти же годы, примечательное событие произошло в мощном тюрко-мусульманском Делийском султанате.

В 1189 году Кутба-ад-Дин Айбек, подданный султана Шахаб-ад-Дина (известный истории как Муизз-ад-Дин) Мухаммада Гури, захватил Дели — один из древнейших городов Северной Индии. После

смерти султана в 1205 году Айбек отделил свой султанат от Гуридов и объявил о независимости своего государства. В 1210 году после смерти Айбека делийский трон занял другой тюрк — Шамсад-Дин Илтутмыш, зять бывшего правителя. Он стал основателем династии Шамсийя. Илтутмыш значительно расширил границы султаната и успешно правил государством длительное время, с 1211 по 1236 годы. Это Илтутмыш противостоял бежавшему от Чингизхана знаменитому Хорезмшаху Джелал-ад-Дину, пытавшемуся основаться в Северной Индии, и вынудил его покинуть страну. Илтутмыш был признанный и могущественный правитель, оставивший о себе достойную память как отважный и справедливый султан. При его властвовании страна процветала, успешно развивалась торговля, ремёсла, создавались литературные произведения.

После его смерти в 1236 году в султанате разразилась война между жёнами султана Туркан-хатун и Шах-Туркан. Тюркские эмиры разделились на два противоборствующих лагеря. Первоначально Шах-Туркан смогла добиться, чтобы престол султаната занял её сын Рукн-ад-Дин Фируз-Шах. Но раскол в стране продолжался. Часть тюркских военачальников отдавала предпочтение дочери Илтутмыша Разийе, отличавшейся государственной мудростью и справедливостью. Рукн-ад-Дин же был легкомысленным, имел пристрастие к пьянству, веселью и распутству. Время правления этого султана уложилось всего в полгода.

Турецкая исследовательница Бахрийе Учок, описывающая историю восхождения султана Разийе на делийский престол, приводит две версии переворота во дворце. В одном случае Разийе стала султаном, благодаря поддержке своих сторонников тюркских эмиров и гвардейцев бывшего султана Илтутмыша. В другой версии она ссылается на труды знаменитого арабского историка Ибн Батутта.

«Путешественник Ибн Батутта, — пишет исследовательница, — иначе излагает историю восшествия Разийи на престол. В его передаче Рукн-ад-Дин, под влиянием своей матери Шах-Туркан, стал тиранить братьев. Поэтому его сестра Разийе задумала казнить Рукн-ад-Дина. Однажды, когда он находился в мечети, Разийе, надев нищенские лохмотья, взобралась на крышу даулатханы — старой крепости. Явившись народу в таком виде, она принялась кричать с крыши:

— Мой брат Рукн-ад-Дин уничтожил другого нашего брата (Муиз-ад-Дина или Кутб-ад-Дина), а теперь он задумал извести и меня!

Она напомнила также людям о справедливости, щедрости и благотворительности своего отца. И людская лавина ворвалась в мечеть, схватила Рукн-ад-Дина и доставила его к Разийе. Разийе сказала:

— Убийца должен быть убит!» [34, 27].

Турецкая исследовательница подробно описывает время правления султанши Разийи. Из её повествования мы узнаём, как красавица турчанка, облачась в мужскую одежду, командует армией, ведёт войска против врагов, устраняет беспорядки, умело решает важнейшие государственные дела. Её правление, как было принято в мусульманском мире, было признано Багдадским халифом Мустансиром, от её имени выпускались монеты, ей при жизни и после смерти посвящались литературные произведения. Разийе официально правила огромной страной четыре года и трагически погибла в 1240 году. Она осталась в истории как могущественная и примерная правительница. Слава о ней разнеслась по всему мусульманскому миру: от Египта до островов Индонезии, от Крыма до Великой Китайской стены. Видимо, с её легендарной биографией связано то, что имя Разия было популярно во всех мусульманских государствах, в том числе и во всех евразийских странах.

При Октае и ко времени его смерти в Каракоруме имело место сильное влияние мусульман. В новой столице поселилось большое количество купцов, предостаточно было привезено ремесленников; в связи с введением уйгурской письменности преобладали грамотные чиновники из тюрков-уйгуров; многие жёны и наложницы чингизидов были из покорённых мусульманских государств; вместе со свитами и прислугами при дворце жили аманаты — дети султанов и атабеков. Конечно же, столичное население постоянно поддерживало связи с родными местами. В исторической литературе, относящейся к этому периоду, мы часто встречаем имена Туркан-хатун, Кутлуг Туркан, Шах-Туркан, Хан-Туркан, Падишах-Туркан. Вполне вероятно, что слово Туркан означает титул первой леди в тюркском государстве. Исследовательница Бахрие Учюк пишет, что правильное написание термина: «Теркен». Я думаю, что правильное прочтение этого слова — «Торкин», этим словом у ногайцев определяются наследственные земли или часть дома, принадлежащие женщине. Имя каганши Туракан или Туракина тоже означает титул первой леди государства, империи.

На юге Ирана в 1222—1303 гг. существовало государство Керман, где стояли у власти тоже тюркские правители из династии Кутлуг-ханов. Заметный след в истории этого государства так же оставили женщины. Сначала страной управляла правительница под именем Туркан-хатун, её имя ещё писалось как Кутлуг Туркан-хатун. Она была у власти около 25 лет, с 1257 года по 1285 год. Через десять лет, следуя материнской традиции, её дочь Падишах-Туркан заняла престол в Кермане (1292—1295 гг.). Влияние Падишах-Туркан распространялось не только на её собственные владения. Красавица сперва вышла замуж за известного в истории чинги-

зида — ильхана Абака-хана, а затем — за сменившего его ильхана Гайхату-хана.

Но история государства Керман привлекательна для моего эссе не только примером женщин-правительниц, она имеет непосредственное отношение к событиям в Каракоруме. Кутлуг Туркан-хатун пришла к власти после смерти своего мужа. Её муж Кутб-ад-Дин вступил на престол по воле Великого кагана Октая и правил Керманом с 1229 года по 1241 год. В годы его правления для скрепления династийных уз его сестра Севиндж-Туркан была выдана за сына Чингиз-хана Чагатая. Тут надо сказать, что Керман вошел в империю ещё при завоеваниях Чингиз-хана. Так вот, в период смерти Октая Кутб-ад-Дин был смещён с престола братом по имени Рукиад-Дин. Смещённый же Кутб-ад-дин бежал в Каракорум и оказал большие услуги при избрании каганом Куюка.

Последний факт говорит о том, что Куюка поддержали и сосредоточившиеся в столице империи промусульманские силы. Хотя надо сказать, что в это время в Великом Улусе мусульмане являлись большинством, если, конечно, не считать населения Китая. После мусульман в империи преобладали христиане: православные и несториане. Для нас может быть это и удивительно, но мусульмане, будучи в большинстве, мирно уживались с христианами и в Средней Азии, и даже в Багдадском халифате. Гонения на христиан возникнут после бесчеловечного издевательства крестоносцев над мусульманами Ближнего Востока и после неистовства азиатских христиан во время взятия чингизидами Багдада — главного форпоста мусульман. Последнее событие произойдёт после смерти Куюка.

Сам Куюк не был ни христианином, ни мусульманином, но он находился под воздействием этих главных сил в столице. Они-то и подбивали чингизидов на продолжение завоеваний в Европе. Об этом из глубины веков говорят факты, собранные европейскими путешественниками. Об этих настроениях свидетельствуют сообщения двух наиболее известных путешественников: Плано Карпини и Гильома Рубрука.

Тут необходимо отметить одно немаловажное обстоятельство. Хотя мы часто обращаемся к записям этих путешественников, но редко обращаем внимание на то, что авторы записок отправлялись в путешествие с дипломатическим заданием. Плано Карпини выполнял миссию папы Иннокентия IV, а Гильом Рубрук — императора Людовика Святого. Примечательно то, что монах Плано Карпини путешествовал с весны 1245 года до осени 1247 года, т. е. посетил Великий Улус в интересующее нас время. Очень важно и то, что он успел в Каракорум ко времени коронации Великого кагана Куюка. Такая точность говорит и о том, что католическая церковь распо-

лагала информацией и з империи чингизидов. Тут надо заметить, что Плано Карпини и Гильом Рубрук были не единственными посланниками отца католической церкви. До них, в 1245 году, доминиканские монахи прошли южным путём из Сирии в Ирак, Иран и Закавказье в Хорезме, так и не добившись никаких результатов.

Плано Карпини вышел со своим посольством из французского города Лиона. Он пересёк Центральную Европу и, пройдя половецкие степи, достиг низовьев Волги. В Сарая его доставили в ставку Бату-хана. Много сил прикладывавший для обустройства своей Орды, прославленный полководец самолично принял посольство. Ему было зачитано послание папы. Бату-хан понимал, что он не может давать ответ за всю империю, и после радужного приема отправил послов в Каракорум, к Верховному кагану.

Папские послы от Сарая-Бату до Каракорума добирались три с половиной месяца. Они были потрясены огромными пространствами чингизидской империи, поражены образом жизни кочевников: удивлялись жилищам, одеяниям, несметным табунам лошадей и стадам скота; немало были удивлены так же царившему в стране порядку и дисциплине, налаженной ямской почте, караван-сараям и охраняемым дорогам. Наверное, увиденное ими должно было кардинально изменить мнение, порождённое слухами, о чингизидах как о неслыханных дикарях и варварах.

Посольство прибыло к коронации Куюка. До начала этого грандиозного мероприятия гости были приняты ханшей Туракиной. Описание избрания хана уже приводилось выше. В коронации принимало участие до 4000 тысяч гостей из разных стран. Несмотря на то, что папские посланники были приняты с холодком, но им так же, как и русскому князю Ярославу, двум сыновьям грузинского царя, как и послу багдадского халифа, как ещё нескольким послам из мусульманских стран, уделялось первое место.

По описанию Плано Карпини Куюку было от роду 40 или 45 лет, роста он был среднего, слыл умным и провицательным, а горделивости был такой, что никогда не улыбался.

В ставке кагана монахи общались с живущими в Каракоруме христианами. Они видели, как христианские священники всенародно перед шатром хана могли исполнять службу по обрядам своей религии. Каракорумские христиане уверяли, что каган думает принять веру Спасителя. Всё это говорило о дружественном отношении к православным и несторианам. Карпини прямо говорит о том, что в Орде Верховного кагана все были настроены против католической церкви. Мало того, Куюк, едва избранный на первом же совете, предложил идти на завоевание Европы, если папа не примет требований кагана и не покорится.

Каган откладывал приём католических послов. Терпя неудобства и недостатки в пище, монахи прождали встречи более месяца. Некий русский по имени Ком (видимо, Козьма), золотарь Куюка, старался помочь монахам и снабжал участников делегаций самым необходимым. После истечения названного срока был дан приём. На нём государственный министр Кадак с тремя секретарями зачитали послание Куюка папе. Монахи тут же делали перевод на латинский язык, секретари бдительно следили, чтобы перевод был сделан точно.

Грамота Куюка Римскому папе долгое время считалась утраченной. Почему-то Плано Карпини в своём отчете тоже не привёл содержания письма. Наверное, это было связано с нежеланием повторять уничижительных и оскорбительных слов Куюка в адрес отца католической церкви. Это письмо было обнаружено лишь в 1920 году в библиотеке Ватикана. Путешественник упоминал в своём отчёте, что письмо написано по-арабски, но оказалось, что текст был составлен на персидском языке.

«Силою Вечного Неба — Далай-хан (вселенский хан — *И. К.*) всего великого народа; наш приказ. Это приказ, посланный великому папе, чтобы он его знал и понял... — После этих слов шли обращения к Богу, памяти Чингиз-хана, затем высказывалась главная суть. — Силою Бога все земли, начиная от тех, где восходит солнце, и кончая теми, где заходит, пожалованы нам. Кроме приказа Бога так никто не может ничего сделать. Ныне вы должны сказать чистосердечно: «Мы станем вашими подданными, мы отдадим Вам всё свое имущество». Ты сам во главе королей, все вместе без исключения, придите предложить нам службу и покорность. С этого времени мы будем считать вас покорившимися. И если вы не последуете приказу Бога и воспротивитесь нашим приказам, то вы станете врагами. Вот что вам следует знать. А если вы поступите иначе, то разве мы знаем, что будет, одному Богу это известно. В последние дни джамада-оль-ахар года 644 (3—11 ноября 1246 г.)».

Текст письма приведен из публикации Н.П. Шастиной «История монголов» Карпини» (Москва, 1957).

Как бы монахи ни были огорчены приёмом, зная этикет двора, они зашли для прощания к ханше Туракан. По обычаю степняков мать Верховного кагана сделала подарки гостям. Всем членам посольства она подарила по лисьей шубе и по красному кафтану.

На обратном пути посольство приехало в ставку Батыя. Монахи знали о недружелюбных отношениях волжского правителя с Верховным каганом и, надеясь на иное отношение, попросили у Бату-хана письмо к папе. Однако Бату-хан в силу того, что сам был намерен воевать Западную Европу сказал, что ему нечего добавить к посланию Куюка.

Сочинение Платона Карпини являлось закрытым отчетом Римскому папе. Это потом, три века спустя, его записи были опубликованы.

Надо обратить внимание ещё на то, что Карпини в своих записях упоминает о факте отравления Октая, отца Куюка, хотя ни в каких других источниках ничего не говорится о насильственной смерти этого чингизида. Это сообщение настораживает. Кажется, у монаха был засекреченный источник информации в Каракурумском дворце. Как бы этот источник не был сам непосредственно связан и с двумя другими вероятными убийствами: Великого князя Ярослава и Верховного кагана Куюка!

Как уже говорилось, убийство по доносу папского агента прочингизидски настроенного Ярослава Всеволодовича было рассчитано на сближение Руси с католической Европой и, конечно, на совместное выступление против чингизидов. Однако конечной целью западноевропейских правителей было присоединение русских земель.

О том, что Русь находится в состоянии этнической обскуранции, европейцы хорошо знали. Лишённые общенационального патриотизма, все русские княжества действовали врозь. Не тронутые чингизидами такие княжества, как Полоцкое, Смоленское, Турово-Пинское, не поспешили оказать помощь соседям, подвергнувшимся завоеванию. В 1238 году откровенно безответственно вёл себя и брат Ярослава великий князь Юрий Всеволодович. Оставив на произвол судьбы семью в Коломне, он собрал войско для того, чтобы дать отпор отряду Бурунтая. Намного уступающий в численности отряд Бурунтая действовал решительно и стремительно. Русские полки «не успев построиться» пустились в бегство. Тогда, во время сражения на реке Сити, погибло много русских воинов от сабель преследовавших их кочевников. В бегстве погиб и сам великий князь Юрий II. Позднее его мощи будут помещены в церковь Богородицы во Владимире-на-Клязьме братом Ярославом.

Не лучшим образом вели себя и князья Юго-Западной Руси. Имевшие большой опыт войны со степняками, они также не выступили единым фронтом против войск Бату-хана. Князь Волыско-Галицкой земли Данил Романович, надеясь на военную помощь, вступил в зависимость от католической Европы. Двойственную политику вёл и князь Черниговской земли Михаил. Отвергнув мирные предложения Бату-хана, он подвергнул разорению княжество, затем бежал в Венгрию, оттуда — в Польшу, потом вернулся в Киев, а когда в связи со смертью Октая стали возвращаться чингизидские войска, опять бежал в страны Западной Европы. В 1245 году он появился в Лионе, где «просил у папы помощи против гатар». Но князь на чужбине не встретил дружелюбия и решил вер-

нуться в Чернигов. Чтобы получить ярлык на правление своей землёй, он хотел скрыть, что он вступил в сношения с папой. Однако Бату-хан имел организованную сеть информаторов и знал о действиях черниговского князя. В ставке Бату-хана он был подвергнут испытаниям. Михаил должен был пройти меж двух больших костров целым и невредимым. За его шествием должны были наблюдать камы, им и предстояло решить: правду говорит князь или лжёт. Михаил Черниговский отказался от этой процедуры, за что и был казнён.

Русские князья, вступая в переговоры с папой и его представителями, старались подчеркнуть своё бедственное положение, невольно дезинформируя этим европейцев. В Западной Европе утвердилось ложное мнение о полном разгроме Руси, поэтому немецкие рыцари и скандинавские феодалы, решив, что не встретят сопротивления, стали готовиться к походу на Восток.

Ярослав Всеволодович знал, что разрозненную Русь может объединить только лишь православная вера, поэтому он, вместе со многими, отправился в стан Бату-хана для признания своей подчинённости. Бату-хан оказал Ярославу тёплый приём, объявил его Великим князем Руси, освободил от дани и даже отдал ему Киев. Ярослав Всеволодович отправил своего сына Константина в Каракорум на празднование блистательных побед в Китае и Европе. Ярослав Всеволодович прекрасно понимал, что изъявление покорности чингиздам является единственным верным решением для сохранения самобытности Русского государства. Его сын Александр Невский продолжал дело отца и всегда держался прочингиздской ориентации. Время показало, что они были правы. Потомки отметят их великую заслугу в деле спасения русской государственности.

Наверное, прав и Л.Н. Гумилёв, который постоянно говорит о том, что чингиздам не хотелось видеть отворачивания Руси в сторону католической Европы. Бату-хан имел конкретную цель: пополнение своей армии русскими войсками, чего он и добился за сравнительно небольшой срок.

В 1245 году отец католической церкви на соборе в Лионе объявил «татар и православных» врагами. В Ватикане с давних пор лелеяли надежду о переориентации русских в католическую веру. Немецкие рыцари, литовцы, датчане и шведы организовали поход на земли Западной и Северной Руси. Молодой князь Александр Невский, дав несколько сражений, остановил экспансию немецких рыцарей на Великий Новгород. Особенно яркой в русской истории стала его знаменитая победа на Чудском озере.

На Руси в это время предостаточно было людских ресурсов, были и способные военачальники, такие, как Александр Невский.

Но разрозненность русских княжеств, связанная с этническим разложением, нехваткой духовного, патриотического единения, указывала на преждевременность противостояния мощной военной машине чингизидов.

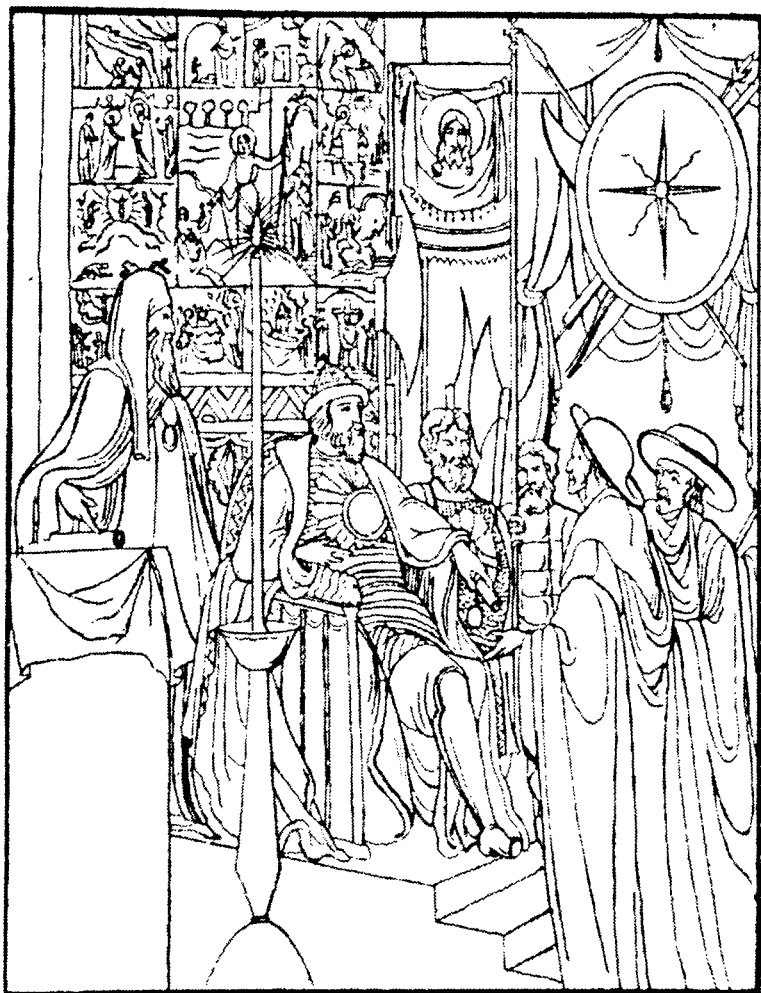
Это ощущал Ярослав Всеволодович, это ещё больше понимал Александр Невский. Отец и сын рьяно отстаивали православную религию — единственное обстоятельство, способное объединить отечество в данный момент истории.

Однако в русских летописях по-разному оценивается деятельность Ярослава Всеволодовича и Александра Невского. Часто встречаются упреки за дружбу русских князей с татарскими правителями. По-разному трактуется и смерть великого князя. Самы сопровождавшие в Каракорум бояре сообщали, что их господин был отравлен матерью хана Куюка, которая на приёме в знак особого уважения предложила князю угощение из своих рук. Они сообщали, что пища эта была с ядом, который действовал в течении семи дней, и что действие яда обнаружили пятнами, выступившими на теле умершего. Н.М. Карамзин сомневается в правдивости этих сообщений. В своём знаменитом сочинении он пишет: «Но монголы, сильные мечом, не имели нужды действовать ядом, орудием злодеев. Мог ли князь Владимирской области казаться страшным монарху, повелевавшему народами от Амура до устья дунайского?» [41, 436].

Замечание русского историка вполне справедливо. Если убийство было задумано Куюком, то ему достаточно было одного жеста, чтобы принародно казнить князя. Да и никто другой из главных лиц монаршего дома не стал бы прибегать к яду для казни вассала, тем более подозреваемого в государственной измене. Это тонкое и коварное дворцовое убийство никак невозможно приписать главным лицам Каракорумского руководства. Само подозрение, мотив не дают поводов для сокрытия.

Однако если убийство было совершено, то очевидно, что убийца находился при дворе кагана. Ярослава Всеволодовича могли убить только из политических соображений. На мысль о том, что убийца был представителем главы католической церкви, наталкивает ещё одно косвенное свидетельство. Оно тоже приведено Н.М. Карамзиным для характеристики этого тревожного и переломного момента истории древней Руси.

«В сие время герой Невский, коего имя сделалось известно в Европе, — пишет историк, — обратил на себя внимание Рима и получил от папы, Иннокентия IV, письмо, врученное ему, как *сказано в наших летописях* (курсив мой — *И. К.*), двумя хитрыми кардиналами Гальдом и Гемонтом. Иннокентий уверял Александра, что отец Ярослав, отец его, находясь в Татарии у великого хана, с ведо-

*Папа Римский направляет послов в Каракорум.
Иллюстрация из книги Л.Гумилёва
"Древняя Русь и Великая степь", изд-во "Мысль", 1993 г.*

ма или по совету какого-то боярина дал слово монаху Карпину (Плано Карпини — И. К.) принять Веру Латинскую и, без сомнения, исполнил бы своё обещание, если бы не скончался внезапно, уже присоединенный к истинному учению Христову; что сын обязан следовать благому примеру отца, если хочет душевного спасения и мирского счастья; что в противном случае он доказал бы свою

безрассудность, не слушаясь Бога и римского Его наместника; что князь и народ российский найдут тишину и славу под сенью западной церкви; что Александр должен, как верный страж христиан, немедленно уведомить рыцарей Ливонского ордена, если монголы снова пойдут на Европу. Папа в заключении хвалит Невского за то, что он не признал над собою власти хана: ибо Иннокентий ещё не слышал тогда о путешествии сего князя в Орду. Александр, призвав мудрых людей, советовался с ними и написал папе: «Мы знаем истинное учение церкви, а вашего не приемлем и знать не хотим». Он, без сомнения, не поверил клевете на память отца его: сам Карпин в описании своего путешествия не говорит ни слова о минимом обращении Ярослава» [41. 439].

Письмо папы написано 10 февраля 1248 года, через три месяца после возвращения Платона Карпини в Европу, возможно, что сразу после прочтения палой отчёта. Победитель ливонцев и шведов Александр Невский очень интересовал отца католической церкви. Ради склонения такой харизматической фигуры на свою сторону папа и его агенты (возможно, действуя по обстановке) пошли на такой хитрый и коварный шаг. А ведь, если Александр был бы человеком шаткой психики, послабее в вере и не знай он потаенных мыслей отца, пожалуй, мог бы и поверить в непоследовательность действий чингизидов, стать на путь вражды к ним. На это рассчитывали убийцы Ярослава Всеволодовича в Каракоруме.

Конечно, подсыпать яд в пищу мог состоявший в свите великого князя папский агент боярин Федор Ярунович. Тогда повисают в воздухе два других тайных убийств: Октая и Куюка. Я склонен считать, что во всех трёх убийствах «заказчиком» выступал папа, находящийся в Ватикане, конкретный же исполнитель, кто бы он ни был, жил в Каракоруме.

Можно было полагать, что такое совершила «глупая» Туракан. Она могла отравить Ярослава Всеволодовича. В силу каких-то крайних обстоятельств она могла отравить и мужа, хотя это — рискованное мероприятие в положении женщины, находящейся в среде степной аристократии. А вот отравить сына?! Такое предположение категорически отвергает степная мораль. Из-за тенгрианския представлений леди Макбет не могла появиться в степном обществе. В окончательную смерть кочевники не верили, и каждый номад знал, что позорный поступок когда-либо станет известен.

Удивительная была эта религия! Она не ограничивалась тем, что над мирозданием есть всевидящий Тангри. Перед идеальным Всемогущим можно быть ничтожеством. Хуже, когда все твои поступки, тайны, слабости, позор становятся известным окружению, близким. Степняки верили в бессмертие человека, в повторя-

емость жизни. Предки, современники, потомки — все пребывали в бесконечной повторяемости. Быть обречённым на ничтожество во всю предстоящую вечность никто не хотел. В человеческом обществе падение личности чаще всего происходит из-за того, что индивидуум знает о своей смертности. «Рождён случайно, а исчез навсегда» — этот постулат атеизма лишил человека ответственности перед предками, современниками и потомками. Сейчас человечество опять интуитивно возвращается к тенгрианским представлениям о мироздании. Например, в научных разработках по клонированию человека мы уже точно можем узреть подступ к тенгрианству...

Итак, эта версия отпадает по первой и основной причине. Вторых, Туракан, так упорно и так долго добивавшаяся престола для своего сына, по логике вещей, не имела никаких оснований для изменения отношений в противоположную сторону, т. е. у неё не было мотива для такого убийства.

В этой предполагаемой детективной истории замешаны европейцы. Через шесть лет после визита к чингизидам Плано Карпини другой путешественник побывал в Каракоруме — посланник Людовика Святого Гильом Рубрук. Он встретил немало европейцев в главных городах империи. Так, он пишет о том, что при дворе сына Бату Сартаке проживал знатный рыцарь храма (тамплиер) и пользовался большим расположением господина. Храмовник был очень общителен, часто рассказывал придворным и хану о нравах в европейских странах, о силе их правителей и обычаях. А в ставке Великого кагана Менгу-хана в Каракоруме Рубрук встретил зодчего и дьякона из русских, познакомился с живущими в городе венграми и англичанами. Монах упоминает о парижанине в ханском дворце — это был искусный ювелир по имени Гильом.

Иностранцы в империю и в её столицу проникали разными путями. Некоторые по собственной инициативе, путешествуя по миру в поисках счастья и приключений, другие занимались торговлей, ремёслами, третьи были захвачены в плен в завоёванных странах или проданы в Каракорум работоторговцами. Столица чингизидов в это время привлекала внимание всего мира. Посещение страны и торговля иностранцам не были запрещены, хотя существовали всякие формальности: разрешения, пайцзы и т. д. Конечно же, среди иностранного контингента были люди, прибывшие для сбора информации о жизни, быте, военном потенциале степняков. Видимо, выдавая себя за представителей одного из подвластных чингизидам народов, проникали и откровенные шпионы. Естественно думать, что тайные агенты какой-либо страны или организации, ордена в первую очередь пытались проникнуть в окружение дворца.

Из сведений Рубрука наибольший интерес представляет персо-

на парижанина Гильома. Ювелир жил во дворце с давних пор, имел доступ к самому кагану. Слава о его мастерстве распространилась далеко за пределы Каракорума. Рубрук с восхищением описывает диковинную вещь, которую изготовил парижанин. Ювелир смастерил из серебра дерево, которое стояло на четырёх серебряных львах, одновременно эти львы служили чанами. В чаны наливали кумыс, мёд, пиво, вино, эти напитки подымались до верхушки дерева и лились из пасти драконов в большие сосуды для питья, а на дереве стоял крылатый ангел и, когда необходимо было пить, трубил в трубу. Мастер, способный изготовить такую вещь, был, конечно, большим знатоком своего дела. Конечно, он имел доступ ко всем придворным, особенно к аристократам, большим любителям украшений и драгоценной утвари. Парижанин мог знать тайны женщин, обольщать их подарками, влиять на них и вовлекать в интриги, а то и в заговор. Ювелир имел доступ и ко всей ханской челяди, будь то повара, постельничие, кравчие и т. д. Однако прямо указать на деятельность ювелира Гильома как на шпионскую нет никаких оснований. Мы можем только догадываться, что кто-то из европейцев вошёл в доверие к чингизидам и провел сверхсекретную и сложную диверсионную операцию, которая кардинально изменила политику правящего дома в Каракоруме.

Ранее я говорил о том, что в битве при Ольмюце чехами был захвачен в плен знатный татарский воин, который оказался на деле английским тамплиером по имени Питер. Плано Карпини тоже описывает встречу с неким тамплиером в ставке Бату-хана, который пользовался при дворе волжского правителя большим уважением. И Рубрук говорит о присутствии храмовников (тамплиеров) в Каракоруме.

Я полагаю, что англичане, французы, в том числе и ювелир Гильом, которых видел Рубрук, вполне могли принадлежать к активным членам этого тайного ордена и каким-то образом проводить его политику.

Орден тамплиеров в то время был одним из активных и влиятельных сообществ в Европе, а по данным современных исследований, и во всём мире. По популярности и по размаху деятельности он мог бы быть сравнен с исмаилитами в мусульманских странах. Орден был основан в 1119 году в Иерусалиме, вскоре после I крестового похода. Но есть предположения, что орден был создан намного раньше и является подразделением более древнего ордена — «Сионского приата». Своё название организация получила из-за того, что их резиденция находилась на территории, где некогда стоял храм Соломона. Тамплиер в переводе означает рыцарь храма, в русскоязычной литературе тамплиеров называют ещё храмовниками. Утвердилось мнение, что орден был создан для защиты па-

ломников-христиан и завоеваний крестоносцев на Святой земле. Сами себя тамплиеры официально выдавали за исполнительный орган Римского папы, но они — по заданию Ватикана или же по собственному усмотрению — вступали в тесные связи с эзотерическими сообществами для владения их знаниями. Они также тайно проводили раскопки в полуразрушенном храме Соломона и, как потом стало известно, в результате поиска обнаружили древние реликвии. Там же они нашли что-то уж совершенно сверхсекретное, но держали находку в глубокой тайне. Исследователи полагают, что это тамплиеры привезли на Вселенский собор знаменитые «скрижали Моисея и ковчег Завета», с которыми человечество, ещё задолго до возникновения христианства, связывало свои представления о божественном знании. Непримиимо воюя с окружающими Святую землю мусульманами, тамплиеры в то же время скрытно сотрудничали с закрытыми мусульманскими орденами. Они изучали восточные науки, постигали мистерии кельтов и друидов, исламские доктрины и иудейскую каббалу.

Орден имел серьёзный экономический фундамент. В Западной Европе тамплиеры располагали богатейшими поместьями и портами. В XIII веке орден превратился в крупнейшего банкира; своими кредитами тамплиеры ставили в прямую зависимость правителей целых княжеств и даже королей. Относительно богатств рыцарей храма есть серьёзные предположения, что они задолго до Колумба открыли путь в Америку и что на новом континенте они имели серебряные рудники. Исследователей на это предположение подталкивает тот факт, что тамплиеры откуда-то морем привозили в большом количестве слитки серебра. Орден обогащался и из-за того, что вовлекал в свои ряды богатых феодалов, которые делали большие пожертвования. В Европе центр тамплиеров сосредоточился во Франции, откуда они организовывали и финансировали крестовые походы.

13 октября 1307 года французский король Филипп Красивый добился ареста тамплиеров. Против ордена был организован инквизиционный процесс. Обвинённые в ереси рыцари храма во главе с магистром были казнены, а богатство ордена перешло в королевскую казну.

Тамплиеры были обвинены в поклонении идолу Бафомету, осквернении Креста, ритуальных убийствах, в ношении еретических шнурков (как ведьмы) и даже в содомии. Полагают, что в этих обвинениях много надуманного. Но есть совершенно обоснованные доводы, что тамплиеры были организацией еретического движения, как и существовавшие в Европе катары. Катары утверждали, что Иисус Христос не существовал, а был просто «святым призрак». Главари тамплиеров на суде показывали, что главным мотивом

вом вступления в орден было отвержение Иисуса, и называли его «фальшивым пророком».

В 1312 году папа Климент V упразднил орден. Великий магистр Жак де Моле был казнён в Париже (его посадили на кол). Во Франции тамплиеры были уничтожены, но в таких странах, как Испания, Португалия, Германия, им удалось добиться оправдания. Многие храмовники перешли в другие ордена. Хотя у подвергшихся инквизиции тамплиеров были отобраны богатства, имущество, поместья, но местонахождение главных сокровищ, реликвий и тайных бумаг рыцари храма ни под какими пытками не указали.

О тайнах и сущности этого прелюбопытнейшего ордена существует значительная литература. Почти фантастическую историю на основе западных публикаций приводят авторы книги «Тайны исчезнувших цивилизаций» А. Варакин и Л. Зданович. Оказывается, в 1982 году вышла на Западе книга «Святая кровь и священный Грааль». Книга, ставшая бестселлером, проливает свет на одну из величайших тайн возникновения ордена тамплиеров. Фактически бестселлер ставит под сомнение существующие основы христианства. По изложенной версии тамплиеры появились до 1119 года, т. е. до официально признанного года возникновения ордена. Организация являлась «военным крылом», защищающим интересы первых французских королей Меровингов. По тайне тамплиеров династия Меровингов вела происхождение от самого Иисуса Христа и Марии Магdalны. Задолго до пастырства Иисус из Назарета был женат на Марии Магdalне и имел сына. Намёк на женитьбу имеется в ранних Евангелиях от Марка и Фомы, но тексты были переделаны в эпоху установления христианства. Так, на свадьбу Иисуса указывает существующее в «Новом завете» его участие на свадебном пиру в Кане. Иисус там исполнял роль жениха, а «учеником, которого он любил больше всех», была Магdalна. Поэтому папа Климент Александрийский (II век н.э.) упорно настаивал на опровержении секретного писания Марка. Как мы знаем, церковные иерархи добились опровержения. Далее в бестселлере излагается версия о том, что Иисус, потомок царя Давида, по договоренности с солдатами прокуратора Пилата избежал распятия или был вовремя снят с распятия. Затем бежал во Францию, где после и умер. Забальзамированное тело Христа, предположительно, укрыто где-то в районе деревни Ренн-ле-Шато в Кортъере, а сын Иисуса — выжил и его «потомки в лице Меровея (умер в 438 году) основали династию Меровингов — «длинноволосых царей» [42, 438]. Опять династия, связанная с волосами!

Бестселлер предполагает, что свет на тайну проливают древние вергаменты, которые обнаружил деревенский кюре Сонье. В наше время этот приходской священник «по наитию свыше» принялся

реставрировать церковь, названную ещё в 1059 году именем Марии Магдалины. Во время работ он нашёл меж балками старинные пергаменты в деревянных цилиндрах, на одном из которых было изображено генеалогическое древо Меровингов, а на другом находились религиозные тексты. Сам Сонье являлся потомком древних Меровингов. После находки пергаментов он неоднократно обращался к церковным иерархам... После чего неожиданно разбогател, стал известным филателистом, построил в средневековом стиле башню и очень своеобразно отстроил церковь Марии Магдалины. В церкви «за порталом бросалась в глаза омерзительная статуя Асмодея, князя демонов, по Талмуду — стража сокрытых сокровищ и строителя храма в Иерусалиме». На стенах церкви были развешаны рисунки, противоречащие католическим канонам. На одном из них был «нарисован ребёнок в пёстром плече, наблюдающий за погребением Христа, а на заднем фоне — ночное небо и полная луна». Это противоречит Библии, т. к. Иисус был захоронен в пещере днём. Также в церкви было много непонятных записей на иврите.

За эти вольности Сонье призывался к ответу, но очень странно вышло, что Римский папа поддержал его. Авторы сенсации полагают, что отец святой церкви знал о тайне Сонье по инквизиционным процессам над еретиками. В пользу такого предположения говорит и то, что Ренн-ле-Шато был не только бастионом Меровингов и тамплиеров, но тесно был связан ещё с одним еретическим орденом — с катарами. Которые, как уже говорилось ранее, вовсе отрицали существование Иисуса и тоже в начале XIII века подверглись инквизиции. Видимо, катары и тамплиеры пользовались каким-то общим источником, но каждый орден трактовал имевшиеся у них сведения по-своему. Не осуждённый за свои вольности Сонье жил припеваючи, получал крупные денежные переводы от представителей известных в Европе монархических династий (Габсбургов) и других знаменитостей. Эти средства он также тратил — на постройку роскошной виллы, водопровода, устройство пышных банкетов.

Исследуя источники неожиданного и баснословного обогащения Сонье, авторы книги «Святая кровь и Священный Грааль» полагают, что кюре шантажировал самого Римского папу!

Соглашаться или не соглашаться с таким изложением тайны тамплиеров трудно. Можно сказать, что оно правдоподобно, но такая правда ошеломляет и вызывает некоторые недоумения. Если христианская церковь знала об этой тайне, то невозможно поверить в какую-то святость её служителей. Я думаю, что такие служители без всяких расследований должны были приговорить к смерти деревенского кюре, дабы подвергнуть вечному забвению подобную

«ересь», как это делала инквизиция. При таком стечении обстоятельств в сердобольность церковных иерархов поверить тоже невозможно.

Однако вернёмся к нашему расследованию. В описываемое время тамплиеры имели огромное могущество в Европе. В 1139 году папа Иннокентий II освободил их от какой-либо власти, кроме папской. Согласитесь, с чего бы такая привилегия?! Рыцари Храма вдохновляли на крестовые походы всю Европу, на Святой земле они показали себя храбрыми воинами, они не сдавались в плен перед большими силами мусульман, презирали смерть и героически погибали. Если они по сути не были христианами, то тогда, кажется, они были фанатиками какой-то иной веры. К сожалению, истинное мировоззрение, глубинные цели и задачи ордена нам неизвестны. Совсем загадочны и непонятны действия тамплиеров на ближнем Востоке. Известно, что они оказывали весомую денежную помощь мусульманским правителям, тесно сотрудничали с подобными себе орденами в мусульманстве (исмаилитами). По-видимому, члены высшей ступени ордена считали себя организацией посвящённых, стремящейся возыметь влияние на весь мир, и, держа в тайне свои истинные намерения, орден действовал сообразно событиям в окружающей действительности.

Есть веские аргументы полагать, что орден Храма был вдохновлен идеей абсолютного мирового господства. Идея эта была заимствована от более древних организаций и, кажется, от исмаилитов, которые тоже для этой цели использовали богатства и международный террор, чтобы держать всех в страхе, особенно монархов. Орден внешне выглядел строгим христианским военным сообществом, но члены высшего совета для достижения цели и выгоды для ордена использовали все религии и умели поклоняться всем богам. Есть предположения, что идол Бафомет, которому тайно поклонялись тамплиеры, есть не кто иной, как пророк Магомет — последний пророк на земле. Орден вел тайную переписку с мусульманами, помогал не только мусульманским правителям, но даже мусульманскому населению. Так, в один из голодных годов на Святой земле тамплиеры все свое продовольствие продали мусульманам, в то время как христиане погибали от жесточайшего голода. На судах во Франции сами тамплиеры показывали, что во время приема новых членов ордена новообращённых заставляли плевать на крест и участвовать в бесовских мессах.

Надо сказать, что в ордене тамплиеров была установлена строжайшая дисциплина, рыцари вели почти аскетический образ жизни. Рыцари Храма должны были отринуть все свои желания и подчиниться старшим. У тамплиеров, как и в войске Чингиз-хана, была десятичная система построения войска. Над десятью братьями-

рыцарями стоял рыцарь-десятник. У каждого брата-рыцаря в распоряжении было три коня, один оруженосец с четвёртой лошастью. Можно найти ещё немало общего в военной организации чингизидов и в организации этого военного ордена. Тамплиеры, как и степняки, очень дорожили своим боевым знаменем, во время битвы его охраняло десяток рыцарей, знамя должно было развернутым и опускать его категорически запрещалось. Знамя ордена тамплиеров было двухцветным: белым и чёрным. Белым и чёрным знаменем пользовались и в чингизидском войске. Чёрным во время походов, белым — на церемониях. У рыцарей запрещалось бежать с поля битвы, оставлять товарища в беде, строго проверялось наличие оружия и всего необходимого в бою.

Между прочим, тамплиерам запрещалось мыться в ванной, т. е. принимать мирской вид. Интересно приглядеться и к символике рыцарей Храма. Эмблемой тамплиеров являлось изображение двух всадников на одной лошади. По утверждению средневекового историка Гильома Тирского они взяли себе такое изображение из-за того, что раньше были бедными и, когда защищали на дорогах паломников, у них была всего одна лошадь на двоих. Рыцари никогда не были бедны, у них, у каждого, всегда было несколько сменных коней. Кое-кто утверждал, что на гербе тамплиеров изображены основатели ордена Юго де Пайен и Годфруа де Сент-Омер. По-видимому, этот знак символизировал основу системы организации, мужскую ячейку братства. Братья-рыцари спали по двое в кельях. Они должны были спать в рубахах и штанах с туго затянутыми поясами, при зажжённых лампах. На судах были показания насчёт того, что в ордене процветал гомосексуализм. Смертный грех специально насаждался, чтобы держать рыцарей под страхом разглашения.

Меня заинтересовал и другой отличительный знак тамплиеров. Это их одеяния. Рыцари храма надевали на себя всё белое, а сверху ещё обязательно накидывали белый плащ с рисунком красного восьмиконечного креста. Тут надо сказать, что ассасины, исмаилиты тоже надевали всё белое и подпоясывались красным кушаком. В связи с этим вспоминается возведение в беки прорицателя Усуна. «Теперь, когда его возвели, — говорит Чингиз-хан, — пусть он ездит на белом мерине, пусть носит белую одежду, пусть его сажают на верхнее, почетное место...» Похоже, что у тамплиеров, исмаилитов и кам Чингиз-хана — какое-то общее происхождение. Имели ли камы, жившие в империи чингизидов, разветвлённые организации наподобие ассасинов или тамплиеров? Об этом нет никаких сведений. Если всё же имели, то трудно сказать, сотрудничали ли эти могущественные сообщества. Скорее всего, они оспаривали пер-

вество и боролись между собой за сферы влияния. Но вполне возможно, что вступали в контакт или скрытно внедрялись в соперничающие организации.

Об этих отношениях нам никогда не узнать. Это было великой тайной в то далёкое время, тем более, что эти сообщества своих архивов никому не оставляли. А вот о проникновении тамплиеров в командующий состав говорит очевидный факт: нахождение в войске англичанина Питера. Факт этот получил огласку благодаря пленению и попаданию Питера в руки католиков. Вероятно, что тамплиер в войске выдавал себя за кого-то из представителей покорённых народов, допустим, русского, грузина или тюрка-сельджука, может, и кого-то еще... Членство в ордене рыцарей Храма ювелира Гильома может подтвердить его профессия. Оказывается, орден старался в ряды рыцарей привлечь умелых мастеров-ювелиров для того, чтобы они тайно изготавливали поддельные реликвии: перстни Соломона, принадлежности Давида и других библейских персонажей.

*Печать тамплиеров.
Илл. из книги Ю. Гоголицына
"Тайные правители человечества"
(изд-во "Золотой век", 2000 г.)*

Применение в дворцовых убийствах яда похоже на деяния исмаэлитов или рыцарей Храма. Но дальнейшие события пока зывают, что это не могли быть исмаэлиты, т. к. они сами жестоко пострадали от рук чингизидов. Более ста лет тамплиеры на Ближнем Востоке сосредотачивались в Триполи, Антиохии и в самом Иерусалиме. Ко времени тайных убийств крестоносцы ослабили свои позиции, особенно после кровопролитных войн с легендарным Саладином. В это время основной базой ордена являлась Аккра и несколько крепостей на побережье Средиземного моря. Несмотря на то, что в Святой земле был дорог каждый крестоносец, в 1241 году тамплиеры устроили резню с рыцарями тевтонов и иоаннитов. Это было результатом борьбы в Европе гвельфов и гибеллинов. Однако этот факт ещё раз подчёркивает, что тамплиеры были далеки от католического единодушия. Но в Каракоруме рыцари ордена Храма

добились исполнения папского наказа и отвратили новый западный поход на Европу.

В 1251 году на всенародном курултае Великим каганом был избран сын Толуя Менгу. Бату-хан активно помогал двоюродному брату стать императором и сам на курултае был признан старшим в роду чингизидов. Сразу после восшествия на трон Менгу начал разбирательства, и вскоре все сторонники Куюка были казнены. Бату-хан удалился в свою ставку на Волгу для дальнейшего обустройства Джучиевого улуса, который после смерти Октая имел почти самостоятельное существование.

Через два года был созван ещё один всеиародный курултай, на котором было решено продолжать войну в Китае с империей Сун, а также начать «жёлтый крестовый поход» против мусульман. В 1231 году войска чингизидов, разгромив хорезм-шаха Желал-ад-дина остановились у границ Багдадского халифата. Целью «жёлтого крестового похода» было освобождение святого города Иерусалима для христиан, но для осуществления этой цели надо было сначала завоевать сильный Багдадский халифат. Решение это вызвало всеобщую радость у христиан империи, а их было немало в Восточной и Средней Азии, в Иране. А на западе Евразии и в Закавказье были целые покорённые страны. Союзниками чингизидов стали армянские цари, князь Антиохии Боэмунд II, женатый на армянской царевне, признавшие себя вассалами грузинские цари. Например, армянский царь Гетум лично прибыл в ставку Менгу-хана для переговоров. Командующим «жёлтого крестового похода» был назначен царевич Хулагу. Его жена Докуз-хатун была несторианка и покровительствовала христианам. Начальником военного штаба был назначен найман Кет-Бута, который тоже был несторианином. В армии была выработана целая программа поведения, по которой было велено не трогать всех христиан и иудеев, чтобы снискать их расположение.

Шла тщательная подготовка к военной кампании. Из Китая прибыла тысяча специалистов по осадным орудиям. Армия должна была идти по пастбищам, не тронутым местным населением, чтобы кони могли питаться травой, всюду по пути была налажена доставка провианта, на реках устраивались переправы. В завоёванных странах повсеместно проводилось рекрутирование. Владевший левым крылом Джучи Орда послал через Хорезм и ираиский Дехистан своего старшего сына Кули с одним туменом воинов, Бату-хан для поддержки похода отправил войска под командованием Балакана — сына Шибана, и Тутара — внука Бувала. Оба были потомками Джучи, а последний был племянником знаменитого Ногая.

В это время Ногай, основав ставку на Дунае, вёл военные действия на Балканах. По-видимому, Тутар в это время возглавлял

тысячу мангытов, и эта тысяча впоследствии громко заявит о себе в Дешт-и-Кипчаке.

Многолюдное войско продвигалось медленно, только к январю 1256 года армия перешла Амударью.

В Иране чингизиды принялись за ликвидацию исмаилитских крепостей. Тут невольно задаёшься вопросом: почему расположенные в неприступных горах богатые замки не были тронуты ранее, в первом походе, и что побудило заниматься этими твердынями в походе, возглавляемом Хулагу? Причиной, наверное, стали советники и проводники из скрытых тамплиеров, если, конечно, это они изменили направление удара чингизидов с Запада на ближний Восток. Рыцари Храма, хотя и сотрудничали с ответвлением исмаилитов — асасинами, не только соперничали с этим орденом, но и желали ему всякой гибели. А тут представилась возможность истребить их чужими руками. Естественно, что такая возможность не была упущена.

Корни возникновения исмавизма уходят в глубь веков. Общеизвестно, что основателем ордена был мудрец Хасан ибн Шаббат, живший в XI веке и друживший с Омар Хайямом и Низами. Этот человек познакомился с доктриной исмавизма в Каире и, найдя сохранявшееся ядро тайного воинства, возглавил его и обосновался в 1090 году в Хорасане, в неприступной крепости Аламут (Гнездо Орла). Крепость ещё принято называть «Замком старца», а самого Хасан ибн Шаббата и его преемников — «Владыкой Горы». Орден выращивал фанатиков, «жертвующих своею жизнью ради великой цели». Среди членов секты культивировалось беспрекословное подчинение сайдам, шейху; исмаилитов учили боевым искусствам, разным изощрённым способам убийства; их обучали иностранным языкам, учили менять обличье и входить в роли купцов, врачей, ремесленников, учёных. Исмаилиты выдавали себя за военное крыло ислама, но главной целью, хотя она и тщательно скрывалась, было влияние на весь мир. Основными средствами для достижения этой цели были подкуп, интриги, тайные убийства, шантаж. Поэтому от рук членов секты погибали очень известные и влиятельные правители, военачальники.

При Хасане ибн Шаббате было задумано создать своего рода государство в занимаемой долине, при котором было войско доведенное до 40 тысяч человек. Однако явный путь противоречил существованию тайного ордена. Их скрытые общины были во всех мусульманских странах. Официальный курс исмаилитов менялся: то они были приверженцами сектантских направлений, то объявляли себя борцами за ортодоксальный ислам. Бурную деятельность на Ближнем Востоке развели асасины. Их основные крепости находились в Сирии. Тайными убийствами влиятельных людей они

держали в страхе целые королевства. В Европе об асасинах знали по убийствам Раймунда II Триполийского, Конрада Монфератского, Филиппа де Монферо, покушением на королей Англии Ричарда I и Эдуарда I. И на Ближнем Востоке, и в Персии они жили вольготно. Как и тамплиеры в Европе, они были финансистами многих султанов и атабеков. В их крепостях, как выяснилось позже, развивалось употребление гашиша, одурманенные зельем члены секты предавались групповому разврату.

В 1257 году войска Хулагу начали приступом брать крепости исмаилитов. Глава ордеиа Хуршах вынужден был сдать неприступный Аламут. Сам же шейх отправился в Каракорум к Великому кагану Менгу-хану. Он хотел поклясться ему в верности и убедить императора оставить за ним свои владения в Аламутской долине. Для Менгу-хана такое посещение было неожиданностью. Он изначально отрицательно относился к гостю, но, посмотрев на коней главаря исмаилитов и его свиты, «выразил сожаление по поводу того, что им пришлось пройти огромное расстояние». Выслушав Хуршаха, его самого и свиту отпустили из Каракорума. Вскоре, однако, воины Великого кагана догнали их в пути и перебили всех до единого. Невозможно теперь узнать, что пришло в голову Менгу-хану: или он послушался своих советников, или колебался в момент приёма, а уже потом принял такое решение?..

Аламут пал, но западная ветвь исмаилитов — асасины — ещё долго будут существовать, вскоре их центром станет Египет, и асасины будут вынуждены служить знаменитому Бейбарсу.

В феврале 1258 года чингизидские войска после изнурительно-го штурма взяли Багдад. Город подвергся небывалым разрушениям, 80 тысяч его жителей были преданы смерти. Все восточные христиане воспряли от этого эпохального события, они считали падение мусульманской столицы небесной карой мусульманам за их притеснения и унижения. Дворец халифа был подарен патриарху несторианцев. Городские мечети «окроплялись водой» и перестраивались под церкви. Армия чингизидов радостно поддерживалась христианами и пополнялась за счёт верующих армян, сирийцев и айсоров. Весть о падении Багдада докатилась и до Европы. Христианская Европа ликовала и сравнивала Хулагу и его жену Докузхатун с императором Константином и его женой Еленой, которые были первой монаршей парой, принявшей веру Иисуса.

В 1259 году иертаул (авангард) чингизидов под командованием христианина наймана Кет-Буги оказался у стен Газы. В 1260 году пали мусульманские города Дамаск, Алеппо и Майяфарикан. Столкновение чингизидского войска с сильной египетской армией было неизбежно. Однако тут неожиданно чингизидам измеили тамплиеры: они отказали в своих базах усталому войску Кет-Буги и, наобо-

рот, помогли провиантом изнурённой многодневным переходом через пустыню коннице мамлюков. Такому поведению рыцарей Храма Л.Н. Гумилёв почти не находит объяснений. Почему тамплиеры приняли сторону мусульман и почему предали войско восточных единоверцев? Действительно, в этом событии не видно последовательности в действиях крестоносцев. С большим трудом можно объяснить этот факт только тем, что тамплиеры выявили свою глубинную суть. Понимая, что чингизиды явные претенденты на всемирное господство, в целях ослабления соперника они решились на предательство. А возможно, что пришли какие-то указания из Ватикана, где православных и несторианцев считали опаснейшими врагами Римской церкви. Для того, чтобы обосновать эти версии, необходимы документальные подтверждения. К сожалению, таковыми мы сегодня не располагаем, но надеемся, что вскоре эта всемирная тайна будет разгадана.

В этой книге я приводил немало романических сюжетов. Думаю, многие могли быть использованы для отдельного художественного произведения. Так как сейчас модно кино, их вполне можно применить для экранизации, можно создать даже сериал исторических фильмов. Я зримо вижу, например, фильм о Гильгамеше, великом шамане Шумера. Добротный кинофильм можно снять о рождении Чингиз-хана. Хорошая кинокартина может получиться на тему о половецкой трагедии, в центре которой будет находиться противоречивая судьба Котен-хана. Своё же авторство я хочу закрепить за идеей фильма «Каракорумский детектив».

В первой части фильма рассказывалось бы о путешествии монаха Платона Карпини. Интриги дворца Великого кагана, тайные встречи Карпини со скрытыми тамплиерами, пир в половине ханши Туракан, отравление Ярослава, коронация Куюка и его отравление... Вторая часть повествовала бы о посещении Каракорума монахом Гильомом Рубруком. Встречи с захватившими инициативу во дворце тамплиерами, казнь сторонников Куюка по указке храмовников... Тамплиеры все тайные убийства сваливают на исмаилитов, представляя их агентами багдадского халифа, подкупом и шантажом привлекают на свою сторону приближённых к кагану камов и достигают главной цели — начала «жёлтого крестового похода». Развязка фильма происходит во дворце египетского султана, где встречается один из главных персонажей фильма — ювелир из Каракорума, и атабек султана Бейбарс. На этой встрече заключается договор о взаимной помощи...

ВЕТЕР ИСТОРИИ

Тюрки, рождаясь на свет, никогда не задумывались о предстоящей смерти. Своё рождение и свою жизнь они считали составными частями бесконечности. Как вечно само Небо, так и всё мироздание было для них вечным. У вечности не было ни начало, ни конца... О возникновении Земли существовали различные легенды. Небо же было безгранично и бесконечно. Бесконечна и безгранична была сила Неба, сила Тангри.

Христиане европейцы, уподобив Всевышнего человеку, заключив жизнь Бога в человеке, это ощущение вечности потеряли. Они разделили жизнь человека на земную часть и загробную, последней придав безграничность и бесконечность. Европейцев всегда пугала безысходность человеческого существования, и, засомневавшись в вечности бытия, они стали искать начало Вселенной и предвещать её конец. Расплодилось множество философских концепций, как отрицающих Бога, так и доказывающих его существование. В результате тщетных поисков европейская цивилизация приходит к мысли о том, что «если бы Бога и не существовало, то всё равно его надо было бы выдумать».

И христианским, и мусульманским народам всегда приходилось доказывать, что всему в мире есть начало и конец и что началом и концом ведаёт Бог. Эти мировые религии давали людям ответ на вопрос, что станет с человеком после его смерти. Согласно этим религиозным догмам этих религий Смерть отводила человека в Вечность. Но вечность человеком не изведена, не прощупана. И убеждение в загробном существовании оказывалось зыбким на аргументы. Неподвластность вечности человеческому разуму приводила и приводит людей к атеизму. Люди миллион раз убеждались, что тело — умирает, кости гниют, превращаются в прах. Что остаётся? Душа? А есть ли она? Это извечный вопрос бытия, он возникает и у христиан, и у мусульман. Религия решает вопрос просто: раз человек сомневается — он грешник, а если не

верует в Бога — грешник вдвойне, втройне... Но сам вопрос остаётся, он извечен и живучее самой веры...

Тюрков этот вопрос не волновал. Тюрк родился — значит, так хотело Небо, Тангри. И рождение это могло быть не первым. Смерть считалась переходным моментом из одного состояния в другое. Миропорядок подразумевался примерно такой: «Я был где-то, меня нашли, как будто в огороде, в воде, в лесу, в степи. Но, естественно, что меня носили в утробе матери, меня родила мать, мне отрезали пуповину и закопали её возле родного дома в землю. У меня есть отец, который желал иметь меня. Моего рождения хотел мой род, мой народ. Они просили Небо о моём рождении. Я рождён, чтобы стать достойным человеком, лучше всего героем, батыром. Я должен завоевать славу, совершить подвиги, иметь красивых жён, богатство, воспитать по своему подобию детей. Когда этого захочет Небо — я закрою глаза и замру. Замру до тех пор, пока Небо меня не вернет к жизни. Для повторного рождения мой род, мой народ должен просить Небо — и Небо, если захочет, то вернет меня...» Конструкция миропорядка для тюрка была предельно проста. Проста и понятна.

Хотя, как уже говорилось в книге, этот миропорядок пополнился своеобразной духовностью, нравственными принципами, а также суевериями; в нём существовали божественные персонажи и сверхъестественные силы. Каждый род, каждое племя имело своих добрых и злых гениев, отдавало предпочтение своим богествам, выдумывало их, по-своему отправляли ритуалы. Только основополагающая конструкция тенгрианства была одна и неизблема. Если умирал настоящий герой, прославленный батыр, то весь народ складывал о нём песню и просил скорейшего возврата его на землю, к погоям. Народ пел и молил Тангри вернуть ему Эр-Таргыла, Копланлы, Эдиге, Мусса-бия, Орака и Мамайя, Казыя и Карасая. Слабый человек вызывал сожаление. Ничтожество необходимо было предать забвению. Очень справедливо! Никаких ухищрений! Никто не сможет обмануть ангелов, хитростью или через посредство какого-нибудь праведника переправиться через мост Сират в рай. В аду не будет возможности получить помилования. Прямо на земле, во время данной жизни, человек сам должен определить своё будущее. Степняку не давалось времени для ожидания судного дня, не было возможности замолить свои прегрешения. Он чётко знал, что нельзя совершать дурного, а если вдруг делал это, то знал, что осуждение неминуемо и прощения не будет никогда. Это примитивное мировоззрение исключало всякие сомнения и закаляло целеустремленность и прямоту в характере. Поэтому, кочевники, не отличавшиеся особенными физическими данными, в малом числе побеждали превосходящие

их войска, брали натиском неприступные города, покоряли густонаселённые страны. Кочевник одним своим видом внушал страх противнику, гипнотизировал его. Арабский автор Ибн-аль Асир приводит яркие примеры о силе внушения чингизидских воинов: «Так, например, рассказывалось, что один человек из них заехал в деревню или улицу, где находилось много людей, и, не переставая, перебил их одного за другим, и никто не решился поднять руку на этого всадника. Передавали мне, что один из них схватил человека, и так как при татарине не было чем убить его, то он сказал ему: «Положи голову свою на землю и не уходи». Тот и положил голову на землю, а татарин ушёл, принёс меч и им убил его...»

Во время описываемых событий, как уже неоднократно говорилось, в Великую степь со всех сторон проникали проповедники монотеистических религий. В силу своего мировоззрения кочевники были терпимы к священнослужителям и даже питали к ним уважение. Попам и муллам никогда не запрещалось проинкать в эли номадов. Одни степняки по убеждению, другие — из-за корыстного любопытства могли находиться в лоие любой религии. В ханствах разрешалось строить церкви и мечети, распространять религиозную литературу, публично вести проповеди и ритуалы. Иногда казалось, что миссионеры достигали своей цели, т. к. бывало, что правители объявляли свой эль, ханство христианским или мусульманским, но, как свидетельствуют очевидцы, даже в XVII—XVIII веках номады были плохими христианами или мусульманами. В исторической литературе единодушно отмечается, что степняки оставались и остаются язычниками, и таких характеристик предостаточно о ногаях, о казахах, о киргизах и о других народах с кочевническим прошлым. Суть этого язычества было общее тенгрианское мировоззрение, которое сплывало все кочевые народы с древнейших времён.

Мне трудно согласиться с идеологической стороной так называемого «жёлтого крестового похода». На этой формулировке — «жёлтый крестовый поход» — настаивает Лев Николаевич Гумилёв. Может быть, направление ранее задуманного западного похода изменилось из-за тамплиеров и христиан, живших в Каракоруме. Несомненно, что у христианина Кет-Буги и у Докузахатун, жены Хулаги, было огромное желание завоевать Иерусалим, освободить святой город от мусульман. Однако навряд ли чингизиды Менгу-хан, Бату-хан, Хулага и другие руководствовались религиозными мотивами. В среде высшей власти в это время шла речь о конкретном покорении мира.

Завоевания распространялись на два фронта. Войска под командованием Великого кагана продолжали войну в Китае, покоряя империю Сун. В 1259 году в военных действиях скончался

Менгу-хан. Когда это известие дошло до Хулаги, он вынужден был основаться в Иране, выставив для продвижения в Палестину 20-тысячный корпус под командованием наймана Кет-Буги. Хулагу боялся за свой тыл. В это время начал разгораться конфликт между ним и ханом Золотой Орды Берке. При Бату-хане за участие в завоевании Багдадского халифата Золотой Орде были отданы территории Закавказья. Вскоре, после падения Багдада, Бату-хан умер, через год смерть настигла и занявшего трон в Сарае его сына Сартака. Новым ханом Золотой Орды, согласно удельно-лествиичной системе передачи власти, стал его брат Берке. Когда начался «жёлтый крестовый поход», Берке весьма нелестно высказался по поводу изменения политики чингизидов. «Мы возвели Мунке-хана (Менгу-хана — *И. К.*) на престол, а чем он воздаёт за это? Тем, что отплачивает злом нам против наших друзей, нарушает наши договоры... и домогается владений халифа, моего союзника... В этом есть нечто гнусное!» Это высказывание приводится в книге Л.Н. Гумилёва «В поисках вымышленного царства» [30, 186], оно характеризует обстановку и говорит о том, что среди правящего клана не было единодушия. Само же высказывание заканчивается таким резюме Л.Н. Гумилёва: «А убийство племянника и казнь жены брата Берке (при восшествии на трон Берке убил и жену Бату) гнусным не считал».

Новый волжский правитель испытывал ненависть к Хулаге, но вынужден был подчиняться Верховному кагану, а поэтому продолжал поддерживать войсками войну в Передней Азии, одновременно требуя золотоордынские территории в Закавказье. Однако Хулагу не считал нужным отдавать Берке то, что передал Бату-хану. Кстати, вражда между чингизидами Ирана и Золотой Орды будет продолжаться более ста лет и закончится при завоеваниях среднеазиатского Тимура.

В трудах Л.Н. Гумилёва подробно описана международная обстановка и события на Святой земле во время вторжения корпуса Кет-Буги. Беря за основу факты из трудов учёного, я не буду особенно увлекаться всеми подробностями этой интереснейшей эпохи. Бесспорно, читать Гумилёва нужно. Для меня в этой главе важно только одно — это участие золотоордынских войск в военных операциях на Ближнем Востоке. Вопрос абсолютно не исследованный, а, как выяснится в дальнейшем, очень актуальный для ногайской истории.

Итак, крестоносцы повели себя открыто враждебно в отношении чингизидских войск. В это время европейское воинство хотя и не владело самим Иерусалимом, однако удерживало на побережье мощные крепости Тир, Сидон и Акру, а на самом Средиземном море хозяйничал венецианский и генуэзский флот. Крестонос-

цы — это в основном тамплиеры и иоанниты — открыто стали призывать весь христианский мир к борьбе с «монгольскими чертями». Владелец Сидона (современная Сайда в Ливане) граф Жюльен без всяких причин перебил небольшой коинный отряд степняков, среди убитых оказался племянник наймана Кет-Буги. В ответ Кет-Буга разгромил Сидон.

В июле 1260 года мамлюкская конница султана Египта Кутуза и командующего армией атабека Бейбарса совершают переход через Синайскую пустыню. У Газы мамлюки разбили один из оборонительных отрядов Кет-Буги и вошли на земли крестоносцев. В Аккре тамплиеры снабдили мамлюков продовольствием и дали возможность отдохнуть. Мамлюки, беспрепятственно пройдя через Иерусалимское королевство, вышли в тыл чингизидскому войску. 3 сентября 1260 года состоялась знаменитая битва при Айн-Джалуде. По мнению Л.Н. Гумилёва, роковая для всей последующей истории человечества. Победа мусульман вдохновит поклонников этой религии. Ислам начнёт распространяться с ускоренной силой, и через некоторое время во всех странах Ближнего Востока, Передней и Средней Азии мусульманство станет главной религией.

Но для нас, как уже говорилось, в этой битве важно другое: исторические кипчаки Кутуз и Бейбарс взяли реванш за тридцать лет поражений у чингизидов. Из-за того, что был убит конь, предводитель Кет-Буга попал в плен. Мужественный найман в плену вёл себя дерзко. Он не стал просить о спасении, а обвинил Кутуза в том, что он совсем недавно предательски убил своего господина султана Айбека и занял его место. Наймана казнили, отрубив голову. В битвах на Святой земле большую популярность в мамлюкских войсках обрёл атабек Бейбарс, что не могло не задевать самолюбия султана Кутуза. Через два месяца после битвы при Айн-Джалуде Бейбарс опередил своего хозяина и лично сам зарезал султана, став правителем мамлюкского Египта.

10 декабря 1260 года мамлюки при Хомсе разбили посланное Хулагой иновое чингизидское войско и отогнали завоевателей за Евфрат. Разбив чингизидов и их союзников армян, мамлюки иачинают преследование христианского населения. Предавшие участников «жёлтого крестового похода» крестоносцы остались наедине с мамлюками. Они продержались в береговых крепостях до 1291 года, а после этой даты вынуждены были все до единого покинуть Святую землю. Л.Н. Гумилёв даёт такую оценку действиям тамплиеров: «С 1307 по 1313 г. длился жуткий процесс тамплиеров, обвиненных в поклоении Бафомету, поругании святынь и множестве других грехов, в которых они виновными себя не хотели признавать. Но вспоминали ли они в промежутках между пытками,

прикованные к стенам французских застенков, что именно благодаря их ордену, деянию их предшественников было уничтожено христианское население Сирии, убиты врагами пришедшие к ним на помощь союзники и благодаря этому всему навсегда потеряна цель крестовых походов — Святая Земля. Но если даже эти мысли не приходили им в голову, то логика событий была такова, чтобы враги друзей своих шли на костёр, приготовленный для них их же делами» [30, 186].

Мне думается, что вряд ли тамплиеры вспоминали о погубленном христианском населении или о союзных кочевниках, т. к. они изначально прибыли на Святую землю, только лишь прикрываясь христианской миссией, а на самом деле имели совершенно иные цели. Возможно, что тамплиеры исчерпали все явные возможности для осуществления целей ордена. Такая мысль у руководителей ордена могла возникнуть при близком знакомстве с мощью империи Чингит-хана, ее победоносностью. Поэтому был брошен клич о борьбе с «монгольскими чертями» и оказана поддержка египетским мамлюкам. Сами же руководители, вызвав на орден репрессии, превратились в тайную организацию, чтобы в дальнейшем скрыто управлять миром. Нам нельзя забывать и о том, что часть поверженного чингизидами ордена исманлитов нашла приют в Египте, у Бейбарса.

В 1262 году до Египта доходит известие о том, что золотоордынский Берке-хан принял мусульманство. В это же время Берке-хан шлёт своим военачальникам, входящим в армию Хулагу, предписание вернуться домой или переходить на сторону мамлюков. Золотоордынские военачальники перешли на сторону мамлюков. Между султаном Египта Бейбарсом и Берке-ханом, а также его беклербеем Ногаем начинается оживленный обмен посольствами, сохранились тексты посланий Бейбарса и Ногаю друг к другу.

По сообщениям Рашид-ад-дина, отношения Берке-хана и Хулагу особенно накалились после смерти в стане ильхана золотоордынских полководцев Кули, сына Орды, и Тутара, сына Минкадара. Последний приходился племянником беклербею Ногаю. В стане Берке-хана заподозрили, что Хулагу, прочитав про отъезд золотоордынских войск, приказал отравить чингизидов. Месть — это серьёзный повод для вступления в войну. Берке-хан, хотя имел для вражды религиозные и корыстные побуждения, призвал Ногаю для того, чтобы он отомстил за близкого родственника. Беклербей собрал 30-тысячное войско, прошёл через Дербент и остановился на полступах к Ширвану. Хулагу встретил противника с ешимостью и вынудил ногайское войско отступать. На Тереке армия Хулагу захватила ставку Берке с имуществом, жёнами, продовольственными запасами. Полководцы и воины предались разгулу. Ногай же

وفها (یعنی فی سنه ٦٦٩) ورد كتاب من یسو نوغای قریب الملك بركة وهو اكبر مقدمی جيشه نسخه صدر هذا الكتاب من یسو نوغای الى الملك الظاهر احمد الله تعالى على ان جعلني من جملة المسلمين وصيرني ممن يتبع الدين المستبين وبعد فان كتابنا هذا مشتمل على معنيين احدهما التحية والسلام منا اليك والثاني انا سمعنا من اربوذا انه لصدق عهده مع ايننا بركة خان استخبر عن اولاده واقربائه ومن اسلم منهم فلما اخبرنا بهذا الخبر اجلبنا المحبة للملك الظاهر الوفي بالعهود وقلنا ما استخاره عنا الا الحجة في الاسلام وصدق نيته في تجديد العهد وكتبنا هذا الكتاب على يد ارتمور وتوق بنا معلما انا دخلنا في الاسلام وانا بالله وبما جاء من عند الله وبرسول الله فليشق بما قلناه ونسئ بسنة ايننا بركة خان وتبوع الحق وتجنب البطلان ولا يقطع ارسال المكاتبه فحن معك كالانامل لليد نوافق من يوافقك ونخالف من يخالفك. وكتب جوابه : صدرت هذه المكاتبه الى ساي مجلس

العزيز الاميل المجاهد في سبيل ربه المستضي نور قلبه ذخرة المسلمين وعون المؤمنين يسو نوغای عمر الله قلبه بالايان وجعله من امر ذيباء واخراء في امان وعامله بما عامل به التابعين باحسان نعلمه بورود كتاب منه سر السمع والقلب وحكم للتوفيق بالقلب ووجدناه مقصورا على افهام ما هو عليه من صحة الاعتقاد والاقتناء لأر الملك بركة خان في اجتهاده في الدين وجهاده المشركين وهذا كان عندنا منه امر لا يترك مثله ولا يلغى وقد تلونا قوله تعالى ذلك ما كنا نبغي وحدنا الله تعالى على ان كثيره حزب المؤمنين وجملة في ذلك الجانب مبتلا لقتال الكافرين وقد علم ان الرسول جاهد عشيرته الاقربين وانكر على من رضى ان يكون مع القاعدین والقصد التذكار بذلك وابلاغ التحية لمن في الجانب المحروس بمن نور الله بصيرته حتى اهتدى للحق واقتدى بالملك بركة خان رضى الله عنه في جهاده وداوم على الجهاد الذي كتب الله لنا اجره في الغرب ولهم اجرهم في الشرق حتى نكسر شوكة الكفار وسيعلم الكفار لمن عقبى الدار ونخذل انصار المشركين وما للظالمين من انصار وتمته تفسم الاشلاء على التار والاغراء بهم .

Письмо Ногай Бейбарсу из книги «Ногайские турки»

неожиданно вернулся и разбил войско ильхана. В этом сражении Ногай был ранен и потерял глаз. В 1265 году новый ильхан Абака возглавил новое войско и пошёл к границам Золотой Орды. Отважный Ногай выступил против войск ильхана и выиграл сражение...

В 1261 году греки изгнали крестоносцев из Константинополя и возродили Византийское государство. В 1264 году в результате мятежа Кублай-хан стал верховным каганом. Он лишил Каракорум звания столицы и перенёс ставку империи в Пекин. Восшествие Кублай-хана на престол вызвало много возмущений среди чингизидов, произошли крупные военные столкновения с недовольными принцами Арик-Бугой, Хайду и Ная. Берке-хан использовал создавшуюся ситуацию, отказался платить дань в ставку Верховного кагана и сделал Джучиев улус самостоятельным государством. При нём расстроился город Сарай, он привлёк туда лучших строителей и ремесленников, привлёк художников и учёных, так что вскоре Волжская столица стала одним из известных на Востоке культурных центров. Несомненно, что культурному расцвету способствовали дружественные отношения с развитым Египтом.

В 1265 году по просьбе Бейбарса Берке-хан отправил беклербея Ногая завоевывать Константинополь. Поводом для войны послужило влечение Михаилом Палеологом прибывшего к нему за поддержкой сельджукского султана Иза-ад-дина. Ногай к тому времени развернул бурную деятельность на Балканах. Находящиеся под его влиянием болгары поддержали поход Ногая. Войско беклербея Золотой Орды внезапно напало на войско византийского императора и разгромило его в пух и прах. Михаил Палеолог, бросив разбитое войско, едва успел добраться до берега Мраморного моря, а оттуда на лодке переправился в Константинополь. Император выполнил условия Ногая: выдал сельджукского султана Иза-ад-дина со свитой и его казной.

Кажется, после этого похода, на правах победителя и в продолжение дальнейшего союза Золотой Орды и Византии, беклербей взял себе в жёны дочь Михаила Палеолога Ефросинью. Под власть Ногая, победителя императора Византии, попали огромные территории: от предгорий Карпат до Северного Кавказа, Поднепровье, Крым, Донские степи. Столица орды Ногай располагалась в низовьях Дуная в городе Исакчи. Я думаю, что название города идет от имени беклербея: Есу или Ису. В переписках с египетским султаном имя его пишется как Есу Ногай. Он, будучи чингизидом, кажется, носил имя своего прапрадеда, отца Чингиз-хана, Есугея. После военных действий в Закавказье и Византии он расширяет сферу своего влияния в нескольких направлениях. Одна из дочерей Ногая вышла замуж за великого князя Смоленского и Ярославского Фёдора Ростиславовича. В русских княжествах к нему обращают-

ся, как к «судье», его войска совершают походы на Венгрию и Польшу, в Балканских странах он сам назначает правителей. Особенно его влияние усиливается после смерти Менгу-Тимура, когда в Сарае престол занимает молодой царевич Туда-Менгу. Молодой хан увлекался мистикой и суфизмом и по своему складу характера был далёк от государственных дел.

Н.М. Карамзин, описывая время правления Ногая, восхищается военной доблестью и волевыми качествами хана. Многие историки приписывают Ногаю ханское звание, хотя по положению он подчинялся правителю в Сарае. Но это звание вполне подходило ему, т. к. судьба обширной западной части Джучиевого улуса находилась в его руках. Туда-Менгу, не имевший пристрастия к власти, уступает настояниям своего брата Толы-Буги и передает ему правление государством. Ногай всячески пытается воздействовать на молодого хана, пытается на него влиять, однако успеха не достигает. Тогда он начинает поддерживать другого претендента на престол, Тохту. Ногай и Тохта, заманив в Степь Толы-Бугу с братьями, убивают их и совершают переворот. Но и при правлении своего ставленника Ногай пытается управлять государством. Тохта сопротивляется, возникает новый конфликт, вызывающий гражданскую войну. В первом сражении на Дону Ногай разбил войско Тохты. Оправившись от поражения, хан Золотой Орды собирает новое войско; некоторые эмиры предают Ногая и переходят в новое ополчение Тохты. Во втором сражении, состоявшемся в 1300 году, удача переходит к хану Золотой Орды. Н.М. Карамзин по этому поводу пишет: «Сей славный Ногай в тот самый год, как Дюденево войско злодействовало в России, был побеждён ханом Тохтою и найден между убитыми». Примечательно, что русский историк характеризует знаменитого беклербея такими эпитетами, как «славный, гордый, храбрый».

Имени Ногая значительное место уделяется и в персидских, и в арабских, и в европейских хрониках. Во всех этих сообщениях отмечаются его отменные полководческие способности. Он сыграл огромную роль в ослаблении государства ильханов. После поражения от Ногая ильхан Абака обратился к римскому папе Клементу IV с просьбой организовать крестовый поход против мамлюков, затем было ещё одно обращение к папе Николаю III, но отцы западной церкви не поддержали восточных христиан. Заключив династический брак с дочерью Михаила Палеолога, Ногай неоднократно выполнял просьбы византийского императора. Он оставил заметный след в истории таких государств, как Болгария, Сербия, Македония, Польша и Венгрия. В 80-е годы XIII века он провел ряд энергичных военных акций в этих странах, в результате чего правители, например, Болгарии и Сербии признавали себя его вассалом.

Даже после смерти Ногай его сыновья сохраняли власть на Балканах. Однако между ними не сложилось согласия, начались распри, приведшие их к гибели. По одним сообщениям, мать сыновей Ногай Хани (в летописях Рашид-ад-дина — Чуби), принимавшая активное участие в политической жизни государства и при жизни мужа, вместе с младшим сыном Теке хотели уговорить старшего Шоку (Джеку) прекратить вражду и пойти на поклон Токте. Шока от этого предложения пришел в ярость и в порыве гнева убил свою мать и брата. По другим сообщениям между братьями произошли военные столкновения, в которых Шока убил брата, а затем и сам пал от рук людей Токты. Хан Золотой Орды Токта разделил владения Ногай на две части и поставил там править своих сыновей. Сильная Орда Ногай прекратила свое существование. Яркие сторонники беклербея были казнены. Особо склонные к мятежу племена были истреблены или же переведены в другие места. Об этом речь пойдет ниже...

Правление Ногай оставило глубокий след в памяти населения страны и, прежде всего, костяка его Орды. Ядро его победоносного войска состояло из кочевников, прошедших огромные расстояния из одного конца Великой степи в другой. Ногай управлял Ордой более полувека, за время его правления родились новые поколения хитов, мангытов, найманов, кирентов, конгратов и других природных соотечественников беклербея, которые и его походах тесно сплотились с местными кочевниками: остатками половцев, асов, печенегов и других. Их объединяли общие победы и суровые испытания в войнах. Люди, служившие беклербею, и их потомки не могли забыть своего легендарного полководца. Поэтому они ещё при его жизни с гордостью произносили: «Биз Ногайдынь адемлери!» т. е. «Мы люди Ногай!» В 1285 году венгерские источники воинов Ногай называли ногайскими татарами. Такая хари зматическая личность могла дать самоназвание целому народу.

Происхождение самого этнонима *ногаи* связано с различными версиями. Некоторые из них я уже привёл.

Одной из наиболее убедительных видится это схема Д. Айтмуратова: архетип слова ногай как плеть, в дальнейшем обозначающее судьбу, наказание. Я склонен к тому, что беклербей носил титул Ногай, судьбы, а настоящее имя у него было Есу. Кстати, этот титул мы встречаем после смерти Ногай в восточном крыле Джучиевого улуса у потомков Орды и Шибана. Я думаю, что этот титул беклербей получил на западе от живущих в устье Дуная и в Добруджских степях кочевников, а им он достался от печенегов.

В книге я уже рассматривал происхождение этнонима *печенег*, мне же не даёт покоя написание этого этнонима в византийских хрониках как *пацинаки*. Под этим написанием можно увидеть на-

звание, состоящее из двух слов: патша-ногаи, означающее — царственные ногаи. Слово патша в ногайском языке означает царь, в нём присутствует опять-таки айтмуратовский архетип: бече, бежен — вить, плести. Названия *царственные ногаи*, *царственные судьбы* вызывает ассоциацию с более древними кочевниками — царственными скифами, тоже жившими в придунайских степях. Происхождение этнонима ногай с названием печенегов увязывал американский исследователь Х. Ховорт.

Существует и почти невероятная версия о происхождении этнонима ногай от имени библейского персонажа Ноя — Нуха, Нухая. Я сомневаюсь, что может быть увязка с библейским именем, но имя Нухай бытует у многих тюркских народов. Возможно, что это имя имеет более позднее происхождение и представляет собой двусоставное слово: нук-айы, означающее объединяющее божество (по-древнетюркски словом айы называется божество, святыня). Ассоциативная связь этнонима ногай с именем пророка Нуха сама по себе очень занимательна, тем более если учитывать, что среди потомков Нуха значится сам Тюрк. В связи с этим я вспоминаю, как при встрече со мною русский поэт Владимир Ерофеев, стихи которого я приводил в книге, обнял меня и восторженно произнес бытующую на астраханской земле замечательную поговорку: «Ногай баласы — Кудай баласы», переводимую как «Ногай дитя — Божье дитя».

Я уже приводил версию и о том, что этноним ногай может быть связан также с монгольским словом нохой — собака. Ногай-тангри — божественная крылатая собака, соединяющая людей на земле с небом, являлась тотемом ногайцев и многих тюркских народов. Слово ногай-птица сохранилось в древнерусской литературе.

В основе всех этих версий о происхождении этнонима ногай есть общность — информация о божественном начале. Поэтому вполне возможно, что само слово в древности использовалось как религиозный термин.

Большинство известных учёных согласно с тем, что название нашего народа могло возникнуть от знаменитого беклербея Золотой Орды Ногай. Но историков смущает появление названия *ногаи* почти что через полтора века после смерти беклербея на Востоке, на территории между Уралом и Волгой. В связи с этим возникают фантастические предположения, вплоть до того, что ногаи этнически разнились с населением Золотой Орды. Например, Л.Н. Гумилёв этногенез ногаев увязывает с гузами (огузами), он ссылается на то, что ранее на территории, где появились ногаи, проживал этот народ. Однако для выводов об этнической разнице между ногаями и основным населением Джучиевого улуса не имеется никаких оснований. Об этом говорит и сам ногайский язык, и составляющие

наш народ родовые подразделения и племена, полностью совпадающие с кочевым населением улуса Джучи (исключенные составляют башкиры и туркмены). Названия народов: ногай, казахи, узбеки возникли в XV—XVI вв. и первоначально носили политическое, а чаще и географическое значение. Но надо отметить, что ногаи раньше, чем казахи и кочевые узбеки, начали осознавать свою этническую общность, поэтому они и создали эпос о ногайских богатырях, который в силу единства языка и этнического родства распространился и среди них.

«ДАНЬ УВАЖЕНИЯ ПРОШЕДШЕМУ И ПОЩРЕНИЕ БУДУЩЕМУ»

Когда предыдущие главы, да и вся книга, были написаны, вышел в свет объёмный труд известного российского историка Вадима Винцеровича Трепавлова под названием «История Ногайской Орды» [44].

Этот учёный много лет успешно работает над ногайской проблемой. Он написал ряд фундаментальных работ и по истории кочевников Евразии. В «Истории Ногайской Орды» им широко использованы многообразные архивные материалы, приведены ссылки на труды российских и советских историков, на сообщения восточных и европейских авторов. В печати появились положительные отзывы на этот труд.

В целом я считаю В.В. Трепавлова серьёзным и вдумчивым исследователем. Но в последнем сочинении я заметил некоторую поспешность в суждениях и выводах, что в общем нарушает главный принцип исторической науки — объективность. У меня нет намерений исчерпывающе и подробно анализировать весь материал монографии, но по основополагающим выводам учёного хотелось высказать своё мнение.

Я думаю, что реконструкция этногенеза ногаев в книге достаточно аргументирована.

«Доминирует же ныне в науке точка зрения о ногаях (и позднейших ногайцах), — пишет ученый, — как народа в первую очередь кипчакского происхождения. Главным и, бесспорно, наиболее веским аргументом в пользу этого служит то, что ногайский язык (может быть, наряду с казахским) в наибольшей чистоте сохранил кипчакскую архаику» [44, 488]. Замечательно, что при этом выводе В.В. Трепавлов в основном ссылается на академический труд Н. Баскакова «Ногайский язык и его диалекты» (1940 г.). С сожалением хочется отметить, что мало кто из тюркских учёных, занимающихся родственной проблематикой, заглядывает в это превосходное исследование.

Я полностью согласен и со схемой возникновения ногаев, приведённой в книге «История Ногайской Орды», и хочется процитировать её целиком:

«В первой половине XIII в. кипчакские кланы оказались под властью монгольских завоевателей, став основным человеческим ресурсом для строительства джучидской и чагатайской улусной системы (прочие тюрки-кочевники — огузы, карлуки, уйгуры, народы Алтая — были немногочисленны по сравнению с ними). Дешт-и-Кипчак был поделен Чингисидами на нутаги (монг.), или юрты (тюрк.) — обширные зоны пастбищных угодий, предоставленные монгольским племенам. Считалось, что некоторая (едва ли значительная) часть степи, не охваченная этой развёрсткой, по-прежнему принадлежала покорённым монголами кипчакам, предкам будущего ногайского эля кипчак.

Неизвестно, сколько именно монгольских семей переселилось на казахстанские и поволжские просторы. Во всяком случае, средневековые источники оперируют совершенно мизерным числом по сравнению с туземными кипчаками — даже не десятками, а единицами тысяч. Естественно, кочевники-пришельцы в течение первых полутора столетий существования Золотой Орды и Чагатайского улуса ассимилировались в огромной массе местных жителей. Однако кипчаки практически утратили домонгольское племенное деление и стали обозначаться посредством этнонимов тех монгольских племён, в нутагах (юртах) которых им довелось оказаться. Кочевавшие в нутаге маигутов стали мангытами, в зоне хонкиратов — кунгратами, найманов — найманами, кирентов — керентами, или кереями. Относительно мирная и безопасная жизнь в империи Джучидов на протяжении второй половины XIII — первой половины XIV вв. имела благоприятные демографические последствия. Старые эли множились, делились и ветвились; появлялись патронимии, различавшиеся по именам патриархов (темирходжа, тогунчи-улы и т. п.) или по тамгам.

В таком положении оказалось население Дешт-и-Кипчака, когда случилась смута в Чагатайском улусе первой половины XIV в., Золотой Орды в XV в., когда был составлен первый вариант списка девяноста двух «узбекских» племён. Мангыты среди них не выделялись вначале ни знатностью, ни престижем. Но исторические обстоятельства привели мангытского лидера Эдиге к подножию джучидского трона. После многолетней эпопеи стычек и миграций Эдигеев эль получил (оттеснив кунгратов) приоритет в Деште. Между Волгой и Эмбой образовался Мангытский юрт. В него вошли полностью или частично кипчакские эли, подчинившиеся «Эдиге уругу мангытам».

Для XV в. незаметны проявления власти мангытских биев над

другими элями. Скорее всего, тогда Мангытский юрт представлял собой федерацию племенных общин, в каждой из которых имелась собственная правящая элита. Ведь формально мангыты, как и прочие племена, являлись подданными джучидских ханов левого крыла. Однако в конце XV — начале XVI вв. «хаким Дештн-Кипчака» Муса сперва фактически, а затем и формально избавился от сюзеренитета вышестоящих государей, став самостоятельным правителем. Мангытская знать начала открыто претендовать на управление всеми кочевниками. Источники молчат об этой коллизии, но ясно, что аристократы-немангыты без восторга воспринимали подобные поползновения.

Думается, что и этим также объясняется лёгкость завоевания казахским ханом Касимом Ногайской Орды на рубеже 1510—1520-х годов, когда большинство собственно мангытских улусов было вынуждено уйти на запад, за Волгу. После «реконкисты» и разгрома мангытами Казахского ханства они взяли в свои руки управление всеми элями. Верхушка этих элей оказалась окончательно оттеснена от власти (но едва ли истреблена: иногда в источниках первой половины XVI в. попадаются бни киятов, найманов и др.).

Во главе всех племенных улусов встали отныне мирзы из правящего эля мангыт. Поэтому ногаи и звались мангытами почти повсеместно на Востоке. Кипчакские кочевники с общим имением «ноган» несколько десятилетий пребывали под предводительством победителей-мангытов, сохраняя прежнюю структуру элей...

Монополизирование мангытскими мирзами управления всеми элями в начале 1520-х годов стало, очевидно, последним шагом в формировании этноинтегрирующего сознания у жителей Ногайской Орды, превращения слова «ногай» из политонима в этноним...» [44, 490—492].

Схема этногенеза ногаев обрисована довольно зримо и доступно. Но я специально не процитировал абзац до конца, т. к. в следующей фразе учёный утверждает, что название «ноган», до того как стать этнонимом, являлось, прежде всего, географическим и политическим понятием, обозначением Орды» и тут же добавляет, что для такого определения не имеется документальных подтверждений. Действительно, вопрос возникновения самого этнонима до сих пор остается открытым, в общем-то, этноним любого народа скрывает тайну своего возникновения. Однако мы с упоением ищем, строим всевозможные конъектуры.

В книге В.В. Трепавлова очень много достоинств и всё же, после прочтения её, лично я получить удовлетворения не смог. Прежде всего, считаю, что такое впечатление складывается из-за того, что книга написана очень осторожно, с оглядкой на появившееся в научном обороте множество всякого рода бездоказательных из-

мышлений. Автор почти что избегает возвышающих историю народа моментов, описаний биографий легендарных личностей. Ведь об Эдиге, Юсуфе, Сююмбийке, Дивее-мурзе, Кантемире, Петре Урусове, Иштереке предостаточно исторических, фольклорных, литературных работ. Кроме того, меня немало смутило интригующее обращение автора книги с этнической принадлежностью героев. В исторических документах конкретно говорится о том, что они ногаи, но В.В. Трепавлову понадобилось указывать только родовую принадлежность их. Разве правильно было бы, если, например, в «Истории государства Российского» постоянно акцентировалось, что Владимир Мономах и все остальные русские князья древней Руси являются скандинавами, варягами.

Я не согласен с проходящим через всю книгу основополагающим выводом В.В. Трепавлова о том, что первоначальные ногаи-мангыты появились из Бухарии, т. е. Чагатайского улуса. Поразительно то, что учёный в такой щепетильной проблеме опирается только лишь на устные предания позднейших времён. В одном из них, записанном в 1837 году на Северном Кавказе, говорится о том, что «предки ногайцев обитали прежде в Бухарии и были тогда идолопоклонниками: приняв ислам от «Султана Бабатукла», они перешли из Бухарии на реку Волгу, в нынешнюю Астрахаискую область» д3. В другом случае Трепавлов ссылается на устный рассказ старика в 1907 году, в котором информатор сообщал русскому исследователю (Пашину), «что ногайцы проживали в прошлом и вышли из Индии». На мой взгляд, эти устные рассказы отражают события XV—XVII веков, когда ногаи передвигались на правый берег Волги. Я бы правильно понял В.В. Трепавлова, если бы эти рассказы были увязаны с передвижением кочевников из Монголии в XIII веке. Но тут есть одна загвоздка: в исторических хрониках периода завоеваний Чингиз-хана и его преемников мангыты не указаны переселенцами в улус Джучи. Это для В.В. Трепавлова очень существенно. Хорошо — и для меня, и для других исследователей отсутствие мангытов вызывает вопросы. Но в этих скудных сообщениях о составе улуса Джучи не указываются ни конгыраты, ни найманы, ни кирейты, ни джалаиры, ни катаганы, которые играли большую роль в ранней и поздней истории Золотой Орды и Ногайской Орды. По мнению В.В. Трепавлова мангыты, заложившие основу ногайского народа, изначально жили в Чагатайском улусе.

Но дело в том, что по происхождению основателя ногайско-мангытской династии есть конкретная литература, которая древнее приведенных устных рассказов и письменно заверена в XVI—XVII вв. Это родословные князей Юсуповых и Урусовых, «берущих начало от Эдиге и его предков».

В.В. Трепавлов в своей книге использовал эти материалы, но на сообщения по данному вопросу почему-то не обратил внимания, а они, на мой взгляд, более достоверны, нежели поздние устные рассказы. Ногайская исследовательница Аминат Курмансеитова на основе русских дворянских родословных и книги Николая Юсупова «О роде князей Юсуповых» написала несколько научно обоснованных работ. Хотя я имею доступ к первоисточникам, я хотел бы воспользоваться данными А. Курмансеитовой. Автор статей «Князья Юсуповы» и «Князья Урусовы» — одна из немногих молодых исследовательниц, старающихся защищать ногайскую историю от научного мародёрства и потому бережно обращающаяся с историческими данными. Сейчас она много сил прикладывает для того, чтобы обнародовать письменную литературу, бытовавшую в древности у ногайцев.

Книга князя Николая Борисовича Юсупова называется «О роде князей Юсуповых, собранне жизнеописания их, грамот и писем к ним Российских государей с XVI века до половины XIX века и других фамильных бумаг, с присовокуплением поколенной росписи предков князей Юсуповых с XVI века». Само название говорит о том, что книга представляет огромную ценность для всей российской науки. А. Курмансеитова обращает внимание на сделанное Н. Юсуповым предуведомление к книге, т. к. в нём ярко выражена нравственно-этическая позиция автора. Для меня же представляет большой интерес литературный слог произведения, в котором проникновенно ощущается ясность мысли, образованность, высокий интеллект автора.

«Есть фамильные акты, — пишет русский князь Н. Юсупов, — которые по важности их нравственного и политического значения принадлежат истории. Это самое побудило меня озаботиться приведением в порядок древних столпцев, фамильных бумаг и грамот, дошедших ко мне от моих предков и переходивших от века в век в возрастающем числе.

Выражая нравы минувшего времени, отношение России к другим государствам, и распоряжение мудрых монархов, они свидетельствуют и доверенность, какую пользовались от них князья Юсуповы.

Забвение свойственно человеку, но здесь уже вступает в права История, заботливо собирая всё, что напоминает потомству события достопамятные. В сохранении их — дань уважения прошедшему и поощрение будущему» [46, 48].

Последнюю фразу цитируемого сочинения: «Дань уважения прошедшему и поощрение будущему», — я поставил заглавием к данной главе, ибо это один из превосходных постулатов и для историка, и для писателя.

Последующие цитаты из книги Н. Юсупова и работ А. Курмансеговой имеют прямое отношение к начатому разговору.

«Род князей Юсуповых, — пишет Н. Юсупов, — ведет свое начало от Юсуфа, могущественного владетельного князя Ногайской Орды, отца Казанской царицы Сююнбеки (Сумбеки), бывшего в сношениях с Иоанном Грозным и пересылавшимися с ними посольствами. По грамотам Иоанна к Юсуфу и Юсуфа к Иоанну, хранящимся в Московском государственном архиве, видно, что Юсуф был прямой потомок знаменитого Эдиге мангита, Тамерланова полководца, ордынского вождя и князя. Эдигей был признаваем потомком мусульманских Султанов, обладавших Дамаском, Антиохией, Меккою и пр.» [там же].

В ранней статье «Ярлык Токтамыш-хана и могущественный князь Эдиге» Аминат Курмансегова, обращаясь к родословной Юсуповых, сделала такую выписку: «В конце XVII века князь Иван Дмитриевич Юсупов представил в Разрядный приказ древний свиток своих предков, копию этого документа — «Список с древнего столица о роде Юсуповых» — в 1655 году заверил Абдулла Культеев (подчеркнуто мной — И. К.), и она хранилась в семейном архиве князей Юсуповых... Указание предков Юсуфа восходит до «Абубекира, правившего после Магомеда всем мусульманским родом», как сказано в акте. Но это был не Абубекир, тесть Магомета, после него правивший мусульманами, а сомнительный ему через три века Абубекир-Омра, князь князей и султан султанов, соединявший в лице своем правительственную и духовную власть. Это был верховный сановник исчезавшего в упоении нег и в роскоши калифа Ради-Биллага, представившего ему всю власть свою в духовном и светском значении. Потомки Абубекира-Омра были султанами и калифами, с царской властью в руках, в Дамаске, Египте, Антиохии, Медонме, Константино-граде, Кехбе и Мекке. Один из потомков Абубекира — Омры — переселился к берегам Азовского и Каспийского морей, где, по преданию, была его родина».

на (подчёркнуто мной — И. К.). За ним последовали верные ему многочисленные племена. По родословной Юсуповых у Термеса был сын Карапчи, у Карапчи сын Сламкая, у Сламкая — сын Каддырка. Сын Каддырка Кудлукай взял Кумкент и стал в Кумкенте царём. А сын Кадлукай Идегей взял у Джанибека юрт и стал на его месте царём, и от него, Эдигея князя, начинаются родословные ногайских князей и мурз» [45, 101, со ссылкой на книгу «О роде князей Юсуповых»].

То, что Эдиге был сыном Кутлы-кая (Кутлык-ия, Кутлуг-кая), совпадает с сообщением арабского историка Ибн-Арабшаха, совпадает с родословной, приведённой в «Сборнике летописей» Кадыр-Али-бека Джалаири, и с данными ногайского эпоса. Как уже говорилось, по сведениям персидских историков отца Эдиге звали Балтычаком, по данным турецких историков — Аланджаком. Эдиге был из рода маигыт — этот бесспорный факт подтверждается всеми родословными. В родословной русских князей Юсуповых

большое сомнение вызывает указанное имя сановника под именем Абубекира-Омры. По данным Кадыр-Али-бека первым в Дешт-и-Кипчак переселился отец Термеса Баба Туклас (ног. Баба Тукли Шашлы-ас). В Средней Азии Баба Тукласа считали потомком первого мусульманского халифа. Может быть, В.В. Трепавлов, да и другие учёные, правы, говоря о том, что фантастическое возведение предков Эдиге к мусульманскому халифу поиадобилось для придания легитимности правления над кочевниками, так как, не будучи чингизидами, клан Эдиге не мог властвовать в степном государстве. Конечно, может быть и так, если — если это не было родством по женской линии. Однако что для современных учёных казалось неправдоподобным, для монархов XVI века не представлялось фантастическим. Это мы видим по другой цитате из книги Н. Юсупова:

«В то же время, когда Иоанн Грозный отправил с дарами к

Юсуфу посланника Петра Тургенева, тогда же явились ещё два посольства: от хана Крымского и от Султана Турецкого (1549 — *И. К.*), надеявшихся привлечь к себе Юсуфа на помощь мусульманам.

Могущественный Солиман (Сулейман — *И. К.*), которого царствование было из самых блистательных в Турции, не только послал богатые дары Юсуфу, но ещё почтил его титулом: «Князь Князей и Султан Султанов», тем самым, которое усвоено было Абубекиром, эмиром эль-Омра. Это свидетельствует, что потомки Юсуфа не без основания выводили свое происхождение от царей...»

Я думаю, что окончательное прояснение мы можем обнаружить в родословной князей Урусовых, близких родственников Юсуповых.

«Граф А. Бобринский, — пишет в статье «Князья Урусовы» ногайская исследовательница А. Курманситова, — в книге «Дворянские роды, внесённые в общий гербовник Всероссийской империи» дал выписку из гербовника, где сказано,

что род князей Урусовых, как показано в справках Московской коллегии иностранных дел и Разрядного архива и в родословных книгах, происходит от ногайских князей. Предок сего рода Абабек-Керей сын Док был владетелем и потомком сего Абубека в древнейшие времена в Египте и в других местах были царями. Прошедший от сего рода князь Муса (правнук Эдиге — *И. К.*) владетель ногайских татар, оказал России верность во время нападения трухменского князя Амгурчя. У сего князя были дети: князь Юсуп, от него пошли князья Юсуповы, и князь Исмаил, который в царствование царя и великого князя Иоанна Васильевича равным образом охранял российские пределы от нападения крымцев и в верности России присягу учинил. Оный князь Исмаил имел сына князя Уруса, от коего произошли князья Урусовы и многие были в знатнейших чинах, именованы от российских государей князьями, жалованы были деревнями и другими поместьями и знакамн

монарших милостей. Все сие доказывается справкою архива Коллегии иностранных дел, Разрядного архива и родословной князей Урусовых».

Опять обращает на себя внимание то, что предки Эдиге были владетелями с древнейших времен в Египте. Но именно в данной родословной загадочный Абубекир указывается как Абабек-Керей сын Дока. Этот сановник был эмиром у Эль-Омра. У нас есть слабая надежда увязать Дока с мангытами. По истории создания

значительного ханства на Востоке мы знаем, что племя мангытов было опорой Чингиз-хана. Знаменитый глава мангытов Куилдар был поворотом августейшего владыки, он не жалел сил ради роста могущества своего хана и в конце концов отдал за него свою жизнь. Влияние Куилдара было столь велико, что Чингиз-хан после его смерти мангытам назначил специальный (сиротский) налог с добычи. Такими привилегиями редко пользовались даже чингизиды.

В преданиях и летописях о Чингиз-хане и его преемниках хорошо известно имя другого мангыта, его звали Дохолгу. Это может быть искажённое тюркское имя или же титул Док-улу (ток — сытый, улу — сын). Имя, титул в тюркском понимании соответствует и занимаемому посту Дохолгу, он был черби, командовал гвардейцами, следившими за продовольственными поставками ханской ставки и армии. Черби командовал тысячей мангытов. При Октай-кагане Дохолгу казнили. Кажется, его тысяча участвовала в западном походе под предводительством Бату-хана. Мне думается, что Бату-хан оставил при себе эту тысячу мангытов, а затем отправил их под командованием Тутара, сына Минкадара (брата Ногая), в войска Хулаги для участия в «жёлтом крестовом походе». Только таким образом мангыты могли попасть на Ближний Восток. Известно, что войска Хулаги под командованием наймана Кет-Буги завоевали Дамаск, Алеппо и остановились на подступах к Иерусалиму. Золотоордынские войска здесь получили приказ от Берке-хана вернуться домой или же переходить на сторону мамлюков. Впол-

не возможно, что кто-то из предков Эдиге в это время был поставлен управлять Дамаском, а затем, при переходе к мамлюкам, уже Бейбарсом поставлен управлять Меккой, Антиохией и другими областями.

В летописи Кадыр-Али-бека Джалаири родословная Эдиге повторяет родословную князей Юсуповых, но относительно двлѣнких предков есть дополнительные имена. По этой летописи у Абу-бекира было два сына: Керемет-Азиз и Желвл-ад-дин, последний

являлся отцом Баба Тукласа. У Баба Тукласа было четверо сыновей, по другим сведениям, говорит Кадыр-Али-бек, что их было трое, один из которых похоронен рядом с Каабой, другой в Крыму, третий — в Ургенче [47]. Как мы видим: и Крым, и Ургенч — это территория Золотой Орды. Дальнейшая информация о предках Эдиге одинаковая в родословных. Сын Баба Тукласа Терме переехал в Дешт-и-Кипчак и умер на родине. У Терме был сын Карачид, у Карачида — сын Ислам-кая, у Ислам-кая — сын Кадыр-кая, у Кадыр-Кая — сын Кутлы-кая, послед-

ний являлся отцом Эдиге.

Подача в летописи родословной Эдиге не только подтверждает родословные князей Юсуповых и Урусовых, но и говорит о какой-то достоверности в основополагающих фактах биографии предков. Легче было допустить, что предки Эдиге на самом деле, будучи курейшитами (родственниками пророка Магомета), выдали себя за мангытов, чтобы управлять этим сильным и воинственным племенем. Дело в том, что среди кочевой знати родословные очень ревниво изучались, гордые и спесивые мангыты ни за что бы не согласились чужака причислить к своей аристократии, будь он даже из семьи пророка. Предки Эдиге для возвышения среди мусульманского населения воспользовались их неведением, случившимся в результате отсутствия среди основной массы соотечественников, и свое недолгосрочное властвование в Дамаске, Мекке, Антиохии использовали в родословной для придания легитим-

ности. Хотя мы не имеем данных, но можно допустить, что в Сирии, Каабе или в другом месте состоялся брак мангытского бня на курейшитке (в этом нет ничего необыкновенного, т. к. к этому времени род курейшитов был настолько разросшимся, что проживал не только в арабских странах, например, правящая династия кумыкских шамхалов в Дагестане вела происхождение от этого святого рода), и это обстоятельство выставлялось близостью к халифам.

Известно, что Эдиге ревностно относился к мусульманской религии. По этому поводу предостаточно и литературных, и фольклорных сообщений. Он старался внедрить в стране шариатские нормы правления. Эдиге, как и Узбек-хан, запретил работорговлю мусульманами в Золотой Орде. В.В. Трепавлов приводит любопытную цитату из грамоты Муса-бия о своём родоначальнике: «Сего света держава на великих местех, счастливой осподарь, умной как Бюрека, ум ся о него родил, вере надежа, людем подпора, Богом возлюблен, а от людей почтен, над судьями судья (функция ногай — *И.К.*), а великие люди слову его были ради, иных осподарей был и салтанов — Едигеи князь» (грамота Мусы-бия Ивану III — Посольская 1484, с. 39) [44, 82]. В примечании учёный даёт пояснение, кто такой Бюрека. В нём он видит сподвижника и духовного наставника Хромого Тимура Береке, который был родом с Арабского Востока и принадлежал к саидам — потомкам пророка Магомета. «Возможно, пишет В.В. Трепавлов, — во время своих приездов в Мавераннахр, начиная с 1376 г., Эдиге познакомился со знаменитым богословом и беседовал с ним на политические и религиозные темы (так можно трактовать фразу «ум ся о него родил»)» [там же].

О том, что предки Эдиге имели родственные связи в арабских странах, может говорить и приведённое ранее сообщение из сочинения Амин Аль-Холи о том, что «в 1416 году в Египет прибыла жена Эдигея с 300 всадниками».

Хронологически родословные князей Юсуповых и Урусовых древнее книги «Родословная тюрков» Абдул-Гази Бахадура и сочинения Кадыр-Али-бека Джалаири. Столпцы, на которые опираются эти родословные, вывезены из Ногайской Орды первыми основателями русских дворянских фамилий Юсуповых и Урусовых в середине XVI века. Я склонен считать, что настоящим предком Эдиге являлся мангыт Абабек-Керей сын Дока, этот вельможа очутился на Ближнем Востоке во время «жёлтого крестового похода». Его сын Баба Туклас (думается, что это прозвище, так могли назвать богослова, человека с сакральными качествами) и внук Терме переселились к «берегам Азовского и Каспийского морей», которые по преданию являлись их родиной. Если мы

возьмем самый минимальный срок появления нового колена предков в 17—18 лет, то переселение на родину должно было произойти приблизительно за 80—90 лет до рождения Эдиге. Эдиге родился в 50-е годы XIV века (по Кадыр-Али беку Эдиге умер в возрасте 63 лет, годом смерти беклербея считается 1420 г. По Абдул-Гази Эдиге родился в 1352—1353 гг.). Тогда, значит, предок Эдиге Терме появился на исторической родине 70—80-е годы XIII века, т. е. во время правления Ногая. Продвижение в междуречье Волги и Урала могло состояться после разгрома Ногая (1300 г).

Я считаю, что у В.В. Трепавлова некорректна сама постановка вопроса. Непонятно, на каком основании он «искореняет» мангытов в улусе Джучи. Мангыты были в улусе Джучи и по одиночке, и в родовом объединении со времен Бату-хана. Представители мангытов, как и конгратов, киятов, салджиутов, джалаириков, дюрменов и всех остальных племён из коренного юрта при раскашивании раскидывались для надёжности и контроля во все кочевые народы. И Ногай, и Тохта, и потомки Орды и Шибана держали в повиновении покорённое население за счет представителей этих племен.

В.В. Трепавлов, а ранее и ногайский историк Б.Б. Кочекаев ставят под сомнение устоявшееся мнение многих учёных о перемещении подвластных беклербея Ногая с запада в междуречье Волги и Урала. Поэтому В.В. Трепавлову во что бы то ни стало хотелось доказать факт движения племени мангыт из Чагатайского улуса. Проблема эта очень серьёзная, но что интересно: ни Кочекаев, ни Трепавлов по существу не занимались проблемой передвижения подвластных Ногая на восток. А такие миграции были постоянно. Тут надо вспомнить, что в эпоху Ногая из-за того, что несколько тысяч кочевников по собственному волеизъявлению перешли от Тохты к Ногаю, возник первоначальный конфликт между ханом и беклербеем (Рашид-ад-дин). Такие перемещения были естественными и в мирное, и в военное время. Особенно массовый характер эти процессы приобретали в периоды мятежей и гражданских войн.

Первое перемещение подвластных Ногаю кочевников состоялось после разгрома мятежного беклербея в 1300 году. Хан Тохта во избежание процессов сепаратизма разделил улус Ногая пополам и поставил начальствовать в них своих сыновей. Самые строптивые кочевые объединения он переселил в левое крыло к потомку Орды Баяну. Второй раз крупные миграции кочевых племён в Золотой Орде состоялись после смерти хана Бердибека и прихода к власти мятежного Мамай (1359 г.). Бердибек, убив отца и братьев, сам не имел сына, чем оборвал ханскую линию от Бату.

Но до этого какие-то существенные перемены произошли в Золотой Орде. После смерти хана Тохты (1304 г.) государством долгое время правил Узбек-хан (умер в 1343 году). Годы его

правления характеризуются большой политической стабильностью и, возможно, наивысшим расцветом страны. Узбек-хан, в интересах сплочения моноэтнического государства, прилагал много сил для распространения единой веры. При нём бурно развивалась культура, архитектура; некоторые мечети, построенные во времена Узбека, сохранялись до последнего времени в Крыму, на Северном Кавказе. Золотая Орда оживлённо торговала со всем миром, бурно росли города, увеличивалось ремесленное производство. Узбек-хан установил тесные связи с ведущим государством мусульманского Востока Египтом, он породнился с султаном, отдав за него свою сестру. В Золотой Орде распространялась не только вера, но и принципы восточного управления, по эталону мусульманских городов начало совершаться административное обустройство. Среди оседлого населения успешно внедрялось шариатское судопроизводство. (Я не говорю о кочевниках, т. к. они и в более поздние времена придерживались народных традиций и закона Великого Ясака). Узбек-хан был властный и сильный правитель, поэтому не только находил общий язык с кочевой знатью, но, как и предшественники, опирался на народ-войско. Всех предводителей он держал в крепких руках. Во время правления Узбек-хана больших внутренних войн не было. Единственное надо отметить, что подчёркивал Л.Н. Гумилёв, это преследование христианского населения. При Узбек-хане многие знатные люди, не согласные менять свою веру, покинули ханство и нашли приют на Севере, в Московской Руси. Мне думается, что притеснения относились именно только к знати. Большинство христиан по-прежнему жили в городах и сёлах Причерноморья, Подонья, Северного Кавказа и Поволжья.

Проблема государственного устройства Золотой Орды при Узбек-хане плохо изучена в науке. Особенно вопрос престолонаследия. На мой взгляд, Узбек-хан, беря в пример Египет, пытался искоренить чингизидский принцип передачи власти: от брата к брату, а затем от дяди к племяннику. Хан Узбек был прозорливым государственным деятелем и, взойдя на трон, начал с истребления разросшихся в неимоверном количестве чингизидов. По некоторым сообщениям Узбек-хан убил 120 царевичей, или, как их ещё называли, огланов. Эта традиция передалась ближайшим потомкам Узбек-хана. Чтобы утвердиться во власти в Сарае его сыну Джанибеку пришлось убить двух своих братьев: Динибека и Хизирбека. А сын Джанибека Бердибек по кровожадности превзошёл предков: он прикончил больного отца, чтобы тот не смог изменить завещание в пользу других сыновей, а затем — всех своих братьев. Когда бабушка Тайдулла-хатун принесла к нему восьмимесячного брата, чтобы он его пожалел и пощадил, Бердибек взял младенца за

ноги и прикончил, ударив о землю. Всего три года процарствовал кроважидный Бердибек, а после его смерти в Золотой Орде объявился лжецаревич Кельдибек. Был пущен слух, что он — один из выживших сыновей Джанибека. Но вскоре Кельдибек был убит за своё отвратительное царствование...

Все эти события вызвали огромное недовольство знати. Главная военная сила государства — кочевники — мечтали о возврате прошлого, былого могущества. В Золотой Орде стихийно началось возрождение чингизидской традиции престолонаследия. Кочевое общество было потрясено зверствами Бердибека. Одновременно кочевники хотели восстановления былых прав. В кочевой среде знать назначала хана. Первую попытку совершил темник из племени князя Мамай. Держа при себе марионетку хана Абдуллаха, Мамай силой попытался взять в руки власть в Сарая, но поддержку получил только в западном крыле, которое само, в свою очередь, раздиралось внутренними этническими и религиозными противоречиями. О том, что этот Мамай не был популярен, кое-какие сведения сохранил ногайский фольклор. Его, например, в отличие от эпического Мамаю, жившего в XVI веке, ногайцы называли Кылый Мамай, т. е. Косой Мамай. Кстати, в русских летописях он называется теляком — зайкой (ног. *тилкау* — зайка). Для установления своей власти в Золотой Орде у Мамаю не хватило сил. Об этом наглядно говорит и Куликовская битва. Более серьёзное сопротивление Мамай мог встретить за Волгой, среди ногайских племён. Консервативная восточная часть Золотой Орды вдруг напомнила о себе. Поскольку она является главным войсковым крылом, Ак Ордой, то прерогатива в назначении хана должна остаться за знатью этого крыла. Восточные историки отметили неправомерное смещение крыльев в Улусе Джучи только во время «великой замятни» (так в русских летописях называется период быстротечной смены почти 20 ханов). Многие исследователи пытались найти причину этого явления. Наиболее правдоподобно объяснение известного русского учёного В. Л. Егорова. Рассуждения его достойны внимания, и я их хочу процитировать подробно.

«Общий принцип административно-государственного устройства Золотой Орды во всех основных чертах копировал систему, введенную в Монголии при Чингис-хане, которая базировалась на принятом в монгольской армии десятичном делении... — Далее В. Л. Егоров конкретизирует: — В соответствии с этим принципом основной стороной (передней) считался юг. Именно поэтому монгольские юрты всегда устанавливались дверью к югу (кстати, как и ногайские терме, а с переходом к оседлости и дома — И. К.). Противоположность составлял север, определявшийся как задняя сторона (ногайцы север называют словом керу, что означает обрат-

ная сторона — *И. К.*). В соответствии с этим запад считался правой стороной, а восток — левой. Так как владения Бату по отношению к местонахождению хана Орды располагались западнее, они и получили, в соответствии с традицией, название правого крыла Улуса Джучи, а земли, отошедшие Орде, — левого крыла. Согласно тем же традиционным представлениям монголов, каждая из сторон света имела свой конкретный цветовой символ. Юг обозначался красным цветом, север — чёрным, запад — белым, восток синим (голубым). Цветовая символика по отношению к разным крыльям Улуса Джучи нашла отражение в некоторых источниках, называвших владения Бату и его наследников Ак-Ордой, т. е. Белой Ордой, а владения преемников хана Орды — Кок-Ордой, т. е. Синей Ордой. Довольно большую путаницу в вопрос о соотношении этих названий, по отношению к правому и левому крылу Улуса Джучи, внесло сочинение Муин-ад-дина Натанзи, больше известное под названием «Аноним Искандера». В нём по отношению к владениям Бату ошибочно применено название Кок-Орда, а улус Орды назван Ак-Ордой. Специально занимавшийся разбором этого вопроса Г.А. Фёдоров-Давыдов доказал после скрупулёзного анализа широкого круга источников неправомочность такого отождествления. Ошибка Муин-ад-дина Натанзи в значительной мере связана с вторичным делением владений Бату на правое и левое крыло, т. е. по отношению к владениям Орды улус Бату являлся правым крылом, но, в свою очередь, он сам также имел внутреннее деление на правое и левое крыло. Сведения о существовании такого деления содержатся в арабских источниках, где упоминаются начальник левого крыла Маву и начальник правого крыла Тайра, занимавшие эти должности при Менгу-Тимуре. В источниках нет прямых указаний на место прохождения границы между правым и левым крылом Золотой Орды. Г.А. Фёдоров-Давыдов показал необоснованность мнения, что таким рубежом была Волга. Скорее всего, граница между двумя крыльями золотоордынского государства проходила в районе р. Яика» [48, 161].

С объяснениями известных историков мне хотелось бы согласиться, но не в отношении данных в труде Муин-ад-дина Натанзи. В любом делении, первичном или вторичном, владения Бату и его наследников чисто географически не могли быть Кок-Ордой, Синей Ордой, т. е. левым крылом. Указанные в «Аноним Искандере» земли в пределах Улуг-тага (Центральном Казахстане) или же местность Кара-тал в Джамбульской области, даже города Дженд и Барчкент на нижней Сыр-Дарье при вторичном делении Кок-Орды не могли стать правым крылом. В сочинении персидского историка мы видим конкретное соотношение, т. е. раздел всего улуса Джучи, а не вторичное деление крыльев. Поэтому я считаю, что

дело совершенно в другом. И ответ дает сам В.Л. Егоров, отмечая, что деления на крылья — это чисто армейское понятие «Таким образом, — пишет учёный, — в XIV в. традиционное деление на правое и левое крыло в Золотой Орде сохраняется только в отношении воинских соединений» [48, 161].

Неоценимый вклад в развитие исторической науки внёс русский учёный В.Г. Тизенгаузен. Крупнейшие историки давали самую высокую оценку его научной деятельности. Свой огромный труд по собиранию восточных сведений о Золотой Орде он делал по заданию богатейшего в России графа, любителя археологии и председателя Археологической комиссии С.Г. Строганова. Первый том, в который вошли сочинения арабских историков, вышел при жизни В.Г. Тизенгаузена. Второй том, в котором были труды персидских историков, вышел уже после его смерти. К сожалению, вызывает подозрение то, что собранные В.Г. Тизенгаузенем сведения обрабатывались, сокращались (и редактировались?) советскими учёными (А.М. Ромаскевичем и С.А. Волиным). Из-за такого отношения к источнику мы не можем наслаждаться ароматом оригиналов, чего не скажешь о первом томе, где остро чувствуется бережливое отношение к тексту самого В.Г. Тизенгаузена. Однако, несмотря на такие недостатки, попробуем выудить из второго тома необходимую информацию по данному вопросу. Текст «Аноним Искандера» начинается с запутывающего всех историков абзаца. На странице 127 второго тома «Материалов Золотой Орды» В.Г. Тизенгаузена напечатано буквально следующее:

«После этого (следует сноски подготовивших текст: «Перед этим автор и излагает историю потомков Джучи по Рашид-ад-дину, кончая поражением и бегством сыновей Ногай. Затем сразу, без упоминания о смерти Токты, идет приведенная нами часть») улус Джучи разделился на две части. Те, которые относятся к левому крылу, то есть пределы Улуг-тага, Сегиз-ягача (Сенгир-ягач) и Каратала до пределов Туйсена (Тюмени), окрестностей Дженда и Барченда утвердились за потомками Ногай, и они стали называться султанами Ак-орды; правое же крыло, к которому относятся Ибир-Сибир, Рус, Либка, Укек, Маджар, Булгар, Башкирд и Сарай-Берке, назначили потомкам Токтая и их называли султанами Кок-орды».

Мне думается, что автор «Анонима Искандера» ничего не путает и при этом предельно правдив. Изложенное в тексте наглядно говорит о том, что произошло перемещение людей правого крыла в восточную часть Улуса Джучи и они сохранили за собой право называться Ак-Ордой. А право это было почетным, давало привилегии при избрании главного хана Золотой Орды. Но в тексте довольно странно то, что указанная Ак Орда связывается с потомка-

ми известного беклербея Ногай. Ногай и его сыновья были убиты. Мне кажется, что к данному противоречию привели издержки перевода, и надо читать вместо «утвердились за потомками Ногай» — «утвердились за людьми Ногай». В связи с переселением кочевников с запада на восток в титулатуре потомков хана Орды появляется название Ногай. Так этот титул связывается с именем хана Ак Орды Сасы-Бугой. Титул Ногай ему присвоили переселившиеся с запада кочевники.

Давайте разберёмся, когда произошло это знаменательное переселение. По сообщениям Рашид-ад-дина Сасы-Буга являлся правнуком хана Орды, сыном Баяна. Баян же правил восточным крылом Улуса Джучи во времена Тохты и Ногай. Надо сказать, что в это время гражданская война происходила и на востоке улуса. Для того чтобы понять её истоки, надо напомнить о событиях, происходивших в той части Великой степи.

В 1260 году Кублай провозгласил себя Великим каганом империи, хотя у вершины власти должен был стать его младший брат Арик-Буга. Естественно, что это событие всколыхнуло чувства аристократии в коренном юрте, и поэтому в Каракоруме состоялась очередная курултай, на котором каганом был назначен Арик-Буга. Между братьями разразилась вражда, которая переросла в крупномасштабную войну и грозила вовлечь в конфликт все улусы империи. Берке-хан, чтобы не платить дань в Каракорум, сначала поддержал жившего в отдалении Кублай-кагана. А как выяснил, что Кублай-каган вступил в союз с его врагом Хулагой, изменил к нему своё отношение. Между двумя каганами состоялось несколько крупных сражений, в которых победителем оказался Кублай. Перенос столицы в Пекин особенно шокировал ветеранов войн, и в первую очередь жителей коренного юрта. Но в улусах, кажется, правители были довольны. Незадолго до своей кончины Берке-хан для поддержки войны в Китае отправил кагану войска из асов, русских и кипчаков, а ильхан Абага послал отряды из арабов, персов и турков. После кровопролитных войн с соотечественниками Кублай-каган возобновил войну с империей Сун и победоносно завершил завоевания в 1279 году. Победа широко отмечалась в новой столице, на праздник были приглашены владельцы всех улусов.

Однако, несмотря на огромные успехи Великого кагана, в империи мира не было. В 1275 году войну с каганом начал внук Октая Кайду. Он использовал недовольство кочевников коренного юрта, его поддержала кочевая знать Семиречья и чагатаиды во главе с Бораком, сыном Дувы. Кублай-каган отправил войска против Кайдуду под начальством внука Тимура. Основные сражения развернулись в Северо-Западной Манчжурии. В 1289 году Тимур оконча-

тельно разбил войска Кайду, глава оппозиции вынужден был сдать-ся в плен. Междоусобные войны не прекращались и в Джучиевом улусе. В правом крыле начались столкновения Токты и Ногая, а в левом крыле законный наследник внук хана Орды Баян воевал с двоюродным братом Кулюком (в летописях Кублюк). Главный хан Джучиевого улуса Токта, дав ярлык на правление, поддерживал Баяна. Кулюк же считал себя настоящим претендентом у власти левого крыла, его поддерживали агрессивные восточные чингизиды: Кайду из коренного юрта и чагатаид Дува. Баян 18 раз сразился с Кулюком. Рашид-ад-дин так пишет о Баяне, отце Сасы-Буги: «Баян (однако же) по-прежнему ведаёт большею частью улуса Орды; вследствие этих постоянных сражений (с Кулюком — И. К.) войско его обеднело: часть его — всадники, а часть — пешие, но он по-прежнему храбро воюет с врагом и у этой (ильхана Газана) стороны просит помощи деньгами» [25, 45].

Ханы чагатайского улуса изначально считали себя обделёнными при выделении им владений, они постоянно претендовали на восточные земли джучидов. Видимо, Кулюк в случае победы над Баяном обещал за поддержку чагатаидам кое-какие территории. Хан Токта хорошо знал, какие опасные последствия возникнут в результате ослабления крыла Баяна, но во время войны с Ногаем не мог помогать военной силой. Затем, после победы над Ногаем, в 1302—1303 гг., эта помощь была оказана, об этом сообщают послы Баяна к ильхану Газану. «Токтай — наш союзник и пришлёт войска. Он уже прислал два тумана с тем, чтобы они соединились с войском каана в Дерсу (в Дарше), так как пределы их области находятся близ области каана, а прежде даже прилегали друг к другу» [25, 44]. Эти слова приводит один из самых обстоятельных восточных историков Рашид-ад-дин. Два тумана — это двадцать тысяч воинов. Но надо полагать, что туманы были переданы на постоянное проживание, т. к. было в интересах единства государства держать постоянный контингент войск. Значит, в восточное крыло вместе с воинами были переселены и семьи. Если вообразить, что в каждой семье минимально было пять человек, то количество переселённых составит около 100 тысяч человек. Естественно, Тохта снимал с плеч и другую проблему, он ослаблял и одновременно расчленял мятежно настроенные ногайские племена в западном крыле.

Авторство «Анонима Искандера» тюрколог В.В. Бартольд приписывает Муин-ад-дин Натанзи. Произведение написано примерно в 1413—1414 гг. и было посвящено тимуриду Искандеру, сыну Омар-шейха, управлявшему Фарсом и Исфаганом в 1409—1414 гг. Автор сочинения был современником интересующих нас событий в XIV—XV вв. В произведении огромное количество тюркских и мон-

гольских слов, это обстоятельство побуждает учёных думать, что первоисточник был написан на тюркском языке. Наверное, поэтому в «Анониме Искандера» больше, чем в каком-либо другом персидском сочинении, конкретного исторического материала, касающегося восточного крыла Улуса Джучи. Вот некоторые выдержки из этого сочинения.

«В то время, когда взошёл на престол царь Тогрул, сын Тохты, современником его был Сасы-Бука, сын Ногая, правитель улуса Ак-орды. Он по-прежнему соблюдал правила подчинения и повиновения. Он правил 30 лет и за это время совершенно не сходил с большой дороги службы Тогрул-хану и Узбек-хану и не уклонялся ни от одного вызова и курултая. Таким же образом в совершенном единении он умер естественной смертью в 720 г. (12.11.1320 г. = 30.01.1321 г.). Могила его находится в богохранимом Сауране» [25, 129].

Во всех других источниках Сасы-Буга является сыном Баяиа, но в «Анониме Искандера» почему-то он указывается сыном Ногая. Мне думается, что такое могло случиться только из-за того, что Сасы-Буга выдвигался знатью правого крыла, ранее служившей Ногаю. В другом персидском источнике «Книга побед» Низами-ад-дина Шами имя сына Баяиа вообще названо как Сасы-Ногай. Такое прибавление к имени можно объяснить тем, что акордынская знать принесла с собой титул легендарного беклербея и так оказывала честь новому господину. Если выражение: «сын Ногая» читать по-тюркски, то можно понимать и как «сын народа Ногай» — «Ногай улы».

После Сасы-Буги Ак Ордой стал править его сын Эрзен (ног. *иершен* — последователь). В «Анониме Искандера» о нём пишется следующее: «По указу Узбек-хана он стал после отца его преемником и благодаря большим способностям ума и прозорливости знания проявил хорошую сущность (свою). В непродолжительное время степень его положения стала близкой величия Узбек-хана, однако он таким же образом проявлял повиновение и подчинение. Он был царём крайне умным, праведным, превосходным и богобоязненным. Большую часть медресе, ханака (скитов), мечетей и других благотворительных учреждений, которые находятся в Отраре, Сауране, Дженде и Барчкенте, устроил он. Благодатью своей справедливости и милости он сделал весь Туркестан образом высшего рая» [там же].

Такая характеристика деятельности Эрзен-хана почти точно совпадает с заметками выдающегося казахского ученого Чокана Валиханова. В XIX веке он писал: «Довольно странно и замечательно, что все почти кочевые народы среднеазиатских степей всё древнее приписывают ногаям и многие почитают их своими предка-

ми. Так говорят каракалпаки, дикокаменные киргизы, которые, судя по скудным фактам истории этого народа, особенного родства и сходства иметь не могли» [49, 208].

«Странно, — далее пишет Ч. Валиханов и о киргизском эпосе «Манас», — ногайцы замешаны во всех преданиях кочевников среднеазиатских. Ногайцы ташкентские упоминаются в эпосе «Манасе». Джанбек, Асан Кайгы (ногайский философ, поэт) известен и здесь» [49, 388].

«Предания о ногайцах замечательны тем более, что они общие для всех кочевых среднеазиатских племен. Киргиз-кайсаки (казахи — И. К.) тоже все развалины в южной и западной полосе своей земли приписывают тоже ногаям. Каракалпаки и башкиры также имеют притязание на ногаев. Пункт этот особенно достоин исследования, и я намерен говорить о нем более подробно в другом месте...» [там же].

Многие советские исследователи, в том числе и казахские, старались придать этим высказываниям мифическое и фантастическое значение, а больше старались забыть про них и нигде не цитировать. А на самом деле, оказывается, они имеют историческую подоплеку. Эрзен-хан правил в Ак Орде 25 лет и умер в 1345 году. Благополучные времена правления Сасы-Буги и Эрзена в общей сложности составляют более полувека. И за это время не только возросло экономическое благосостояние, но и почти втрое выросло население орды. Я имею в виду и переселенное население, которое стало основной военной силой восточного крыла. Этот народ-войско хранил в памяти имя легендарного беклербея Ногай. Эту память хранили и окружающие народы, оседлое население. В первую очередь окружение, зная прошлое этих кочевников, стали называть их ногаями.

После Эрзен-хана в Ак Орде ханом стал Мубарек-ходжа, но из-за своего жадного и несносного характера он продержался на троне всего шесть месяцев. После него трон Ак Орды достался Чимтаю, который пробыл ханом почти 17 лет. Именно во время правления Чимтая западные племена, переселенные ещё при Тохте, вспомнили, что они исконные представители правого крыла и что их воля должна превалировать в государстве. Естественно, был созван курултай, на котором решающее слово было за Чимтаем, который предложил кандидатуру своего брата Орда-шейха. Орда-шейх был избран ханом Золотой Орды. Но не так было просто править в крупнейшем городе мира Сарас, когда главные гонимые сторонники в другой части страны. Среди знатных и влиятельных людей нашлось много несогласных. После года правления Орда-шейх был убит. Тогда на новом курултае эмиры Золотой Орды на главный трон посадили Хызра, сына известного Сасы-Буги. Хызр в

Сарае правил тоже недолго, он был убит через год. Затем на трон Золотой Орды взойшёл другой сын Сасы-Буги по имени Албай (в «Анониме Искандера» Хальфай). Он провластвовал всего 9 месяцев. После Албая трон занял Тимур-ходжа, сын Орда-шейха. Он делал всем притеснения, вёл себя нечестиво, распутствовал, но держался у власти два года, затем был убит известным историей Мамаем, который всё это время устраивал смуты и пытался утвердиться в Сарае. Но аристократия Золотой Орды, особенно восточные правители, терпеть не могли Мамаю и его ставленника чингизида Абдуллаха. После Тимур-ходжи ак-ордынцы выдвинули на должность хана Мюрида, сына Орда-шейха. Он тоже продержался совсем недолго. За ним — Азиза, сына Темир-ходжи, за ним — Хаджи-хана, сына Эрзен-хана.

У правящего в Ак Орде Чимтай-хана сын Урус-хан ещё при жизни побуждал отца взойти на трон в Сарае. Однако Чимтай-хан не соглашался: или он понимал зыбкость восхождения на престол в Сарае и из соображений безопасности обеспечивал родственникам тыл в восточной части Улуса Джучи, или же ему по каким-то канонам нельзя было претендовать на верховную власть. После смерти отца Урус-хан на первом же курултае сообщил о своем намерении и снарядил войско для захвата Сарая. Урус-хан захватил Сарай и воссел на трон Золотой Орды. Он приложил много сил для удержания власти, продержался на престоле 9 лет и умер естественной смертью.

Тут надо сказать о том, что в Ак Орде, в отличие от западной части государства, из-за сохранения старых традиций не до конца были уничтожены ветви сыновей Джучи. Так, отец будущего хана Золотой Орды Тохтамыша Тойхожа был правителем Мангышлака. Тойхожа представлял ветвь последнего сына Джучи Тука-Тимура. Известно, что примерно в это время на Сыр-Дарье имел резиденцию и другой владетель по линии другого сына Джучи Шибана. В исторической литературе этот шибанид известен под именем Кара-Ногай. К сожалению, некоторые ученые (казахский исследователь Кузембайулы) связывают с ним название Ногайской Орды и этноним народа Ногай. Думаю, что это в корне неверно. Скорее всего, этому потомку Шибана был дан бытовавший в Ак Орде титул Ногай, а добавление Кара было дано из-за того, что правил он какой-то отколовшейся или же придаточной частью Ак Орды. При выступлении Урус-хана на Сарай отец Тохтамыша Тойхожа отказался идти с ним, за что и был казнён. Тогда Тохтамыш бежал и скрылся в Чагатаевском улусе, у Тимура. Среднеазиатский правитель дружелюбно принял молодого хана, всячески покровительствовал ему. После начала «великой замятни» Урус-хан фактически объединил Золотую Орду. Ему не подчинялся толь-

ко основавшийся в Крыму Мамай, который опирался на генуэзский капитал и вошёл в союз с Литвой. Конечно, в этот период кочевая знать, недовольная правлением Урус-хана, мигрируя из центральной части и правого крыла, находила приют в Крыму. Непоследовательно вела себя и знать больших городов, сосредоточенная на Волге, в Подонье, на Северном Кавказе и на берегах Азовского и Чёрного морей. В них проживали этнически и религиозно различающиеся народы, насаждённая со времён Узбек-хана кочевая знать обросла родственными и другими связями с местным населением, чисто из экономических позиций не хотела платить податей, не хотела и политической зависимости и всё более желала обособления. Урус-хану всё же удалось подчинить себе правителей, для чего он применял и силу, и уговоры, и подкуп. Однако эти правители были ненадёжны и в любой момент входили в сношения с мятежным Мамаем. Было очевидно, что в Улусе Джучи государственная система управления изжила себя. «Великая замятня» продолжалась и после смерти Урус-хана. За короткий срок у престола Золотой Орды сменилось ещё около десятка ханов. Среди них известны такие имена, как Токтакия, Тимур-Мелик, Науруз, Черкес, Базарчи, Кутлук-ходжа и др.

Нетрудно было уразуметь, что многочисленные члены монаршего рода никогда не уживутся, никогда не придут к согласию и что их распри за главный пост в государстве приведут к разрушению ханства. Почему же нельзя было использовать методу Узбек-хана и, как он уничтожил чингизидов в правом крыле, истребить отпрысков августейшего владыки во всем улусе? Однако этого никто не мог совершить. Расплодившиеся и безудержно стремящиеся к верховной власти чингизиды стали основной причиной падения Золотой Орды. Крушение ханства произойдет в 1481 году, после убийства ногаями хана Ахмата.

Конец «великой замятни» приходится ко времени прихода к власти Тохтамыша. Мангышлакский правитель своё восхождение к престолу начал с восточного крыла, именуемого Ак Ордой. Тохтамыш с помощью войск Аксак Тимура вторгся в Ак Орду и захватил основные области: Сыгнак, Сауран, Отрар. Против него выступил занимающий должность хана Золотой Орды Тимур-Мелик (в некоторых источниках его называют Тимурбеком) со своим беклербеем Балтычаком. В состоявшемся сражении победил Тохтамыш, он убил Тимур-Мелика и казнил преданного ему Балтычака. Подробности казни отца Эдиге были приведены в первой части книги.

Тохтамыш пытался склонить могущественного Балтычака на свою сторону, но беклербей потребовал немедленной смерти, чтобы остаться навечно преданным своему хану. Попытка уговорить

Балтычака говорит о том, что мангытский род, который он возглавлял, уже пользовался большим авторитетом среди кочевников, среди народа-войска. Интересно, почему при наличии большого количества членов монаршего рода Тимур-Мелик выдвинул на такой пост представителя кочевой знати? Видимо, уже в это время многочисленные и воинственные ногайские племена представляли грозную силу в Улусе Джучи. Об этом свидетельствует и то, что Тохтамыш вскоре склоняет на свою сторону старшего сына Балтычака Ису, или, как еще его называют в источниках, Исабека, а затем и самого Эдиге. Тохтамыш опять-таки возводит Ису до ранга беклербея, т. е. главнокомандующего войском, ставит вторым лицом в государстве. Конечно, за этим назначением кроется взаимовыгодная сделка, т. к. в те времена не так легко было добиться примирения кровников. Тохтамыш, став ханом в Сарае, наводит порядок в государстве, временно сглаживает противоречия среди чингизидов и привлекает на свою сторону степную аристократию, которая к тому времени тоже подустала от бесконечных распрей между чингизидами.

Мы не знаем, на чём основывалась договоренность Тохтамыша и Исы. Может быть, убийство Тимур-Мелика и Балтычака было определено как мщение за отца Тохтамыша Тойхожу? Хотя в степи так быстро никогда не примиряются. Скорее всего, Иса получил какие-то дополнительные льготы для кочевой знати Ак Орды и под её давлением согласился пойти на мировую. Видимо, и Эдиге был вовлечён в этот процесс и тоже на какое-то время стал эмиром нового хана, но по его дальнейшим действиям видно, что он никогда не забывал о мщении и при первой возможности объявил войну кровнику. В данном изложении я не хочу затрагивать сложных взаимоотношений Аксак Тимура и Тохтамыша и всех подробностей разразившихся между ними войн, но в поисках причин нахождения мангытских биев при дворе золотоордынского хана вижу одно: то, что пришедший к власти Тохтамыш попытался решить проблему несоответственного расположения военных крыльев. Об этом очень туманно написано ещё в одном анонимном сочинении, к которому мне уже приходилось обращаться в этой книге в связи с цитированием песни Уллы Джырчи о смерти Джучи.

«Родословная тюрков», так называется это сочинение, составлена не ранее середины XV века. Правда, автор «Родословной тюрков» перестановку крыльев Тохтамышем связывает с поражением от войск Аксак Тимура. У Тохтамыша в правом крыле командовал некий Яглы-бай-бахадур из племени багрин (думаю, что племя называется баарин — это племя было известно еще в коренном юрте Чингиз-хана наряду с мангытами, кунгратами и другими), но хан для победы решил это крыло перевести на левый фланг. «Со-

гласно указу, — пишет автор, — Яглы-бай-бахадур-багрин со всем илем (народом, страной — *И. К.*) перешёл на левое крыло и приготовился к бою» [25, 207]. Затем в сочинении описывается полуфантастическое сражение между Тохтамышем и Аксак Тимуром. Мне кажется, что автор использует какие-то фольклорные данные. Перед сражением Яглы-бай-бахадур требует, чтобы цепью связали его коня, т. к. во время битвы его воины бегут, и он один бьётся, не сдвигаясь с места, и героически погибает. Из этого отрывка ясно, что перемещение не способствовало победе и что произошла измена воинов. Всё это, похоже, отголоски реальных событий. По эпосу ногайцев племена баарын и ширин, которые впоследствии будут жить в Крыму, были сторонниками Тохтамыша и враждовали с домом Эдиге. Но в «Родословной тюрков» автор пытается объяснить и суть перемещения крыльев, оно чувствуется в следующих словах: «С того дня улус багринов (бааринов — *И. К.*) получил на курилтаях узбекских султанов место (орун) на левой стороне, которую на монгольском языке называют джунгар, а по-тюркски сол гол (сол кол), раньше же, подобно своим родичам — кунгратам, найманам, джалаирам, уйшунам и другим — это племя также сидело и бывало на правой стороне, которую на монгольском языке называют унгар, а по-тюркски он кол (онг кол). Причиной единства улусов является это...» [там же]. Излагая эту суть, автор опять пытается объяснить, что перемещение крыльев делалось Тохтамышем ради победы. Мне же важно, что я прав в том, что до Тохтамыша существовало несоответствие в обозначениях западной и восточной части Улуса Джучи.

Для объединения улуса Тохтамыш в первую очередь разбивает обосновавшегося в Крыму Мамаю. Мамай, хотя потерпел поражение от Дмитрия Донского на Куликовском поле, оставался ещё сильным врагом и имел большое влияние на западную часть Золотой Орды. Что интересно: битва между Тохтамышем и Мамаем состоялась на берегах реки Калки, на которых состоялось знаменитое сражение объединённого войска кипчаков и русских с чингизхановскими полководцами в 1223 году. Уничтожив Мамаю, Тохтамыш совершает поход на Москву, разоряет её и требует подчинения, уплаты дани. Затем предпринимает успешный поход на сибирские владения, где тоже добивается подчинения. Ещё позднее Тохтамыш предпринимает поход в Закавказье, предъявляя старинные притязания Золотой Орды на спорные территории. В иранских городах тохтамышевские воины ведут себя жестоко, издеваются над населением и грабят его. К тому времени эти земли считались владениями Аксак Тимура. А ведь Тохтамыш стал ханом Золотой Орды фактически благодаря военной поддержке среднеазиатского правителя. Но Тохтамыш, сотворив одну неблагодарность, де-

лает и следующую. Он с войском идет отвоевать Хорезм и прилегающие к нему области. Эти земли контролировались Аксак Тимуром. В обоих походах: и в закавказском, и среднеазиатском, хотя с Тохтамышем рядом указываются имена чингизидов, главным эмиром называют брата Эдиге Ису, или, как его ещё называют, Исабека.

Дерзкие выпады Тохтамыш^а вызывают гнев Аксак Тимура, и могущественный полководец в 1391 году предпринимает грандиозный тысячекилометровый поход. Войско Аксак Тимура через Тобол выходит к Яику, оттуда подымается в верховья реки и, перейдя её, в районе современной Самарской области, вблизи речки Кундузчи, обнаруживает войско Тохтамыш-хана. Золотоордынский хан терпит сокрушительное поражение, но, видимо, не полное, т. к. Аксак Тимур не развивает успех и с большой добычей людского полона и скота возвращается обратно.

Эдиге перед этим походом находился при дворе Аксак Тимура. По тексту ярлыка Тохтамыш-хана, написанному польско-литовскому королю Ягайло, следует, что Эдиге был послан мятежными царевичами (чингизидами — *И.К.*) в стан Аксак Тимура. По другим сведениям (Ибн Арабшах), Эдиге был вынужден бежать от Тохтамыш-хана из-за дворцовых козней. Его харизматические качества: тонкий ум, смекаливость, храбрость, решимость, привлекательность — раздражали приближённых хана, и они всячески оговаривали его, клеветали. Дошло до того, что Тохтамыш пригрозил ему казнью. Эдиге и его племянник, рождённый от его сестры чингизид Тимур-Кутлуг, нашли приют в Самарканде и прожили при дворе Аксак Тимура около шести лет. Несомненно, что грозный завоеватель имел виды на Тимур-Кутлуга для замены Тохтамыша. Многие историки, и древние, и современные, считают, что Эдиге, чингизиды Тимур-Кутлуг, Кунче-оглан и многие мурзы, перебравшиеся в Самарканд, стали главными инициаторами первого похода могущественного завоевателя на Золотую Орду. Например, Ибн Арабшах приводит даже слова Эдиге, обращённые к Аксак Тимуру: «Из Приволжской Орды богатства к тебе придут на собственных ногах...» Персидские же источники указывают на то, что беглецы из Золотой Орды были только лишь провожатыми во время похода. Автор замечательного научно-популярного очерка «Эдиге» Фатых Урманче считает, что поход спровоцировал главным образом Эдиге, и «три известных исторических деятеля: Кунче-оглан (чингизид — *И.К.*), Тимур-Кутлук-оглан и эмир Эдиге» приняли участие в битве на реке Кундузчи [50, 21].

По персидским источникам Эдиге перед началом похода Аксак Тимура послал своих нукеров предупредить ногайские племена о вторжении войск среднеазиатского правителя. Об этом пишет

и арабский историк Ибн Арабшах. По его сообщению Эдиге предварительно «послал гонцов к своим родичам, соседям и племенам левого крыла, без ведома о том Тимура, чтобы они ушли из своих мест и откочевали из своих родных краёв, направляясь туда, где самый центр и местности до него (представляют) трудное сообщение и много опасностей, чтобы они, коли возможно, на одном привале не оставались два дня, и чтобы они (непрерывно) поступали так, иначе Тимур, застигнув их, рассеет их и погубит всех. Они последовали тому, что предписал Идеху, и шли не останавливаясь» [38, 532].

Предупреждение было своевременное, и родственные Эдиге племена сумели уйти в безопасные места. И прав Фатых Урманче, когда говорит: «Этот шаг Эдиге значит, что он даже вдали от родины не забывал о своих близких и единомышленниках и обратился в данном случае к весьма своеобразному пути спасения их» [50, 21]. Войско Аксак Тимура шло через территорию Ак Орды, и шедшие вместе с войском Тимур-Кутлуг и Эдиге, под предлогом, что они хотят собрать своих людей, отстали. Аксак Тимур во время поиска войска Тохтамыш-хана всё же послал людей к Эдиге, чтобы узнать, почему они не принимают участие в походе. Когда послы прибыли, то Эдиге, по сочинению Ибн-Арабшаха, ответил им. «Отправьтесь к вашему господину, облизывайте его руки и сообщите ему, что срок нашего общения тут конец и что я (далее) не причастен ему, ибо страшусь Аллаха!» [38, 532]

Многие учёные отмечали, что в сочинении Ибн-Арабшаха были использованы устные рассказы. Я думаю, что если эти неуважительные слова в адрес грозного завоевателя были произнесены, то почему Аксак Тимур не пошёл против Эдиге и Тимур-Кутлуга? Наверное, эти слова были приписаны соотечественникам Эдиге позднее, когда он обрёл могущество в Золотой Орде. В создавшейся обстановке логичнее думать, что Эдиге, спровоцировав поход, объявил нейтралитет. И для Аксак Тимура, и для Тохтамыш-хана его нейтралитет был лучше, чем если бы он с войском Ак Орды принял сторону их противника. Но одновременно, например, для Тохтамыш-хана неучастие Ак Орды на его стороне выглядело изменой, о чём написано в «Родословной тюрков». Выглядело это изменой и для Аксак Тимура, о чём писали историки могущественного завоевателя на персидском языке.

Трудно утверждать, но можно предполагать, что до сражения на реке Кундузчи Эдиге вёл переговоры с Тохтамышем или же с братом Исой. В.В. Трепавлов, хотя и не уточняет времени установления соглашения, пишет о том, что Эдиге получил тархан (владение с налоговым иммунитетом) и в руки Тохтамыша. В его владения стали стекаться кочевые племена. О прибывающих «вереницах мно-

жества людей» в юрт Эдиге пишет историк Ибн Арабшах. Я считаю, что Эдиге с Темир-Кутлугом после сражения Тохтамыш-хана с Аксак Тимуром обеспечили полную самостоятельность Ак Орды, а произошло это благодаря тому, что они спасли народ-войско от губительного похода среднеазиатского завоевателя. Цени политический ум и полководческие способности Эдиге, кочевая знать приняла его сторону и стала стекаться в его юрт. Приблизительно такого же мнения придерживается и доктор исторических наук Фатых Урманче. «И Эдиге, — пишет татарский учёный, — когда он «отстал» от Тимура у себя на родине, начал принимать новые шаги для осуществления своих давно задуманных планов. Осенью 1391 года Эдиге возвращается в свой родной Мангытский улус Золотой Орды и начинает жить там как правитель и единственный властитель этого улуса. В недалёком будущем из этого улуса возникнет знаменитая и мощная Ногайская Орда».

Тохтамыш-хан имел благое намерение сохранить былую мощь государства и предпринимал иногда разумные решения. После поражения на реке Кундузчи он понимает, что Ак Орда уже не будет ему надёжной опорой, и начинает приводить в порядок западную часть Золотой Орды. Для обеспечения безопасности он устанавливает мирные соглашения с бурно развивающимся польско-литовским государством, об этом свидетельствует его ярлык, написанный в 1393 году к Ягайло. В целях увеличения территорий он опять предпринимает поход в Закавказье для возврата земель Улуса Джучи, потерянных ещё при Берке-хане. Воистину курица сама находит нож, которым будет зарезана. Даже если Тохтамыш подстрекали на этот поход люди из его ближайшего окружения, то не надо было иметь много ума, чтобы удержать свои аппетиты и не вызывать гнева столь сильного полководца, как Аксак Тимур. Ф. Урманче совершенно справедливо отмечает бездарность Тохтамыш-хана как правителя, а для характеристики могущества Аксак Тимура ссылается на слова Н.М. Карамзина. «Н.М. Карамзин, — пишет татарский учёный, — определяет его словами: «монарх двадцати шести держав в трёх частях мира» и приводит следующее высказывание, которое как будто бы принадлежит великому полководцу: «Имя моё привело в ужас вселенную; движением перста потрясаю я землю...» Принадлежали ли эти слова Железному Хромцу или их приписали авторы сочинений о нем, но одно то, что он возил пленного турецкого султана Баязида Молниеносного, как зверя в клетке, приводило в дрожь всех правителей и оставило в мире неизгладимое впечатление. Узнав о вторжении Тохтамыш-хана в его иранские владения, Аксак Тимур выступает немедленно и гонит золотоордынское войско до самого Терека.

На северокавказской равнине хан собирает подмогу от всех

подчинённых народов. В источниках среди командующих войсками ни Эдиге, ни его брат Иса не фигурируют. Из кочевой знати был знакомый нам по первому походу чингизид Кунче-оглан, полководец Бек-Ярык и Актау командовали донскими и приднепровскими степняками, среди которых особо выделялись конгыраты и кипчаки. Правитель Северного Кавказа Удурка командовал корпусом из горцев и воинами из кипчаков и асов, живущих на равнине.

На Тереке состоялось кровопролитнейшее сражение, которое благодаря своему военному искусству Аксак Тимур выиграл. Тохтамыш-хан бежал с поля битвы. Один из корпусов самаркандского правителя преследовал воинов Бек-Ярыка до самого Узи (Днепра). Войско Аксака Тимура основной базой сделало предкавказские степи, и отсюда стали совершаться опустошительные завоевания всех областей Золотой Орды по правую сторону от Волги. Известные города Джулат, Маджар, Татартуп, Макас, Азак, множество крымских и волжских городов были разрушены до основания. Зимой войско предприняло поход на Астрахань и Сарай-Берке. В тот год на Дешт-и-Кипчаке стояла суровая зима. Воины Аксака Тимура прошли по льду замёрзшей Волги. Золотоордынцы, уверенные в своей непобедимости, ни крепостных стен, ни каких других оборонительных сооружений не строили, и их города оказались лёгкой добычей врага. Астрахань и Сарай-Берке — одни из крупнейших городов мира — были разорены дотла, почти всё население уничтожено, оставшиеся в живых учёные, ремесленники, женщины и дети были уведены в плен. Многие пленные погибли от холода и голода.

Аксак Тимур в разрушенном Сарай-Берке оставил править чингизида Кыйгырчака, который находился при ставке завоевателя с самого начала похода. Свою жестокость среднеазиатский завоеватель объяснял тем, что он очищает землю этого государства от неверных, но на самом деле его воины убивали и грабили всех подряд. Фактически крупнейшие в мире мусульманские центры: Сарай-Берке, Астрахань, Булгар после этих событий не возродились уже никогда. Вместе с гибелью чиновничьего, торгового, ремесленного населения в Золотой Орде навсегда угасает традиция развития ремёсел, не возрождаются очаги культуры, религии, прекращается градостроительство.

Частично Аксак Тимур был прав, когда говорил, что вёл войну против неверных. В стране ещё немало оставалось язычников-кочевников, а в городах был большой процент христианского населения. Надо сказать, что среди христиан было немало тюрков из асов и половцев, а в самом Сарай-Берке располагалось даже православное епископство, к которому относились и христиане русских княжеств. Кроме того, Аксак Тимур уничтожил города Зо-

лотой Орды из-за того, что они являются источниками смуты, достаточно вспомнить его разрушение спорного города Хорезма, в котором жители присягали в верности то ему, то ханам Золотой Орды. В конце концов Аксак Тимур велел разрушить даже фундаменты строений и засеять это место просом. Правда, Хорезм после уничтожения опять возродился, и после смерти грозного завоевателя в последние годы своей жизни в нём основался опальный Эдиге.

После двух опустошительных завоеваний среднеазиатского правителя совершенно нетронутым остается улус Эдиге, где он правил самолично, держа при себе Тимур-Кутлуга для сарайского трона. Во время этих страшных войн в Ак Орде не только сохранилось подвластное население, но оно значительно увеличилось за счет беглецов из разорённого правого крыла. Опять-таки эти беглецы были из кочевого населения, т. к. жители городов и сёл навряд ли могли убежать от конных отрядов противника. И собственные, и прибавившиеся кочевники были не только благодарны прозорливому беклербею, но уже при жизни боготворили и идеализировали его. Об этом откровенно свидетельствует сочинение Ибн Арабшаха. Знаменитый араб попал в плен мальчиком, после взятия Дамаска среднеазиатским завоевателем. Он долгое время жил при дворе Аксак Тимура и использовал в своём труде рассказы тех людей, которые лично знали Эдиге. Он даже даёт портрет основателя династии ногайских биев. «Был он смугл (лицом), — пишет Ибн Арабшах, — среднего роста, плотного телосложения, отважен, высокого ума, щедр, с приятной улыбкой, меткой проницательностью и сообразительностью, любитель учёных и достойных людей, сблизился с благочестивыми и факирами, беседовал с ними в самых ласковых выражениях и шуточных намёках, постился и по ночам вставал (на молитву), держался за законы шариата, сделав Коран и сунну да изречения мудрецов посредником между собою и Аллахом всевышним» [38].

В то время как Тохтамыш-хан становится беглецом и находит приют в Литве, Эдиге свергает Кыйгырчака и объявляет ханом Золотой Орды своего племянника Тимур-Кутлуга. Теперь почти 20 лет он правит всем государством. Слава о нём распространяется на весь мир. Европейские авторы его называют «делателем королей» (Клавихо). Такого же мнения о нём восточные авторы, но мы опять процитируем современника Эдиге. «Он, — пишет Ибн Арабшах, — водворял в султанство кого хотел и смещал его с него, когда хотел; прикажет — и никто не противится ему, проводит грань — и (никто) не переступит черту» [38].

Эдиге предпринимает много усилий для возрождения Золотой Орды. С этой целью он требует от польско-литовского государ-

ства выдачи Тохтамыша, в результате чего обостряются отношения с этим государством. Хорошо известный истории знаменитый полководец Витовт выступает с войском и сторонниками Тохтамыша против Золотой Орды. Против него выступают и Эдиге с Тимур-Кутлугом. На реке Ворскла состоялась кровопролитная битва, из которой победителем выходит Эдиге. В этом сражении погибают известные польские и литовские дворяне, много русских князей и даже немецкие рыцари. Как сообщают летописи, в этой битве было убито «70 и ещё 4 именитых русских князя». В это время польско-литовское государство очень активизировало свои действия в восточном направлении и подчинило себе многие западные и южные русские области. Ф. Урманче совершенно справедливо ссылается на заключение Н.М. Карамзина о том, что «Москва же обязана своим возвышением ханам, так как если бы ордынская власть не висела над русскими землями, то Литва, Польша, Венгрия, Швеция могли бы разделить Россию и уже безвозвратно» [50, 28].

Окрылённое победой на Куликовом поле, сильное к тому времени Московское княжество совершило несколько набегов на ослабленные северные территории Золотой Орды. Особенно опустошительным был поход московского князя Юрия Дмитриевича в 1400 году, тогда подверглись разорению города на Средней Волге. В ответ на ряд безнаказанных набегов Эдиге в 1409 году собирает войско и в союзе с Великим князем Тверским Иваном Михайловичем доходит до самой Москвы и окружает её. Но в это время из Сарая приходит известие о подходе к столице войск сына Тохтамыша. Эдиге, получив крупный выкуп от Московского княжества, вынужденно возвращается на Волгу. До конца жизни могущественного Аксак Тимура исходит опасность повторного завоевания, но Эдиге применяет разные дипломатические приёмы, чтобы отвратить эту беду. Но после смерти Аксак Тимура, при первой возможности, отвоёвывает Хорезм и укрепляет эту границу.

Изыскания современных учёных свидетельствуют о том, что Эдиге занимался градостроительством, он даже хотел возродить разрушенный Сарай-Берке (Ф. Урманче). Ссылаясь на «Историю о Донском войске» А. Попова (1814 г.), В.В. Трепавлов приводит старую казачью легенду о том, что Эдиге «из города Черкассы, называвшемся тогда Орн, «перешёл на восточную сторону Азовского моря и между двумя рукавами Кубани построил замок своего имени Ада». Я думаю, что древнее название острова Ада (по-ногайски ада, атау означает остров) никак не связано с именем Эдиге или Атике. Но смысл в приводимой легенде вполне определённый, так как между основным руслом Кубани и её рукавом Кара-Кубанью издревле располагался ногайский город Капу. Некоторое время этот город был столицей Малой Ногайской Орды, рус-

ские называли этот город Копыл (*капу* по-ногайски означает ворота). Видимо, этот город как-то связан с названием древнего греческого города Пантикапей, который располагался в устье Кубани; Чёрное море греки называли Понт, поэтому название города Пантикапей означает *Ворота в Чёрное море*, что полностью соответствует географическому расположению Капу. Если действительно Эдиге возрождал древний город Капу, то, наверное, прекрасно понимал стратегическую ценность данного места.

За многие века сложился и сохранился устойчивый эпический образ родоначальника ногайских правителей. Эдиге воплощает идеал справедливого, мудрого, честного и храброго мужа, заботящегося о чести рода, о благополучии народа. В ногайском эпосе (главным образом, в прозаических преданиях) Эдиге, имеющий второе имя Кубыгул (Кубы-огул означает Богатырь-сын), выступает как *тореши* (установитель закона торе, судья). Он вершит суды и мальчиком в детстве, и глубоким стариком. Предания о судах Эдиге бытуют отдельно от исторической песни. Я считаю, что такое фольклорное осмысление сохранило для народа его историческую роль. Он был при Золотой Орде Ногаем — верховным судьей.

Я предполагаю, что эта должность в разное время называлась по-разному. К сожалению, источники не сохранили имена всех исторических лиц, исполнявших эти функции. При августейшем владыке Чингиз-хане и его сыновьях роль старшего судьи отводилась братьям и сыновьям. При Октае и Менгу эта должность была за Бату. В Золотой Орде долгое время судьёй был Есу Ногай, поэтому русские князья обращались не к хану в Сарае, а к «судье Ногаю». Об Эдиге писали арабские, персидские, армянские, европейские, русские, польско-литовские авторы, и во многих сообщениях он характеризуется как устроитель закона Торе и Ясак. Это же подчёркивается в посланиях потомков Эдиге к русским правителям. Ранее я уже приводил грамоту Муса-бия, где об Эдиге говорится, что он «над судьями судья». Это обстоятельство напрямую связано с возникновением этнонима ногай.

Акордынская знать после смерти Бердибека боролась за возвращение её главному представителю прав Ногаю, т. е. старшинства среди аристократии, что позволяло восседать на курултаях с правой стороны. До появления Эдиге высшую знать представляли чингизиды. Эдиге был удостоен такой чести из-за харизматических особенностей характера и сильных волевых качеств. Кажется, прецедент был создан в улусе Чагатая, где эмир, князь из племени барлас Аксак Тимур узурпировал власть и, отстранив чингизидов, стал даже самостоятельным правителем. Поэтому потомки Эдиге и ссылаются на духовного наставника Береке, который, видимо,

внедрял в жизнь мусульманские догмы, где говорится об одной божьей власти и равенстве людей.

В.В. Трепавлов справедливо отмечает: «После смерти Эдиге его сыновья смогли удержать влияние мангытов в Улусе Джучи и монополизировать пост беклербека в татарских ханствах. Основная причина их удачной карьеры, кажется, — это инерция их великого предшественника. Но авторитет мангытских лидеров был настолько непререкаемым среди других племён, что дело здесь, видимо, не только в конкретной политической ситуации и политическом наследии Эдиге. Среди сотни племён Дешт-и-Кипчака именно мангыты сумели добиться приоритетного положения».

На мой взгляд, В.В. Трепавлов в своём труде совершенно необоснованно и притом очень невнятно стал расчленять мангытов по месту проживания, как будто в Крыму, Большой Орде (правобережье Волги и центральные районы современной России), Казанском ханстве находились какие-то другие мангыты — не ногаи. Хотя он и указывает, что занимающие пост беклербея в новообразованных ханствах являются представителями клана Эдиге, по всей видимости, такое расчленение делается из-за притязаний многих тюркских учёных на личность Эдиге и на одноимённый эпос. Да, проживая в этих ханствах, ногаи распространяли свой эпос, но надо же и называть их ногаями. Ан нет. Хитрость в другом. Если ногаи будут обозначены родом, то тогда легче будет присвоить имена легендарных личностей, легче будет объявить Эдиге героем татарской истории. Поэтому В.В. Трепавлов мангытов в отпочковавшихся ханствах представляет чуть ли не как отдельное племя. Я понимаю и ощущаю в каждой главе, что автор подвергся давлению и со стороны ответственного редактора М.А. Усманова, и со стороны представителей Академии наук, в которой никогда не было ногайских учёных и даже сочувствующих ногайцам в их исторической трагедии. На высказанную мысль толкает и то, что Вадим Винцерович Трепавлов неоднократно ссылается на татарский вариант эпоса «Идегей», и притом на те места, которые были привнесены литератором Н. Исанбетом. Например, цитирование обращения Тохтамыша к Идегею: «Гай, татарин ты! От мангыта рождённый нечистый нагульный татарин...». Как тут не вспомнить книгу татарского учёного Фаргата Нурутдинова «Булгарский вопрос»?! В этом месте варианта Н. Исанбета откровенно проявляется фальсификация.

Я уже приводил конструкцию этногенеза ногаев по книге В.В. Трепавлова; учёный совершенно прав, говоря о том, что в Ногайской Орде (я бы добавил: как и в Золотой Орде) к тому времени не было чистых племён по родовому составу. Многолюдностью не выделялись ни мангыты, ни конгыраты, ни джалаиры, ни катага-

ны, ни кияты — всех их было мало, и они, раскашивая другие народы, сами разбрасывались, ранее — среди найман, кирейтов, каракитаев, карлуков, позднее — среди кипчакских и асских племен.

Так называемые крымские мангыты (по книге В.В. Трепавлова), предводителями которых были потомки Мансура, сына Эдиге, возглавляли ногаев (первоначально можно понимать — как бы в качестве судебных приставов). Они внесли в войсковую терминологию Крымского ханства даже должность нурадина, бытовавшую только в Ногайской Орде. Например, в Большой Орде беклербеем состояли сын Эдиге Науруз и его потомки. Они, опять-таки, не возглавляли одних мангытов, их народ-войско представляли ногаи, состоящие из разных родов и племён. Сын Эдиге Казый оставался правителем в отцовском юрте, но одновременно был беклербеем то у Кучук Мухаммеда, то у хана Джумадука; его вотчина называлась Мангытским юртом, и отнюдь не из-за того, что в нём поголовно жили одни мангыты, а из-за его собственной принадлежности к роду мангыт.

В.В. Трепавлов сам это прекрасно понимает, однако так надо было писать для того, чтобы затем учёные из тюркского ареала могли и дальше растаскивать историческое наследие ногайцев.

Я прекрасно отдаю себе отчёт в том, что в официальных источниках обозначение нашего народа термином *ногаи* появляется во второй половине XV века, такое запоздалое появление в источниках является основной причиной кривотолков. Но мы же знаем примеры, когда целое тысячелетие народы фигурируют под другим, не своим именем, взять хотя бы адыгов, широко известных под названием черкесы. Хотя в венгерских источниках за 1285 год есть сообщения о «ногайских татарах», я считаю, что этноним ногай возник не сразу, по крайней мере, до 1481 года слово ногай был политическим и социальным термином. Думаю, будет понятно русскому читателю, если приведу в пример казаков — оплот государственности России. Их часто называли нагаечниками, так вот, эти самыми нагаечниками в Золотой Орде и затем в отпочковавшихся ханствах были ногаи. Сам же термин бытовал издревле и когда-то имел религиозно-культурное значение. Известно, что у бурятов, народа монгольского происхождения, какие-то божества назывались нохай-тенгри, наверное, жрецы этих божеств носили имя ногай. Судьбы тюрков и монголов переплетались ещё с гуньской поры, поэтому сам термин мог бытовать в Великой Степи с незапамятных времён.

Возвращаясь к личности Эдиге, хочу сказать, что он был наделён высшей степенью пассионарности. Чего стоит одна лишь фраза из произнесённой им речи перед посланниками Аксак Тимура: «Страшусь Аллаха!» Эдиге страшится Аллаха из-за того, что его учас-

тие в походе будет помощью в разорении родной земли. Может, это позднее прозрение, но оно говорит о том, что интересы народа он ставил выше собственных. Прежде всего, из-за спасения народа-войска он заслужил любовь среди потомков. Поэтому ни Ногай, ни Сасы-Буга, ни Эрзен, а именно Эдиге стал героем эпической песни.

Эдиге для своего времени был крупнейшим политическим деятелем. Например, и об этом говорят многие учёные, он прекрасно понимал, что раздираемая противоречиями Золотая Орда идёт к упадку. Зная, что в ханстве крепко живёт миф, идеализирующий потомство Чингиз-хана, он не мог открытыми действиями приняться за искоренение разлагающегося рода. Он не мог пойти по пути Аксак Тимура и узурпировать власть. Но в этой тяжелейшей обстановке он сумел создать видимость, что Золотой Ордой управляют чингизиды, а управлял сам, по собственному усмотрению. Одновременно он приложил много усилий для создания своего улуса, своего юрта, который служил надёжной базой для сосредоточения военного потенциала всего ханства. Он, исключив сепаратизм, придал своему улусу суверенное существование. Мангытский улус имел территорию с границами, своё управление, своё войско, сохранял налоговый иммунитет, вступал в дипломатические отношения и вёл торговлю с дальними и близкими странами. Но вместе с тем на народе-войске Мангытского улуса, в дальнейшем получившем название Ногайской Орды, лежала вся ответственность за состояние дел в других областях. Чингизиды, потеряв благоразумие, продолжали распри за осколки государства, они создали Казанское, Астраханское, Крымское, Касимовское, Сибирское ханства, а ещё одни отпрыски царского рода, ушедшие казаковать, — казахские жузы и ханства кочевых узбеков. Потомки Эдиге, правители Ногайской Орды, до самого конца существования своего государства (начало XVII века) пытались вмешиваться в дела всех ханств, т. к. они помнили свои старинные обязанности, древние функции Ногая, своё место на курултаях справа от хана.

Потрясающим явлением в истории народов Великой степи я считаю и то, что эпический образ Эдиге и его потомков на все оставшиеся времена доминировал в сознании кочевников Улуса Джучи и даже затмил в устном народном творчестве образ самого Покорителя Вселенной, августейшего владыки Чингиз-хана. Такое могло произойти из-за того, что необратимый процесс развития фольклора требует нового осмысления истории. По крайней мере, поискать причину этой метаморфозы интересно, и я хотел бы пожелать исследователям литературы и фольклора написать не одну докторскую диссертацию на тему «От Чингиз-хана до Эдиге».

В летописях и трудах средневековых авторов под мангытами подразумеваются потомки клана Эдиге, т. е. Едигеевичи. Совершенно странно, когда В.В. Трепавлов о времени казахского хана Касима, подчинившего часть иогаев, пишет: «Мангытский юрт, судя по всему, стал полностью соответствовать своему назначению, т. е. остался населённым только мангытами». Ну не было столько мангытов, чтобы их можно было отождествлять с населением огромного юрта, пусть даже разорённого. В этой формулировке автор противоречит и собственному определению эля мангытов.

Мне кажется, что когда В.В. Трепавлов определяет тип государственности Ногайской Орды как «зигзаг от государства к простому вождеству, затем к зачаточному государству и опять к простому вождеству», он опять вносит невнятность. Да, регресс государственности по сравнению с ханствами Тохты, Узбека, Джаибека и др. при создании Ногайской Орды произошёл. Орда создавалась в момент, когда было уничтожено почти всё городское население, а вместе с населением исчезли многие традиции. Однако не надо быть очень прозорливым, чтобы не увидеть то, что Ногайская Орда строилась по типу кочевых государств, в ней использовалась чисто тюркская структура управления с кое-какими привнесениями от соседних государств. Как и ханы в степных государствах, ногайские Уллы бий¹ назначались знатно, власть же передавалась от старшего брата к младшему, затем — старшему племяннику. Из-за нарушения этой передачи власти происходили смуты. Возможно, что такое управление для средних веков было консервативным, но чем нова традиционная передача власти от отца к сыну? По-моему, консервативнее и не придумаешь. Обязательным условием было то, что Уллы бий должен представлять прямую ветвь потомков Эдиге. В результате борьбы мангытов за власть потомки Эдиге монополизировали и все главные посты в уделах Ногайской Орды, но у удельных владетелей полной экономической автономии в управлении не было, они платили подати скотом и принимали обязательное участие в военных акциях Уллы бия. Распри, неподчинение верховной власти в основном возникали при нарушениях передачи власти. Не все бии, как и ханы в империи чингизидов, хотели отдавать бийство брату или племяннику. Это была главная недоработка удельно-лествичиной системы тюрков, но справедливая в отношении межродственных отношений в правящем клане. В Ногайской Орде в память о сыновьях Эдиге появились сугубо ногайские названия должностей Нурадин и Кейкуват, возглавлявших соответственно правое и левое крыло. Об этом гово-

¹ Уллы бий — верховный князь, Великий князь.

риг В.В. Трепавлов. Кстати, должности: нурадина и кейкувата были и в войсках Крымского ханства.

Но В.В. Трепавлов абсолютно умалчивает о других структурах управления. Например, о том, что в столице Ногайской Орды при бие располагался постоянный орган управления карадуван. Об этом можно прочитать в летописях и в книге Б.Б. Кочакаева «Ногайско-русские отношения XV—XVIII вв.» [51, 42]. Термин *дуван* имеет то же значение, что и турецкий *диван* при султанах. В ногайском фольклоре он сохранился под этим словом. Ногайский *дуван* занимался дипломатической и финансовой деятельностью, встречал посольства; члены *дувана* были секретарями на советах при бие, возглавляли сбор пошлин с купцов, собирали подати. Старшим в *дуване* был чиновник, носящий титул *Кара Дуван*, полномочия его были сравнимы с полномочиями главного визиря в мусульманских странах. В ногайском *дуване* был ещё один значительный чиновник с титулом *Тока Дуван* — этот вельможа занимался придворным хозяйством бия, руководил церемониями, празднествами, через него бий давал свои распоряжения подданным. С названием *Кара Дуван* нам ясно, в прибавке *Кара* заключается древнее значение этого слова: могучий, сильный. А вот титул *Тока Дуван* заставляет вспомнить нас пост чербия при Чингизхане и Октае, а также мангыта *Доходугу*, занимавшего эту должность. Не в память ли о далеком предке Эдиге ногаи сохранили его имя в титуле? В переписке с русскими царями этой должности придается высокое значение, в одной из грамот мурза, носящий этот титул, именуется «Великий Дуван Тока» [там же].

Все же, если пишется история государства, то читатель ожидает на страницах книги увидеть исторические портреты известных личностей. К сожалению, в «Истории Ногайской Орды», кроме небольшого очерка «Эпоха Эдиге», посвященного основателю ногайской династии, других разработок мы не увидели. А очень интересно было прочитать на страницах книги о жизни и деятельности легендарных личностей: Мусы, Юсуфе, Исмаиле, Сююмбике, Кантемире, Петре Урусова, Иштереке. О них много материала и в исторической литературе, и память о них сохранена в устно-поэтическом творчестве ногайцев. Также почти не представлены и известные ногайские творческие личности, жившие в эпоху ногайского государства. А в это время жили такие выдающиеся поэты, как Асан Кайгылы, Шал-Кийи и Тилениш улы, Казы Туган и др. Даже турецкий исследователь Сами Ногай, не имеяши доступа к российским архивам, называет имена таких политических деятелей, как беклербей Улуса Джучи Ногай (ум. в 1300 г.), беклербей Золотой Орды Эдиге (ум. в 1420 г.), бий Ногайской Орды Юсуф (ум. в 1554 г.), бий Бужакской Орды, паша Силистрии и Поднеп-

ровья Кантемир (ум. в 1637 г.), беклербей Халефа (Алеппо в Сирии) Ногай Муртаза паша (правил в 1630—1634 гг.), беклербей Багдада Ногай Арслан паша (правил в 1649—1650 гг.).

Мы, ногайцы, не вправе требовать от посторонних людей «дань уважения прошедшему и поощрения будущему». Сейчас нет Юсуповых, и надеяться на то, что они появятся в ближайшее столетие, трудно. Поэтому историю, уважающую прошлое и поощряющую будущее, должны написать сами ногайцы. Ранее такие попытки делались, но — возможность не предоставлялась. Связано это было с глубокой политикой, которую всячески скрывали советские идеологи. В.В. Трепавлов в своей книге проделал анализ существующей литературы о Ногайской Орде, и его выводы имеют право на самостоятельную жизнь. Этому труду больше подходило бы название «Очерки истории Ногайской Орды». Написание же «Истории Ногайской Орды» — дело будущего. В той, ненаписанной книге, лейтмотивом должна послужить «дань уважения прошедшему и поощрение будущему». Это должна быть здоровая история, поощряющая будущее народа, создающая благо для жизни всей нашей страны, России. В той книге слова ярых государственников России Юсуповых я вывел бы эпитафией:

«Дань уважения прошедшему и поощрение будущему».

ЧАСТЬ 2

1. Гумилёв Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. Изд-во «Мысль», 1993.
2. Воробьёв Л.В. Чжурджени и государство Цзиинь. М., 1973.
3. Фазлаллах Рашид-ад-дин. «Огуз-наме». Изд-во «Элм», Баку, 1987.
4. Фазлаллах Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. 1, книга первая. М.- Л., 1952.
5. История народов Северного Кавказа с древнейших времен. М., 1988.
6. Шакарим Кудайберди-улы. Родословная тюрков, киргизов, казахов и ханских династий. Изд-во «Жазушы», Алма-Ата, 1990.
7. Лубсан Данзан. Алтан тобчи. Изд-во «Наука», М., 1973.
8. Джилберт Э. Тайна волхвов. Изд-во «Вече», М., 1988.
9. Бьювел Р., Джилберт Э. Секреты пирамид. Изд-во «Вече», М., 1997.
10. Тюркские и монгольские памятники. Изд-во «Наука», М., 1992.
11. Эренжен Хара-Даван. Чингис-хан. Элиста, 1991.
12. Кычанов Е.И. Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир. Изд-во «Наука», М., 1974.
13. Тынышпаев М. История киркиз-казахского народа. Изд-во МП «Инфо», Алма-Ата, 1991.
14. Гумилёв Л.Н. Древние тюрки. М., 1993.
15. Баскаков Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1978.
16. Газета «Казах адабияты», №27, март 1992.
17. Фалёв П.А. Введение в изучение тюркской литературы и наречий». Ташкент, 1992.
18. Фазлаллах Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. 1, книга вторая. М.-Л., 1952.
20. Керейтов Р.Х. Этническая история ногайцев. Ставрополь, 1999.

21. Бартольд В.В. Сочинения, т.5
22. Муканов М.С. Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза. Изд-во «Жазушы» Алма-Ата, 1974.
23. Книга Марко Поло. М., 1955.
24. Гумилёв Л.Н. От Руси к России. Изд-во «Экопрос». М., 1994.
25. Тизенгаузен В.Г. Материалы Золотой Орды. Т.2. М., 1941.
26. Аджиев А.М. Дальняя дорога песни. Махачкала, 1977.
27. Ногайские иародные песни. Изд-во «Наука», М., 1969.
28. Веселовский Н. Хан из темников Золотой Орды. Ногай и его время. ЗРАНОИФ, 1922. Т.ХІІІ, №6.
29. Г.Исхаки. Идель-Урал. Казань, 1990.
30. Гумилёв Л.Н. В поисках вымышленного царства. С.-Пб., 1994.
31. Если скажете, спую... Сборник ногайских песен. Сост. А.Сикалиев. Черкесск, 1971.
32. Федоров-Давыдов. Курганы, идолы и монеты. М., 1968.
33. Связь между Нилом и Волгой в XII - XV в.в. Амий аль-Холи. М., 1962.
34. Бахрие Учок. Женщины - правительницы в мусульманских государствах. «Наука», М., 1982.
35. Журнал «Возрождение», №5, Махачкала, 1999.
36. Этническая ономастика. Ответственные редакторы Джарылгасимова Р.Ш., Никонов В.А. М., 1984.
37. Плетнёва С.А. Половцы. М., 1990.
38. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов Золотой Орды. Т.1., 1884.
39. Гумилёв Л.Н. Чёрная легенда. М., 1994.
40. Шастина Н.П. «История монголов» Карпини». М., 1957.
41. Карамзин Н.М. История Российского государства. Изд-во «Золотая аллея», М., 1993.
42. Варакин А., Зданович Л. Тайна исчезнувших цивилизаций. Издательство «Рипол классик». М., 2001.
43. Ногай Сами. Ногайские тюрки. Анкара, 1999.
44. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2000. (?)
45. Журнал «Половецкая луна». №2, Черкесск, 1992.
46. Журнал «Половецкая луна». «№1. Черкесск, 1992.
47. Газета «Казах адабияты». Ст. Н.Торекулова «Сто мудрых биев казахов». №7, 1993.
48. Егоров В.А. Историческая география Золотой Орды в XIII - XIV в.в. М., 1974.
49. Валиханов Ч. Собрание сочинений. Т.2, с. 208.
50. Журнал «Половецкая луна». №2. Очерк Ф.Урманче «Эдиге». Черкесск, 1992.
51. Кочекаев Б.Б. Ногайско-русские отношения в XV - XVІІІ в.в. Алма-Ата, 1983 (?).

Одна из легенд рассказывает о том, что Христофор - святой с головой собаки перенес через реку Иисуса на своих плечах и заслужил имя Христофор, т.е., «Носящий Христа». В других - говорится о том, что он был великан с головой собаки и человеческие черты у него выявились после крещения. В третьих легендах святой Христофор жил в III веке, был очень красивым и, чтобы отвлечь взоры женщины, умолил Господа спасти от искушения. Бог сотворил чудо: теперь всем виделось не лицо красавца, а пёсья морда. Таким изобразил его на стенах византийского храма на острове Родос греческий художник. Мне думается, что мифологический сюжет с Христофором является отголоском соприкосновения тенгрианства с христианством. Ногайские камы, чтобы достичь знаний мирового дерева, превращались в крылатых собак. По всей видимости тенгрианцы внесли свою лепту в установление веры Спасителя. А изображаемый на рисунке не был ли космическим перевозчиком?!

«РАССКАЖЕТ ИЗВЯНИЕ ГРУДАСТОЕ»

“А тот, кто испортит эти знаки, да будет отверженцем, погрязшим в извращениях, известных всем и каждому”

*(Скандинавская руна IX века из книги
Сноури Стурлусона “Круг земной”).*

“О Господи, разверзни, расточи,
Пошли на нас огонь, язвы и бичи:
Германцев с запада, монгол с востока”.

*(Из стихотворения “Мир” Максимилиана
Волошина)*

КРУГ ЗЕМНОЙ: ВОЗВРАЩЕНИЕ АСОВ

Эта глава была написана ещё до публикации первой части и должна была следовать за девятой главой, в которой упоминается замечательная сказка датского писателя Г. Х. Андерсена “Гадкий утёнок”. Когда же в мои руки попал казачий словарь-справочник, я вынужден был остановить публикацию не только этой главы, но и всей остальной части книги. У меня возникли сомнения относительно некоторых моих наблюдений, касающихся этнографических сходжений скандинавских асов и асов из Европы. Я вполне осознаю, что у нас проблема асов из исландских саг совсем не изучена. Но о том, что нордические асы непосредственно связаны с Евразией и что их историческая родина Дон и Днепр, указывает сама скандинавская литература раннего средневековья. Однако большинство исследователей нового времени в генеалогических корнях нордических асов усматривают древнегерманское начало, родственное готам. Готы в I—II вв. новой эры из Скандинавии продвинулись далеко на юг и даже заняли Крым и Приазовье, а затем, в связи с разрушением империи, были вытеснены в Восточную и Западную Европу. С теорией этих исследователей можно было бы согласиться, но, даже судя лишь по исландским сагам и древнегерманскому эпосу, в мифологических сюжетах, именах богов и героев, в словах-терминах имеются тюркские элементы.

Авторы казачьего словаря-справочника придерживаются идеи нордического происхождения асов. Несмотря на то, что этот вопрос остаётся спорным, хочу привести толкование из репринтного издания “Казачьего словаря-справочника” (г. Кливленд, штат Огайо, США, 1986). Авторами словаря-справочника являются казаки-эмигранты Г. В. Губарёв (составитель) и А. И. Скрылёв (редактор). Итак, казачий словарь-справочник, страницы 40—45.

АСЫ (жен. род АСЫНЯ) — также АЗЫ и АЗАРЫ, по преданиям Севера, родоначальники Скандинавов. Саги, записанные нордические предания, рассказывают, что “на восток от Танаквиса (Танаиса) в Азии существовали когда то Асаланд (страна Асов) или Асагейм (родина Асов), и главный город в той стране назывался Азгард. Там жил вождь по имени Один”. “Когда же Римские императоры пошли широко по свету, покоряя все народы, многие вожди по этой причине покинули свои земли. Один, искусный в гаданиях, предвидел, что его потомство будет жить в северных пределах земли. Он оставил своих братьев Вилли и Вье управлять Азгардом, а сам ушёл и все князья-дьяры с ним, и многие народы”. Рассказывают Саги и о том, как Один с Дона вёл свои племена к берегам Балтийского моря, часто при этом вспоминая благородное племя Асов, Азаров, Азиаманов. Генеалогия вождей, вместе с общим содержанием преданий, даёт основание предполагать, что всё это произошло незадолго перед Рождеством Христовым. Божественный род Асов или Ансов и город Азгард вспоминают также предания древне-германские. Род готских князей Амалов вёл своё начало от тех же Асов или Ансов.

АСЫ-АЛАНЫ — народ завоевателей, покоривший к концу первого века по Р. Хр. почти все племена и народы бывшей Азиатской Скифии. От А.-А. сохранилось множество исторических и археологических памятников. Известно, что они пришли на Дон и на берега Азовского моря в первом веке по Р. Хр., что по всем данным они явились сюда с севера и вели своё начало из источника общего с нордическими Асами. Оба их имени, Асы и Аланы, имеют северный характер. По нордическим преданиям, записанным в Сагах, на далёком севере тоже когда-то существовали Асы, Авары, Азиаманы, герои-полубоги, которые, будто бы, и были родоначальниками скандинавских народов. В сагах вспоминается Танаис и Азгард (“Страж Азии” или “Город Азов”), откуда вышел с племенами Асов их вождь Один. Внешность А.-Аланов, живших вдоль Дона, по описанию римского историка четвёртого века Аммиана Марцеллина, носила признаки типа нордического: “За редким исключением, все Аланы люди высокого роста и большой красоты; их волосы почти жёлтого цвета”. Марцеллин знал также, что А.-А. ведут своё начало от какого-то особенного рода: “Они не имеют понятия о рабстве потому, что сами происходят от благородных корней”. Первым из историков точно определяет их этническую сущность Прокопий Кесарийский в 6 в. Он называет их готским народом. В его время Приазовские Аланы были уже христианами. В дальнейшем европейские памятники называют их иногда Готнтаданами, (что должно означать “готские Аланы”), Аланготами, Валанготами, а на востоке их знают под именем Акасов или Белых Асов, Азо-Варангов (Би-

руни) и Алан-Варягов (Нидами). В русских летописях они известны как Ясы (Яс. жен. род Ясыня). Римляне звали их также Танаитами (Донцами), потому что их основные кочевья располагались вдоль Таны (Дона). Тесные связи Танаитов с севером подтверждает и археология, указывая, что древние могилы Скандинавии часто находят свое подобие в местах расселения А.-А.-ов.

На основании имеющихся данных, западные историки резонно предлагают в А.-Аланах сармато-германский сплав, в то время как Русские упорно не признают в них никого, кроме предков нынешних Осетяков, хотя на то и не имеют достаточно обоснованных данных.

Ко второму веку на кочевых просторах прежней Азиатской Скифии А.-А. установили своё владычество. Покорение народов живущих там совершилось быстро и, по-видимому, без особых усилий, потому что остатки скифов и сарматов в ту эпоху были разделены на множество племенных обществ, избегавших объединения. Они легко стали жертвой хорошо организованных и закалённых в боях А.-Аланов, хотя те уступали во много раз по количеству неисчислимым ордам степных жителей. Нет данных предполагать, что для покоренных северо-кавказцев, Меотов, Сираков, Торетов, Удюев, Лорсов, горских Асседонов или для каких других племен, новая власть проявлялась особенно деспотически, хотя, покоряя народы А.-А. принуждали их всех называться Аланами, а для себя веками сохраняли имя Ас, Аас, Аз. Они не разрушали и завоеванные оседлые центры, которые стали служить в их царстве поставщиками продуктов земледелия, рыболовства и местного ремесленного производства. Оседлое ремесло поставляло на рынки прекрасные сорта керамических изделий, украшения из дорогих камней и цветных металлов, конское снаряжение и оружие и любимого у Аланов вина, не считая всякого рода продуктов, необходимые для жизни.

Еще в 4 в. проживая на Дону, А.-А. оставались в большинстве кочевниками. Они занимались исключительно скотоводством и военным промыслом. Далёкие набеги считались у них почетным занятием и первым удовольствием. Каждый из них любил войну, боевые встречи и опасности. Лишь того они считали достойным уважением, славы и гордого счастья, кто провел жизнь в боях и пал сражённый оружием врага. Как и полагалось воинам, были "они легки и ловки во владении оружием", которым пользовались исключительно в конных боях. Вооружение их всадников, по выводам археологии, составляли тяжёлые пики, длинные палиши, княжалы и луки со стрелами. Они же ввели и употребление прототип горско-казачьего седла с передней лукой и со стременами, пользовались в боях арканами. Одевались А.-А. в куртки, скроенные на подобие казачьего чекменя, причём правая пола зашивалась по-верх левой, т. е. так же, как у скифов. большинства Туранцев и

Кавказцев и как ещё недавно у Казаков, не только в бешметах, черкессках, чекменях, но даже в форменных мундирах.

В 4 в. А.-А. были ещё язычниками. Достойным поклонения божеством они считали одного бога войны. Палаш, воткнутый в землю, служил его символом и перед ним они приносили кровавые жертвы. Покойников хоронили и под курганами и без насыпей, но, подобно Скандинавам, всегда в глубоких камерах, вырубленных в твёрдом глинистом грунте. В могилу воина укладывалось оружие, приведённое в негодность, а рядом в отдельной яме часто хоронили и его боевого коня.

К 4 в. некоторая часть А.-Аланов перешла к оседлости и остатки населённых ими пунктов, как и их погребения, дали археологам многие образцы их военной и бытовой культуры, которая распространялась по всему царству и оказалась богатой по содержанию и устойчивой по формам.

Около 375 г. империя А.-А. пала под ударами грозных орд новых завоевателей Гуннов. Немецкий историк О. Егер пишет об этом событии: “Так называемые Гунны, большое число монголо-туранских и татарско-чудских племён, объединённых под властью хана Баламира, разгромили германо-сарматский народ Аланов и в 373 г. обратились против Готов”. Современник нашествия А. Марцеллин рассказывает, что Гунны, двинувшись из Азии, прежде всего напали на Массагетов, живших за рекою Уралом. Побив их, они пошли дальше, пересекая прикаспийские степи. На Дону им пришлось преодолеть мужественное сопротивление Асов, и дальше на Европу они двинулись только “после того, как прошли земли Аланов, а особенно того племени, которое граничило с Грютунгами и называлось Танаитами. Из них они многих ограбили и убили, а переживших нашествие присоединили к себе в качестве союзников”. Во время боёв выделилась одна многочисленная группа Аланов и отступила на запад. Эти вместе с готским племенем Вандалов прошли всю Европу и из Испании переправились в Сев. Африку. В тридцатых годах пятого столетия там возникло вандало-аланское государство, существовавшее около столетия. Оно завоёвано Византией в 534 г. Другая группа должна была уйти в Европу вместе с Гуннами. Пройдя беспокойную эпоху непрерывных войн и с Гуннами, и против них, они наконец разместились за Дунаем в Нижней Мезии совместно со Славянами, Готами и остатками Гуннов. Третья группа А.-Аланов, уйдя вначале в горы, после примирилась со своими победителями и сожительствовала в Приазовье с племенами Меотов и Гунно-Болгар. В 6 в. Прокопий называет их христианами и друзьями Византии. Через два века, после ухода Болгар на Дунай и Среднюю Волгу, А.-А. объединили около себя соседей по Сев. Кавказу и не раз доставляли хлопоты хазарским каганам. В их новом царстве

персидские географы уже звали Землю Касак, примыкающую к южному берегу Азовского моря. В восьмом веке А.-А. начинают стягиваться в одно политическое общество на Северском Донце и на Среднем Дону. В 764 г. вместе с Подунайскими Северянами и каким-то туранским племенем они перекочевали сюда из Нижней Мезии в количестве 208000 душ. Памятью их пребывания в бассейне Дона остались городища и могильники с предметами Салтово-маяцкой археологической культуры. Здесь А.-А. снова создали свое государство, существовавшее до второй половины десятого века. Кадры его населения, по мнению археологов, составились из смешанного племенного типа и проявляют черты оседлых земледельцев, ведущих довольно культурное хозяйство, знакомых со строительным искусством, обладавших высоко развитым гончарным ремеслом и кузнечным делом.

Вскоре после своего прихода господствующее племя А.-Аланов во двинуло на правом берегу Дона, выше донецкого устья, крепость из белого известняка, которой, по-видимому, и принадлежало первоначальное славянское название Белая Вежа. Хазары усмотрели в ней постоянную угрозу донскому торговому пути и переправе через Дон. В начале девятого века они взяли ее с боя, разрушили до основания и в 836 г. при помощи Греков построили новую крепость Саркел, уже на своей, восточной, стороне Дона. Местные Славяне, а за ними и Русские оставили для нее старое название Белая Вежа, хотя стены ее были сооружены из красного кирпича.

Во второй половине десятого в. все поселения А.-Аланского или Ясского царства кем-то разрушены. Теперь при их раскопках находят следы пожаров и насильственной смерти жителей. Их гибель по времени можно связать только с хазарским походом киевского князя Святослава. Эта очередная катастрофа в жизни Дона, очевидно, и нашла отражение в короткой заметке летописей год 965: "Одоле Святослав Козаром и град их Белу Вежу в я, и Ясы поюеди и Касоги и приведе Кнену". В результате этой победы прекратилась цветущая и культурная жизнь многих десятков ясских и болгаро-славянских поселений на берегах Дона, Донца и Оскола. Сохранившая часть их жителей после известна русским летописцам, как Ясы и Чёрные Болгары. До 1015 г. они находились в зависимости от киевского князя, а после вместе со Славянами-Казаровцами, Касогами-Казягами вошли в состав не зависимой и сильной державы Мстислава Храброго. В границах этого Томагорканского княжества все они находились около ста лет. Многовековое пребывание А.-Аланов в постоянном близком общении со Славянами-Казаровцами и с Чёрными Болгарами способствовало их слиянию в один народ. Процессы взаимного проникновения начались,

если не на прежних приазовских юртах, то на Дунае. Во всяком случае А.-А. возвратились на Дон, пройдя путь основательных славянских и туранских влияний. Тоже самое устанавливает и археология для ранних эпох пребывания их в наших степях. К десятому веку эти процессы смешивания в один народ завершились в Подонских Бродниках и в Касаках, покрывших своим именем прежнюю Меотиду.

После разорения донецко-донской Асалании, часть Аланов, во второй половине 10 в., перекочевала в Крым. Там они жили в совершенно примитивных условиях между гор около Чуфут Кале, “в пустынных местах и пещерах, не строя ни загонов для скота, ни лачуг”. Всем племенем они приняли на себя охрану от кочевников греческого города-колонии Херсонеса и в 1240 г., как христиане, имели своего епископа. Грек Пахимер писал о них в конце 13 в. Тогда они находились уже в составе казачьей дружины темника Нагая и вместе с другими Ордынскими Казаками казались полностью отатаренными, хотя оставались христианами. В 1364 г. на Синих Водах, при боевой встрече с войском в. кн. Литовского Ольгерда, Татары имели трёх предводителей. Из них один носил христианское имя Димитрий, второй назывался Кочубеем, т. е. так же, как Казак и Войсковой судья на Гетманщине во время правления Мазепы, а третьего звали Котлубек. Два первых, по всем признакам, были атаманами Ордынских Казаков, среди которых, по словам Пахимера, находились и Аланы. Оставшись среди Днепровских Казаков и после отхода их от Крымского хана (1492 г.) они принесли в их среду чистый нордический тип, сохраняющийся до сих пор у некоторых Черноморцев на Кубани.

Утвердившееся в археологии мнение, что А.-А. в известной части растворились между степными Славянами и Тюрками, даёт основание думать, что они не исчезли бесследно, но своими остатками влились и в основной донской казачий массив, пополняя наш народ крупными, белотелыми, спокойными, настойчивыми и хозяйственными представителями Севера. С ними же в казачью среду пришло понятие “атаман” больше асаланское, чем туранское. На, принадлежащей Аланам, Земле Касак при Мстиславе Храбром проживал летописный народ Касаги-Казяг. После оттуда же вышли Днепровские Казаки Черкасы, Азовские Казаки, Казаки Пятигорские и Гребенские. В 1549 г., когда Казаки стали окончательно возвращаться с Северщины на Дон, они принесли с собой и, не забытое ещё, племенное имя Азманов (Сары Азман). Из этого следует, что остатки А.-Аланов влились и в коренное казачье общество на Дону.

(В цитате сохранены некоторые особенности орфографии и пунктуации, присущие этому изданию, подготовленному и выпущенному в эмиграции. — Прим. ред.)

Сначала я хотел бы выразить в общем своё мнение о справочнике. Несомненно то, что авторы провели скрупулёзную работу по сбору книжного и полевого материала. В их труде отразились различные пласты истории, быта, духовной жизни потерявшего прежнюю самобытность русского казачества. Заметно, однако, что авторы находились под влиянием идеологии неприятия всего тюркского. Стараясь объяснить возникновение казачества сугубо славянскими истоками, они тем самым обеднили самобытность такого любопытнейшего явления, каковым является казачество. Виднейшие учёные, в том числе и выдающийся тюрколог В. Бартольд, отмечали, что сам термин *казак* является тюркским по происхождению и обозначает свободного человека, беглеца, покинувшего родину, наконец, рыцаря, искателя приключений. В этом качестве использовался термин и на Востоке, но впоследствии употребляться в качестве названия народа *казахи* (в тюркском произношении *казаки*).

Возникновение казачьих сообществ в Евразии имеет общую историю. Донские, запорожские, терские и яицкие казаки, как этнографические группы, возникли в результате выхода из подчинения золотоордынским правителям и смешения древнего населения донских, причерноморских, приволжских и прикавказских степей. Значительную роль в этом процессе сыграло утверждение одной (мусульманской) религии в Золотой Орде. В связи с официальной исламизацией Золотой Орды прекратилось распространение христианской литературы на тюркском языке, проповедники преследовались, большое количество христиан искало убежища в соседних государствах.

Славянизация казаков произошла вследствие ассимиляционной политики Московского княжества, а затем, по мере его возвышения, и Российского государства. Если первоначально среди российских казаков были и мусульмане, и язычники, то в XVIII веке обязательным условием для вхождения в казачество стало принятие православия, а также отказ от инородческого имени и замена его на русское. Несмотря на последнее условие, казаки, как и русские дворяне, также обязанные выполнить это требование, не сумели очиститься от тюркских имён и фамилий. Легендарные казачьи имена и фамилии: Ермак, Булавины, Болотовы, Пугачёвы, Баташовы, Чапаевы, как и знаменитые дворянские фамилии: Басмановы, Баскаковы, Булатовы, Измайловы, Шереметьевы, Юсуповы, Урусовы, Тургеневы и многие другие были так привычны для русского уха, что официальная власть уже не считала их нерусскими. В результате своей ассимиляционной политики царские правители добились многого, превратив казаков из постоянных возмутителей спокойствия в оплот российского государства.

Восточные казаки, предки современных казахов, произошли от

опальных чингизидов, потомков того же Узбек-хана, в результате их исхода из Золотой Орды. Отпочковавшихся отпрысков знаменитого хана в исторических документах называют не иначе как казачьими ханами. Надо заметить, что обособление и тюркских, и славянских казачьих объединений — одна из главных причин распада Золотой Орды.

Авторы словаря-справочника справедливо отмечают, что термин *казак* бытовал до возникновения Золотой Орды, т. е. до появления улуса Джучи в XIII веке. Этот термин и в древности определял названия свободных сообществ в Приазовье и в прикавказских степях. Не исключено, что этим словом назывались выходцы из разных племён и народов. Во времена Прокопия, в VI веке, казаками называлось подобное население на западной территории Хазарского каганата, что имело политический смысл. Находясь в ближайшем соседстве с греческими колониями, народы Причерноморья и Прикавказья ранее принимали христианство. Религия уже в те далёкие времена способствовала появлению сепаратистских настроений.

Авторы справочника-словаря строят славянскую версию происхождения русских казаков и совершенно отчуждённо смотрят на идею тюркоязычности асов, несмотря на многие этнографические и лингвистические тому подтверждения.

Нордические предания, записанные ещё в XIII веке, отражают события I тысячелетия. Мифологические и героические песни исландцев были широко известны среди германских народов, среди жителей всех северных территорий Европы и даже в Англии. Сборник исландских песен “Старшая Эдда” — один из знаменитых памятников мировой поэзии. В том же XIII веке легендарный Сноури Стурлусон записал и древнейшие произведения исландских сказителей, которые получили название “Младшая Эдда”. Существует мнение, что Стурлусон обработал существующие рукописные материалы. Данные поэтические и прозаические повествования по-древнеисландски называли сагамн. Слово это происходит от глагола “сказать”, “рассказать”. География описываемых в сагах событий довольно широка, в них говорится о Норвегии, Дании, Германии, о древней Греции, Риме и Иудее, редко, но упоминаются и наши исторические места: Приднепровье и Придонье.

В XII—XIII веках, связанных с началом европейского возрождения, древнеисландские саги, как уже было сказано, из устного эпоса трансформировались в письменную форму, приобрели книжный характер. Так, “Старшая Эдда” на пергаменте хранилась в Королевской библиотеке в Копенгагене. Не случайно её называли “Королевским кодексом”. Исследователи едины во мнении, что это произведение переписано с более древней рукописи.

В эддической литературе широко представлена языческая Европа. Самое интересное то, что нехарактерные для европейцев имена богов и героев имеют тюркское звучание. Исторически это увязывается, т. к. асы пришли в Скандинавию с Доиа и Днепра. Имя основателя династии датских правителей короля Дана учёные связывают с названием реки Тан (Дон). С этим древним названием реки связаны также и легендарные тюркские имена, такие как Тангри (божественное обозначение неба), Танг (заря), Дан (успех, почёт), Данк (слава) и т. д.

Конечно, этимология слов из европейской литературы требует тщательного изучения, но всё же, в связи с исторической обусловленностью (проникновение асов в Европу), хотелось бы сказать о некоторых очевидных тюркизмах. До сих пор исследователи европейского эпоса не могут найти значения слова “Эдда”. Думаю, что в этом слове откровенно проглядывает тюркизм. Если мы заглянем в словарь любого тюркского народа, то найдём глагол *эди* — что означает *было*; так не может ли слово “Эдда” означать “Былина”? Это, в общем, соответствует названиям сборников сказаний. Ещё один откровенный тюркизм — это именование королей хаконами, т. е. каганами, а обыкновенных правителей — конунгами, т. е. ханами.

Эддические произведения представляют богатейший материал по истории и мифологии, их надо рассматривать как важнейший источник мировоззренческих представлений европейцев в дохристианскую эпоху. Так же, я думаю, при внимательном изучении они могут многое рассказать о существовавших связях народов Европы не только с угро-финскими и славянскими народами, но и с тюркскими.

Главными богами скандинавов являются асы. Многие известные герои ведут своё происхождение тоже от асов. Неужели так сильно было влияние асов, что их обожествили? Или же пришельцы с Востока, рассказывая об исторической родине, до такой степени возвеличили своё отечество и своих соотечественников? Всё это не совсем понятно... Твердыней богов скандинавов является Асгард. Это поразительно! Ведь мифическая гора из ногайского фольклора называется Аскар-тау. Это название, в связи с заимствованиями последнего времени, оказалось в казахском и кумыкском фольклорах, но другие народы не знают этого названия. В ногайском фольклоре это божественная гора, эталон недостижимости. Иногда так называют Эльбрус. Аскар-тау — не столько топоним, сколько понятие чисто мифологическое, в чём оно и совпадает с нордическим названием Асгард.

Мы не можем провести полной аналогии между тюркской и европейской мифологиями, но в фольклоре европейцев, запечат-

лённом в книгах, есть много доказательств этнографического характера, подчёркивающих эту связь.

Есть одна тема, которая объединяет эпос германских народов и северных скандинавов с тюркской историей. В центре эпических произведений (в одних ближе к реальности, в других — с некоторыми искажениями) находятся исторические события V века, связанные с гуннами (хуннами).

В IV веке до новой эры хунны создали мощную державу, игравшую значительную роль на Востоке, в Китае и в степях современной Монголии. Во II веке держава была уничтожена, и хунны раскололись на несколько самостоятельных этносов. Их историческая родина — монгольская степь — была захвачена сяньбийцами. В связи с выходом на историческую арену сяньбийцев началось продвижение остатков хуннов на Запад и в Китай. Одна часть укрепилась в Семиречье и смешалась с кипчаками. Другая — подалась в Китай и основала там несколько царств. Известные истории тюркишато являются потомками этих хуннов. Потомками являются и онгиты, впоследствии вошедшие в ханство Чингиз-хана. Так называемые “неукротимые” хунны двигались дальше, на Запад, и в 158 году остановились в междуречье Волги и Яика. На правобережье Волги в Прикаспийских степях господствовали аланы, далее, в Причерноморье, находилась сильная держава готского короля, вплотную примыкавшая к Римской империи.

Более двухсот лет хунны прожили на новом месте. Здесь они смешались со старым населением и соседними угорскими народами. Этот “особый этнос”, смесь тюрков и угров, Л. Н. Гумилёв называет гуннами. “В этом “особом этносе”, — пишет он, — хунны стали ядром его, угры — скорлупой” (цит. здесь и далее по книге Л. Н. Гумилёва “Ритмы Евразии”, М., 1993). Долгое время о гуннах ничего не было известно. Об аланах, соседях гуннов, поступало гораздо больше сообщений. Сарматские племена частично изгнали живущих здесь скифов, частично уничтожили, а с оставшимися смешались, создав аланское государство. Название народа *аланы* — собирательное название, на тюркском языке означавшее степняки. К аланам относились такие известные племена, как асы, роксаланы, сабыры, хазары, акхазары (акациры), герулы (эреулы — тюркское племя с лёгким вооружением, выступавшее в авангарде, затем в качестве термина имя этого племени будет использовано в войсках чингизидов) и предки современных кавказских племён.

Л. Н. Гумилёв отстаивает ту версию, что “аланы были одним из сарматских племён”, но одновременно приводит цитату из римского историка Аммиана Марцеллина об аланах: “Постепенно ослабив соседние племена частыми над ними победами, они стянули их под одно родовое имя”, — как видим, римский историк дает понять,

что под именем алан фигурируют разные племена. Аланы постоянно воевали. На западе, соединившись с готами, делали набеги на границы Римской империи, на юге, проходя через Дарьял (тар йол — узкая дорога), совершали походы на территорию Армении и современного Азербайджана. Аморфность их объединения сказалась при войне с гуннами. С 350-го по 370-й год гунны разрушили аланское государство и вышли вплотную к Готскому царству, возглавлявшемуся Германарихом из рода Аманов.

Государство готов простиралось от Балтийского моря до Чёрного, от Тисы до Дона и представляло серьёзную опасность для соседней Римской империи. Во главе этого государства стояло племя остготов, подчинившее себе множество славянских, угро-финских и германских племён, а языги, проживавшие в Дакии (Добрудже), были тюркским племенем. Гуннам опять сопутствовала удача, и опять сказалась этническая разрозненность готов. Гунны не пошли на прямое столкновение со стоявшими в низовьях Дона крупными войсковыми объединениями готов. Согласно легенде, приводимой римским историком Иорданом (Л. Н. Гумилёв подробно цитирует её), в 371 г. гуннские всадники увидели на Таманском полуострове пасущуюся там самку оленя и погнались за ней. Притиснутая к берегу моря, олениха вошла в воду и “то ступая вперёд, то приостанавливаясь” перешла в Крым. Охотники последовали за ней и установили место подводной отмели, по которой шёл брод. Они вызвали сюда своих соратников, перешли пролив и “подобно урагану... захватили врасплох племена, сидевшие на побережье этой самой Скифии”, т. е. Северного Крыма”.

Гуны огнём и мечом прошли по Крыму, сломили сопротивление готов на Днепре, при поддержке подвластных племён заняли восточную провинцию Римской империи Паинонию. Гонимые готы, с присоединившимися к ним остатков алаи, ушли в Италию. До 412 г. ставка гунических правителей находилась в Причерноморье, а в 430 году они уже достигли берегов Рейна. В 434 году Аттила и его брат Блед (Булат) возглавили гунискую Орду. В 445 году в связи с возникшими разногласиями Аттила убил брата и взял бразды правления в свои руки.

При Аттиле гуны достигли огромного могущества. Более 20 лет Европа трепетала от одного его имени. Воины Аттилы хозяйничали на берегах Рейна и Дуная, в Крыму и на Балканах. Его войска дошли до стен Константинополя, и лишь обязательство императора Феодосия II платить ежегодную дань предотвратило штурм крепостных стен. Но в 450 году сменивший Феодосия II император Маркиан расторг договор с гуннами. В Галлии войска Аттилы разбили королевство бургундов, и только дойдя до Орлеана, отступили от него.

В войсках грозного кагана служили представители почти всех племён, занимавших территорию от Яика до Рейна. Кроме ранее повергнутых и вовлечённых в гуннскую орду эрулов, болгар, акациров, асов и остготовов, плечом к плечу сражались даки, славяне, руги, венеты, кельты-бастарны, гепиды, тюринги, греки и много других племён.

В 451 году состоялась знаменитая Каталаунская битва. Она знаменита не только тем, что Атила впервые не стал победителем, но и тем, что это кровопролитное сражение являлось битвой многих племён и народов. Римским войском руководил бывший воспитанник гуннов полководец Аэций. Этот военачальник по происхождению являлся германцем, но рождён был римлянкой. В римской армии Аэция были крупные отряды визиготов, армориканцев, саксов, франков. Интересно, что особенной храбростью выделялись непокорённые аланы. Участие алан на стороне римлян, а язигов (асов) на стороне Аттилы ещё раз подчёркивает разнородность исторических алан этого времени. Видно, к Аттиле, к гуннам, по родственному признаку с самого начала завоевания аланского государства присоединились тюркоязычные асы, именуемые в исторической литературе языгами.

В Каталаунской битве никто не победил, обе стороны понесли большие потери. И, как пишет Л. Н. Гумилёв, потери особенно сказались на боеспособности войска Аттилы, в битве погибло много гуннских богатырей. Но несмотря на такой исход легендарной для Европы битвы, Атила через год воевал в Италии, и его воины разграбили долину реки По. Сам римский папа предложил огромный выкуп, чтобы заключить мир. Атила принял предложение и покинул Италию. В 453 году гуннский каган женился на бургундской красавице Ильдико и, по легенде, умер в брачную ночь от рук невесты...

После смерти непобедимого Аттилы гуннская держава стала разваливаться. Сказывались не только осязаемые потери во время Каталаунской битвы; много людских жизней унесла пронёсшаяся по Европе чума. Подвластные племена начали выходить из повиновения: одни отделялись от Орды, другие организовывали восстания. При сражении с мятежными гепидами погиб сын Аттилы Эллак, а оставшихся гуннов два других сына, Денгизих (Денгиз) и Эрник увели в низовья Днепра. Земли гуннов в Паннонии заняли остготы. Денгизих пытался возродить былую мощь гуннов, но в 469 году алан Аспар, командуя объединённым готским войском, разбил гуннов, убил Денгизиха, а его голову отправил в Константинополь. Остатки гуннов закрепились в Малой Скифии (Добрудже), где вскоре к ним на смену пришли авары, затем — объединения болгар, позже — печенеги, кипчаки; последними в списке тюркоязычных

народов будут ногаи, которые и по сей день живут на этой земле.

Примечательно то, что в эддической литературе и южно-германском эпосе в разных вариациях изложена история мести супруги Аттилы. В одном случае она мстит Аттиле за смерть братьев, что ближе к историческому факту, в другом — родным братьям за гибель мужа Сигурда (Зигфрида), но используя при этом Этцелю (Аттилу), с которым до того заключила свой второй брак.

И фольклор, и историческая литература дают довольно много подтверждений, что предки тюрков — гунны — когда-то находились в очень близких взаимоотношениях с предками исландцев, датчан, норвежцев, шведов и немцев. Исландские саги указывают не только на асов, они говорят и об известных в истории древних народах: торкьяры и торкыты. Удивительно то, что авторы казачьего словаря-справочника и под этими этнонимами хотят видеть угрофинские народы. Хотя и в таком предположении есть историческая обоснованность: тюркские племена всегда находились в тесном взаимодействии с угорскими народами. Это мы видим на примере долгой совместной жизни тюркских и угорских народов Поволжья, на примере половцев и предков венгров. Так же, как куманы и асы среди венгров, тюркоязычное население ассимилировалось в Финляндии, и своё название город Турку мог получить благодаря им. Кстати, среди ногаев до сих пор сохраняется род мажар и целое племенное объединение костек (остяк) ногай, имеющие этнонимы угорского происхождения. Возможно, что название объединения сарай куьп угорского происхождения и даже восходит к историческим сара-гурам (сары-угры).

Изучение древней европейской литературы в свете данных о тюркских народах — отдельная тема, исследования по этому поводу ведутся. По проблемам сходства и единства германских и тюркских народов существует фундаментальная работа замечательного учёного-тюрколога Виктора Максимовича Жирмунского.

Даже если судить по переводной литературе, в именах асов проглядывают явные тюркизмы. Так, князя асов звали Один. На этом персонаже исландских саг я хотел заострить внимание. Любого образованного тюрка привлекает имя легендарного князя. Хотя многие ломают голову над этимологией этого имени, в мифологии тюркских народов оно сохранено почти без изменений. Но сначала - оскиадиновском Одине...

Как уже говорилось, в эддической литературе асы выступают богами, а Один является их князем. В приписываемой же Сноури Стурлусону книге “Круг земной” Один выступает как реальный исторический персонаж. “Круг земной” Сноури Стурлусона (род. в 1178-м, убит в 1241 году) появился в то время, когда в скандинавских странах прочно воцарилось христианство. И, конечно, лите-

тура того времени ставила целью прославление христианской церкви и наиболее известных правителей, принявших и защищавших эту религию. В то же время для исландской литературы и саговой традиции характерно довольно правдивое изображение прошлой эпохи. Такая тенденция чувствуется и в “Круге земном”. Поражает то, что С. Стурлусон беспристрастно описывает языческие времена. Т. к. он писал на основе более древних текстов, то, видимо, был верен содержанию и не старался угодить современным ему политическим веяниям и нравственно-этическим нормам. В этом убеждают подробности в изложении биографий исторических персонажей и описания этнографических деталей, нравов и обычаев далёких предков.

Первая глава его произведения открывается “Сагой об Инглингах”. Это жизнеописание первых правителей скандинавских стран. Начало посвящено географическому описанию “Круга земного”, где живут люди...” (1). Основное внимание уделяется землям к северу от Чёрного моря, которую скандинавы называют Великой Швецией, или Холодной Швецией, а название отождествляется со словом Скифия, по-латински Скутия. “С севера с гор, — повествуется в саге, — что за пределами заселённых мест, течёт по Швеции река, правильное название которой Таиаис... Страна в Азии к востоку от Танаксвиля (Танаис — И. К.) называется страной Асов, или Жилищем Асов, а столица страны называлась Асгард. Правителем там был тот, кто звался Одним. Там было большое капище. По древнему обычаю в нём было двенадцать жрецов. Они должны были совершать жертвоприношения и судить народ. Они назывались диями. (Надо заметить, что число 12 характерно для структуры власти тюркских государственных образований. В Золотой Орде было 12 биев, а в Ногайской Орде — 12 карачеев. В примечаниях указывается, что под диями подразумеваются языческие боги, но, возможно, что это соответствует названию *тиун* из тюркской государственной титулатуры. — И. К.). Все люди должны были им служить и их почитать. Один был великий воин и много странствовал, и завладел многими державами. Он был настолько удачлив в битвах, что одерживал верх в каждой битве, и поэтому люди его верили, что победа всегда должна быть за ним. Посылая своих людей на битву, он обычно сперва возлагал руки им на голову и давал благословение” (1).

Я не буду глубоко вдаваться в биографические подробности, связанные с семейными взаимоотношениями, героическими походами и странствиями этого персонажа, но считаю, что тюркским исследователям необходимо разобраться в сообщениях “Круга земного” относительно Одина. Возможно, что имя князя (и имена других персонажей) сохранились ещё с допотопических времён и связаны с

героями ведической литературы. Несомненно и то, что тюркское духовное наследие каким-то образом связано с ведической традицией Древнего Востока.

Однако в исландских сагах и в “Круге земном” сообщения конкретизируются и во временном отношении, и в географическом аспекте. Так, владения Одина были расположены к югу от большого горного хребта, тянущегося с северо-востока на северо-запад (Уральские горы — *И. К.*), к “стране турок” (вряд ли это название — из древних источников, скорее, оно откорректировано соответственно географическим познаниям XIII века — *И. К.*).

Асы на исторической родине постоянно воевали с какими-то ванами. Если отнести время жизни Одина к эпохе продвижения гуннов в Европу, то это, наверное, были вандалы или веныды, учёные их относят к предкам славян. На предпочтительность этой версии наталкивает и имя отданного ванами заложника Квасира; бытует мнение, что у древних славян такое имя носил языческий бог наслаждения и веселья. Асы и ваны после перемирия обменялись заложниками, т. е. аманатами. Асы отдали ванами в качестве аманата своего колдуна Мимира. (И опять-таки имя, свидетельствующее о тюркском происхождении асов. *Мамыр* означает помощник, способствующий благополучию). Но отданный в аманаты древний Мамыр не оправдал надежд ванов, умудряясь в решающие моменты куда-то исчезать. За отсутствие на тингах (советах) ваны отрубили ему голову. Голову отправили асам. Получив эту посылку, Один “взял голову Мимира и натёр её травами, предотвращающими гниение, и произнёс над ней заклинание, и придал ей такую силу, что она говорила с ним и открывала ему многие тайны”. Из этого мы видим, что, по представлениям древних, Мамыр и после смерти выполнял свои прижизненные функции и помогал своему хозяину, принося благополучие.

По всем своим действиям Один представляет собою образ правителя кочевников и жреца. Он не сидит на одном месте. На исторической родине в Асгарде он оставляет править своих братьев, сам же воюет в стране Саксов, неоднократно посещает Гардарик и (иначе Страну городов — так называли территорию современной Польши, Украины, Литвы и Белоруссии; некоторые исследователи считают даже, что так назывался древний Киев). На завоёванных землях Один оставляет править своих сыновей.

Представляет немалый интерес характеристика личных качеств асского правителя. Вот несколько цитат из старинной книги:

“Рассказывают как правду, что когда Один и с ним дии пришли в северные страны, то они стали обучать людей тем искусствам, которыми люди с тех пор владеют. Один был самым прославленным из всех, и от него люди научились всем искусствам, ибо он

владел всем, *хотя и не всему учил* (здесь и далее выделено мной — И. К.). Теперь надо рассказать, почему он был так прославлен. Когда он сидел со своими друзьями, он был так прекрасен и великолепен с виду, что у всех веселился дух. Но в бою он казался своим недругам ужасным. И всё потому, что он владел *искусством менять своё обличье* как хотел. Он также владел искусством говорить так красиво и гладко, что всем, кто его слушал, его слова казались правдой. В его речи всё было так же складно, как в том, что теперь называется поэзией. Он и его жрецы зовутся *мастерами песней*, потому что от них пошло это искусство в северных странах. Один мог сделать так, что в бою его *недрузи становились слепыми или глухими или наполнялись ужасом*, а их оружие ранило не больше, чем хворостинки, и его (Одина) войны бросались в бой без кольчуги, ярились, как бешеные собаки или волки, кусали свои щиты, и были сильными, как медведи и быки..." (1, 14).

Далее читаем: "*Один мог менять своё обличье. Тогда его тело лежало, как будто он спал или умер, а в это время он был птицей или зверем, рыбой или змеей* и в одно мгновение переносился в далёкие страны по своим делам или по делам других людей. Он мог также словом потушить огонь или утишить море, или повернуть ветер в любую сторону, если хотел, и у него был корабль — он назывался Скидбладиир, — на котором он переплывал через большие моря и который можно было свернуть, как платок. Один брал с собой голову Мимира (череп — И. К.), и она рассказывала ему многие вести из других миров, а иногда он вызывал мертвецов из земли или сидел под повешенными. Поэтому его называли владыкой мертвецов, или владыкой повешенных. *У него были два ворона, которых он научил говорить*. Они летали над всеми странами и о многом рассказывали ему. Поэтому он был очень мудр. Всем этим искусствам он учил рунами и песнями, которые называются заклинаниями. Поэтому Асов называют мастерами заклинаний" (1, 14).

На мой взгляд, такого подробного описания качеств, присущих древнему каму (шаману, яды, бакши, жрецу) нигде больше не встретишь. Этнографам понадобилось более столетия для изучения таинств исчезающего шаманизма. В "Круге земном" в описании Одина буквально на нескольких страницах мы находим, в кратком перечне, предмет исследования, отражённый целыми томами. Шаманизм, это экзотическое явление, ещё сохраняется в настоящее время у сибирских народов, в том числе у тюркских.

Ранее я уже говорил о личностях, наделённых подобными качествами: царе-жреце Гильгамеше, приближённых Чингиз-хана Кочу и Усуне. Как уже упоминалось, и сам августейший владыка в определённой степени обладал способностями и был посредником

между Небом и людьми. Но об Одине все же сказано больше. Князь асов владел всеми свойствами истинного шамана в совокупности. В нём узнаваемы качества легендарных предков дома Ашина. Те, как пишется в китайских хрониках "Таншу", могли для устрашения "наводить ветры и дожди", а для спасения рода "производить геллоту" в природе. В нём узнаваемы и ногайские камы, умевшие превратиться в крылатую собаку *самыр* и отправлявшиеся на мировое дерево для узнавания судеб, или алтайские и якутские шаманы, которые, обернувшись птицей, летали "над другими странами, исполняя просьбы людей" (2). У сибирских шаманов, как и у Одина, помощниками выступали птицы — при себе они имели или ворона, или орла.

Далее в "Круге земном" сообщается: "От имени Один пошло имя Аудун, и люди так называли своих сыновей, а от имени Тора (сына Одина — *И. К.*) пошли имена Торир или Торерин, а в сочетании с другими словами — Стейнтор или Хавтор и многие подобные" (1, 14).

В комментариях к изданию "Круга земного" исследователи сомневаются в правильности утверждения С. Стурлусона по поводу того, что имя Аудун произошло от Одина. Имя Аудун, если рассматривать его с точки зрения тюркской этимологии, переводится как *Оборотень* (корень слова глагол *ауды* — перевернулся). Подобное происхождение имени возможно, т. к. точно характеризует деятельность этого исторического персонажа. Однако само имя Один слишком напоминает имя легендарного героя якутского эпоса "Олонхо" Одун Дылхы Тойона.

Как и в скандинавской эддической литературе, так и в якутском фольклоре известные мифологические герои имеют несколько имён. Например, божество всемогущей судьбы и неуловимого рока Джылга-Хаан среди прочих имён зовётся: Одун-Хааном, Одун-Халааном и Одун-Байсом. Старец Одун Дылхы из "Олонхо" по всем параметрам своего величия, а так же по функциям "предопределивателя всего сущего" тождественен божественному Одину. В связи с этим хочется сказать и о том, что якутский эпос — почти единственный у тюркских народов, сохранивший мифологическую структуру мира древних тюрков. Удивительно то, что в этой структуре мы находим поразительные соответствия с мифологией скандинавов. У якутов, например, как и у асов, вселенная делится на нижний, срединный и верхний миры. Очень много и других фольклорных соответствий. Я думаю, что эта тема также требует тщательного исследования.

Возможно и то, что имя князя асов Одина равнозначно тюркскому имени Айдын. Здесь две версии. Первая: *ай* значит луна, *Айдын* — Луноподобный. Но возможно и другое предположение. Древнее слово *айдын* — радость, благополучие. Жители Турши,

например, и сегодня каждое утро приветствуют друг друга словами: “Гюн айдын!” (“День радостный, благополучный”). Ногайцы, если кого-то поздравляют с возвращением из армии или из опасного путешествия, говорят: “Козь айынды!” (выражение означает: “Глаза (твои) благополучием озарились!”). Имя Айдын происходит от слова *айы* — добрый, благой свет. У якутов *айы* означает добрый небожитель. Ногайцы молнию называют ясынок (ведический корень *ясуна* — стрела), но есть и другое слово: *айындырык*. Происходит оно от двух слов: *айы* — добрый небожитель и *дурук*, *дурре* — плеть, и первоначально означало: плеть доброго небожителя. Ногайцы обожествляли молнию; погибшего от удара молнии считали избраником богов.

В европейских языках тюркские слова и имена искажаются до неузнаваемости. Например, кто узнает в имени Этцель имя знаменитого Аттилы? Поэтому у меня возникают различные версии.

У западных тюрков, рано распрошавшихся с языческими представлениями, мы не находим ни имени якутского Одуна, ни скандинавского Одина. Но зато бытовало имя Годун. Древнетюркское слово *годун* означает безрассудный. Возможно, это слово лежит и в основе имени известного кипчакского хана Котена. Имя *Котен* может происходить также от этнонима котей-кыпшак. По иогайскому преданию так называли одно из кипчакских племён из-за того, что при разделе жертвенного мяса согыма ему доставалась задняя часть (*котен* означает зад, задняя кишка). Предание это могло возникнуть и из-за созвучия архаического (исчезнувшего из ногайского языка) слова *годун* со словом *котен*, дабы облагородить этнонимическое название, ведь у ногайцев известно ещё одно племенное подразделение с таким добавлением — котен-конгырат. Это племя как раз таки отличается безрассудством, бесстрашием, кичливостью. Поэтому архетипом этнонима *котен* всё же было древнетюркское слово *годун* — безрассудный, бесстрашный. Имя Годун в этом значении вполне подходит для такого легендарного вождя, каковым являлся Один.

Имя Годун занесено и в русскую аитропонимику. О том, что это слово легло в основу фамилии русского царя Бориса Годунова, сообщает известный учёный Н. А. Баскаков (книга “Русские фамилии тюркского происхождения”).

У Одина в исландских сагах множество имён. В одной саге он выступает под именем Высокий (“Речи Высокого”), в других его часто называют Игг в значении “страшный”, “внушающий страх”. Видно, что этимология слова Игг имеет тюркские корни, достаточно напомнить ногайское слово ийги — лучший. Самое же впечатляющее то, что князь асов Один являлся сыном Бора. Бор — характерное имя для тюркских этнонимов. *Бьори* по-тюркски означает

Волк. Кажется, опять мы имеем дело с небесной собакой, повлиявшей на возникновение всех тюркских ханских династий.

Имена сыновей Одина тоже заслуживают внимание. Их зовут: Бальдр, Тор, Вали. В сагах исландцев Бальдр — светлый бог. У ногаев и тюрков Поволжья словом *балдыр* зовут метиса, обычно смешанного с русским, и чаще это светлый, русоволосый человек. Имя исландского бога войны и права Тора без сомнения связано с ёмким ногайским, общим для западных тюрков словом *тоьр* или *тоьре*, означающим: законодательство, судья, феодал, знать, почёт, почётное место. В ногайской эпической песне “Эдиге” основатель ногайского государства Эдиге, будучи в изгнании, был *торье* и вершил суды в народе. Имя *Вали* тоже сохранено в иогайской словесности, происхождение имени, видимо, связано с имением божества — Ваал.

Другие имена, встречающиеся в сагах, также обращают на себя внимание тем, что могут быть связаны с историческими преданиями тюрков. Так, имя Торкель ассоциируется с историческими именами Дургулэль, Торгыл, Тогрул, а имя Торель — с именем огузского владетеля Турали-бея. В “Саге о гренландцах” участвует герой с именем Тюркнир Южанин; само имя его, как и приставка, указывающая на происхождение героя из Южной Европы, подтверждают связи с тюркским миром. Кстати, Тюркнир Южанин участвует в морской экспедиции древних исландцев к берегам американского континента задолго до Колумба, открывшего Америку.

Говорить определённо о времени проникновения тюркизмов в древнегерманские языки почти невозможно. Это могло быть связано, например, с процессом создания лоскутной империи готов. В середине II века готы пересекли Балтийское море и, погнав славянские племена, приблизились к исторической земле древних тюркских племён. Ко времени нашествия гуннов даже Крым и некоторые области Доиа входили в империю престарелого короля готов Германарха. Взаимодействие тюркских и германских языков могло произойти и до готов, в далёкие скифские времена. Но, конечно же, наиболее интенсивно тюркская культура и язык проникали в культуру Европы в годы правления Атиллы. Кстати, имя великого тюрка в первоначальной основе сохранено в эддической литературе, в сагах его называют Атли; в произношении Атлы такое имя до сих пор существует у иогайцев и карачаевцев на Северном Кавказе. Имя грозного правителя Атлы означает Имеитый хаган.

В песнях, связанных с древними гуннами, почти все персонажи носят тюркские имена, даже представители бургундского двора. Например, имя короля Гьук, т. е. *Кёк* — Небо. Другие же имена представляют характерные тюркские модели, состоящие из пар-

Гунн из Кенколя (реконструкция М. Герасимова)

*М. Кутузов
«Фамилия Кутузовых в своей основе имеет... прозвище Кутуз, восходящее к тюркскому слову «бешеный, вспыльчивый, возбужденный»»*

Иллюстрация из книги М.Аджи, указывающая на единую антропологическую традицию обитателей Великой степи. На этот фон напрашивается портрет моего отца, народного писателя Карачаево-Черкесии Суюна Капаева.

ных слов. Мужское имя Тангбард у тюрков существует в виде: Тангберди (Зари-дар), или Тангри-берди (Таигри-дар), женское имя Гудрун — в виде Кутлы (Счастливая, Страстная), популярное имя древних германцев Гуннар представляет собой имя сказочного героя тюркских народов Кун-эр (Солнечный мужчина).

Может быть, это спорно, но среди исследователей периода Великого переселения народов бытует гипотеза о том, что попавшие в Европу (лучше сказать — завоевавшие её) гунны были не единствен-

ными из тюркских народов. В составе племен гуннской о сою за называют саксов, баваров, тюрингов, венгерских секели. К гуннскому племени причисляют даже бургуянов.

Авторы этой идеи ссылаются на сообщения историка IV века Агафия. Исследовательница Н. Пигулевская в книге "Сирийские источники по истории народов СССР" (Москва, 1941, с. 107) приводит такие строки о нашествии гуннов: "Народы гуннов в древности жили вокруг Меотийского озера с восточной стороны и севернее реки Танаис; как и прочие варварские народы, они сидели за горой Имаон, находящейся в Азии (видимо, это Уральский хребет, ногайцы его называют и Арка-ийма — Хребет собравшихся (гор) — Н. К.). Все они зовутся скифами и гуннами, отдельно же по племенам они (зовутся) котригурами, утигурами, ультурами, а другие — бургунами". Котригуры и утигуры в дальнейшей истории известны как составляющие племена тюркских болгар Топонимы: Бургунду, Бургун-Маджар, Бораган, Эль-Бурган, Борга-каш, Бургунстан часто встречаются и на Востоке, и на Западе Великой стены.

По поводу этнонима *бургуны* я хотел сделать дополнение. Например, у нас свой народ, разделенный рекой, живущий по обеим ее берегам, часто называют: ари-ногай (по ту сторону ноган) и бериногай (по эту сторону ноган). Не означает ли название бургуны в связи с этим берин-гун, т. е. гунны, живущие по эту сторону? Тогда сохранившееся у ногайцев, каракалпаков и в большом числе среди казахов племя аргын, наверное, и есть ари-гунны...

Наиболее впечатляющим является имя популярнейшего эпического героя Сигурда (в героическом эпосе — Зигфрид). Это имя носят и герои тюркского фольклора, обладающие такой же харизмой. Само имя — двухсоставное, в своих истоках выглядит как Джык-Курт, т. е. Победитель Волка. Любопытно, что почти в первоначальном тюркском виде оно сохранено за русским казачьим родом Джигурда. В карачаево-балкарском эпосе главу нартов отца Урузмека зовут Схуртук. Если учесть свойственные тюркским языкам смягчение и исчезновение гласных и согласных, в этом имени легко угадывается Джык-Курт, которое сначала превратилось в Сихурд, затем — в Схурт. Окончание ук, означающее сын, потомство, в тюркских именах характеризует принадлежность. В результате имя легендарного героя всех нартов переводится как Потомство Победителя Волка.

Карачаевский исследователь У. З. Байрамуков в книге "Этимологический анализ имен главных героев старшего поколения в национальных версиях эпоса "Нарты" говорит о тождественности имени гуннского князя Сигурда из "Старшей Эды" карачаево-балкарскому имени Схуртук. Разбив имя на три компонента: С — Хурт — Ук, в первом компоненте он видит название племени Со, о котором

говорят китайские источники (легенда о происхождении тюркютов от племени Со и волчицы); во втором компоненте (Хурт) — тюркскую основу *курт* — волк; в третьем компоненте (Ук) — тюркскую основу (сын, потомок, род). Следовательно, имя Схуртук означает “сын племени Со и волчицы”. В связи с происхождением тюркютов от племени Со исследователь связывает имена сразу нескольких нартских героев — Сослан, Сосрук, Сатанай.

Я сомневаюсь в том, что этноним Со имел столь широкое распространение в тюркской антропонимике. Во-первых, правильно ли было прочитано сообщение из китайских источников? Ведь нередко из-за того, что в северокитайском говоре гортанные звуки “к-х” южного произношения заменяются шипящими звуками “с-ш”, в тюркской науке случались ошибки, и неоднократно. В связи с этим не мешает вспомнить заблуждения крупных учёных, когда южное произношение Хунну прочитывалось как Сунну, Кинь — Цзинь, Ки — Си. Поэтому не будет ли читаться привлёкшее исследователя название племени Со как Ко, а точнее — как Ку? Ведь на Алтае, о котором идёт речь в китайских источниках, с древнейших времён до наших дней сохраняются представители племени Куман. Название это состоит из двух слов: *ку* — лебедь, а *ман* здесь — либо человек, либо местоимение я. Этноним переводится: я — *лебедь* или, в русской форме, просто лебединец. Во-вторых, повод для несогласия с построением У. Байрамукова даёт и наличие среди русского казачества уникальной тюркской фамилии Джигурда. Все три антропонима: Сигурд, Схурт, Джигурд в переводе с тюркского языка означают Победитель Волк.

Карачаевский учёный Арсен Кубанов ещё в 1990 году в статье “Некоторые сведения по истории народов Северного Кавказа из книги Иоганна Шильтбергера “Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год” обратил внимание на встречающиеся тюркские слова среди имён и бытовых терминов в исландских сагах. Он не мог обойти вниманием очевидный факт, связанный с кличками лошадей главного князя асов — Одина. Одного коня Одина звали Синир. В примечаниях к русскому тексту “Старшей Эдды” (БВЛ, 1975) эта кличка переводится как “Жилистый”. А. Кубанов совершенно справедливо сопоставляет кличку коня с карачаево-балкарским (я бы добавил сравнение и с ногайским — *И. К.*) словом *сингир* — жилистый. Другого же коня Одина зовут Гюллир, в том же издании кличка переводится как “Цветастый”. Действительно, корень этого слова тюркский (гуль — цветок), но авторы примечаний не упоминают, с какого языка переводятся эти клички лошадей.

А Кубанов пишет: “Сюда же можно включить название котла Эльдхримнир, в котором варят мифологического вепря (это название происходит от (исландского — *И. К.*) “хрим” — сажа, кото-

рое с некоторой натяжкой можно сопоставить с карачаево-балкарским кьурум — “сажа” (по-ногайски *курум* тоже означает сажа — И. К.). Помимо этого в тексте “Старшей Эдды” приводится имя великанши Ерд — матери бога Тора, которое переводится как “земля”. Её имя, нам кажется, можно сопоставить с общетюркским “ер” — “земля” и карачаево-балкарским “джер” — “земля” (3, 106).

Продолжая эту тему, можно привести ряд довольно интересных видоизменений тюркских слов в языке древних европейцев. Этот разговор вполне предметен, когда мы имеем дело с именами людей и богов. Например, имя Теодор, известное как древнеримское, давно бытовало у западных тюрков и сохранилось до сих пор у кавказцев как имя Тотыр. Но в раннюю эпоху от него произошло тюркское имя Дударык, или Тутарык (ранее мы говорили о присущем тюркским словам окончанию *ык, ук*, указывающим как на потомство, так и на принадлежность). Мне видится, что это имя с асами, гуннами, аланами или даже с готами было занесено в Скандинавию, и там оно произносится как Тьодрек, у остготов зафиксировано как Теодорик, а в Южной Германии до сегодняшнего дня бытует как Дитрих.

ПОИСК ПОИСКА

Язык народа сравним с деревом, с живым деревом. Обиходная речь, живая словесность — это крона дерева, жизнь которой заключается в стволе, и наоборот, от живучести кроны зависит и существование ствола. Мёртвый язык — это высохший ствол, материал, нужный и интересный, наверное, только для науки.

Язык — бесконечен, как сама наша жизнь. Беспредельны заключённые в нём познания. При жизни дерево языка раскидывает семена далеко от своих корней. И многие богатства умирающего языка продолжают жить в других языках. Я твёрдо убеждён, что в каждом слове, как в органическом теле, заключена определённая энергия, сила жизни. Всякий язык магически притягателен. Притягателен тем, что он призывает к изучению, познанию его. И мне кажется, что любое слово — это поиск поиска. Редко кто в мире может проникнуть во все таинства языка, постичь все его глубины. Я не хочу верить в то, что человеческий язык возник из подражания разным природным звукам. Язык изначально рождался из слов со смысловой нагрузкой.

“В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог”. “Был человек, посланный от Бога; имя ему Иоанн”. По-ногайски Ян — Душа. “Он пришёл свидетельствовать, чтобы свидетельствовать о Свете...”

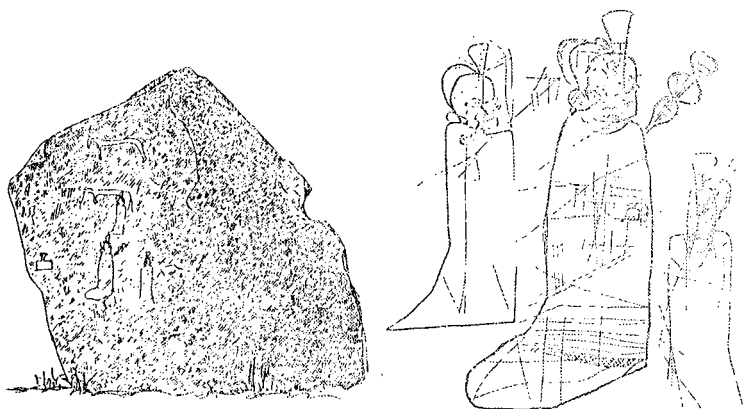
В кроне языкового дерева, среди листьев, особо выделяются цветы. Этими цветами являются имена людей, они всегда божественного происхождения.

Имена — это те же слова, но слова избранные, слова отмеченные, в своём большинстве — слова с сакральным значением. Сам человек при рождении не выбирает себе имени. За него это делают родители, старшие родственники, патриархи общины, знаменитые личности. Люди, давая имя, думают о будущей судьбе новорождённого, питают лучшие надежды, хотят воплотить в жизнь свои мечтания. И часто случается так, что полученное при рождении

имя воздействует на человека, формирует соответствующий характер, влияет на судьбу, управляет жизнью. Имя так закрепляется за человеком, что под другим именем его и представить трудно.

У тюрков часто давались имена с отрицательным значением, дабы отвлечь злых духов. Бывало и так, что человек получал неподходящее для него имя, и тогда окружающие давали кличку, прозвище, которое закреплялось за ним до конца жизни. У многих имён - большая и продолжительная жизнь, они передаются из поколения в поколение. У таких имен - историческая судьба, они несут огромную информацию.

Очень часто исследователей привлекает история имени. В этой работе они находят дополнительные сведения об истории народа.

Эти таинственные рисунки в горах Алтая, возможно, изображения священнослужителей, но я полагаю, что это напоминания о небесных пришельцах.

Ранее я приводил ногайское предание о легендарном старце Коркуте. Этот персонаж и сегодня известен многим тюркским народам. У огузов есть даже книжный эпос “Книга моего деда Коркута”. Поэт Олжас Сулейменов в интервью журналу “Советская тюркология” делает весьма оригинальные выводы по поводу эпоса о Коркуте. И мне хотелось бы их привести.

“Эпос этот, — говорит он, — как мне видится, изучается всё ещё изолированно, узко, в рамках современных границ. А корни его уходят в глубь веков, как минимум — в древнеегипетский период. В Египте существовал миф о сыне Солнца Гор-кл (Гор — солнце) — Солнце-сыне, дитя Солнца, “восходящем Солнце”. Образ

потом воплощался в таких образах героя-победителя, как Гerkле в этрусском, Геракл у греков, Геркулес у римлян, Гороглы у тюрков. Был ещё такой персонаж в древнем Египте — Хор-хт — Солнце-отец, “погибающее Солнце”, “нисходящее Солнце”. Это солнечный цикл, мифы солнечного цикла. Так вот, этот Хор-хт спускался каждый день в подземелье, бился с водяным змеем Апопом и погибал, ужаленный им. Эти основные моменты солнечного сюжета сохраняются в легенде, записанной Диваевым у сырдаринских казахов XIX в. Старый Коркуд, которому всюду мерещится смерть (всюду ему копают могилу), чтобы избежать её, заплывает на ковче на середину Сырдарьи, сидит, играет на кобызе, к нему подплывает водяная змея, жалит его, и он погибает. Три тысячи лет разницы! Сюжеты, безусловно, менялись, но основные линии, костяк сюжета сохранялся. Героглы (Корулы) уже со змеями не борется (в огузском эпосе Кор-оглы — И. К.). Но ведь в ранних редакциях и египетский Гор, и Гerkле, и Геракл — все они боролись с водяными змеями и побеждали. От гидры погибает Хор-хт, а сын его побеждает гидру. И Георгий-победоносец, принятый в христианский пантеон, тоже побеждает дракона. Огузы развили древний сюжет до неузнаваемости. Казахи сохранили самые реликтовые черты мифа, эмбрион, что ли, сохранили. Видимо, и само имя Коркуд было даю не без связи с названными выше персонажами...” (4).

И ногайцы тоже сохранили эмбрион предания об Отце Солнца. О. Сулейменов там же, в интервью, говорит о том, что “заимствованное имя, толкуясь по-разному на новой языковой почве, порождает новые версии “народно-этимологического” толка”. Так, имя Коркут как в казахском, так и в ногайском языках часто объясняют производным от слова “коьр” — “могила” или от “коьр” — “слепец”. Приводя эти примеры, О. Сулейменов упускает ещё одно значение корня слова “кор” — “победа”, унижение противника; в ногайском языке сохранилась глагольная форма “корлады” — “победил, унизил”. Имя Коркут может иметь значение Кор-Кут — Победитель-Удача, т. е. Удачливый Победитель. Кстати, в карачаево-балкарском языке широко бытует имя Хорлам, т. е. Хор-улан — Победитель-сын, такое произношение тождественно имени Короглы. Поэтому в выстроенную О. Сулейменовым систему имён: “Гор-кл, Геракл, Гerkле, Геркулес, Георгий, Гороглы (Корулы)” и, собственно, “Хор-хт — Коркуд” мы смело можем добавить карачаево-балкарские имена: Хорлам и имя Георгия-победителя Гюрюг (у карачаевцев-балкарцев следы раннего христианства ярко выражены в антропонимике). В этот список напрашиваются также древнерусское и половецкое имя Юрий, божество Хорс; возможно, и загадочное имя одного из основателей Киева Хорив — из этой же системы. А в западноевропейских языках это имя меняется до

неузнаваемости: Жорж и Джорж тоже имеют общие корни с сыном Солнца Гором.

На примере одновременного бытования карачаево-балкарских имён: *Хорлам* и *Герюг*, русских *Егор*, *Юрий* и *Георгий* и множества примеров в других языках мы видим, что подобное возможно только в том случае, если имена эти попали в разные эпохи. А это уже открывает для нас одну из страниц истории народа. Так, русские имена Юрий и Георгий подтверждают догадки учёных о том, что на Руси процесс христианизации начался задолго до крещения Руси князем Владимиром, а первое имя - Юрий - говорит ещё и о тесных контактах с христианским Крымом и Северным Кавказом. Карачаево-балкарское имя Хорлам не только подчёркивает изначальное тюркское происхождение этого этноса, но и подтверждает правильность гипотезы О. Сулейменова о контактах тюрков с древнейшими цивилизациями.

История языка, слов, терминов, имён — своеобразная летопись народа. Исследования историков языка показывают, что древние тюрки имели связи со всем миром. Сейчас ведётся большая работа по выявлению связей тюрков с народами Передней Азии, Египта, Ирана, Древней Греции. У учёных неиссякаемые возможности для изучения их языковых контактов с Древним Китаем и Дальним Востоком. Определённых успехов добился татарский учёный А. Каримуллин по исследованию взаимосвязей тюрков с народами американского континента. В древнейшие времена тюрки контактировали с народами Индии. Даже при поверхностном изучении ногайской словесности мы найдём мифы, имена, названия терминов, берущих истоки из ведической традиции. Приведённая в этой книге легенда о космической Лебеди, предания о превращениях дев в лебедей, об Андыр-Шоппае (Индыр-Шоппай), о земной оси Темир Казык (Полярная звезда), название воды *су*, название напитков: *сыра* (пиво), *сербет* (медовая вода), название молнии *ясынок* (ясуна — стрела), единый бог Тангри, — всё это каким-то образом связано с древнеиндийскими ведами.

В этом же интервью О. Сулейменов (“Советская тюркология”, 1989, № 6) справедливо высказался и по поводу “закономерных метаморфозов, происходящих со словом при переходе из одного языка в другой”. Он берёт наиболее доступный пример: взаимодействие славянских и тюркских языков. “Словоизменение всегда строго закономерно, — говорит он в беседе с известным доктором филологических наук Ердеиом Кажибековым. — Одни языки изначально более предпочитают открытые слоги, а другие закрытосложные структуры. Почему, например, тюркское *аличуг* (ал-ачук, казахское (ыл-аш-ык) перестраивается в славянском в *ла-чу-га* (в первом случае все слоги “закрытые”, а во-втором, наоборот, —

все “открытые”)? Почему вдруг восточно-славянские языки не терпят гласного в начале слога? Почему древнетюркское ор-ун-дук (кровать, постель — *И. К.*) превращается или образуется в славянских языках в рун-дук? И т. д. Можно привести множество примеров, указывающих разную инерцию первоначального слога: у славян первичный слог всё же “открытый”. Учитывая эту особенность, мы можем реконструировать, восстановить очень много “скрытых”, невидимых тюркизмов в русском, славянских языках и, наоборот, славянизмов в тюркских. Я занимаюсь этим на протяжении многих лет. И мы получаем совсем неожиданную картину взаимосвязей народов друг с другом, — ведь для того, чтобы позаимствовать слово у другого этноса, необходимы были не простые контакты, а целые эпохи языковой интерференции, взаимопроникновения. Тюрки и славяне, как известно, были соседями на протяжении тысячелетий, — были эпохи схождения, расхождения, народы веками жили вместе, потом расставались на долгие времена, очень многое приобретали друг у друга механически или сознательно. Сливались и смешивались отчасти друг с другом. Но языки были самостоятельными! И каждый язык характерно изменял новое чужеродное слово, как бы приспособляя его к законам своего языка. Значит, инерция слога, закона создания слова — очень прочная категория — и материальная и духовная. И, используя её, можно заново прочитывать ранее неизвестные страницы древнейшей истории” (4, 86).

Как видно из этого высказывания уважаемого исследователя, проблема взаимопроникновения слов из одного языка в другой требует поиска закономерностей. Мы можем насчитать у тюрков, особенно у западных, немало имён греческого, иранского, арабского, славянского происхождения особенно. Многие из этих имён приобрели тюркское обличье и в этом новом звучании распространялись среди других народов. Я считаю, что такие имена, как Германарих, Эйрик, Эрик, Денгизих, Масюк, Астапчук, Аспарух, Рюрих или Хрерик, т. е., с окончаниями *ик, ык, ук, рик, лык* образовались благодаря соприкосновению с тюркской средой. То же самое можно сказать об именах с окончанием *ар, эр, ир, иш, ич, огул, огол, кол, кель, киль, ул, ыл, ил*.

К сожалению, ни я, ни У. Байрамуков, ни А. Кубанов не обладаем достаточным знанием германских языков, поэтому эта тема остаётся за будущими исследователями. Важно другое. Мы, совершенно разные люди, в разное время увидели одно и то же: тюркские праформы в бытовых терминах, именах богов и героев нордических асов.

В России лучше, чем в какой-либо стране, развита тюркология. Это очевидный факт. Но вот что удивительно: многие наши русские учёные-тюркологи испытывали трудности при исследова-

нии взаимодействия славянских и тюркских языков. Они как будто не видели очевидного. Я думаю, что плодотворному исследованию мешали идеологические предрассудки. Возможно, это отголоски христианской идеологии прошлых веков.

Нелюбовь к тюркам возникла ещё в пору могущества Османской империи, когда эта страна представляла реальную угрозу для Европы. В этом смысле показателен лозунг Вольтера: “Победы тюрков живут в душах поколений — значит, надо победить не только самих тюрков, но и их историю”; или ещё: “Турки умеют умирать, а, значит, не покоряться. Но не знающие страха турки... боятся. Боятся воспоминаний о долгом своём пути. Теперь идёт новая борьба — борьба историй...” (5, 113).

Чтобы высказанная мысль не выглядела предвзятой, приведу слова русского тюрколога Н. А. Баскакова: “...проникновение элементов тюркских языков в русскую речь и русский язык чрезвычайно многообразно, но до сих пор оно ещё недостаточно полно вскрыто, особенно в отношении грамматики, фонетики и фразеологии”. Цитата эта взята из книги учёного “Русские фамилии тюркского происхождения”, изданной в 1979 году издательством “Наука”. Надо отметить, что книга эта была неожиданной для российской науки. Кое-кого она покорила. Особенно после того, как ещё не улеглись страсти, вызванные выходом книги О. Сулейменова “Аз и Я”. Для невежественной части прокоммунистической советской интеллигенции узнать о том, что более трёхсот известных дворянских фамилий, составлявших цвет и генофонд нации, своим происхождением, напрямую или косвенно, связаны с татаро-монголами, тюрками, было очень неприятно. Советские идеологи, конечно же, были шокированы. Хотя в царской России представители таких известных фамилий, как Юсуповы, Ермоловы, Огарёвы, Тевкелёвы, Тургеневы, Татищевы, Кутузовы, Булгаковы, Карамзины, Аксаковы, Урусовы, Строгановы ничего дурного в своём происхождении не видели, напротив, у многих представителей этих фамилий в семейных архивах хранились их родословные. Например, что стоило переправить свою родословную предкам знаменитого рода Строгановых?! Нет же. На протяжении нескольких столетий они хранили древний свиток, который гласит: “Барон Александр Сергеевич Строганов, Римской империи граф, пришёл от татарского рода: предок его, коему по принятию христианской веры наречено имя Спиридон, за оказанные отличные опыты верности и храбрости пожалован от великого князя Дмитрия Ивановича Донского в Российском войске воеводою. Потомок сего Спиридона Аникий Фёдорович Строганов переселился в город, называемый Соливычегорск, и, учредя там соляные заводы, много способствовал в покорении к Российской империи разных провинций и к приобрете-

нию Сибири”. (Н. А. Баскаков, указ. сочинение, стр. 13)... А отпрыски знатного русского рода Юсуповых (идущего от ногайского князя Юсуфа) заказывали художникам свои портреты в татарских костюмах, которые до сего дня хранятся в музеях.

Я ни в коем случае не идеализирую отношение власти к национальному вопросу в царской России, но сохранение родословных знати — это уже показатель бережного и уважительного отношения к своей истории. Шумная кампания и резкие выпады оппонентов книги “Аз и Я” против О. Сулейменова — это тоже показатель, но только показатель невежества и неуважительного отношения к истории коренных народов России (тогдашнего Союза ССР). Памятны, даже очень памятны статьи, публиковавшиеся в то время в центральной прессе. Особенно яростной была критика доктора исторических наук А. Кузьмина (“Точка в круге, из которой вырастает репей”, ж-л “Молодая гвардия”, 1976, № 12), докторов наук Л. Дмитриева и О. Творогова (“Слово о полку Игореве” в интерпретации О. Сулейменова”, ж-л “Русская литература”, 1976, № 1), кандидата филологических наук, известного литературоведа Ю. Селезнёва (“Мифы и истина”, ж-л “Москва”, 1976, № 3). Последнего я лично знал и даже уважал как бойца за интересы так называемой “деревенской прозы”. Мы подолгу с ним беседовали в стенах Литературного института им. Горького о литературе, об общественном положении страны, взгляды на многие вопросы идеологии у нас сходились. Он был патриотом русского народа, но он, да как и все мы тогда, не подозревал, насколько исковеркана отечественная история. К сожалению, я так и не успел с ним переговорить после его эмоционального выступления против “Аз и Я”, он вскоре неожиданно умер...

“Серый кардинал” М. А. Суслов готовил обсуждение книги “Аз и Я” в ЦК КПСС, для чего были задействованы силы трёх самых грозных отделов — пропаганды и агитации, науки, культуры. Предполагалось Сулейменова “исключить из партии, освободить от работы и осудить на XXV съезде КПСС...” Из-за невероятного озлобления критики и ярости партийных идеологов мне тогда казалось, что вскоре “Слово о полку Игореве” перепишут заново под современный советский лад, исключив из памятника древнерусской литературы все видимые и невидимые тюркизмы.

Основное обвинение против О. Сулейменова заключалось в том, что он выдвинул “концепцию русско-половецкого происхождения “Слова” (по определению Д. С. Лихачёва). Хотя на самом деле поэт и исследователь вовсе не трактовал происхождение памятника подобным образом. “Он (автор “Слова” — *И. К.*), — пишет в “Аз и Я” Сулейменов, — сын своего сословия, свободно и естественно употреблял в тексте не только невидимые уже тюркизмы, но и

живые тюркские термины и лексические формулы, не боясь быть непонятым своим читателям. *Он рассчитывал на двуязычного читателя XII века*” (подчёркнуто автором) (6, 512).

Даже если допустить, что гипотеза О. Сулейменова неверна, мне непонятно тогдашние столь яростные нападки на его труд. Ведь автор “Аз и Я” признавал и художественные достоинства, и величие произведения. Хотя два века в науке идёт спор о подлинности “Слова...”, Сулейменов ни на толику не соглашался с учёными скептиками, считавшими это произведение подделкой конца XVIII века... Однако ведь и сама версия О. Сулейменова была не нова, у него были предшественники, высказавшие “серьёзно аргументированную гипотезу о “Слове” как памятнике культурного пограничья между Русью и Половецкой степью” (7, 327). В книге автор “Аз и Я” обосновывает свою гипотезу. Конечно, есть и неверные, подогнанные под изначально высказанную концепцию мотивировки. Академик Д. С. Лихачёв в книге “Слово о полку Игореве” и культура его времени” правильно указал на некоторые заблуждения Сулейменова. Например, на объяснения выражений “буй туре”, “Трояна”, “Сон Ярослава” и т. д. Учитывая древность произведения, неоднократные переписки памятника, в “Слове” очень много тёмных, неясных мест, поэтому и возникает необходимость объяснений, трактовок. За два века обсуждений памятника высказаны сотни неверных, ошибочных предположений. И указания академика на заблуждения были необходимы, чтобы затем их не повторяли будущие исследователи.

Я всё больше и больше склоняюсь к мнению, что главной причиной шумихи вокруг “Аз и Я” была *личность автора*. Советских идеологов возмутило то, что «абориген», «инородец» попытался выразить своё и к тому же нетрадиционное отношение к “святым святым” — памятнику русской отечественной литературы — и поднять историческую роль народов, соприкасавшихся с Древней Русью, до одного уровня с их славными предками. Но никого из этих блюстителей чистоты русской истории не волновало то, что величайший русский литературный памятник не безразличен для потомков *всех* описываемых в произведении народов, что “Слово” — это и памятник *их* истории.

В самом Киевском каганате, в его столице Киеве, вместе со славянским населением проживали тюрки: чёрные клобуки, торки, берендеи. Гвардия черниговских князей состояла из *поганых* (т. е. язычников) ковуев. Последние участвовали в походе Игоря против половцев. Эти племена не только жили вместе, но и совместно выступали против врагов Киевского каганата, даже если это были те же тюрки: половцы, печенеги, хазары.

В обозначенное “Словом...” время говорить о какой-либо ас-

симиляции среди славян торков, берендеев, чёрных клобуков, ковуев совсем не приходится. У их правителей устоявшиеся тюркские имена. Так, в летописях торкский хан зовётся Кунтувды (Солнце взшло), имена предводителей берендеев — Дудар Сатмазович, Каракоз Миюзович, Кораз (наверное: Карас) Кокей. Черниговские ковуи блюдут язычество; летописцы и автор “Слова” язычество осуждают, но общественный строй этого народа хорошо знают, указывают даже на составляющие их племена: могут (мангыт или ногут), татран, шельбир, топчак, ольбер (эльбори), ревуги (эр-буга). Значит, знают и язык этого народа. В русских летописях сохранилось значительное количество бытовых, военных, политических терминов, относящихся к неславянскому населению, есть даже легенды о происхождении тюркских ханов (легенда о “Емшане”). Да одно только устоявшееся обращение: “Вся Русская земля и все чёрные клобуки”, неоднократно звучавшее из уст русских князей, разве не ставит тюркское племя чёрных клобуков (каракалпаков) в равное политическое положение с представителями правящего этноса? И самих половцев, перешедших жить в Киевский каганат, во время написания “Слова” было немало. Эти данные Сулейменов не выдумывал и не домисливал, а почерпнул из самого литературного памятника и русских летописей.

Данных, подтверждающих тюркское влияние на язык жителей Древней Руси, в самом “Слове...” ещё больше. Не все они попали в поле зрения О. Сулейменова, а может быть, он сознательно их избежал.

Например:

*“А Игорева храброго плъку не крѣсити,
За ним кликну Карна, Жля,
Поскочи по Русской земли,
Смагу людемъ мычючи в пламянь роз”.*

В этом отрывке любой тюрк узнает слова *карна* и *жля*, они так органично вплетены в произведение, что все переписчики и исследователи выделили их как собственные имена, а некоторые увидели в них имена языческих богов (Д. С. Лихачёв). На самом же деле это тюркские слова: проклятие и плач. *Карга* — проклинать, *жыла* — плакать (в западных тюркских языках буква *ы* не соответствует русскому произношению, это слово звучит, как и в древнерусском: жла). “Карна и Жля” в “Слове” автором употреблены как метафоры.

То же самое происходит и со знаменитым именем вещего Бояна. Имя этого персонажа (думается, что по традиции “Слова о полку Игореве”) упоминается и в другом древнерусском литератур-

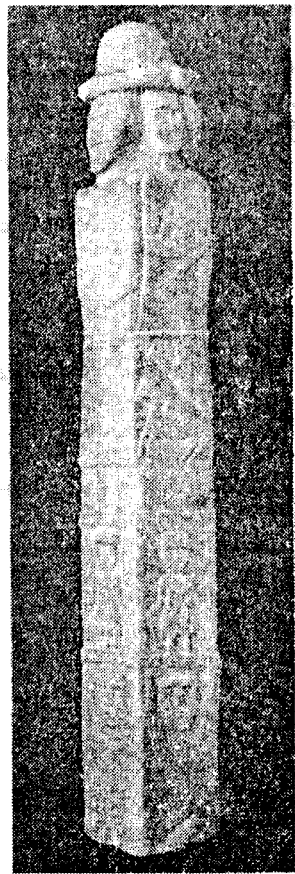
ном памятнике “Задонщина”. Антропоним Боян совсем не характерен ни для русской истории, ни для языка. А вот среди многих тюркских народов имя Баян сохранилось (оно существовало ещё до новой эры). Известно, что западные болгарские ханы носили тюркские имена: Аспарух, Курбат, Омартаг и др. Тюркское же имя Баян носили правители Древней Болгарии, стоявшие у престола в VI веке. Это же имя Баян имел и легендарный хан тюрков-аваров. В 558 году Баян-хан завоевал “половину Европы” и умер в 612 году. Эпического хана огузов звали Баяндур. Имя это состоит из двух частей: Баян-дур, этимология первой части восходит к слову *баянлау* — красиво говорить, вторая часть *дур* означает “настоящий” и, как приставка в виде *дур, дир, дыр*, употребляется во многих тюркских словах.

Смысл, заложенный в тюркском имени, тот же, что олицетворяет вещей Баян в “Слове о полку Игореве”. По огузскому эпосу Баян-дур — это сын Кам-хана. Как уже говорилось, слово *кам* означает и вещателя, и шамана, и жреца. Знаменитая героиня казахского и ногайского эпоса носит имя Баян-слу (переводится как Баян-красавица). В русском языке тоже есть слово *баять*, оно одного корня с тюркским словом *баянлау*, и означает петь, сказывать. От этого корня и слово *байка*, часто употребляемое в ироническом смысле.

Как и некоторые другие исследователи, я полагаю, что слово Баян в памятниках древнерусской литературы использовалось не как имя собственное, а как нарицательное имя, означающее: вещей сказитель, искусный певец. Я не отрицаю и официальной версии. Возможно, что действительно существовал легендарный певец с именем Боян (конечно, не автор литературной подделки “Боянов гимн”). Но тогда исчезновение этого имени из русской антропоники на долгие века может означать то, что жил когда-то на Руси торк (или берендей, или чёрный клобук), или родственно с ними связанный славянин, носивший тюркское имя Боян. Наверное, только поэтому в русском быту не прижилось это имя, хотя и было легендарным (но не популярным) в XII—XIV вв. Потому что существует огромный разрыв традиций между Киевской Русью и Московским государством.

Изучая текст “Слова...”, я не мог не обратить внимания и на название церкви Богоматери Пирогощей. Церковь со столь странным названием была расположена в Киеве. Князь Игорь по возвращении из плена едет не в Новгород-Северский, а в Чернигов и — в Киев, чтобы там исполнить данный им религиозный обет. Это обстоятельство вызывало недоумение у многих исследователей. Почему в Киев? Почему именно в эту церковь? Много различных версий объясняет название храма. Однако, на мой взгляд, все доводы в

пользу греческого происхождения названия иконы, хранящейся в этой церкви, малоубедительны. Академик Д. С. Лихачёв в указанной ранее работе пересказывает все существующие варианты, толкующие смысл слова *Пирогощяя*, и, не удовлетворяясь ни одним,

Загадочный идол X века, найденный на реке Збруч.

проводит собственное исследование. Он приходит к выводу, что такое наименование могло возникнуть от греческого слова *πύργος* — башенная, и что под ней подразумевается икона “Одигитрии Башенной, изображавшей Богоматерь в окружении семибашенных стен Влахернского монастыря” (7, 228).

В Киеве, как уже говорилось, проживало много тюрков: чёрные клобуки, торки, берендеи, перешедшие половцы, и многие из них были христианами. Они имели моленные домики, богатые молились в своих патрональных церквях. Князь Игорь по приезде в Киев не пошёл молиться в патрональный храм киевских князей, а избрал церковь Богоматери Пирогощей. А не могла ли эта церковь быть одной из святынь тюркских христиан?!

На близком к чувашскому, казанско-татарском диалекте *Бире-кощ* означает Дающая силу. На ногайско-кипчакском диалекте — *Бере-кущ*. Фонетическое сходство с *Пирогощяя* налицо.

Христиане обращались к Богородице за исцелением и ради обретения душевных сил. По смыслу название церкви Пирогощяя (дающая силу) вполне соответствует целям князя Игоря — внука половчанки. Опозоренный поражением от половцев (тем не менее, в плену женившийся своего сына на половчанке), Игорь, снискавший

дурную репутацию среди русской знати, не мог показаться на глаза князей, не пройдя некоего очищения. Надо было помолиться, исполнить религиозный обет. Для русского князя, связанного и происхождением, и родственными связями со степняками-половцами,

обратиться с молитвой к иконе *тюркско-христианской*, было, по-видимому, совершенно естественно.

Характерно, что название *Пирогощяя* в дальнейшем исчезает из церковно-славянского обихода. Видимо, это имеет под собой две противоположных причины: с одной стороны, русификацию, а с другой — исламизацию западных тюрков.

О. Сулейменов, опираясь на летописные данные, говорит о множестве брачных свидетельств, т.е., союзов между русскими князьями и половчанками. Не отрицает этого факта и Д. С. Лихачёв. Некоторые учёные (например, А. Н. Робинсон) указывают на то, что от таких смешанных браков появилось около 100 детей и около 200 внуков и внучек. Однако даже единственный династический брак в древности не мог бы ограничиться прибытием в новую семью только одной невесты. Тюрки вместе с ханской дочкой, вместе с богатым приданым отправляли ещё прислугу, челядь и родственников. Что творилось при дворах женихов степных красавиц, можно себе представить... А поскольку браков было много, большое количество пришлых перенимали новые обычаи, часто переходили в веру новых хозяев; к тому же они должны были общаться с местным населением. В самом деле, не могли же они постоянно пользоваться услугами толмачей? И славянская, и тюркская речь были в обиходе в таких русских городах, как Киев и Чернигов. Раз звучала речь, значит пелись песни, игрались тюркские мелодии, передавались традиции словесности и искусства. Значит, были и Баяны, слагающие новые былины о ратных делах...

В одной из глав этой книги я ещё коснусь проблем, связанных со "Словом о полку Игореве". О. Сулейменов прав, когда говорит о том, что в нашей науке преднамеренно занижали роль тюрков в истории Древней Руси. В своей книге он приводит высказывания таких известных учёных, как Б. Д. Греков, А. Н. Иванов, А. И. Попов, Ф. П. Сороколетов и др. В "Аз и Я" цитируется высказывание А. И. Попова, статьи которого пользуются спросом у исследователей древнерусской литературы. "Если хазарские и болгарские отношения со славянами, — пишет этот учёный, — не оставили почти никаких следов в славянских языках и фольклоре, то что могли оставить половцы" (6, 509).

Это высказывание поразительно. Оно бесконечно далеко от подлинно научного отношения к проблеме и обнаруживает одну: нетерпимость к объективной оценке роли тюрков в истории. Как же это тюрки не могли оставить следов в славянских языках, если, например, хазарам русские князья несколько столетий платили дань самым дорогим товаром средневековья: мечами и кровью (рабами)? Не хазары же изучали славянский язык! Наверное, именно данники, вассалы хотели быть понятыми сюзереном... Тем не ме-

нее это заявление учёного весьма типично. Почти сто лет в школах и вузах педагоги долдонили, что татаро-монголы за триста лет владычества ничего, кроме варварства и дикости, не внесли в историю Российского государства. А из книги Н. А. Баскакова читатель вдруг узнаёт, что добрая половина знатных потомков (т. е. образованных) татаро-монголов создавала государственность России. Поэтому мальчик, который пришёл из школы заплаканным из-за того, что его прозвали “монголом”, должен был бы гордиться своей кличкой, а не плакать...

Баскаков написал о самых известных в России дворянских фамилиях. Татарские учёные, взяв за основу его труд, выпустили книгу о 500 дворянских фамилиях татарского происхождения (8).

Ещё раз вернёмся к книге Баскакова. “По своему отношению к тюркскому миру все фамилии могут быть разделены на четыре типа”, — пишет учёный. Большая часть упомянутых в ней русских дворянских фамилий — это выходцы из Золотой Орды и её правопреемников: Казанского, Астраханского, Крымского ханств, Ногайской орды, есть также фамилии, берущие начало от половцев и других ранних тюркских народов”. В данной книге моё внимание привлёк второй тип тюркских фамилий; по классификации автора, это те, которые объявляются западноевропейскими “искусственно созданными родословными”. Родоначальники этих фамилий якобы выходцы из Греции, Италии, Швеции, Германии, Англии, Франции, Польши и Литвы, но антропонимы их откровенно тюркские. В этом отношении показательны фамилии таких известных в России графских родов, как Шереметьевы, Толстые, Суворовы.

О происхождении Толстых так пишется в книге: “Граф Пётр Андреевич Толстой произошёл из древней благородной фамилии, из Германии выехавший предок его Индрис, в 1353 г. выехавший в Чернигов с двумя сыновьями и тремя тысячами людей и служителей, коему по крещении (подчёркнуто мной — И. К.) наречено имя Леонтий, а сыновьям первому Константин, а последнему Фёдор. Внук Константина Леонтьевича Андрей Харитонович по приезде из Чернигова в Москву от государя и великого Князя Василия Васильевича получил прозвание Толстой” (9, 201-202).

Баскаков отмечает, что Индрис (Идрис) является общим родоначальником для целого ряда русских фамилий. Вместе с Толстыми от него происходят дворяне Тухачевские, Дурновы, Даниловы, Васильчиковы. “Родоначальник фамилии Тухачевских Индрис, а по крещении названный Константином, выехал к великому князю Мстиславу Владимировичу в Чернигов из Цесарские земли. Происшедшие от сего Индриса Богдан и Тимофей Григорьевы дети от великого князя Василия Васильевича пожалованы вотчинами и се-

лом Тухачевским, и потому великий князь прозвал их Тухачевскими”. Родословная дворян Дурново также указывает на одного родоначальника: “В 6861/1353 году выехал в Чернигов из Германии муж честного рода Индрис, а по крещении названный Леонтием, с двумя сыновьями Константином и Фёдором и с ними дружины и людей их три тысячи мужей. Великий князь помянутого Индриса пожаловал многою милостию и вотчинами. Константин Леонтьевич имел внука Андрея Харитоновича, которого великий князь Василий Васильевич по приезде в Москву прозвал Толстым, и от него пошли Толстые. У сего Андрея был правнук Василий Юрьевич Дурной, коего потомки Дурновы многие Российскому престолу служили...” (9, 201-202).

Интересно то, что пращур известных дворянских фамилий рассматривается выходцем то из “Цесарских земель”, то из Германии. Я думаю, что западное происхождение рода не всегда приписывалось искусственно. Просто, по-видимому, не было достаточно аргументированных данных о раннем проникновении тюрков в Западную Европу. Даже во времена Золотой Орды значительное количество военных поселений тюрков было в Польше, Литве, Венгрии... А судьба ранних тюрков, осевших в Европе со времён гуннов, аваров, вообще была неизвестна.

Этот вопрос не изучался и в связи с тем, что в Древнюю Русь могли проникать скандинавские варяги, основатели династии киевских каганов. В исторической науке существует мнение, что варяги были призваны самим славянским населением. Хотя такое явление в истории народов имеет место, но в истории Древней Руси “призыв варягов” вызывает немало вопросов. На это обращает внимание и Л. Н. Гумилёв. Он аргументировано доказывает, что в приходе скандинавов (русов) на княжение в славянские земли более всех было заинтересовано иудео-хазарское правительство мощного Хазарского каганата. В обмен за полученную ими власть пришлые конунги платили “дань кровью”, т. е. поставляли невольников, тем самым способствуя развитию “международной торговли мирового еврейства”. (Л. Н. Гумилёв приводит веские доказательства об “откровенно враждебных отношениях” русов и славян. Но вместе с тем, мне кажется, его объяснения этой проблемы слишком туманны. Прочитую целиком.

“В IX в., — пишет учёный, — русы и славяне имели мало общего. В X—XI вв. славяне были хорошо известны всем европейским и византийским географам, а кто такие русы, читателям хроник надо было объяснять. Епископ Адальберт в 959 г. назвал Ольгу королевой ругов, а английский принц Эдуард (989—1017) сообщил про Ярослава Мудрого, что тот “король земли ругов, которую мы зовём Руссией”. А кто были руги, кроме того, что в II—V вв. они

воевали против готов, неясно. Так же неясны их взаимоотношения с россомонами IV в. — союзниками гуннов и, вероятно, антов.

Прошло полтысячелетия... и русы выступают как враги славян, вассалы хазар и друзья варягов, в дружины которых они охотно вступают. Но для отождествления скандинавских варягов с аборигенами-русами оснований нет. Наоборот, интенсивная метисация идёт в X в. между победившими русами и славянами, киевскими и новгородскими, причём торжествуют славянские обычаи и язык. Древнерусское государство было славянским, унаследовав от русов только этноним “поляне, яже ныне рекомые русь” и династию Рюриковичей. Совместная жизнь сплотила русов и славян в единый этнос, хотя процесс взаимной ассимиляции был нелёгким и занял больше ста лет, весьма беспокойных, так как соседями славяно-россов были хитрые хазары и хищные варяги” (10, 158).

Из этого объяснения видим, что Гумилёв разделяет прибывших ранее из Скандинавии (или Прибалтики) русов и пришедших в начале IX века варягов. По мнению того же Гумилёва, начиная с VIII века древние авторы называли россами или руссами (название германского племени) бывших россомонов, которые в I—II вв. покинули Северные земли и распространились в Восточной Европе; в IV—V вв. они в союзе с гуннами выступили против Готской империи. Варяги же представляли собой разношёрстные отряды, в которые входили и шведы, и прибалты, и полабские славяне, и эсты, и финны. Учёный говорит, что слово *варяг* представляет не этническую характеристику, а профессию. Этимология слова восходит к древнегреческому слову варанг.

А не имеют ли отношение к этому слову сообщаемые Бируни и Низами этнонимы Азо-Варанг и Алано-Варяг? То, что и асы и аланы, возможно, являются варягами, необходимо обдумать — это требует размышления...

Призванный прозападной партией “гостомыслов” варяжский конунг Рюрик появился в Новгороде около 862 года и, изгнав предводителя антизападной партии Вадима Храброго, стал править северными землями. Вскоре, пополнив войско заморскими рыцарями, он захватил Киев для своего сына Игоря и расправился с правителями каганата Аскольдом и Диром.

У Л. Н. Гумилёва варяжский конунг Рюрик тоже называется выходцем из этноса “рус”. Но понять, это тот же этнос, что у Аскольда и Диры, или иной, я не смог. Некоторые исследователи представляют Аскольда и Диру дружинниками Рюрика. Смею предположить, что с приходом Рюриковичей на княжение в Киев произошла лишь смена династий.

Гумилёв рисует довольно живописную картину вражды варяжских конунгов и славяно-россов. Из этих описаний видно, что Рюри-

ковичи пришли на княжение не как представители живущего в Киеве этноса. Захватчики, они и не думали заботиться о будущем своей вотчины и, судя по всему, чувствовали себя временщиками. Конунги являлись “сначала союзниками, затем соперниками, а потом васалами евреев-рахдонитов” (Л. Н. Гумилёв) и все свои действия согласовывали с Хазарией.

В древности этническая принадлежность не играла такой роли для вхождения во власть, как в позднее средневековье. Сила и могущество также не имели решающего значения. Главным являлась легитимность правителя. Кстати, как мы видим из исторических сообщений, варяжские конунги не располагали большими людскими ресурсами на ведение широкомасштабной войны. В большинстве случаев они внезапно нападали на города и поселения и, захватив добычу, уходили по воде. “Призыв варягов” на княжение вызывает недоумение у наших современников из-за отсутствия, а скорее — из-за сокрытие легитимности. Аскольд, Дир, Рюрик и его потомки, возможно, имели законное право на княжение, но летописи скрывают от нас этот факт. До прихода варяжских конунгов у племён, населявших Север и Поднепровье, не было таких законных правителей, поэтому так много сведений о славянских племенах, враждующих между собой и участвующих в разных антагонистических коалициях.

Л. Н. Гумилёв, опираясь на собранные А. П. Новосельцевым сведения арабо-персидских авторов, пытается найти объяснение этому явлению. Читаем у него: “По сходным сообщениям Ибн-Русте, Мукадасси, автора “Худуд ал-Алам”, Гардизи и Марвази, русы нападают на славян, подъезжают к ним на кораблях, высаживаются, забирают в плен, везут в Хазаран и Булкар и там продают”. Вместе с тем нападающей стороной анонимный автор “Сборника историй” (Муджмаль ат-Таварих, 1126 г.) считает славян: “...И славянин пришёл к Русу, чтобы там обосноваться. Рус ему ответил, что это место тесное (для нас двоих)... Между ними началась ссора и сражение. Славянин бежал и достиг того места, где ныне земля славян. Здесь он сказал: “Здесь обоснуюсь и легко отомщу”. Зато отношения русов и хазар в IX в. были поначалу мирными. Тот же персидский источник сообщает: “Рус и Хазар были от одной матери и отца. Затем Рус вырос и, так как он не имел места, которое ему пришлось бы по душе, написал письмо к Хазару и попросил у того часть его страны, чтобы там обосноваться” (10, 157).

Кстати, арабы и персы называют славян словом *сакалиб*. Но оно не тождественно этнониму славянин. На это указывает и Л. Н. Гумилёв. На мой взгляд, слово *сакалиб* — это тюркское название иноговорящих народов и происходит от слова *сакау* — немой. *Сакаулы* — то же, что по-русски *немец*, то есть говорящий на дру-

гом, непонятном языке. В тюркских языках нет общего названия для славян в целом. Говорящих на близких языках украинцев, русских, казаков, белорусов *ногайцы* называли одним словом *орус*.

В связи с этнонимом *орус* возникает немало ассоциаций. А не тождественно ли древнескифское название *аорсы* с тюркским названием *орусы*? А не имеют ли *орусы-варанги* (*русы-варяги*) общий корень с *азо-варангами* и *алано-варангами*, о которых сообщают восточные авторы: *Низами* и *Бируни*? Ведь часть *азо-варангов* могла попасть в Скандинавию в начале новой эры, и от них могли пойти нордические асы.

На Северном Кавказе широко распространена фамилия *Урусовых*. Она представляет крупный род у потомков аланов *карачаево-балкарцев*, *осетин* и соприкасавшихся с ними *адыгов*. Если этот род не имеет отношения к *ногайской княжеской фамилии Урусовых*, исходящей от *Эдиге* и давшей начало русской дворянской фамилии *Урусовых*, то можно сделать предположение о существовании в древности крупного подразделения *урус* у *асов*. Можно допустить и существование *асского* подразделения *рус-варанг* в далёкой Скандинавии, хотя не имеется никаких хронологических увязок.

Название государства *Русь* пошло от названия правящей династии. В этом случае — от *рус-варангов*, т. е. *варягов-русов*, призванных обратно на родину. *Л. Н. Гумилёв* приводит сообщение, что “ещё в 839 году послы “кагана Руси” были опознаны в *Ингильгейме* при дворе *Людовика Благочестивого*” и приняты за *шведов*” (10). Этот факт говорит о том, что и до *Аскольда* и *Дира* у *Киева* были связи со Скандинавией. К сожалению, точными данными о ранних русах, об *Аскольде* и *Дире* мы не располагаем. Моя версия о *рус-варангах* может, конечно, показаться натянутой, но и версия о тождестве *ругов* и *русов*, *россомонов* и *русов* совсем не имеет никаких хронологических увязок.

Но о *конунге Рюрик* исторические данные имеются. Он выходец из Скандинавии и принадлежит династии *норвежских и шведских конунгов Инглингов*. По сохранившимся историческим документам и книге *Сноури Стурлусона* *Инглинги* имеют прямое отношение к легендарному князю *асов* *Одну*. Происхождение *Рюрика* от *Инглингов* послужило поводом для призвания *варягов* на соседствующую с *Хазарией* землю. От их прихода была большая выгода для верховной власти *каганата*. Правящая верхушка *Хазарии* непосредственно была связана с международным торговым еврейством. Время призвания *варягов* совпадает с аналогичными действиями на огромной территории Западной Европы. *Л. Н. Гумилёв* приводит основательный материал о походах *скандинавских викингов* на все побережья Западной Европы. Их подвижные отряды громили города на берегах *Рейна*, *Эльбы*, *Сены*, *Луары*, *Гароны* и дру-

гих связанных с морями рек. Они грабили ценности и всюду продавали невольников еврейским купцам. По мнению учёного, эти купцы вели тайные переговоры с варягами, являлись шпионами и проводниками в их походах. Рабы с берегов Северного, Балтийского, Чёрного морей доставлялись до самой Испании, где, в основном, и сбывался товар.

Неизвестно, какие ещё рычаги воздействия на викингов имели представители международной торговли, кроме интересов наживы и взаимного обогащения, но на востоке иудео-хазарская верхушка Хазарии использовала и этнопсихологическую доминанту, пригласив варягов на княжение в своей пограничной зоне. Видимо, о родстве скандинавских конунгов с асами — правителями крепостей и уделов в Хазарии — хорошо знали и северяне-скандинавы, и южане-хазары. Как говорилось ранее, не исключается возможность непосредственного родства асов и царского рода Хазарии. Поэтому сообщение анонимного персидского источника о прямой родственной связи русского и хазарского каганов может быть истинной правдой.

Рюрик (в скандинавских хрониках Хрернк — имя, которое может представлять собой трансформацию имени тюркских правителей IX в. Курурык — Объединитель; оно близко также к имени печенежского хана Курура и болгарского хана Курума) имеет родство с Инглингами, о чём свидетельствуют и российские литературные источники. Историк Е. В. Пчелов, основываясь на родословных Инглингов, старается привести свидетельства о происхождении Рюриковой династии от Инглингов, которые, в свою очередь, берут начало от божественного Одина и его сына Ингви (Летописи ИРО в Москве”, 1994, вып. № 2 (46). Исследователь прослеживает тридцать пять колен Инглингов от Одина до Олава Святого Шетконунга (11). В “Круге земном” С. Стурлусона Инглинги ведут своё начало от Ингви Фрейра, время рождения которого восходит к эпохе Одина, но по уточнённым данным Инглинги ведут начало от далёкого потомка Ингви Ингнальде, сына Энунда Дороги, предка Харальда Прекрасноволосого, настоящего короля Норвегии (VII—VIII в.). Затем линия конунгов разветвляется. Происхождение русских конунгов связано с королями Швеции. Первым в этой линии упоминается конунг Ингвар, в русской трансформации Игорь — поэтому это имя было сильно распространено среди потомков русских князей (сын Рюрика Игорь Старый, новгород-северский князь Игорь и т. д.). Внук Ингвара Ратбард был женат на Ауди Богатой, которая после смерти мужа вышла замуж за Хрерика Метателя Колец, предка Рюрика Новгородского и всех древнерусских правителей (11).

Я не ставлю задачу углубляться в генеалогию Рюриков, но думаю, что эта гипотеза наиболее убедительная, тем более, что

Е. В. Пчелов приводит подтверждения, основанные на данных скандинавских эпиграфических памятников.

Стать правителем в древние времена было труднее, чем можно себе представить. Власть должна была быть признана как народом, так и представителями правящих кругов в близком окружении. Инглинги в IX веке были широко известны в Западной Европе, а главное, они устраивали сильного южного соседа — Хазарию.

В скандинавской литературе имеется немало подтверждений долгой связи потомков Одина с древней прародиной — жилищем асов. В том же “Круге земном” приводится интересная новелла об одном из потомков Инглингов Свейгдире. “Он дал обет найти жилище богов и Одина. Он сам ездил двенадцатый (колесо — *И. К.*) по всему свету. Он побывал в Стране Турок и в Великой Швеции (Скифии — *И. К.*) и встретил там много родичей и эта его поездка продолжалась пять лет”, — пишется в древнем памятнике (1). Во время своего путешествия Свейгдир женился на женщине по имени Вана “из жилища Ванов”. И у него родился сын по имени Ванланда, который правил после него. Свейгдир погиб на своей исторической родине. Так описывается это событие: “На востоке Швеции есть большая усадьба у Камня. Там есть камень большой, как дом. Однажды вечером после захода солнца, когда Свейгдир шёл с пира в спальный покой, он взглянул на камень и увидел, что у камня сидит карлик. Свейгдир и его люди были очень пьяны. Они подбежали к камню. Карлик стоял в дверях и позвал Свейгдира, предлагая тому войти, если он хочет встретиться с Одином. Свейгдир вошёл в камень, а тот сразу закрылся, и Свейгдир так никогда из него не вышел” (1, 17). Эта знакомая мифологема часто встречается в ногайском и вообще в тюркском фольклоре (песня “Адиль-Солтан” и песня “Казый и Карасай”). Свейгдир погиб в Стране гор; если сблизать её со страной асов, наверное, это Северный Кавказ. На это сближение указывает и древний скальд Тьодольв из Хвинира, слагающий об этом событии песни:

*Камень отверз
Ненавистник света (карлики живут во тьме),
И славный вождь
Канул под своды
Пышных палат
Племени Мимира” (1, 17).*

Ранее говорилось о Мимире, что он был другом Одина и был отдан в заложники племени ванов. Похоже, что здесь речь идёт о земле горных асов.

О расприх среди Рюриковичей нам хорошо известно по древне-

русским летописям. В начале XI века Ярослав Мудрый, ища поддержки, первый раз побывал у своих родственников в Упланде (центральная область современной Швеции). Его посольство достойно было принято Олавом Шетконунгом. Олав, ещё и прозванный Святым из-за активного

Святослав с семейством
(древняя миниатюра).

участия в утверждении христианства в Скандинавии (дата окончательного утверждения христианства — 1008 год), созвал тинг, на котором старейшины приняли решение поддерживать дальнего родственника. Вскоре (1016 г.) варяжская дружина прибыла к Ярославу для поддержки. В 1019 году Ярослав Мудрый одержал окончательную победу и навсегда изгнал Святополка с Русской земли. В этом же году правитель Русского каганата женился на Ингигерде, дочери Олава Святого Шетконунга. Предыстория замужества Ингигерды подробно описана в "Круге земном" — это

настоящее романтическое повествование, насыщенное интригами и психологическими подробностями правящих домов Скандинавии.

Но и на этом связь Инглингов с Киевом не обрывается. Олав Святой Шетконунг в результате возникших междоусобиц сам тоже был вынужден покинуть Швецию и отправиться в Гардарики (Киев). Шетконунгом, что в переводе означает "Пола плаща", этот правитель прозван из-за того, что в детстве его, рано оставшегося без отца, носили в плаще. Однако Шетконунг с тюркского можно перевести и как "Крайний конунг". Шет по-ногайски означает "край, подол". Такое прозвище правитель мог получить и из-за того, что он был последний языческий конунг, да и имя Олав, возможно, это тюркское Алав, означающее пламя. Читаем в "Круге земном": "При-

ехав в Гардарики, Олав конунг предавался глубоким раздумьям и размышлениям о том, как ему быть дальше. Ярицлейв конунг (подчёркнуто мной — *И. К.*) и его жена Ингигерд предлагали Олаву конунгу остаться у них и стать правителем страны, которая называется Вульгария...” (1, 340). Много дней пробыл Олав в Гардариках. В книге подробно описан эпизод чудесного излечения конунгом умирающего сына одной из знатных дам в Киеве с помощью изображения креста. Эпизод этот приведён явно в целях идеализации проводника христианства в Скандинавии...

Если генеалогия Рюриковичей в таком изложении верна, то я думаю, что родство правящих домов объясняет и призыв варягов, и первоначальную вассальную зависимость правителей Древней Руси от хазарского кагана. Понятны и тёмные места в летописи Нестора. Просвещённый монах скрывал этнопсихологическую доминанту, родство русских князей с правителями ненавистной Хазарии. Объясняется и подобострастное поведение киевских каганов перед ними, и то, что до установления полной независимости и уничтожения Хазарского каганата они довольно жестоко вели себя в отношении славянского населения: продавали в рабство, губили огромное количество людей в интересах хазар (каспийские походы 913-го, 943—944 годов, поход в Малую Азию в 941 году и т. д.). Интересно, что со времени воцарения варягов, в течение примерно ста лет, между ними и хазарами не было ни одного серьёзного столкновения, а между тем Киевский каганат в какие-то периоды в своей мощи мало уступал Хазарии. Это впоследствии и доказали русские каганы, уничтожив хазарское государство. О взаимоотношениях правителей Древней Руси и иудео-хазарского правительства Хазарии подробно рассказывает Л. Н. Гумилёв в книге “Древняя Русь и Великая Степь”.

Вернусь к труду Сноури Стурлусона “Круг земной”. Автор пишет: “Один ввёл в своей стране те законы, которые были раньше у асов. Он постановил, что всех умерших надо сжигать на костре вместе с их имуществом. Он сказал, что каждый должен прийти в Валгаллу с тем добром, которое было с ним на костре, и пользоваться тем, что он сам закопал в землю. А пепел надо бросать в море или зарывать в землю, а в память о знатных людях надо насыпать курган, а по всем стоящим людям надо ставить надгробный камень. Этот обычай долго потом держался. В начале зимы надо было приносить жертвы богам за урожайный год, в середине зимы — за весеннее прорастание, а летом — за победу” (1, 14).

Из приведённого отрывка наглядно видно, что праздники юридических асов схожи с древними праздниками тюркских народов. Праздник в середине зимы — “за весеннее прорастание” — тождественен распространённому среди всех тюрков празднику сабантой (шопан-той — шопана-праздник; корень слова “шоп” означает —

травинка, росток, с этим связано и название божества Андыр-Шоп-пай).

Обычай трупосожжения в Скандинавии появился давно, ещё в XIII—XII вв. до иовой эры, но во времена Одина и его потомков появился обычай трупоположения. Археологи, проделав анализ текста “Саги об Инглигах” и сравнив свидетельства мест захоронений с местами нахождения курганов, выдвинули предположение о принадлежности захоронений реальным историческим лицам. “На основании археологических и прочих данных” (1, 597) известный шведский археолог Биргер Нерман установил поимённую принадлежность около 20 курганов, начиная с V по IX вв. Обычай захоронения почти такой же, какой являют и евразийские курганы. Так, в Гокстаде в кургане, в котором захоронен Олав Алев из Гейрстадира, был откопан знаменитый корабль викингов. Корабль викингов был откопан и из кургана в Усеберге. “В Усебергском кургане были погребены две женщины (видимо, знатная женщина и её служанка, последовавшая за ней в могилу). Название “Усеберг” (Ose Berg) толкуют как гора “Асы” (1, 597).

Следует упомянуть о повсеместном обычае древних тюрков хоронить вместе с умершим коней, повозки, тачанки, драгоценности, оружие, предметы быта. Разве захоронение кораблей в кургане не есть обычай, пришедший с древней родины Одина?!

Труп Одина был сожжён. Н. Бичурин, извлёкший сведения из китайских источников, говорит о том, что у ранних тюрков было распространено трупосожжение. Я думаю, что тюрки поступали так и позже с посвящёнными камаи, жрецами, которые тайно придерживались ведических традиций.

ГУНСКАЯ МОЗАИКА

У тенгрианцев Страна жизни непосредственно была связана со Страной теней, мир реальный — с миром потусторонним. Это обстоятельство способствовало сохранению памяти об умерших. О них, умерших, слагались песни; имена великих предков не забывались и чтились. Потомки размышляли о том, какими они предстанут перед предками, когда придёт их очередь; они были уверены, что предки интересуются их делами, следят за ними, даже перейдя в иное существование. Бережно, с огромным почтением тюрки относились к памятникам старины, курганам, надмогильным стелам, наскальным надписям и рисункам, песням о героях. Скандинавская руна IX века гласит: «А тот, кто испортит эти знаки, да будет отверженцем, погрязшим в извращениях, известных всем и каждому». Это выражение ярко свидетельствует об отношении тенгрианцев к неразрывной временной и пространственной связи мироздания.

Да, они идеализировали прошлое, чтили память ушедших из мира, старались сложить самые лучшие песни об их деяниях, состязались в этом искусстве, старались попасть в потусторонний мир со своей песней. Высокую нравственность тюрков обуславливало именно это тенгрианское отношение к мироустройству; каждый знал, что ничего не утаишь от своих предков, которым ведомо всё, поэтому соизмеряли с их идеализированным образом собственные деяния и поступки.

Ногаи любили повторять, что предки покоя не находят, видя нашу бесславную жизнь, но никогда при этом не унывали, т. к. знали, что и в далёком будущем у человека есть неограниченные возможности, и главное — не совершить позорного поступка при этой жизни.

У нас, да и у всех тюркских народов, испокон веков была живуча эпическая традиция. Несмотря на то, что существовала письменность и уже в средневековье создавались литературные произ-

ведения, у ногаев, как у всех тюркских народов, вплоть до последнего времени продолжало развиваться устно-поэтическое творчество. Безусловно, у тюрков когда-то имелся один древний источник фольклора, но в дальнейшем каждый тюркский народ, подобно своей исторической судьбе, продолжал развивать общетюркское наследие. В этом отношении особенно выделяется устно-поэтическое творчество ногайцев, в котором сохраняются глубинные истоки общетюркской словесности, а героями эпоса являются реальные исторические лица XIV—XIX вв.

Очень часто тюрки передавали народам, с которыми тесно взаимодействовали, продукты своего устно-поэтического творчества и, наоборот, перенимали фольклорные приёмы, сюжеты у народов, с которыми долгое время контактировали. Продолжая тему о южно-германском эпосе и произведениях эддической литературы, отмечу, что в них ярко просматриваются отголоски тюркского фольклора, а объединяющим началом является гуннская тема.

Мне кажется, что эддическая литература об Атли ближе к историческим событиям, нежели южно-германский эпос «Песня о Нибелунгах». В исландских сагах об Атли дочь бургундского короля Гудрун мстит мужу за убийство брата, и месть эта совершена ужасно: она убивает собственных сыновей от Атли и подаёт поджаренное их мясо на стол. По данным истории, Аттила, убив короля бургундов Гундихария и женившись на его дочери Ильдико, погибает от её рук. В «Песне о Нибелунгах» месть дочери бургундского короля Кримхильды направлена против собственных братьев, которые погубили её первого и любимого мужа Зигфрида. То, что предания об Атли возникли в Германии, где происходили исторические события, связанные с ним, не вызывает никакого сомнения. Но интересно знать, каким образом они проникли в Исландию: в виде произведений устного народного творчества или же в рукописном виде, которые в XIII веке обработал Сноури Стурлусон? Также любопытно было бы узнать, на каком языке были оригиналы саг.

Возможно, прав исследователь М. Аджи, произведений которого мы касались в этой книге, говоря, что «язык кипчаков, как свидетельствуют документы, сохранялся в Южной Германии вплоть до XV—XVII веков». Хотя мне трудно об этом судить, не видя самих документов... Но отсутствие предшествовавших сагам оригинальных материалов даёт повод для подозрений. Может быть, и католическая церковь, как и православная, искореняла всякие культурные следы тюрков-тенгрианцев?

В чем несомненно прав М. Аджи, так это в том, что в южногерманском эпосе и эддической литературе «сохранён дух свободной Степи».

Продолжая тему узнаваемости этнических признаков тюрков, я хотел ещё рассмотреть некоторые общие традиции произведений устно-поэтического творчества тюркских народов и книжного европейского эпоса. Для примера хочу привести краткое изложение сюжета «Песни о Нибелунгах» по предисловию А. Гуревича (12).

«При дворе бургундских королей появляется прославленный герой Зигфрид Нидерландский и влюбляется в их сестру Кримхильду. Сам же король Гунтер желает вступить в брак с исландской королевой Брюнхильдой. Зигфрид берётся помочь ему в сватовстве. Но эта помощь связана с обманом: богатырский подвиг, свершение которого является условием успеха сватовства, на самом деле содеял не Гунтер, а Зигфрид, укрывшийся под плащом-невидимкой. Брюнхильда не могла не заметить доблестей Зигфрида, но её уверяют, что он всего лишь вассал Гунтера, и она горюет из-за мезальянса, в который вступила сестра её мужа, тем самым ущемив и её сословную гордость. Спустя годы по настоянию Брюнхильды Гунтер приглашает Зигфрида с Кримхильдой к себе в Вормс, и здесь во время перепалки королев (чей муж доблестнее?) обман раскрывается. Оскорблённая Брюнхильда мстит обидчику Зигфриду, который имел неосторожность отдать своей жене перстень и пояс, снятые им с Брюнхильды. Месть осуществляет вассал Гунтера Хаген. Герой предательски умерщвлён на охоте, а золотой клад, некогда отвоёванный Зигфридом у сказочных нибелунгов, королям удаётся выманить у Кримхильды, и Хаген скрывает его в водах Рейна. Минуло тринадцать лет. Гуннский властитель Этцель (Аттила) овдовел и ищет новую супругу. До его двора дошёл слух о красоте Кримхильды, и он отправляет посольство в Вормс. После долгого сопротивления безутешная вдова Зигфрида соглашается на второй брак для того, чтобы получить средства отмстить за убийство любимого. Ещё спустя тринадцать лет она добивается у Этцеля приглашения её братьев к ним в гости. Несмотря на попытки Хагена предотвратить визит, грозящий стать роковым, бургунды с дружиной отправляются с Рейна на Дунай. (В этой части песни бургунды именуется нибелунгами.) Почти немедленно после их прибытия вспыхивает ссора, перерастающая во всеобщую резню, в которой погибают бургундские и гуннские дружины, сын Кримхильды и Этцеля, ближайшие приближённые королей и братья Гунтера. Наконец-то Гунтер и Хаген в руках охваченной жаждой мести королевы; она приказывает обезглавить своего брата, после чего собственными руками умерщвляет Хагена. Старый Хильдебранд, единственный оставшийся в живых дружинник короля Дитриха Бернского, карает Кримхильду. В живых остаются стенающие от горя Этцель и Дитрих».

По своей художественности «Песня о Нибелунгах» — вели-

чайшее произведение, которым восторгалось не одно поколение людей. По-разному можно рассматривать его идейную и художественную направленность. Многие исследователи рассматривают эпос как воспевание «кодекса рыцарской чести», как отстаивание «нравственных заповедей» благородного воина, как выражение идеалов феодального общества.

Раскрываемая тема в «Песне о Нибелунгах» продолжает традиции как эддической поэзии, так и древних германских преданий. Но, мне кажется, понимание идейного замысла этого произведения только обогатится, если рассматривать его с точки зрения исследователя, знающего художественный мир тюркской поэзии.

Прежде всего, обращает на себя внимание невнятный образ одного из главных героев событий короля гуннов Этцеля. Любой современный читатель, ознакомившийся с эпосом, задаётся вопросом: почему могущественный правитель словно пребывает в оцепенении, почему он не выступает как активный участник событий? У Этцеля на глазах погибают его дружина, сын, жена, и его неучастие в кровавых событиях вызывает недоумение. Его роль — это роль безучастного созерцателя.

Мне думается, что в этом образе эпос сохранил историческую суть тюркских каганов, которые не только являлись блюстителями исполнения тенгрианских законов, но, в идеале, с божественной невозмутимостью наблюдали за деяниями своих подданных. Гуннский король не в состоянии определить степень ответственности каждого из участников конфликта. А раз не может определить виноватых, то и не может предотвратить напрасной резни, а по тюркским, по тенгрианским законам не может и опуститься до уровня враждующих подчинённых. У тюрков даже при смертельных схватках менее знатный по происхождению должен был дать право выбора оружия, право первого выстрела более знатному. История тюрков знает немало случаев, когда простолюдин, убив знатного человека, даже кровного врага своего повелителя, заслуживал смерть от рук этого повелителя...

Другого объяснения для странного поведения Этцеля не находится. Он, как посланник Неба, хладнокровно созерцает исполнение закона Неба, на его глазах вершится правосудие, правосудие по-тенгриански, которое никак не согласуется с психологией европейца.

Из-за этого безучастного отношения Этцеля мы склонны думать, что в эпосе не идёт речи о стычке враждебно настроенных династий, и, видимо, не только брак бургундской королевы и гуннского короля скрепляет отношения гуннов и бургундов.

Этцель, выражая настроения гуннов, всеми поступками и речами показывает, что он рад гостям, а о зломыслии Кримхильды

знать не знает и ведать не ведает. Эта его позиция не объясняется, она была понятна древнему читателю, и потому похожа на историческую правду. События в эпосе разворачиваются так, будто они происходят в одной подвластной Этцелю стране, в одной королевской семье.

Хаген, до начала враждебных действий со стороны Кримхильды, даже в гуннском лагере вызывает одобрение и восхищение. Сам Этцель, по традициям тюрков, интересуется родословной Хагена, вспоминает его отца, подмечает достоинства, а все гунны жаждут взглянуть на победителя знаменитого Зигфрида.

Но Хаген довольно загадочный персонаж. Он не родственник королям Бургундии, а всего-навсего вассал и, сообразно своему положению, должен быть героем второго плана. Но вопреки месту, занимаемому в обществе, он всё же главный герой произведения. Отважный и доблестный воин, он изначально чувствует подвох со стороны Кримхильды и пытается отговорить Гунтера и его братьев от поездки в державу гуннов. Но он не в силах предотвратить опасную поездку. Во время путешествия в гуннскую державу Хаген от сказочных вещуний узнаёт, что никому из бургундов не дано будет вернуться живым обратно в Вормс. Наверное, он ещё имел шанс предотвратить поездку, но здесь в характере Хагена проявляется присущее тюркским эпическим героям упрямство. Зная обречённость всех бургундов и свою собственную обречённость, после переправы через Дунай он уничтожает челн, дабы никто и в мыслях не мог допустить отступления. И в дальнейшем он совершает ряд поступков, которые провоцируют трагический исход. Он не встаёт перед старшей по сану Кримхильдой, а наоборот — нарочито играет перед её глазами мечом, которым когда-то убил Зигфрида (после чего этим же мечом убивает её сына).

Казалось бы, верный вассал для сохранения жизни своего правителя должен дорожить и собственной жизнью. Но мы видим нечто иное. Это даже не испытание предначертанной судьбы. Мы видим игру с судьбою: убийство перевозчика через Дунай, уничтожение судна, убийство сына Кримхильды и т. д. И каждый поступок Хагена подчёркивает, что он с достоинством хочет встретить смерть.

Я думаю, что исследователи, знакомые с тюркским фольклором, в образе Хагена непременно найдут знакомые черты степных героев и знакомые перипетии сюжета. Так, переправа Хагена через Дунай напоминает нам переправу Эдиге через Волгу и бегство Шорабатыра из Крыма. Кстати, эти кардинальные моменты из жизни ногайских богатырей почти неизменно сохранены во всех вариантах песен, и в казахских, и в каракалпакских, и в татарских, что не является случайностью.

Поведение Хагена — самое выразительное в южно-германском эпосе. По европейским понятиям, его действия — это принятие судьбы, откровенное самоубийство. С тюркской точки зрения это выглядит совершенно иначе. Хаген принимает смерть чисто по-тенгриански. Ведь смерть — ничто для тенгрианца. Главное — это сохранение достоинства воина. Хаген погибает достойно, всеми своими действиями вызывая восхищение.

Логическому построению литературного произведения Хаген мешает. Центральным персонажем эпоса должен бы быть Гунтер, брат Кримхильды, т. к. убийство брата затмевает её месть Хагену. Сюжетное нагромождение с двойной мстью, видимо, вызвано тем, что Хаген — лицо не вымышленное, а историческое, сыгравшее значительную роль в кровавых событиях V века. И тому, что Хаген реальное историческое лицо, есть подтверждения в исландских сагах, где он фигурирует под именем Хегни. В одной из саг его называют сыном сказочного существа *альба* и матери бургундских королей (в тюркском фольклоре алпом называют сказочных богатырей, такая приставка имеется у знаменитых эпических героев: Алп-Манаш, Алп-Арслан). Как я уже упоминал, имя Хаген происходит от тюркского названия каган. Возможно, что прототип этого персонажа имел высокое происхождение. В «Песне о Нибелунгах» говорится, что он правитель загадочной страны Троньи и в молодые годы являлся аманатом (заложником) гуннского короля Этцеля. Исследователи эпоса почему-то пытались соотнести владение Хагена с древней Троей, основываясь на том, что «с VII в. существовало предание о происхождении франков от троянцев». Если полагаться на такие аргументы, как тюркское имя героя, как сношения предков бургундцев — готов — в Крыму и на Дону с тюркскими народами (да ведь и продвижение гуннов с Востока на Запад влекло за собой немало вассальных племён), то Хаген мог быть сыном одного из правителей подвластных гуннам племён с Востока. Название Тронья сходно с названием Турана.

Возвращаясь к рассмотрению эддической литературы, хотелось коснуться ещё нескольких образов и сюжетов, знакомых тюркскому фольклору. В мифологии скандинавов есть два узнаваемых персонажа: Мировой волк Фефнир, с которым предстоит борьба при наступлении конца света, и Мировой змей Ермеганд, который опоясал землю (чувствуется тюркская основа слова, по-ногайски *оьрме* — коса, сплетение). О том, что мировой волк близок к тюркскому образу, говорит и тот факт, что кроме наделяния его устрашающими свойствами, исландцы в волке видят и средство передвижения. Древние сказители «волком волн» образно называют морской корабль. В связи с тотемическими воззрениями у тюрков имеется около десятка названий волка. Фефнир на

языке германцев — тоже один из синонимов имени этого зверя. Любопытно, что авторы древних саг этот образ представляют главным мировым злом. А не аллегория ли это, не таким ли образом авторы выразили своё отношение к тюркскому миру, к гуннской экспансии? Для римских историков Аттила являлся воплощением мирового зла, и называли его не иначе как Бичом божьим.

Рассматривая скандинавские сюжеты, мы находим в них наиболее древние элементы, имеющиеся в тюркских эпических песнях. Возможно, причина этого явления в том, что скандинавские саги долгое время бытовали в отдалённом и изолированном исландском обществе, а затем, став литературным материалом, не подвергались гонениям со стороны церкви и инквизиции. Иная ситуация с тюркским эпосом. Несмотря на то, что у большинства тюркских народов вплоть до последнего времени была сильно развита устно-поэтическая традиция, произведения народного творчества подвергались влиянию со стороны религиозных мусульманских деятелей. Многие произведения устно-поэтического творчества, сообразно с общественным сознанием, редактировались исполнителями, а иногда в творческую жизнь вмешивались, муллы, князья, учёный люд. Так, например, в популярных произведениях устно-поэтического творчества ногайцев отсутствуют волшебные свойства, почти искоренены сюжеты каннибалистического характера, которые, в основном, сохраняются в прозаическом фольклоре. Древние элементы, характерные для домусульманского, дохристианского миропонимания тюрков, сохранились в эддической литературе.

Именно с этой точки зрения уникален сюжет исландской саги «Песнь о Вёлунде». В основе ногайских эпических сказаний об Эдиге лежат исторические события, но сюжетное содержание поэмы имеет глубинные фольклорные истоки. Известные учёные, в том числе крупнейший тюрколог В. М. Жирмунский, занимались исследованием ногайской эпической поэзии. Эпос «Эдиге» имел распространение от Алтая до Дуная, и учёный рассмотрел все существующие варианты поэмы и связи их с мировым фольклором. В некоторых вариантах поэмы главному герою приписывается сказочное происхождение от девы-лебедя. Академик В. М. Жирмунский первый заметил сходство происхождения Эдиге и скандинавского волшебного кузнеца и воина Вёлунда. Но сходство не только в происхождении; при внимательном подходе мы заметим и сходство фабул двух песен.

Как-то Вёлунд — искусный мастер по золоту и воин, вместе с двумя братьями встретил на берегу озера трёх девушек, возле которых лежали лебяжьи одежды. Братья женились на чудесных девушках и остались жить на озере. Через семь зим жёны, обер-

нувшись в лебедей, улетели от них. Старшие братья отправились на поиски жён, а Вёлунд (младший) остался и стал заниматься изготовлением драгоценных украшений. Конунг (хан) Нидуд, узнав о богатствах Вёлунда, напал на него, отобрав все драгоценности и меч, и по совету жены подрезал Вёлунду сухожилия под коленями, чтобы тот не мог покинуть остров. Вёлунд вынужден был изготавливать драгоценности для Нидуда и жил одной мыслью — отомстить конунгу. Он сумел хитростью заманить на остров двух сыновей Нидуда, отрезал им головы и изготовил из них чаши. Вковав в серебро, он отправил их Нидуду, а из их зубов сделал нагрудные пряжки и отправил дочери конунга по имени Бедвильд. Как-то Бедвильд пришла на остров, чтобы исправить повреждённое кольцо. Вёлунд опоил её пивом и завладел ею. Затем, насладившись местью, он обрёл крылья и полетел к дому Нидуда. Там, сев на ограду, вызвал конунга на разговор и поведал ему о своих деяниях...

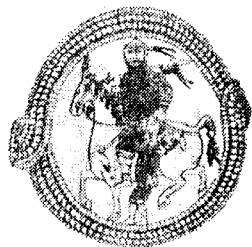
В разных вариантах песни «Эдиге» отец Эдиге Кутлугай-бий (в другом случае в роли отца — Баба Туькли-Шашлы-ас) на берегу озера тоже встречает трёх купающихся девушек и тоже выкрадывает лебяжью одежду одной из них, вынуждая её стать его женой. От этого брака рождается Эдиге. Как и в исландской саге, чудесная женщина недолго живёт с Кутлугай-бием, т. к. он нарушает данный обет и заглядывает под мышки жене, из-за чего она покидает его. Ещё в одном варианте эпическая поэма начинается с того, что жили на свете три брата: Бар-кая, Катыр-кая и Кутлы-кая, так же, как в исландской саге, они встречают на берегу озера трёх девушек, но лебяжью одежду прячет только Кутлы-кая и вынуждает девушку стать его женой, о двух братьях больше не упоминается. В дальнейшем фабула древней исландской саги в ногайской поэме обрастает биографическими и историческими подробностями конца XIV - начала XVI века. Вместо скандинавской мести за унижение главный герой ногайской поэмы готовит месть хану за убийство отца. Под воздействием реальных событий в ногайской поэме эту месть приводит в исполнение внук Кутлугай-бия Нурадин. Нурадин в поединке убивает Токтамыш-хана, отсекает ему голову и, сделав из черепа украшение, возвращается в орду. В тексте песни поётся: «айкель шалып басына» (айкедем обернув голову). Из-за неясности этимологии слова *айкель* всё это выражение я свёл к смыслу: сделал украшение. Вполне вероятно, что словом айкель обозначалась оковка черепа драгоценным металлом. Затем Нурадин, так же, как и в саге, овладевает дочерью хана. Далее, когда сын Токтамыш-хана Кадыр-берди с помощью уловки визиря пленяет Нурадина и сажает на подушку, через которую клинки протыкают его бёдра (подрез сухожилий у Вёлунда),

то Нурадин, схватившись за острия пронзивших бёдра клинков, не показывая боли, перечисляет кровнику содеянные им злые дела...

В обоих произведениях движущей силой сюжета является возмездие за нанесённое унижение, за обиду, восстановление справедливости путём исполнения закона кровной мести. С этим явлением мы встречаемся в древних преданиях и о других легендарных личностях, таких как Аттила и Чингиз-хан.

В сагах об Атли эта тема тоже является заглавной, хотя долг мести выпадает на долю женской половины монаршего дома. И

здесь мы тоже находим немало приёмов, характерных для тюркского фольклора. Гуннская принцесса Брюнхильда (в сагах — сестра Атли), как и подобает героине тюркского фольклора, — натура властолюбивая, гордая. Для замужества ей необходим настоящий богатырь, превосходящий её силой. (В связи с этим персонажем можно вспомнить женские образы из «Алпамыша» и «Манаса» или девушку Айчурек из киргизской песни «Семетей», в поисках богатыря превращающуюся в лебедя). Пожелавший жениться на Брюнхильде король бургундов Гуннар не может справиться с поставленными

Аттила - вождь гуннов, герой европейской истории.

ми обязательными условиями, и поэтому пользуется услугами своего побратима (анды), богатыря Сигурда. Побратим Гуннара выполняет условие — переходит через огненный вал и под видом будущего женхх три ночи спит в одной постели с принцессой. Тут мы встречаемся с уникальной деталью, знакомой по ногайскому фольклору. В постели между Брюнхильдой и Сигурдом лежит обнажённый меч богатыря — как преграда для интимной близости. В ногайской песне об Азавнуре (имя означает Сиянье Азова) главный герой по ночам выезжает в набеги, а для того, чтобы никто — ни жена, ни аульчане не заподозрили его в разбое, в доме оставляет своего друга, который также спит в одной постели с его женой, разделив ложе обнажённым кинжалом. Итак, Брюнхильда выходит замуж за Гуннара, а Сигурд женится на сестре Гуннара Гудрун. Вскоре обман раскрывается. Братья Гудрун убивают богатыря Сигурда, а Брюнхильда, не вынеся позора, кончает жизнь самоубийством. Второй раз Гудрун выходит замуж за Атли. Гуннский владыка, обвинив Гуннара и его братьев в смерти сестры, убивает их и забирает золотой клад. Гудрун, охваченная жаждой мести за гибель братьев, жестоко мстит Атли. Она убивает двух своих сыновей от гуннского правителя, из их черепов делает куб-

ки, а из сердец готовит угощение и подаёт на стол Атли. После этого она убивает мужа и погибает сама. В исландских сагах, как и в ногайских эпических песнях, одна из главных тем — это высокая, почти божественная месть...

Мне необходимо сделать отступление и вспомнить ещё об одном популярном среди северокавказских тюрков сюжете. Он связан со знаменитыми нартскими песнями и сказаниями. В науке давно отмечено, что нартский эпос сосуществует в двух эпических традициях. Основная — общекавказская, распространённая среди таких древних народов, как адыги, осетины, вайнахи, абхазы. Общекавказская традиция имеет довольно прочные связи с мифами Древней Греции и иранской мифологией. Вторая традиция имеет глубокие общие истоки с эпическим наследием древних тюрков. Виновниками проникновения второй традиции в нартский эпос являются древние тюрки гуннской, болгарской, ас-аланской, хазарской эпох. Перечисленные народы сыграли большую роль в этногенезе карачаево-балкарцев, кумыков, одних из главных носителей нартского эпоса. Исследователей эпоса серьёзно озадачивает почти повсеместная тюркская антропонимика нартских героев. Главных персонажей нартских сказаний зовут по-тюркски: Сатана (Сат-ана), Урузмек (Урусбек), Батраз (Батыр-ас), Баданоко (Бодене), Карашуай (Карашавай) и т. д. Анализ текстов и выяснение происхождения нартского эпоса не входит в мою задачу. Тюркские имена главных персонажей нартов могли быть результатом длительного вхождения кавказских народов в мощные тюркские империи.

В нартских сказаниях очень много узнаваемых образов. Так, весьма занимательно, когда мы в рождённом из камня Сосруко видим знакомые черты закалённого на огне древнегреческого Ахилла, а эти оба богатыря — почти близнецы гуннского рогового Сигурда из эддической поэзии или якутского богатыря Муос-Уола, тоже сделанного из рога. Эти герои не только одинаково неуязвимы и совершают равновеликие подвиги, но и погибают одинаково. Женщины выдают врагам их уязвимые места: колени Сосруко, пятку Ахилла, впадину между лопатками Сигурда, подмышки Муос-Уола...

Предметом моего внимания является один из характерных сюжетов нартского эпоса — сказание о мальчике, подростке, мстящем за своего отца. Эти сказания типичны и для адыгских, и для осетинских, и для карачаево-балкарских вариантов эпоса. Особенно яркими являются сказания об Ачемеze (Ашамасе, Эцемеze), имеющие параллели с фольклорными произведениями тюркских народов. Исследователи нартского эпоса отмечали, что «Ашамез не имеет устойчивой генеалогии», т. е. кровных уз с главными

героями нартов. Они утверждали, что «в сказание об Ашамазе перенесены образы старших нартов» (Батраза, Баданоко, Сосруко). В связи с этими обстоятельствами выделяли «позднее оформление этой песни».

В ногайском устно-поэтическом творчестве есть аналогичная легенда «Крымхай», записанная ещё до войны поэтом А. Мурзабековым (газета «Кызыл Черкес», 1940, 10 января, № 15). Доктор филологических наук Л. А. Бекизова, автор первой монографии о ногайской литературе, отмечает, что легенда «Крымхан» является версией карачаевской песни об Ачемезе (13, 15).

Выявление причины проникновения не входит в мои планы, но хочется сказать, что сюжет этого произведения — один из древних в устно-поэтическом творчестве тюркских народов. Образ подростка-мстителя характерен и для огузского, и для кипчакского, и для ногайского периодов развития тюркского фольклора.

Я почти согласен с доктором филологических наук Л. А. Бекизовой в том, что ногайская легенда «Крымхан» — это версия карачаево-балкарской песни об Ачемезе. К такому выводу подталкивает локальный характер бытования легенды, ведь она зафиксирована только у кубанских ногайцев. Но есть факты, подтверждающие её самобытность, — это увязка легенды с местной ногайской топонимикой и даже с ногайской этнонимикой. М. А. Булгарова в серьёзном исследовании топонимических названий Карачаево-Черкесии («Ногайская топонимика», г. Черкесск, 1999 г.) указывает, что на севере аула Кизил-Юрт стоит курган, называемый местными ногайцами курган Ашамая. Жители аула рассказывают, что у этого кургана, по одной версии, родился мальчик Ашамай, который, будучи ребёнком, отомстил за своего отца, и потому его именем назван этот большой курган. От имени мальчика пошёл известный род Ашамайлы. Надо заметить, кстати, что род ашамайлы есть и у караногайцев, и у ногайцев Прикаспийской низменности, и даже у казахов. Больше того, в Казахстане на границе с Китаем есть гора, носящая имя Ашамай. Последнее обстоятельство может говорить о принадлежности легенды к кипчакскому периоду развития тюркского фольклора. По другой версии, у Кургана в ауле Кизил-Юрт погиб герой Ашамай, прославленный тем, что в детстве отомстил за своего отца грозному крымскому хану.

Обращает внимание на себя и тот факт, что в адыгейских сказаниях имя юного героя употребляется в ногайской огласовке, мальчика зовут Ашамас. Адыгейцы тесно контактировали с ногайцами.

Действия в ногайской легенде разворачиваются так же, как и в карачаево-балкарских вариантах... К известному благородством и богатством Ашшы-батыру в гости приезжает знатный крымский хан Куба. Ашшы-батыр встретил гостя с большими почестями,

зарезал двухгодовалых бычков и овец, угостил водкой и медовыми напитками. Утром Куба увёл табун Ашшы-батыра, который на пастбище перемешался с табуном хана. Ашшы-батыр погнался за ханом и догнал его. Но хан не отдал табуна. Завязалась битва, и Ашшы-батыр вместе с братьями и родственниками был убит на поле сражения. Из всего рода остаётся в живых только жена. Она была беременна и вскоре после смерти мужа родила мальчика, которого назвали Ашамаем. Далее, как Нурадин в песне об Эдиге узнает о гибели деда, так и Ашамай от обыгранных им в альчики аульских детей узнаёт о гибели своего отца. Мальчик немедленно приходит домой и просит у матери поесть. Мать протягивает сыну горсть жареной кукурузы, и Ашамай, прижав к ладони матери горячую кукурузу, заставляет мать рассказать о гибели отца. Затем мальчик облачается в военные доспехи отца и, сев на отцовского коня, отправляется на поиски Куба-хана. Найдя убийцу отца, Ашамай вызывает его на поединок. Ашамай с ханом бьются три дня, но не могут одолеть друг друга. В конце концов уставший и обессиленный мальчик прикидывается мертвым и падает на землю. Куба-хан привязывает арканом тело мальчика к седлу своей лошади и, волоча тело по земле, возвращается домой. Во дворе дома Куба-хан бросает тело и произносит: «Это последний выродок Ашшы, завтра я ему отрежу голову и отправлю его матери!» Жене хана красавице Крымхан стало жалко мальчика. Она вымыла водой раны, привела в чувство и уложила спать возле дверей опочивальни, а сама легла спать в постель с мужем. Куба-хану во сне приснился страшный сон: привиделось ему, будто Ашамай достал его заговоренный меч и отрезал ему голову. Он в ужасе проснулся и сказал жене: «Ока зывается, этот выродок живой и моим же заговоренным мечом мне отрезал голову!» «Астопиралла (возглас удивления)! — ответила жена. — Я не знала, что ты такой трус и можешь бояться какого-то мальчишку. Меч твой в сундуке лежит, а ключи под подушкой. Как же он его достанет?» Когда Куба-хан вновь уснул, Ашамай, подкрavшись к кровати, вытащил ключи, открыл сундук, взял заговоренный меч и отрезал голову хана. Мальчик уложил голову в арпак, а кровь слил в кожаный тулук. Сам же под видом хана лёг в постель с его красавицей женой. Перед рассветом он разбудил Крымхан, изменив голос, сказал ей, что враг напал на его имение, и велел собрать все ценности, чтобы быстрее бежать. Крымхан собрала золотые изделия, браслеты, перстни и села на поданного коня. Ашамай, привязав поводья ее коня к своему седлу, погнался на лошадей в сторону своего аула. Когда рассвело, Крымхан спросила: «Ты кто? Какой-то маленький стал, совсем не похож на моего мужа!» Ашамай на ходу вытащил из арпака голову Куба-хана, прикрыл им своё

лицо, пригрозил женщине мечом и велел не задавать лишних вопросов. Так они добрались домой. Ашамай кинул голову хана перед матерью, протянул тулук с кровью, рассыпал драгоценности на столе и, показав на красавицу Крымхан, сказал, что она будет невестой в доме...

Мне думается, истоки этого предания уходят в глубокую древность. Не исключено, что оно являлось основополагающим для появления преданий о возникновении знаменитых ханских династий. Акт возмездия лежит в основе возрождения тюркских государств. Знакомая легенда о происхождении первого тюркского хана Ашины от мальчика с отрубленными руками и ногами неоднократно рассматривается и Л. Н. Гумнлёвым. Опираясь на то, что китайская историко-географическая традиция сохранила смутные сведения об «отрасли дома Хунну от Западного края на Запад», учёный считает, что единственный выживший после истребления гуннов мальчик с отрубленными руками и ногами дал потомство основателям тюркского каганата. Сама же легенда явилась «сигнальной наследственностью», связывающей 400-летний провал в этнической памяти, и послужила поводом «для преодоления исторической несправедливости». В связи с этим высказыванием учёного хочу высказать предположение, что имена отца юного мстителя Ачы, Ашшы, и самого героя Ачемез, Ашамас (Ачмей, Ашамай — уменьшительно-ласкательное от Ашамас) из карачаево-балкарских песен и ногайского предания непосредственно связаны с именем основателя тюркских правителей Ашино. Карачаево-балкарское слово ачы, ногайское — ашшы несут одну смысловую нагрузку с монгольским именем волка Ашино. Слова эти означают: ярость, ненависть, что обычно сопутствует акту мести, возмездия, а также характеризует основное качество волка.

В фольклоре карачаево-балкарцев отсутствуют легенды о происхождении династий от волка или собаки. Видимо, это связано с тем, что карачаево-балкарский этнос длительное время находился под влиянием христианской эстетики.

Фабулу преданий об «Ачемезе» можно назвать древним архетипом европейских преданий об Атли и ногайского эпоса об Эдиге. Кстати, в исландских сагах Атли называют сыном Бутли. По-древнетюркски волка, кроме распространённых его именовании: *бори*, *курт*, *карыскыр*, ещё называли *бут*. Таким образом Аттила — сын Волка. Но первичной в родословной легендарного гунна всё же является легенда о рождении Аттилы от заточённой в башне царевны, которую посещала собака. Как уже подчёркивалось, последнее предание уходит корнями в астрономические познания древних кочевников...

Идеология мести вдохновляла многие поколения, культиви-

ровала наследственную воинственность. То, что потомки бе зрукого и бе зного мальчика могли со здать крупнейшую в мире державу, потрясало и окружение тюркских народов. Эта была великая поэма тюркской истории! Именно так, поэмой, назвал сюжет этого предания и выдающийся учёный Лев Николаевич Гумилев.

Совершенно не случайно упомянул он и «Песнь о Нибелунгах»: «Она такой же отзвук гуннской трагедии, как и перевод легенды о волчице и ее потомках, только сохранилась западная версия полнее, потому что пергамент лучше сопротивляется губительному хроносу, чем берёста» (14, 507).

Ещё раз вернусь к вопросу параллелей между произведениями древних европейцев и ногайским фольклором. Удовлетворением мести заканчивались самые яркие в мировой литературе произведения, т. е. наказание насильников было благородным актом, восстанавливающим справедливость и законность в любом древнем обществе. В южно-германском эпосе «Песнь о Нибелунгах» движущей силой сюжета тоже является месть Кримхильды, но в этом произведении погибают все участвующие в конфликте герои (Зигфрид, Хаген, Гунтер и братья, Кримхильда, её сын и др.). Эта концовка показывает абсурдность мести как орудия законности. В ногайском эпосе «Эдиге» тоже погибают все главные герои (Кутлугай-бий, Токтамыш-хан, его сын Кадыр-берди, Эдиге, его сын Нурадин, его визирь Кенг-Джанбай), но от акта возмездия у читателя возникает чувство удовлетворения. Мало того, проклятья мёртвой головы Эдиге в адрес убивших его токтамышевских мурз Барына и Ширна напоминают будущим поколениям о необходимости продолжения мести. В южно-германском же эпосе ясно ощущается, что для человеческого общества наступают новые времена, времена христианских заповедей. Исландская сага о конунге Вёлунде, видимо, древнее германского эпоса: в ней, как и в ногайской эпической песне об Эдиге, главный герой тоже упивается местью, он даже обретает крылья от своего деяния. Безвестные авторы саги, таким образом, прибегают к знакомому по нашему фольклору поэтическому приёму (вспомните ногайские легенды о девушках, превращающихся в лебедей).

Наличие сходных элементов наглядно подчёркивает факт культурного и литературного взаимодействия в древности между предками тюрков и европейцев. В эддической литературе мы встретим саги, по сюжетному содержанию, по композиционному построению напоминающие цикл песен о ногайских казаках. Сага «Песнь о Хюндле» поразительно похожа на ногайскую песню «Эр-Шобан». В скандинавской саге великанша Хюндли (тюрк. *куьлли* — солнечная) рассказывает юноше Оттару (тюрк. *Отар*), его родословную, перечисляя все прославленные роды, и выводит генеалогию к са-

мим асам. В песне «Эр-Шобан» в центре внимания тоже целый ряд знатных ногайских родов, только в ногайском произведении главный герой, перечисляя их имена, старается тем самым напугать подступивших врагов. То же самое можно сказать и о песне «Азавнур», уже упоминавшейся мною.

Взаимодействие тюрков и европейцев могло иметь место и в самой Евразии, до появления германских племён в Европе. Но и проникновение тюрков в Европу, конечно, заслуживает обширных исследований. В эддической литературе столько этнографических подробностей, близких тюркам, сколько не найдёшь в фольклоре ни у одного отдельного тюркского народа!. Например, европейских героев хоронят в курганах, в захоронения кладут ценные вещи, вместе с правителями хоронят челядь. Ритуальное отношение к черепу заклятых врагов. Пирь в честь посвящения в рыцари (у тюрков — в джигиты), пирь в честь наречения новорождённого. Институт побратимства (ант-дослар), обряды сватовства, обряды одаривания близких и дальних родственников оружием, одеждой, украшениями и т. д. Тюркологу представляется широкий простор в изучении этимологии названий племён, родов, династий, имён богов и героев, сходных сюжетов в фольклоре, лексических параллелей.

В книге «Полынь половецкого поля» М. Аджи весьма запальчиво рассуждает о влиянии ранних тюрков на развитие европейской цивилизации. Исследователь делает важное замечание по поводу сходства древнегерманского и древнетюркского письма, справедливо указывает и на то, что Аттила оказал громадное влияние на Европу. Папа Римский стоял перед ним на коленях, и лишь ценой огромного выкупа спас от погнбели очаг европейской культуры — Рим. Именем гуннского правителя названы Этцельские Альпы. Образ «бича Божьего» вошёл в европейскую литературу. Всё это так. Но некоторые программные заявления М. Аджи звучат неубедительно и противоречиво. Я допускаю, что на знамёнах гуннов мог быть нарисован крест. Допускаю и то, что на них был рисунок двуглавого орла. Так что же всё-таки там было: крест или двуглавый орёл, или оба рисунка сразу? А может быть, на одних знамёнах крест, а на других — двуглавый орёл?

В древности крест символизировал солнце, и в этом качестве присутствовал на археологических памятниках, в этом качестве сохранился в древних и современных орнаментах тюркских народов. Но утверждение М. Аджи, что крест под влиянием гуннов Аттилы стал символом христианской веры, — серьёзное заявление. Удивительно, что Аттилу не причислили к лику святых. Да, среди ранних тюрков: хазар, асов, киреитов, иайман, половцев и др., были христиане, но вызывает огромное сомнение, что именно они

провели столь кардинальные реформы в христианстве. Если бы все происходило именно так, это нашло бы отражение в документах, хранящихся в архивах Ватикана, в греческой литературе .. Крест — явление древнее и на Востоке, и на Западе, и задолго до появления христианства он служил символическим знаком Жизни. Не случайно на тюркских языках крест именуется *каш* — скрещивание, оплодотворение, от этого ногайские слова *кашыр* — оплодотвори, *кашырды* — оплодотворил. На рисунках ногайских войлочных ковров крест занимает центральное место и выражает оплодотворение, начало жизни.

Доктор исторических наук Рамазан Керейтов представляет древнее племя керейт.

Мои земляки очень бурно отреагировали на сочинения М. Аджи. (Ранее я уже приводил их отзывы и прекрасно их понимаю). То, что он исключил ногайцев из тюркского ареала западных тюрков, конечно, возмущает. Но объяснение этому есть. М. Аджи, разоблачая всех и вся, разбрасывая обвинения в сокрытии исторических фактов, прежде всего сам хочет скрыть, что доминирующими наследниками его кипчаков являются ногайцы. Среди западных тюрков только наш народ сохранил и родовой этноним, и все характеризующие народ этнические особенности. И как бы М. Аджи ни хотел причислить кумыков и карачаево-балкарцев к кипчакам, без ногайцев у него это не получится. Взять хотя бы его рассуждения в книге «Европа, тюрки. Великая степь» (Москва, «Мысль», 1998 г., с. 138, примечание) относительно креста Аттилы. На протяжении всей книги крест Аттилы у автора выступает символом христианской религии, но в примечании он пишет: «Равносторонний крест был тамгой (тотемным знаком) улуса Керей. Видимо, Аттила принадлежал к этому роду, раз на его знамени был крест. Каждый тюркский улус имел свой знак, своего покровителя, свое дерево, свою птицу. Род Керей известен практически у всех тюркских народов». Да, род кирей, кирейт известен у ногайцев, казахов, кочевых узбеков, у соприкасавшихся с ногаями башкир, но его нет у кумыков и карачаево-балкарцев — и тут ничего не поделаешь...

Что касается нордических асов... Проникновение их в Европу, вероятнее всего состоялось во времена расширения на юг готского государства и позже, во времена завоеваний Баламира и Атти-

лы. Трудно говорить об изначальном языке асов, но то, что название асов прочно закрепилось в истории тюркских народов, бесспорно. Народ азы, живущий на Востоке, упоминается в китайских источниках I тысячелетия, Л. Н. Гумилёв в книге «Древние тюрки» (изд-во «Товарищество Клышников, Комаров и К», 1993 г. с. 269) приводит сообщение о битве народа аз с киргизами на Енисее в VII веке. Название народа *хакасы* (настоящие, или белые асы), название известного казацкого объединения на Украине *черкасы* (черикас — боевой ас), видимо, тоже связаны с этнонимом ас. Непосредственное отношение к этнониму имеет и легендарный герой киргизского эпоса Манас (Я ас, человек-ас). Интересно, что у казахов, когда рождаются мальчики близнецы, их называют Манас и Танас (донской ас, но, вероятнее, — небесный ас или озарённый ас).

Выяснить до конца историческую роль асов мешает постоянная отождествляемость этого народа с аланами. Надо полагать, что асы на Западе Евразии были до появления сарматских племён и затем на протяжении долгого времени взаимодействовали и с аланами, и с кипчаками, и с тюрками Золотой Орды. В составе Золотой Орды они, как ярые поборники христианства, вместе с ослабевшими казаками были основными виновниками возникновения смут в прикавказских, приазовских и причерноморских степях. К тому времени асы являлись жителями крепостей и городов. Восточные авторы, описывавшие походы среднеазиатского эмира Тимура на Золотую Орду, говорят о большом количестве неверных (гяуров), проживающих в городах Прикавказья, Приазовья и Причерноморья. Среднеазиатский завоеватель жестоко расправился с городами в этих районах. Ногайские предания рассказывают о том, что такие города, как Маджар, Джулат, Татартуп (Тотортуп — Теодора-корень; имя *Теодор*, *Тотыр* было очень популярным среди северокавказских тюрков, болгар), Макас, Таман-Тархан (Тым-Тракай — это название города превратилось потом в выражение: *прахом стало*) были плугом сравнены с землёй. Асы и кипчаки христианского вероисповедания были жестоко истреблены, уцелевшие — принимали мусульманство и растворялись среди народов Северного Кавказа и Крыма, а какая-то часть слилась с нарождающимся русским казачеством. Асы в этногенезе ногаев участвовали задолго до тимурского завоевания, вероятнее всего, это время кипчакско-асского взаимодействия, т.е., XI—XII века. Бесспорным фактом является то, что ногайцы в данное время — единственный народ в западной части Евразии, сохранивший этноним *ас*, и поэтому он имеет полное право стоять в ряду претендентов — карачаево-балкарцев и осетин — на историческое наследие этого интереснейшего народа.

Авторы казачьего словаря-справочника, как и некоторые ис-

торики, апеллируют к описанию аланов и асов римским историком Аммианом Марцеллином, где говорится о «нордическом» типе лица представителей этого народа. Многообразный антропологический облик тюрков является самым веским аргументом против определения этнического признака народа по расовым представлениям. При таком подходе светловолосого, горбоносого кубан-

Почетный председатель ногойского общества «Бирлик» Бальбек Кельдасов представляет род ас из Караногая, известный ногойский художник Юрий Карасов представляет род кубанских асов.

ского ногойца из рода асов мы можем принять за скандинава, а низкорослого, смуглолицего, узкоглазого степного ногойца из того же рода асов — за японца. Некоторые могут подумать, что антропологический облик тюрков сложился благодаря длительному смешению с соседними народами на протяжении длительного исторического пути. Безусловно, фактор взаимодействия и смешения сыграл большую роль. Однако в исторических документах VII века (в армянских летописях) тюрков Хазарского и Западно-тюркского каганатов, появившихся в Закавказье, описывают чистыми монголоидами, а в китайских источниках почти того же времени тюрков из восточной части Евразии запечатлевают на рисунках «с толстым носом, большими глазами и с бородой, начинавшейся под нижней губой, с пышными усами и густыми бровями»

(14, 181). Так же совершенно разные расовые признаки можно вычлениить у исторических гуннов, то же самое мы должны сказать об аланах и асах, о печенегах и кипчаках. Не мешает вспомнить о светловолосых и голубоглазых половцах.

Известный ногайский учёный Р. Кирейтов в фундаментальном исследовании «Этническая история ногайцев» даёт наиболее полную картину распространения асов среди ногайцев, приводит основательные исторические свидетельства участия асов в этногенезе ногайского народа. Часть этих данных, независимо от исследования учёного, были приведены в первой части этой книги.

Думаю, что читателю будут интересны изыскания Р. Кирейтова по этой проблеме. «Правомерный вопрос: «Какие же имеются основания признать асов и аланов тюркоязычными?» — ставят М. З. Закиев и Я. Ф. Кузмин-Юманеди, на основе данных пишут следующее: «В древнетюркских рунических памятниках VIII в. н. э. асы (Яс, Яз) зафиксированы как тюркские племена». Они много раз упоминаются рядом с тюрками (в узком смысле), киргизами (Кляшторный... 1964, с. 34) и представлены как ветвь тюргешей (Бартольд, 1965, с. 204) и киргизов в долине реки Чу (Бартольд, т. II, ч. I, с. 432). Восточные историки X—XI вв. в том числе и М. Кашгарский, сообщают о племенах азкешэ — «люди Аз», которые наряду с аланами и каса (касогами), без сомнения, относятся к тюркским племенам (Бартольд, т. VIII, с. 109; т. V, с. 587). Аль-Бируни, как учёный, заявляет, что язык у асов и алан напоминает языки хорезмийцев и печенегов (Кляшторный... 1964, с. 174—175). Современник Аль-Бируни, неизвестный переводчик «Истории иудейской войны Иосифа Флавия» (написана в 90-х годах н. э.) на древнерусский язык, этноним алан передаёт словом Яс и без тени сомнения утверждает, что ясский язык по роду является печенежским: «Язык же ясский ведомо есть яко от печениженьска рода родися, живущие подле Тана и Меотского моря (Мещерский, 1958, с. 454, 530)» (Закиев... 1993, с. 75) (15, 66).

Я думаю, что проблема асов никогда не замкнётся исследованиями только ирановедов, германистов и славистов. Тюркский феномен открывает занавес на многие места как в фольклоре, так и в происхождении этого исторического народа.

ПОЛОВЕЦКОЕ ПРОЧТЕНИЕ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Великому памятнику русской литературы, «Слову о полку Игореве» посвящены сотни разнообразнейших исследований. Высказаны самые разные предположения о его происхождении и об авторстве, о времени создания, о предназначении произведения. Научная работа над «Словом...» не прекращается и по сей день. В отношении к памятнику были и скепсис, и тенденциозные трактовки, и скрупулёзные академические исследования, дающие объективную оценку этому шедевр мировой литературы.

Крупнейшие учёные, выдающиеся творческие личности единомышленны в том, что произведение это незаурядное и написано с большим литературным вкусом и мастерством. Очевидно и то, что автор «Слова» был образованный человек, хорошо осведомлённый в политической обстановке; он знал не только русскую историю, но и древнюю историю многих народов, живших на юге России.

«Слово о полку Игореве» рассказывает о неудачном походе новгород-северского князя Игоря Святославича в 1185 году на половцев. Подробности этого похода можно прочитать в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях, составленных на основе более древних документов в начале XIV и XV веков.

23 апреля 1185 года князь Новгород-Северский Игорь Святославич совместно с братом Всеволодом, сыном Владимиром и племянником Святославом Ольговичем возглавил русское войско и дружину ковуев, предоставленных ему черниговским князем Ярославом Всеволодовичем.

Возле реки Донец случилось недоброе предзнаменование: произошло солнечное затмение, солнце стало «как месяц». Несмотря на это природное остережение, князь продолжал поход. Он торопился, хотел внезапно напасть на врага и обеспечить тем самым победу. Когда войско ступило на половецкую землю, разведчики

донесли, что их поход не стал неожиданностью для половцев. Это предупреждение тоже не подействовало на Игоря, он посчитал возвращение за позор.

Половцы, собрав значительные силы, ожидали нападения. Но когда сражение началось, степняки стали отступать, заманивая русских воинов в глубь своей территории. Князь, не поняв тактики, преследовал войско противника и даже захватил половецкий стан и отбил пленных. Однако русские воины и ковуи продолжали преследование. И когда Игорь разгадал манёвр, было уже поздно. Он хотел остановить командиров отрядов, но те, охваченные пылом атаки, продолжали преследование, теряя монолитность.

На следующее утро случилось то, чего и следовало ожидать. Половцы большими силами окружили русское войско. Пути для бегства были отрезаны. Как ни пытался полк Игоря вырваться из окружения, он ничего не смог поделать. Из всего войска спаслись бегством Всеволод с пятнадцатью всадниками и часть ковуев. Многие воины погибли на поле сражения, многие утонули в реке Каяле, на берегу которой проходила битва.

В это время киевский князь Святослав, ничего не знавший о походе Игоря, сам собирал войско для нападения на половцев. Бежавший с поля битвы Всеволод сообщил о гибели русского войска на половецкой земле. Святослав был двоюродным братом Игорю и Всеволоду, известие о гибели русского полка его расстроило, и он «утёр слёзы», и сказал: «Дал мне бог обессилить поганых, а невоздержанная молодость отворила двери в Русскую землю, Как сначала сердит я был на Игоря, так мне жаль его, брата моего, стало».

Два года назад Святослав нанёс сокрушительное поражение половцам. Помня об этом, с целью мщения половецкие предводители после победы над войском Игоря без промедления направились на русские земли. Хан Кончак отправился в сторону Киева, но был там отбит и, разорив на пути Римов город, вернулся в родную степь. Другой хан разорил земли, прилегающие к Сейму, до самого Путивля и вернулся обратно с большой добычей.

Около года пробыл в плену Игорь Святославич. Половцы содержали его как почётного пленника. С ним находилась его прислуга, он ездил куда хотел, часто бывал на охоте, половцы даже по па вызывали из Руси для богослужений. Сын Игоря Владимир ранее, ещё до злополучного похода, был помолвлен с дочерью хана Кончака, а во время плена он женился на степной аристократке.

Когда до Игоря дошёл слух, что половцы решили всех пленных перебить, он, сговорившись со своим тысяцким и конюшим, бежал из плена. Половец по имени Олувр оказал им помощь в бег-

стве. Произошло это во время пира половцев, которые стерегли князя. Игорь сбежал, подняв полу шатра, и перебрался через реку, а на другом берегу его ожидал Олувр с конём. Одиннадцать дней Игорь добирался до пограничного городка на реке Донец. На русской земле возвращение из плена новгород-северского князя было встречено общей радостью.

Это историческое описание похода князя Игоря. В «Слове...» сохраняется почти та же последовательность действий, но события обрастают лирическими отступлениями, размышлениями о прошлом и настоящем, поэтическими метафорами и сравнениями. Автор посредством глубоких поэтических образов старается передать свою боль из-за возникших среди русских князей разногласий и междоусобиц, выражает тревогу за дальнейшую судьбу родной земли, с большим пафосом призывает к единению русских князей.

Произведение принято делить на три части. В первой части «Слова...» автор выказывает любовь к родной земле, скорбит о гибели русских воинов, сожалеет о падении славы князей, объясняет поражение прежде всего отсутствием согласия между знатью.

Во второй части автором используются оригинальные художественные приёмы. Например, вещей сон великого киевского князя Святослава считается образцом поэтического искусства в древнерусской литературе:

*Этой ночью с вечера одевали меня, — говорит (Святослав)
чёрным покрывалом на кровати тисовой;
черпали мне синее вино, с горем смешанное;
сыпали мне из пустых колчанов поганных иноземцев
крупный жемчуг на грудь и нежили меня.
Уже доски без князька в моём тереме златоверхом.
Всю ночь с вечера серые вороны граяли у Плесеньска,
в предградье стоял лес Кияни,
и понеслись он, вороны, к синему морю.*

Бояре объяснили князю, что сон означает поражение русского войска и пленение организаторов самовольного похода.

Здесь не мешало бы вспомнить объяснение сна, предложенное Олжасом Сулейменовым. Его гипотеза заключается о том, что «Святослав увидел во сне, как его готовят к погребению по тенгрианскому обряду». Но я специально привожу только официально принятый перевод сна Святослава. С этим переводом категорически не согласен автор «Аз и Я». Отстаивание той или иной версии перевода связано с лингвистическими сложностями. Версия Сулейменова любопытна и в общих чертах достаточно убедительна. Но я внимательно ознакомился и с доводами академика Д. С. Лихачёва,

который отстаивает общепринятую трактовку, и не могу не согласиться и с ним по поводу «палеографических» исследований автора «Аз и Я»...

Вхождение в полемику со столь крупными специалистами не входит в мою задачу и имеет мало отношения к начатому разговору. Вернусь к изложению текста литературного памятника.

Великий князь Святослав произносит «золотое слово со слезами смешанное», в котором он укоряет молодых (младших — И. К.) князей за то, что в поисках лёгкой славы они поражением своим принесли несчастья родной земле, и за то, что его собственные достижения (победу над половцами) подвергли забвению.

Далее Святослав обращается к именам тех русских князей, кто должен прислушиваться к его «золотому слову» и заступиться за интересы Русской земли, а также смыть позор, принесённый Игорем. Автор «Слова...» с горечью заключает, что у стягов потомков Рюрика и Давыда «врозь» «полотнища развеваются». Многие исследователи приходят к выводу, что «золотое слово Святослава» наиболее полно выражает одну из основных задач произведения.

Третья часть «Слова» начинается со знаменитого плача княгини Ярославны. Критики также единодушны в том, что по художественной выразительности и этот отрывок является мировым образцом поэтического искусства.

*Полечу кукушкою по Дунаю,
омочу шёлковый рукав Каяле-реке,
утру князю кровавые его раны
на могучем его теле.*

Так Ярославна рано утром плачет на крепостной стене Путивля, обращается с мольбою то к ветру, то к Днепру, то к солнцу. Она просит помощи у самой природы, и её призыв достигает цели, природные силы помогают освобождению Игоря. Половец Олувр способствует бегству князя. Беглецы у самого Донца загоняют коней, но здесь проходит граница, и уже не догнать их половецким предводителям Кончаку и Гзаку.

Заключительные строки «Слова...» заканчиваются всеобщей радостью на Руси. По поводу счастливого возвращения князя люди веселятся, поют песни во всех русских городах и на Дунае. Автор «Слова...», хотя и осуждает Игоря за то, что он в поисках славы погубил русское войско и открыл врата для набегов половцев, но, как ни странно, воспекает его отвагу, изображает князя радеющим душою за родную землю, и этим вызывает к нему сочувствие. «Тяжко голове без плеч, беда телу без головы — так и Русской земле

без Игоря». Эта фраза выглядит не очень-то обоснованно в контексте данного литературного произведения, тем более неуместной кажется она в применении к историческому образу князя Игоря.

Несоответствия между реальным прототипом и литературным образом Игоря стали основной причиной возникновения кривотолков в науке. Когда мы начинаем знакомиться с летописью, тогда и возникают неувязки в понимании образа Игоря Святославича. Создается впечатление, что автор либо не знал о содержании летописи, либо сознательно скрывал поступки исторического персонажа. Возможно, что о летописи автор и не знал, а деяния исторического Игоря утаивал, дабы создать образ идеального князя XII века. Такие трансформации не только возможны, но и характерны для произведений искусства.

Впрочем, О. Сулейменов считает, что фраза «Тяжко голове без плеч, беда телу без головы — так и Русской земле без Игоря» является припиской переписчика XVI века. Мысль о том, что князь Игорь в XII веке не мог характеризоваться подобным образом, автор «Аз и Я» подтверждает и заключением известного русского академика Б. А. Рыбакова, который достаточно мотивированно и смело заявил, что «Игорь не был борцом за Русскую землю и действовал преимущественно в своих интересах» (6, 478).

В самом деле, исторический князь Игорь Святославич ещё в 1180 году был заодно с половцами и являлся другом своего будущего врага хана Кончака. Объединённое войско друзей было разбито у Долобска киевским князем Рюриком Ростиславичем, а Игорь и Кончак спаслись бегством, сев в одну ладью. Тогда же Рюрик Ростиславич великое княжение уступает Святославу Всеволодовичу. Последний в 1184 году одерживает внушительную победу над половцами, отбивает русский полон, захватывает большую добычу, среди которой имеются военные машины, и даже пленяет «басурманина, стрелявшего живым огнём» (каков кочевник! — *И. К.*). В 1185 году князь Игорь, по летописной характеристике — «не сдержав юности», т. е. молодецкого задора, скрыто от Святослава и Рюрика идёт в поход. Его конечной целью было захватить у половцев город Тьмуторокань (по-ногайски Тым-Таракай — *И. К.*), когда-то принадлежавший русским князьям. Но князь Игорь отнюдь не юноша, каким его хотят представить в исторической литературе, а для той далёкой эпохи — вполне зрелый муж, с ним в походе участвует его взрослый сын Владимир. Так что отнюдь не молодецкий задор является причиной необдуманного похода. Игорь затевает поход из-за личной корысти. На это указывает сам Святослав в «золотом слове», говоря об Игоре и его брате, что они хотели «прошлую славу похитить (у него — *И. К.*), а будущую сами поделить». Совершенно ясно, что князь новгород-северский посту-

пил неблагородно и непристойно. Коварен и вероломен он был и перед своим другом и будущим сватом ханом Кончаком.

В «Слове...» же выводится образ благородного князя, защитника Русской земли, радетеля за благополучие государства. Пожалуй, это главное противоречие, дающее исследователям возможность для разных толкований. Без понимания реального исторического образа князя Игоря и подлинных событий, изложенных в летописях, правильное понимание памятника почти невозможно. Исторический контекст является составляющим произведения, но сопоставление текста памятника и исторических документов создаёт массу вопросов. Сколько изучается «Слово о полку Игореве», столько и ведётся сравнительный анализ.

Академик Д. С. Лихачёв в книге «Слово о полку Игореве» и культура его времени» весьма своеобразно обыгрывает щекотливый момент в семейной биографии новгород-северского князя. В этом отрывке предостаточно оригинальных изощрений, и потому я постараюсь его привести в полном объёме.

«Осуждение Игоря, — пишет академик, — явно чувствуется ещё в одном месте «Слова о полку Игореве», по другому поводу. Сравнивая битву Игорева войска и половцев с пиром, автор «Слова» говорит: «...ту кровавого вина не достану: ту пир dokonчиша храбрии русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Русскую». Автор «Слова» неизменно точен в выборе выражений. Слово «сваты» употреблено им в отношении половцев далеко не случайно. Предводитель половецких сил хан Кончак был действительно «сватом» Игоря. (Здесь поражает, что академик упоминает об этом только в конце книги. — *И. К.*). Сын Игоря был помолвлен с дочерью Кончака ещё раньше. Свадьба состоялась в плену. Владимир вернулся из плена с «дитятею» и уже по возвращению из плена был венчан по церковному обряду.

Однако половцы были сватами русских князей далеко не в одном случае. Олег «Гориславович» (дед Игоря — *И. К.*) был женат на дочери хана Асалуп (ас-алп — ас-богатырь — *И. К.*). Святополк Изяславич Киевский был женат на дочери Тугорхана. Юрий Долгорукий был женат на дочери хана Аепы, внучке хана Осеня. Сын Мономаха Андрей Добрый был женат на дочери Тугорхана; Рюрик Ростиславич — на дочери хана Беглюка. Внучка хана Кончака была выдана замуж за Ярослава Всеволодовича.

Как видим, обращаясь с призывом к русским князьям, направляя им в первую очередь свой призыв встать на защиту Руси, автор «Слова о полку Игореве» имел право назвать с горьким чувством врагов Руси — половцев «сватами». (Встаёт вопрос: кто вынуждал русских князей жениться на половчанках? С врагами не братаются, к ним не сватаются — *И. К.*).

О. Сулейменов делает доклад на IX съезде писателей Казахстана

Осуждение женитьбы на половчанках, — продолжает учёный в том же духе, — проглядывает ещё в одном месте «Слова»: в числе жертв похода 1185 г. киевские бояре называют Святославу Всеволодовичу только «два солнца» Игоря и Всеволода — «и съ нима молодая месяца, Олег и Святославъ». Олег — это сын Игоря, родившийся в 1175 г. Святослав — его племянник, князь Рыльский. Не назван Владимир — старший сын Игоря, несомненный участник похода Игоря (он назван в летописи). А. В. Соловьёв, впервые внимательно изучивший все упоминания князей в «Слове», заподозрил в этом пропуске ошибку переписчика. Однако двойственное число («съ нима молодая месяца», Олег и Святославъ») устраняет возможность механического пропуска переписчика. Перед нами, по-видимому, сознательный пропуск, объясняемый тем, что в Киеве знали о женитьбе Владимира на Кончаковне в плену и, следовательно, не могли рассматривать его как жертву похода. Вряд ли было уместно говорить о Владимире как о померкнувшем месяце в то самое время, когда в ставке Кончака ему пелась свадебная слава. Однако, несмотря ни на что, возвращение Владимира в Киев радует автора «Слова» так же, как и возвращение Игоря: «Слово» заключается славой Игорю, Всеволоду и Владимиру».

Я считаю подобный вывод довольно противоречивым. Автор «Слова...» величальные слова произносит Игорю, Всеволоду и

Владимиру за их счастливое возвращение из плена, значит, он считал жертвами похода всех троих князей. Если придерживаться мнения академика, то и князь Игорь во время свадьбы не сидел в зиндане, а был среди самых почётных участников процесса бракосочетания, и, естественно, что в его честь пелась величальная песня, с ним целовались, бражничали с ним.

Высказывая отношение к кардинальному эпизоду в биографии князя Игоря, академик Д. Лихачёв всё же приходит к справедливому заключению. «Итак, — пишет он, — на всём протяжении «Слова о полку Игореве» автор относится к Игорю с неизменным сочувствием. Но сочувствуя Игорю, он осуждает его поступок, и это осуждение, как мы видели, прямо влагается им в уста Святослава Киевского и подчёркивается всеми историческими параллелями, которые он приводит в «Слове». Его позиция — во всяком случае, не позиция придворного Игоря Святославича, как и не придворного Святослава Всеволодовича. И в этом случае он независим в своих суждениях» (7, 134-135).

С таким выводом учёного можно согласиться. В средние века литературное произведение предназначалось для семейного чтения в аристократических кругах или для пользования среди учёного люда. А учёный люд в основном состоял из религиозных служителей. До XVIII века последние не только сохраняли литературные произведения, но именно для сохранности их переписывали. И «Слово» переписывалось неоднократно. Несомненно, что произведение подвергалось изменениям. Это происходило и потому, что здесь были непонятные места для переписчиков, и, конечно, были религиозные мотивы. Переписчики внесли религиозные наслоения. Из-за этого возникли неточности в психологической мотивировке поведения главного персонажа. Действительно, очень странно, когда в конце произведения Игорь, Всеволод и Владимир выглядят яркими поборниками христианства.

*Певши песнь старым князьям,
потом и молодым петь:
Слава Игорю Святославичу,
буй туру Всеволоду,
Владимиру Игоревичу!
Здравы будьте, князья и дружина,
борясь за христиан
против нашествия поганых!..*

В данном месте призыв к борьбе с половцами никак не оправдывается. Мы видим, что враждебные действия исходили от князя Игоря и его родственников, а не наоборот. Тема борьбы за христи-

анство в данном случае едва ли правомерна, хотя бы из-за того, что поход против половцев обернулся заключением брачного союза одного из главных его инициаторов с нехристианами. Не имеющее мотивации декларативное обращение автора, а вернее — авторов приписок к «Слову», вызвало у меня потребность в новом прочтении литературного памятника, под иным углом зрения.

Возник вопрос: почему автор «Слова» в противоречивой фигуре князя Игоря увидел характерного героя эпохи? А не представлял ли такой герой угрозу для существования Русского государства?

Очевидно, что «Слово о полку Игореве» зиждется на традициях устно-поэтического творчества. Я думаю, что произведение первоначально излагалось в форме песни, былины. Оснований считать так немало. Многие учёные отмечали, что «Слово» имеет ту же поэтическую традицию, в которой создавались народные былины. Наверное, не случайно то, что и А. С. Пушкин, и В. Г. Белинский относили «Слово...» к «древнейшему памятнику русской поэзии в эпическом роде». И академик Лихачёв подчёркивает, что «образная устная речь XI—XII вв. во многом определила собой поэтическую систему «Слова о полку Игореве» и что «это не произведение рафинированной книжной культуры, доступной для немногих и замкнутой в традициях какой-либо узкой литературной школы» (7).

Учёные находят предостаточно параллелей между поэтическими образами «Слова...» и произведений русского фольклора. Но интересно, что в русском фольклоре я не нашёл для сравнения произведений с аналогичным сюжетом. Как это ни парадоксально, подобный сюжет имеется в половецком фольклоре. Ярким свидетельством единой поэтической традиции является историческая песня ногайцев «Адиль-Солтан».

Эта песня в XIX веке неоднократно записывалась в разных регионах проживания ногайцев. Наиболее полные варианты попали в сборники фольклорных произведений, составленные В. Радловым и М. А. Османовым. Имеются интересные варианты, записанные ногайскими фольклористами А. Х. Джанибековым и А. Сикалцевым. За исключением некоторых подробностей, события во всех вариантах песни излагаются идентично.

Обычно в предыстории песни в прозаической форме рассказывается о делах в Ногайской Орде и о взаимоотношениях Орака и Исмаила. Бий Исмаил, известный своим коварством и жестокостью, подстрекает слабоумного Калю убить бесстрашного Орака. Калю убивает Орака, когда богатырь совершает молитву в мечети. Исмаил, чтобы не выдать своей причастности, хочет устранить убийцу, но Калю скрывается и находит приют у крымского хана. Жена Орака, опасаясь за жизнь детей, отправляет старших сыно-

вей Казыя и Карасая к черкесам. Братья на Кубани обретают большую славу. Крымский хан, считавший Орака своим кровником, по совету Калю приглашает Казыя и Карасая к себе во дворец, но братья боятся предательства и не соглашаются. Далее в песне участвует один Карасай. Хан даёт клятву, что не будет мстить и не нанесёт ему вреда, и снова приглашает Карасая служить у себя. Только после клятвы Карасай появляется во дворце молодого хана Адиль-Солтана. Хан хочет испытать Карасая на верность. Сперва он просит саблю Орака у Карасая. На сабле написаны имена убитых врагов, в том числе и убитых родственников хана. Карасай вежливо отдаёт саблю. Адиль-Солтан, прочитав надписи на клинке, возвращает саблю Карасаю. Но этого недостаточно для хана, и он просит показать шапку, полученную Карасаем за выигрыш на джигитовке среди горских народов Кубани. Карасай, не снимая шапку с головы, кланяется до земли и показывает верх шапки хану. Так Карасай становится верным полководцем у молодого хана.

Турецкий султан, с намерением погубить Адиль-Солтана, направляет фирман в Крым, чтобы молодой хан начал войну против кызыл-басов (буквально — красноголовых, так ногаи именовали персов). Адиль-Солтан сзывает учёных для прочтения и истолкования послания султана. Фирман удаётся прочитать студенту медресе Абул-Касыму. Студент сообщает, что это не дружественное послание, а требование к хану отправиться на войну в далёкую персидскую землю. Несмотря на уговоры приближённых не выполнять коварное требование турецкого султана, молодой хан начинает готовиться к походу и собирать войско. Он закупает порох у англичан, запасается ячменём у абазин, мясом — у кабардинцев. Приглашает Карасая, сына бесстрашного Орака, конгратского предводителя Узын-Айдара, исунского мурзу Сулеймена, бораганского богатыря Мусевке, воинственных каратаяков из Азова, джигитов из бесленеевцев и абадзехов. После сборов ханское войско выступает в поход.

Когда войны переходят границу страны кызыл-басов, сын Орака Карасай пытается отговорить хана от вступления на тропу войны, мотивируя тем, что в горной стране даже для добычи ничего нет, зачем понапрасну губить людей. Но Адиль-Солтан упрямо стоит на своём. Тогда Карасай ловит двух воинов кызыл-басов и приволакивает их к хану. От пленников удаётся выпытать, что впереди ханское войско ожидают несметные полчища персидского шаха. Но и это не останавливает молодого царевича, и он с войском переходит Куру. На другом берегу реки Адиль-Солтан вступает в бой с авангардом войска шаха. В одних вариантах песни кызыл-басы убегают и царевич отбивает обоз, среди которого находится гарем шаха. В рассматриваемом варианте вражеский военачальник просит пере-

мирия и взамен предлагает Адиль-Солтану свою дочь. Советники хана, заподозрив уловку, просят царевича не соглашаться с этим предложением. Адиль-Солтан не слушается и берёт дочь военачальника.

Так два войска расходятся. Персидская невеста от отца получила наставление, чтобы хан на ночь остановился на кызыл-баском берегу Куры. Когда войско доходит до реки, Адиль-Солтан останавливается на привал на персидском берегу и не слушает совета Карасая, который со своими воинами перебирается на ногайский берег. Ночью шах с войском нападает на ханский лагерь и пленяет Адиль-Солтана. В других вариантах царевича пленяют во время его наслаждений с красавицами гарема.

Сын Орака Карасай делает несколько попыток спасти молодого хана. Карасай находит место заточения и предлагает хану своего коня, но царевич отказывается из-за юношеской гордости, дабы его не упрекали, что он обязан Карасаю жизнью. В другой раз Карасай освобождает из тюрьмы пленника в одежде Адиль-Солтана, посадив его на коня, вывозит на свою сторону, и только утром узнаёт, что освобождённый - не тот, за кого себя выдаёт.

Затем в песне рассказывается о сне матери Адиль-Солтана Данабийке. Во сне она видит лежащего на земле сына без рук и ног, рядом с ним валяется сломанный лук и разбросаны стрелы, видит ханский дворец с замками на дверях и кривой главной башней. Напуганная этим сном, она идёт к гадателю *балшы* (бакши), чтобы выслушать объяснение увиденного. Балшы утаивает истинное значение сна и трактует его так, чтобы успокоить ханшу. Однако жена Адиль-Солтана Кунде-ару сразу понимает значение сна и устраивает *сыйт* (поминальный плач) по погибшему мужу. Между тем войско возвращается в Крым, и гибель Адиль-Солтана подтверждается. Песня заканчивается длинным песенным плачем матери хана Данабийке.

Кроме сюжетной линии с Карасаем и смерти главного персонажа в песне «Адиль-Солтан», во всём остальном мы можем увидеть удивительно точные совпадения со «Словом о полку Игореве». Адиль-Солтан, как и Игорь, спешно собирает войско. И в одном, и в другом произведении акцентируется внимание на составе войск: в русском выделяются племена ковуев, в ногайском — племена черкесов. Из-за молодецкого задора хан не слушается предостережений приближённых — Игоря не останавливает затмение солнца; пленные предупреждают царевича о войске шаха — разведчики доносят Игорю о том, что половцы большими силами готовы встретить русское войско; в обоих произведениях присутствуют пограничные реки. Игорь выигрывает первое сражение у небольшого половецкого отряда и захватывает половецкие вежи — Адиль-Солтан в

ранних вариантах отбивает шахский гарем, в нашем — разбитые кызыл-басы откупаются девушкой; затем следует пленение главных героев произведений. Больше всего поражает то, что и в «Слове...», и в песне используются одни и те же художественные приёмы: сон Дана-бийке и сон Святослава, плачи матери и жены Адиль-Солтана — и плач Ярославны. Кстати, эти приёмы характерны для многих других ногайских песен.

В «Слове...» происходит благополучная развязка - князь Игорь живой возвращается на родину, песня же заканчивается трагедией: Адиль-Солтан погибает в неволе. Однако в казахских песнях об Адиль-хане главный герой так же, как и Игорь, освобождается из плена и, на радость своим подданным, живой и невредимый возвращается домой. Казахи самый родственный народ ногайцам и тоже имеют прямое отношение к половцам.

Песня «Адиль-Солтан», как и «Слово о полку Игореве», отражает реальные события. Реальная историческая личность, крымский царевич Адиль-гирей являлся младшим братом хана Мухаммед-Гирея II. В 1583 году он командовал крымским войском, которое совместно с турецкой армией выступило против Персии. Этот поход закончился неудачно. Адиль-Гирей в самом начале кампании был пленён. Находясь в плену, он вступил в любовную интригу с сестрою и женою персидского шаха, за что затем и был убит.

Так что говорить о каких-то заимствованиях почти невозможно. Наверяд ли кто-либо из средневековых ногаев читал «Слово о полку Игореве». Единственное, о чём можно говорить — это о существовании более древних фольклорных произведений с подобным изложением событий. Я думаю, необходимо напомнить о том, что многие богатырские песни у ногайцев создавались после смерти героя. Ногайский учёный-фольклорист А. Сикалиев в книге «Ногайский героический эпос» подробно рассказывает об отряде «тонау», когда на поминки богатыря, знатного человека приглашались знаменитые певцы, чтобы сочинить песню. Песня, ставшая лучшей, заслуживала вознаграждения, её автора одаривали самыми лучшими вещами покойного. Песни-плачи, содержащие элементы реальной биографии и необходимые богатырские поступки, послужили основой многих эпических произведений...

Смерть Адиль-Гирея произвела огромное впечатление на ногайское население в Крымском ханстве. Из-за кровавых распрей среди правителей Большой Ногайской Орды ногаи крупными объединениями покидали Волгу и переходили в подданство крымского хана. В Крыму была установлена прочная власть, и ногаи находили более-менее стабильную жизнь и относительное благополучие. Многие ногайские династии и племена возвысились при дворе бакшисарайских правителей. На западе ханства, в Буджаке, располо-

жилась ставка знаменитого ногайского князя Кантемира, на востоке — на Кубани и в прикавказских степях — основался легендарный Казый, основатель Малой Ногайской Орды. Как отмечали учёные, ногайские героические песни были глубоко историчны, в большинстве случаев хронологически верны, они сохраняли имена исторических героев, точно показывали генеалогические связи. Например, в ногайских версиях песни «Адиль-Солтан» одним из главных героев является лишь Карасай, а его брат Казый отсутствует среди персонажей, т. к. он незадолго до персидского похода был убит. А в казахских песнях об Адиль-хане участниками являются и Казый, и Карасай, мало того, Казый ещё и освобождает хана из плена. Хотя эти сюжеты попадали в казахские песни от самих ногаев, казахские исполнители переиначивали содержание песен на свой лад: героям часто приписывали волшебные свойства, подгонялись местные топонимы, применялись укоренившиеся фольклорные традиции. В связи с этим мне кажется, что счастливая развязка в казахских песнях, с благополучным возвращением домой Адиль-хана на родину, возникла от влияния бытовавших ранее в Великой степи подобных произведений...

Я не могу не рассказать ещё об одной удивительной метаморфозе, происшедшей с ногайской песней «Адиль-Солтан». Это фантастическое явление, указывающее на общность судеб рассматриваемых мной произведений.

Талантливый русский исследователь ногайского фольклора П. А. Фалёв в написанном в двадцатые годы прошедшего столетия труде «Введение в изучение тюркских литератур и наречий» приводит такое соображение: «Ногайцы давно уже потеряли своё значение (разумеется, политическое — *И. К.*). Сейчас в небольшом числе они живут на Северном Кавказе. Большая часть их выселилась в Турцию. Но и там они не нашли необходимые условия для существования. Особенно большое выселение было из Крыма после Севастопольской кампании. Однако в оставшихся в Крыму оседлых татарах, живущих в степной части полуострова, можно предполагать, по крайней мере, частично, осевших ногайцев. Татары южной полосы нового происхождения. Это потомки переселенцев из Малой Азии и, частью, с Кавказа.

Среди крымских татар распространены многие предания ногайской поэзии. И не только на народ влияло творчество ногайцев, оно простиралось и выше. В этом убеждает крымская, по-видимому, поэма об Адил-Султане (речь идёт не об эпической песне — *И. К.*). Героем поэмы является живший в конце XVI века Адиль-Герей, начальствовавший крымским войском, отправленным по приказу турецкого султана через Кавказ против Персии. Поход был неудачен. Адиль-Герей попал в плен. В плену он вёл себя легкомысленно

и завёл любовную интригу с дамами шахского гарема, за что и был убит. Романтическая история Адиль-Герее привлекла в новое время внимание османского писателя Намык Кемалья, который под её влиянием написал исторический роман «Джезми». Не осталось незамеченной личность Адиль-Герее и в Крыму. Вышеупомянутая поэма *написана* и в форме ногайского былинного сказа, и былинной песни. В ней изображается не романическое похождение крымского царевича, а его трагическое пленение. Связь с эпосом ногайцев обнаруживается тем, что завязкой поэмы служит знакомая уже нам тема о затруднениях государя, о бессилии его приближённых разрешить это затруднение и призвании разрешителя со стороны. Разработка этой темы в крымском предании показывает нам, что мы из вольных и широких степей попали в канцелярию ханского дивана...» (16, 32).

Судьба ногайской героической песни «Адиль-Солтан» даёт повод думать, что аналогичную судьбу обрёл всемирно известный литературный памятник «Слово о полку Игореве». На существование первоначального устно-поэтического произведения, посвящённого неудачному походу князя Игоря и его счастливому возвращению из плена, указывают следующие обстоятельства. Это, прежде всего, предполагаемая фольклорная традиция в русско-половецком приграничье, о существовании которой косвенно свидетельствует близкий к народной речи поэтизированный текст «Слова...». Во-вторых, элементы языческой мифологии, которые в изобилии наличествуют в памятнике, в книжном тексте того времени не должны были бы присутствовать (образованный люд проходил церковно-христианское обучение, а церковь старалась избавляться от проявлений язычества). И самое главное — это прямое указание автора на вещего Бояна, барда, сказителя, автора фольклорного произведения.

В связи с этим ещё раз процитирую для читателя высказывание академика Д. С. Лихачёва. «В своём ощущении времени «Слово», — пишет он, — *фольклорно* (курсив мой — И. К.). Оно ближе к общенародному ощущению, чем к книжному. Оно не стремилось быть хроникой событий, летописью, историей» (7).

«Слово о полку Игореве» — великое и в своей загадочности произведение. Оно, являясь достоянием русской литературы, имеет прямое отношение к истории и культуре народов, связанных этнической общностью с половцами. Как и многие исследователи, я ещё раз задаюсь вопросом: почему воспет этот неудачный поход, почему главным героем выведен отнюдь не легендарный исторический персонаж? Оба фактора не характерны для средневековой литературы, как не характерна и патриотическая тема. Идеи *национального патриотизма* в мировой литературе отчётливо стали про-

являться следом за утверждением религиозных мотивов: христианских на Западе и мусульманских — на Востоке. Прежде всего, это связано с тем, что литература не исполняла ранее современной функции воздействия на *массового* читателя. Назидательный жанр существовал издревле и отражал интересы клана, династии, но не народа.

«Слово...» не назидательное произведение, это поэтическая, художественно завершённая поэма. По завершённости эта поэма ближе произведениям XVIII—XIX вв. Ещё раз хочу сказать, что меня откровенно смущает в «Слове...» открытый выпад против «врагов Русской земли» половцев. Я считаю, что в XII веке этническое неприятие было совершенно чуждо людям. Это чувство объяснимо для XIII века и для более позднего времени, когда русские князья и, главное, церковь боролись за независимость от чингизидов. В истории российской государственности эти чувства особенно начинают культивироваться после реформ Петра I, взявшего западноевропейский курс развития страны. Автор XII века не мог быть настолько легкомыслен, чтобы публично призывать к непримиримой вражде с половцами. Его произведение могли прочитать и услышать внуки половчанок, даже тот же «дитяте» Владимира, который, вполне возможно, имел и кормилицу, и дядьку из половцев. Такой «дитяте» мог и голову проломить незадачливому писателю.

Да, в указанное время вполне возможно отвращение к половцам за их набеги, за приверженность другим верованиям. В самих русских княжествах проживали разноязыкие и тюркские, и славянские племена, они были и христианами, и язычниками, но причинами распрей были не этнические и религиозные факторы, а борьба за власть. Потомки Рюрика сами не могли поделить верховную власть, каждый жаждал занять место великого князя. Ко времени похода князя Игоря за это главное место боролись потомки Мономаха и его противника Олега Святославича. Борясь друг с другом, и Мономаховичи и Ольговичи часто прибегали к помощи половцев... Мне и сейчас трудно определить, что для Руси было страшнее: беспощадная резня среди сородичей или же половецкие набеги.

В истории российского государства не только XII век отмечен полными драматизма междоусобными распрями. Вражда Рюриковичей более позднего времени особенно наглядна для любителей истории. Так, в 1370 году шла непримиримая борьба за великое княжение между Михаилом и Дмитрием. Михаил, захватив Торжок, подверг истреблению всё население города. Воины Михаила дотла сожгли город, горожан безжалостно топили в реке, «обдирали» донага жён, девиц и даже монахинь, которых, как религиозных служительниц, редко преследовали даже татаро-монголы. Эта

расправа по жестокости превосходит нашествие Батыя. Не менее жестокой была расправа Ивана IV с Великим Новгородом и близлежащими русскими городами и селениями. По мнению историков, по кровопролитию она затмевает захват чужеродной Казани...

Здесь нельзя не упомянуть и о битве 1216 года на реке Липице, происшедшей всего на четверть века позже похода Игоря. Битва эта в художественной форме отражена в «Повести о битве на реке Липице». Неизвестный автор-новгородец описывает ожесточённую войну новгородцев с муромскими и суздальскими князьями. Автор, будучи новгородским патриотом, откровенно радуется «бесчисленному множеству» убитых воинов из муромской и суздальской земель. Это произведение — яркое свидетельство того, что применительно к данному историческому периоду очень трудно было бы говорить о *национальном* единении на Русской земле.

Главное бедствие для русской земли автор «Слова» видел в кровавых стычках феодалов, в несогласии среди Мономаховичей и Ольговичей, Ярославичей и Всеславичей...

Как я уже говорил, в «Слове...» события русской истории, предшествовавшие походу князя Игоря, ничем не подтверждают тотальной вражды половцев и русских. В исторических документах неоднократно упоминается о сложных взаимоотношениях со Степью. Да, половцы совершали набеги на русские княжества, но чаще всего они имели локальный характер. Для поддержания мира и согласия главные лица русских княжеств и Степи заключали династические браки. Дед князя Игоря был женат на половчанке. Сам Игорь, будучи в военном союзе с Кончаком, ещё до известного похода просватал ханскую дочь за своего сына...

Почему князь Игорь так круто изменил своё отношение к союзникам? Поражение половцев в 1184 году от Великого Киевского князя Святослава побудило новгород-северского князя предпринять этот скоропалительный поход. Князь Игорь рассчитывал на лёгкую победу над утомлёнными половцами. Лишь корысть и тщеславие двигали его поступками. Точная характеристика даётся в «золотом слове» Великого Киевского князя: Игорь «хочет похитить славу» и стать главным на исторической арене. Безрассудный и недалёковидный князь Игорь нарушает обязательства и перед Великим киевским князем, и перед бывшим союзником Кончаком. О том, что Игорь сеет раздор среди своих князей, заботится о своей славе больше, чем о чести родины, говорили многие исследователи. Почему же учёные не разрабатывают вторую идею? Может быть, «Слово...», действительно, написано ещё и против нарушения династических союзов, против «пренебрегающего узами кровного родства». Тогда совсем не случайно в начале произведения помещено обращение вещего сказителя:

*Начнём же, братья, повесть эту
от старого Владимира до нынешнего Игоря...*

А ведь и старый Владимир Мономах женил двоих сыновей на половчанках во благо своего княжения.

Если это прочтение верно, то становится понятно, почему объектом изображения выбран неудачный поход русского князя. Тогда можно согласиться и с предположением Олжаса Сулейменова о том, что «Слово о полку Игореве» должно заканчиваться речью Гзака, убеждающего Кончака:

*Если его опутаем красной девицей,
не будет у нас ни соколёнка,
ни красной девицы,
и станут нас птицы бить
в поле Половецком.*

Ясно, что эти слова означают: если состоявший в родстве с половцами Игорь нарушает обязательства, то нечего ожидать благоприятного исхода от брака Владимира с ханской дочерью. Но речь Гзака выбивается из хронологии исторического контекста. По летописи в момент бегства Игоря Владимир уже был опутан красной девицей. Единственным оправданием этой речи в этом месте может служить то, что автор хотел показать эволюцию, происшедшую в сознании половецких вождей, которые, поняв бессмысленность затеи с браком, решают убить пленников. Хотя это мы можем только предполагать.

Несмотря на то, что в произведении немало причинно-следственных неувязок, мы ощущаем в «Слове...» хорошее знание исторической действительности, оно ощущается в контексте. Д. Лихачёв и другие исследователи справедливо отмечают, что автор блестяще знал политическую обстановку. Поэтому думается, что выбор князя Игоря центральным персонажем совершенно сознателен. Несомненно, что личность новгород-северского князя — знаковая фигура для данной эпохи. Поэтому не случайно и появление рассказов о походе князя Игоря сразу в двух летописях: Ипатьевской и Лаврентьевской. Интересно, что князь Игорь и после своего освобождения принимал участие в походах на половцев, и опять-таки неудачно. Обычно неудачники не становятся героями истории и литературы. Знаковость фигуры князя Игоря в чём-то другом... не полководческие способности и не острый политический ум привлекли внимание историков и литераторов...

Поход исторического князя представлял собой реальную угрозу для разрыва отношений со Степью. По вине князя Игоря рус-

ские князья становились потенциальными врагами половцев. Новгород-северский князь сводит на нет усилия Владимира Мономаха и других последующих великих русских князей, старавшихся придержать политику добрососедства. Сама действительность преподнесла логически выверенную канву сюжета. Мне кажется, что такой и была фабула первоначального фольклорного варианта «Слова о полку Игореве»... Призыв к объединению русских княжеств и усилению централизованной власти несвойствен для XII века, а потому кажется искусственным дополнением, появившимся в более поздние времена.

Князь Игорь нарушает нравственно-этические нормы поведения знати, из-за корысти и личной славы идёт на открытое вероломство, нарушает обязательства и перед старшим князем, и перед родственниками, половецкими ханами. Разработка этой темы очень актуальна для средневековой литературы и для средневекового фольклора.

Не надо забывать и того, что пресловутый поход новгород-северского князя мог вызвать отрицательное отношение и среди «своих поганых». В политической обстановке Киевского каганата ковуи, торки, половцы играли немаловажную роль. Киевский каган Святослав в «золотом слове» прямо указывает на тюркские племена: могутов, татранов, шельбирив, топчаков, ревугов, ольберов, доблестью возвышавших боевую славу русских князей. В «Слове...» открыто высказывается опасение, что «великое буйство» подадут свои хинови. И это буйство необходимо было погасить. Именно осуждение роковой ошибки князя Игоря тоже явилось мотивом для создания фольклорного произведения.

Видимо, само фольклорное произведение было создано сразу после возвращения Игоря из плена. Оно могло появиться и в 1187 году, когда из половецкого плена вернулся Владимир Игоревич. Князь Игорь в 1198 году сел на княжение в Чернигове, а до этого, в союзе с другими русскими князьями, участвовал в походах на половцев. Однако эти походы не упоминаются в памятнике древнерусской литературы. Учёные обращают внимание и на то, что в «Слове...» в числе живых упоминается Ярослав Осмомысл Галицкий, который умер в 1187 году, поэтому произведение возникло не позднее этого года.

В XII веке проблемы взаимоотношений со Степью, с половцами остро стояли перед древнерусскими писателями и историками. Тема эта волновала всё древнерусское общество. И я бы хотел обратить внимание на судьбу ещё одного исторического и литературного персонажа, на судьбу половецкого хана Кончака. Имя его часто упоминается в летописях. Кончак неоднократно и активно участвовал в политической жизни русских княжеств, был союзником князя

Игоря и участвовал вместе с ним в борьбе за верховную власть в Киеве.

Думаю, не зря летописцы поведали потомкам легендарную историю его отца Артыка. Предание о степной траве *емшан* (полынь) дало вдохновение для написания прекрасных произведений многим русским поэтам и писателям (А. Майков, М. Симашко). Эта легенда (под другими именами) сохранилась и у ногайского народа, мой отец её использовал в разных произведениях.

По летописному преданию, отец Кончака Артык ушёл из родных степей на Кавказ, в Грузию, и правил там ханством. Когда его родной брат состарился, он, не имея наследника, захотел, чтобы Артык занял ханский трон в Дешт-и-Кипчаке. Но сколько он ни посылал людей к брату с уговорами вернуться, тот не желал возвращаться на родину. Уже отчаявшись, половецкий хан послал делегацию в последний раз и велел передать Артыку пучок степной травы емшан. Когда Артык получил послание и понюхал запах емшана, перед его глазами предстали родные степи, нахлынули воспоминания детства и юности, привиделся отчий дом и родня. Артык незамедлительно вернулся в родные степи и стал царствовать Дешт-и-Кипчаком...

Хан Кончак мог быть женат на русской женщине, на эту мысль наталкивает имя его сына: Юрий. Известно, что Юрий Кончакович возглавлял половцев и вместе с русскими князьями выступил против корпуса Субетая и Джебe в битве на Калке... В данный момент нас интересует то, что Кончак — литературный герой «Слова о полку Игореве», а также то, что он сват князя Игоря и дед его внуков. Почему многие русские исследователи не придают должного значения этой существенной детали?..

Вдумавшись в эту деталь, попробуй не согласишься с Сулейменовым, когда он заявляет, что «Слово...» повествует нам об эпохе «краха династийных браков со Степью». Если смотреть под этим углом зрения, то перед глазами ясно предстаёт семейная драма новгород-северского князя Игоря и хана Кончака. Князь Игорь из-за корыстолюбивых амбиций напоил сватов «кровавым вином», кровью своих собственных воинов. Страшная драма!.. Тогда находит объяснение и непонятный маршрут Игоря после возвращения из плена. Не помощи и поддержки искал князь в святых местах Чернигова и Киева, а каялся за совершённый проступок и замаливал грехи в христианских храмах. Его *покаяние* было встречено с пониманием и радостью; ведь опозоренного, погубившего огромную рать князя вряд ли могли встретить с любовью только за побег из плена...

Гипотезу Олжаса Сулейменова, по поводу внесения кардинальных изменений в текст неким переписчиком XVI века, доказать очень трудно. Легче допустить, что переписка и добавление концовки

«Слова...» произведены в конце XVIII века, в момент обнародования литературного памятника в новой России. Тогда и возникли многие несоответствия психологической мотивировки. Конечно, произведение переписывалось неоднократно и в более ранние времена. Одна из переписок, видимо, состоялась во времена написания «Задонщины», поэтому так много стилистических аналогий в текстах двух литературных памятников. Почти невозможно определить, когда состоялось самое раннее письменное обрамление «Слова о полку Игореве». Это могло свершиться после смерти князя Игоря, когда забылись все отрицательные черты его характера. Очень часто смерть облагораживает историческую личность. Видимо, тогда сложился идеализированный образ князя, образ главы всех русских князей.

*Тяжко голове без плеч,
беда телу без головы —
так и Русской земле без Игоря...*

Автор обработки былины, сказа сделал князя Игоря всенародным героем. Это он, обработчик, применил гротесковый приём: «Солнце светится на небе, — А Игорь-князь в Русской земле»: Девыцы поют на Дунае, — вьются голоса их через море до Киева». Приписка сделана человеком, явно не знающим подлинной биографии новгород-северского князя. Основываясь на географических указаниях, можно допустить, что время этой приписки — конец XVIII века, и согласиться со скандально скептическим отношением к «Слову...» слависта А. Мазона, утверждавшего, что произведение — подделка XVIII века, изготовленная «в угоду империализма» Екатерины II, чтобы польстить её чувствам завоевательницы юга и расширительницы границ России на западе».

Столь древнее произведение, каковым является «Слово о полку Игореве», не могло сохраниться в первоизданном виде.

Например, тот же А. Мазон склонен считать, что текст «Задонщины» повлиял на создание «Слова о полку Игореве» в XVIII веке. Другие исследователи упорно доказывают, что, напротив, «Слово...» повлияло на создание «Задонщины» в древние времена. Л. Н. Гумилёв предлагает версию о том, что «Слово» создано в монгольский период в XIII веке. Я же вполне допускаю, что переписчики «Слова...» и «Задонщины» были виноваты не только в сближении двух литературных памятников, но могли внести в «Слово» мотивы религиозной и этнической неприязни. Думаю, бессмысленно отрицать, что «Слово о полку Игореве» переписывалось сообразно времени. Благодаря этому оно и сохранилось, а вольная переписка не противоречила этике писцов...

Как бы то ни было, а судьба литературного памятника остаётся великой неразгаданной тайной, и доподлинно нам её никогда не узнать. Эта тайна всегда будет манить потомков Игоря, в том числе и нас, находящихся в родстве с потомками его сына Владимира. Может быть, об этой тайне нам «расскажет изваяние грудастое». Так — «изваяниями грудастыми» — Олжас Сулейменов в своей «Глиняной книге» назвал кипчакские статуи. Сегодня совсем не случайно сотни этих немых свидетелей похода дружины князя Игоря, ставшего знаменитым благодаря литературе, бережно хранятся в государственных музеях Киева, Днепропетровска, Азова, Ростова-на-Дону, Москвы, Санкт-Петербурга, Ставрополя, Краснодара и многих других городов. Они, как и «Слово о полку Игореве», ежедневно и ежечасно несут нам отголоски духовности той далёкой эпохи.

В предыдущей главе я преднамеренно не сослался на исследование «Слова...», проведённое Л. Н. Гумилёвым. Его работа «Трилистник мысленна дерева» из книги «В поисках вымышленного царства» совершенно оригинальна и, конечно, имеет право на самостоятельное существование. Лев Николаевич, используя «некоторые ориентализмы», доказывает, что «Слово о полку Игореве» написано в XIII веке, по жанру это иносказательный памфлет, а за событиями похода князя Игоря подразумеваются реальные исторические лица — современники автора. Несмотря на интересную аргументацию, окончательные выводы Гумилёва, на мой взгляд, в данном случае кажутся спорными. Однако некоторые мысли из этого исследования подтверждают мысли, высказанные мною в предыдущей главе.

Так, учёный пишет, что «от падения Хазарского каганата в 965 г. до основания Золотой Орды в 1241 г. никакого степного объединения не существовало и опасности для Русской земли со стороны степи не было»¹. Или: «Русско-половецкие отношения прошли длинную эволюцию. В 1054 г. половцы появились на границах Руси как народ-завоеватель, опьянённый победами над гузами и печенегами. В 1068 г. они разбили русских князей на Альте и, казалось, были близки к покорению Восточной Европы. Однако стены русских крепостей остановили их натиск, и до 1115 г. шла упорная война, в которой половецкий племенной союз использовал распри русских удельных князей. Но успехи половцев были эфемерны. Как только Владимир Мономах установил внутренний мир, он перенёс войну в степи и разгромил половецкий союз. По существу это было завоевание степей, хотя отнюдь не покорение, которого в те времена быть не могло. Половцы вошли в систему Киевского княжества так же, как, например, Полоцкая или Новгородская земля, не потеряв автономии. Они участвовали в распрях Ольговичей с Мономаховичами уже не как самостоятельная сила, а как

вспомогательные войска. Выступать против Руси в целом они не смели, и потому правильнее говорить о единой русско-половецкой системе, сменившей былое противопоставление. Потому-то русские князья и вступились за половцев в 1223 г., что и вызвало недомыслие монголов и последовавший в 1236 г. поход Батыя. Поход Игоря в 1185 г. выпадает из общего стиля русско-половецких отношений XII в., и потому, очевидно, он был удостоен особого внимания со стороны авторов Ипатьевской летописи и «Слова» (17, 269).

Конечно, «русско-половецкая система», на мой взгляд, — довольно размытое определение. Это было отнюдь не единое государственное объединение. Это, скорее, была система взаимоотношений. Хотя Владимир Мономах нанёс половцам сокрушительное поражение, степные ханы не стали его вассалами. По извлечениям самого Л. Н. Гумилёва, Мономах 19 раз приводил половцев на Русскую землю против своих единоверцев, и враги Мономаховичей «Ольговичи приводили половцев на Русь 15 раз». Половецкие ханы поддерживали враждующие стороны, в одних случаях, с корыстными целями, их интересовал русский полон и добыча, в других случаях выполняли обязательства родственников. В Великой степи, особенно тюркские правители, трепетно относились к дочерям, выданным замуж «на сторону», и всячески поддерживали их, если они оказывались на чужбине.

В связи с этим обращением к работе Гумилёва, памятуя о многочисленных цитатах, приведённых мною ранее из других его работ, мне хочется ещё раз выразить своё отношение не только к творческому наследию, но и к личности Л. Н. Гумилёва.

Хунны, турки, монголы волновали Льва Николаевича не сами по себе, а прежде всего — как участники исторического процесса. Л. Гумилёв стремился к правильному пониманию русской истории. Благодарный сын должен знать происхождение своих родителей. Родные места отца и матери, образ их жизни, нравственно-этические принципы, которыми они руководствовались, обстановка, в которой они росли, — всё это важно даже в рамках одной семьи. Сыновнее чувство двигало творчеством учёного. Лев Николаевич верил в то, что современники обязаны знать многовековой исторический опыт предков, был убеждён, что сокрытие, искажение какой-то части истории является источником невежества и лицемерия, наносит народу ущерб.

Ленинградец, питерец Л. Н. Гумилёв хорошо понимал, что современная ему историческая наука работает на потребу времени, на сиюминутность. Он видел, что советские историки, отстаивая позиции марксистско-ленинской теории классового развития общества, выхолащивают веками сложившуюся духовность, нацио-

нальный дух русского народа, а вместе с ним — и всех других народов Евразии, прошедших вместе с русскими один исторический путь. Сейчас все мы знаем, что историк Гумилёв совершил научный подвиг, но при его жизни к творчеству учёного относились совсем по-другому...

Всю свою жизнь Лев Николаевич восстанавливал утаённые, +скрытые страницы прошлого Великой Степи и в своих работах талантливо изобразил многокрасочную, разнообразную жизнь евразийских народов. Наследие Гумилёва — это и фундаментальные научные исследования, и одновременно прекрасные художественные произведения. В многовековой российской истории подвиг Гумилёва сопоставим с подвигом Н. М. Карамзина.

В своё время Карамзин почти на пустом месте, собрав по тем временам невообразимо богатый материал, написал блистательный труд, на котором двести лет воспитывались самые выдающиеся люди великой дореволюционной России. И время, и общественная мысль в России в период написания «Истории Государства Российского» были чрезмерно политизированы, но несмотря на это обстоятельство, историк старался донести правдивую картину прошлого до своих современников. Карамзин писал с большой заботой о будущем Российского государства, у него мы не встретим остервенелых выпадов против так называемых инородцев, он сохраняет по отношению к ним удивительную корректность. До Карамзина историки искажали настоящую историю инородцев, в первую очередь — тюркского происхождения. По существу, в труде великого историка содержится тот вывод, что татаро-монголы, народы Кавказа, Поволжья и Сибири — такие же созидатели Отечества, как и русский народ. В советское время, увы, историческая наука потеряла объективность под давлением со стороны партийных идеологов.

Л. Н. Гумилёв проделал титаническое исследование по истории тюрков, монголов, народов Сибири, разоблачив «чёрную легенду», которая на протяжении пяти столетий складывалась в цивилизованной Европе относительно народов Евразийского континента, в том числе и о русском народе. Разоблачение западноевропейских и отечественных исторических мифов сегодня как никогда актуально, и прежде всего — для народов новой России. По сей день идут споры о предназначении российского государства, о том, азиатская ли страна Россия или европейская, но Гумилёв отстаивал идею, что Россия — это отдельный континент, со своим этногенезом, со своей самобытной культурой и богатейшей историей.

Л. Н. Гумилёв сам себя называл «последним евразийцем». Последним — потому что был очень одинок среди советских деятелей науки. Идею евразийства первыми выдвинули эмигранты,

покинувшие Россию в 20-е годы прошлого столетия. Это глубоко символично, потому что идея пришла людям, потерявшим родину, но продолжавшим искренне любить её, большим патриотам России. Со стороны они лучше чувствовали разницу миров, тревожное состояние родины, лучше видели роль России в истории человечества.

Л. Н. Гумилёв смог ознакомиться с трудами представителей евразийской школы только в середине 60-х годов. Основателями школы, как я уже сказал, были вынужденные эмигранты, среди которых выделялись такие известные учёные, как историк Г. В. Вернадский, географ П. Н. Савицкий, философ Л. П. Карсавин, филолог Н. С. Трубецкой, были среди них и другие деятели русской науки и культуры. Я присоединяюсь к тем, кто считает, что основная заслуга евразийцев заключается в том, что они повернули взгляд на русскую историю «не с Запада, а с Востока на Запад». Г. В. Вернадский, подчёркивая неразрывность исторической судьбы России с Евразией, высказал новое определение: «Нет естественных границ между «европейской» и «азиатской» Россией. Следовательно, нет двух России, «европейской» и «азиатской». Есть только одна Россия евразийская или Россия-Евразия». Учёные-евразийцы считали свою страну «особым культурно-историческим миром» (18, 14).

Князь Н. С. Трубецкой в одной из программных работ «О туранском элементе в русской культуре» писал: «Видеть в туранском влиянии только отрицательные черты — неблагоприятно и недобросовестно. Мы имеем право гордиться нашими туранскими предками не меньше, чем предками славянскими, и обязаны благодарностью как тем, так и другим. Сознание своей принадлежности не только к арийскому, но и к туранскому психологическому типу необходимо для каждого русского, стремящегося к личному и национальному самопознанию» (18, 14).

Идеи евразийцев рождены естественным образом из самой гущи развития российской истории. Подтверждением тому является и работа Л. Н. Гумилёва. Учёный, до 60-х годов XX столетия не знакомый с трудами предшественников, самобытным образом пришёл к тем же выводам и совершенно самостоятельно работал в этом направлении.

Мне кажется, большую роль в судьбе «последнего евразийца» сыграла генетическая, наследственная составляющая. Его отец, Николай Степанович Гумилёв, являлся выдающимся русским поэтом. Он был очень далёк от того, чтобы принять новый режим и, тем более, сотрудничать с ним, и жизнь его трагически оборвалась в 1921 году. Мать Анна Андреевна Ахматова (по отцу Горенко) была величайшей поэтессой XX столетия, являлась зна-

ковой фигурой для всей советской интеллигенции. Её мужество и бесстрашие перед сатрапами режима стали легендой. Но и у самого Льва Николаевича сложилась легендарная биография. Часто и даже обычно у знаменитых родителей вполне «нормальные», ничем не выдающиеся дети. Но Лев Николаевич не только унаследовал дарования родителей, но и повторил их трагическую судьбу. Он был трижды осуждён советскими властями. В 1935 году, в самый разгар молодости, он впервые попадает в коммунистические застенки. Скоро его освобождают, но через четыре года опять подвергают аресту и приговаривают к пяти годам заключения. После освобождения Л. Н. Гумилёв уходит воевать на фронт и доходит до Берлина. Однако его опять арестовывают, а то, что он защищал отечество, никого не интересует. Теперь обвинение связано с гнусным постановлением ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград», в котором главным обвиняемым лицом является поэтесса Анна Ахматова. Её сына лишают свободы на целых 10 лет (в настоящее время за убийство человека дают 6—7 лет. - И. К.).

Издевательство режима над людьми было не исключением, а правилом. Об этих страшных годах Анна Андреевна Ахматова написала незабвенные строки:

*Звёзды смерти стояли над нами,
И безвинная корчилась Русь
Под кровавыми сапогами
И под шинами чёрных марушь.*

Мироощущение, присущее матери историка с мировым именем, сыграло, мне кажется, решающую роль в становлении учёного. Как тут не вспомнить стихотворение Анны Ахматовой «Имя»:

*Татарское, дремучее
Пришло из никуда,
К любой беде липучее
Само оно — беда.*

Эти строки касались происхождения потомственных русских дворян Ахматовых. А последние две строчки этого стихотворения находят полное подтверждение в судьбах матери — великой поэтессы, и сына — великого евразийца.

Между прочим, выступая по российскому телевидению, Александр Солженицын выразил своё справедливое недоумение в адрес комитета по присуждению Нобелевских премий по поводу того, что комитетом не было отмечено творчество выдающейся поэтессы Анны Ахматовой.

В подтверждение моих мыслей насчёт генетической предрасположенности в творчестве Л. Н. Гумилёва приведу мнение русского учёного В. Ю. Ермолаева. В предисловии к книге «Чёрная легенда» он пишет: «...Мне кажется, в отношении Л. Н. Гумилёва к степнякам было что-то от вполне понятной идеализации, ибо восприятие Л. Н. Гумилёвым истории Великой степи, будучи строго научным, оставалось вместе с тем и весьма личностным» (18, 23). Надо отметить, что издание книги «Чёрная легенда» с предисловием В. Ю. Ермолаева уникально тем, что, благодаря составителю В. А. Мичурину, в неё включены выдержки из трудов представителей евразийской школы. Даже сегодня произведения евразийцев мало доступны широкому кругу читателей.

Если Л. Н. Гумилёв ещё как-то генетически был связан с Великой степью, то сами основоположники евразийской школы отнюдь не были таковыми. «Как известно, — писал евразиец П. Н. Савицкий Гумилёву из-за пределов СССР, — великорусское дворянство, сыгравшее огромную роль в создании Русского государства, на 30, 40 и даже более процентов состояло из потомков этих мурз» (татаро-монгольских — *И. К.*). В годы воинствующей коммунистической идеологии Л. Н. Гумилёва обвиняли в отсутствии классового подхода, в «географическом детерминизме», «биологизме» и т. д., поэтому учёный вынужден был делать завуалированные выводы и выносить основополагающие идеи в контекст. Евразийцы же писали открыто. Я думаю, что в Стране Советов за их высказывания казнили бы без суда и следствия (или упрятали бы в психушку, как это было принято позже, до конца дней). Тот же П. Н. Савицкий в 1922 году в сборнике «Утверждения евразийцев» (изданном в Берлине), печатает статью «Степь и оседлость» «Нет ничего более шаблонного, — пишет он, — и в то же время неправильного, чем превозношение культурного развития дотатарской Киевской Руси, якобы уничтоженного и оборванного татарским нашествием. Мы отнюдь не хотим отрицать определённых достижений Руси XI и XII вв.; но историческая оценка этих достижений есть оценка превратная, поскольку не отмечен процесс *политического* и культурного измельчания, совершенно явственно происходивший в дотатарской Руси от первой половины XI к первой половине XIII в. Это измельчание выразилось в смене хотя бы относительно политического единства первой половины XI в. удельным хаосом последующих годов...» (19, 538).

Одно из программных заявлений евразийцев выражается в следующей цитате из этого труда П. Н. Савицкого: «Ту беспомощность, с которой Русь предалась татарам (золотоордынцам — *И. К.*), было бы нелогично рассматривать как «роковую случайность»; в бытии дотатарской Руси был элемент *неустойчивости*, склон-

ность к деградации, которая ни к чему иному, как иноземному игу, привести не могла. Это черта, общая целому ряду народов; средневековая и и новейшая история отдельных славянских племён построена как по одному шаблону: некоторый иачальный расцвет, а затем, вместо укрепления расцвета, разложение, упадок, «иго». Такова история ослабяившихся болгар, сербов, поляков. Такова же судьба дотатарской Руси. Велико счастье Руси, что в момент, когда в силу внутреннего разложения она должна была пасть, она досталась татарам, и иикому другому. Татары — «нейтральная» культурная среда, принимавшая «всяческих богов» и терпевшая «любые культуры», пала на Русь как наказание Божие, но не замутила чистоты национального творчества. Если бы Русь досталась туркам, заразившимся «ираиским фанатизмом и экзальтацией». её испытание было бы многожды труднее и доля — горше. Если бы её взял Запад, он вынул бы из неё душу... Татары не изменили духовного существа Россин; но в отличительном для них в эту эпоху качестве создателей государств, милитарно организирующей силы, они, несомненно, повлияли на Русь.

Действием же примера, привитием ли крови правящим, они дали России свойство организовываться военно, создавать государственно-принудительный центр, достигать *устойчивости*; они дали ей качество — *становиться могущественной «ордой».*» (19, 25)

П. Н. Савицкий был представителем русского дворянства и, пожалуй, являлся самым радикальным евразийцем.

Теперь-то мы знаем, что его «евразийство» не новое открытие, эти идеи издревле вынашивались в русской исторической мысли. Высказывание П. Н. Савицкого о том, что «Россия — Евразия образует в перспективе развития особый внутриконтинентальный мир» высказывалась и представителями славянофильства. Особый путь развития Россин отмечали и на Западе, хотя всегда этому пути давали негативную оценку. В пору «романо-германского ига» засилья «европейских идей» ещё Ф. М. Достоевский в «Дневнике писателя» отмечал: «Для России было бы хорошо, если бы она на некоторое время повернулась бы лицом к Азии».

Л. Н. Гумилёв в своих книгах вынашивал евразийские идеи, но для советской науки, запрещавшей писать правду даже о российских монархах, родство русских с «ненавистным игом» потомков Чингиз-хана было чуждо и враждебно. Поэтому учёный вуалировал эти идеи. Но, имея их в виду, он изучал азиатские корни России и указывал на то, что он исполняет интернациональный долг перед тюрко-монгольскими народами. Так, в книге «Древние тюрки» присутствует эпитафия: «Посвящаю эту книгу нашим братьям — тюркским народам Советского Союза». Странный текст! Но он, как

никакое другое высказывание, выражает евразийскую идею Гумилёва.

Как же в XX веке возникла необходимость рождения евразийских идей? Один из ответов даёт другой представитель евразийской школы князь Н. С. Трубецкой. «Большевизм, — пишет он, — есть такой же плод двухсотлетнего романо-германского ига, как московская государственность была плодом татарского ига. Большевик показывает, чему Россия за это время научилась от Европы, как она поияла плоды европейской цивилизации и каковы эти идеалы, когда *их осуществляют в действительности* (подчёркнуто мной — И. К.). По этому плоду и надо судить о благотворительности и вредоносности романо-германского ига. И когда сопоставишь друг с другом эти два аттестата — аттестат татарской школы и аттестат школы романо-германской, то невольно приходишь к тому заключению, что татарская школа была вовсе уж не так плоха...» (18, 521).

Вряд ли в советское время мы бы могли так призадуматься. В самом деле: почему западные идеологи нашему социализму придавали то гуннские, то монгольские корни? Почему никто не задумывался о том, что Маркс и Энгельс свои идеи вынашивали в западноевропейских столицах, да и Ленин мечтал править уравнинами в унижениях миллионами сограждан, находясь в Германии и Швейцарии. Нам сейчас очевидно, что подкинутые Европой идеи марксизма-ленинизма оказались настоящим «троянским конём»...

Ответ князя Н. С. Трубецкого несколько политизирован. Л. Н. Гумилёва больше волновало торжество исторической правды. Он кропотливым трудом очищал замутнённый источник Истории для всех народов, населяющих Евразию, Великую степь. Он хотел, чтобы евразийцы: славянские, тюркские, финно-угорские и монгольские народы равно пользовались живительной влагой этого источника. Хотя и при жизни на книги выдающегося учёного был высокий спрос, но настоящее признание получил он только (и сразу же) после смерти. Во многих учебных заведениях евразийских государств стала преподаваться история по его трудам. В республике Казахстан столичный университет носит имя «последнего евразийца».

В XX веке Россия в связи с распадом СССР потеряла огромные территории. Этот факт тяжело переживал Л. Н. Гумилёв (газета «Литературная Евразия», интервью с писателем Дм. Балашовым). Я почти твёрдо уверен, что труды учёного в недалёком будущем ещё сыграют определённую роль в добровольном объединении стран Евразии для обретения исторических границ «отдельного континента». Сегодня, в эпоху создания межконтинентальных, европейских и азиатских сообществ, сама природа требует возврата

к историческим геополитическим объединениям. Творческое наследие Л. Н. Гумилёва наглядно говорит о будущности единого сообщества евразийских государств.

Представители русской евразийской школы гордо называли основателя евразийской империи Чингиз-хана «великим и суровым отцом нашим» (П. Н. Савицкий). Евразийцы этим именованием подчёркивали то, что оно для многих представителей русского дворянства имело буквальное значение, одновременно отдавали дань уважения принципу единоначалия и неукротимому духу великого полководца. Одним из первых в современном мире отпраздновал юбилей Чингиз-хана Китай. Мао Цзэдун, тогдашний руководитель государства, отмечал в докладе огромные заслуги Чингиз-хана в объединении Поднебесной империи. Кто знает? Возможно, что и в нашей стране вспомнят об этой легендарной личности, создавшей геополитическое пространство для государства от берегов Тихого океана до берегов Дуная.

К сожалению, история всегда идеологизирована. Но настоящая, подлинная история должна стремиться быть достоверной и основанной на фактах. Именно такая история всегда интересна, увлекательна и представляет непреходящую ценность.

На историю можно смотреть и в западных, и в азиатских очках, это дело авторов. Я же хотел взглянуть на историю Великой степи сквозь евразийские линзы, и мне видится, что в недалёком будущем перед нами предстанет ясная картина прошлой жизни Великой степи — Евразии. А моя книга, может быть, поможет составить правильное представление о моём народе, принимавшем бурное участие в созидании континентального государства.

ЧАСТЬ 3

1. Здесь и далее цитируется книга «Круг земной», изд-во «Наука», Москва, 1980 г.
2. Сагалаев А.М., Октябрьская И.В. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Новосибирск, 1990 г.
3. Ж-л «Половецкая луна». Черкесск. 1994 г., №1.
4. Ж-л «Советская тюркология». Баку. 1989 г., №6.
5. Урузбиева Ф.А. «Анатолия. Конец или начало транзита». - Ж-л «Литературный Азербайджан», 1999, №№ 1 - 3.
6. Сулейменов О. Аз и Я. - «Жазушы». Алма-Ата, 1990.
7. Лихачёв Д.С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1978.
8. Халиков А.Х. «500 русских фамилий болгаро-татарского происхождения». Казань. 1992.
9. Баскаков Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1979.
10. Гумилёв Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. Изд-во «Мысль», М., 1993.
11. «Сага о «иовых русских» из рода Инглингов». В кн. «Загадки и тайны истории», изд-во Аст «Олимп», 2000.
12. Песнь о Нибелунгах. БВЛ, 1975, предисловие А.Гуревича.
13. Бекизова Л.А. Слово о ногайской литературе. Черкесск, 1971.
14. Здесь и ранее: Гумилёв Л.Н. Ритмы Евразии. Изд-во «Прогресс». М., 1993.
15. Керейтов Р. Этническая история ногайцев. Ставрополь, 1999.
16. Фалёв П.А. Введение в изучение тюркских литератур и наречий. Ташкент, 1922.
17. Гумилёв Л.Н. В поисках вымышленного царства. Изд-во «Абрис», 1994.
18. Гумилёв Л.Н. Чёрная легенда. Изд-во «Экопрос», 1994.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Рисунок художника К. Зарманбетова (на первой странице обложки)
2. Карта из книги Адама Олеария "Астрахань в Нагайе" (на второй стороне обложки);
"Непобедимый", рис. художника К.Зарманбетова (на форзаце)

Часть 1

3. Расчленённая ногайская степь 7
4. Карта территориальных изменений по Кючук-Кайнарджийскому договору 1774 г.:
1- государственная граница России;
2 — крепости, уступленные Россией;
3 — территории Причерноморья, закреплённые за Россией:
а) область между Южным Бугом и Днепром с Кинбурнским округом; б) округ Керчи и Еникале;
4 — "Барьерные земли" Приазовья и Северного Кавказа, признанные суверенной собственностью России;
5 — осетинские земли, зависевшие от кабардинских феодалов и в силу этого признанные владением России;
6 — Крымское ханство, признанное независимым;
7 — места мирных переговоров в 1772 — 1774 г.г.;
8 — укрепленные пункты 16
5. Казы-Гирей. 1842г. 22
6. Мавзолей Борга-Каш.
Иллюстрация из книги "Ногайцы". 44
7. Ногайские тамги — буквы древнетюркского алфавита . . . 58
8. Тотем ногайцев — крылатая собака
Худ. К.Зарманбетов 71
9. Потомок Эдиге, начальник Башкирской дивизии
ногайский князь Ахлау Ахлов 79

10. Астраханские ногайцы
Гравюра из книги Адама Олеария "Астрахань в Нагайе" . . . 90
11. Гильгамеш и Энкиду
Иллюстрация из книги "Блистательный Гильгамеш"
(изд-во "Терра") 104
12. Средневековый поэт Досмамбет Азаулы
Худ. Мурат Толубаев 114
13. Ногайский воин с айдаром на голове 124
14. Кочевник-ногаец в традиционной одежде
Для защиты применял медный щит,
стальные налокотники и кольчугу, шлем-мисюрку.
Обязательной принадлежностью всякого
кочевника являлся аркан — прочная верёвка
из конского волоса — для того чтобы
ловить лошадей и полоняников 151
15. Баба-тасы в Ногайской степи 164

Часть II

16. "Чингиз-хан"
Иллюстрация из книги Е. И. Кычанова
"Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир"
(М., "Наука", 1974 г.) 178
17. Карта Империи Цзинь
Иллюстрация из книги М.Воробьева "Чжурджени
и государство Цзинь" (изд-во "Наука", 1975 г.) 183
18. Рождение нового фараона египтяне связывали
с созвездием Ориона и Сириусом
Иллюстрация из книги Р.Бьювела, Э.Джилберта
"Секреты пирамид" (изд-во "Вече", 1997 г.)
Художник Робин Кук 196
19. В «Текстах пирамид» тоже зарыта собака.
Иллюстрация из книги Р. Бьювела, Э. Джилберта
"Секреты пирамид" (изд-во "Вече", 1997 г.)
Художник Робин Кук 197
20. Э. Джилберт полагает, что соборы
северной Франции строились соответственно
расположению созвездия Девы
Иллюстрация из книги Э.Джилберта "Тайна волхвов"
(изд-во "Вече", 1997 г.) 199
21. Родословная хайов. Тюркские и ногайские предания
рождение сына Неба — кагана увязывали с Орионом
и звездой Самыр (Сириусом).
Рис. художника К.Зарманбетова 204

22. Народная артистка России Асият Кумратова	227
23. Народная поэтесса КЧР Кельдихан Кумратова	228
24. Заслуженная артистка России Дженнетхан Кумратова	229
25. Исполнитель древних ногайских песен Каирбек Межитов	239
26. Китайская миниатюра "Чингиз-хан" из книги Л.Гумилёва "Древняя Русь и Великая Степь" (М., "Мысль", 1993 г.)	261
27. Заместитель председателя Правительства Карачаево-Черкесской Республики в 90-е годы Ажмагомед Катаганов	264
28. Министр юстиции Карачаево-Черкесской Республики генерал-лейтенант Кельдимурат Найманов	265
29. Лауреат международной премии им. Несими ногайский поэт Мурат Аvezов	266
30. Пайцза — документ, выдававшийся каганом империи Илл. из книги Е. И. Кычанова "Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир"	274
31. Средневековый ногайский поэт Шал-Кийиз Рис. художника С. Утемисова	306
32. Карта похода до 1236 г. Из книги Л. Гумилёва "Древняя Русь и Великая Степь" (изд-во "Мысль", 1993)	314-315
33. Астраханский поэт Владимир Ерофеев	334
34. Папа Римский направляет послов в Каракорум Иллюстрация из книги Л.Гумилёва "Древняя Русь и Великая степь"	352
35. Печать тамплиеров Илл. из книги Ю. Гоголицына "Тайные правители человечества" (изд-во "Золотой век", 2000 г.)	361
36. Текст письма Ногай к Бейбарсу. Илл. из книги Сами Ногай "Ногайские тюрки" Анкара, 1997 г.	372
37. Бий Ногайской Орды Юсуф. Репродукция из Юсуповского дворца в Санкт-Петербурге	383
38. Дочь Юсуфа Сююмбейке. Репродукция из Юсуповского дворца в Санкт-Петербурге	384
39. Московские князья Юсуповы. Репродукции из Юсуповского дворца в Санкт-Петербурге	385 — 387

Часть III

40. Изображение святого Христофора в византийском храме на острове Родос.
Иллюстрация из журнала "Курьер ЮНЕСКО" 417
41. Иллюстрация из книги М.Аджи "Европа, тюрки, Великая степь" (изд-во "Мысль", 1998 г.), указывающая на единую антропологическую традицию обитателей Великой степи.
Вверху — портрет народного писателя Карачаево-Черкесии Суюна Капаева. Гунн из Кенкола (реконструкция М. Герасимова). М.Кутузов. 438
42. Таинственные рисунки в горах Алтая — возможно, изображения священнослужителей, а может быть, напоминания о небесных пришельцах.
Илл. из книги М.Аджи "Европа, тюрки, Великая степь" . . . 443
43. Загадочный идол X века, найденный на реке Збруч. Иллюстрация из книги Н.В.Водовозова
"История древнерусской литературы"
(изд-во "Просвещение", 1966 г.) 452
44. Святослав с семейством (древняя миниатюра).
Иллюстрация из книги Н.В.Водовозова
"История древнерусской литературы"
(изд-во "Просвещение", 1966 г.) 461
45. Аттила — вождь гуннов, герой европейской истории 472
46. Доктор исторических наук Рамазан Керейтов 479
47. Почетный председатель ногайского общества "Бирлик"
Бальбек Кельдасов и известный ногайский художник Юрий Карасов 481
48. О.Сулейменов делает доклад на IX съезде писателей Казахстана (1986 г.)
Фото О.Исаева. 489
49. Приход ногайских послов к Ивану Грозному
и карта Ногайской Орды (на 3-й и 4-й стороне обложки)

СОДЕРЖАНИЕ

Часть I. Язык — факел жизни

Глава 1. Долина Ажитогай	13
Глава 2. Волчий вой над курганами	27
Глава 3. Язык — факел жизни	48
Глава 4. Тень на кургане	73
Глава 5. Есть выход. Входа нет	84
Глава 6. Великий шаман Шумера	98
Глава 7. Небесная причёска	118
Глава 8. Если ты человек, то скажи свое имя	126
Глава 9. Гадкие утята	143

Часть II. Высокая месть

Глава 10. "Для тех, кто понимает"	180
Глава 11. Пусть прочтёт великий народ	219
Глава 12. У него была удача	244
Глава 13. Загадки мирового древа	290
Глава 14. По Млечному пути, в стан половецкий	310
Глава 15. Каракорумский детектив	336
Глава 16. Ветер истории	366
Глава 17. "Дань уважения прошедшему и поощрение будущему"	378

Часть III. "Расскажет изваяние грудастое"

Глава 18. Круг земной: возвращение асов	419
Глава 19. Поиск поиска	442
Глава 20. Гуннская мозаика	464
Глава 21. Половецкое прочтение "Слова о полку Игореве"	483
Глава 22. Вместо заключения	504

Список иллюстраций	514
------------------------------	-----

Иса Суюнович Капаев

БЕССМЕРТНАЯ СМЕРТЬ

Историческое эссе

Подписано в печать 12.04.04.

Формат 84x108 ¹/₃₂. Гарнитура Время.

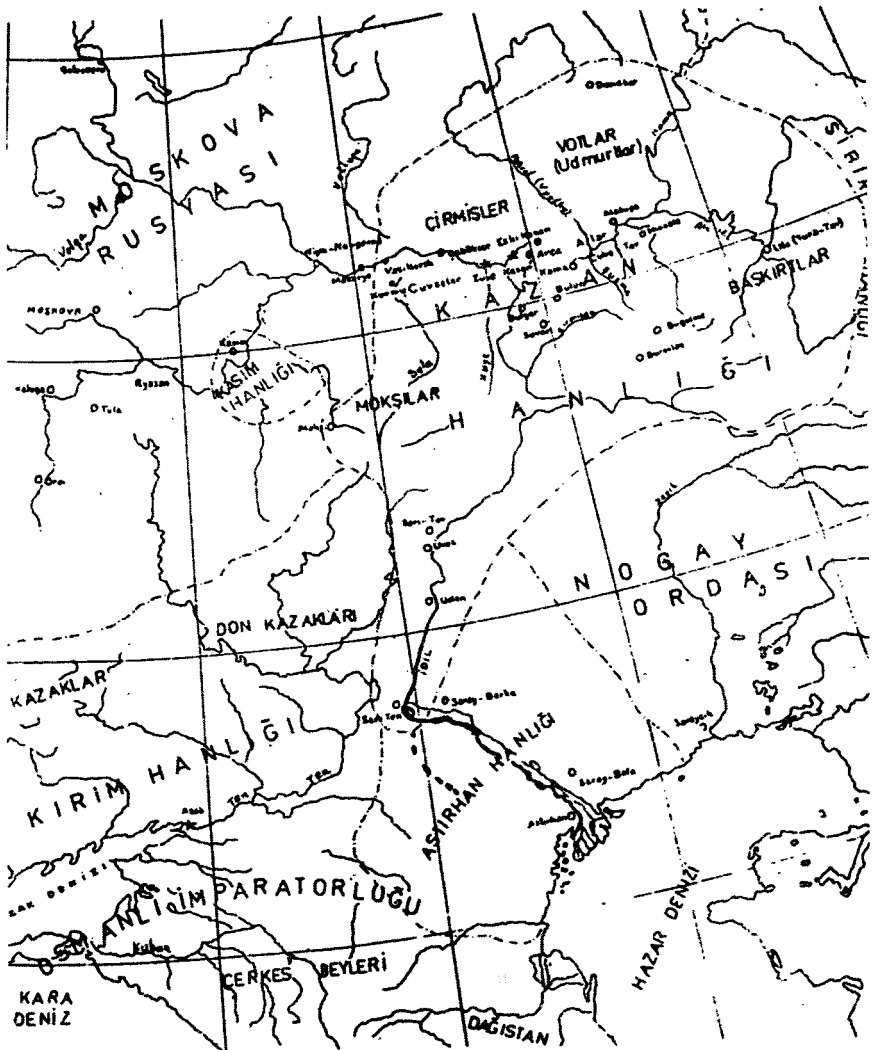
Печать офсетная. Усл. печ. л. 27,3.

Тираж 1000 экз. Заказ № 437.

Отпечатано с готового оригинал-макета
на Федеральном государственном унитарном предприятии
«Издательско-полиграфическая фирма «Ставрополь».
355000, г. Ставрополь, ул. Спартака, 8.

Приход ногайских послов к Ивану Грозному.
Никоновская летопись.

NOGAY ORDASI (DEVLETİ)

ve KOMŞULARI